

Stephen King

Rose Madder

LITRU.RU

Это история Роуз Дэниэлс. Женщины, которая покончила с безумным, кошмарным браком, уехала в другой город, обрела новую судьбу и поверила в чудеса...

Только вот она не знала о том, что думает по этому поводу ее муж — полицейский Норман Дэниэлс. Забыла поговорить с ним начистоту.

- [Стивен Кинг](#)
- [ПРОЛОГ](#)
- [I. ОДНА КАПЛЯ КРОВИ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [II. ДОБРОТА НЕЗНАКОМЦЕВ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [III. ПРОВИДЕНИЕ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
- [IV. СИЯЮЩИЙ ЛУЧ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [V. СВЕРЧКИ](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [VI. ХРАМ БЫКА](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [VII. ПИКНИК](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- 16
- VIII. VIVA EL TORO[2]
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
- IX. «Я ПЛАЧУ»
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
- X. РОЗИ НАСТОЯЩАЯ
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
- ЭПИЛОГ
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Стивен Кинг

Мареновая роза

Книга посвящается Джоан Маркс

На самом деле я — Розы,
Я — Розы Настоящая.
Советую поверить мне,
Со мною шутки плохи...

Морис Сендак

Кровавый яичный желток.
Тлеющая дыра расползается по простыне,
Разъяренная роза грозит распуститься.

Мэй Свенсон

Она сидит в углу и пытается дышать в комнате, где всего несколько минут назад было так много воздуха, а теперь его не стало совсем. На удалении, кажущемся бесконечным, она слышит тонкий шипящий звук и понимает, что это воздух, проходящий через горло в легкие и затем возвращающийся назад в виде коротких лихорадочных вздохов, но ощущение, что она тонет прямо здесь, в углу собственной гостиной, не исчезает. Она, не отрываясь, смотрит на разорванные останки книги в мягкой обложке, которую читала, когда вернулся домой муж.

Впрочем, ей наплевать. Боль слишком сильна, чтобы волноваться из-за таких мелочей, как дыхание: как отсутствие кислорода в воздухе, которым она пытается дышать. Боль поглотила ее целиком, подобно тому, как кит, согласно Святому писанию, проглотил святого Иону, не желавшего брать в руки оружие. Она пульсирует, как отравленное солнце, засевшее глубоко в ее теле, в самой середине, в месте, где до сего дня было лишь спокойное ощущение зарождающейся новой жизни.

Память подсказывает, что до сих пор ей не доводилось испытывать боль, подобную этой — даже тогда, когда в тринадцатилетнем возрасте она резко повернула руль велосипеда, чтобы не провалиться в открытый канализационный люк, и упала, ударившись головой об асфальт и заработав рану длиной ровно в одиннадцать швов. От того падения остались яркие воспоминания о серебристой вспышке боли, за которой последовало усеянное звездочками темное удивление, оказавшееся на самом деле короткой потерей сознания... но та боль не шла ни в какое сравнение с теперешней. Это какая-то агония. Рука, прижатая к животу, ощущала прикосновение к плоти, больше не похожей на плоть; казалось, что ей вспороли живот сверху донизу и заменили живой растущий плод раскаленным камнем.

«О Господи, пожалуйста, — думает она. — Умоляю тебя, сделай так, чтобы с ребенком все было в порядке».

Но сейчас, когда дышать стало чуть-чуть легче, она начинает понимать, что с ребенком *не* все в порядке, что, по крайней мере, об этом-то он позаботился. Когда находишься на четвертом месяце беременности, ребенок представляется скорее частью тебя самой, нежели чем-то отдельным, а когда сидишь в углу и к твоим потным щекам прилипли пряди мокрых волос, а внутри такое ощущение, будто ты проглотила горячий обломок скалы...

Кто-то или что-то — запечатлевает зловещие скользкие поцелуи на внутренней стороне ее бедер.

— Нет, — шепчет она. — *Нет*. О Господи, умоляю тебя, Господи, милый Боже, Господи, умоляю тебя, *нет*.

«Пусть это будет пот. Пусть это будет пот... или, возможно, я обмочилась. Да, скорее всего, так оно и есть. Мне было так больно после того, как он ударил меня в третий раз, что я обмочилась, даже не заметив. Все верно».

Только это не пот, и на самом деле она не обмочилась. Это кровь. Она сидит в углу гостиной, глядя безмолвно на четвертованную книжку, часть которой валяется на диване, часть под кофейным столиком, и ее чрево готовится извергнуть плод, который вынашивало до этого вечера без малейших жалоб и каких-либо проблем.

— *Нет*, — стонет она, — *нет*, Господи, прошу тебя, пожалуйста, скажи «нет».

Она видит тень своего мужа, искаженную и вытянутую, как соломенное чучело или тень висельника, танцующую и дергающуюся на стене за проемом двери, ведущей из гостиной в кухню. Она видит другие тени: телефонная трубка, прижатая к уху, длинный, скрутившийся в штопор шнур. Она даже видит, как его пальцы перебирают завитушки шнура, распрямляют их, зажимают на мгновение и затем отпускают, и телефонный шнур снова закручивается в спираль, словно не в силах сопротивляться плохой привычке.

Сначала она думает, что он звонит в полицию, Смешно, конечно, ведь он *сам* полицейский.

— Да-да, это срочный вызов, — говорит муж в трубку, — Хватит морочить мне голову, красавица, она беременна. — Он сосредоточенно слушает, пропуская колечки телефонного шнура сквозь пальцы, а когда снова начинает говорить, в голосе слышатся едва заметные нотки раздражения. Однако этого слабого раздражения достаточно, чтобы ее наполнило чувство нового ужаса, а во рту появился стальной привкус. Кто осмелится сердить его, перечить ему? Неужели найдется хоть один человек, способный на это? Только не тот, кто его знает, особенно с той стороны, с которой знает его она. — Ну *конечно*, я не буду трогать ее с места, неужто вы принимаете меня за полного идиота?

Ее пальцы заползают под платье и карабкаются вверх по бедру к промокшей горячей материи трусиков. «Пожалуйста, — молит она. Сколько раз мелькнуло это слово в ее голове с того момента, когда он вырвал из ее рук книжку? Она не знает, она просто повторяет его снова и снова. — Пожалуйста, пусть жидкость на пальцах окажется чистой. Пожалуйста, Господи. Пожалуйста, пусть она будет чистой».

Но когда она извлекает руку из-под платья и поднимает ее к глазам, то видит, что кончики пальцев красные от крови. Она смотрит на них, и в этот момент по всему телу лезвием бензопилы пробегает удушающий спазм. Ей приходится стиснуть зубы, чтобы сдержать крик. Она знает, что кричать в этом доме не стоит.

— Да плевать мне на всю эту чертовщину, просто пришлите сюда машину! Да побыстрее!

Он с грохотом швыряет телефонную трубку на рычаг. Его тень увеличивается, качается, слегка подпрыгивая на стене, а затем он появляется в дверном проеме и останавливается, глядя на нее. Его румяное красивое лицо абсолютно спокойно. Глаза на этом лице столь же бесчувственны, как осколки стекла на обочине пыльной сельской дороги.

— Нет, вы только посмотрите, — говорит он, разводя руки в стороны и затем снова роняя их со слабым хлопком, — Вы только посмотрите на этот беспорядок.

Она протягивает к нему руку, показывая окровавленные кончики пальцев, — на большее она не отваживается, чтобы не подумал, будто она обвиняет его.

— Я знаю, — произносит он, словно понимание все объясняет, словно благодаря его пониманию все случившееся обростает разумным, рациональным контекстом.

Повернувшись, он смотрит на расчлененную книжку. Подбирает кусок с дивана, потом наклоняется и достает второй из-под кофейного столика. Когда он выпрямляется, перед ее глазами мелькает обложка с изображенной на ней женщиной в белом сарафане, стоящей на носу корабля. Ветер мелодраматично развеивает ее рыжие волосы за спиной, обнажая сливочные плечи. Название — «Несчастное путешествие» — выдавлено ярко-красными блестящими буквами.

— *Вот* откуда начинаются все неприятности, — говорит он и замахивается на нее останками книги, как хозяин замахивается свернутой в трубочку газетой на щенка, напустившего лужу на ковре. — Сколько раз говорил я тебе, что мне такое дерьмо не нравится!

Правильный ответ — ни *одного*. Она знает, что точно так же могла оказаться здесь, в углу, съездившаяся и ожидающая выкидыша, если бы он, вернувшись домой, увидел, что она смотрит телевизор или пришивает пуговицу на одной из его многочисленных рубашек, или просто

дремлет на кушетке. Для него настали нелегкие времена, женщина по имени Уэнди Ярроу причиняла ему массу хлопот, а Норман всегда, когда на него сваливаются беды и заботы, старается переложить их тяжесть на чужие плечи. «Сколько раз я повторял тебе, что мне такое дерьмо не нравится!» — закричал бы он, причем совершенно неважно, что в данном случае выступало бы в роли дерьма. А потом, перед тем, как начать работать кулаками, добавил бы: «Я хочу поговорить с тобой, дорогая. Подойди ко мне поближе».

— Неужели ты не понимаешь? — шепчет она. — Я теряю ребенка.

Невероятно, но он улыбается.

— Забеременеешь еще раз, — говорит он. Таким же тоном он мог бы утешать малыша, уронившего мороженое. Затем уносит разорванную книгу на кухню, где, вне всякого сомнения, швырнет ее в мусорное ведро.

«Сволочь» — думает она, не осознавая собственных мыслей. Ее тело снова охватывает спазм, в этот раз не одиночный, а состоящий из целой серии; такое ощущение, что в нее вгрызаются хищные насекомые, она откидывает голову далеко назад и вжимается в угол, чтобы не закричать. С губ срывается стон. — «Сволочь, как я тебя ненавижу».

Он снова появляется в дверном проеме и направляется к ней. Она упирается в пол ногами, стараясь отползти еще дальше, врасти в стену, глядя на него безумными глазами. В какое-то мгновение она решает, что Норман собирается убить ее или же украсть ребенка, которого так давно хотела, но, скорее, именно убить. В его походке, во всем виде — нечто нечеловеческое. Он приближается к ней, опустив голову, свесив длинные руки, мышцы вздуваются на бедрах. Это сейчас дети называют людей вроде ее мужа психами, раньше они использовали другое словечко, и именно это слово приходит ей на ум, когда он надвигается на нее, идет через комнату, опустив голову, свесив длинные мясистые руки, которые болтаются, как маятники, потому что как раз так и выглядит — бык.

Она стонет, трясет головой, упирается ногами в пол, стараясь отползти. Одна туфля соскакивает с ноги и остается лежать на боку. Она чувствует новый приступ боли, судороги впиваются в нее острыми крючьями, как старые якоря, Роза чувствует, как усиливается кровотечение, но не может совладать с собой и изо всех сил упирается ногами в пол. Когда на мужа находит, она не видит в нем ничего, кроме некой странной и ужасной отстраненности.

Он останавливается, устало и неодобрительно качая головой. Затем приседает на корточки и сует руки под нее.

— Не бойся, я тебя не обижу, — успокаивает он, опускаясь на колени и поднимая с пола. — Не изображай трусиху.

— Кровь, — шепчет она, вспоминая, что во время разговора по телефону он заверял того, с кем беседовал, что не будет ее трогать с места, конечно, не будет.

— Да, я знаю, — откликается он, но без всякого интереса. Затем оглядывает комнату, решая, где же должен был произойти несчастный случай, — она знает все его мысли так же точно, как если бы он рассуждал вслух, — Ничего страшного, перестанет. Сейчас приедет скорая, и врачи остановят кровотечение.

«Но смогут ли они предотвратить выкидыш?» — мысленно кричит она, и ей не приходит в голову, что если она может читать его мысли, то и он, вероятно, обладает той же способностью. Роза не замечает, как он изучающе глядит на нее. И снова, в который раз она позволяет себе услышать следующую мысль. — «Я ненавижу тебя. Ненавижу».

Он несет ее в противоположный конец комнаты к лестнице, ведущей на второй этаж дома. Опускается на колени и усаживает у начала лестницы.

— Тебе удобно? — сочувственно интересуется он. Она закрывает глаза. Она больше не может смотреть на него, по крайней мере, сейчас. И чувствует, что вот-вот сойдет с ума.

— Ну и хорошо, — говорит он, словно жена ответила на его вопрос, и когда она снова открывает глаза, то видит, что он, как с ним нередко бывает, опять в состоянии полной отстраненности. Как будто разум его вдруг улетучился, оставив тело.

«Будь у меня нож, я бы его зарезала», — думает она... и опять это не та мысль, которую она позволяет себе услышать хоть краешком мозга, а тем более задуматься над нею. Это лишь глубокое эхо, возможно, лишь отголосок безумия ее мужа, такой же тихий, как взмах крыла летучей мыши в темной пещере.

Внезапно его лицо снова оживает, и он встает; колени издают слабый хруст. Опускает взгляд на рубашку, проверяя, не осталось ли на ней следов крови. Рубашка чиста. Смотрит в угол, откуда унес ее. Там *есть* кровь, несколько четких круглых капель и размазанных пятен. Она чувствует, что кровь продолжает течь, теперь уже сильнее и быстрее; чувствует, как кровь заливает ее и пропитывает нездоровым теплом, которое почему-то кажется жадным. Кровь *хлещет*, словно желая вынести с собой чужака, поселившегося в крошечной квартирке ее чрева. У нее возникает ощущение — Господи, до чего же кошмарная мысль! — что даже ее собственная кровь взяла сторону мужа... как бы безумно это ни выглядело.

Он снова скрывается в кухне и не возвращается в гостиную примерно пять минут. Она слышит, как он переходит с места на место и передвигает предметы. В этот момент происходит выкидыш; боль вспыхивает ярким горящим крестом, а затем резко ослабевает, словно выходя с потоком булькающей жидкости, которую не только ощущает, но и слышит. Неожиданно ей кажется, что она сидит в ванне с горячей вязкой жидкостью. Словно в кровавой подливке.

Его вытянутая тень снова появляется в проеме двери. Он открывает холодильник, закрывает его, затем распаивается и захлопывается дверца шкафа (по слабому скрипу она понимает, что это шкаф под раковиной). Слышен шум бегущей в раковину воды, потом он начинает напевать — кажется, это «Когда мужчина любит женщину», — в тот миг, когда из нее выходит нерожденный ребенок.

Норман снова вырастает в дверном проеме, и она видит, что он держит в руке бутерброд — ну конечно, ведь до сих пор не ужинал и, должно быть, голоден, — а в другой сжимает влажную тряпку из корзины в шкафу под раковиной. Приседает в углу, куда она заползла после того, как муж вырвал у нее из рук книжку, а потом нанес три коротких жестких удара в живот — *бах, бах, бах*, прощай, чужак, — и начинает вытирать размазанные пятна и капли крови: почти вся кровь и все остальные следы будут здесь, у основания лестницы, именно там, где надо.

Пережевывая бутерброд, вытирает кровь. Ей кажется, что между двумя ломтиками хлеба лежит оставшийся со вчерашнего дня кусок жареной свинины, которую она собиралась разогреть в субботу вечером с вермишелью, — приготовить что-то легкое, чем могли бы поужинать, сидя перед телевизором и слушая вечерние новости.

Он глядит на ковер, окрашенный в бледный розовый цвет, затем внимательно смотрит в угол, потом снова переводит взгляд на ковер. Удовлетворенно кивает головой, впивается в бутерброд, откусывая огромный кусок, и встает. Когда снова возвращается из кухни, ее ушей достигает слабый вой сирены приближающейся машины скорой помощи. Наверное, скорая едет по его вызову.

Пересекая комнату, опускается перед ней на колени, берет за руки. Он хмурится, ощущая холод ее ладоней, и принимается мягко растирать их. Затем говорит:

— Мне жаль. Просто... со мной сейчас происходят всякие неприятности... эта сука из мотеля.

И замолкает, на мгновение отводит взгляд, затем снова смотрит на нее. На его лице играет странная удрученная улыбка. «Вы только посмотрите, перед кем мне приходится оправдываться, — говорит ей эта улыбка, — До чего же я докатился, о-хо-хо!»

— Ребенок, — шепчет она. — Ребенок.

Он сжимает ее ладони, сдавливая их так сильно, что становится больно.

— Да погоди ты со своим ребенком, послушай меня. Они появятся через минуту или две. — Да, скорая помощь уже совсем близко, сирена оглашает во все темные окрестности, словно взбесившаяся гончая. — Ты спускалась по лестнице и поскользнулась на ступеньке. Ты упала. Понимаешь?

Она смотрит на него, не произнося ни слова. Боль внутри затихает, и когда он снова сдавливает ее ладони, — крепче, чем раньше, — чувствует сильную боль и вскрикивает.

— Ты меня понимаешь?

Рози глядит в его мрачные пустые глаза и кивает головой. Вокруг нее поднимается невыразительный запах соленой морской воды и меди. Теперь ей не кажется, что она в ванне, наполненной кровавым соусом, — теперь ощущение, будто сидит в луже смешанных химических растворов.

— Вот и славно, — произносит он, — Ты же знаешь, что случится, если сболтнешь лишнее?

Она кивает.

— Тогда скажи. Будет хорошо, если ты сама произнесешь это вслух. Так надежнее.

— Ты меня убьешь.

Он с довольным видом кивает. Выглядит, как учитель, получивший вразумительный ответ на сложную математическую задачу от слабого ученика.

— Молодец. Ты все правильно понимаешь. И не забывай, я растяну удовольствие. Прежде чем закончу то, что случилось сегодня вечером. И это покажется тебе сущим пустяком, вроде царапины на пальце.

Снаружи алый свет пульсирует на подъездной дорожке к дому.

Норман сует в рот последний кусок бутерброда и медленно поднимается с колен. Он пойдет к двери, чтобы впустить санитаров — озабоченный муж, беременная жена которого упала с лестницы. Ужасный несчастный случай. Но прежде, чем он успеваает удалиться, она хватается за рукав рубашки. Он смотрит на нее сверху вниз.

— Но почему? — шепчет она. — При чем тут ребенок, Норман?

На мгновение она замечает на его лице выражение, которое не сразу улавливает, — оно смахивает на страх. Но с чего бы ему вдруг бояться ее? Или ребенка?

— Произошел несчастный случай, — повторяет он. — Ничего больше, всего лишь несчастный случай. Так получилось. Я здесь ни при чем. И в твоих же интересах, чтобы все так и выглядело, когда они будут расспрашивать тебя. Да поможет тебе Бог.

«Да поможет мне Бог», — думает она. Снаружи хлопает калитка; она слышит топот бегущих ног по дорожке и жесткий металлический лязг носилок на колесах. Сейчас ее унесут и уложат под сирену. Он в последний раз поворачивается к ней, наклонив по-бычьей голову, и глядит потемневшими глазами.

— Родишь другого ребенка, и такое не повторится. Со следующим все будет в порядке. Ты родишь девочку. Или, может быть, милого маленького мальчика. Пол не имеет значения, ты согласна? Если родишь мальчика, мы купим ему маленькую бейсбольную форму. Если девочку... — Он делает неопределенный жест. — Наверное, чепчик или еще что-нибудь. Вот увидишь. Так и будет. — Он улыбается, и от этой улыбки вдруг хочется кричать. Словно она увидела, как расплываются в усмешке синие губы лежащего в гробу покойника. — Если ты не станешь злить меня, все будет прекрасно. Намотай это себе на ус, милая.

Затем он открывает дверь и выпускает в дом санитаров скорой помощи, говоря им, чтобы поторопились, что жена истекает кровью. Она закрывает глаза и слышит, как они приближаются к ней; не желает дать им возможность заглянуть в нее, старается сделать так, чтобы их голоса

звучали вдали.

«Не волнуйся, Роуз, не переживай, это сущий пустяк, всего лишь недоразвитый зародыш, ты можешь родить другого ребенка».

Игла впивается в руку, затем ее поднимают с пола. Не открывая глаз, она думает: «Что ж, наверное, все действительно в полном порядке. Пожалуй, я *могу* родить другого ребенка. Родить, а потом увезти его туда, куда он не доберется. Куда не дотянутся руки убийцы».

Но проходит время, и желание покинуть мужа — ни разу не высказанное вслух и даже не произнесенное мысленно — постепенно ослабевает, ускользая вместе с восприятием реального бодрствующего мира. Она погружается в сон; постепенно не остается ничего, кроме мира сновидений и грез, — сновидений, похожих на те, какие видела в детстве, когда ей снилось, что бежала, бежала, не разбирая дороги, словно в лесу или тенистом лабиринте, слыша за спиной топот копыт неведомого огромного животного, страшного дикого существа, которое приближалось, догоняло и в конце концов настигало, сколько бы раз она ни поворачивала, как бы ни старалась уклониться или спрятаться.

Сновидения осознаются только бодрствующим мозгом, но для спящего не существует пробуждения, нет настоящего реального мира, нет разума; есть лишь кричащий бедлам сна. Роуз Макклendon Дэниэлс проспала в безумии собственного мужа еще девять лет.

I. ОДНА КАПЛЯ КРОВИ

Если взглянуть со стороны, это были четырнадцать лет сплошного ада, но она едва ли осознавала это. Большую часть прошедших лет прожила словно в туманном оцепенении — настолько плотном, что походило на смерть, и довольно часто у нее создавалось убеждение, что реальности, по сути, не существует, что в один прекрасный день она проснется, красиво зевая и потягиваясь, как героиня мультфильма Уолта Диснея. Уверенность возникала обычно после того, как он бил ее так сильно, что приходилось отлеживаться в постели, чтобы прийти в себя. Подобное происходило раза три или четыре в год. В восемьдесят пятом — в тот год, когда ему досадила Уэнди Ярроу, когда получил официальный выговор, а у нее произошел выкидыш — избиения повторялись почти ежемесячно. В сентябре ей пришлось во второй и последний раз посетить больницу после полученных от Нормана побоев, но, по крайней мере, до сих пор тот визит оставался последним. Она начала харкать кровью. Он три дня не пускал ее, надеясь, что кровь исчезнет сама собой, но кровохарканье лишь усилилось. Тогда он сказал, что она должна говорить (он *всегда* объяснял, что она должна говорить), и отвез в больницу Святой Марии. Отвез в больницу Святой Марии, потому что скорая помощь после «выкидыша» доставила ее в центральную городскую больницу. Как выяснилось, у нее оказалось сломано ребро, которое воткнулось в легкие. Во второй раз за три месяца она повторила историю падения с лестницы и подумала, что ей не поверил даже интерн, который присутствовал при осмотре и наблюдал за лечением, однако никто не стал задавать неприятных вопросов: просто привели ее в относительный порядок и отправили домой. Норман, однако, понял, что ему повезло, и с тех пор проявлял большую осмотрительность.

Иногда по ночам, когда она валялась в кровати, засыпая, в ее голове мелькали странные образы, проносясь, как кометы по небу. Чаще всего представлялся кулак мужа, огромный кулак с кровью, засохшей на костяшках пальцев и размазанной на выпуклом золоте кольца, полученном им вместе с дипломом об окончании Полицейской академии. Иногда по утрам она обнаруживала отпечатки выгравированных на кольце слов «Служба, верность, общество» у себя на животе или на нежной коже груди. Они напоминали синий штамп службы санитарного надзора, который часто можно увидеть в магазине на кусках свинины или вырезке.

Когда возникали эти образы, она всегда пребывала на грани отключения сознания, расслабленная и обмякшая. Потом перед закрытыми глазами появлялся приближающийся кулак, и она, вздрагивая, просыпалась и лежала, дрожа, в темноте рядом с мужем, надеясь, что он спит, что не повернется и не ударит кулаком в живот или бедро за то, что его потревожила.

Она погрузилась в ад в восемнадцатилетнем возрасте и пробудилась от кошмарного сна через месяц после своего тридцать второго дня рождения, спустя почти полжизни. А пробудила ее одна-единственная капля крови размером с десятицентовую монетку.

Она заметила ее, когда застилала постель. Капля находилась в верхней части пододеяльника, совсем рядом от того места, где лежит подушка, когда кровать застелена. Собственно, она могла легко передвинуть подушку на несколько дюймов влево и накрыть каплю, которая высохла до отвратительного темно-бордового цвета. Она увидела, как легко это было бы сделать, и на мгновение ощутила соблазн поступить именно так, в основном из-за того, что не могла поменять пододеяльник: чистых белых комплектов постельного белья у нее не осталось, а если заменит белый пододеяльник, на котором красовалось высохшее пятно крови, на пододеяльник с цветочным узором, придется менять и простыню. Иначе он, скорее всего, разозлится.

«Нет, вы только посмотрите, — представила она его реплику. — Проклятое белье даже не сочетается по цвету — сверху в цветочек, снизу белое. Господи, ну почему ты такая ленивая? Подойди ко мне поближе, я хочу поговорить с тобой».

Она стояла у своей половины кровати в столбе яркого весеннего солнечного света, ленивая неряшливая женщина средних лет, которая проводила дни напролет, вылизывая маленький дом до блеска (единственный размазанный в уголке зеркала в ванной отпечаток пальца мог привести к побоям) и ломая голову над тем, что приготовить ему на ужин, — стояла у кровати и смотрела на крошечную капельку крови на пододеяльнике, и ее лицо настолько обмякло и помертвело, что посторонний счел бы умственно неполноценной.

«Черт возьми, — подумала она, — мне казалось, что кровотечения из носа прекратились. Я была уверена, что они прекратились».

Муж не часто бил ее по лицу, для этого он был слишком умен. Мордобой — нечто из репертуара пьяных придурков, которых он арестовал, наверное, несколько сотен за свою карьеру полицейского, а потом городского детектива. Если вы начинаете бить кого-то — жену, например, — в лицо слишком часто, через некоторое время побасенки о падении с лестницы или столкновении с дверью ванной комнаты в середине ночи, или валявшихся в траве за домом граблях перестают срабатывать. Люди понимают. Люди говорят. И, в конце концов, у вас возникают неприятности, даже если женщина держит язык за зубами, потому что времена, когда никто посторонний не смел совать нос в ваши личные дела, давно прошли.

Но ничто из подобных рассуждений, однако, не могло остудить его взрывной темперамент. Характер у Нормана был плохой, *очень* плохой, и подчас он срывался. Именно это и случилось накануне вечером, когда она принесла второй стакан чая со льдом и случайно пролила немного ему на руку. Короткий замах, и кровь из носа полилась, как фонтан из дырявой водопроводной трубы. Он даже не успел понять, что ударил ее. Кровь залила ей рот и подбородок, и она увидела отвращение на его лице, которое затем сменилось выражением озабоченности: что если нос сломан? Это будет означать еще один поход в больницу. На миг ей показалось, что ее ожидает очередное безжалостное избиение, одно из тех, после которых она забивается в угол, задыхаясь и корчась от боли, и пытается набрать в легкие достаточное количество воздуха, чтобы стошнило. В подол собственного платья. Всегда в фартук или в подол. В этом доме нельзя плакать, здесь нельзя выражать несогласие, и уж, конечно, ни в коем случае не позволено пачкать пол рвотой или чем-нибудь другим — то есть в том случае, если вы хотите сохранить голову на плечах.

Затем его острое, никогда не дремлющее чувство самосохранения взяло верх, он принес ей горсть ледяных кубиков, завернутых в кухонное полотенце, и увел в гостиную, где она улеглась на кушетку, прижав импровизированную ледяную примочку между слезящимися глазами. Он

сказал ей, что именно сюда нужно прикладывать лед, чтобы нос не распухал, и если необходимо срочно остановить кровь. Разумеется, больше всего его беспокоило первое. Завтра ей предстояло выйти в город за продуктами, а распухший нос — это не синяк под глазом, который можно прикрыть большими солнцезащитными очками.

Он вернулся к ужину — отваренному на пару люциану с жареным молодым картофелем.

Как показал короткий взгляд в зеркало сегодняшним утром, нос действительно почти не распух (он уже подверг ее тщательному осмотру, после чего равнодушным кивком выпроводил из комнаты, допил чашку кофе и уехал на работу), а кровотечение прекратилось минут через пятнадцать после того, как приложила лед, она была уверена, что кровотечение прекратилось. Но где-то в середине ночи, пока спала, одна-единственная предательская капелька крови выползла из ее носа и оставила это пятнышко, которое означало, что придется снимать белье, застеленное только вчера, и заменять его новым, несмотря на ноющую боль в спине. В такие дни спина всегда болела, даже небольшие наклоны давались с трудом, даже легкие предметы превращались в неподъемный груз. Спина являлась одной из его любимых точек. В отличие от того, что он называл «мордобоем», бить кого-то в спину не опасно, в том случае, разумеется, если тот, кого бьют, умеет держать язык за зубами. Норман обрабатывал ее почки четырнадцать лет, и следы крови, которые она все чаще и чаще обнаруживала в моче, перестали удивлять или беспокоить ее. Они превратились всего лишь еще в одну неотъемлемую составную часть замужества, не более. Наверное, миллионам женщин приходится гораздо хуже. Тысячам в одном только их городе. Так, во всяком случае, считала она до настоящего момента.

Она глядела на капельку крови на пододеяльнике, чувствуя, как в голове начинает пульсировать непривычное озлобление, чувствуя что-то еще, легкое игольно-булавочное покалывание кожи, не осознавая, что такие ощущения испытывает человек, пробудившийся после долгого сна.

У ее половины кровати стояло кресло-качалка из гнутого дерева. Она почему-то всегда называла его в мыслях креслом Винни-Пуха, не зная, откуда взялось это название. Она отступила на шаг назад, к креслу, не сводя глаз с крошечного пятнышка крови, испачкавшей белоснежный пододеяльник, и села. Просидела в кресле Виини-Пуха минут пять и вдруг подпрыгнула от нарушившего тишину в комнате голоса, не сообразив, что это ее же собственный голос.

— Если так будет продолжаться и дальше, он убьет меня, — произнесла она, и, преодолев мимолетное оцепенение, подумала, что вращается в капельке крови — крошечной частичке себя, но уже умершей, — капле крови, которая тайком выползла среди ночи из носа и умерла здесь, на постели.

Появившийся неведомо откуда ответ прозвучал в голове и оказался гораздо ужаснее, чем то предположение, которое она высказала вслух.

«А что, если не убьет? Ты когда-нибудь задумывалась над этим? Он ведь может и не убить тебя».

Конечно же, она *никогда* об этом не думала. Мысль о том, что в один прекрасный день он ударит ее слишком сильно или попадет не в то место, приходила ей в голову, но только она не представляла, что может *выжить*.

Зуд в мышцах и суставах усилился. Обычно она просто сидела в кресле Винни-Пуха, сложив руки на коленях, и смотрела через дверь ванной на свое отражение в зеркале, но сегодня она начала раскачиваться, толкая кресло короткими порывистыми движениями. Чувствовала, что *должна* раскачиваться, зуд и покалывание в мышцах *требовали*, чтобы она раскачивалась. Последнее, что ей хотелось бы сейчас — это смотреть в зеркало на свое отражение и радоваться, что припухлость носа почти незаметна.

«Подойди ко мне поближе, дорогая. Я хочу поговорить с тобой».

Четырнадцать лет такой жизни. Сто шестьдесят месяцев такой жизни, начавшейся с момента, когда он дернул за волосы и впился зубами в плечо за то, что вечером после церемонии бракосочетания слишком сильно хлопнула дверью. Один выкидыш. Одно сломанное ребро. Одно почти пробитое легкое. Тот ужас, который он сотворил с ней с помощью теннисной ракетки. Старые отметины, разбросанные по всему телу, которых не видно под одеждой. Большею частью следы укусов. Норман обожал кусаться. Сначала она старалась убедить себя, что укусы составляют часть любовной прелюдии. Даже странно думать: что когда-то она была такой юной и наивной. «Иди-ка ко мне — я хочу поговорить с тобой начистоту».

Внезапно она поняла, чем вызван зуд, который теперь распространился по всему телу. Она чувствовала злость, охватывающую *ярость*, и вслед за пониманием пришло удивление.

«Убирайся отсюда, — неожиданно посоветовала потаенная часть сознания. — Убирайся прямо сейчас; сию же минуту. Не задерживайся даже для того, чтобы пройтись расческой по волосам. Просто уходи».

— Но это же смешно, — произнесла она вслух: все быстрее и быстрее раскачиваясь в кресле Винни-Пуха. Капелька крови на пододеяльнике прожигала ей глаза. Отсюда она походила на точку под восклицательным знаком. — Это же смешно. Куда мне податься?

«Куда угодно, лишь бы подальше от него, — парировал внутренний голос, — Но ты должна сделать это немедленно, пока...»

Пока что?

«Ну, на этот вопрос ответить несложно. Пока не уснула снова».

Часть ее сознания — привыкшая ко всему, забитая часть — вдруг поняла, что она вполне серьезно обдумывает эту мысль, и протестующе завопила в испуге. Оставить дом, в котором прожила четырнадцать лет? Дом, где, стоит только протянуть руку, найдет все, что душа пожелает? Бросить мужа, который пусть даже слегка вспыльчивый и скорый на кулачную расправу, всегда оставался прекрасным добытчиком? Нет, это действительно смешно. Она не должна даже в шутку мечтать о подобном. Забыть, немедленно забыть!

И она могла бы выкинуть сумасбродные мысли из головы, *наверняка* именно так и поступила бы, если бы не капля крови на пододеяльнике. Единственная темно-красная капля крови.

«Тогда отвернись и не смотри на нее? — нервно закричала та часть сознания, которая проявила себя с практичной и благоразумной стороны. — Ради Христа, не смотри на нее, иначе неприятностей не оберешься!»

Однако обнаружила, что не в состоянии отвести взгляд от одинокой капли крови.

Глаза уставились в одну точку, она раскачивалась все быстрее и быстрее.

Ступни ног, обутых в мягкие туфли без каблука, выстукивали по полу все убыстряющийся ритм (к этому времени зуд сосредоточился, в основном, в голове, раззадоривая мозг, нагревая ее), в мыслях мелькали обрывочные фразы: «Четырнадцать лет. Четырнадцать лет разговоров начистоту. Выкидыш. Теннисная ракетка. Три зуба, один из которых проглочен. Удары. Щипки. И укусы. Да-да, не забывай про укусы. В широком ассортименте. Огромное количество...»

«Прекрати! Это бесполезно и бессмысленно, ты только зря заводишь себя, потому что никуда не уйдешь, он обязательно догонит тебя, разыщет, привезет обратно домой, он же полицейский, сыщик, поиск людей — это как раз то, чем занимается, это то, что у него получается лучше всего...»

— Четырнадцать лет, — пробормотала она, думая теперь не о прошедших четырнадцати годах, а о следующих. Потому что другой голос, потаенный голос, был абсолютно прав. Он может не убить ее. Она может *выжить*. И на что она будет похожа после еще четырнадцати лет регулярных бесед начистоту? Не потеряет ли способности наклоняться? Будет ли у нее хоть час, хоть пятнадцать минут в день, когда почки не покажутся раскаленными камнями, захороненными в спине? Не случится ли так, что в один прекрасный день он укусит слишком сильно и повредит какой-нибудь жизненно важный нерв, отчего у нее перестанет подниматься рука или работать нога, или же омертвеет половина лица, как у несчастной миссис Даймонд, уборщицы магазина 24 у основания холма?

Рози вдруг встала — с такой резкостью, что кресло Винни-Пуха отлетело и ударилось в стену. Постояла минутку, тяжело дыша, глядя круглыми глазами на темно-коричневое пятно на пододеяльнике, потом решительно повернулась и зашагала к двери в гостиную.

«И куда это вы направляетесь? — услышала она подозрительный голос миссис Практичность-Благоразумие, которую, похоже, несколько не пугала перспектива превратиться в калеку или умереть, лишь бы не лишиться привилегии знать, на какой полке кухонного шкафа находятся пакетики чая и в каком месте под раковиной лежит половая тряпка. — Эй, погоди-ка секундочку, куда это тебя несет?»

Она накрыла голос звуконепроницаемой крышкой, сделав нечто, на что никогда не считала себя способной. Взяла со столика у кушетки сумочку и направилась к входной двери. Гостиная вдруг показалась непривычно огромной, расстояние — непреодолимым.

«Мне нельзя задумываться о будущем. Как только начну загадывать наперед, обязательно испугаюсь».

Впрочем, это, кажется, будет несложно. Во-первых, все ее поступки приобрели некую иллюзорность, свойственную галлюцинации — действительно, не могла же она в самом деле так вот запросто выйти из дому и ради минутной прихоти отказаться от брака, правда же? Наверное, это сон, так ведь? И было еще что-то: жить одним днем, не заглядывая в будущее, стало для нее привычным делом; привычка начала формироваться в ту памятную брачную ночь, когда Норман укусил ее, как собака, за то, что она хлопнула дверью.

«Ну да ладно, не можешь же ты выйти на улицу в таком виде, даже если решила прогуляться до середины квартала, чтобы охладить пыл, — посоветовала миссис Практичность-Благоразумие. — Ты могла хотя бы переодеть джинсы, в которых за милую душу видно, как растолстел твой зад. И ради Бога, проведи расческой по волосам, чтобы не напоминать пугало».

Она помедлила и на мгновение была близка к тому, чтобы отказаться от всего, даже не дойдя до входной двери. А потом увидела разумный совет в ином свете — конечно же, это замаскированная попытка удержать ее в доме. Расчетливая и очень тонкая. Ей понадобилось бы совсем немного времени, чтобы сменить джинсы на юбку или взбить волосы перед зеркалом, а потом пройтись по ним расческой, но для женщины в таком состоянии даже лишняя секунда вполне может оказаться решающей. Она задержалась бы слишком надолго.

То есть насколько долго? Для чего? Чтобы снова погрузиться в сон, разумеется. К тому моменту, когда она застегивала бы змейку на юбке, ее охватили бы серьезные сомнения, а взяв в руки расческу, она пришла бы к окончательному выводу о том, что с ней случилось легкое непродолжительное помешательство — наверное, из-за месячных в башке перегорел какой-то слабый предохранитель.

А потом она вернулась бы в спальню и занялась сменой белья на постели.

— Нет, — пробормотала она негромко. — Я не вернусь. Ни за что.

Однако, положив ладонь на дверную ручку, снова замерла.

«Гм, она проявляет признаки разума? — голосом, в котором смешались облегчение, торжество и — так ли это? — легкое разочарование, воскликнула миссис Практичность-Благоразумие. — Аллилуйя, у девочки все-таки есть голова на плечах! Лучше поздно, чем никогда!»

Торжество и облегчение сменились бессловесным ужасом, когда она быстро пересекла гостиную и подошла к камину с газовой горелкой, установленному два года назад. Того, что она искала, скорее всего, здесь не окажется, как правило, он оставлял

ее на каминной полке лишь ближе к концу месяца («Чтобы у меня не возникало лишних соблазнов», — любил повторять он), но проверить не помешает. А номер кода она знала: такой же, как номер их домашнего телефона, только с переставленными первой и последней цифрами.

«Ты ПОЖАЛЕЕШЬ! — завопила миссис Практичность-Благоразумие. — Если возьмешь что-то, что принадлежит ему, пожалеешь, и ты об этом знаешь! Тебе будет БОЛЬНО!»

— Все равно ее там нет, — пробормотала она, однако, как ни странно, обнаружила на каминной полке — ярко-зеленую кредитную карточку банка «Мерчентс» с выбитым на ней именем мужа. «Не трогай ее! Не вздумай! Не смей!» Но оказалось, что она *смеет* — и для того, чтобы собраться с силами, достаточно всего лишь представить одинокую капельку крови на пододеяльнике. Кроме того, это и *ее* карточка тоже, *ее* деньги; не об этом ли говорится в брачной клятве?

Однако дело не в деньгах, разумеется, совсем не в деньгах. Дело было в назойливом голосе миссис Практичность-Благоразумие, который следовало заглушить, выключить, дело было во внезапно вспыхнувшем желании обрести свободу, которое следовало превратить в потребность. Если она этого не сделает, ей действительно не удастся даже до середины квартала, а потом перед ее глазами предстанет картина ожидающего ее туманного, неопределенного будущего, она повернется и побежит домой, торопливо сменит постельное белье, чтобы успеть вымыть полы на первом этаже до полудня. Ведь, как ни трудно в это поверить, проснувшись утром она не думала ни о чем другом, кроме как о мытье полов.

Не обращая внимания на звучащий в воспаленном мозгу предостерегающий голос, она взяла с каминной полки кредитную банковскую карточку, опустила ее в сумочку и быстро направилась к двери.

«Не делай этого! — взвился голос миссис Практичность-Благоразумие. — Ох, Розы, за такое он не просто побьет тебя, за это он отправит тебя в больницу на долгие месяцы, может, даже убьет тебя — разве ты не понимаешь?»

Пожалуй, она сознавала тяжесть своего поступка и возможные его последствия, и все же продолжила путь, склонив голову и сутулясь, словно женщина, идущая против сильного ветра. Наверное, он избьет ее до полусмерти, или до смерти... но сначала ему придется поймать ее.

В этот раз, когда ладонь легла на дверную ручку, паузы не последовало — она тут же повернула ее, открыла дверь и вышла из дома. Стоял погожий солнечный день, каких бывает не так уж много в середине апреля, на ветках деревьев набухали почки. Ее тень, словно вырезанная острыми ножницами из черной бумаги, вытянулась по асфальтовой дорожке и бледно-зеленой

молодой траве. Она остановилась на крыльце, глубоко вдыхая весенний воздух, ощущая запах земли, которую намочил (и которой, наверное, придал сил) прошедший ночью ливень, пока она спала рядом с мужем, уткнувшись носом в высыхающую каплю крови на пододеяльнике.

«Весь мир просыпается,» — подумала она, — «не я одна».

Когда она закрывала за собой дверь, мимо дома по тротуару пробежал трусцой молодой мужчина в тренировочном костюме. Он поднял руку, приветствуя ее, и она помахала в ответ. Прислушалась, ожидая, что противный внутренний голос снова занует, выражая протест, однако тот молчал. Может быть, лишился дара речи, потрясенный хищением кредитной карточки, может его просто привела в благодушное настроение мирная прелесть апрельского утра.

— Я ухожу, — пробормотала она. — Я ухожу, честное слово, по-настоящему ухожу.

Однако еще секунду-другую не сходила с места, как животное, которое долго находилось в клетке и, обретя свободу, даже не понимает, что его выпустили. Она протянула руку и прикоснулась к двери — к двери, ведущей в ее клетку.

— Хватит, — прошептала она.

Сунув сумку под мышку, она спустилась по ступенькам крыльца и, сделав первый десяток шагов, скрылась в полосе тумана — раскинувшимся перед ней будущим.

Дюжина ступенек привела ее к месту, где бетонная тропинка от дома соединялась с тротуаром, — к месту, по которому минуту назад протрусил молодой мужчина в тренировочном костюме. Она собралась было повернуть налево, но передумала, Норман как-то сказал ей, что люди, убежденные, будто выбирают направление движения произвольно — например, заблудившиеся в лесу, — на самом деле чаще всего следуют в сторону главной, рабочей руки. Возможно, это не имело особого значения, однако она почувствовала, что хочет, чтобы он, определяя, в какую сторону Уэстморлэнд-стрит повернула она после того, как вышла из дома, ошибся даже в такой мелочи. Даже в такой мелочи.

Поэтому она повернула не налево, а направо, в направлении своей глупой руки, и зашагала по улице, спускающейся по склону холма. Она прошла мимо магазина 24, подавив мимолетное желание поднять руку и прикрыть лицо. Она уже ощущала себя

беглянкой, и жуткая мысль принялась грызть ее мозг, как крыса грызет сыр: что произойдет, если Норман вернется с работы раньше обычного и увидит ее? Что, если увидит ее, удаляющуюся от дома, одетую в джинсы и рубашку навыпуск, прижавшую локтем сумочку, с взлохмаченными волосами, которые сегодня не встречались с расческой? Без сомнения, он пожелает знать, какого дьявола ее занесло сюда в то время, когда она должна сниматься мытьем полов на первом этаже, не так ли? И он захочет, чтобы она вернулась, так ведь? Чтобы подошла к нему, подошла поближе, и он смог бы поговорить с ней начистоту.

«Это глупо. Какая неожиданная причина заставит его вернуться домой в такую рань? Он ведь уехал всего час назад. Это маловероятно».

Но... но иногда люди способны совершать самые маловероятные и труднообъяснимые поступки. Она, например, что, собственно, сама сейчас делает? А вдруг интуиция подскажет ему что-то? Сколько раз говорил он ей, что у копов после определенного срока вырабатывается «шестое чувство», помогающее им предугадывать, когда и где должно произойти что-то плохое? «Как будто тоненькая иголка вонзается тебе чуть ниже спины, — объяснил он ей однажды. — Не знаю, как по-другому выразить, что я имею в виду. Понятно, многие люди просто подняли бы меня на смех, но спроси полицейского — полицейский не засмеется. К слову сказать, эта иголка пару раз спасла мне жизнь, дорогая».

Представляете, если эта иголка не дает ему покоя последние минут двадцать? Что случится, если сел в машину и катит сейчас домой? Ведь ехать он должен как раз по этой дороге, и она обрушила на себя проклятия за то, что выйдя из калитки, повернула направо, а не налево. Затем в голове зашевелилась новая мысль, еще более неприятная, но до отвратительности логичная... Предположим, он остановился возле банковского автомата в двух кварталах от здания полицейского управления; намереваясь получить десять или двадцать долларов; чтобы позавтракать. Предположим, что, не обнаружив кредитной карточки в бумажнике, он решил вернуться за ней домой.

«Возьми себя в руки. Этого не произойдет. *Ничего* подобного не случится».

Кварталом ниже на перекресток выехала машина и повернула ей навстречу. *Красная* машина — какое совпадение, у них тоже красная машина... вернее, у *него*, машина в такой же мере принадлежала ей, как и банковская кредитная карточка или деньги, к которым она открывала доступ. У них новая «сентра» красного цвета, и — совпадение за совпадением! — разве приближающаяся машина не красная «сентра»? Нет — это «хонда»!

Только на самом деле это *не* «хонда», просто ей хочется, чтобы машина оказалась «хондой». На самом деле это «сентра», новехонькая, с иголки «сентра» красного цвета. *Его* красная

«центра». Худший из ее кошмаров мгновенно ожил, стоило ей только подумать о нем.

На мгновение почки стали невероятно тяжелыми, их пронзила тягучая боль, они казались переполненными, и она подумала, что сейчас обмочится от страха. Неужели она надеялась, что удастся скрыться от него? Должно быть, она сошла с ума.

«Теперь волноваться слишком поздно, — подвела итог миссис Практичность-Благоразумие. Раздражающие истерические интонации внутреннего голоса исчезли, сейчас он представлялся ей просто частью сознания, сохранившей способность мыслить, в ней говорил холодный, расчетливый голос существа, которое превыше всех остальных целей ставит выживание. — Лучше придумай, что ответишь ему, когда остановится и спросит, что ты здесь делаешь. И постарайся изобрести достаточно благовидный предлог. Ты прекрасно знаешь, что за ним дело не станет, ты понимаешь, что он наблюдателен и не простит ни малейшей оплошности».

— Цветы, — пробормотала она тихо. — Я вышла немного прогуляться и посмотреть, какие цветы появились в продаже, вот и все. — Она остановилась, плотно сжав бедра, стараясь во что бы то ни стало удержать дамбу от затопления. Поверит ли он? Как знать, но больше ничего не приходило в голову. Другой причины она придумать не могла. — Я собиралась пройтись только до угла Сент-Мэри-стрит, а потом вернуться и помыть.

Рози умолкла на полуслове и проводила взглядом округлившихся глаз автомобиль — все-таки «хонду», и далеко не новую, и скорее оранжевого, нежели красного цвета, которая медленно проехала мимо. Женщина, сидевшая за рулем, посмотрела на нее с любопытством, и женщина, стоящая на тротуаре, подумала: «Если бы это оказался он, его не обманула бы даже самая правдоподобная история — он прочел бы все по моему лицу, истина написав на нем крупными буквами и светится, как неоновая реклама. А *теперь* ты готова повернуть назад? Проявить благоразумие и вернуться домой?»

Она не могла. Всеподавляющее желание срочно освободить мочевой пузырь ослабло, однако в нижней части живота по-прежнему сохранялось тяжелое ощущение, а почки все также болезненно вздрагивали. Ноги подкашивались, сердце в груди колотилось так, что ее охватил страх. Она никогда не сумеет вернуться назад на вершину холма, несмотря на то, что подъем не очень крутой.

«Да можешь ты, можешь. Сама ведь знаешь, правда? За время семейной жизни приходилось переносить и не такое — и, как видишь, жива пока».

Ну, хорошо — вероятно, она *способна* подняться назад, на вершину холма, но теперь подумала о другом. Временами он звонил. Обычно пять или шесть раз в месяц, не более, но иногда гораздо чаще. Просто «привет, как дела, не хочешь ли ты, чтобы я купил что-нибудь по дороге, коробку печенья или пакет мороженого, ну все, пока». Она не ощущала ни интонаций сочувствия в звонках, ни тени заботы. Он просто проверял ее, вот и все, и если она не брала трубку, телефон продолжал звонить. Автоответчика у них не было. Она однажды спросила, не стоит ли купить автоответчик. Он наградил ее не совсем дружелюбным тычком под ребра и сказал, чтобы заткнулась.

— Ты мой автоответчик, — добавил он.

Предположим, он позвонит, и никто не ответит? «Ничего страшного. Он подумает, что я ушла за продуктами чуть раньше, вот и все».

Черта с два. Подобное своеволие исключается. Полы с утра, поход по магазинам после обеда. Так было заведено с давних пор, и так, по его убеждению, должно продолжаться и впредь. Спонтанные поступки не поощрялись в доме номер девятьсот восемь по Уэстморлэнд-стрит. Если он позвонит...

Она снова зашагала, понимая, что должна свернуть с Уэстморлэнд на ближайшем перекрестке, хотя точно не знала, куда приведет ее Трмонт-авеню. Впрочем, на данном этапе

это неважно: главное, она до сих пор находится на традиционном маршруте мужа, которых он следовал на работу и домой, и чувствовала себя яблочком на стрелковой мишени.

Повернула налево на Трмонт-авеню и пошла по ней среди более тихих маленьких пригородных домов, отделенных один от другого невысокими изгородями или рядами декоративных растений — похоже, в этом районе особой популярностью пользовались оливковые деревья. Поливавший клумбу на лужайке перед домом веснушчатый мужчина в очках с роговой оправой и в давно потерявшей первоначальную форму расплющенной синей шляпе на лысеющей голове, напоминавшей Вуди Аллена, поднял голову и приветственно кивнул ей. Похоже, сегодня на всех снизошло добрососедское настроение. Она подумала, что виной всему погода, однако такие знаки вежливости не вызывали у нее радости. Слишком легко в сознании возникал он, разыскивающий ее след некоторое время спустя, терпеливо и упорно приближающийся к ней, задавая вопросы, с профессиональной хитростью стимулируя память, показывая ее фотографию на каждом перекрестке.

«Помаши ему в ответ. Если не хочешь, чтобы он отметил твою враждебность, недружелюбно настроенные люди быстрее запоминаются, поэтому помаши в ответ и иди себе дальше, как ни в чем не бывало».

Помахала ему и пошла себе дальше, как ни в чем не бывало. Снова вернулась потребность справиться нужду, однако ей придется потерпеть. В поле зрения не попадалось ничего, что могло бы ее выручить — одни дома, дома, изгороди, бледные зеленые лужайки, оливковые деревья.

Она услышала шум машины позади и поняла, что это он. Она резко обернулась — глаза широко раскрылись и потемнели — и увидела ржавый «шевроле», который полз на черепашьей скорости по самой середине улицы. Старик в мятой соломенной шляпе за рулем выглядел так, словно решил на самоубийство. Она быстро отвернулась, пока тот не успел заметить ее перепуганный взгляд, сдвинулась с места, споткнулась и затем решительно зашагала вперед, слегка опустив голову. Пульсирующая боль в почках возобновилась, переполненный мочевой пузырь трещал по швам. Еще минута или две, и она не выдержит. Если это случится, может распрощаться с шансами скрыться незамеченной. Возможно, люди не обратят внимания на бледную женщину с каштановыми волосами, топающую по улице прекрасным апрельским утром, но вряд ли забудут бледную женщину с каштановыми волосами и расплывшимся мокрым пятном на джинсах. Эту проблему надо решать, и как можно скорее.

Через два дома впереди она увидела на своей стороне улицы одноэтажное бунгало шоколадного цвета с задернутыми шторами. На крыльце лежали три газеты. Четвертая, видимо снесенная ветром, валялась на дорожке у первой ступеньки. Розы быстро огляделась, не заметила никого, кто следил бы за ней, и торопливо зашла во двор, потом свернула с дорожки в сторону. За домом было пусто. На ручке обитой листовым алюминием двери висела записка. Она подошла ближе, делая короткие шаги, и прочла отпечатанное сообщение: «Привет от Энн Корсо, представительницы фирмы „Арон“ в вашем районе! В этот раз дома вас не застала, но я обязательно вернусь! Спасибо! И позвоните мне по номеру 555-1731, если захотите поговорить о прекрасных товарах фирмы „Арон“!» Нацарапанная ниже дата — семнадцатое апреля — подсказала ей, что хозяев нет дома, по крайней мере, два дня.

Розы еще раз огляделась, увидела, что с одной стороны ее защищают густые заросли декоративного кустарника, а с другой — такие же густые оливковые деревья: расстегнула ремень и молнию джинсов и присела в углу между крыльцом и несколькими сложенными друг на друга бензиновыми канистрами. Слишком поздно волноваться из-за того, что кто-то может заметить ее с верхнего этажа соседнего дома. Кроме того, по сравнению с облегчением, которое она испытывала, все остальное казалось — во всяком случае в данный момент — совершенно несущественным. «Ты сошла с ума, черт возьми», о да, само собой разумеется, и она это

понимает... но по мере того, как уменьшался в размерах, освобождаясь от содержимого, мочевой пузырь, а шипящая струя заливала потрескавшийся цемент у крыльца черного хода, растекаясь зигзагообразными ручейками, ее сердце постепенно наполнялось легкой, крылатой радостью. В этот миг она поняла, что значит перейти мост через реку, ведущий в чужую страну, а затем поджечь его, остановиться на берегу и, глубоко дыша, смотреть, как превращается в пепел единственный путь к отступлению.

Она шла почти два часа, оставляя за спиной один незнакомый район за другим, пока не очутилась на длинной усаженной деревьями аллее в западной части города. Перед магазином «Мир красок и ковров» увидела телефонную будку и, позвонив из нее, чтобы заказать такси, с удивлением узнала, что, собственно, покинула уже пределы города и попала в небольшой городок-спутник, который называется Мейплтон. От длительной ходьбы на обеих ступнях образовались большие мозоли, и неудивительно — она прошла пешком более семи миль.

Такси прибыло через пятнадцать минут, и к тому времени она успела заглянуть в киоск в дальнем конце аллеи, где приобрела пару дешевых темных очков и красный шарфик из искусственного шелка с пестрым узором. Она вспомнила, как Норман сказал ей однажды, что, если человеку нужно отвлечь внимание посторонних от своего лица, лучше всего надеть что-то яркое, броское, то, что направит взгляд наблюдателя в другую сторону.

Таксистом оказался толстый мужчина с гривой всклокоченных волос, красными воспаленными глазами и зловонным запахом изо рта. На его растянутой выцветшей футболке была изображена карта Южного Вьетнама. «ПОСЛЕ СМЕРТИ Я ПОПАДУ В РАЙ, ПОТОМУ ЧТО ОТСЛУЖИЛ СВОЙ СРОК В АДУ», — гласила надпись под картой. И ниже: «ЖЕЛЕЗНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК, 1969». Он быстро ощупал ее блестящими красными глазками, перевел взгляд с губ на грудь, а потом на бедра, после чего равнодушно отвернулся, явно потеряв всякий интерес. — Куда прикажешь, красавица?

— Вы не могли бы отвезти меня на автовокзал? — То есть в Портсайд? — Автостанция там?

— Угу. — Он поднял голову к зеркальцу заднего вида, и их взгляды встретились. — Только учти, это на другом конце города. Баксов двадцать, если не больше. Кошелек выдержит?

— Не бойтесь, выдержит, — ответила она, затем сделала глубокий вдох и добавила:

— Вы не могли бы по пути остановиться возле банковского автомата «Мерчентс», как вы полагаете? Найдете?

— Если бы все жизненные проблемы были такими же сложными, — вздохнул он и опустил рычажок счетчика. В окошке появилась надпись; «ПЛАТА ЗА ПОСАДКУ», а под ним цифры: 2.50.

Тот момент, когда цифры в окошке со щелчком поменялись на 2.75, а надпись «ПЛАТА ЗА ПОСАДКУ» исчезла, она решила считать начальной точкой своей новой жизни. Теперь она будет не Роуз Дэниелс — во всяком случае, пока ситуация того не потребует — и не потому, что фамилию Дэниелс получила от него и пользоваться ею в будущем опасно, а потому, что попросту он остался там, позади, в прошлой жизни. С этого момента она снова станет Розы Макклендон, той девушкой, что окунулась в преисподнюю в восемнадцатилетнем возрасте. Возможно, в дальнейшем у нее появится необходимость воспользоваться фамилией мужа, это не надо сбрасывать со счетов, однако даже тогда в душе и в уме она останется Розы Макклендон.

«На самом деле я — Розы, — подумала она, когда таксист повез ее через мост Транкатоуни, и улыбнулась, когда в сознании парой призраков мелькнули слова Морис Сендак и голос Кэрл Кинг, — Я — Розы Настоящая».

Так ли это?

Настоящая ли она?

«Что ж, с этой минуты начинается проверка, — решила она, — прямо здесь и прямо сейчас».

Красноглазый таксист остановился на Ирокез-сквер и ткнул пальцем в сторону длинного ряда банковских автоматов, выстроившихся на площади с фонтаном в центре и хромированной, ни на что не похожей скульптурой. Крайний левый автомат был ярко-зеленого цвета.

— Подойдет?

— Да, спасибо. Подождите минутку, я сейчас. Однако она задержалась дольше, чем на минуту. Поначалу пальцы никак не могли набрать правильный код, хотя автомат был снабжен крупными клавишами, а когда ей удалось справиться с первой частью операции, задумалась в нерешительности, не зная, какую сумму запросить. Нажала семерку, пятерку, запятую, ноль и еще раз ноль, подняла руку к клавише «ВЫПОЛНИТЬ», затем медленно опустила ее. Если ему удастся настичь ее, он поколотит так, как никогда раньше — в этом она не сомневалась. Однако если в результате побоев она окажется в больнице («Или в морге, — пробормотал негромко внутренний голос, — он же запросто прибьет тебя, Розы, не будь дурой, в этот раз тебе дешево не отделаться»), это будет наказанием за то, что она осмелилась украсть его кредитную карточку... и воспользоваться ею. Неужели она *рискует* жизнью из-за жалких семидесяти пяти долларов? Достаточно ли компенсация за возможную расплату?

— Нет, — буркнула она себе под нос и снова подняла руку.

В этот раз Розы нажала тройку, пятерку, ноль, запятую и еще два ноля... и снова замерла. Она не имела ни малейшего представления, какими запасами того, что Норман презрительно называл «наличкой», располагает банковский автомат, однако в любом случае сумма в триста пятьдесят долларов представлялась ей довольно внушительной. Как же он разозлится...

Розы поднесла руку к клавише «СБРОС/ПОВТОР», потом спросила себя, какая, к черту, разница. Он и так рассвирепеет. Назад дороги нет.

— Вы скоро закончите, мэм? — раздался голос за спиной. — Дело в том, что мой обеденный перерыв заканчивается через одиннадцать секунд.

— Ах, простите, пожалуйста, — спохватилась она, слегка вздрогнув. — Нет, я просто... задумалась. Извините.

Она нажала клавишу «ВЫПОЛНИТЬ». На маленьком экранчике банковского автомата загорелась надпись «ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА». Ожидание не затянулось надолго, однако оно было достаточно продолжительным, чтобы ее фантазия разыгралась и она представила, как из автомата вдруг вырывается громкий завывающий вой сирены и механической голос кричит: «ЭТА ЖЕНЩИНА ВОРОВКА! ЗАДЕРЖИТЕ ЕЕ! ЭТА ЖЕНЩИНА ВОРОВКА!»

Но вместо того, чтобы назвать ее воровкой, автомат выдал на экранчик «СПАСИБО», пожелал ей удачного дня и выплюнул семнадцать двадцаток и одну бумажку в десять долларов. Розы одарила стоявшего за ней молодого человека нервной улыбкой и, не поднимая головы, чтобы не встретиться с ним взглядом, поспешно зашагала назад к такси.

Автовокзал в Портсайте представлял собой приземистое просторное здание с тусклыми стенами из песчаника. Самые разнообразные автобусы — не только традиционные грейхаундсовские, но и принадлежащие компаниям «Трейлуэйз», «Американ пасфайндерс», «Истерн хайвейз» и «Континентал экспресс» — окружили вокзал, воткнувшись мордами в посадочные платформы. Розы они показались похожими на откормленных хромированных поросят, припавших к соскам чрезвычайно отвратительной матери.

Она остановилась у главного входа и заглянула внутрь. Вокзал оказался не таким многолюдным, как надеялась (ища спасения в толпе) и одновременно опасалась (за четырнадцать лет, в течение которых не видела никого, кроме собственного мужа да двух-трех его коллег, изредка приезжавших с ним на ужин, она заразилась агорафобией, боязнью больших открытых пространств), скорее всего по той причине, что была середина недели и праздников в ближайшее время не предвиделось. И все же в здании вокзала было, на первый взгляд, человек двести. Одни слонялись бесцельно из угла в угол, другие сидели на старомодных скамейках с высокими спинками, кто-то играл в видеоигры, кто-то пил кофе у стойки бара, к окошкам касс стояли небольшие очереди. Маленькие дети испуганно цеплялись за руки матерей, запрокидывали головы и, мыча, как потерявшиеся телята, рассматривали изображенный на потолке выцветший лесной пейзаж. Громкоговоритель, от которого по залу прокатывалось эхо, как от голоса Бога в эпической радиопостановке Библии, сделанной Сесилией Б. Демилль, перечислял маршруты автобусов, отправлявшихся в ближайшее время: Эри, штат Пенсильвания; Нэшвилль, штат Теннесси; Джексон, штат Миссисипи; Майами, штат Флорида (бестелесный, раскатистый голос произнес «Майаму»); Денвер, штат Колорадо.

— Леди, — окликнул ее усталый голос. — Протяните руку помощи, а? Помогите, чем можете, прошу вас. Что скажете?

Она повернула голову и увидела молодого бледного парня с копной давно не мытых черных волос, который сидел у главного входа, прижавшись спиной к стене. На коленях он держал табличку, где было написано: «БЕЗДОМНЫЙ, БОЛЬНОЙ СПИДОМ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ».

— Может, у вас завалилась в кошельке лишняя мелочь? Не поможете несчастному? Вы ведь будете кататься на катере по озеру Саранак, когда меня уже не будет на свете.

Ее вдруг охватила странная слабость, она почувствовала себя на грани умственной и эмоциональной перегрузки. Здание вокзала начало расти перед глазами, пока не достигло размеров огромного кафедрального собора, в приливном движении людей в проходах и посадочных коридорах таилось нечто ужасающее. Мимо нее, наклонив голову, прошел мужчина, с шеи которого свисал огромный дрожащий мешок кожи. Он волочил за собой на ремне брезентовый рюкзак. Скользя по грязному полу, тот издавал змеиное шипение. Из расстегнутой горловины рюкзака торчала бессмысленно улыбающаяся голова Микки-Мауса. Оглушительный голос громкоговорителя сообщил собравшимся пассажирам, что экспресс компании «Трейлуэйз» с конечным пунктом назначения в Омахе отправляется от семнадцатой платформы через двадцать минут.

«Я не смогу, — внезапно подумала она. — Не смогу существовать в этом мире. Не потому, что не знаю, где находятся пакетики с чаем или половая тряпка; дверь, за которой он бил меня, кроме всего прочего, отгораживала меня от всей этой безумной путаницы. И никогда не сумею снова пройти через нее».

На мгновение неожиданно яркий образ-воспоминание детских лет заполнил ее сознание

— картинка из воскресной церковной школы с изображенными на ней Адамом и Евой, прикрывающими наготу фиговыми листками, на лицах двух библейских персонажей одинаковое выражение стыда и сожаления, они босиком идут по каменистой тропинке к горькому, стерильно пустому будущему. За ними виднеются ворота в сочный от зелени и благоухающих цветов Эдем. Перед запертыми воротами стоит крылатый ангел, сжимая в руке меч, сияющий зловещим светом.

— Не смей думать об этом *так!* — вдруг воскликнула она, и сидевший у стены человек вздрогнул так сильно, что с его колен свалилось табличка. — Не *смей*, слышишь!

— Ради Христа, прошу *прощения!* — торопливо произнес он, вытаращив глаза. — Идите себе, я не думал, что это вас так...

— Нет-нет, я... это не про вас... я думала о своем... Затем до нее дошла вся абсурдность происходящего — она оправдывается перед нищим, попрошайничающим у входа в здание автобусной станции. Розы по-прежнему держала в руке два доллара — сдачу, которую вручил ей таксист. Швырнув их в коробку из-под сигар, стоящую у ног молодого человека с табличкой, она вошла в здание вокзала.

Еще один молодой человек — в этот раз с крошечными усиками в стиле Эррола Флинна на привлекательном, но не внушающем доверия лице — собрал вокруг себя несколько человек и устроил у дальней стены вокзала нечто вроде игры в наперсток, знакомой ей по телепередачам, только вместо наперстков он проворно двигал по крышке чемодана три карты.

— Не хотите найти пикового туза? — пригласил он ее. — Которая из них — пиковый туз, леди?

Она мгновенно увидела приближающийся к ней кулак. Увидела кольцо на среднем пальце, кольцо с выгравированными на нем словами «Служба, верность, общество».

— Нет, спасибо, — отказалась она, — С этим у меня трудностей никогда не было.

Появившееся на его физиономии выражение красноречиво свидетельствовало о том, что он считал ее слегка не в себе, но она не обратила на него внимания. Он для нее не представляет проблемы. Как и тот парень, что попрошайничает у главного входа, больной СПИДом или нет, как тот мужчина с огромной опухолью на шее и Микки-Маусом, торчащим из незастегнутого рюкзака. Ее проблема — это Роза Дэниэлс — какая Дэниэлс, черт возьми, Роза *Макклендон* — и это единственная ее проблема.

Она зашагала по центральному проходу, затем увидела мусорную корзину и остановилась. Через вздувшийся бок корзины проходила короткая повелительная фраза: «НЕ МУСОРИТЬ!». Она раскрыла сумочку, достала кредитную карточку мужа, подержала ее в руке, затем решительно сунула в отверстие в крышке корзины. Она расставалась с карточкой с огромным сожалением, однако одновременно испытывала не меньшее облегчение. Оставьте она ее у себя, соблазн воспользоваться ею может оказаться слишком сильным... а Норман не дурак. Жестокий — да. Но только не глупый. Если она даст ему хоть одну ниточку, он обязательно размотает клубок до конца. Не надо забывать об этом.

Сделала глубокий вдох, задержала дыхание на секунду-другую, затем выдохнула и решительным шагом направилась к справочным автоматам расписания автобусов в центре зала. Она не оглядывалась. А если бы оглянулась, то увидела бы, как парень с усиками в стиле Эррола Флинна бросился к мусорной корзине и принялся копаться в ней, пытаясь отыскать предмет, который опустила туда чудаковатая леди в темных очках и с ярким красным шарфиком на шее. Молодому человеку показалось, что она выбросила кредитную карточку. Возможно, он ошибся, но в таких вопросах никогда нельзя знать наверняка, пока не проверишь. И иногда тебе везет. Иногда? Черт побери, *часто!* Недаром ведь они живут в стране благоприятных возможностей.

Следующий крупный город в западном направлении располагался всего в двухстах пятидесяти милях, и она решила, что это слишком близко. Вместо него остановила выбор на еще более крупном городе, на пятьсот пятьдесят миль дальше первого. Город раскинулся на берегу большого озера, как и этот, но в другом часовом поясе. Расписание подсказало ей, что автобус отправляется туда через полчаса. Она перешла к ряду кассовых окошек и встала в очередь. Сердце глухо колотилось о ребра, во рту пересохло. В тот самый момент, когда стоявший перед ней человек отошел от окошка с билетом, она прикрыла лот ладонью, чтобы скрыть отрыжку, прожегшую путь из желудка и отдававшую утренним кофе.

«Здесь ты не должна пользоваться ни тем, ни другим именем, — предупредила она себя. — Если они спросят, как тебя зовут, назови им вымышленное имя».

— Чем могу помочь, мадам? — обратился к ней клерк, глядя поверх бифокальных очков, опасно повисших на самом кончике носа.

— Анджела Флайт. — Так звали ее лучшую подругу в старшей школе, единственного человека, с которым она по-настоящему подружилась за всю жизнь. А потом в обрейвилльской школе Розы познакомилась с парнем, за которого вышла замуж через неделю после выпускного бала, и вдвоем они создали отдельное государство... государство, границы которого закрыты для туристов.

— Простите, мадам?

Она сообразила, что вместо названия намеченного пункта сообщила ему имя человека, и как странно (*он, наверное, смотрит на мои запястья и старается разглядеть, не осталось ли на них следов от смиренной рубашки*) оно, вероятно, прозвучало. Она вспыхнула от неловкости и растерянности и сделала отчаянную попытку собраться с мыслями, привести их хотя бы в приблизительный порядок.

— Извините, — выдавила она, и пугающее предчувствие овладело ею: что бы ни ожидало ее в будущем, это простое скорбное слово будет преследовать ее на пути, как консервная банка, привязанная к хвосту бродячей собаки. Четырнадцать лет провела она, отгороженная запертой дверью от остальной части мира, и потому чувствовала себя теперь, как перепуганная мышь, сунувшая нос в чужую норку.

Клерк все еще смотрел на нее поверх забавных бифокальных очков, и в глазах его мелькнуло сдержанное раздражение.

— Так я могу вам помочь, мадам, или нет?

— Да, конечно. Я хочу купить билет на рейс в одиннадцать ноль пять. На этот автобус еще есть свободные места?

— Не меньше сорока, мадам. Обратный или в один конец?

— В один конец, — ответила она и ощутила, что краска снова заливает ей щеки: слишком значимыми показались ей собственные слова. Она изобразила натянутую улыбку и повторила с усилием:

— В один конец, пожалуйста.

— С вас пятьдесят девять долларов, семьдесят центов, — объявил он, и у Розы подогнулись колени от облегчения. Она ожидала, что билет будет стоить гораздо дороже; собственно, она приготовилась к тому, что на билет уйдут практически все деньги и в результате она останется почти без гроша в кармане.

— Спасибо, — поблагодарила она, и клерк, должно быть, распознал интонации искренней благодарности в ее голосе, потому что оторвался от бланка, который заполнял, и посмотрел на

нее. Следы прежнего сдержанного раздражения исчезли из его взгляда.

— Всегда рад помочь, — откликнулся он. — Багаж?..

— Я... у меня нет багажа, — произнесла она растерянно и неожиданно почувствовала, что боится его взгляда. Она попыталась с ходу придумать объяснение — видимо, это звучит чертовски подозрительно, одинокая женщина, без сопровождения, направляющаяся в дальний город без всякого багажа, с одной лишь дамской сумочкой в руках, — но ничего не шло на ум. К тому же она заметила, что объяснения и не требуется. Она не вызвала у него ни малейших подозрений, он не проявлял даже признаков любопытства. Он просто кивнул и принялся заполнять бланк билета. До нее вдруг дошло, в чем дело, и это не доставило удовольствия: для Портсайда подобное не внове. Этому юному клерку постоянно приходится обслуживать женщин вроде нее: прячущих лица за темными очками, покупающих билеты в другие часовые пояса, — женщин, которые выглядят так, словно где то на пути обронили память о самих себе, потеряли понимание того, что они делают и зачем.

Глубокое облегчение залило ее теплой волной, когда громоздкий автобус выбрался за пределы автостанции в Портсайте (в точности по расписанию), повернул налево, снова переехал через мост Транкатоуни и вырулил на маршрут 1-78. Перед тем, как они приблизились к выезду из города, Роза заметила новое треугольное здание со стенами, почти полностью состоящими из стекла, в котором помещалось полицейское управление. Она подумала, что муж сейчас может находиться за одним из огромных окон, может даже случиться так, что он стоит у окна и смотрит на большой блестящий автобус, выползающий, словно жук, на скоростную автостраду. Она прикрыла глаза и сосчитала до ста. Когда открыла их снова, здание осталось позади. «Дай Бог, чтобы я никогда его больше не увидела», — подумала она.

Она выбрала место в задней части автобуса. Совсем неподалеку за ее спиной раздавался ровный гул дизельного двигателя. Снова закрыла глаза и прижалась щекой к стеклу. О сне нечего и мечтать, слишком взведена, чтобы уснуть, но отдых не помешает. Ее не оставляло ощущение, что отдыхать в ближайшее время не придется. Она все еще не переставала удивляться внезапности случившегося события, больше похожего на сердечный приступ или на удар, чем на перемену в жизни. Перемену? Слишком мягко сказано. Она не просто изменила течение жизни, она вырвала ее с корнями, как фиалку из горшка. Да-да, небольшие изменения в существующем образе жизни. Как же. Нет, ей ни за что не уснуть. О сне не может быть и речи.

И, рассуждая мысленно таким образом, незаметно задремала... вернее, провалилась в состояние, балансирующее на тончайшей грани между сном и явью. Она перемещалась в нем, как легкий пузырек воздуха, смутно ощущая размеренный гул двигателя за спиной, шелест шин по асфальту, слыша, как мальчик в четырех или пяти рядах впереди спрашивает маму, когда они приедут к тете Норме. И в то же время ощущала, что ее сознание отделилось от тела, что разум распустился, как цветок (разумеется, роза), распустился, как бывает только в те моменты, когда находишься в пространстве между всюду и здесь.

«На самом деле я — Роза...»

Голос Кэррол Кинг, поющей песню на стихи Морис Сендак. Они подплывали к ней, гулко отражаясь от стен, по коридору, в котором она оказалась, из отдаленной камеры, сопровождаемые стеклянно призрачными нотами рояля.

«...Я — Роза Настоящая...»

«Значит, я все-таки уснула, — подумала она. — Кажется, я действительно уснула. Представить только! Советую поверить мне... Со мною шутки плохи...» Теперь она находилась не в сером коридоре, а на большом открытом пространстве, где царила полутьма. Ноздри, все ее естество наполнили запахи лета, настолько сильные и явные, что им не хватало в ней места. Среди них выделялся налетавший временами запах жимолости. Она слышала стрекот цикад и кузнечиков, а когда подняла голову, увидела над собой отполированное костяное лицо луны, забравшейся высоко в небо. Белый свет луны был повсюду, превращая туман, поднимающийся из спутанной травы под ее босыми ногами, в дым.

«На самом деле я — Роза...»

«...Я — Роза Настоящая...»

Она подняла руки вверх, раскрытые ладони едва не соприкасались большими пальцами; сдвинула руки, взяла луну в рамочку, словно картинку, и, когда ночной ветер погладил ее обнаженные руки, почувствовала, что сердце сначала переполнилось радостью, а потом сжалось от страха. Она учуяла дремлющую жестокость этого места, как будто в зарослях ароматной травы таились хищные звери с огромными острыми зубами.

«Роуз. Подойди ко мне поближе, дорогая. Я хочу поговорить с тобой начистоту».

Повернулась и увидела его кулак, надвигающийся из темноты. Ледяные побеги лунного света заплетались вокруг выгравированных на кольце выпускника Полицейской академии слов. Увидела напряженную гримасу его губ, оскалившихся в кошмарном подобии улыбки...

...и, дернувшись всем телом, хватая ртом воздух, проснулась в автобусном кресле. По лбу стекали капельки пота. Должно быть, она некоторое время тяжело дышала, потому что окно перед нею затуманилось от осевшей на стекле влаги, закрывая вид. Указательным пальцем она протерла на стекле пятнышко и заглянула в него. Город почти закончился; они ехали мимо многочисленных заправочных станций и ресторанчиков быстрого обслуживания, облепивших мегаполис, как ракушки, однако за ними она увидела простирившиеся до горизонта открытые поля.

«Я сбежала от него, — подумала она. — Что бы ни случилось со мной теперь, я от него сбежала. Даже если мне придется спать в грязных подъездах или под мостами, я сбежала от него. Он больше никогда не укусит и не ударит меня, потому что я от него сбежала».

Однако она обнаружила, что не может до конца поверить в это. Он придет в ярость и, без сомнения, постарается разыскать ее. Приложит все силы, чтобы найти. Это точно.

«Но как, скажите на милость? Я замела следы; мне даже не пришлось записывать на бумаге имя старой школьной подруги, чтобы купить билет. Выбросила в мусорную корзину кредитную карточку, и совершенно правильно поступила. Как, скажите, он найдет меня?»

Она не знала... но поиск пропавших — это ведь его специальность, разве не так? Ей придется вести себя очень, очень осторожно.

«На самом деле я — Розы... Я — Розы Настоящая...»

Да, наверное, она права во всех отношениях, но вот что касается следующих двух строчек... Нет, она не возьмется утверждать, что с ней шутки плохи, ибо чувствовала себя крошечной пылинкой, упавшей в пучину океана. Страх, сковавший ее в конце привидевшегося сна, еще не рассеялся, однако вместе с тем она по-прежнему ощущала остаточное радостное возбуждение и счастье; чувство, если не могущества, то, по крайней мере, освобождения.

Она откинулась на высокую удобную спинку кресла и, выглянув в окно, увидела, как мелькают мимо и удаляются в прошлое последние пригородные ресторанчики и заправочные. Они выехали за пределы города — теперь их окружали свежие пробуждающиеся поля, разрезанные полосками деревьев, одевающихся в нежную кудрявую зелень, которая бывает только в апреле. Она сидела, благочестиво сложив руки на коленях, и смотрела, как они пролетают мимо, позволяя большому серебристому автобусу нести ее к тому, что лежит впереди.

II. ДОБРОТА НЕЗНАКОМЦЕВ

На протяжении первых недель новой жизни у нее возникало немало неприятных моментов, но даже в самый худший из них — когда вышла в три часа ночи из автобуса на конечной станции и оказалась на вокзале, в три раза большем, чем портсайдовский — не пожалела о принятом решении. Между тем, она оцепенела от страха. Роза остановилась у самого выхода с посадочной платформы номер шестьдесят два, судорожно сжимая сумочку обеими руками и озираясь, а вокруг проплывали непрерывным потоком толпы людей, которые волочили за собой чемоданы на колесиках, с трудом удерживали на плечах горы увязанных веревками картонных коробок, обнимали подружек за плечи или приятелей за талию. Она смотрела, не сходя с места, и увидела, как к женщине, только что сошедшей с автобуса, на котором приехала Роза, бросился какой-то мужчина. Он схватил ее и развернул так резко, что ноги бедняжки оторвались от асфальта. Женщина испустила крик восторга и ужаса, яркий, как вспышка пистолетного выстрела в заполненном людьми шумном здании вокзала. Справа от Розы вытянулся ряд игровых автоматов, и, хотя ночь достигла своего апогея, мальчишки — подавляющее большинство в бейсбольных кепках козырьками назад и с взъерошенными волосами — прилипли к ним животами.

— Попробуй еще раз, космический кадет! — предложил ближайший к Розе автомат скрипучим механическим голосом. — Попробуй еще раз, космический кадет! Попробуй еще раз, космический кадет!

Она медленно прошла мимо игровых автоматов и окунулась в суету вокзала, уверенная в одном: в такой час ночи не рискнет выходить в город. Ей казалось, что как только она высунет нос наружу, тут же изнасилуют, убьют, а труп сунут в ближайший ящик для мусора. Бросив взгляд влево, увидела двух полицейских в форме, спускающихся на эскалаторе с верхнего уровня. Один полицейский поигрывал дубинкой, вращая ее по замысловатой траектории. Другой улыбался жесткой улыбкой, заставившей ее вспомнить об оставшемся в восьмистах милях позади человеке. Он улыбался, но в его постоянно движущихся глазах не было и тени улыбки.

«А что если их задача заключается в том, чтобы примерно раз в час проходить по вокзалу и вышвыривать на улицу всех, у кого нет билетов? Что ты будешь делать тогда?»

Она поищет решение потом, когда — если — это произойдет, что-то сделает. Пока что она на всякий случай решила отойти от эскалатора и направилась к углублению в стене вокзала, где на решетчатых пластмассовых креслах сидело десятка полтора путешественников. К подлокотникам были прикреплены маленькие телевизоры, которые включались, когда в прорезь опускалась монета. По пути Роза краешком глаза следила за копами и облегченно вздохнула, увидев, что они зашагали в совершенно противоположную сторону. Через два с половиной часа, самое большее через три, наступит рассвет. После этого пусть обнаруживают ее и вышвыривают из вокзала. Но до той поры она намеревалась оставаться здесь, где много света и людей.

Она уселась в кресло с прикрепленным к нему телевизором. Через два кресла от нее дремала девушка в линялой вельветовой куртке и с рюкзаком на коленях. Глаза ее закатились под пурпурные от косметики веки, с нижней губы спускалась длинная серебристая нить слюны. На тыльной стороне ее руки неровными заглавными буквами было вытатуировано: «Я ЛЮБЛЮ СВОЕГО СУЖИНОГО».

«Где же твой суженый сейчас, красавица?» — подумала Роза. Она посмотрела на темный экран телевизора, потом перевела взгляд на облицованную кафельной плиткой стену. На стене кто-то красным фломастером написал: «ПОЦЕЛУЙ МОЙ ЗАРАЖЕННЫЙ СПИДОМ ЧЛЕН». Она поспешно отвернулась, словно боясь, что вульгарная надпись может обжечь сетчатку глаз,

если слишком долго смотреть на нее, и уставилась на дальний конец вокзального здания. На противоположной стене висели огромные часы со светящимся циферблатом. Было шестнадцать минут четвертого.

«Еще два с половиной часа, и я смогу уйти отсюда», — решила она и устроилась в кресле поудобнее, чтобы переждать их.

Около шести часов предыдущего вечера, когда автобус сделал большую остановку, она перекусила бутербродом с сыром, выпила стакан лимонада. С тех пор не ела, и голод давал о себе знать. Она сидела в кресле с телевизором до тех пор, пока часовая стрелка не сделала полный оборот — четыре часа утра, — после чего решила, что настало время подкрепиться. Розы пересекла зал, переступая по дороге через тела спящих, и вошла в небольшой кафетерий рядом с окошками билетных касс. Многие из лежавших на полу цепко прижимали к себе раздувшиеся, подклеенные липкой лентой пластиковые мешки, и к тому времени, когда официант принес ей кофе, сок и чашку овсянки, она поняла, что напрасно волновалась из-за полицейских, которые могли выгнать ее с вокзала. На полу спали не транзитные путешественники; это были бездомные и нищие, собиравшиеся на ночь на автостанции. Розы почувствовала, что ей их жалко, и одновременно испытала чувство облегчения — приятно знать, что завтра и для нее найдется место, если нигде будет переночевать.

«А если он приедет сюда, в этот город, где, по-твоему, начнет искать тебя в первую очередь? Куда направит свои шаги?»

Но это же глупо — ему ни за что не найти ее, она не оставила ни единой возможности, ни малейшей зацепки — однако при мысли о нем показалось, что по спине, вдоль позвоночника, прошелся холодный палец.

От еды она взбодрилась, стала чувствовать себя лучше и сильнее. Покончив с завтраком (над чашечкой кофе просидела очень долго, пока не поймала на себе выражавший явное нетерпение взгляд смуглолицего мальчишки-официанта), она медленно поднялась из-за столика и неторопливо вернулась назад. По пути заметила сине-белый круг над киоском рядом с пунктом проката автомобилей. Слова, идущие по синей внешней полосе круга, гласили: «ПОМОЩЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ», и Розы серьезно подумала, что за всю историю мира не было путешественника, который нуждался бы в помощи больше, чем она.

Она повернула к сине-белому кругу. Внутри киоска под вывеской сидел мужчина среднего возраста с редующими волосами и в очках с роговой оправой. Он читал газету. Она сделала несколько шагов, затем остановилась. С чем она собирается обратиться к нему? Что скажет? Что бросила мужа? Что сбежала из дому, захватив с собой только сумочку и его кредитную карточку, что у нее нет одежды, кроме той, что сейчас на ней?

«А почему бы и нет? — вставила реплику миссис Практичность-Благоразумие, и полное отсутствие сострадания в ее голосе потрясло Розы, как хлесткая пощечина. — Если у тебя хватило духу бросить мужа, неужели теперь испытываешь стеснение и боязнь признаться в этом?»

Она не знала, так это или нет, но понимала, что сообщить совершенно незнакомому человеку о главном событии жизни в четыре часа утра, или вернее, ночи, будет нелегко. «И вообще, скорее всего, он пошлет меня подальше. Скорее всего, его задача — помогать людям, потерявшим билеты, или делать объявления по громкоговорителю о заблудившихся детях».

Тем не менее ноги продолжали нести к будке помощи путешественникам, и она поняла, что действительно намерена рассказать обо всем незнакомому мужчине с редующими волосами и в очках с роговой оправой, — собирается сделать это по самой простой причине: другого выбора у нее нет. В ближайшее время ей, наверное, очень часто придется рассказывать незнакомым людям о том, что бросила мужа, что прожила в туманном оцепенении за запертой дверью четырнадцать лет, что не обладает никакими профессиональными навыками или умениями, что ей нужна помощь, что вынуждена полагаться на доброту незнакомцев.

«Но я же в этом не виновата, правда?» — подумала она и удивилась, потрясенная собственным спокойствием.

Рози приблизилась к киоску и положила руку на прилавок. С надеждой и страхом посмотрела на склоненную голову мужчины в роговых очках, посмотрела на его коричневатую веснушчатую кожу, проглядывавшую сквозь редяющие волосы, уложенные на черепе аккуратными тонкими рядами. Она ожидала, что он поднимет голову и обратит внимание на нее, однако он увлекся чтением газеты на иностранном языке, который показался ей не то греческим, не то русским. Он осторожно перевернул страницу и сосредоточился над фотографией двух футболистов, борющихся за мяч.

— Простите, — произнесла она тонким голосом, и человек, оторвавшись от газеты, поднял голову.

«Пожалуйста, пусть у него будут хорошие глаза, — взмолилась она неожиданно. — Даже если он не в силах мне помочь, пусть у него будут хорошие глаза... и пусть он увидит меня, *меня*, настоящего человека, который стоит перед ним и которому не за что держаться, кроме тонкого ремня сумочки «Кмарт».

И увидела, что у него действительно *хорошие* глаза. Близорукие и плавающие за толстыми линзами очков... но хорошие.

— Простите, но не могли бы вы помочь мне? — спросила она.

Доброволец общества «Помощь путешественникам» представился. Его звали Питер Слоуик, и он выслушал рассказ Розы в сосредоточенном молчании.

Она рассказала столько, сколько сочла нужным, внутренне придя к выводу, что вряд ли сможет рассчитывать на доброту незнакомцев, если утаит правду о себе из гордости или стыда. Единственной важной вещью, о которой промолчала — потому что не знала, какими словами это выразить, — было ее ощущение полной *безоружности*, абсолютной неподготовленности к встрече с внешним миром. До последних восемнадцати часов она не представляла, насколько незнаком ей мир, о котором получала информацию из телевизионных программ или ежедневных газет, купленных мужем по дороге с работы домой.

— Как я понимаю, вы покинули дом совершенно неожиданно, — сказал мистер Слоуик, — но в пути, пока ехал автобус, у вас не возникало мыслей о том, чем вы будете заниматься или куда вам следует обратиться после того, как вы доберетесь сюда? Никаких идей?

— Я думала, что смогу найти женскую гостиницу или что-нибудь в этом роде, — ответила она. — Есть здесь что-нибудь подобное?

— Да, мне известны по крайней мере три таких заведения, однако даже в самом дешевом плата за постой настолько высока, что ваши денежные запасы истощатся максимум через неделю. Это отели большей частью для состоятельных дам — женщин, которые приехали провести недельку в городе, где много роскошных магазинов, или же остановились здесь, чтобы навестить родственников, которые не могут разместить их у себя.

— Ах вот как, — произнесла она. — Может, попробовать женскую организацию YWCA?

Мистер Слоуик покачал головой:

— Последнее общежитие YWCA закрылось еще в девяностом году. У них возникли проблемы из-за того, что общежития оказались переполнены людьми с умственными расстройствами и наркоманами.

Она ощутила приближение паники, затем заставила себя вспомнить о людях, спящих на полу вокзала и крепко сжимающих в руках полиэтиленовые пакеты с жалким набором имущества. «В крайнем случае я смогу присоединиться к ним», — подумала она.

— Может, у вас имеются какие-нибудь предложения?

Он задержал на ней взгляд на несколько секунд, постукивая кончиком шариковой ручки по нижней губе, — ничем не примечательный мужчина с обыкновенной внешностью, который, тем не менее, увидел ее и поговорил с ней, а не послал ко всем чертям. «И еще он не попросил меня подойти поближе, чтобы он смог поговорить со мной начистоту», — добавила она мысленно.

Слоуик, казалось, принял решение. Он расстегнул пиджак (среднего качества полиэстеровый пиджак, который видел и лучшие времена), покопался во внутреннем нагрудном кармане и извлек на свет визитную карточку. На той стороне, где под логотипом организации «Помощь путешественникам» было указано его имя, он аккуратными печатными буквами вывел адрес. Затем перевернул карточку и поставил роспись на чистой стороне; необычно крупные буквы показались ей смешными. Его подпись, едва вместившаяся на чистой стороне визитной карточки, напомнила ей урок истории в старшей школе, на котором учитель объяснил, почему Джон Хэнкок написал свое имя под Декларацией независимости увеличенными буквами. «Чтобы король Джордж смог прочитать его без очков», — такую фразу приписывает история Джону Хэнкоку.

— Вы можете разобрать адрес? — осведомился он, протягивая карточку.

— Да, — сказала она. — Дарэм-авеню, двести пятьдесят один.

— Отлично. Положите ее к себе в сумочку и постарайтесь не потерять. Кто-нибудь попросит вас показать ее, когда вы попадете на место. Оно называется «Дочери и сестры» и представляет собой прибежище для много перенесших женщин. В своем роде уникальное заведение. Если ваш рассказ соответствует истине, то вам как раз там и место.

— Как долго мне будет позволено оставаться там?

Он пожал плечами.

— Полагаю, здесь нет определенных правил, и срок меняется в каждом конкретном случае.

«Так вот кто я теперь, — подумала она. — Случай». Наверное, он догадался, о чем она думает, потому что улыбнулся. Открывшиеся зубы только слепой мог назвать привлекательными, и все же улыбка производила впечатление искренней. Он прикоснулся к ее руке. Быстрым, слегка неловким и робким движением.

— Если муж издевался над вами так, как вы говорите, миссис Макклендон, то любое место для вас значительно лучше лона семьи, так сказать.

— Да, — проговорила она, — пожалуй, вы правы. В конце концов, я всегда могу переночевать здесь, на полу, не правда ли?

Он заметно вздрогнул. — О, думаю, до этого дело не дойдет.

— Как знать. Как знать. — Она кивнула в сторону двоих бездомных, которые спали, прижавшись друг к другу, на дырявых одеялах, расстеленных у края скамейки. Один из них натянул на лицо грязную оранжевую кепочку, чтобы заслониться от никогда не выключающегося света.

Какое-то мгновение Слоуик смотрел на них, потом перевел взгляд на Розу.

— До этого дело не дойдет, — заверил он ее, и на сей раз голос его звучал более убежденно. — Городские автобусы останавливаются прямо перед главным входом; поверните налево, когда выйдете из вокзала, и увидите остановку. Участки тротуара окрашены в различный цвет в соответствии с цветом автобусных маршрутов. Вам нужна оранжевая линия, так что остановитесь на оранжевом островке. Понятно?

— Да.

— Билет стоит меньше доллара, и водителю, скорее всего, захочется получить деньги без сдачи. Возможно, он проявит нетерпение, если вы дадите ему крупные деньги.

— У меня есть мелочь.

— Хорошо. Сойдете на перекрестке Диэрборн и Эльк-стрит, подниметесь по Эльк два квартала... или три, точно не помню. Во всяком случае, вам нужно дойти до Дарэм-авеню. Затем повернете налево. По ней нужно пройти еще четыре квартала, но это не очень далеко. Большой белый панельный дом. Я бы сказал, что он нуждается в покраске, но, возможно, они уже успели обновить фасад. Запомнили все?

— Да.

— И еще одно. Оставайтесь в здании вокзала, пока не рассветет. До тех пор не выходите никуда — даже на автобусную остановку.

— Я так и собиралась сделать, — сказала она.

В автобусе компании «Континентал экспресс», доставившем ее сюда, ей удалось поспать с перерывами не более двух или трех часов, поэтому то, что случилось, когда сошла с городского автобуса оранжевой линии, было совсем не удивительно: она заблудилась. Позже Рози решила, что с самого начала пошла по Эльк-стрит не в ту сторону, но результат — почти три часа блужданий по незнакомым улицам и переулкам — более важен, нежели причина. Рози проходила квартал за кварталом, разыскивая Дарэм-авеню, и никак не могла найти ее. Она растерла ноги. Поясница заныла. Начала болеть голова. К тому же в этом районе города ей не встретить Питера Слоуика; прохожие не то чтобы вовсе не обращали на нее внимания — нет, они тайком провожали ее взглядами, полными недоверия, подозрительности, а то и откровенного презрения.

Вскоре после того, как она вышла из городского автобуса, на пути ей попался грязный бар под названием «Маленький глоток». Шторы были опущены, рекламные таблички с указанием сортов пива и цен на них не горели, входную дверь закрывала решетка. Когда спустя двадцать минут она пришла к тому же бару (сообразив, что кружит на одном месте только после того, как увидела бар; все дома казались ей одинаковыми), шторы по-прежнему были опущены, но рекламные таблички загорелись, а решетку перед дверью убрали. К косяку двери прислонился мужчина в рабочем комбинезоне с полупустой кружкой пива в руке. Она взглянула на часы и увидела, что время приближается к половине седьмого утра.

Рози опустила голову так, что верхняя часть мужчины, стоявшего в двери, скрылась из поля зрения, краешком глаза она видела лишь его ноги. Крепче зажав в руке ремень сумочки, она зашагала чуть быстрее. Наверное, мужчина с пивной кружкой знает, где находится Дарэм-авеню, но ей не хотелось спрашивать его. Он выглядел, как человек, который любит разговаривать с людьми — особенно с женщинами — начистоту.

— Эй крошка эй крошка, — произнес он, когда она проходила мимо «Маленького глотка». Речь его была начисто лишена всяких интонаций и пауз и смахивала на речь робота. И хотя ей не хотелось смотреть на него, она не устояла и, уже удаляясь, бросила короткий быстрый взгляд через плечо. У него были редеющие волосы и бледная кожа, на которой, как не до конца зажившие ожоги, выделялась россыпь мелких родимых пятен. Темно-рыжие усы, — похожие на моржовые, напомнили ей Дэвида Кросби. На них висели белые капельки пивной пены. — Эй крошка не хочешь приложиться ты выглядишь неплохо даже очень мило шикарные титьки так что скажешь не хочешь познакомиться мы могли бы чуток поразвлечься ну что скажешь мы бы сделали это по-собачьи так что скажешь?

Рози отвернулась от него и усилием воли заставила себя не убыстрять шаг. Она шла, низко склонив голову, как женщина в мусульманской стране, спешащая на рынок; она заставила себя сделать вид, что не замечает его: иначе он запросто последует за ней.

— Эй малышка мы бы поставили тебя на пол на все четыре кости что скажешь? Давай ты удержишься на минутку мы быстренько по-собачьи иди познакомься с ним ты не разочаруешься так что скажешь?

Она свернула за угол и облегченно вздохнула. Ее дыхание пульсировало, как живое существо, в такт испуганному сердцебиению. До этого момента она даже не вспоминала о городе, который покинула, о старом знакомом районе, в котором прожила целых четырнадцать лет, но теперь страх перед мужчиной, прислонившемся к косяку двери бара, и чувство полной дезориентации — ну *почему* все дома здесь такие одинаковые, *почему!* — пробудили в ней нечто, близкое к тоске по дому. Она осталась одна, совершенно одна, и не сомневалась, что

дальше дела пойдут еще хуже. Ей пришло в голову, что она никогда не вырвется из этого кошмара, что это всего лишь прелюдия к тому, чем окажется последующая жизнь. У нее даже зародились подозрения: может, никакой Дарэм-авеню нет *вовсе*, а мистер Слоуик в киоске под вывеской «Помощь путешественникам», показавшийся ей таким добрым, на самом деле садист и психопат, который развлекается тем, что отправляет заблудших людей в непроходимые дебри злочных районов?

В четверть девятого по ее часам — солнце давно уже встало, обещая жаркий не по сезону день, — она приблизилась к толстой женщине в сером халате, которая медленными уверенными движениями загружала пустые металлические мусорные ящики на тележку. Роза сняла темные очки.

— Прошу прощения.

Женщина мгновенно обернулась. Голова ее была опущена, но Роза разглядела на лице выражение постоянной агрессивности, характерное для человека, который часто слышит: «Толстуха, толстуха, задница, два уха!» с противоположной стороны улицы или из проезжающих мимо автомобилей.

— Что вам надо?

— Я ищу дом двести пятьдесят один на Дарэм-авеню, — сказала Роза. — Он называется «Дочери и сестры». Мне рассказали, как туда попасть, но я, по всей видимости...

— Что? Лесбиянки, живущие на пособие? Ты обратилась не по адресу, киска, я с голубыми дела не имею. Катись отсюда. Проваливай к такой-то матери. — С этими словами она отвернулась и покатила тележку, на которой грохотали пустые мусорные баки, по дорожке к дому, двигаясь все так же размеренно и церемониально, придерживая баки пухлой белой рукой. Гигантские ягодицы под халатом подрагивали при каждом шаге.

Подкатив тележку к ступенькам дома, она остановилась и снова посмотрела в сторону тротуара.

— Ты что, глухая? Я же сказала, проваливай, пока цела. Пока я не вызвала полицию.

Последнее слово Роза ощутила, как щипок в чувствительное место. Она снова надела очки и быстро пошла прочь. Полицию? Нет уж, спасибо. У нее нет ни малейшего желания иметь дело с полицией. *Никакой* полиции, премного благодарна. Однако, отойдя на почтительное расстояние от агрессивной толстой женщины, Роза почувствовала, что ей стало лучше. По крайней мере, она убедилась, что «Дочери и сестры» (возможно, более известные широкому кругу как лесбиянки, живущие на пособие) действительно существуют, а это уже шаг в нужном направлении.

Через два квартала ей попалась булочная с вывеской в окне: «СВЕЖИЕ ГОРЯЧИЕ БУЛОЧКИ». Она вошла, купила булочку — действительно горячую, что напомнило ей о матери, — и спросила пожилого продавца за прилавком, не подскажет ли он, как добраться до Дарэм-авеню.

— Вы, милая, немножко сбились с пути, — ответил он.

— Да? И намного?

— На пару миль, пожалуй. Идите-ка сюда. Он положил костлявую ладонь ей на плечо, подвел к входной двери и указал на оживленный перекресток всего в одном квартале от булочной. — Это Диэрборн-авеню.

— О Господи, так она совсем рядом? — Роза не знала, как поступить — то ли смеяться, то ли расплакаться.

— Да, милая, это Диэрборн. Единственная беда со старушкой Диэрборн в том, что она тянется едва ли не через весь город. Видите вон тот закрытый кинотеатр? — Да.

— За ним повернете на Диэрборн — вправо. От нее до места, которое вы ищете,

шестнадцать или восемнадцать кварталов. Пешком — мало удовольствия. Лучше автобусом.

— Я так и сделаю, — сказала Роза, зная, что пойдет пешком. Она отдала последние монеты, когда добиралась сюда от вокзала, и, если водитель начнет брюзжать из-за необходимости разменивать долларовую бумажку, она, скорее всего, не выдержит и разрыдается. (Мысль о том, что старик, с которым она разговаривает, охотно разменял бы доллар, не возникла в ее утомленном, запутавшемся мозгу).

— Вам нужно дойти до...

— ...Эльк-стрит.

Он бросил на нее нетерпеливый взгляд.

— Леди! Если вы с самого начала знали, как туда добираться, зачем было спрашивать?

— Я не знаю, как туда добираться! — воскликнула она, и, хотя в голосе старика отнюдь не чувствовалось недоброжелательности, глаза ее угрожающе увлажнились. — Я ничего не знаю! Я брожу по городу несколько часов, я устала, я...

— Ну хорошо, хорошо, успокойтесь, — произнес он. — Все в порядке, не горячитесь, с вами все будет в порядке. Значит, доедете автобусом до Эльк-стрит. От нее Дарэм всего в двух или трех кварталах. Рукой подать. У вас есть адрес?

Она утвердительно кивнула головой.

— Ну и прекрасно, — проговорил он. — Думаю, теперь вы не заблудитесь.

— Спасибо.

Из заднего кармана он вытащил мятый, но чистый носовой платок. Он протянул ей морщинистую темную руку с платком.

— Оботрите лицо чуть-чуть, милая, — сказал старик. — У вас на щеках осень.

Она медленно шла по Диэрборн-авеню, почти не замечая автобусов, которые с пыхтением проезжали мимо, отдыхая через каждые один-два квартала на скамейках автобусных остановок. Головная боль, возникшая прежде всего из-за чувства растерянности и одиночества в большом незнакомом городе, утихла, зато ноги и поясница ныли сильнее, чем прежде. До Эльк-стрит она добиралась больше часа. Свернув вправо, Роза обратилась к первой же встречной — молодой беременной женщине — с вопросом, правильно ли она идет, если ей нужно попасть на Дарэм-авеню.

— Сгинь, — коротко бросила женщина, и на ее лице появилось такое разгневанное выражение, что Роза невольно отступила на два шага от нее.

— Извините, — пробормотала Роза.

— Извините! Какого дьявола вы пристаёте ко мне со своими расспросами, хотела бы я знать! Убирайтесь с дороги!

Она оттолкнула Розу с такой силой, что та едва не упала на проезжую часть. Роза проводила ее взглядом, полным тупого недоумения, затем повернулась и продолжила путь по Эльк-стрит.

Она шагала еще медленнее, поднимаясь по Эльк-стрит, улице маленьких магазинчиков и лавчонок, перед ней сменяли друг друга вывески химчистки, цветочного магазина, гастронома с деликатесными продуктами, у входа в который она увидела лоток с разнообразными фруктами, лавки канцелярских товаров. Она валилась с ног от усталости, ей казалось, что еще немного, и сна усядется прямо здесь, на тротуаре, не в силах стоять, не говоря уже о том, чтобы идти. Некоторый подъем Розы ощутила, когда увидела табличку с названием Дарэм-авеню, но прилив сил быстро иссяк. Куда мистер Слоуик говорил ей повернуть, направо или налево? Она забыла. Свернув направо, она вскоре обнаружила, что нумерация домов возрастает; номер крайнего дома находился в середине пятой сотни.

— Первая попытка неудачна, — прошептала она, разворачиваясь. Спустя десять минут она стояла перед очень большим белым панельным домом (стены которого действительно давно не видели свежей краски) высотой в три этажа, отступившим от тротуара за широкую ухоженную лужайку. Окна были занавешены. На крыльце стояло около дюжины плетеных из лозы стульев, но в этот час они были пусты. Она не заметила таблички с названием «Дочери и сестры», однако номер на колонне слева от ведущих к двери ступенек и описание дома совпадали с теми, что дал ей мистер Слоуик. Она медленно зашагала по дорожке, опустив руку с сумочкой, и поднялась по ступенькам.

«Тебя прогонят, — прошептал голос. — Они тебя прогонят, и ты вернешься назад на автовокзал. И постарайся сделать это пораньше, чтобы занять самый удобный кусочек пола».

Кнопка звонка оказалась заклеенной изоляционной лентой, над замочной скважиной была прибита металлическая пластина. Слева от двери она увидела щель для карточки электронного замка, явно установленного совсем недавно, а над ней крепилось переговорное устройство. Небольшая табличка под переговорным устройством предупреждала, что посетителям следует «НАЖАТЬ/ГОВОРИТЬ».

Рози нажала кнопку переговорного устройства. За время продолжительных утренних скитаний она репетировала разные варианты вступительных объяснений, обдумала несколько способов представиться, но теперь, когда она наконец добралась сюда, даже самые простые из найденных гамбитов начисто вылетели из памяти. Разум словно заклинило. Она просто отпустила кнопку и ждала. Одна за другой проходили секунды, каждая падала, как тяжелый свинцовый слиток. Она снова протянула руку к кнопке переговорного устройства, когда из динамика раздался женский голос, прозвучавший с жестяной бесстрастностью.

— Мы можем вам помочь?

Хотя ее испугал усатый мужчина перед баром «Маленький глоток», хотя ее ошарашила молодая беременная женщина, ни в том, ни в другом случае она не плакала. Теперь же при звуках женского голоса по ее щекам потекли слезы — и никакие усилия не могли их остановить.

— Надеюсь, что да, — сказала Роза, вытирая влагу с лица свободной рукой. — Я прошу прощения, но в этом городе я никого не знаю, я совершенно одна, и мне негде остановиться. Если у вас нет свободных мест, я, конечно, уйду, но не могли бы вы впустить меня хоть ненадолго, чтобы я могла отдохнуть и, если позволите, выпить стакан воды?

Последовало новое ожидание. Роза потянулась было к кнопке переговорного устройства, но в этот момент жестяной голос спросил, кто направил ее сюда.

— Человек из киоска «Помощь путешественникам» на автовокзале. Дэвид Слоуик. — Она задумалась на мгновение, затем быстро затрясла головой. — Нет, я ошиблась. *Питер*. Его зовут Питер, а не Дэвид.

— Он дал вам визитную карточку?

— Да.

— Найдите ее, пожалуйста.

Она открыла сумочку и принялась рыться в ней, пытаясь откопать куда-то запропастившуюся визитку. За секунду до того, как свежие колкие потоки слез потекли из глаз, она наткнулась на квадратик белой бумаги. Визитная карточка лежала под пакетиком салфеток «Клинекс».

— Вот она, — сказала Роза. — Что я должна сделать? Опустить ее в щель для писем?

— Нет, — ответил голос. — Прямо над вами находится видеокамера.

Она испуганно вскинула голову. В самом деле, установленная над дверью видеокамера наблюдала за ней круглым черным глазом.

— Поднесите ее к камере, пожалуйста. Не лицевой стороной, а обратной.

Поднимая визитную карточку, она вспомнила, что удивилась, когда Слоуик поставил на чистой стороне большую, едва поместившуюся подпись. Теперь она поняла, зачем это было сделано.

— Все в порядке, — произнес голос. — Я позвоню, чтобы вас впустили.

— Спасибо, — поблагодарила Роза. Она достала салфетку и принялась вытирать щеки, но это не помогло: слезы текли все сильнее, и она не могла остановить плач.

В тот же вечер, в то время, когда Норман Дэниэлс, лежа на кушетке в гостиной, глядел в потолок и размышлял над тем, с какой стороны приступить к поиску этой сучки («Прорыв, — думал он, — мне нужен какой-то прорыв, какая-то зацепка, пусть даже крошечная, чтобы я смог начать»), его жена встретилась с Анной Стивенсон. Перед встречей Розе охватило странное, но принесшее облегчение спокойствие, — спокойствие, которое можно найти в знакомом сне. Отчасти она до сих пор считала, что все происходящее — не более чем сон.

Ей принесли поздний завтрак (или, возможно, то был ранний ленч), после чего отвели в одну из спален на первом этаже, где она проспала мертвым сном шесть часов. Затем, прежде чем проводить в кабинет Анны, ее покормили снова — жареным цыпленком с картофельным пюре и зеленым горошком. Она ела с виноватой жадностью, не в силах отделаться от мысли, что набивает желудок не имеющей калорий снящейся ей пищей. На десерт подали порцию апельсинового джема, в котором, словно жуки в янтаре, плавали кусочки фруктов. Она ощущала на себе взгляды других сидевших за столом женщин, но их любопытство казалось вполне дружелюбным. Они переговаривались между собой, однако Розе не могла уследить за темой бесед. Кто-то упомянул «Индиго герлс», и она отметила про себя, что знает о существовании таковых — однажды, поджидая Нормана с работы, она видела короткий сюжет про них в передаче «Окрестности Остина».

Пока она расправлялась с десертом, кто-то из женщин включил запись «Маленького Ричарда», и две другие женщины вышли из-за стола, чтобы станцевать джиттербаг. Они делали резкие движения бедрами и извивались. Их приветствовали смехом и аплодисментами. Розе посмотрела на танцующих отстраненно и подумала, что, возможно, здесь и вправду обитают лесбиянки, получающие государственное пособие. Позже, когда со столов убрали, Розе предложила свою помощь, но ей не позволили.

— Идите за мной, — позвала ее одна из женщин. Если Розе правильно запомнила, ее звали Консуэло. Лицо женщины уродовал широкий шрам, опускавшийся от левого глаза по щеке чуть ли не до подбородка. — Анна хочет с вами встретиться.

— Кто такая Анна?

— Анна Стивенсон, — ответила Консуэло, указывая путь по короткому коридору, соединяющемуся с кухней. — Наша шефиня.

— А какая она?

— Сами увидите.

Консуэло распахнула перед Розе дверь комнаты, по всей видимости, служившей когда-то кладовой, однако остановилась за дверью, не проявляя желания войти.

Первым предметом, который бросился в глаза Розе, был занимавший чуть ли не весь кабинет стол, беспорядочно заваленный горой бумаг. Такого ей видеть еще не приходилось. Сидевшая за столом женщина, несмотря на некоторую полноту, была, несомненно, очень красива. С короткими, аккуратно уложенными седыми волосами она напомнила Розе Беатрис Артур, исполнявшую роль Мод в старом телевизионном комедийном сериале. Строгое сочетание белой блузки и черного джемпера еще более подчеркивало сходство, и Розе робко приблизилась к столу. Она почти не сомневалась, что теперь, накормив ее и позволив поспать несколько часов, они снова выгонят ее на улицу. Она приготвилась к этому, уговаривая себя согласиться с неизбежным без споров и мольбы; в конце концов, это их дом, и спасибо уже за то, что ее покормили два раза. К тому же ей не придется занимать участок пола на вокзале для себя, по крайней мере пока — оставшихся денег достаточно, чтобы провести несколько ночей в

недорогом отеле или мотеле. Все могло быть хуже. *Гораздо хуже.*

Она понимала, что так оно и есть, однако сдержанное поведение женщины за столом и острый взгляд ее голубых глаз — глаз, которые, наверное, видели сотни подобных ей женщин, за прошедшие годы заходивших в этот кабинет, — вызывали в ней чувство робости.

— Присаживайтесь, — пригласила ее хозяйка кабинета, и когда Розы устроилась на единственном в комнате стуле, кроме того, на котором сидела седая женщина (для чего ей пришлось снять с сиденья ворох бумаг и положить их на пол — ближайшая полка была забита до отказа), Анна представилась и попросила ее назвать свое имя.

— На самом деле меня зовут Роуз Дэниэлс, — сообщила она, — но я решила вернуться к Макклейдон — своей девичьей фамилии. Наверное, это противоречит закону, но я больше не хочу пользоваться фамилией мужа. Он меня бил, поэтому я сбежала. — Она подумала, что женщина за столом может решить, будто первый же подзатыльник мужа вынудил ее к бегству, и невольно прикоснулась рукой к носу, который все еще болел у основания переносицы. — Наш брак продолжался довольно долго, но я только сейчас набралась храбрости.

— О каком сроке идет речь?

— Четырнадцать лет. — Розы почувствовала, что больше не в силах выдержать прямой, откровенный взгляд Анны. Она опустила глаза и уставилась на свои руки на коленях. Пальцы рук переплелись с таким напряжением, что костяшки побелели.

«Сейчас она спросит, почему же я так долго не просыпалась. Она не скажет вслух, что некоторая больная часть моего существа получала *удовольствие* от побоев, но она так думает».

Вместо того, чтобы выяснять подробности, женщина спросила, как давно Розы оставила мужа.

Над этим вопросом следовало тщательно подумать, и не только потому, что она попала из одного часового пояса в другой. Часы, проведенные в автобусе, а затем непривычный сон в разгаре дня окончательно запутали ее ощущение времени.

— Примерно тридцать шесть часов назад, — ответила она, выполнив в уме необходимые расчеты. — Плюс-минус.

— Понятно. — Розы ожидала, что сейчас Анна извлечет из бумажных джунглей на столе пару бланков и либо попросит ее заполнить их, либо займется этим сама, но женщина лишь продолжала глядеть на нее, возвышаясь над сложной топографией стола. — А теперь расскажите мне все. Все.

Розы сделала глубокий вдох и рассказала Анне о цапле крови на пододеяльнике. Поначалу она опасалась, что у собеседницы останется впечатление, будто она настолько ленива — или безрассудна, — что бросила мужа после четырнадцати лет совместной жизни из-за примитивного нежелания менять постельное белье; как это глупо ни звучит, она ужасно боялась, что Анна именно так и подумает. Она не могла объяснить те сложные чувства, которые пробудил в ней вид капли крови, ей не хотелось признаваться, что ее охватил настоящий гнев — гнев, показавшийся совершенно новым и одновременно знакомым, как старый друг, — однако она сообщила Анне, что раскачивалась на кресле Винни-Пуха с такой силой, что боялась сломать его.

— Так я называла свое кресло-качалку, — добавила она, чувствуя, что ее щеки вот-вот задымятся от залившей их горячей краски стыда. — Понимаю, это глупо...

Анна Стивенсон подняла руку, прерывая ее оправдания.

— Что вы сделали после того, как решили уйти? Расскажите об этом.

Розы поведала ей о кредитной карточке, о том, как боялась, что интуиция Нормана подскажет ему либо вернуться домой, либо позвонить. Она не могла заставить себя признаться этой суровой красивой женщине, что от страха ей пришлось зайти во двор чужого дома, чтобы

справить нужду, но она рассказала о том, как воспользовалась кредитной карточкой, какую сумку сняла, как выбрала этот город, показавшийся ей достаточно удаленным и потому безопасным, — к тому же именно сюда отправлялся ближайший автобус. Слова вырывались быстрыми автоматными очередями, после чего следовала пауза, в течение которой она собиралась с мыслями, размышляя, о чем говорить дальше, и испытывая изумление, почти не веря в то, что все-таки она решилась на столь отчаянный шаг. В конце она сообщила Анне о том, как заблудилась утром, и показала ей визитную карточку Питера Слоуика. Взглянув на нее мельком, Анна протянула карточку назад.

— Вы хорошо его знаете? — спросила Роза. — Мистера Слоуика?

Анна улыбнулась — Роза показалось, что в улыбке мелькнула едва заметная горечь.

— О да, — ответила она. — Он мой старый друг. *Очень* старый. Настоящий друг. И друг таких женщин, как вы.

— Вот таким образом я очутилась здесь, — закончили свою историю Роза. — Не знаю, что ждет меня в дальнейшем; пока что я добралась только до этих пор.

Подобие улыбки тронуло уголки рта Анны Стивенсон.

— Да. И до этих пор вы вели себя просто замечательно.

Собрав в кулак всю отвагу, — от которой за последние тридцать шесть часов остались лишь жалкие крохи, — Роза спросила, можно ли ей провести в «Дочерях и сестрах» ночь.

— И не одну, если понадобится, — ответила Анна Стивенсон. — В техническом смысле это убежище — находящийся в частных руках промежуточный полустанок. Вы можете пробыть здесь до восьми недель впрочем, и это не самый большой срок. Мы не придерживаемся жестких рамок относительно пребывания в «Дочерях и сестрах». — В ее голосе проскочил легких оттенков гордости (скорее всего, бессознательной), и Роза вспомнила фразу, которую выучила лет этак с тысячу назад, на втором году изучения французского языка: «L'etat, c'est moi» — государство — это я. Затем воспоминания были вытеснены потрясением, которое она испытала, когда до нее дошел действительный смысл сказанного.

— Восемь... восемь...

Она подумала о бледном молодом человеке, сидевшем на автостанции в Портсайте. Того, который держал на коленях табличку с надписью «БЕЗДОМНЫЙ, БОЛЬНОЙ СПИДОМ», и внезапно поняла, что бы он почувствовал, если бы кто-то из прохожих вдруг опустил в коробку из-под сигар стодолларовую банкноту.

— Простите, мне показалось, что вы сказали восемь *недель!*

«Вам нужно чаще мыть уши, милая, — представила она холодный ответ Анны Стивенсон. — *Дней*, я сказала восемь *дней*. Неужели вы подумали, что мы могли бы позволить таким, как вы, торчать здесь восемь недель? Вы совсем сошли с ума!»

Но Анна утвердительно кивнула головой.

— Хотя очень редко женщины, которые попадают к нам, остаются так долго. И мы испытываем по этому поводу законную гордость, я бы сказала. Вам придется в конце заплатить за пребывание и питание, хотя мы склонны полагать, что цены в нашем заведении вполне приемлемы. — Она снова на миг гордо улыбнулась. — Вам следует знать, что мы не в состоянии предложить что-то очень комфортное или роскошное. Большая часть второго этажа переделана под спальные помещения. У нас тридцать кроватей — правильнее назвать их койками, — одна из них случайно оказалась свободной, почему мы, собственно, и получили возможность принять вас. Комната, в которой вы спали сегодня днем, принадлежит одной из сотрудниц. Их три.

— А разве вам не обязательно получать чье-то разрешение? — прошептала Роза. — Обсуждать мою кандидатуру на заседании какого-нибудь комитета или что-то в этом роде?

— Я и есть комитет, — заявила Анна, и позже Роза подумала, что, наверное, прошло много

лет с тех пор, когда эта женщина в последний раз слышала нотки легкого высокомерия в своем голосе. — «Дочери и сестры» были основаны моими родителями, которые не испытывали стеснения в средствах. Я унаследовала доверительный фонд, из которого и поступают средства на содержание, Я сама выбираю, кого приглашать к нам, а кому отказать... хотя реакция других женщин на потенциальных обитательниц «Дочерей и сестер» очень важна. Я бы сказала, она имеет решающее значение — вы произвели благоприятное впечатление.

— Это хорошо, да? — слабым голосом спросила Роза.

— Совершенно верно. — Анна зашуршала бумагами, передвигая документы с места на место, и в конце гонцов обнаружила то, что искала, за компьютером «Пауэр бук», пристроившимся на левом крыле стола. Она протянула лист бумаги с отпечатанным на нем текстом и синим логотипом «Дочерей и сестер» вверху. — Вот. Прочтите и подпишите. Смысл текста сводится к тому, что вы согласны заплатить за свое пребывание у нас из расчета шестнадцать долларов в сутки, куда входят питание и проживание. При необходимости оплата может быть произведена позже. В общем-то, это даже не официальный документ; так, обещание. Мы рады, если те, кто останавливался у нас, платят половину перед уходом, даже если отлучаются на время.

— Я могу заплатить, — заверила ее Роза. — У меня еще кое-что осталось. Не знаю, как благодарить вас, миссис Стивенсон.

— Оставьте миссис для деловых партнеров, для вас я Анна, — поправила она Роза, глядя, как та ставит подпись в нижней части листа. — И не нужно благодарить ни меня, ни Питера Слоуика. Вас привело сюда Провидение — Провидение с большой буквы, как в романах Чарльза Диккенса. Я видела слишком много женщин, которые приползали сюда совсем разбитыми, а выходили целыми, чтобы не верить в это. Питер — один из немногих людей в городе, которые направляют женщин ко мне, но сила, приведшая вас к нему, Роза... это Провидение.

— С большой буквы.

— Верно. — Она мимоходом взглянула на подпись на листке и положила его на полку справа от себя, где, Роза не сомневалась, листок затеряется в общей куче бумаг еще до окончания дня.

— Ну вот, — произнесла Анна тоном человека, который только что покончил с неприятными, но необходимыми формальностями и теперь может свободно перейти к тому, что ему действительно нравится. — Что вы можете делать?

— *Делать?* — переспросила Роза. Ей неожиданно стало плохо. Она поняла, что сейчас произойдет.

— Да, *делать*. Что вы умеете делать? Скоропись, например?

— Я... — Она сглотнула. Когда-то, в старшей школе, она два года училась скорописи и получала отличные оценки, но те дни давно прошли, и сейчас она вряд ли вообще сможет писать без орфографических ошибок. — Нет. Когда-то училась, но не более того.

— Другие секретарские навыки?

Роза медленно покачала головой. В глазах снова защипало. Она отчаянно заморгала, пытаясь сдержать теплые слезы. Переплетенные пальцы рук опять засверкали белыми костяшками.

— Печатать на машинке умеете?

— Нет.

— Математика? Бухгалтерский учет? Банковское дело?

— Нет!

Анна Стивенсон поискала в бумажных дебрях карандаш, извлекла его и в задумчивости постучала резинкой на конце карандаша по белым зубам.

— Вы могли бы работать официанткой?

Рози невыносимо хотелось дать хоть один положительный ответ, но она представила огромные подносы, которые приходится таскать официанткам весь день напролет... а потом вспомнила о своей поясице и почках.

— Нет, — прошептала она. Она проиграла битву со слезами; маленькая комната и женщина, сидящая за столом напротив, расплылись, их заволокло туманом. — Во всяком случае, не сейчас. Может, через месяц-другой. Спина... она слишком слаба сейчас.

Господи, до чего же похоже на ложь! Услышав подобные фразы по телевизору, Норман цинично смеялся и принимался разглагольствовать о благотворительных «кадиллаках» и талонах на бесплатное питание для миллионеров.

Однако Анна Стивенсон, похоже, не очень обеспокоилась.

— Что же вы все-таки *умеете* делать, Рози? Хоть какими-то профессиональными навыками вы обладаете?

— Да! — воскликнула она, приходя в ужас от резких, сердитых интонаций в собственном голосе и не желая не только спрятать, но даже приглушить их. — Да, почему же нет? Я могу вытирать пыль, я могу мыть посуду, я могу стелить постели, я могу пылесосить ковры, я могу приготовить ужин для двоих человек, я могу заниматься любовью с мужем раз в неделю. И еще я могу сносить побои. Да, это мое главное умение. Как вы думаете, в окрестных спортивных залах нет открытой вакансии спарринг-партнера для начинающих заниматься боксом?

А потом она по-настоящему разрыдалась. Она рыдала, уткнувшись лицом в ладони, как часто делала за годы, прошедшие со дня их свадьбы, рыдала в полный голос и ожидала, когда Анна наконец скажет, чтобы она выметалась на улицу, что они могут найти на свободную койку другую женщину, которая не станет демонстрировать свое остроумие.

Что-то коснулось ее руки. Открыв глаза, Рози увидела перед собой коробочку с салфетками «Клинекс», которую протягивала ей Анна Стивенсон. И — невероятно, но это так — Анна Стивенсон улыбалась.

— Не думаю, что вам придется становиться чьим-нибудь спарринг-партнером, — проговорила она, — Мне кажется, все у вас со временем образуется — так ведь всегда бывает, поверьте. Возьмите салфетку и утрите слезы.

И пока Рози приводила себя в относительный порядок, Анна рассказала ей об отеле «Уайтстоун», с которым «Дочери и сестры» поддерживают давние и взаимовыгодные отношения. Отель «Уайтстоун» принадлежит корпорации, в директорский совет которой в свое время входил отец Анны, и немало женщин с удовольствием брались за работу в отеле. Оплачиваемую, разумеется. Анна сообщила Рози, что ей придется трудиться ровно столько, сколько позволит больная спина, а если через двадцать один день общее физическое состояние не улучшится, работу нужно будет оставить, чтобы пройти в больнице тщательное медицинское обследование.

— Кроме того, вы начнете работать в паре с женщиной, которая уже знает, что к чему. Скажем так, с консультантом, который живет в «Дочерях и сестрах» постоянно. Она будет обучать вас и отвечать за вас. Если вы украдете что-нибудь, отвечать придется ей, а не вам... но вы ведь не склонны к воровству, я надеюсь?

Рози затрясла головой.

— Кроме кредитной карточки мужа, я за всю жизнь ничего не украла, да и ею воспользовалась только раз. Чтобы он меня не выследил.

— Вы останетесь в «Уайтстоуне», пока не подыщете себе что-нибудь более подходящее, а это обязательно случится — не забывайте о Провидении.

— С большой буквы.

— Да. Мы просим вас лишь об одном: постарайтесь выполнять свои обязанности в «Уайтстоуне» как можно лучше — хотя бы ради тех женщин, которые придут после вас, если не по другим причинам. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да, — кивнула Роза. — Чтобы они потом тоже могли воспользоваться этой возможностью.

— Чтобы они потом тоже могли воспользоваться этой возможностью. Совершенно верно. Хорошо, что вы оказались здесь, Роза Маккландон.

Анна встала из-за стола и протянула обе руки жестом, в котором чувствовалось уже не едва заметное, а явно бросающееся в глаза неосознанное высокомерие, которое Роза увидела в ней и раньше. Помедлив мгновение, Роза встала и приняла протянутые руки. Их вальцы соединились над заваленным бумагами столом.

— Мне осталось сообщить вам еще о трех вещах, — сказала Анна, — Это важно, поэтому я прошу, чтобы вы успокоились и выслушали меня внимательно. Сможете?

— Да, — ответила Роза, очарованная взглядом голубых глаз Анны Стивенсон.

— Во-первых, то, что вы взяли кредитную карточку, не означает воровства. Деньги принадлежат не только ему, но и вам в одинаковой степени. Во-вторых, в том, что вы хотите вернуть свою девичью фамилию, нет ничего, противоречащего закону. Она остается за вами на протяжении всей жизни. В-третьих, вы можете стать свободной, если захотите.

Она умолкла, глядя на Роза своими замечательными голубыми глазами, не отпуская ее рук.

— Вы меня понимаете? *Вы можете стать свободной, если захотите.* Свободной от его кулаков, свободной от его мыслей, свободной от *него*. Хотите ли вы этого? Хотите ли вы стать свободной?

— Да, — произнесла Роза низким дрожащим голосом. — Больше всего на свете я хочу стать свободной.

Анна Стивенсон наклонилась через стол и легко поцеловала Роза в щеку. В то же время она мягко сжала ее ладони.

— Тогда вы попали туда, куда вам нужно. Добро пожаловать, дорогая.

Было начало мая, наступила настоящая весна, та пора, когда умы молодых людей, как утверждают знатоки, постепенно склоняются к любви — прекрасное время года и замечательное чувство, — однако мысли Нормана Дэниэлса были заняты совершенно иным. Он ожидал прорыва, крошечной зацепки, и теперь она появилась. На это ушло слишком много времени — почти три недели, черт бы их побрал, — но она все-таки появилась.

Он сидел на скамейке в парке в восьмистах милях от города, где его жена в этот момент меняла простыни в гостиничных номерах, — крупный мужчина в легком джемпере и серых габардиновых брюках свободного покроя. В одной руке он держал полупрозрачный зеленый теннисный мяч. Мышцы предплечья ритмично напрягались и опадали в такт движению пальцев, сжимавших и отпускавших мяч.

Другой мужчина пересек улицу, остановился на краю тротуара, оглядел парк, затем заметил мужчину на скамейке и направился к нему. Он слегка наклонился, когда над его головой бесшумно пролетела пластмассовая летающая тарелочка, затем замер как вкопанный, когда мимо него пронеслась большая немецкая овчарка, преследующая тарелочку. Этот, второй мужчина был гораздо моложе того, что сидел на скамейке. На его привлекательном, но не внушающем доверия лице красовались тоненькие усики в стиле Эррола Флинна. Он остановился перед мужчиной, сжимавшим в правой руке теннисный мяч, и неуверенно посмотрел на него.

— Чем могу помочь, приятель? — спросил мужчина с теннисным мячом.

— Вы Дэниэлс?

Мужчина с теннисным мячом утвердительно кивнул головой.

Мужчина с тоненькими усиками в стиле Эррола Флинна указал на возвышающееся на противоположной стороне улицы большое новое здание треугольной формы с огромным количеством стекла.

— Кое-кто оттуда посоветовал мне, чтобы я пришел сюда и поговорил с вами. Он сказал, что вы, возможно, поможете мне выбраться из ситуации, в которой я очутился.

— Лейтенант Морелли, что ли? — уточнил мужчина с теннисным мячом.

— Да. Именно он.

— И в какое дерьмо ты вляпался?

— Вы же сами знаете, — ответил мужчина с усиками в стиле Эррола Флинна.

— Послушай, что я тебе скажу, приятель — может знаю, а может, и нет. Как бы там ни было, я — тот человек, к которому тебя послали, а ты — грязный вонючий недоносок, по уши влезший в дерьмо. Так что советую тебе рассказать все, что я желаю от тебя услышать, понял? А в данный момент мне хочется услышать, что у тебя за проблемы. Давай, выкладывай и не строй из себя девственницу.

— Меня обвиняют в торговле наркотиками, — произнес мужчина с усиками в стиле Эррола Флинна. Он хмуро взглянул на Дэниэлса. — Пихнул пакетик не тому, кому следовало.

— Ай-ай-ай, как нехорошо, — осуждающе покачал головой мужчина с теннисным мячом. — Да-а, это тяжкое уголовное преступление. Но беда одна не ходит, правда? Они обнаружили кое-что интересное в твоём бумажнике, не так ли?

— Да. Вашу кредитную карточку, мать ее так! Ну не везет, так не везет. Найдешь в мусорной корзине кредитную карточку, а она, оказывается, принадлежит полицейскому.

— Присаживайся, — радушно предложил Дэниэлс, но когда мужчина с усиками в стиле Эррола Флинна двинулся к правой стороне скамейки, коп раздраженно встряхнул головой. — Не туда, болван, на другую сторону.

Мужчина с тоненькими усиками испуганно попятился, потом осторожно присел на край скамейки слева от Дэниэлса. Он зачарованно смотрел на правую руку полицейского, ритмичными мощными движениями сжимавшую теннисный мяч. Раз... два... три... Узкие голубоватые прожилки ужами змеились по белой внутренней стороне руки Дэниэлса.

Мимо пролетела тарелочка. Мужчины повернулись, следя за немецкой овчаркой, которая бросилась вслед за тарелочкой, высоко вскидывая высокие, почти как у лошади, ноги.

— Красивый пес, — заметил Дэниэлс. — Овчарка — красивая собака. Мне всегда нравились овчарки. А тебе?

— Конечно. Замечательное животное, — подтвердил мужчина с усиками, хотя на самом деле считал, что собака уродлива и выглядит так, будто при первой же возможности с удовольствием готова порвать в клочья задницу любому, кто встанет ей поперек дороги.

— Итак, нам о многом нужно поговорить, — произнес полицейский с теннисным мячом в руке. — Собственно, мне кажется, что это будет самый важный разговор в твоей юной жизни, мой друг. Ты готов к нему?

Мужчина с тоненькими усиками сглотнул застрявший в горле огромный комок и пожалел — наверное, в восьмисотый раз за этот день — о том, что не избавился от проклятой кредитной карточки. Ну почему он не сделал этого? Почему же он оказался таким жалким идиотом?

Впрочем, он понимал, почему оказался таким жалким идиотом, — думал, что рано или поздно найдет способ воспользоваться ею. Потому что он был оптимистом. В конце концов, это Америки страна благоприятных возможностей. А еще (и это намного ближе к правде) он просто-напросто забыл, что кредитная карточка валяется в его бумажнике, засунутая за тоненькую пачку визитных карточек, которые он всегда подбирал. Наркотики производят на вас такое действие — вы продолжаете бежать, однако по пути начинаете забывать, *почему* убегаете.

Полицейский смотрел на него и улыбался, но улыбка не затрагивала его глаз. Глаза его казались... голодными. Внезапно молодой человек с тоненькими усиками почувствовал себя, как один из трех сказочных поросят, сидящий на скамейке рядом с огромным прожорливым волком.

— Послушайте, я же ни разу не воспользовался вашей кредитной карточкой. Давайте разберемся с этим сразу, хорошо? Вам же сказали? Я даже не пробовал ею воспользоваться!

— Ну конечно, ты не воспользовался ею, — хохотнул полицейский. — Как же можно пустить ее в дело, если не знаешь кода? Код повторяет цифры моего домашнего телефона, а мой телефонный номер не занесен в справочник... как у большинства полицейских. Только я полагаю, что тебе об этом уже известно, да? Думаю, ты уже проверил, не так ли?

— Нет! — воскликнул мужчина с усиками. — Ничего я не проверял!

Разумеется, он проверил. Он перерыл телефонный справочник после того, как попытался составить несколько вариантов цифровых комбинаций из адреса и номера дома, но не достиг желаемого результата. Сначала он объездил весь город, нажимая кнопки на десятках банковских автоматов. Он нажимал кнопки до тех пор, пока у него не начинали болеть кончики пальцев, и чувствовал себя, как последний идиот, развлекающийся игрой на самом жадном в мире игровом автомате.

— И что же мы увидим, если захотим проверить компьютерные распечатки по банковским автоматам «Мерчентс»? — спросил полицейский, — Не обнаружим ли мы случайно мою карточку в колонке «СБРОС/ПОВТОР» примерно миллиард раз? Эй, если это не так, я обещаю угостить тебя роскошным обедом с бифштексом. Что скажешь на мое предложение, дружок?

Мужчина с усиками не знал, ни что сказать, ни что подумать. Его охватило очень неприятное предчувствие. *Крайне* неприятное. Между тем пальцы копа продолжали сжимать и отпускать упругий теннисный шарик — раз-два, раз-два, раз-два. Просто потрясающе, неужели

он до сих пор не устал?

— Тебя зовут Рамон Сандерс, — сказал полицейский по фамилии Дэниэлс. — За тобой тянется список грехов размером с мою руку. Воровство, мошенничество, наркотики и все такое прочее. Все, кроме нападений, избиения, — преступлений такого рода. Ты не вмешиваешься в подобные делишки, правда? Это не твоя стихия. Вам, педикам, не нравится, когда вас бьют. Даже тем, которые по виду не уступают Шварценеггеру. Да что там, они даже не прочь походить в майке, чтобы сверкнуть бицепсами перед лимузином, останавливающимся у дверей респектабельного клуба для гомиков, но если кто-то начинает всерьез размахивать кулаками, вы, ребятки, тут же сматываете удочки. Я прав?

Рамон Сандерс промолчал. Ему казалось, что это самое разумное решение.

— А вот я люблю бить, — признался полицейский Норман Дэниэлс. — Даже ногами. И даже кусаться. — Он говорил почти задумчивым тоном. Казалось, глядел на немецкую овчарку, медленно трусившую с пластмассовой тарелочкой в зубах. — Что на это скажешь, ангельские глазки?

Рамон снова счел за лучшее промолчать. Он старался сохранить на лице невозмутимое выражение, не целая россыпь маленьких лампочек в его мозгу загорелась ярко-красным светом, и озноб испуга распространился по телу, пробираясь по волокнам разветвленной нервной системы. Его сердце колотилось все быстрее и быстрее, набирая скорость, как поезд, покинувший станцию отправления и оказавшийся за пределами города, в открытой безлюдной местности. Время от времени он искоса бросал взгляды на крупного мужчину в легком красном джемпере, и ему все меньше и меньше нравилось то, что он видел. Правая рука полицейского почти не расслаблялась; вены налились кровью, мышцы вздулись, как свежее испеченные булочки.

Впрочем, Дэниэлс, похоже, и не ожидал от него ответа. На лице, повернутом к Сандерсу, сияла улыбка...

Так казалось, если не обращать внимания на глаза. Глаза оставались пустыми и блестящими, как две новые монеты в двадцать пять центов.

— У меня есть для тебя хорошие новости, братишка. Ты можешь избавиться от обвинений в распространении наркотиков. Если окажешь мне небольшую услугу, будешь свободным, как птичка. Ну, что теперь скажешь?

Рамону больше всего хотелось хранить молчание, как и раньше, однако в сложившейся ситуации, пожалуй, это не пройдет. В этот раз полицейский не стал продолжать и повернулся к нему, ожидая ответа.

— Что ж, отлично, — произнес Рамон, надеясь, что угадал правильный вариант ответа. — Отлично, просто превосходно, спасибо огромное, что помогли мне.

— Знаешь, Рамон, наверное, ты мне нравишься. — заметил полицейский и затем сделал то, чего ошеломленный Рамон меньше всего ожидал от этого крупного телосложения человека, прожженного полицейского с безжалостным взглядом гиены: он положил ладонь левой руки на промежность Рамона и начал растирать ее прямо на глазах у Господа Бога, на виду у играющих на площадке детей, на виду у всех, кого угодно. Он вращал ладонь мягкими круговыми движениями по часовой стрелке, двигал ею из стороны в сторону, вверх-вниз над той частью плоти Рамона, которая управляла всей его жизнью в большей или меньшей степени с того далекого дня в детстве, когда двое приятелей его отца — двое мужчин, которых он должен был называть дядя Билл и дядя Карло, — по очереди изнасиловали девятилетнего мальчика. И то, что произошло потом, наверное, не кажется очень удивительным, хотя в данной ситуации действительно представлялось *совершенно* невероятным; он почувствовал, что у него возникает эрекция.

— Да-да, может, ты мне нравишься, может быть, ты мне очень нравишься, маленький грязный сосунок в узких черных штанишках и остроносых блестящих туфлях, а почему бы и нет? — Говоря, полицейский продолжал массировать промежность Рамона. Он варьировал движения ладони, время от времени легонько сжимая плоть, отчего Рамон испуганно хватал ртом воздух. — И очень здорово, что ты мне нравишься, Рамон, можешь поверить мне, потому что в этот раз тебе не отвертеться, это уж точно. Целый список серьезнейших правонарушений. Но ты знаешь, что меня беспокоит? Леффингуэлл и Брустер — полицейские, которые тебя зацапали, — сегодня утром смеялись в управлении. Они смеялись над тобой, и это нормально, но у меня возникло ощущение, что они смеются и надо *мной*, а это уже *не* нормально. Мне не нравятся люди, которые надо мной смеются, и обычно я не оставляю их смех безнаказанным. Но сегодня утром мне пришлось сдержаться, и потому сегодня утром я буду твоим лучшим другом, я собираюсь забыть про очень серьезные обвинения, связанные с торговлей наркотиками, даже несмотря на то, что у тебя оказалась моя кредитная карточка. Ты догадываешься, почему я это делаю?

Пластмассовая тарелочка снова пролетела мимо, опять немецкая овчарка бросилась за ней, но в этот раз Рамон едва ли заметил пса. Его плоть под рукой копа напряглась до предела, и он чувствовал себя, словно мышь, попавшая в лапы кошки.

В этот раз пальцы сжались чуть сильнее, и Рамон издал негромкий хриплый стон. По его щекам цвета кофе с молоком струились ручьи пота; тоненькие усики смахивали на мертвого земляного червя под проливным дождем.

— Догадываешься почему, Рамон?

— Нет, — выдавил Сандерс.

— Потому что женщина, выбросившая кредитную карточку, — моя жена, — сказал Дэниэлс. — Вот почему смеялись Леффингуэлл и Брустер. К такому выводу я пришел. Она берет мою кредитную карточку, получает несколько сотен долларов — *деньги, которые заработал я*, — а когда карточка выплывает на Божий свет снова, она оказывается в распоряжении маленького грязного голубого сосунка по имени Рамон. Неудивительно, что им стало смешно.

«Пожалуйста, — мысленно кричал Рамон, — пожалуйста, не делайте мне больно, я скажу все, что хотите, только не делайте мне больно!» Ему хотелось сказать эти слова вслух, но он лишился дара речи. Он не мог произнести ни звука. Его гортань сузилась до размеров миниатюрного клапана.

Рослый полицейский склонился к нему поближе, настолько близко, что Рамон слышал запах сигарет и шотландского виски в его дыхании.

— Теперь, когда я поделился с тобой своими сокровенными мыслями, я хочу, чтобы ты сделал то же самое. — Поглаживание прекратилось, и сильные пальцы сомкнулись вокруг яичек Рамона, легко прощупывающихся через тонкую ткань брюк. Над ладонью копа явственно просматривалась форма напряженного пениса; он смахивал на игрушечную бейсбольную битку, которую можно купить в сувенирном киоске рядом с любым стадионом. Рамон ощущал силу руки копа. — И тебе же будет лучше, если ты поделишься со мной прямо сейчас, Рамон. И знаешь почему?

Рамон молча покачал головой. Ему казалось, что кто-то открутил внутри него кран с теплой водой и теперь вода сочится через поры кожи по всему телу.

Дэниэлс протянул правую руку — ту, в которой держал теннисный мяч, — и поднес ее к носу Рамона. Затем сжал его с внезапной злой силой. Раздался хлопок и короткое громкое шипение, тут же угасшее Дпф-ф-ф-ф! Пальцы проткнули мохнатую полупрозрачную поверхность мяча, который, лишившись воздуха, превратился в лепешку.

—левой рукой я могу сделать та же самое, — пояснил Дэниэлс. — Ты мне веришь?

Рамон попытался сказать, что он верит, конечно же, верит ему, но обнаружил, что дар речи все еще не вернулся. Он кивнул.

— И будешь иметь это в виду?

Он снова кивнул.

— Вот и славненько. А теперь о том, что я хочу услышать от тебя, Рамон. Я знаю, ты всего лишь маленький вонючий педик, который в жизни не имел дела с женщинами, разве что пару раз трахнул собственную мамашу, когда был помоложе, знаешь, мне почему-то кажется, что ты это сделал, признаться, ты производить такое впечатление — ну да ладно. Напряги — свое воображение. Как ты думаешь, приятно вернуться домой и увидеть, что твоя жена, женщина, которая клялась любить, почитать и, мать твою, повиноваться тебе, — так вот, она сбежала из дому, прихватив с собой твою кредитную карточку? Как ты полагаешь, приятно узнать, что она получила по ней деньги, чтобы оплатить себе каникулы, а потом выкинула ее в мусорный ящик на автовокзале, где ее и нашел грязный вонючий гомик вроде тебя?

— Не очень, — прошептал Рамон. — Я думаю, это очень неприятно, пожалуйста, офицер, не делайте мне больно, прошу вас, не делайте...

Дэниэлс медленно сжал руку, сжал ее так, что сухожилия на запястье натянулись, как гитарные струны. Волна боли, тяжелая, как жидкий свинец, поднялась снизу до живота Рамона, и он попытался закричать. Но из горла вырвался лишь нечленораздельный хрип.

— Что, не нравится? — прошептал Дэниэлс ему в лицо. От его дыхания несло теплом, паром, виски и сигаретами. — Неужели на большее ты не способен? Что случилось с твоим языком, дружок? Ты случайно не онемел? Все же... это не тот ответ, который я хотел бы получить.

Рука расслабилась, но только чуть-чуть. Нижняя часть живота Рамона превратилась в море боли, но пенис его по-прежнему оставался напряженным. Он всегда старался избегать боли, не понимая извращенцев, которые наслаждаются ею, и эрекция не спала, по всей видимости из-за того, что коп уперся ему в пах основанием ладони, перекрывая отток крови. Он поклялся себе в том, что если ему удастся выбраться из этой передрыги живым, он прямиком отправится в церковь Святого Патрика и произнесет пятьдесят молитв во славу матери Божьей Марии.

Пятьдесят? *Сто* пятьдесят!

— Они смеялись надо мной, — повторил коп, кивая подбородком в сторону нового, блестящего стеклом здания полицейского управления через улицу. — Они смеются, еще как смеются. Большой крепкий Норман Дэниэлс, вы слышали? От него удрала жена! Вот так потеха! К тому же она забрала с его счета почти все деньги, представляете?

Дэниэлс издал невнятный вой, похожий на тот, что сопровождает посетителей зоопарка, прогуливающих между клетками с животными, и снова сжал плоть Рамона. Боль взвилась до самого мозга. Мужчина с усиками подался вперед, и его стошнило на собственные колени — его вырвало, и он выплевывал белые куски творога в коричневых полосках, представлявшие собой остатки сырной запеканки, которую он съел за завтраком. Дэниэлс, похоже, ничего не замечал. Он уставился в небо над спортивной площадкой, погруженный в мир своих мыслей.

— Как ты думаешь, я позволю им таскать тебя по кабинетам, чтобы и другие могли посмеяться? — спросил он. — Чтобы они могли повеселиться не только в полицейском управлении, но и в зале суда? Нет, я этого не допущу.

Повернувшись, он заглянул в глаза Рамону. Он улыбался. От вида его улыбки Рамону захотелось кричать.

— Вот и настало время для главного вопроса, — сказал полицейский. — И если ты совершь, я оторву объект твоей гордости и скормлю его тебе же.

Дэниэлс снова сжал яички Сандерса, и в этот раз перед глазами парня поплыли темные

круги. Рамон отчаянно пытался сохранить ясность рассудка. Если он потеряет сознание, коп, скорее всего, разозлится и убьет его на месте.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да! — произнес Рамон сквозь душившие его рыдания. — Я понимаю! Я понимаю!

— Ты был на автовокзале, ты видел, как она сунула кредитную карточку в мусорную корзину. Это мне известно. Теперь я хотел бы знать, куда она отправилась потом.

Рамон едва не расплакался от облегчения, ибо случилось так, что, вне всякого ожидания, он знал ответ. Он проводил тогда взглядом женщину, проверяя, не оглянется ли она... а потом, пятью минутами позже, после того как, обрадованный неожиданной находкой, сунул пластиковую карточку в бумажник, снова заметил ее. На нее трудно было не обратить внимания — красный шарфик, яркий, как свежескрашенная стена одинокого амбара в поле, бросался в глаза.

— Она пошла к билетным кассам! — закричал Рамон из сгущавшейся вокруг него темноты, — Она пошла к кассам!

Его усилия были вознаграждены очередным безжалостным сжатием руки. Рамону казалось, что кто-то расстегнул ему брюки, облил яички керосином и поднес к ним спичку.

— Я знаю, что она пошла к билетным кассам! — не то прокричал, не то просмеялся ему в лицо Дэниэлс. — Какого черта она отправилась бы в Портсайд, если не собиралась уехать на автобусе? Чтобы провести социологические исследования среди таких придурков, как ты? К какой кассе, вот что мне надо знать — к какой кассе, твою мать, и в какое время?

И — о, хвала Господу, хвала Иисусу Христу и матери Божьей — он случайно знал ответы на оба вопроса.

— «Континентал экспресс»! — воскликнул он, отдаленный от своего голоса, казалось, на многие мили. — Я видел, как она пошла к окошку кассы «Континентал экспресс», в половине одиннадцатого или без четверти одиннадцать!

— «Континентал»? Ты не врешь?

Рамон не ответил. Он боком завалился на скамейку. Одна рука с растопыренными пальцами свесилась до самой земли. Его лицо приобрело мертвенно-серый оттенок, лишь высоко на скулах оставались два ярких розовых пятна. Молодые мужчина и женщина прошли мимо, глядя на упавшего на скамейку человека, потом вопросительно посмотрели на Дэниэлса, который к этому времени убрал руку с промежности Рамона.

— Не волнуйтесь, — успокоил их Дэниэлс, широко улыбаясь. — Он эпилептик. — Он сделал паузу, улыбка стала еще шире. — Я позабочусь о нем. Я — полицейский.

Они прибавили шаг и ушли, не оглядываясь. Дэниэлс положил руку на плечо Рамона. Прятавшиеся под кожей кости показались ему хрупкими, как птичье крыло.

— Вставай-ка, великан, — произнес он, приводя упавшего в сидячее положение. Голова Рамона безвольно болталась, как цветок на сломанном стебельке. Его тело снова начало заваливаться на бок, из горла вырывалось густое булькающее хрюканье. Дэниэлс опять усадил его, и в этот раз Рамону удалось сохранить вертикальное положение.

Дэниэлс сидел рядом с ним, наблюдая за немецкой овчаркой, которая, резвясь в свое удовольствие, бегала за пластмассовой летающей тарелочкой. Он завидовал собакам, искренне завидовал. Им не нужно ни за что отвечать, им не нужно работать — по крайней мере, в этой стране, — их кормят, им предоставляют место для сна, им даже не надо волноваться о том, что ждет их в конце пути, рай или ад. Однажды в Обрейвилле он спросил об этом отца О'Брайена, и священник сказал ему, что у животных нет души — умирая, они просто гаснут, как искры фейерверка четвертого июля, и исчезают с лица земли. Правда, овчарку, наверное, кастрировали месяцев через пять или шесть после ее рождения, но...

— В некотором смысле это тоже большое преимущество, — пробормотал Дэниэлс. Он хлопнул ладонью по брюкам Рамона, под которыми пенис едва ощущался, зато яички распухли до невероятных размеров. — Все в порядке, гигант?

Рамон издал глубокий гортанный звук, похожий на стон человека, который видит кошмарный сон.

«Как бы там ни было, — подумал Дэниэлс, — от того, что предписано, все равно не уйти, так что радуйся тому, что имеешь». Может, в следующей жизни ему повезет больше, и он родится овчаркой, псом, не обремененным никакими заботами, с удовольствием догоняющим летающие тарелочки, высывающим массивную голову через заднее стекло автомобиля по дороге домой, где его ждет вкусный и обильный ужин из собачьего корма «Пурина дог чоу», но в этой жизни он родился мужчиной, и в том-то и заключается вся беда.

И все же он *мужчина*, чего нельзя сказать о соседе по скамейке.

«Континентал экспресс». Рамон видел ее у окошка автобусной компании «Континентал экспресс» в десять тридцать или без четверти одиннадцать, и она не стала бы ждать чересчур долго — она слишком боялась его, чтобы ждать долго, он готов поклясться в этом собственной жизнью. Значит, ему нужно проверить автобусы, которые покинули Портсайд, скажем, между одиннадцатью утра и часом дня. Вероятнее всего, автобусы, уходящие в большие города, где она, как ей кажется, смогла бы легко затеряться.

— Только от меня ты не уйдешь, — проговорил Дэниэлс. Он увидел, как овчарка высоко подпрыгнула и схватила парящую в воздухе тарелочку, впившись в нее острыми белыми зубами. Нет, он найдет ее. Она *думает*, что может скрыться в большом городе, но ошибается. Поначалу ему придется распутывать клубок большей частью по выходным, пользуясь, в основном, телефоном. Да, пожалуй, другого выхода и нет, он должен закончить расследование дела, связанного с ограблением склада большой компании; это будет настоящая сенсация (если повезет, *его* сенсация). Но ничего страшного. Скоро он разделается с ограблением и вплотную займется поиском своей жены, уделит Роуз все свое внимание, и она пожалеет о том, что совершила. Да. Она будет жалеть о своем опрометчивом поступке на протяжении всей оставшейся жизни — периода, который вряд ли окажется продолжительным, но он постарается сделать его крайне... как бы это сказать...

— Крайне интенсивным, — проговорил он вслух и решил, что это самое что ни на есть подходящее слово. *Идеально* подходящее слово.

Он встал со скамейки и быстро зашагал по улице к расположенному на противоположной стороне полицейскому управлению, не удостоив даже беглым взглядом молодого человека, сидящего в полубессознательном состоянии на скамейке с опущенной головой и слабо прижатыми к паху руками. Для детективного инспектора второго класса Нормана Дэниэлса Рамон попросту перестал существовать. Дэниэлс размышлял о своей жене и о тех уроках, которые он ей преподаст. О том, что им нужно будет обсудить. И они *обязательно* поговорят — как только он ее выследит. Они будут беседовать долго, очень долго, и главной темой разговора станет то, что должно происходить с женщинами, которые клянутся любить, почитать и повиноваться, а потом крадут кредитные карточки мужей и убегают из дому. Они *обязательно* поговорят об этом. И поговорят начистоту.

Она снова стелила постель, но в этот раз это была совсем другая постель, совсем в другой комнате и совсем в другом городе. И, что самое приятное, это постель, в которой она никогда не спала, и никогда не будет спать.

Прошел месяц с того дня, когда она покинула свой дом, оставшийся в восьмистах милях к востоку, и многое в ее жизни улучшилось. Сейчас самой большой проблемой являлась спина, вернее поясница, но даже она теперь болела меньше; улучшение было заметным. В данный момент сильная и неприятная боль в почках давала о себе знать, верно, но ведь это уже восемнадцатый гостиничный номер, а в первый день работы в «Уайтстоуне» она едва не потеряла сознание после уборки десятого номера и не могла пошевелиться после четырнадцатого — ей пришлось обратиться к Пэм за помощью. Четыре недели способны чертовски здорово изменить мировоззрение человека, теперь Роза хорошо понимала это, особенно если за четыре недели, о которых идет речь, вас ни разу не ударили по почкам или в живот.

Однако на сегодня хватит.

Она подошла к двери гостиничного номера, просунула голову в коридор и посмотрела сначала налево, «затем направо. Она не увидела ничего, кроме нескольких тележек, на которых доставляли в номера завтраки, тележки Пэм у номера-люкс под названием „Озеро Мичиган“, в конце коридора, и своей, рядом с дверью номер шестьсот двадцать четыре.

Взяв под стопкой свежих полотенец на тележке банан, она пересекла гостиничный номер и села в мягкое кресло у окна. Очистив плод, откусила маленький кусочек и начала медленно жевать его, глядя на озеро, мерцавшее, как зеркало, в тусклом свете безветренного дождливого майского дня. Ее сердце и разум переполняло одно простое огромное чувство — благодарность. Жизнь ее далека от совершенства, во всяком случае, пока, однако многое изменилось к лучшему, изменилось так, как она и не мечтала в тот день в середине апреля, когда стояла на крыльце «Дочерей и сестер», глядя на коробочку переговорного устройства и замочную скважину, забитую металлической пластиной. В тот миг будущее представлялось ей темным и несчастным. Теперь же у нее болели почки, ноги, она прекрасно понимала, что не желает всю оставшуюся жизнь гнуть спину, работая внештатной горничной в отеле «Уайтстоун», но банан был вкусен, а кресло под ней — мягким. В этот миг она не променяла бы свое место в мировом порядке вещей ни на какое другое. За те недели, которые оно провела без Нормана, Роза научилась получать неизъяснимое наслаждение от маленьких радостей, от чтения перед сном, от разговора с другими женщинами о фильме или телешоу во время совместного мытья по суды после ужина, от незаконного пятиминутного перерыва в разгар рабочего дня, когда можно присесть и съесть банан.

И еще она испытывала удивительное удовольствие от *знанья того, что ее ожидает в дальнейшем*, от уверенности, что в будущем не прячутся болезненные и неприятные сюрпризы. Удовольствие знать, например, что ей осталось привести в порядок всего два номера, после чего они с Пэм спустятся вниз на служебном лифте и выйдут из отеля через служебный вход. По пути к автобусной остановке (теперь Роза легко ориентировалось в маршрутах оранжевой, красной и голубой автобусных линий) они, скорее всего, забегут на минутку в «Горячий горшок», чтобы пропустить по чашечке кофе Простые вещи Простые удовольствия. Мир может быть и хорошим. Наверное, она знала об этом в детстве, а потом забыла. Теперь заново усваивала эту истину, и уроки доставляли ей радость. Она не обрела всего, что хотела, и до этого еще очень далеко, но пока у нее нет причин для недовольства... тем более, когда не знаешь, что поджидает тебя

вперед. Будущему придется повременить до тех пор, пока покинет «Дочерей и сестер» однако ее не оставляло ощущение скорых перемен она чувствовала, что следующая комната в «Дочерях и сестрах», которая освободится по причине отъезда жильца, будет ее.

На полу перед открытой входной дверью номера шестьсот двадцать четыре выросла чья-то тень, и прежде, чем она успела сообразить, куда же ей спрятать недоеденный банан — а о том, чтобы встать с кресла, она даже и не подумала, — в номер вошла Пэм.

— Привет детка, — бросила она и хихикнула, увидев по-детски испуганное лицо Розы.

— Пэм, прошу тебя, *никогда* так не делай больше, ладно? Меня едва не хватил сердечный приступ!

— Да ну, не думай, что тебя выгонят за то, что ты села в кресло и ешь банан, — беззаботно сказала Пэм. — Знала бы ты, что творится в этих номерах иногда!.. Что у тебя осталось, двадцать второй и двадцатый?

— Да.

— Помочь?

— Нет, тебе совсем не обязательно.

— С удовольствием, — произнесла Пэм. — Честно, вдвоем мы справимся с ним за пятнадцать минут. Ваше решение, леди?

— Я говорю да, — с признательной улыбкой ответила Розы. — Сегодня в «Горячем горшке» плачу я — за кофе и пирожное, если захочешь.

Пэм расплылась в улыбке.

— Если у них не кончились те, с шоколадным кремом, боюсь, тебе придется раскошелиться.

Хорошие дни — четыре недели хороших дней, несмотря ни на что.

Той ночью, лежа на своей койке, подложив руки под голову, глядя в темный потолок и слыша приглушенные всхлипывания женщины через несколько коек слева от нее — женщины, появившейся только накануне вечером, — Розы подумала, что прожитые дни можно считать хорошими по отрицательной причине: в них *не было* Нормана. Она чувствовала, однако, что в скором времени одного лишь его отсутствия не хватит, чтобы заполнить их и сделать приятными.

«Подожди еще немножко, — сказала она себе, закрывая глаза. — Пока того, что ты имеешь, достаточно. Простые, ничем не омраченные дни работы, еды, сна... *без* Нормана Дэниэлса».

Ее сознание помутнело, мыслящая часть отделилась, и в голове снова зазвучал голос Кэрол Кинг, поющий колыбельную, под которую она засыпала почти каждый день: «На самом деле я — Розы... я — Розы Настоящая... советую поверить мне... со мною шутки плохи...»

Затем последовала темнота, а за нею ночь — и таких становилось все больше, — когда ей не снились плохие сны.

III. ПРОВИДЕНИЕ

Когда в следующую среду Рози и Пэм Хейверфорд спускались после работы в служебном лифте, Рози обратила внимание на нездоровый, необычно бледный вид Пэм.

— Все из-за месячных, — пояснила та, когда Рози выразила озабоченность. — Не знаю почему, но в этот раз болит жутко.

— Зайдем на чашечку кофе?

Пэм на мгновение задумалась, затем отрицательно покачала головой.

— Отправляйся без меня. Все, о чем я сейчас мечтаю, — это вернуться в «Дочери и сестры» и найти свободную спальню, пока не вернулись с работы остальные и не начался обычный гомон. Проглочу таблетку мидола и посплю пару часиков. Может, после этого снова почувствую себя человеком.

— Я пойду с тобой, — сказала Рози. Двери раскрылись, и они вместе вышли из лифта. Пэм покачала головой.

— Не стоит. — Ее лицо вспыхнуло короткой улыбкой. — У меня хватит сил, чтобы доковылять самой, а ты не настолько юна, чтобы не выпить чашку кофе без эскорта. Как знать — возможно, тебя ждет что-нибудь интересное.

Рози вздохнула. На жаргоне Пэм под «чем-нибудь интересным» всегда подразумевается мужчина, предпочтительно с рельефной мускулатурой, которая выделяется под тонкой, плотно облегающей торс футболкой, как геологические образования на теле планеты; что касается Рози, то она полагала, что сможет легко обойтись без подобных мужчин до самого конца жизни.

Кроме того, она замужем. Когда они вышли из отеля на улицу, Рози посмотрела на руку, на которой были надеты два кольца: золотое, полученное в день свадьбы, и обручальное с бриллиантом. Насколько этот случайно брошенный взгляд определил то, что случилось позже, она могла только догадываться, однако после него обручальное кольцо, о котором при обычном порядке вещей она даже не вспоминала, почему-то переместилось из глубин сознания на его поверхность. Бриллиант весил чуть больше карата и по ценности намного превосходил все остальные подарки, полученные ею от мужа за совместно прожитые годы, но до сего дня ей и в голову не приходило, что кольцо принадлежит ей, и она может избавиться от него, если захочет (причем избавиться таким способом, какой сочтет наиболее подходящим).

Рози проводила Пэм до автобусной остановки за углом следующего от отеля квартала и осталась с ней, несмотря на протесты Пэм, заявлявшей, что в этом совершенно нет необходимости. Нездоровый вид Пэм вызвал у нее серьезное беспокойство. С лица подруги исчез привычный румянец, под глазами появились темные круги, тонкие морщинки шли от уголков рта, сжатого с болезненной напряженностью. Кроме того, Рози приятно было ощущать, что она заботится о ком-то, а не наоборот. Собственно, она уже решила было сесть в автобус вместе с Пэм и проводить до «Дочерей и сестер», чтобы не волноваться потом, не зная, добралась та или нет, но в конце концов желание побаловать себя чашечкой ароматного кофе (и, наверное, вкусным пирожным) взяло верх.

Она осталась на тротуаре и помахала рукой Пэм, которая села у окна. Пэм помахала в ответ, и автобус тронулся. Рози еще секунду-другую постояла на месте, затем развернулась и зашагала по бульвару Хитченса в направлении «Горячего горшка». Ее мысли вернулись к столь памятной первой прогулке по городу. Большая часть событий и впечатлений того утра не сохранилась в памяти — лучше всего ей запомнилось смешанное чувство страха и полной растерянности, — однако по меньшей мере две фигуры отчетливо выделялись на блеклом фоне, как две скалы, вырастающие из тумана: беременная женщина и мужчина с рыжими усами. Особенно он.

Прислонившийся плечом к дверному косяку, с пивной кружкой в руке, провожающий ее взглядом. Говорящий (*эй крошка эй крошка*) ей что-то. Какое-то время воспоминания полностью занимали ее мысли, как это бывает только с самыми тяжелыми и неприятными впечатлениями — о тех моментах, когда не находишь себе места от отчаяния, не в силах хоть как-то взять под контроль течение собственной жизни, и она прошла мимо «Горячего горшка», даже не заметив его; в ее затравленном пустом взгляде застыл страх. Она думала о том, что мужчина, стоявший в двери бара с кружкой пива в руке, напугал ее и напомнил о Нормане. И дело не в похожести черт лица; скорее, сходство между ним и Норманом проявлялось в позе. Он стоял в двери, и у нее создалось впечатление, будто все его мышцы напряжены, готовы в любую секунду прийти в движение, достаточно лишь малейшего знака внимания с ее стороны...

Чья-то рука схватила ее за плечо, и Розы судорожно закусила губу, сдерживая испуганный вопль. Она оглянулась, ожидая увидеть Нормана или усатого мужчину. Однако за ее спиной оказался сравнительно молодой человек в летнем костюме.

— Простите, если я напугал вас, — произнес он. — Но мне на секунду показалось, что вы собираетесь выйти прямо на проезжую часть.

Она огляделась и увидела, что стоит на перекрестке Хитченс и Уотертауэр-драйв, одном из самых оживленных мест города, в трех, а то и в четырех кварталах от «Горячего горшка». Автомобили пронеслись по улице металлической рекой. Она вдруг сообразила, что стоящий за ней молодой человек, по-видимому, спас ей жизнь.

— С... спасибо. Большое спасибо.

— Да не за что, — ответил он, и на противоположной стороне Уотертауэр-драйв загорелись белые буквы «ИДИТЕ». Молодой человек окинул ее на прощание заинтересованным взглядом, затем с остальными пешеходами ступил на «зебру» перехода и затерялся в толпе.

Рози стояла на месте, не в состоянии избавиться от временной потери ориентации и чувствуя огромное облегчение человека, пробудившегося от по-настоящему плохого сна. «Да, похоже, мне действительно снился плохой сон, думала она, — Я не спала, я шла по улице, и тем не менее мне приснился жуткий сон. Или то была вспышка памяти». Она опустила голову и увидела, что обеими руками боязливо и крепко прижимает к животу сумочку, в точности как тогда, во время долгих отчаянных блужданий по городу в поисках Дарэм-авеню пять недель назад. Она перебросила ремень сумки через плечо, повернулась и двинулась в обратный путь.

Фешенебельные торговые районы города начинались за Уотертауэрдрайв; на улице, по которой она сейчас шла, удаляясь от Уотертауэр, размещались магазины поменьше. Некоторые лавки производили впечатление грязных злчных заведений, многие магазинчики, судя по всему, с трудом сводили концы с концами. Роза двигалась медленно, рассматривая подержанную одежду, выставленную в окнах, с тщетной претензией на витрины роскошных магазинов, поглядывая на обувные лавки с плакатами, которые призывали покупать «ТОЛЬКО АМЕРИКАНСКИЕ» и сообщали, что товары в магазине продаются «ПО СНИЖЕННЫМ ЦЕНАМ». Она увидела лавку с красноречивым названием «Не дороже 5», — ее витрины были завалены сделанными в Мексике или Маниле куклами, магазин кожаных изделий со странной вывеской «Мотоциклетная Мама», магазин, который назывался «Avec Plaisir» — «С удовольствием» и предлагал устрашающий ассортимент товаров: искусственные пенисы, наручники и нижнее белье, не закрывающее промежность, выставленное на черных бархатных подушечках. Она постояла минуту-другую, разглядывая белье, разложенное в витрине для всеобщего обозрения, потом перешла на другую сторону улицы. Через полквартала она увидела «Горячий горшок», но решила в этот раз отказаться от кофе с пирожным; она просто сядет в автобус и поедет в «Дочери и сестры». Достаточно приключений для одного дня.

Но этого не произошло. На дальнем углу перекрестка, который она только что прошла,

расположился внешне ничем не примечательный, без броских витрин магазинов с неоновыми буквами в окне: «БЕРЕМ ПОД ЗАЛОГ— ДАЕМ ССУДЫ — ПОКУПАЕМ И ПРОДАЕМ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ». Именно последняя из предлагаемых услуг привлекла внимание Розы. Она снова взглянула на обручальное кольцо и вспомнила, что сказал ей Норман незадолго до свадьбы: «Если будешь выходить с ним на улицу, поворачивай кольцо камнем внутрь, Роуз. Камешек довольно дорогой, а ты всего-навсего маленькая девочка».

Она спросила его однажды (до того, как он наглядно убедил ее в том, что задавать вопросы небезопасно), сколько оно стоит. Вместо ответа он покачал головой и снисходительно улыбнулся — улыбкой родителя, чей ребенок хочет понять, почему небо голубое или сколько снега на Северном полюсе. «Какая разница, — добавил он. — Достаточно сказать, что я мог либо купить тебе новый камешек, либо приобрести новый „бьюик“. Я остановился на камешке. Потому что люблю тебя, Роуз».

Теперь же, стоя на уличном перекрестке, она вспомнила охватившее ее тогда ощущение — страх, потому что мужчин, способных на поступки такой экстравагантности, мужчин, готовых отдать предпочтение кольцу с бриллиантом, а не новенькому автомобилю, не лишенных при этом некоторой сексуальной привлекательности, *следует* опасаться. До чего же романтично! Он купил ей кольцо с таким крупным бриллиантом, что с ним просто опасно показываться на улице! И почему?

«Потому что люблю тебя, Роуз».

Наверное, он не врал... но с тех пор прошло четырнадцать лет, и у девушки, которую он любил, были чистые глаза, высокая грудь, плоский живот, стройные бедра. Девушка, которую он любил, не находила в утренней моче следов крови.

Розы стояла на перекрестке напротив магазинчика с неоновой вывеской за витринным стеклом и смотрела на свое обручальное кольцо, ожидая почувствовать хоть что-то — отголосок бывшего страха или, может быть, романтичности, — однако, не ощутив ничего подобного, решительно зашагала к маленькому ломбарду. Вскоре ей придется оставить «Дочерей и сестер», а там, за дверью, ей дадут за кольцо внушительную сумму, и она сможет рассчитаться полностью, заплатив за проживание и питание, и останется после этого с несколькими сотнями долларов в кармане.

«Или мне попросту не терпится избавиться от него, — подумала она. — Может, мне просто не хочется больше носить на пальце „бьюик“, который он так и не купил».

Табличка на двери гласила: «ЛИБЕРТИ-СИТИ — ССУДЫ ПОД ЗАЛОГ». На миг это показалось ей странным — она слышала несколько «прозвищ» города, но во всех обыгрывалось либо местоположение, связанное с озером, либо погода. Затем она решительно отбросила все мысли, толкнула дверь и вошла в лавку.

Она ожидала, что внутри окажется темно, и не ошиблась — там было действительно темно, — но внутреннее пространство ломбарда «Либерти-Сити» заливал неожиданно золотистый тусклый свет. Солнце уже опустилось низко над горизонтом и светило прямо вдоль Хитченс-стрит, его длинные косые лучи проникали через выходящие на запад окна ломбарда. Солнечный свет падал на висевший на стене саксофон, превращая его в инструмент, сделанный из пламени.

«Нет, это не случайно, — подумала Роза. — Кто-то намеренно повесил саксофон именно здесь. Кто-то поступил очень хитро». Может, и так, и все же она остановилась, завороченная сверкающим инструментом. Очаровательным показался и царивший внутри запах — запах пыли, веков, запах тайн. Слева от нее раздавался очень слабый звук множества тикающих часов.

Она медленно шагала по среднему проходу мимо вытянувшихся в ряд акустических гитар, подвешенных к стеллажам за грифы с одной стороны, и застекленных полок с хитроумными электрическими устройствами и музыкальной аппаратурой — с другой. В ломбарде оказалось чрезвычайно много огромных многофункциональных стереосистем.

В дальнем конце прохода находился длинный прилавок, над которым дугой вытянулась еще одна сделанная синими неоновыми буквами надпись: «ЗОЛОТО — СЕРЕБРО — ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ». А чуть ниже красными буквами шло: «МЫ ПОКУПАЕМ — МЫ ПРОДАЕМ — МЫ МЕНЯЕМ».

«Да, но нужно ли ползти на брюхе, как рептилия?» — подумала Роза с тенью легкой улыбки, подступая к прилавку. За прилавком на табурете сидел мужчина с ювелирной лупой в глазу. Через лупу он рассматривал какой-то предмет, лежащий перед ним на подушечке. Подойдя ближе, Роза увидела, что он изучает карманные часы со снятой задней крышечкой. Мужчина за прилавком ковырялся в часах стальной отверткой — настолько тоненькой, что Роза едва ее различила. Она подумала, что он молод, лет тридцати, не более. Длинные волосы доставали почти до плеч, синий шелковый жилет был надет прямо на белую нижнюю рубашку. Она сочла такое необычное сочетание достаточно смелым и привлекательным.

Слева от себя она почувствовала движение. Повернув голову, увидела более пожилого уважаемого мужчину, присевшего на корточки перед книжными волками и роющегося в рядах потрепанных изданий в мягкой обложке под вывеской «СТАРОЕ ДОБРОЕ ЧТИВО». У ног его, словно верная собака, стоял старомодный черный портфель, начавший расползаться по швам.

— Могу вам помочь чем-то, мэм?

Она обернулась к мужчине за прилавком, который снял лупу и глядел на нее с дружелюбной улыбкой. У него были орехового цвета глаза с крошечными зеленоватыми вкраплениями, очень красивые, и на мгновение у нее мелькнула мысль о том, что Пэм могла отнести его к категории «чего-нибудь интересного».

Впрочем, нет, для этого у него под одеждой слишком мало выпуклостей тектонического происхождения.

— Как знать, — ответила она. Она сняла обычное золотое кольцо и обручальное, затем опустила первое в карман. Было странно видеть руку без кольца, но, наверное, она сможет привыкнуть к этому. Женщина, решившаяся покинуть собственный дом навсегда и тут же выполнившая свое решение, не задержавшись даже для того, чтобы переодеться, пожалуй, способна привыкнуть и не к таким вещам. Она положила кольцо с бриллиантом на бархатную подушечку рядом со старыми часами, в которых копался ювелир.

— Как вы думаете, сколько это стоит? — спросила она. Затем, словно ей в голову пришла неожиданная мысль, добавила: — И сколько вы могли бы предложить мне за него?

Он насадил кольцо на кончик большого пальца и поднес его к пыльному солнечному лучу, падавшему из последнего из трех выходящих на запад окон ломбарда. Камешек вспыхнул искрами разноцветного огня и на миг она ощутила сожаление. Затем ювелир бросил на нее короткий взгляд — очень короткий, почти незаметный, — и все же она успела заметить в его ореховых глазах нечто, что не смогла понять сразу же. Взгляд его, казалось, говорил: «Вы случайно не шутите?»

— Что? — вздрогнула она. — В чем дело?

— Нет-нет, ничего, — откликнулся он. — Одну секундочку.

Он снова вставил в глаз лупу и принялся внимательно и долго изучать камень в обручальном кольце. Когда он посмотрел на нее во второй раз, взгляд его был более уверенным и понятным. Собственно, она могла догадаться и раньше. Роза все вдруг поняла и не рассердилась, не ощутила ни удивления, ни настоящего сожаления. Единственное, на что она оказалась способна, — это слабая утомленная растерянность как же она раньше не сообразила? Какая же она наивная дура!

«Нет, Роза, — произнес внутренний голос. — Ты не права. Если бы ты не знала где-то в глубине подсознания, что камень фальшивый — если бы ты не знала об этом с самого начала, — ты заложила бы его гораздо раньше. Неужели после своего тридцать второго дня рождения ты по-настоящему верила, что Норман Дэниэлс способен подарить тебе кольцо, цена которому даже не сотни — тысячи долларов? Подумай! Разве ты верила?»

Нет. Скорее всего, нет. Во-первых, в его глазах она того не стоила. Во-вторых, человек, у которого установлены три замка на парадной двери, три на двери черного хода, реагирующая на движение система охранной сигнализации во дворе, реагирующая на прикосновение система охранной сигнализации в автомобиле, никогда не позволил бы жене отправляться по магазинам с огромным бриллиантом на пальце.

— Камень поддельный, насколько я поняла, — проговорила она, обращаясь к ювелиру.

— Ну, не совсем так, — уточнил он. — Это чистейшей воды цирконий, но далеко не бриллиант, если вы это имеете в виду.

— Конечно, именно это я имела в виду, — сказала она. — Что же еще, по-вашему?

— С вами все в порядке? — осведомился ювелир. На его лице появилось выражение искренней озабоченности, и теперь, когда она получила возможность рассмотреть его с близкого расстояния, ей показалось, что возраст молодого человека ближе к двадцати пяти, чем к тридцати.

— Черт возьми, — произнесла она. — Не знаю. Думаю, да.

Она достала из сумочки салфетку на тот случай, если вдруг расплечется — в последнее время слишком часто и, казалось, беспричинно ударялась в слезы. Или вдруг принималась хохотать до слез; такое тоже бывало нередко. Хотелось бы избежать столь экспрессивных проявлений чувств, по крайней мере в ближайшие несколько минут, и покинуть ломбард, сохраняя хотя бы внешние признаки достоинства.

— Дай-то Бог, — заметил он, — потому что вы среди Друзей. Честное слово, вы в хорошей компании. Вы наверняка удивились бы, узнав, какое количество женщин, женщин вроде вас...

— Да перестаньте вы! — отмахнулась она — Если я буду нуждаться в поддержке, куплю себе корсет.

Никогда в жизни, ни перед одним мужчиной она не произносила подобных слов — в такой степени откровенно провокационных и двусмысленных, — однако и не чувствовала себя так никогда в жизни... словно очутилась в открытом космосе или бежала, ощущая, как к горлу

подступает тошнота, по канату, под которым не было страховочной сетки. Ну не идеальное ли завершение ее брака? Самый что ни на есть подходящий эпилог. «Я остановился на камешке, — услышала она мысленно его голос, он по-настоящему дрожал от избытка эмоций, его серые глаза слегка увлажнились. — Потому что люблю тебя, Роуз».

На мгновение приступ неудержимого смеха подступил совсем близко; ей понадобилось напрячь все усилия, чтобы перебороть его.

— Так хоть *что-нибудь* оно стоит? — спросила она. — Хоть сколько-нибудь? Или эту побрякушку он добыл из автомата, продающего жевательную резинку?

В этот раз он не стал надевать лупу, просто поднял кольцо, подставляя его под пыльный солнечный луч.

— Ну конечно, стоит. — В его голосе отчетливо звучало облегчение человека, наконец-то получающего возможность сообщить приятную новость. — Не камень, правда, ему красная цена — десятка... но вот оправа... я бы сказал, что она потянет долларов на двести. Вот так вот. Разумеется, я не в состоянии предложить вам столько, — торопливо добавил он — Иначе отец устроит мне настоящую взбучку. Как считаешь, Робби?

— Твой папаша никогда не упускает возможности устроить тебе взбучку, — откликнулся, не поднимая головы, мужчина, сидевший на корточках возле книжных полок. — Для этого и существуют дети, не так, скажете?

Ювелир глянул на него, потом снова перевел взгляд на Розы и вдруг сунул палец в приоткрытый рот, имитируя позыв к рвоте. Розы не видела подобных жестов со школьных времен и потому улыбнулась. Молодой мужчина в жилете улыбнулся в ответ.

— Я мог бы предложить вам, скажем, пятьдесят долларов. Устроит?

— Нет спасибо.

Она забрала кольцо, задумчиво посмотрела на него и завернула в неиспользованную салфетку «Клинекс», которую по-прежнему держала в руке.

— Можете заглянуть в другие магазинчики, — посоветовал он. — Здесь их много. Если кто-то даст больше, я согласен заплатить такую же сумму. Такова политика отца, и я с ней согласен.

Она опустила салфетку с кольцом в сумочку и защелкнула ее на замок.

— Спасибо, но я вряд ли пойду еще куда-то, — сказала она. — Оставлю себе на память.

Она почувствовала на себе взгляд мужчины, перебиравшего книги в мягких обложках — того, которого ювелир назвал Робби, — и краешком глаза заметила, что на его лице появилось выражение странной сосредоточенности, но Розы решила, что ей плевать. Пусть смотрит, если хочет. Это свободная страна.

— Человек, который подарил мне кольцо, уверял, что оно стоит столько же, сколько новая машина, — сообщила она ювелиру. — Представляете?

— Да. — Он отреагировал мгновенно, без запинки, и она вспомнила, как он сказал ей, что она в хорошей компании, что огромное число женщин приходило сюда, чтобы узнать неприятную правду о своих фальшивых сокровищах. Она подумала, что стоящий перед ней ювелир, несмотря на молодые годы, наверняка успел выслушать невесть сколько вариаций на одну и ту же тему.

— Да, наверное, представляете, — задумчиво произнесло она — Ну, тогда вам понятно, почему я хочу сохранять кольцо. В следующий раз, когда кто-нибудь вскружит мне голову — во всяком случае, когда мне так *покажется*, — я достану кольцо и буду смотреть, пока не выздоровлю.

Она думала о Пэм Хейверфорд, у которой на обеих руках красовались длинные извилистые шрамы. Летом девяносто второго года муж, напившись, выбросил ее через застекленную дверь. Пэм подняла руки, защищая лицо. Плачевный итог шестьдесят швов на одной руке и сто пять на

другой. И после этого она таяла от счастья, если какой-нибудь строитель или маляр паялся на ее ноги и присвистывал, когда она проходила мимо, и как это называется? Терпение? Или глупость? Жизнеспособность? Или амнезия? Роза для себя обозначила это явление как синдром Хейверфорд и надеялась, что ей подобное не грозит.

— Как скажете, мэм, — ответил ювелир. — Правда, мне неприятно выступать в роли человека, вынужденного постоянно сообщать дурные новости. Лично я считаю, что именно потому ломбарды пользуются такой гнусной репутацией. Мы почти всегда принимаем на себя отвратительную обязанность говорить людям, что многое совсем не так, как им представляется. А кому это понравится?

— Никому, — согласилась она. — Никому не понравится, вы правы, мистер?..

— Штайнер, — представился он. — Билл Штайнер. А мой отец — Абе Штайнер. Пожалуйста, вот наша визитная карточка.

Он протянул ей визитку, но она с улыбкой покачала головой.

— Вряд ли она мне понадобится. Хорошего вам дня, мистер Штайнер.

Она направилась к выходу. В этот раз она пошла по крайнему от двери проходу, потому что пожилой джентльмен продвинулся на несколько шагов к ней, держа в одной руке старый портфель, рвущийся по швам, а в другой — несколько потрепанных книг. Она не знала, собирается ли он заговорить с ней, но была уверена, что сама не имеет ни малейшего желания вступать с ним в беседу. Больше всего ей сейчас хотелось тихо и быстро выйти из ломбарда «Либерти-Сити», сесть в автобус и как можно скорее забыть, что она здесь побывала.

Она лишь смутно сознавала, что идет по той части магазина, в которой на пыльных полках по обеим сторонам расставлены группками небольшие статуэтки и картины, как в рамках, так и без них. Голова ее была поднята, но она не смотрела на что-то определенное: настроение ее совершенно не годилось для того, чтобы любоваться живописью или скульптурой, какими бы прекрасными они ни были. И тем неожиданнее оказалось то, что произошло. Она внезапно остановилась, словно ее дернули за плечи. Потом Роза вспоминала, что в первое мгновение, собственно, и не видела картины. Скорее, наоборот; картина увидела ее.

То мощное притяжение, которое излучала картина, не имело аналогов в предшествовавшей жизни Розы, однако она не сочла это чем-то странным — вся ее жизнь на протяжении последнего месяца тоже беспрецедентна. Да и сама притягательность картины не показалась ей — по крайней мере поначалу — ненормальной. Причина проста: после четырнадцати лет замужества, после четырнадцати лет с Норманом Дэниэлсом, — лет, проведенных за наглухо запертыми дверями, отрезавшими ее от всего остального мира, она разучилась понимать, что нормально, а что нет. Критерием правильности поведения мира в той или иной ситуации являлись для нее телевизионные драмы и фильмы, на которые изредка водил ее Норман (посещавший все без исключения фильмы с участием Клинта Иствуда). В пределах столь узких рамок реакция на картину представлялась ей почти нормальной. В теле— или кинофильмах герои часто не могли устоять на ногах от охвативших их чувств.

Впрочем, все это не имело никакого значения. Она ощущала лишь направленный к ней призыв картины и мгновенно позабыла и о неприятной правде о кольце, которую сообщил ей ювелир, и о намерении поскорее убраться из ломбарда, и о том облегчении, которое должна была бы испытать со своими натертыми ногами при виде автобуса голубой линии, тормозящего перед остановкой у «Горячего горшка», — позабыла обо *всем*. Одна и та же мысль вертелась в голове: «Посмотрите! Посмотрите! Разве это не самая *замечательная* в мире картина?»

Это было выполненное маслом полотно в деревянной раме около трех футов в ширину и двух в высоту.

Слева картину подпирали остановившиеся старые часы, справа к ней прислонился маленький обнаженный херувим. Повсюду стояли другие картины (старая пожелтевшая фотография Собора Святого Павла, написанные акварелью фрукты в вазе, гондолы, рассекающие рассветную гладь канала, картина охоты), но она ничего не замечала. Все ее внимание поглотила картина, изображавшая женщину на холме, и только она. И по сюжету, и по исполнению она мало чем отличалась от картинок, постепенно гниющих на полках ломбардов, антикварных лавок и придорожных сувенирных сараев, сотнями разбросанных по всей стране (и по всему миру, если на то пошло), однако *эта* картина притягивала к себе ее взгляд, наполняя разум чистым, возвышенным трепетом, который способны пробуждать лишь произведения высочайшего искусства: песня, вызывающая слезы, рассказ, позволяющий отчетливо увидеть мир глазами автора, стихотворение, переполняющее человека радостным ощущением жизни, танец, на несколько минут заставляющий нас забыть о неминуемой смерти.

Ее эмоциональная реакция оказалась настолько неожиданной, настолько горячей и совершенно не связанной с прошлой, полной практицизма жизнью, что в первый миг разум ее словно споткнулся, не зная, как справиться с этим непредвиденным всплеском чувств. Секунду-другую она походила на трансмиссию, резко переведенную на нейтральную передачу — двигатель ревет, как сумасшедший, но ничего не происходит. Затем срабатывает сцепление, и трансмиссия становится на свое место.

«Наверное, мне хочется повесить ее в своем новом доме, поэтому я так разволновалась, — подумала она. — Эта картина — как раз то, что мне нужно, чтобы он стал по-настоящему моим».

Она с жадной благодарностью ухватила за подвернувшуюся мысль. Верно, в новой квартире будет всего одна комната, но ей обещали, что комната будет *большая*, с маленькой кухней в нише и отдельной ванной. В любом случае это первое жилище за всю жизнь, которое она по праву сможет назвать своим, и только своим. Это очень важно, и от этого все предметы,

которые она подбирает для своего нового дома, тоже приобретают огромную важность... и первый предмет самый важный, потому что он задает тон всему остальному.

Да. Как бы ни расписывали ее будущую квартирку, все славословия не способны изменить тот факт, что до нее там проживали, сменяя друг друга, десятки одиноких бедных людей, и то же самое продолжится после нее. И все же новый дом станет для нее очень важным местом. Последние пять недель являлись неким промежуточным периодом, переходом от старой жизни к новой. Въезд в квартирку, которую ей обещали, — по-настоящему начало ее новой жизни, ее *самостоятельной* жизни... и эта картина, которую Норман никогда не видел, о которой не выносил своего безапелляционного суждения, картина, принадлежащая *ей*, станет символом новой жизни.

Вот таким образом ее рассудок — здоровый, практичный, категорически отвергающий все, хотя бы отдаленно напоминающее сверхъестественное, не допускающий даже мысли о существовании мистики, — одновременно объяснил, рационализировал и оправдал ее неожиданную реакцию на увиденную картину с изображением стоящей на холме женщины.

Из всех выставленных на стеллажах картин только эта была под стеклом (Рози вспомнилось, что писанные маслом холсты обычно не прячут под стекло — кажется, они должны дышать или что-то в этом роде), в левом нижнем углу был наклеен желтый ценник: «75».

Она протянула обе руки (которые слегка вздрагивали) и взялась за рамку. Осторожно сняв картину с полки, она вернулась с ней к прилавку. Старик с потрепанным портфелем все еще стоял на своем месте и по-прежнему наблюдал за ней, но Рози едва замечала его. Она подошла прямо к прилавку и бережно опустила картину перед Биллом Штайнером.

— Нашли что-то по вкусу? — спросил он. — Да. — Она постучала пальцем по ценнику в углу рамки. — Здесь написано семьдесят пять долларов и стоит знак вопроса. Вы сказали, что готовы дать за кольцо пятьдесят долларов. Не захотите ли вы поменяться, я вам — вы мне. Мое кольцо за вашу картину?

Штайнер обошел прилавок, поднял откидную доску и приблизился к Рози. Он посмотрел на картину с таким же вниманием, как несколько минут назад изучал ее кольцо... но в этот раз в его взгляде читалось явственное удивление.

— Что-то я ее не помню. По-моему, я вообще ее раньше не видел. Должно быть, старик раздобыл где-то. В нашем семействе он считается истинным ценителем искусства. Я же — всего лишь жалкий торговец.

— Значит ли это, что вы не можете...

— Торговаться? Прикусите язык! Да я готов торговаться с кем угодно весь день с утра до вечера, если бы мог. Но в этот раз не стану. Я счастлив сообщить вам, что с радостью приму предложенные вами условия — даже баш на баш. И мне не придется смотреть, как вы уходите от нас, волоча за собой пудовую тяжесть, оставшуюся после неудачной сделки.

И тут она совершила еще один поступок, которого никогда раньше не совершала: Рози обхватила Билла Штайнера за шею и с чувством чмокнула в щеку.

— Спасибо огромное! — воскликнула она. — Вы не представляете, как я вам благодарна!

Штайнер рассмеялся:

— О Господи, всегда к вашим услугам. Если не ошибаюсь, впервые покупатель так эмоционально благодарит меня в этих пыльных стенах. Может, вас заинтересует еще что-то из картин?

Пожилой мужчина с портфелем — тот, которого Штайнер назвал Робби, — приблизился к ним и посмотрел на картину.

— Если учесть, что большинство посетителей, уходя, готовы обругать тебя на чем свет стоит, можешь считать этот поцелуй подарком судьбы, — сказал он.

— Так я и сделаю, — кивнул Билл. Рози почти не слышала их слов. Она лихорадочно шарила в сумочке, разыскивая скомканную салфетку с завернутым в нее кольцом. Поиск занял гораздо больше времени, чем следовало ожидать, потому что взгляд ее то и дело возвращался к картине на прилавке. Ее картине. Впервые она подумала о комнате, в которую скоро переедет, с истинным нетерпением. Ее собственный дом, а не просто койка среди десятков таких же. Ее собственный дом и ее собственная картина, висящая на стене. «Первым делом я повешу картину, — подумала она. — Да, я повешу ее в первую очередь». Развернув салфетку, она протянула кольцо Штайнеру, но он некоторое время не видел протянутой руки; он внимательно рассматривал картину.

— Это оригинальное полотно, не копия, — произнес он, — и, по-моему, очень неплохая

вещь. Наверное, поэтому ее накрыли стеклом—кто-то решил, что так она лучше сохранится. Интересно, что это за здание у подножия холма? Сгоревшее ранчо на краю плантации?

— Скорее, это развалины храма, — тихим голосом выразил свое мнение старик с поношенным портфелем. — Похоже на греческий храм. Хотя наверняка судить трудно, согласитесь.

Действительно, судить было *трудно*, потому что здание, о котором шла речь, почти до самой крыши пряталось за порослью молодых деревьев. Пять колонн на переднем плане увивал дикий виноград. Шестая, расколовшаяся на куски, лежала в зелени. Рядом с рухнувшей колонной валялась упавшая статуя, почти полностью скрытая травой и густым кустарником, виднелось только плоское каменное лицо, обращенное к грозовым тучам, которыми художник щедро наполнил небо.

— Да, — согласился Штайнер. — Как бы там ни было, это здание, как мне кажется, не вписывается в перспективу — слишком велико оно для картины. Старик утвердительно кивнул головой. — Но автор сделал это намеренно. Иначе ничего, кроме крыши, мы не увидели бы. А что касается рухнувшей колонны и статуи, про них вообще можно было бы забыть— зелень скрыла бы их окончательно.

Рози нисколько не интересовал фон; все ее внимание сосредоточилось на центральной фигуре картины. На вершине холма, повернувшись к развалинам храма так, что все, кто смотрел на полотно, мог видеть только ее спину, стояла женщина. Ее светлые волосы были заплетены в косу. От предплечья ее изящной руки — правой — исходило яркое золотое сияние. Левую руку она подняла, и, хотя точно сказать было невозможно, зритель догадывался, что она прикрывает глаза от солнца. Весьма странно, если вспомнить о мрачном предгрозовом небе, однако, похоже, женщина подняла левую руку именно для того, чтобы прикрыть глаза. На ней было короткое, живого красно-пурпурного цвета платье — тога, отметила Рози — оставлявшее одно плечо обнаженным. Сказать что-то о ее обуви не представлялось возможным, ибо трава, в которой она стояла, доходила почти до колен, как раз до того места, где заканчивалась тога.

— Куда бы вы ее причислили? — спросил Штайнер, обращаясь к Робби. — К классицизму? Неоклассицизму?

— Я бы отнес ее к разряду плохих картин, — ответил Робби, усмехаясь, — но мне кажется, я понимаю, почему она произвела такое впечатление на эту женщину. В ней на удивление много чувства. Составные *элементы*, возможно, классические — вроде тех, что мы находим на старых стальных гравюрах, — но ощущение явно готическое. И потом тот факт, что главный персонаж повернут к зрителю спиной... Я нахожу это чрезвычайно странным, В целом... не могу сказать, что эта молодая женщина выбрала самую лучшую картину в твоей лавке древностей, Билл, но я уверен, она выбрала самую *своеобразную*.

Рози же, как и прежде, почти не слышала их разговора. С каждой минутой она открывала в картине все новые и новые детали, пленявшие ее воображение. Например, темно-фиолетовая тесемка на талии женщины в тон каймы, идущей по краю тоги, и едва проглядывающие очертания левой груди. Пусть мужчины обмениваются себе учеными суждениями. Картина просто замечательная. Она чувствовала, что может смотреть на нее часами напролет, не отрываясь, и когда у нее появится свой дом, она, пожалуй, будет иногда делать именно так.

— Ни названия, ни подписи, — заметил Штайнер. — Впрочем...

Он перевернул картину. На обратной ее стороне открылись два выведенных углем слова, написанные мягкими, слегка расплывчатыми печатными буквами: «МАРЕНОВАЯ РОЗА».

— Ну вот, — с сомнением в голосе произнес он, — *мы* и узнали имя автора. Хотя я бы сказал, что на имя это совсем не похоже.

Робби отрицательно покачал головой, раскрыл рот, чтобы возразить, но увидел, что

женщина, выбравшая картину, тоже не согласна с Биллом.

— Это название *картины*, — объяснила она, и тут же добавила по причине, которую ни за что не смогла бы объяснить даже самой себе, — Роза — это *мое* имя. Совершенно сбивтый с толку Штайнер посмотрел на нее. — Не обращайтесь внимания, просто совпадение, — проговорила она.

Но так ли это на самом деле?

— Смотрите. — Она снова бережно перевернула картину лицевой стороной вверх и постучала пальцем по стеклу над тогой, составлявшей все одеяние стоящей на переднем плане женщины. — Вот этот цвет, пурпурно-красный, называется мареновый.

— Она права, — подтвердил Робби. — Автор или, что более вероятно, последний владелец, ибо уголь очень быстро стирается, решил назвать картину по цвету хитона женщины.

— Пожалуйста, — обратилась Роза к Штайнеру, — не могли бы мы поскорее закончить? Мне нужно торопиться. Я и так опоздала.

Штайнер собрался было снова спросить, уверена ли она в том, что ей хочется... но увидел ее лицо и промолчал. И заметил кое-что еще — некую напряженность во всем облике женщины, свидетельствовавшую о том, что в последнее время ей пришлось немало перенести. Он увидел лицо женщины, которая способна принять его искреннюю заинтересованность и стремление проявить заботу за попытку заигрывания или, чего ему и вовсе не хотелось, за намерение изменить условия сделки в свою пользу. Он просто кивнул головой.

— Кольцо за картину. Равноценный обмен. Мы квиты. И расстаемся счастливые и довольные.

— Да. — согласилась Роза, награждая его ослепительной улыбкой. Впервые за последние четырнадцать лет она улыбнулась своей настоящей улыбкой, и в тот момент, когда улыбка достигла своей полноты, его сердце открылось навстречу ей. — Мы оба расстаемся счастливые и довольные.

Выйдя за дверь ломбарда, она на мгновение остановилась, глупо моргая и непонимающе глядя на проносящиеся мимо машины, точно так же, как моргала в далекие дни детства, когда выходила, держась за отцовскую руку, из полутьмы кинотеатра на яркий дневной свет улицы, — ослепленная, застигнутая врасплох в тот момент, когда половина ее сознания уже воспринимает реальный мир, а другая все еще пребывает в мире вымышленном. Однако приобретенная картина была вполне реальна, и для того, чтобы избавиться от всех сомнений по этому поводу, ей достаточно опустить голову и посмотреть на сверток, который она держала в руках.

Дверь ломбарда распахнулась, и вслед за Розы на улицу вышел пожилой мужчина. Сейчас она даже ощутила к нему некоторое расположение и потому одарила улыбкой, которую обычно берегут для тех, вместе с кем довелось стать свидетелем странных или удивительных событий.

— Мадам, — обратился он к ней, — не будете ли вы столь любезны, чтобы сделать мне маленькое одолжение?

Улыбка на ее лице тут же уступила место выражению осторожной сдержанности.

— Это зависит от того, что именно вы хотите, но оказывать услуги незнакомцам не в моих традициях.

Слабо сказано, конечно же. Она не привыкла даже *разговаривать* с незнакомыми людьми.

Он посмотрел на нее в явной растерянности, и его замешательство слегка придало ей смелости.

— Ах да, наверное, это звучит странно, но я полагаю, так будет лучше для нас обоих. Кстати, моя фамилия Леффертс. Роб Леффертс.

— Розы Макклendon, — представилась она. Подумав, стоит ли подать ему руку, она решила не делать этого. Вероятно, ей даже не стоило называть своего имени.

— К сожалению, у меня нет времени, чтобы выполнить вашу просьбу, мистер Леффертс — мне действительно нужно торопиться, и...

— Прошу вас. — Он опустил на тротуар свой выдавший виды портфель, сунул руку в маленький коричневый пакет, который держал в другой руке, и извлек одну из старых книг в мягкой обложке, найденную им в ломбарде. На обложке она увидела стилизованное изображение мужчины в полосатой черно-белой тюремной робе, который входил не то в пещеру, не то в туннель.

— Все, о чем я хотел бы попросить вас, это прочесть первый абзац книги. Вслух.

— Прямо здесь? — Она огляделась. — Здесь, посередине улицы? Но зачем, Бога ради?

Он только повторил:

— Прошу вас.

Она приняла протянутую книгу, думая при этом, что если выполнит его просьбу, то сможет отделаться от странного старика без дальнейших осложнений. Это было бы замечательно, ибо она начинала подозревать, что у старика не все в порядке с рассудком. Вероятно, он не опасен, но все же малость не в себе. А если она ошибается и он все-таки *опасен*, она не хотела отдаляться на слишком большое расстояние от ломбарда «Либерти-Сити» — и Билла Штайнера.

Книга называлась «Темные аллеи», автора звали Дэвид Гудис. Перелистывая страницы с предупреждением о нарушении авторских прав, Розы подумала: «Совсем не удивительно, что имя писателя мне незнакомо» (хотя название книги пробудило смутные воспоминания). «Темные аллеи» вышли в свет в тысяча девятьсот сорок шестом году, за шестнадцать лет до ее рождения.

Она подняла голову и взглянула на Роб Леффертса. Тот усиленно кивал головой, буквально

дрожа от нетерпения... и надежды? Как это возможно? Однако он действительно выглядел так, словно сгорал от нетерпения и надежды.

Чувствуя, что ее тоже постепенно охватывает волнение («С кем поведешься... «— любила повторять ее мать), Рози начала читать. Перед тем, как произнести первое слово, она отметила про себя, что абзац, слава Богу, совсем невелик.

— «Все произошло хуже некуда. Пэрри был ни в чем не виновен. В довершение ко всему это мирный человек, никогда не причинявший неудобств другим и мечтавший о спокойной жизни. Однако слишком много всего было против него и почти ничего — за. Присяжные посчитали его виновным. Судья объявил приговор о пожизненном заключении, и его доставили в Сан-Квентин».

Она подняла голову, захлопнула книгу и протянула ее хозяину.

— Как я справилась?

Он улыбался в откровенном восторге.

— О лучшем я не мог и мечтать, миссис Макклендон. Но постойте... еще один... доставьте старику удовольствие... — Он быстро зашуршал страницами книги, отыскивая нужное место. — Только диалог, прошу вас. Разговор между Пэрри и водителем такси. Со слов «Знаете ли, это забавно». Видите?

Да, она увидела нужное место и в этот раз не стала отказываться. Она пришла к выводу, что Леффертс не опасен, возможно, он даже не сумасшедший, как ей показалось. Кроме того, она по-прежнему не могла избавиться от странного возбуждения... словно вот-вот должно произойти что-то интересное — или уже происходило.

«Ну конечно, чего же тут удивительного, — подсказал счастливый внутренний голос. — Ты забыла о картине, Рози».

Конечно, все дело в картине. От одной только мысли о картине у нее стало легче на сердце, и она радостно улыбнулась.

— До чего же удивительно, — вырвалось у нее, но она продолжала улыбаться, не в силах совладать с собой.

Он кивнул, и ей показалось, что он сделал бы точно такой жест, скажи она ему, что ее зовут госпожа Бовари.

— Да, я понимаю, что вы сейчас испытываете, но... вы *видите*, какой отрывок я прошу вас прочесть?

— Да.

Она быстро пробежала глазами диалог, пытаясь получить хоть какое-то представление о двух беседующих персонажах по их репликам. С таксистом не возникло никаких сложностей; через несколько секунд в ее голове возник образ Джеки Глейсона, исполняющего роль Ральфа Крамдена в многосерийной телепостановке «Медового месяца», которую показывали около полудня по восемнадцатому каналу. С Пэрри оказалось чуть сложнее — обобщенный тип героя в ореоле загадочности. Да, впрочем, какая разница? Она откашлялась и начала читать, быстро забыв, что стоит на оживленном перекрестке с завернутой в бумагу картиной под мышкой, не видя обращенных на нее и Леффертса удивленных взглядов прохожих.

— «Знаете ли, это забавно, — заметил водитель. — Я могу определить, о чем думают люди, по выражению их лиц. Иногда я даже могу сказать, кто они... вы, например.

— Я, например. И кто же я, по-вашему?

— Вы человек, у которого масса проблем.

— Да нет у меня никаких проблем, — возразил Пэрри.

— Не старайтесь меня переубедить, — произнес таксист. — Я же знаю. Я разбираюсь в людях, И скажу вам еще вот что: ваши проблемы связаны с женщинами.

— И снова невпопад. Я женат и счастлив в браке».

Неожиданно ни с того, ни с сего она представила голос Пэрри: голос Джеймса Вудса, нервный и напряженный, но с заметными ироническими нотками. Это воодушевило ее, и она продолжила чтение, разогреваясь, как спортсмен во время разминки, видя перед собой сцену из несуществующего фильма, в котором Джеки Глейсон и Джеймс Вудс разговаривают в такси, мчащемся по ночным улицам города.

— «Удар на удар. Вы не женаты. Но когда-то были женаты, и брак оказался не совсем удачным.

— А-а, я все понял. Вы там находились. Вы все время прятались в шкафу.

Водитель помолчал.

— Я расскажу вам про вашу жену. С ней трудно было сладить. Она хотела... многого. Чем больше она получала, тем больше ей хотелось, а она всегда получала то, что желала. Вот так-то».

Рози дошла до конца страницы. Ощущая странный холодок на спине, она молча закрыла книгу и протянула ее Леффертсу, который, судя по виду, от счастья готов был обнять ее.

— У вас прекрасный голос! — воскликнул он. — Низкий, но не занудный, мелодичный и очень чистый, без всякого акцента — я услышал его с самого начала, но один только голос еще ничего не значит. Вы можете *читать*! Господи, как вы можете *читать*!

— *Разумеется*, я могу читать, — возмущенно произнесла Рози, не зная, то ли ей обижаться, то ли посмеяться. — Разве я похожа на человека, который воспитывался в джунглях?

— Нет, я не то хотел сказать, просто часто даже самые лучшие чтецы не способны читать вслух — пусть они не запинаятся над тем или иным словом, им не хватает выразительности. А диалог намного сложнее, чем простое повествование — можно сказать, решающее испытание. Я слышал двух различных людей. Честное слово, я действительно слышал их!

— Я тоже. Но вы извините меня, мистер Леффертс, мне правда надо торопиться. Я...

Он протянул руку и, когда она начала поворачиваться, легонько дотронулся до ее плеча. Женщина с большим жизненным опытом давно бы уже сообразила, что ей устроили прослушивание, пусть даже на оживленном уличном перекрестке, и ее не так сильно удивило бы то, что затем сказал Леффертс. Рози, однако, от потрясения временно лишилась дара речи, когда он предложил ей работу.

В те минуты, когда Роб Леффертс слушал его жену-беглянку, читающую отрывки из книги на уличном перекрестке, Норман Дэниэлс сидел в маленьком кубике своего кабинета на четвертом этаже нового здания полицейского управления, положив ноги на стол и забросив руки с переплетенными пальцами за голову. Впервые за последние несколько лет у него появилась возможность положить ноги на письменный стол; обычно его заваливали кипы бумаг, бланков, протоколов, обертки от еды, доставленной из ближайшего ресторанчика, незаконченные отчеты, циркуляры, записки и все такое прочее» Норман не принадлежал к числу тех людей, которые привыкли убирать за собой (за пять недель отсутствия жены дом, в котором Роза поддерживала идеальную чистоту и порядок, превратился в некое подобие Майами после пронесшегося над городом урагана Эндрю), и обычно его кабинет красноречиво свидетельствовал о склонностях хозяина, но теперь он выглядел строго, почти аскетично. Большую часть дня Норман убил на уборку. Ему пришлось отнести три огромных пластиковых мешка с ненужными бумагами вниз, в подвал, поскольку он не надеялся на добросовестность уборщицы-негритянки, которая работала в полицейском управлении между полуночью и шестью утра в будние дни. Работа, порученная ниггерам, никогда не выполняется — этот урок Норман усвоил от своего отца, и действительность подтвердила правоту старика. Всем политикам и поборникам прав человека никак не удастся понять примитивный факт: ниггеры не умеют и не желают трудиться. Наверное, из-за своего африканского темперамента.

Норман медленно окинул взглядом непривычно чистый стол, на котором не осталось ничего, кроме его ног и телефона, затем посмотрел на стену справа. На протяжении четырех лет самой стены почти не было видно под слоем листовок с портретами разыскиваемых преступников, срочными записками, результатами лабораторных исследований — не говоря уже о календаре, в котором он красным карандашом отмечал даты судебных заседаний, — но теперь стена была совершенно голой. Визуальный осмотр кабинета завершился на стоящих у двери картонных ящиках со спиртным. Глядя на них, Норман задумался над непредсказуемостью жизни. Да, он вспыльчив, и сам же первый согласен признать в этом. Он также готов признать, что из-за собственной вспыльчивости частенько попадает в неприятности и, самое главное, *не может из них выбраться*. И если бы год назад ему сказали, что его кабинет будет выглядеть таким образом, он пришел бы к логическому выводу: неудержимая вспыльчивость в конечном итоге привела его к таким неприятностям, из которых он не смог выбраться, и его выгнали с работы. То ли в личном деле накопилось большое количество выговоров, достаточных для увольнения в соответствии с правилами полицейского управления, то ли его застали за избиванием подозреваемого. Взять того же вшивого педика, Рамона Сандерса. Норман его не избивал, но вряд ли получил бы благодарность за такое обращение с подозреваемым. Да, конечно, то, как он обошелся с поганим педерастом, может вызвать улыбку у любого — и в душе всякий поддержит его, — но надо же соблюдать правила игры... или, по крайней мере, не попадаться, когда их нарушаешь. Примерно то же самое, как и с ниггерами, не умеющими и не желающими работать: все (во всяком случае, все белые) об этом знают, но предпочитают не говорить вслух.

Однако его не выгоняют с работы. Нет, он просто переезжает, вот и все. Переезжает из этого дерьмового кубика, в котором негде повернуться, служившего ему домом с первого дня президентства Буша. Переезжает в настоящий офис, где стены поднимаются до самого потолка и опускаются до самого пола. Его не только не выгоняют — его *повышают* в должности. Это напомнило ему песню Чака Берри, ту, в которой он поет по-французски: «C'est la vie — это

жизнь, и ты никогда заранее не знаешь, чем она обернется».

С тем делом об ограблении склада большой компании все вышло как нельзя лучше, шум стоял невообразимый, и даже если бы он собственноручно написал сценарий, вряд ли от этого было бы больше пользы. Произошла почти невероятная трансмутация; как будто его задница, словно по мановению волшебной палочки, вдруг стала золотой, во всяком случае, в стенах полицейского управления.

Как выяснилось, в преступлении оказалось замешанным полгорода. Часто случается, что клубок так и остается не распутанным до конца... но ему это удалось.

Все встало на свои места, словно вы десять раз подряд угадываете выпадающую на рулетке семерку, и каждый раз ваша ставка удваивается. В конце концов, его группа арестовала больше двадцати человек, причем половина из них занимала крупные ответственные посты в городском управлении и бизнесе, и все аресты были оправданными — комар носа не подточит, без малейшей надежды на благоприятный исход дела для арестованных. Окружной прокурор, должно быть, балдеет от оргазма, равного которому не испытывал с тех пор, как в первый год старшей школы трахнул своего кокер-спаниеля. Норман, который некоторое время опасался, что может в один прекрасный день очутиться на скамье подсудимых и услышать приговор из уст этого гнилого дегенерата, если не набросит узду на свой взрывоопасный темперамент, вдруг превратился в любимчика окружного прокурора. Чак Берри прав: жизнь — штука непредсказуемая.

— Холодильник набит жареными цыплятами и имбирным пивом, — произнес нараспев Норман и улыбнулся. Это была радостная и бодрая улыбка, которая, скорее всего, вызвала бы ответную у всякого, кто увидел бы ее, но у Розы от такой улыбки пробежал бы холодок по спине и ей отчаянно захотелось бы стать невидимой. Про себя она называла ее нормановской кусачей улыбкой.

Совершенно замечательный прыжок, просто замечательный прыжок на самый верх, но до того, как совершить его, Норману пришлось испытать горькое разочарование. Откровенно говоря, он попросту *обгадился*, и все из-за Роуз. Он надеялся покончить с ее делом давным-давно, но не смог. Каким-то образом она все еще там. Все еще за пределами его досягаемости.

Он отправился в Портсайд в тот же день, когда допрашивал своего хорошего друга Рамона в парке напротив полицейского управления. Он отправился туда, захватив с собой фотографию Роуз, но и она не помогла. Когда он упомянул о солнцезащитных очках и красном шарфике (ценные детали, выяснившиеся в ходе первоначального допроса), один из двух кассиров компании «Континентал экспресс» припомнил ее. Единственная проблема заключалась в том, что кассир не мог сказать, *куда* она купила билет, а проверить записи не было возможности, потому что никаких записей не велось. Она заплатила за билет наличными, багаж не зарегистрировала.

Из расписания рейсов компании «Континентал» следовали три возможности, но Норман считал третью наименее вероятной — автобус, отправлявшийся на юг в час сорок пять. Вряд ли она отважилась бы шататься по вокзалу так долго. Таким образом, оставалось два варианта: большой город, расположенный в ста пятидесяти милях, и другой, еще более крупный город в самом сердце Среднего Запада.

И затем он совершил шаг, который, как теперь постепенно убеждался, стал ошибкой, стоившей ему по меньшей мере двух недель: он предположил, что она не захочет уезжать далеко от дома, далеко от мест, где выросла — кто угодно, но не такая перепуганная незаметная мышка, как она. Но вот теперь...

На своих ладонях Норман увидел сеточку белых полукружий. Они остались от ногтей, впившихся в ладони, но настоящий их источник располагался у него в голове — раскаленная

печь, на которой кипел, переливаясь через край, бульон мыслей о сбежавшей жене.

— Советую тебе не *забывать* о страхе, — пробормотал он. — А если ты случайно забыла, что это такое, я обещаю напомнить тебе.

Да. Он выкопает ее хоть из-под земли. Без Роуз все, что случилось этой весной, — сенсационное разоблачение преступной банды, хорошая пресса, репортеры, которые время от времени удивляли его уважительными и умными вопросами, даже продвижение по служебной лестнице, — не имело ровно никакого значения. И женщины, с которыми он спал с тех пор, как Роуз ушла из дому, тоже не имеют значения. А что же тогда? То, что *она от него ушла*. А еще обиднее то, что *он не питал ни малейших подозрений на этот счет*. Но самое неприятное заключается в том, что она *украдала его кредитную карточку*. Воспользовалась ею всего один раз, и сняла каких-то триста пятьдесят долларов, но не в этом дело. Дело в том, что она взяла предмет, принадлежавший *ему*, она забыла, кто самый жестокий и безжалостный хищник в джунглях, мать ее так, и поплатится за свою забывчивость. И цена расплаты будет очень высокой. Очень.

Одну женщину из тех, с кем спал после побега Роуз, он задушил. Задушил ее, а потом увез труп и сбросил за башней элеватора на западном берегу озера. И что, в случившемся он тоже должен винить свой неукротимый темперамент? Он не знал, но подобные мысли свойственны лишь психам. Он выбрал женщину из толпы покупательниц у мясного прилавка магазина на Фремонт-стрит — невысокую миловидную брюнетку в пестрых, как оперение павлина, обтягивающих леггинсах и с большущей грудью, не вмещавшейся в бюстгальтер. Собственно, он не видел, в какой степени она походила на Роуз (во всяком случае, сейчас он убеждал себя в этом и, похоже, по-настоящему верил), до того момента, когда остановил дежурную машину, неприметный «шевроле» четырехлетнего возраста на западном берегу озера. Она повернула голову, и свет прожекторов, установленных на крыше ближайшего элеватора, на мгновение упал на ее лицо и осветил его так, под таким углом, что секунду-другую ему казалось, будто перед ним Роуз, что шляха *стала* Роуз, той сучкой, которая бросила его, не оставив даже записки, не сказав ни *единого проклятого слова*, и, не успев сообразить, что делает, Норман схватил бюстгальтер и обмотал его вокруг шеи проститутки... Следующее, что он увидел, — это торчащий изо рта язык и глаза, вылезавшие из орбит, как стеклянные шарики. А хуже всего было, что теперь, удавив шляху, он увидел: она совершенно не похожа на Роуз. Совершенно.

Что ж, он не ударился в панику... собственно, с чего ему паниковать? В конце концов, это не первый раз. Знала ли об этом Роуз? Чувствовала ли она? Не потому ли она сбежала? Ибо почувствовала, что он может...

— Не впадай в маразм, — пробормотал он и прикрыл глаза.

И зря. Ему привиделось то, что в последнее время слишком часто видел во сне: зеленая кредитная карточка банка «Мерчентс», выросшая до невероятных размеров и плавающая в темноте, как выкрашенный 8 цвет долларовой банкноты дирижабль. Он поспешно открыл глаза. Ладони болели. Разжал пальцы и без особого удивления посмотрел на наполняющиеся кровью раны. Он давно привык к вспышкам своего гнева — темперамент! — и знал, что с ним делать: надо просто взять себя в руки. Поставить ситуацию под контроль. Это означает, что он должен поразмыслить, составить в голове план, для чего следует начать с анализа уже известного.

Он созвонился с полицейским управлением ближнего из двух городов, представился и затем описал внешность Роуз, сказав, что она проходит в качестве главного подозреваемого лица по крупному скандалу, связанному с получением денег по кредитной карточке (почему-то карточка представлялась ему тягчайшим из ее поступков, он больше не мог выбросить из головы зеленый пластиковый прямоугольник). Он назвал ее имя — Роуз Макклendon, — уверенный, что она вернулась к девичьей фамилии. Если окажется, что по-прежнему носит его фамилию — что

ж, делает вид, что это забавное совпадение: полицейский, расследующий дело, и главный подозреваемый — однофамильцы. Такие случаи истории известны. Кроме того, речь идет о фамилии Дэниэлс, а не Тржевски или Бьюшатц.

Он также отправил факсом два снимка Роуз, в профиль и анфас. На одной фотографии, сделанной в прошлом августе, она сидела на ступеньках перед дверью черного хода. Ее сфотографировал Рой Фостер, его приятель-полицейский. Снимок вышел не очень хороший — в основном из-за того, что на нем отчетливо видно, сколько жира накопилось у нее под кожей с тех пор, как ей перевалило за тридцать, — однако он был черно-белым и с достаточной ясностью давал представление о чертах ее лица. Второй снимок стал плодом вдохновенного творчества полицейского художника (Эла Келли, талантливое сукиного сына, который сотворил это чудо в неурочное время по личной просьбе Нормана) и изображал ту же женщину, но с шарфиком на голове.

Полицейские из того города навели справки в нужных местах, задали вопросы нужным людям, посетили нужные точки — убежища для бездомных, дешевые отели, захудалые пансионы, где без труда можно заглянуть в списки постояльцев, если вам, конечно, известно, кого и как просить, — но все без толку. Норман сам осоловел от бесконечных телефонных переговоров, на которые тратил каждую выдававшуюся свободную минуту, с возрастающим раздражением выискивая хоть какой-то след. Он даже заплатил за предоставленный ему список тех, кто в течение последних недель подал заявление на получение водительских прав, но все безрезультатно.

Мысль о том, что она скрылась бесследно, ушла от справедливого возмездия, избежала наказания за свои поступки (из которых самым тяжким грехом было похищение кредитной карточки), все еще не возникала в его сознании, однако он с неохотой приходил к выводу, что все-таки остановила свой выбор на другом городе, что из-за страха двести пятьдесят миль до первого города показались ей недостаточным расстоянием.

Впрочем, и восемьсот миль — тоже не так уж и далеко, как она вскоре узнает.

Как бы там ни было, хватит рассиживаться. Пора найти какую-нибудь тележку и заняться переноской своего имущества в новый кабинет, на два этажа выше. Он опустил ноги с письменного стола, и в этот момент зазвенел телефон. Он поднял трубку.

— Я могу поговорить с инспектором Дэниэлсом? — осведомился голос на другом конце линии.

— Слушаю вас, — ответил он, думая (без особого удовольствия): «С инспектором первого класса Дэниэлсом, если быть точным».

— Это Оливер Роббинс.

Роббинс... Роббинс... Фамилия знакомая, но где...

— Из «Континентал экспресс», помните? Я продал билет на автобус женщине, которую вы разыскиваете. Дэниэлс мгновенно распрямился в кресле.

— Да, мистер Роббинс, я вас отлично помню.

— Я видел вас по телевизору, — сказал Роббинс. — Как здорово, что вы всех их арестовали. Такое преступление!.. Знаете, мы очень рады, что вам удалось распутать дело.

— Да, — произнес Дэниэлс, старательно следя за тем, чтобы в его голосе не проскочили нетерпеливые интонации.

— Как вы думаете, их всех посадят за решетку?

— По крайней мере, большинство из них. Чем могу помочь вам сегодня?

— Наоборот, мне кажется, я могу помочь *вам*, — поправил его Роббинс. — Помните, вы просили меня позвонить, если я вспомню какие-нибудь новые подробности? Я имею в виду, о женщине в темных очках и красном шарфике.

— Конечно, помню, — ответил Норман. Голос его звучал спокойно и сдержанно, но рука с телефонной трубкой сжалась в кулак, и ногти снова впились в ладонь.

— Так вот, я думал, будто рассказал вам все, что знаю, но кое-что пришло мне в голову сегодня утром, когда я принимал душ. Я размышлял целый день и, как мне кажется, не ошибаюсь. Она действительно сказала именно так.

— Что сказала именно так? — переспросил Норман. Голос все еще звучал хладнокровно — и даже приятно, пожалуй, — однако по морщинкам на запястье сжимавшей телефонную трубку руки потекла яркая струйка крови. Норман выдвинул пустой ящик письменного стола и занес над ним кулак, чтобы кровь падала в ящик. Маленькое крещение во имя того, кто займет эту вонючую конуру после него.

— Видите ли, она, собственно, не сообщила мне, куда ей нужен билет; я *сам* сказал ей. Наверное, поэтому я не вспомнил, когда вы спрашивали меня, инспектор Дэниэлс, хотя обычно память в таких вещах меня не подводит.

— Я вас не понимаю.

— Люди, покупающие билеты, обычно называют конечный *пункт назначения*, — пояснил Роббинс. — «Обратный до Нэшвилла», например, или «В один конец до Лансинга, пожалуйста». Вы следите за моей мыслью?

— Да.

— Та женщина так не сказала. Она не назвала *место*, куда ей нужно попасть; она упомянула о времени отправления автобуса, которым хотела бы уехать. Вот что я вспомнил сегодня утром, когда принимал душ. Она сказала: «Я хочу купить билет на рейс, который отправляется в одиннадцать ноль пять. На этот автобус есть еще свободные места?» Она говорила так, словно место не имеет особого значения, а единственное, что по-настоящему важно...

— ...это уехать как можно скорее и как можно дальше! — воскликнул Норман. — Да! Да, конечно! Спасибо огромное, мистер Роббинс!

— Рад помочь. — Голос Роббинса звучал немного озадаченно, он явно не ожидал такого всплеска эмоций на другом конце телефонной линии. — Эта женщина... вам, по-видимому, очень хочется найти ее.

— Вы правы, — согласился Норман. Он снова улыбался той улыбкой, от которой по коже Розы всегда пробегали мурашки, которая заставляла ее прижиматься к стене, чтобы защитить измученные почки. — Вы совершенно правы. Значит, рейс в одиннадцать ноль пять, мистер Роббинс, куда он идет?

Роббинс сообщил ему название города, затем спросил:

— Она тоже входит в ту банду, которую вы поймали, инспектор Дэниэлс? Женщина, которую вы ищете?

— Нет, она подозревается в получении денег с помощью чужой кредитной карточки, — ответил Норман. И Роббинс начал говорить что-то по этому поводу — по всей видимости, он настроился на продолжительную беседу, — однако Норман положил трубку на рычаг, оборвав его на полуслове. Он снова забросил ноги на письменный стол. Тележку найдет позже, вещи подождут, новый кабинет никуда не денется. Он откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

— Получение денег с помощью чужой кредитной карточки, как же, — произнес он.

— Что там говорится о длинной руке закона?

Он вытянул левую руку и разжал кулак, открывая перепачканную кровью ладонь. Несколько раз сжал и разжал пальцы, тоже измазанные кровью.

— Длинная рука закона. Сучка! — Он неожиданно рассмеялся. — Чертовски длинная рука

закона, и она тянется к тебе. Можешь не сомневаться, она тебя достанет.

Он продолжал сжимать и разжимать пальцы, глядя на маленькие капли крови, падающие на крышку стола, не обращая на них внимания, смеясь и чувствуя себя превосходно. Все возвращается на нужные рельсы.

Добравшись ближе к вечеру в «Дочери и сестры», Рози обнаружила Пэм в складном кресле в расположенной на нижнем этаже комнате отдыха. На коленях у нее лежала раскрытая книга, но она смотрела на Герт Киншоу и сухощавое крошечное существо, появившееся в «Дочерях и сестрах» десять дней назад — девушку по имени Синтия, фамилию Рози забыла. У Синтии была пестрая панковская прическа — половина волос зеленые, половина оранжевые, — и, судя по виду, весила она фунтов девяносто, не больше. Левое ухо, которое приятель Синтии попытался — с определенной долей успеха — оторвать, прикрывала толстая повязка. Она была одета в фуфайку-безрукавку с огромными вырезами для рук и портретом Питера Тоша в центре кружащегося сине-зеленого психоделического взрыва. «Я ЭТО ТАК НЕ ОСТАВЛЮ!» — грозила надпись на фуфайке. При каждом движении девушки фуфайка с огромными вырезами шевелилась, приоткрывая ее груди размером с чайную чашечку и клубничного цвета соски. Она задыхалась, по лицу стекали ручьи пота, однако, казалось, была счастлива оставаться тем, кем она есть и находится там, куда попала.

Герт Киншоу отличалась от Синтии так, как день отличается от ночи. Рози никак не могла окончательно решить для себя, кто же она такая — консультант при «Дочерях и сестрах», надолго задержавшаяся обитательница приюта или же, так сказать, друг дома. Она появлялась, оставалась на несколько дней, потом исчезала снова. Частенько принимала участие в терапевтических лечебных сеансах (таковые устраивались в «Дочерях и сестрах» два раза в день, причем присутствие на втором, проводившемся в четыре часа пополудни, являлось для всех непременным условием пребывания), однако Рози ни разу не слышала, чтобы она что-нибудь говорила. Высокая, не ниже шести футов, и крупная — с широкими мягкими темно-коричневыми плечами, двумя огромными арбузами груди, гигантским мешкообразным животом, над которым свисала футболка размера XXXL, и широким задом в просторных тренировочных штанах, которые она не снимала, казалось, никогда. Волосы ее представляли собой джунгли беспорядочно торчащих косичек (высший крик моды). В целом она настолько походила на тот тип женщин, которых часто можно увидеть у автоматических прачечных с шоколадкой и последним номером «Нэшнл инкуайрер» в руке, что с первого взгляда вы не замечали упругости бицепсов, подтянутости бедер и то, что ее крупный зад *не* трясется при ходьбе. Только во время семинаров в комнате отдыха Рози изредка слышала ее громкий голос.

Герт обучала всех желающих из числа обитательниц «Дочерей и сестер» тонкостям искусства самообороны. Рози тоже не удержалась, посетила несколько занятий и до сих пор хотя бы раз в день старалась повторить приемы, проходившие у Герт под общим названием «Шесть отличных способов отшить зарвавшегося придурка». Получалось у нее не очень убедительно, и она вообще сомневалась в том, что сможет применить их на реальном человеке — мужчине с усами Дэвида Кросби, например, стоявшем в дверях «Маленького глотка», — и все же Герт ей нравилась. Больше всего она любила смотреть, как преобразается широкое коричневое лицо Герт во время занятий, как рассыпается в прах ее обычная глиняная бесстрастность, как в глазах загорается огонек умного, живого азарта. В такие минуты Рози казалось, что она превращается в настоящую красавицу. Однажды Рози спросила ее, как называется то, чему она их обучает — таэквондо, джиу-джитсу, каратэ? Или это какая-то другая дисциплина? Герт пожала плечами в ответ.

— Кусочек оттуда, кусочек отсюда, — сказала она. — Так, всего понемножку.

Когда Рози заглянула в комнату отдыха, стол для пинг-понга уже отодвинули в сторону, на пол постелили жесткие серые маты. Вдоль одной обшитой сосновой доской стены стояли

восемь или девять складных стульев, вытянувшихся в ряд между старинным стереопроектором и допотопным телевизором, на экране которого все выглядело либо розовым, либо зеленым. В тот момент, когда Роза заглянула в комнату, лишь один стул был занят — тот, на котором сидела Пэм. С книжкой на плотно сжатых коленях, с пучком темных волос, перехваченных на затылке синей лентой, она смахивала на девочку-старшеклассницу на танцевальном вечере, не пользующуюся успехом у кавалеров. Роза опустилась на стул рядом с ней, прислонив завернутую в бумагу картину к стене.

Герт, в ком было никак не меньше двухсот семидесяти фунтов, и Синтия, которой, чтобы сдвинуть стрелку весов до цифры сто, нужно натягивать альпинистские ботинки и надевать на плечи полностью снаряженный рюкзак, кружили на матах. Синтия тяжело дышала и широко улыбалась. Спокойная и молчаливая Герт, слегка согнувшись в несуществующей талии, удерживала соперницу на расстоянии вытянутой руки. Роза посмотрела на них, чувствуя, что ей одновременно и смешно, и немного тревожно. Как будто белка или бурундук пытались атаковать матерого медведя.

— Я уже начала волноваться из-за тебя, — заметила негромко Пэм. — Честно признаться, я собиралась было бросить клич и организовать поисковую группу.

— Я просто *изумительно* провела время. Впрочем, как ты? Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Во всяком случае, мне так кажется. Мидол — ответ на все мировые проблемы. Не обращай на меня внимания, что с тобой-то случилось? Ты вся сияешь!

— Правда?

— Правда. Выкладывай. Что произошло? — Сейчас посчитаем. — Роза принялась загибать пальцы на руке. — Во-первых, я выяснила, что мое обручальное кольцо — дешевая фальшивка. Во-вторых, я поменяла его на картину — повешу ее в своей новой квартире, как только получу ее, — в-третьих, мне предложили работу... — Она сделала паузу — намеренную паузу — и затем добавила: — И еще я повстречала кое-кого весьма *интересного*.

Пэм посмотрела на нее круглыми глазами:

— Ты все выдумываешь!

— Не-а. Клянусь Господом. Не горячись, подруга, ему лет шестьдесят пять — при вечернем освещении. — Она имела в виду Робби Леффертса, однако перед ее глазами всплыл услужливо подсунутый сознанием образ Билла Штайнера в его синем шелковом жилете, Билла с его красивыми глазами. Однако это смешно. На данном этапе жизненного пути новые любовные увлечения нужны ей не больше, чем рак горла. Кроме того, она ведь сама определила, что он по меньшей мере лет на семь ее моложе, не так ли? Просто малыш по сравнению с ней. — Этот старик и предложил мне работу. Его зовут Робби Леффертс. Но давай не будем сейчас о нем — хочешь посмотреть мою картину?

— Ну, давай же, смелее! — раздался голос Герт, подбадривающей соперницу в центре комнаты. В нем ощущалось и дружелюбие, и раздражение. — Что это тебе, школьные танцурки? Активнее, милая.

Синтия бросилась вперед; свободная фуфайка трепыхалась за спиной, словно на ветру. Герт быстро повернулась боком, подхватила худенькую девушку за локти и швырнула через бедро. Пятки Синтии мелькнули в воздухе, и она с громким шлепком приземлилась на маты.

— Ух ты-ы-ы! — произнесла она, вскакивая на ноги, как резиновый мячик.

— Нет, не хочу я смотреть на твою *картинку*. Разве что на ней изображен *мужчина*. Слушай, тот мужик, с которым ты познакомилась, — ему действительно шестьдесят пять? Что-то я *сомневаюсь*!

— Может, и больше, — пожала плечами Роза. — Если говорить начистоту, был и *другой*. Вот он-то как раз и рассказал мне, что бриллиант в кольце фальшивый. Вернее, это цирконий. А

потом мы поменялись с ним — Картину за кольцо. — Она опять сделала паузу. — *Ему*, между прочим, далеко до шестидесяти пяти.

— Как он выглядит?

— Орехового цвета глаза, — проговорила Роза, склоняясь над картиной. — Больше ничего не скажу, пока не услышу твое мнение вот об этом.

— Роза, не будь *занудой*!

Роза усмехнулась — она почти забыла, какое удовольствие может доставлять маленькое безобидное поддразнивание, — продолжая снимать бумагу, в которую Билл Штайнер аккуратно завернул первое сознательное и значительное приобретение в ее новой жизни.

— Ну, хорошо, — произнесла Герт, обращаясь к Синтии, которая снова начала описывать круги вокруг наставницы. Герт легонько подпрыгивала на мощных коричневых ногах. Ее груди под белой футболкой вздымались и опадали, как океанские волны. — Итак, ты видела, как это делается. Теперь попробуй сама. Не забывай, швырнуть меня ты не сумеешь — малявка вроде тебя заработает массу переломов, если попытается бросить такой дерьмовоз, как я, — но ты можешь помочь мне упасть. Готова?

— Готова, готова, тетя корова, — откликнулась Синтия. Ее губы раздвинулись еще шире, обнажая мелкие неровные белые зубы. Роза они напомнили зубы маленького, но опасного животного, например мангуста. — Гертруда Киншоу, *нападай*!

Герт пошла в атаку. Синтия ухватила за ее мускулистые предплечья, с уверенностью, которой Роза не видать, сколько бы она ни тренировалась, подставила по-мальчишески тощее бедро под медвежий бок Герт... и та неожиданно взлетела вверх тормашками в воздух и кувыркнулась в полете — привидение в белой футболке и серых тренировочных штанах. Футболка задралась, открывая самый большой бюстгальтер, который когда-либо видела Роза; бежевые чашечки смахивали на артиллерийские снаряды времен Первой мировой войны. Когда тело Герт соприкоснулось с полом, стены комнаты заметно содрогнулись.

— Да-а-а! — закричала Синтия, исполняя безумный танец вокруг поверженной соперницы и потрясая сжатыми в кулачки худыми руками над головой. — Да-а-а-а! *Большая мама оказывается на полу!* ДА-А-А-А! *Начинаю счет!* *Большая мама, мать твою*, в нок...

С улыбкой — удивительно, но улыбка, редко появлявшаяся на лице Герт, придавала ему довольно печальный вид — Герт подхватила Синтию, подняла ее над головой, широко расставив ноги, похожая на крепкое дерево, затем начала вращать ее, словно пропеллер самолета.

— Э-э-э-э-э-и-и-и-й, *меня щас стошнит!* — запросила пощады Синтия, захлебываясь от смеха. От быстрого вращения она превратилась в круг, в котором мелькали зелено-оранжевые полосы волос и пятна психоделической фуфайки. — Э-э-э-э-э-и-и-и-й, я щас *КОНЧУ!*

— Герт, достаточно, — произнес тихий голос. У основания лестницы стояла Анна Стивенсон. Она в очередной раз оделась в черное с белым (Роза видела на ней и другие сочетания цветов, но не часто): сужающиеся книзу черные брюки и белую шелковую блузку с длинными рукавами и высоким воротником. Роза позавидовала элегантной внешности Анны. Элегантность Анны Стивенсон *всегда* вызывала у нее зависть.

С выражением легкого смущения на лице Герт осторожно опустила Синтию и поставила на ноги.

— Я в порядке, Анна, — сказала Синтия. Сделав четыре неверных шага по матам, она зацепилась за собственную ногу, шлепнулась на пол и захихикала.

— Вижу, — сухо заметила Анна.

— Зато я швырнула Герт, — заявила она. — Жаль, что вы не видели. По-моему, это мой самый большой подвиг в жизни. Честное слово.

— Я в этом не сомневаюсь, однако Герт скажет вам, что она сама себя бросила. Вы просто

помогли ее телу сделать то, что оно уже собралось сделать.

— Наверное, вы правы, — согласилась Синтия. Она боязливо поднялась с матов и тут же опять шлепнулась на задницу (вернее, ту часть тела, где она должна располагаться) и снова захихикала. — Черт возьми, как будто кто-то поставил всю комнату на проигрыватель!

Анна пересекла комнату и приблизилась к сидевшим на стульях Розы и Пэм.

— Что это у вас? — спросила она Розы.

— Картина. Я купила ее сегодня днем. Для новой квартиры, когда получу ее. Повешу в своей комнате. — Затем с опаской добавила: — Что вы о ней скажете?

— Не знаю — давайте поднесем ближе к свету. Анна взяла картину с двух сторон, перенесла на противоположный край комнаты и установила на стол для пинг-понга. Пять женщин полукругом сгрудились вокруг стола. Нет, оглянувшись, заметила Розы, теперь их уже семеро. К пятерке, спустившись по лестнице, присоединились Робин Сент-Джеймс и Консуэло Дельгадо. Они остановились за спиной у Синтии, заглядывая через ее узкие костлявые подростковые плечи. Розы ожидала, что кто-то из женщин заговорит первой — скорее всего, воцарившуюся тишину нарушит Синтия, — но все продолжали молчать, и когда пауза затянулась, она почувствовала слабый нервный озноб.

— Ну? — проговорила она. — Что вы думаете? Кто-нибудь, скажите хоть слово.

— Странная картина, — заметила Анна.

— Верно, — подтвердила Синтия. — Чудная какая-то. По-моему, я что-то подобное видела, не помню только где.

Анна смотрела на Розы.

— Почему вы купили ее, Розы?

Розы пожалала плечами, ощущая непонятный страх.

— Не знаю, смогу ли объяснить толком. Мне показалось, что она... взывала ко мне.

Неожиданная улыбка Анны удивила ее и у нее отлегло от сердца.

— Все правильно, — кивнула Анна. — В этом и состоит суть искусства, как мне кажется, и не только живописи — то же самое происходит с книгами, скульптурой, даже с замками из песка. Иногда произведения искусства просто взывают к вам, вот и все. Словно голоса тех людей, кто их создал, звучат у вас в голове. Но эта картина... она кажется вам красивой, Розы?

Розы посмотрела на картину, пытаясь увидеть ее такой, какой она показалась ей в ломбарде «Либерти-Сити», когда безмолвный язык холста заговорил с ней с такой силой, что она замерла на полпути как вкопанная, и все остальные мысли вылетели у нее из головы. Она посмотрела на светловолосую женщину в тоге маренового цвета (или в хитоне — так, кажется, назвал ее одежду мистер Леффертс), стоящую в высокой траве на вершине холма, снова заметила толстую косу, свисавшую вдоль спины, золотой браслет над правым локтем. Затем она позволила своему взгляду переместиться к разрушенному храму и поверженной статуе *Бога* у подножия холма. К предметам, на которые глядит женщина в тоге.

«Откуда ты знаешь, что она смотрит именно на них? Как ты можешь знать? Она же стоит к тебе спиной! Ты ведь не видишь ее лица!»

Да, все верно... но ведь ей больше не на что глядеть, разве не так?

— Нет, — медленно проговорила Розы. — Я купила ее не потому, что она показалась мне красивой. Я купила ее потому, что она показалась мне сильной. Она остановила меня на пути; значит, она действительно обладает какой-то силой. Разве для того, чтобы считаться хорошей, картина обязательно должна быть красивой, как вы полагаете?

— Нет, — ответила Консуэло. — Вспомни Джексона Поллока. Его произведения никто не мог назвать красивыми, но энергии в них, хоть отбавляй. Или Диана Арбус, например.

— Это еще кто такая? — поинтересовалась Синтия.

— Знаменитый фотограф. И знаменитой она стала благодаря снимкам женщин с бородой и портретам карликов с сигаретами в зубах.

— Ух ты. — Синтия задумалась над услышанным, и ее лицо внезапно вспыхнуло светом пойманного воспоминания. — Точно! Я уже видела однажды эту картину на одной званой вечеринке с коктейлями. В художественной галерее. Галерея принадлежала парню по имени Эпплторп, Роберт Эпплторп, и представляете, что потом оказалось? Что он развлекается с другим парнем! Серьезно! И по-настоящему, не понарошку, как те, что на обложках журналов для педерастов. Он *старался*, прилагал все усилия, работал не на страх, а на совесть. Вы даже не представляете, что мужик может иметь такую ручку от швабры между...

— Мэпплторп, — сухо произнесла Анна.

— Что?

— Мэпплторп, а не Эпплторп.

— Возможно. Я не помню точно.

— Он умер.

— Да? — нахмурилась Синтия. — От чего же?

— От СПИДа. — Анна не сводила глаз с картины Розы и говорила рассеянным тоном. — Известного в некоторых кварталах как болезнь гомосексуалистов.

— Ты говоришь, что уже видела эту картину, — пророкотала Герт. — Где ты ее видела, кротка? В той же художественной галерее?

— Нет. — Пока речь шла о Мэпплторпе, на лице Синтии читалась явная заинтересованность, теперь же ее щеки порозовели, а уголки рта изогнулись в слабой защитной улыбке. — И вообще, это была не *та* же самая картина, знаете, но...

— Давай, рассказывай, — сказала Розы.

— Отец мой был священником методистской церкви в Бейкерсфилде, — начала Синтия. — В маленьком городке Бейкерсфилд в штате Калифорния, я оттуда родом. Мы жили в пасторате, и в маленьком зале для встреч на первом этаже висело несколько старых картин. Портреты президентов, пейзажи, натюрморты с цветами, собаки. Ну да они, впрочем, не важны. Их попросту вешали, чтобы стены не казались слишком голыми.

Розы кивнула, вспоминая картины, которые окружали ее в пыльном ломбарде «Либерти-Сити» — изображавшие гондолы в Венеции, фрукты в вазе, собак и лис. Точно, эти предметы вешают на стены, чтобы те не выглядели слишком голыми. Рты без языков.

— Но там была одна... которая называлась... — Она нахмурилась, сосредоточенно копаясь в памяти. — Если не ошибаюсь, она называлась «Де Сото смотрит на запад». На ней был изображен мужчины в шляпе, похожей на тарелку, окруженный группой индейцев. Он стоял на скале и смотрел через вытянувшийся на многие мили лес на огромную реку. Миссисипи, наверное. Только дело в том... понимаете...

Она окинула их растерянным взглядом. Ее щеки порозовели еще сильнее, улыбка исчезла. Неуклюжая повязка над ухом казалась очень белой, бросалась в глаза, словно необычное устройство, и Розы успела удивленно подумать — далеко не в первый раз со дня своего появления в «Дочерях и сестрах», — что мужчины почему-то бывают очень жестокими. Почему так происходит? Что с ними? Им чего-то не хватает или же в них с рождения есть нечто неправильное, выходящее из строя, как некачественная плата в компьютере?

— Продолжайте, Синтия, — сказала Анна. — Мы не будем смеяться. Правда же?

Женщины согласно закивали головами. Синтия соединила руки за спиной, как школьница, которую вызвали к доске прочитать перед всем классом выученное наизусть стихотворение.

— Значит, так, — заговорила она непривычно тихим голосом. — Мне казалось, что река *движется*, и я не могла смотреть на картину спокойно. Картина висела в комнате, где отец

проводил вечером по четвергам библейские чтения для учеников местной школы, и я заходила туда, иногда садилась напротив картины и глядела на нее. Могла смотреть не отрываясь час, а то и *больше*, как в телевизор. Смотрела на реку, которая двигалась, или сидела, ожидая, *когда* она двинется. Мне было лет восемь или девять. Ага! Я точно помню, что думала: если река движется, то рано или поздно по ней проплывет плот или лодка, или каноэ с индейцами, и тогда я узнаю наверняка. А потом я вошла однажды в комнату, а картины нет. Наверное, мать заглянула ненароком, увидела, как я сижу, словно мумия, перед картиной, и, знаете...

— ...встревожилась и сняла ее, — подсказала Робин.

— Да. Скорее всего, выкинула ее на свалку, — добавила Синтия. — Я была тогда совсем маленькой. Но твоя картина, Роза, напомнила мне о той. Пэм внимательно изучала полотно.

— Да, — произнесла она, — неудивительно. Мне кажется, я вижу, как женщина дышит.

Они все дружно рассмеялись, и Роза засмеялась вместе с ними.

— Да нет, дело не в *этом*, — сказала Синтия. — Она просто... немножко старомодная... как картина в школьном актовом зале... и бледная. Если не считать платья и грозовых туч, все краски бледные, посмотрите. И на моей картине «Де Сото» все было бледным, кроме реки. А река яркого серебристого цвета. Когда я смотрела на картину, то в конце концов переставала замечать все остальное и видела только реку.

— Расскажи нам про работу, — повернулась к Розе Герт. — Кажется, ты упомянула о работе?

— Выкладывай все, — потребовала Пэм.

— Да, — поддержала ее Анна, — расскажите нам все, а затем я хотела бы несколько минут поговорить с вами в моем кабинете.

— Это... то, чего я так ждала?

Анна улыбнулась:

— Думаю, что да.

— Это одна из лучших комнат, значащихся в нашем списке, и я надеюсь, вам она понравится не меньше, чем мне, — сказала Анна. На краю ее письменного стола опасно висела стопка листовок, объявлявших о предстоящем летнем пикнике и концерте «Дочерей и сестер», мероприятии, которое устраивалось в некоторой степени для Сбора средств, в некоторой для создания благоприятного имиджа организации в глазах общественности, а вообще-то представляло собой небольшой праздник. Анна взяла одну листовку, перевернула ее чистой стороной и набросала примерный план. — Вот здесь кухня, здесь откидная кровать, тут небольшая жилая зона. Вот ванная. Не могу сказать, что в ней очень просторно, сидя на унитазе, вам придется вытягивать ноги прямо под душ, но это ваша комната.

— Да, — пробормотала едва слышно Роза. — Моя.

В нее снова начало прокрадываться чувство, которого она не испытывала уже несколько недель, — словно все происходящее не более чем сон, и в любую секунду она может опять проснуться рядом с Норманом.

— Вид из окна замечательный — не Лейк-драйв, конечно же, но парк Брайант весьма привлекателен, особенно в летнее время. Второй этаж. Район немножко сдал в восьмидесятые годы, но постепенно приходит в себя.

— Вы так хорошо рассказываете, будто сами там жили, — вставила Роза.

Анна пожала плечами — изящный, красивый жест, — нарисовала перед дверью комнаты коридор, затем лестницу. Она рисовала просто, без прикрас, с экономностью профессионального чертежника, и говорила, не поднимая головы.

— Я бывала там не раз и не два, но вы, наверное, не это имеете в виду.

— Да.

— Часть моей души отправляется с каждой женщиной, когда та уходит. Я полагаю, это звучит до противного возвышенно, но мне все равно. Это правда, и это главное. Что скажете?

Роза порывисто обняла ее и мгновенно пожалела о своей несдержанности, почувствовав, как напряглась Анна.

«Не следовало мне этого делать, — подумала она, отступая. — Я же знала».

Она действительно знала. Анна Стивенсон добра, верно, и внутренне Роза не сомневалась в ее доброте — в определенном смысле даже святости, — однако не надо забывать и про странное высокомерие и самодовольство; к тому же Роза успела понять, что Анна не терпит, когда люди вторгаются в ее личное пространство. И очень не любит, когда к ней прикасаются.

— Простите, пожалуйста, — произнесла она тихо, отступая.

— Не глумитесь, — коротко бросила Анна. — Так что вы скажете?

— Я в восторге.

Анна улыбнулась, и возникшая между ними небольшая неловкость осталась позади. Она нарисовала крестик на стене жилой зоны возле крошечного прямоугольника, обозначавшего единственное окно комнаты.

— Ваша новая картина... клянусь, вы решите повесить ее именно здесь.

— Мне тоже так кажется.

Анна положила карандаш на стол.

— Я счастлива, что имею возможность помочь вам, Роза, и очень рада, что вы оказались у нас. Эй, у вас все потекло.

В очередной раз Анна протянула ей салфетку «Клинекс», и Роза подумала, что это, наверное, не та коробочка, из которой Анна доставала салфетку в день первого интервью в

кабинете. У нее создалось впечатление, что запасы салфеток Анне приходится пополнять очень часто. Роза взяла салфетку и утерла глаза.

— Знаете, вы спасли мне жизнь, — сказала она хриловатым голосом. — Вы спасли мне жизнь, и я никогда, никогда этого не забуду.

— Лестно, но далеко от истины, — парировала Анна своим сухим спокойным голосом. — Говорить о том, что я спасла вам жизнь, было бы точно так же ошибочно, как утверждать, что Синтия уложила на лопатки Герт в спортивном зале. Вы сами спасли себе жизнь, воспользовавшись представившейся возможностью и покинув человека, который делал вам больно.

— И все же спасибо огромное. Хотя бы за то, что я здесь.

— Не стоит благодарностей, — ответила Анна, и в единственный раз за весь срок пребывания в «Дочерях и сестрах» Роза стала свидетелем появившихся на глазах Анны Стивенсон слез. С мягкой улыбкой она протянула коробку с салфетками назад хозяйке кабинета.

— Вот, — сказала она. — Похоже, у вас в глазах тоже образовалась маленькая течь.

Анна рассмеялась, вытерла глаза и бросила салфетку в мусорную корзину.

— Ненавижу слезы. Это моя личная тайна, которую я храню от всех. Время от времени мне кажется, что я справилась со своим недостатком, что теперь уж *точно* я от него избавилась. А потом все происходит снова. Примерно то же самое я чувствую в отношении мужчин.

На короткое мгновение в памяти Розы всплыли ореховые глаза Билла Штайнера.

Анна снова взяла карандаш и быстро нацарапала что-то под схематичным наброском нового дома Розы, затем протянула ей листок. Опустив глаза, Роза прочитала адрес: Трентон-стрит, 897.

— Теперь это *ваш* адрес, — добавила Анна. — Правда, это почти на другом конце города, но теперь вы можете пользоваться автобусом, так ведь?

С улыбкой — и со слезами на глазах — Роза утвердительно кивнула головой.

— Можете дать адрес тем подругам, с которыми познакомились здесь, и тем друзьям, которые в конце концов появятся у вас за стенами этого здания, но сейчас о нем знают только два человека — вы и я. — Ее слова казались Розе чем-то заранее заготовленным, похожим на многократно отрепетированную прощальную речь. — И помните, никто и никогда не узнает ваш адрес через «Дочерей и сестер». Просто мы так привыкли поступать. За двадцать лет работы с обиженными женщинами я убедилась, что нужно делать так, и только так, а не иначе.

Последние слова Анны не стали для Розы неожиданностью; она уже многое знала из рассказов Пэм, Консуэло Дельгадо и Робин Сент-Джеймс. Роза вводила в курс дела чаще всего во время «Часа большого веселья», как в шутку называли обитательницы «Дочерей и сестер» ежевечернюю уборку помещений, однако Роза, собственно, и не нуждалась в объяснениях. Разумному человеку хватало двух или трех терапевтических сеансов, чтобы узнать все, что стоит знать о заведенном в «Дочерях и сестрах» распорядке. Кроме Списка Анны, существовали еще и Правила Анны.

— Насколько он волнует вас? — спросила Анна. Мысли Розы уклонились от темы разговора; вопрос застал ее врасплох, и она встряхнула головой, приводя их в порядок. В первый момент она не поняла, кого имеет в виду Анна.

— Ваш муж — в какой степени он волнует вас? Мне известно, что в первые две или три недели пребывания здесь вы опасались, что он будет разыскивать, вас... «пойдет по следу» — ваши собственные слова. Что вы думаете об этом теперь?

Роза задумалась над вопросом. Прежде всего, «опасалась» — совершенно неточное слово для описания тех чувств к Норману, которые она испытывала на протяжении первой и, пожалуй, второй недели жизни в «Дочерях и сестрах»; даже такое определение, как «ужас», не могло в

полной степени их отразить, ибо суть отношения к покинутому мужу в значительной мере измерялась другими эмоциями; стыдом из-за несостоявшейся семейной жизни, тоской по некоторым предметам, которых ей не хватало (креслу Пуха, например), эйфорическим чувством свободы, которое вспыхивало с новой силой каждое утро, облегчением, казавшимся таким холодным, что это ее пугало, — облегчением, которое может испытывать канатоходец, потерявший равновесие на проволоке, натянутой над глубокой пропастью... но все же устоявший на ногах.

Впрочем, главной нотой в гамме ее чувств был все-таки страх, в этом она не сомневалась. В первые две недели, проведенные в «Дочерях и сестрах», почти каждую ночь снова и снова видела один и тот же сон: сидит в плетеном кресле на крыльце «Дочерей и сестер», и в этот момент перед ней у тротуара останавливается новенькая красная «сентра». Открывается водительская дверь, и из машины появляется Норман. На нем черная футболка с картой Южного Вьетнама. Иногда надпись под картой гласит: «ДОМ ТАМ, ГДЕ НАХОДИТСЯ СЕРДЦЕ»; «БЕЗДОМНЫЙ. БОЛЕЮ СПИДОМ». Его брюки забрызганы кровью. В руке держит нечто вроде маски с засохшими пятнами крови и клочьями прилипшего мяса. Она пытается встать с кресла, но не может; ее словно парализовало. Она только сидит и смотрит, не в силах встать с кресла, как он медленно приближается к ней, а он говорит, что хочет побеседовать с ней начистоту. Он улыбается, и она видит, что даже его зубы перепачканы кровью.

— Розы? — окликнула ее Анна. — Вы здесь?

— Да, — торопливо ответила она, слегка вздрагивая. — Я здесь, и — да, я все еще боюсь его.

— Ничего удивительного, сами понимаете. На каком-то подсознательном уровне вы, подозреваю, никогда не избавитесь от страха перед ним. Но вам станет лучше, если вы запомните, что все чаще и чаще будут появляться долгие периоды без страха перед ним или кем-нибудь еще... даже *мысли* о нем не побеспокоят вас. Однако я не об этом хотела узнать. Я спросила, не опасаетесь ли вы, что он все-таки может разыскать вас.

Да, она все еще боится. Вернее, не *так* боится, как раньше. Ей доводилось слышать множество его связанных с работой телефонных разговоров, она слышала, как он обсуждает с приятелями или коллегами самые разнообразные текущие расследования — в гостиной внизу или на веранде. Они почти не замечали ее, когда она приносила им горячий кофе или свежее пиво. Почти всегда в этих обсуждениях Норман исполнял ведущую партию, говоря быстрым, полным нетерпения голосом, наклонившись над столом с бутылкой пива, чуть ли не полностью потонувшей в его огромном кулаке, подгоняя остальных, развеивая их сомнения, отказываясь считаться с их доводами. Изредка он разговаривал и с ней. Разумеется, его не интересовало ее мнение о том или ином случае, просто она представляла собой удобную стену, о которую он мог постучать мячиком собственных мыслей. Быстрый по характеру, он всегда желал получить результат вчера и нередко терял интерес к делам, над которыми приходилось корпеть в течение нескольких недель — весьма продолжительный срок в его представлении.

Может, он махнул на нее рукой, как на старое, чересчур затянувшееся расследование?

Как бы ей хотелось верить в это! Как она старалась! И все же... не могла... поверить до конца.

— Не знаю, — призналась она. — В какой-то степени мне хочется думать, что если бы он стремился найти меня, то уже появился бы. Но другая часть сознания утверждает, что он по-прежнему продолжает искать. К тому же он не водитель грузовика или водопроводчик, он полицейский. Ему известно, *как* разыскивать людей.

— Да, я понимаю, — кивнула Анна. — И потому еще более опасен, и это означает, что вам нужно соблюдать особенную осторожность. Тем важнее вам помнить, что вы не одиноки. Дни

одиночества позади, Розы. Обещаете мне не забывать об этом?

— Да.

— Вы уверены?

— Да.

— А если он все-таки *объявится*, что вы предпримете?

— Захлопну дверь перед его носом и запру ее на ключ.

— А потом?

— Позвоню в полицию.

— Без малейшего промедления?

— Без малейшего, — подтвердила она, зная, что так и будет. Но тем не менее чувство страха не покидало ее. Почему? Потому что Норман полицейский, и они — те, кому она позвонит, — *тоже* полицейские. Потому что знала — Норман всегда находит способ добиться своего. Он ищейка. И еще потому, что помнила фразу, которую Норман повторял ей миллион раз: «Все полицейские братья».

— А после того, как сообщите в полицию? Что вы сделаете потом?

— Позвоню вам.

— С вами все будет в порядке, — заверила ее Анна. — В полнейшем порядке.

— Я знаю.

Она произнесла эти слова уверенным тоном, но внутри точил червь сомнения... по-видимому, она не избавится от сомнений до тех пор, пока не появится он, чтобы взять все в свои руки и вырвать ее из призрачного мира предположений и допусков. А когда это произойдет, что случится с теми полутора месяцами, которые она провела здесь — с «Дочерьми и сестрами», отелем «Уайтстоун», Анной, ее друзьями? Не рассеются ли они, как сон в миг пробуждения от вечернего стука в дверь, когда она вскакивала с кушетки, на которой незаметно задремала, и торопилась открыть дверь, чтобы увидеть стоящего за ней Нормана? Возможно ли такое?

Взгляд Розы переместился на картину, стоящую на полу рядом с дверью кабинета, и она поняла, что это невозможно. Картина была обращена лицом к стене, и Розы видела только ее обратную сторону, и все же ей показалось, что она различает сам рисунок: в ее сознании выкристаллизовался отчетливый образ женщины на холме под затянутым грозовыми тучами небом над полусожженным храмом, и образ этот несколько не походил на сон. *Ничто*, решила она, не сможет превратить эту картину в сон.

«А если повезет, — подумала она и слабо улыбнулась, — мне никогда не придется узнать правильный ответ на все вопросы».

— Сколько стоит квартплата, Анна? Смогу ли я осилить ее?

— Триста двадцать долларов в месяц. Хватит ли у вас денег хотя бы на первые два месяца?

— Да. — Анна могла и не спрашивать; не будь у Розы достаточно денег, чтобы обеспечить свое существование в первое время, разговор просто не состоялся бы. — По-моему, не очень дорого. Во всяком случае, для начала неплохо.

— Для начала, — повторила Анна. Она ущипнула пальцами подбородок и бросила пронизательный взгляд через стол на Розы. — Из чего следует логический вопрос о вашей новой работе. На первый взгляд, звучит соблазнительно, но при всем при том...

— Сомнительно? Ненадежно? — Эти слова пришли ей на ум по дороге домой... и тот факт, что, несмотря на весь энтузиазм Робби Леффертса, *она*, собственно, не знала, *способна* ли исполнять такую работу, и не узнает до самого утра в понедельник. Анна кивнула.

— Я бы, наверное, подобрала другие слова — какие именно, сказать не могу, — но эти тоже подойдут. Сложность состоит в следующем: если вы уйдете из «Уайтстоуна», я не в состоянии дать стопроцентную *гарантию* того, что вас возьмут обратно, особенно если все нужно будет

сделать быстро. В «Дочерях и сестрах», как вам прекрасно известно, постоянно появляются новые женщины, и я, естественно, в первую очередь должна заботиться о них.

— Конечно. Я понимаю.

— Разумеется, я постараюсь сделать все, что в моих силах, но...

— Если с работой, которую предлагает мне мистер Леффертс, не выгорит, я поищу где-нибудь место горничной или официантки, — тихо сказала Роза. — Спина сейчас беспокоит меня гораздо меньше, так что, думаю, справлюсь. Благодаря Дон я, надеюсь, смогу получить место кассира в какой-нибудь работающей допоздна лавке. — Дон Верекер обучала обитательниц «Дочерей и сестер» основам работы на кассовом аппарате, который хранился в одном из подсобных помещений. Анна по-прежнему внимательно смотрела на Розу.

— Но не думаю, что до этого дойдет, как вы считаете?

— Нет. — Она искоса бросила еще один взгляд на картину. — Надеюсь, все образуется. Между тем я многим вам обязана...

— И знаете, что нужно делать со своими чувствами, не так ли?

— Передать их дальше.

— Верно, — кивнула Анна. — Если когда-нибудь вы встретите на улице женщину, похожую на вас недавнюю — женщину, которая выглядит растерянной и шарахается от собственной тени, — постарайтесь помочь ей. — Могу я задать один вопрос, Анна? — Пожалуйста, сколько хотите. — Вы как-то проговорились, что «Дочерей и сестер» основали ваши родители. Почему? И почему вы до сих пор продолжаете их дело?

Анна выдвинула ящик письменного стола, порылась в нем и извлекла на свет толстую книгу в мягкой обложке. Она положила ее на край стола перед Розой. Та взяла книгу, посмотрела на нее, и на секунду ощутила потрясающей ясности вспышку памяти, яркую, как кошмарные отчетливые воспоминания тех, кто прошел через ужасы войны. В тот миг она не просто вспомнила влажность внутренней части бедер, ощущение маленьких зловещих поцелуев; она, казалось, *пережила* все заново. Она увидела тень Нормана, разговаривающего на кухне по телефону. Она увидела, как тени от его пальцев без усталости перебирают похожий на спираль телефонный шнур. Она услышала, как он сообщает собеседнику на другом конце линии о том, что это, конечно же, срочно, что его жена беременна. Потом она увидела, как он возвращается в комнату, подбирает куски разорванной книги, которую выхватил у нее из рук перед тем, как ударить. На книге, которую показала ей Анна, она увидела ту же самую рыжеволосую девушку. В этот раз она была одета в бальное платье и ее сжимал в объятиях красивый цыган со сверкающим взглядом.

— *Вот* откуда начинаются все неприятности, — сказал тогда Норман. — Сколько раз говорил я тебе, что мне такое дерьмо не нравится!

— Роза? — В голосе Анны звучала явная обеспокоенность. И еще ее голос доносился издалека, как голоса, которые слышишь сквозь сон. — Роза, вам плохо?

Она с усилием оторвала взгляд от книги («Несчастливая любовь», — гласило название, сделанное такими же блестящими красными буквами, а ниже утверждалось, что это «самый потрясающий роман Пола Шелдона») и выдавила жалкое подобие улыбки.

— Все нормально, не волнуйтесь. Какой-то бестселлер?

— Душещипательные романы — одно из моих тайных пристрастий, — призналась Анна. — Лучше шоколада, потому что от них не толстеешь, а мужчины в них не чета настоящим, они не звонят в четыре часа утра и не завывают с пьяными всхлипываниями в трубку, предлагая начать все сначала. Но это дешево, и знаете почему?

Роза покачала головой.

— Потому что в них объясняется весь мир. В них обязательно найдется причина для *всего*.

Иногда это такие же вымышленные и искусственные истории, как в рекламных газетах, которые бесплатно раздаются в супермаркетах, иногда они полностью противоречат тому, что известно разумному человеку о поведении людей в реальном мире, но объяснения всегда при них. В «Несчастной любви» Анна Стивенсон, заправляющая «Дочерьми и сестрами», обязательно окажется пострадавшей в молодости... или ее мать будет пострадавшей. Но я таковой себя не считаю, да и маму, насколько помню, никто никогда не обижал. Муж иногда *игнорировал* меня — к вашему сведению, я разведена уже двадцать лет, если Пэм или Герт еще не успели сообщить вам, — но он никогда и пальцем меня не тронул. В реальной жизни, Роза, люди подчас совершают поступки, как хорошие, так и плохие, *просто потому что*. Вы понимаете, о чем я говорю?

Роза медленно кивнула головой. Вспоминала все те дни, когда Норман бил ее, издевался, доводил до слез... а потом, ни с того ни с сего приносил вечером дюжину роз и вел на ужин в ресторан. Если она спрашивала, в чем дело, по какому поводу такая честь, почему ему вздумалось вытащить ее из дому, он обычно пожимал плечами и говорил: «Захотелось доставить тебе удовольствие». Другими словами, *просто потому что*. Мама, почему я должен отправляться спать в восемь часов даже летом, когда на дворе светло, как днем? Просто потому что. Папа, почему бабушка умерла? Просто потому что. Очевидно, Норман полагал, что эти редкие выходы в свет и подарки способны компенсировать то, что он считал, наверное, «приступами несдержанности». Он никогда не узнает (да, пожалуй, и не понял бы, скажи она ему об этом), что внезапная ласка и подарки страшили ее еще сильнее, чем его злость и вспышки ярости. Во всяком случае, она знала, как вести себя при этом.

— Мне *тошно* от мысли, будто все, что мы делаем, предопределено заранее чьими-то поступками или иными причинами, — прикрыв глаза, произнесла Анна. — Получается, что мы начисто лишены самостоятельности в выборе линии поведения. Кроме того, откуда тогда берутся немногочисленные святые и дьяволы, которые встречаются среди нас? А самое главное, я сердцем чувствую, что такое представление о мире ложно. Правда, в книгах авторов вроде того же Пола Шелдона оно оправданно. Оно дает утешение. Позволяет поверить, пусть даже ненадолго, что Бог — существо разумное, и с теми героями книги, которые нам так нравятся, не случится ничего плохого. Вы не могли бы вернуть мне книгу? Я собираюсь закончить ее сегодня ночью. Буду читать и запивать горячим чаем. Галлонами чая.

Роза улыбнулась, и Анна улыбнулась в ответ.

— Надеюсь, вы появитесь на пикнике, Роза? Мы намерены устроить его в Эттингер-Пиерс. Лишние руки нам никогда не помешают.

— Я обязательно приду, — заверила ее Роза. — Конечно, если мистер Леффертс не решит, что я недостаточно хорошо поработала за неделю и не заставит меня трудиться и в субботу.

— Сомневаюсь.

Анна встала из-за стола и, обойдя его, приблизилась к Розе; Роза тоже поднялась. И только сейчас, когда разговор практически закончился, ей пришел на ум самый элементарный вопрос:

— Анна, а когда я смогу переехать в новую квартиру?

— Хоть завтра, если захотите.

Анна наклонилась и подняла картину. Она задумчиво посмотрела на слова, написанные углем на обратной стороне полотна, затем повернула ее к себе.

— Вы сказали, она странная, — сказала Роза. — Почему?

Анна ногтем постучала по стеклу.

— Потому что женщина располагается в самом центре, однако изображена спиной к зрителю. Мне такой подход к рисунку, который во всех остальных отношениях выполнен в традиционной манере, представляется весьма оригинальным. — Она бросила искоса взгляд на

Рози, а когда заговорила снова, в речи слышалась некоторая неловкость, словно она извинялась. — И здание у подножия холма не вписывается в перспективу, если вы заметили.

— Я знаю. Человек, который продал мне картину, сказал об этом. Мистер Леффертс считает, что автор сделал это намеренно. Иначе, как он утверждает, потеряются какие-то детали.

— Наверное, он прав. — Взгляд Анны задержался на картине еще на несколько секунд. — Все-таки в ней что-то есть, правда? Что-то от штиля.

— Простите? Я не совсем поняла, что вы имеете в виду. Анна рассмеялась.

— Я и сама не понимаю... как бы там ни было, в ней есть нечто, заставляющее меня вспоминать романтические новеллы. Сильные мужчины, страстные женщины, гормональные вихри. Штиль — единственное слово, которое приходит мне в голову, ничего лучшего для описания своих чувств я подобрать не могу. Что-то вроде затишья перед штормом. Может, потому что небо такое? — Она опять повернула картину и посмотрела на надпись углем. — Не это ли в первую очередь привлекло ваше внимание? Ваше собственное имя?

— Нет, — покачала головой Рози. — К тому времени, когда я увидела надпись, я уже знала, что куплю картину. — Она улыбнулась. — Пожалуй, это просто совпадение — из тех, которым нет места в обожаемых вами романтических книгах.

— Понятно. — Однако весь вид Анны свидетельствовал о том, что она совершенно ничего не понимает.

Анна провела подушечкой большого пальца по надписи. Буквы легко размазались.

— Да, — сказала Рози. Неожиданно, без всякой на то причины, она ощутила прилив тревоги. Как будто в этот момент в том другом часовом поясе, где уже начался настоящий вечер, кто-то подумал о ней. — В конце концов, Роуз — довольно распространенное имя, в отличие от Евангелины или, к примеру, Петронеллы.

— Наверное, вы правы. — Анна передала ей полотно. — И все-таки забавно, что название картины выведено углем, согласитесь.

— Почему же?

— Уголь очень легко стирается. Если надпись не защитить — а на вашей картине она не защищена, — она превращается в грязное пятно буквально за считанные дни. «Мареновая Роза». Думаю, это было написано совсем недавно. Но почему? Сама картина выглядит почтенно, ей, должно быть, лет сорок, и я не удивлюсь, если на самом деле она написана восемьдесят или сто лет назад. И в ней есть еще одна странная деталь.

— Какая?

— Отсутствует подпись художника, — сказала Анна.

IV. СИЯЮЩИЙ ЛУЧ

Норман покинул родной город в воскресенье, за день до того, как Роза должна была приступить к новой работе... работе, с которой она вряд ли справится. Во всяком случае, ей так казалось. Он уехал автобусом компании «Континентал экспресс», отправлявшимся в одиннадцать ноль пять. Им двигали не мотивы экономии; он поставил перед собой задачу — *жизненно важную* задачу — проникнуть в мысли, в сознание, в голову Роуз. Норман до сих пор не желал признаться самому себе, насколько сильно потряс его абсолютно неожиданный уход жены. Он старательно убеждал себя в том, что его в первую очередь вывело из себя похищение кредитной карточки — только похищение карточки, и ничего более, — однако в душе понимал, что это не так. Хуже всего то, что у него не возникло ни малейших подозрений. Ни малейшего предчувствия. Даже интуиция не сработала.

В их семейной жизни был продолжительный период, когда он мог похвастаться тем, что знает каждую ее мысль при пробуждении, может с почти стопроцентной уверенностью сказать, что ей снилось ночью. Тот факт, что все разом изменилось, сводил его с ума. Самые сильные страхи — не выраженные словесно, однако не совсем укрывшиеся от глубинного самоанализа — он испытывал, когда думал, что она, возможно, замышляла и планировала побег в течение недель, месяцев, а то и года. Знай он правду о том, как и почему она сбежала (говоря иначе, знай он о единственной капельке крови, которую она обнаружила на пододеяльнике), он, пожалуй, чувствовал бы себя спокойнее. А может, и наоборот, нервничал бы сильнее, чем когда-либо.

Как бы там ни было, он понял, что его первоначальное намерение — снять, выражаясь образно, шляпу мужа и надеть фуражку полицейского — ошибочно. После разговора с Оливером Роббинсом он решил, что должен снять *оба* этих головных убора и надеть что-то из ее гардероба. Он обязан думать точно так же, как и она, и поездка автобусом, в котором покинула город Роуз, призвана положить начало этому преобразению.

Он поднялся по ступенькам в автобус, держа в руке сумку с вещами первой необходимости и сменой одежды, и остановился у сиденья водителя, глядя на проход между креслами.

— Решил передохнуть, приятель? — раздался голос следующего за ним мужчины.

— Решил узнать, каково чувствовать себя со сломанным носом? — мгновенно отозвался Норман. Стоявший за ним пассажир счел за благо промолчать.

Норман задержался еще на несколько секунд, решая, на какое кресло он (*она*) сядет, затем двинулся по проходу, пробираясь к выбранному месту. Она ни в коем случае не пойдет в самый конец автобуса; его брезгливая женушка ни за что не согласится сесть рядом с кабинкой туалета, разве что по необходимости, если все остальные места заняты, однако хороший друг Нормана Оливер Роббинс (который и выписал ему билет — как и ей) заверил его, что рейс в одиннадцать ноль пять практически никогда не бывает переполнен. Она не сядет над колесами (очень сильно подбрасывает) или близко к кабине водителя (слишком подозрительно). Нет-нет, ее устроит только место в центральной части автобуса, и с левой стороны, потому что она левша, ведь люди, которые уверены, что выбирают направление наугад, в большинстве случаев попросту поворачивают в сторону своей сильной руки.

За годы работы в полиции Норман пришел к выводу, что телепатия вполне осуществима, но для этого нужно здорово попотеть... почти невыполнимая задача, если вы надели не тот головной убор. Вам непременно нужно обнаружить правильный путь в сознание нужного вам человека, последовать за стремящимся схорониться в своей норе зверьком, вы должны прислушиваться не к звукам, а к волнам мозга: если быть точным, нужно не понять мысли, а проникнуть в *образ мышления*. А когда вы добились цели, тогда перед вами предстает многообразие выбора; вы

можете срезать угол — пока ваша жертва проделывает долгий окружной путь, вы доберетесь до нужной точки короткой дорогой и однажды ночью, когда он или она меньше всего ожидает, появиться, выйти из-за двери... или затаиться под кроватью с ножом наготове, дожидаясь момента, чтобы вонзить его в тело через матрас при первом же скрипе пружин под тяжестью ничего не подозревающего ягненка (вернее, овечки).

— Когда ты меньше всего ожидаешь, — пробормотал Норман, усаживаясь в кресло, в котором, как он полагал, ехала его жена. Произнесенная фраза доставила ему удовольствие, и он повторил ее снова, когда автобус задом выезжал из прямоугольника посадочной платформы, чтобы отправиться на запад. — Когда ты меньше всего ожидаешь.

Поездка продолжалась долго, однако несколько не утомила его и даже показалась приятной. Дважды он выходил на остановках для отдыха, чтобы сходить в туалет — не потому, что ему хотелось в туалет, а потому что, как предполагал, так должна была поступить она, ибо она не захочет пользоваться туалетом в автобусе. Да, Роуз брезглива, но у нее слабые почки. По-видимому, маленький генетический подарок от покойной маменьки. Норману всегда казалось, что старая стерва не может пройти мимо куста сирени, чтобы не остановиться и не помочиться под ним.

На второй остановке он увидел группку мужчин, собравшихся вокруг урны для окурков у стены вокзала. Секунду-другую он с вождением и завистью смотрел на них, затем отвернулся и, пройдя мимо, вошел в здание вокзала. Организм изнывал без привычной порции никотина, но Роуз не испытывала подобных чувств; она не курит. Вместо этого он помял в руках нескольких мягких пушистых зверюшек, потому что Роуз питает непонятную страсть к дерьму такого рода, а потом купил в киоске у двери криминальный роман в мягкой обложке, потому что она время от времени читает дерьмо подобного рода. Он миллион раз повторял ей, что настоящая полицейская работа даже отдаленно не напоминает то дерьмо, которое пишут в этих книжках, и она всегда соглашалась с ним — если он так говорит, значит, так оно и есть — и тем не менее продолжала читать. Он совсем не удивился бы, узнав, что Роуз подходила к тому же самому киоску, что даже взяла книжку... а потом неохотно положила назад на полку, не желая тратить пять долларов ради трехчасового развлечения, когда впереди ждет неизвестность, а денег в кармане совсем мало.

Он съел салат, заставляя себя читать при этом купленный криминальный роман, затем вернулся на свое место в автобусе. Несколько минут спустя они снова тронулись в путь. Норман положил книгу на колени и выглянул в окно, за которым по мере того, как Восток уступал место Среднему Западу, все шире и шире разворачивались просторы полей. Он перевел стрелки часов назад, когда водитель объявил о пересечении границы часовых поясов, но не потому, что его волновали эти условности (в течение следующих тридцати дней он будет жить по собственному расписанию), а потому, что так сделала бы Роуз. Он раскрыл роман, прочел о том, как викарий обнаружил в саду тело, и отложил книжку; ему стало скучно. Впрочем, скука была только на поверхности. В глубине же он совсем не ощущал ее. В глубине его сознания затаилось странное ощущение девочки из старой сказки про трех медведей. Он посидел на стульчике маленького медвежонка, он держал на коленях книжку медвежонка, скоро он найдет домик, в котором прячется сам медвежонок. Скоро, если ничего не помешает, он спрячется под кроватью маленького медвежонка.

— Когда ты меньше всего ожидаешь, — проговорил он. — Когда ты меньше всего ожидаешь.

Он вышел из автобуса в середине ночи, вошел в здание вокзала и остановился сразу за дверью, осматривая огромное гулкое помещение с высоким потолком, отбрасывая прочь чисто профессиональный взгляд, уверенно выхватывающий из общей толпы наркоманов и

проституток, гомосексуалистов и нищих, стараясь увидеть все ее глазами, проникнуться ее ощущениями, она приехала тем же самым рейсом, вошла в ту же самую дверь и увидела вокзал в тот же самый предутренний час, когда бодрствующий организм человека слегка ошарашен непривычным нарушением биоритмов.

Он стоял у двери, давая этому гулкому миру возможность влиться в его сознание; впитывая его запах, вкус, вид, ощущения.

«Кто я?» — спросил он себя.

«Роуз Дэниэлс», — ответил он.

«Что я чувствую?»

«Ничтожность. Одиночество. Растерянность. И страх. Самое главное — страх. Мне страшно».

На мгновение его потрясла неожиданная мысль: а что если она, потеряв голову от панического страха, обратилась не к тому человеку? Такая возможность не исключается; для некоторых типов мрази вокзалы — настоящая кормушка. Что если тот человек, к которому ей не следовало обращаться, увел ее в темноту, затем ограбил и убил? Не надо лгать себе, говоря, что подобный поворот событий маловероятен; он ведь полицейский и знает, что это не так. Если, например, какой-нибудь кретин обратит внимание на блестящую стекляшку у нее на пальце...

Он сделал несколько глубоких вдохов, переключая, перефокусируя ту часть своего сознания, которая пыталась воплотиться в Роуз. Что еще остается делать? Если ее убили, значит, она погибла. И спутала тем самым все его карты, так что лучше об этом не думать... а кроме того, невыносимой была сама мысль о том, что *ей* удалось убежать от него таким образом, что какой-то нанюхавшийся идиот мог забрать то, что по праву принадлежит Норману Дэниэлсу.

«Спокойно, — приказал он себе, — спокойно. Делай свое дело. А сейчас твое дело — идти, как Роуз, говорить, как Роуз, думать, как Роуз».

Он медленно двинулся по зданию автовокзала, сжимая в руке бумажник (придуманную им замену ее сумочки), глядя на людей, которые проплывали мимо него рваными волнами; кто-то тащил за собой чемодан, кто-то нес на плече, с трудом удерживая равновесие, гору перевязанных проволокой картонных ящиков, парни обнимали за плечи своих девушек, девушки обнимали за пояс своих парней. Он увидел, как какой-то мужчина пробежал мимо него и бросился к женщине и маленькому мальчику, только что сошедшим с автобуса, на котором приехал Норман. Мужчина поцеловал женщину, потом схватил мальчика и подбросил высоко в воздух. Мальчик испустил вопль восторга и ужаса.

«Я боюсь — все новое, все непривычное, и мне страшно, — произнес мысленно Норман. — Есть ли хоть что-то, что внушает мне доверие? Что-нибудь, на что я могу положиться? Хоть что-нибудь?»

Он шагал по просторному помещению с кафельным полом, медленно, медленно, прислушиваясь к эху собственных шагов, глядя на все, что его окружало, глазами Роуз, пытаясь кожей поймать ее ощущения. Быстрый незаметный взгляд на мальчишек с остекленевшими глазами (у кого-то к четвертому часу ночи накопилась усталость, у кого-то глаза застыли от дозы порошка), прилипших животами к игровым автоматам, затем возвращение в основной зал автостанции. Она смотрит на ряд телефонных автоматов, но кому ей звонить? У нее нет ни друзей, ни семьи — даже захудалой старой тетки на рукоятке Техаса ^[1] или в горах Теннесси. Она смотрит на двери, ведущие на улицу, может, думает, что ей стоит уйти отсюда, найти номер в гостинице, закрыть дверь между собой и всем огромным сумасшедшим, безразличным, опасным миром — для этого у нее достаточно денег благодаря его кредитной карточке — но так ли она поступает?

Норман остановился у эскалатора и, нахмурившись, изменил форму вопроса: «Так ли я

поступаю?»

«Нет, — решил он (она). — Я так не сделаю. Во-первых, мне не хочется поселиться в мотель в половине четвертого ночи, чтобы оказаться выставленной за дверь в полдень; слишком большая роскошь для моих скудных денег. Я могу пошататься здесь, пусть даже этот мир действует мне на нервы, но я потерплю, если надо. Но есть еще одно соображение, которое мешает мне покинуть стены вокзала; я в чужом городе, до рассвета еще, по меньшей мере, два часа. Я видела по телевизору невесть сколько детективных фильмов, прочитала кучу дешевых криминальных романов в мягких обложках, я замужем за полицейским. И знаю, что может случиться с женщиной, которая выходит в ночь одна, поэтому лучше подожду рассвета.

Но чем мне заняться? Как убить время? Урчание в желудке подсказало ответ на этот вопрос. «Точно, мне надо перекусить. Последняя остановка была в шесть вечера, и я проголодалась».

Кафетерий располагался недалеко от окошек билетных касс, и Норман пошел туда, переступая через тела спящих бродяг и сдерживая желание ударить ногой по той или иной грязной, завшивевшей башке так, чтобы она шарахнулась о стальную ножку ближайшего стула. Это желание ему приходилось сдерживать в последнее время все чаще и чаще. Он ненавидел бродяг; он считал их собачьим дерьмом с ногами. Он питал отвращение к их нудным извинениям и неудачным попыткам изобразить безумие. Когда один бродяга, находящийся в полукомадном состоянии, в отличие от остальных, которые валялись на полу в полной прострации, подковылял к нему и спросил, не найдется ли у него лишней монетки, Норман едва удержался, чтобы не схватить его за руку и показать, к кому стоит обращаться за подаванием, а к кому нет. Вместо этого он тихим голосом сказал:

— Оставьте меня в покое, пожалуйста, — потому что именно эти слова и именно таким тоном произнесла бы Роуз.

Он потянулся было за беконом с яичницей на столике самообслуживания, но вспомнил, что она не ела бекон, если он не заставлял ее, что случалось время от времени (его не интересовало, что она ест, просто она не должна забывать, кто ее хозяин, вот что важно, очень важно). Он попросил холодную овсянку, взял чашечку омерзительного кофе и половину грейпфрута, который, судя по виду, сорвали с дерева еще во времена президентства Рейгана. Еда добавила ему сил, он сразу почувствовал себя лучше. Расправившись с ней, он автоматически поднес руку к карману рубашки, где лежала пачка сигарет, затем медленно опустил руку. Роуз не курит, значит, Роуз не будет испытывать той тяги, от которой он не находит себе места. Через несколько секунд медитаций на эту тему желание, как и следовало ожидать, отступило.

Первое, что он увидел, остановившись у выхода из кафетерия, заправляя свободной рукой выбившуюся из-под ремня брюк рубашку на спине (в другой он по-прежнему сжимал бумажник), был большой светящийся сине-белый круг с надписью «ПОМОЩЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ» на внешней полосе. В голове Нормана внезапно загорелся яркий огонь. «Иду ли я туда? Подхожу ли к киоску с большой, обещающей утешение вывеской? Кажется ли мне, что там я найду то, что мне надо? Конечно — что еще мне остается делать?» Он направился к киоску, но по касательной, сначала прошел мимо, потом обернулся и посмотрел на него, стараясь внимательно рассмотреть сидящего внутри человека со всех сторон. Он увидел еврейчика с карандашно тонкой шеей, представляющего такую же опасность, как кролик Тампер, дружок Бэмби из диснеевского мультфильма. Еврейчик читал газету, в которой Норман определил «Правду», отрываясь от нее каждые несколько минут, чтобы, подняв голову, окинуть просторный зал бессмысленным тупым взглядом. Если бы Норман продолжал пребывать в личине Роуз, Тампер, без сомнения, заметил бы его, но Норман снова превратился в Нормана, находящегося на работе инспектора Дэниэлса, а это означало, что стал практически невидимым.

Большей частью он просто двигался по плавной дуге позади будки (непрерывность движения очень важна; на вокзалах и в местах подобного рода вы вряд ли рискуете привлечь к себе чье-то внимание, если не останавливаетесь), оставаясь вне поля зрения Тампера, но не удаляясь за пределы зоны слышимости, чтобы не пропустить ни единого его слова.

Примерно в четверть пятого к киоску «ПОМОЩЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ» подбежала плачущая женщина. Она сообщила Тамперу, что приехала автобусом «Грейхаунд» из Нью-Йорка, и пока спала, кто-то вытащил из сумочки кошелек. Последовал длительный обмен сопливыми репликами, женщина уменьшила запас салфеток Тампера наполовину, и в конце концов он нашел для нее дешевый отель, который согласился взять ее на пару ночей без предварительной оплаты, пока муж не пришлет деньги.

«На месте вашего мужа, леди, я привез бы деньги лично, — подумал Норман, все еще делая маятниковые движения позади будки. — И еще привез бы пинок в зад за то, что вы позволили себе совершить такую глупость».

Во время телефонного разговора с отелем Тампер представился, назвавшись Питером Слоуиком. Для Нормана этого оказалось достаточно. Когда еврейчик принялся объяснять растяпе, как добраться до отеля, Норман отошел от киоска к общественным телефонам, где, как ни странно, обнаружил два справочника, которые не сожгли, не разорвали и не украли. Он мог бы получить всю необходимую информацию позже, днем, позвонив в свое полицейское управление, но предпочел поступить по-иному. Как знать, каким образом обернутся события с читающим «Правду» еврейчиком. Телефонные звонки могут стать опасными, они относятся к тем фактам, которые, случается, позже приобретают неприятно важное значение. К тому же всю нужную информацию Норман получил из справочника. В толстой книге городских абонентов он обнаружил всего трех Слоуиков. Лишь один из них носил имя Питер. Дэниэлс переписал адрес Тамперштайна, вышел из здания вокзала и направился к стоянке такси. Водитель первой машины оказался белым — повезло, — и Норман спросил его, остался ли в городе отель, где человек может получить номер за наличные и не слушать топот тараканьих бегов, начинающихся сразу после того, как гаснет свет. Водитель задумался на минутку, потом кивнул головой:

— «Уайтстоун». Хороший, недорогой, наличные принимают, лишних вопросов не задают. Норман открыл дверцу такси и сел на заднее сиденье.

— Поехали, — сказал он.

Робби Леффертс, как и обещал, был там, когда в понедельник утром Роза последовала за сногшибательной рыжеволосой ассистенткой с модными длинными ногами, которая привела ее в студию звукозаписи «Тейл Энджин», и он разговаривал с ней так же мило, как и на уличном перекрестке, когда уговаривал прочесть вслух несколько отрывков из купленной им книги. Рода Саймонс, приближающаяся к сорокалетнему рубежу женщина, режиссер Розы, тоже вела себя мило, но... *режиссер*? Если вдуматься, такое странное слово рядом с Розой Макклendon, которая даже не пыталась принять участие в театральных постановках в старших классах школы. И Куртис Гамильтон, звукоинженер, был мил, хотя поначалу приборы занимали его гораздо больше и он награждал Розу лишь коротким рассеянным рукопожатием. Роза присоединилась к Робби и миссис Саймонс, чтобы выпить чашечку кофе перед тем, как (по выражению Робби) поднять паруса, и ей даже удалось выпить ее без эксцессов, не пролив ни единой капли. И все же, войдя через двойную дверь в маленькую кабинку со стеклянными стенами, она ощутила приступ такой ошеломляющей паники, что едва не выронила пачку отпечатанных на ксероксе листов, которые ей вручила Рода. Ощущения походили на то, что она испытала, заметив приближающуюся к ней по Уэстморлэнд-стрит красную машину и приняв ее за новую «сентру» Нормана.

Она увидела направленные на нее через стекло взгляды — даже серьезный молодой Куртис Гамильтон смотрел на нее, — и их лица показались ей искаженными и расплывчатыми, словно она видела их не через стекло, а через толщу воды. «Вот такими кажемся мы, люди, золотым рыбкам, когда те подплывают к стенкам аквариума, чтобы взглянуть на нас, — подумала она, и тут же вдогонку: — Я не справлюсь. Господи, отчего я вдруг решила, что смогу?»

Радался громкий щелчок, заставивший ее вздрогнуть.

— Миссис Макклendon? — зазвучал голос инженера звукозаписи. — Не могли бы вы присесть перед микрофоном, чтобы я настроил уровень?

Она сомневалась. Она сомневалась даже в своей способности двигаться. Ее ноги приросли к полу, Роза, словно окаменев, глядела на микрофон, тянущийся к ней, похожий на голову опасной фантастической металлической змеи. Даже если она заставит себя пересечь кабину и сесть перед микрофоном, вряд ли из ее горла вырвется хоть один звук, кроме сухого слабого писка.

В этот момент перед глазами Розы рухнула вся мысленно построенная картина будущей жизни — она мелькнула в ее воображении с кошмарной скоростью железнодорожного экспресса. Роза представила, как ее выгоняют из маленькой уютной комнаты, в которой она прожила всего четыре дня, потому что ей *нечем* за нее платить, представила, как натывается на холодный прием обитательниц «Дочерей и сестер», даже самой Анны.

«Не могу же я снова взять вас на старое место! — услышала она голос Анны. — В „Дочерях и сестрах“, как вам прекрасно известно, постоянно появляются новые женщины, и я, естественно, в первую очередь буду заботиться о них. До чего же вы глупы, Роза! Откуда взялась у вас мысль, что вы способны стать *артисткой*, даже на таком примитивном уровне?» Она представила, как ей отказывают в месте официантки в пригородных кофейнях, — не из-за внешнего вида, а из-за *ощущения*, от нее исходящего, ощущения поражения, позора и неоправдавшихся ожиданий.

— Роза? — К ней обратился Робби Леффертс. — Присядьте, пожалуйста, перед микрофоном и скажите несколько слов, чтобы Курт настроил аппаратуру.

Он не понимает, ни он, ни другой мужчина не понимают, а вот Рода Саймонс... по крайней

мере, она догадывается. Рода достала торчавший в волосах карандаш и принялась рисовать на листке блокнота какие-то каракули. Впрочем, она не смотрела на лежащий перед ней лист; она смотрела на Розу, и ее брови сосредоточенно нахмурились.

Неожиданно, словно утопающая, хватаящаяся за любой подвернувшийся под руку предмет, который способен поддержать ее на поверхности несколько лишних секунд, Роза подумала о картине. Она повесила ее в том самом месте, которое предложила Анна, в жилой зоне рядом с единственным окном комнаты — там даже имелся вбитый в стену крючок, оставшийся от прежнего жильца. Место оказалось просто идеальным, особенно в вечернее время; можно немного полюбоваться из окна заходящим солнцем, заливающим лучами темную зелень Брайант-парка, затем посмотреть на картину, потом снова на парк. Они прекрасно сочетались и дополняли друг друга, окно и картина, картина и окно. Она не понимала, в чем секрет, но чувствовала это всей душой. Если, однако, она потеряет комнату, картину придется снять...

«Нет, — сказала она себе, — она должна остаться на месте. Она *должна* остаться там!»

Последняя мысль помогла ей найти силы, чтобы хотя бы сдвинуться с места. Она медленно пересекла стеклянную кабинку, приблизилась к столу, положила листки (увеличенные фотокопии страниц книги, изданной в пятьдесят первом году) перед собой и села. Она села, но ей показалось, что она свалилась на стул, словно кто-то выдернул фиксирующие шпильки из ее колен.

«Ты справишься, Роза, — заверил ее внутренний голос, но теперь его убежденность звучала фальшиво. — У тебя все прекрасно получилось на уличном перекрестке, ты справишься и здесь».

Она совсем не удивилась, почувствовав, что внутренний голос не убедил ее. Однако ее по-настоящему поразила последовавшая затем мысль: «Женщина на картине не испугалась бы; *такой* чепухи женщина в мареновом хитоне ни капельки не испугалась бы».

Это же смешно, люди добрые; если бы женщина на картине была настоящей, она жила бы в античном мире, где кометы считались предвестниками несчастья, боги бродили по вершушкам гор, а большинство людей от рождения до смерти даже не видели, что представляет собой книга. Если бы женщина из тех времен перенеслась в такую комнату, этот стеклянный кубик с холодным светом и стальной змеиной головой, торчащей из крышки единственного стола, она либо с воплем бросилась к двери, либо потеряла бы сознание на месте.

Но тут Роза почему-то показалось, что светловолосая женщина в мареновом хитоне на вершине холма ни разу в жизни не теряла сознания на месте, и для того, чтобы заставить ее закричать, обыкновенной обстановки современной студии звукозаписи отнюдь не достаточно.

«Ты думаешь о ней так, словно она настоящая, — произнес голос в глубине ее сознания. В нем ощущалась явная нервозность. — Ты уверена, что поступаешь правильно?»

«Если она поможет мне пройти через это испытание, то да», — подумала она в ответ.

— Роза? — донесся из динамиков голос Роды Саймонс. — С вами все в порядке?

— Да, — ответила она, с облегчением отмечая, что все еще способна издавать звуки, правда, слегка квакающие. — Во-первых, у меня в горле пересохло. Во-вторых, мне страшно до смерти.

— Слева под столом вы найдете небольшой холодильник с водой «Эвиан» и фруктовыми соками, — сказала Рода. — Что касается страха, это вполне естественно. Он пройдет, не переживайте.

— Пожалуйста, поговорите еще немного, Роза, — попросил Куртис. Он уже надел наушники и возился со своей аппаратурой, щелкая переключателями и передвигая рычажки настройки.

Паника действительно проходила — благодаря женщине в мареновом хитоне. В качестве

успокоительного средства мысли о ней могли сравниться с пятнадцатью минутами раскачивания в кресле Винни-Пуха.

«Нет, это не она, это ты, — заверил ее глубинный голос. — Это ты стоишь на вершине холма, подружка, по крайней мере сейчас, и не она помогла тебе; ты сама успокоилась. И сделай мне одолжение, будь столь любезна, независимо от того, чем закончится прослушивание, договорились? Постарайся не забыть, кто здесь настоящая Роза, а кто — Роза Настоящая».

— Неважно, о чем, просто говорите, — добавил Куртис. — О чем, не имеет значения.

На мгновение она совершенно растерялась. Взгляд ее опустился к лежащим на столе листкам. Первый представлял собой репродукцию обложки книги. На ней изображалась плохо одетая женщина, к которой приближался угрожающего вида сутулый и небритый мужчина с ножом. У мужчины были усы, и мысль, настолько мимолетная, что она едва успела уловить ее (*давай повеселимся крошка мы сделаем это по-собачьи*) пролетела мимо ее сознания, как зловонный выдох.

— Я собираюсь прочесть книгу, которая называется «Сияющий луч», — заговорила она, надеясь, что ее голос звучит нормально. — Она была издана в тысяча девятьсот пятьдесят первом году издательством «Лайон Букс», маленькой компанией, выпускавшей книги в мягких переплетах. Хотя на обложке написано, что автором является... хватит или еще?

— Магнитофон настроен, — сообщил Куртис, отталкиваясь ногами и перекатываясь в кресле на колесиках от одного конца панели с аппаратурой к другому. — Поговорите еще чуть-чуть, пока я займусь эквалайзером.

— Отлично, отлично, — вставила Рода, и Роза подумала, что облегченные интонации в голосе режиссера ей не почудились.

Слегка приободрившись, она снова обратилась к микрофону.

— На обложке значится, что автор книги — некий Ричард Расин, однако мистер Леффертс — Роб — говорит, что на самом деле книгу написала женщина по имени Кристина Белл. Книга является частью несокращенного радиосериала «Женщины в масках», и я получила эту работу, потому что женщине, которая должна была читать романы Кристины Белл, предложили...

— У меня все, — перебил ее Куртис Гамильтон.

— Боже мой, она говорит, как Лиз Тейлор в «Баттерфилд-8», — заметила Рода и вдруг зааплодировала.

Робби кивнул. Он улыбался, явно довольный и Розой, и собой.

— Рода будет подсказывать и помогать вам, но если вы прочитаете так, как читали «Темные аллеи» возле «Либерти-Сити», мы все будем счастливы.

Роза наклонилась, едва успев остановиться, чтобы не стукнуться головой о крышку стола, и достала из холодильника бутылку воды «Эвиан». Открывая ее, она обратила внимание на заметную дрожь в руках.

— Я постараюсь сделать все, что могу. Обещаю.

— Мы знаем, — откликнулся он.

«Думай о женщине на холме, — велела себе Роза. — Подумай о том, как она стоит на вершине прямо сейчас, не боясь ничего — того, что приближается к ней в ее мире, того, что подкрадывается за ее спиной из моего. Она безоружна, и все же не боится — тебе совсем не обязательно заглядывать ей в лицо, чтобы понять это, ты видишь, что ей не страшно, по изгибу спины. Она...»

— ...готова ко всему, — пробормотала Роза, Робби приник к стеклу со своей стороны.

— Простите? Я не расслышал.

— Я сказала, что готова, — произнесла Роза.

— Уровень отличный, — вставил Куртис и повернулся к Роде, которая положила перед

собой рядом с блокнотом свою копию романа. — Начинаем по вашей команде, маэстро.

— Отлично. Розы, давайте покажем им, как надо работать, — сказала Рода.

— Кристина Белл. «Сияющий луч». Заказчик — «Аудио концептс». Режиссер — Рода Саймонс. Читает Розы Макклендон. Лента пошла. Начинайте читать на счет раз, и... *раз!*

«Господи, я не могу!» — в неведомо какой раз подумала Розы. Затем сузила поле своего сознания до единственного ослепительно яркого образа: она представила золотой браслет, надетый на правую руку женщины в мареновом хитоне чуть выше локтя. И когда образ выкристаллизовался в мозгу, свежие волны паники отступили.

— Глава первая.

Нелла догадалась, что ее преследует мужчина в поношенном плаще, только тогда, когда оказалась между уличным фонарем и замусоренным переулком слева, разверстым, как челюсти старика, умершего с непережеванной пищей во рту. Но было уже поздно. Она услышала топот ботинок со стальными набойками на каблуках. Топот приближался, и большая грязная рука потянулась к ней из темноты...»

Рози вставила ключ в замочную скважину двери своей квартирki на втором этаже дома на Трентон-стрит в пятнадцать минут восьмого. Ее одолевала усталость, ей было жарко — в этом году лето пришло в город очень рано, — однако все чувства подавляло счастье. На руке Рози висела большая сумка с покупками. На самом верху лежала стопка желтых листовок, сообщавших о предстоящем летнем пикнике и концерте, который устраивают «Дочери и сестры». Рози заглянула в «Дочери и сестры», чтобы рассказать, как прошел первый день на работе (ее буквально распирало от желания поделиться своей радостью), и перед уходом Робин Сент-Джеймс спросила, не могла бы она захватить с собой пачку листовок и раздать их соседям. Рози, стараясь не показать, какую гордость она испытывает оттого, что у нее есть *соседи*, согласилась взять столько, сколько ей дадут.

— Ты просто палочка-выручалочка, — сказала Робин. В этом году ей поручили распространять билеты, и она не скрывала, что дела шли из рук вон плохо. — И если кто-нибудь начнет расспрашивать, Рози, скажи им, что это не молодежная тусовка. И что *мы не лесбиянки*. Эти дурацкие истории составляют половину проблем с продажей билетов. Обещаешь?

— Конечно, — ответила Рози, заранее зная, что ничего подобного делать не станет. Она не представляла, как будет читать лекцию соседке, с которой никогда раньше не встречалась, лекцию о том, кем являются «Дочери и сестры»... и кем они *не* являются.

«Но я ведь могу сказать, что они хорошие женщины, — подумала она, включая вентилятор в углу и открывая дверцу холодильника, чтобы разгрузить сумку с продуктами.

— Нет! Я скажу, что они *леди*. Настоящие *леди*».

Да, так звучит гораздо лучше. Мужчины — особенно те, кому перевалило за сорок, — чувствуют себя комфортнее с этим словом, нежели с «женщинами». Глупо, конечно (впрочем, считала Рози, то, как пыхтят некоторые женщины над тонкими семантическими оттенками слов, еще глупее), но эти размышления пробудили вдруг воспоминания о Нормане, о том, как он называл проститутку, которых иногда арестовывал. Он никогда не использовал слова «леди» (оно предназначалось исключительно для жен коллег, например: «Жена Билла Джессапа — настоящая леди»); он никогда не называл их «женщинами». Про них он всегда говорил «девочки».

Девочки были там-то, девочки делали то-то. До этого момента Рози даже не подозревала, насколько ненавистным стало для нее это, в общем-то, безобидное слово «Девочки».

«Забудь о нем, Рози, его здесь нет. И никогда не будет».

Как всегда, эта простая мысль наполнила ее радостью, удивлением и благодарностью. Ей говорили — в частности, на терапевтических сеансах в «Дочерях и сестрах», — что эйфория в конце концов пройдет, однако она отказывалась этому верить. Его нет рядом. Она убежала от чудовища. Она свободна.

Рози закрыла дверцу холодильника, повернулась и окинула взглядом комнату. Минимум мебели и полное — если не считать ее картины — отсутствие украшений, и все же она не увидела ничего, что омрачило бы ее радость. Замечательные кремового цвета стены, в которых никогда не находился Норман Дэниэлс; стул, на который Норман Дэниэлс никогда не толкал ее, чтобы она не «умничала»; телевизор, который Норман Дэниэлс никогда не смотрел, презрительно посмеиваясь над новостями или хохоча над показываемыми в очередной раз телешоу «Для всей семьи» или «Веселитесь». А самое главное, она не обнаружила ни одного угла, где сидела бы, плача и думая, что рвота ни в коем случае не должна испачкать пол, — в фартук или подол платья, и только туда. Потому что он никогда не бывал здесь. И никогда не

появится.

— Я одна, — пробормотала Роза... и обняла себя, не в силах сдержать чувства.

Она приблизилась к противоположной стене и посмотрела на картину. Хитон светловолосой женщины, казалось, сиял в свете весеннего вечера. И она — *женщина*, подумала Роза. Не леди, и уж, конечно, не *девочка*. Она стоит там, на холме, и бесстрашно смотрит на разрушенный храм и поверженных богов... «Богов? Но он же один... разве не так?» Нет, увидела она, на самом деле их два — один, бесстрастно вззирающий на грозовые тучи со своего места неподалеку от упавшей колонны, и еще один, чуть поодаль справа. Этот лежал на боку, почти полностью скрытый густой травой. Просматривались только белый изгиб каменной брови, глаз и мочка одного уха; все остальное пряталось в траве. Она не замечала его раньше, ну и что? Вероятно, в картине осталось много деталей, которые ей еще предстоит увидеть, множество незаметных подробностей — как на картинке из серии «Найдите Вальдо» с избытком мелких штрихов, открывающихся лишь при внимательном рассмотрении, и...

И все это чушь собачья. В действительности картина очень проста.

— Ну, — прошептала Роза, — она *была* простой. Она задумалась над историей, которую рассказала Синтия, — о картине, висевшей в пасторате, где она выросла... «Де Сото смотрит на запад». О том, как сидела перед ней часами и глядела на нее, как на экран телевизора, наблюдая за течением реки.

— Она *притворялась*, что видит, будто река движется, — сказала Роза и открыла окно в надежде поймать ветерок и впустить его в комнату. Вместо ветерка комнату заполнили голоса резвящейся в парке детворы и крики ребят постарше, играющих на площадке в бейсбол. — *Притворялась*, вот и все. Дети любят прикидываться. Я тоже так делала, когда была маленькой.

Подставила под створку окна палочку — иначе рама, подержавшись некоторое время, закрывалась с громким стуком — и снова повернулась к картине. В голову ей пришла неожиданная пугающая мысль, настолько мощная, что Роза почти не сомневалась в своей правоте. Складки и изгибы маренового хитона приобрели иную форму. Их расположение изменилось. А изменилось оно потому, что женщина, одетая в тогу, или хитон, или как там называется ее платье, изменила позу.

— По-моему, ты сходишь с ума, — прошептала Роза. В груди раздавались гулкие удары сердца. — Ты окончательно свихнулась. Ты же сама понимаешь, это невозможно...

Понимала. И все же склонилась к картине поближе, вглядываясь в переплетения линий и смещения красок. Она замерла в таком положении, едва не уткнувшись носом в нарисованную на вершине холма женщину, секунд на тридцать задержав дыхание, чтобы пар от него не оседал на прикрывающем картину стекле.

Наконец она отодвинулась от полотна и с шумом выдохнула. Складки и линии на хитоне совершенно не изменились. За это она ручается. (Ну, *почти* ручается). Наверное, разыгравшееся воображение решило подшутить над хозяйкой после долгого дня — дня, который принес ей огромное удовлетворение и радость и вместе с тем оказался чрезвычайно тяжелым.

— Да, но я выдержала, — сообщила она женщине в хитоне. Откровенные разговоры вслух с изображенной на холсте женщиной уже не казались ей странными. Может, слегка эксцентричными, верно, ну и что из этого? Кому от них плохо? И вообще, кто об этом узнает? А тот факт, что светловолосая женщина повернута к ней спиной, почему-то вселял уверенность, что она слушает.

Роза перешла к окну, оперлась ладонями о подоконник и посмотрела на улицу. На другой стороне мальчишки с шумом и криками перебегали с места на место, пока мяч находился в воздухе. Прямо под ней к тротуару подкатил автомобиль. Совсем недавно вид автомобиля, тормозящего у тротуара, привел бы ее в ужас, сознание заполнил бы кулак Нормана с кольцом

на пальце, надвигающийся на нее: слова «Служба, верность, общество» становятся все больше и отчетливее и в конце концов заслоняют собой весь мир... но те времена прошли. Слава Богу.

— Честно говоря, я поскромничала, когда сказала, что выдержала, — сообщила она картине. — На самом деле я добилась гораздо большего. Робби считает, что у меня все получилось превосходно, я знаю, но *важнее* всего было убедить Роду. Мне кажется, она с самого начала отнеслась ко мне с некоторой предвзятостью, потому что я — находка Робби, понимаешь? — Она в очередной раз повернулась к картине, — так, как женщина поворачивается к настоящему другу, желая по выражению лица проверить, какое впечатление производят на него ее слова, но, женщина на картине по-прежнему взирала на разрушенный храм, предоставляя Розе возможность судить о произведенном эффекте по очертаниям спины.

— Ты же знаешь, какими стервами бываем иногда мы, женщины, — произнесла Роза и засмеялась. — Но мне кажется, что я завоевала ее расположение. Мы расправились всего с пятьюдесятью страницами, но ближе к концу я читала гораздо лучше, а кроме того, старые книжки почти всегда короткие. Думаю, мы закончим в среду днем, и знаешь, что самое прекрасное? Я получаю почти сто двадцать долларов в день — не в *неделю*, в *день* — и меня ждут *еще три* книги Кристины Белл. Если Робби и Рода решат дать их мне, я...

Она умолкла на середине фразы, глядя на картину широко раскрытыми глазами, не слыша звонких криков мальчишек на улице, не слыша даже шагов человека, поднимающегося по лестнице с первого этажа и приближающегося к ее двери. Опять смотрела на силуэт, вырисовывавшийся у правого края картины — изгиб брови, изгиб слепого глаза без зрачка, изгиб уха. И неожиданно прозрела. Да, она была права и одновременно ошибалась — права в том, что второй поверженной статуи раньше не существовало, ошибалась в своем предположении о том, что каменная голова каким-то непостижимым образом материализовалась на картине, пока она читала «Сияющий луч» в студии звукозаписи. Мысль о том, что складки на хитоне женщины выглядят по-другому, — наверное, подсознательная попытка объяснить первое ошибочное впечатление созданием некой иллюзии. В конце концов, то, первоначальное объяснение правдоподобнее, чем то, что она увидела теперь. — Картина стала *больше*, — констатировала Роза. Нет, не совсем так.

Она подняла руки и развела их в стороны, измеряя воздух перед висящим на стене полотном и убеждаясь в том факте, что оно по-прежнему имеет те же размеры, занимая на стене прямоугольник три на два фута. Она увидела ту же самую рамку, которая не стала шире или выше, так в чем же дело?

«Второй каменной головы просто не было раньше, *вот* в чем дело, — подумала она. — Разве что...»

Роза неожиданно почувствовала головокружение и легкую тошноту. Она крепко зажмурилась и принялась растирать виски, в которых пыталась родиться головная боль. Когда она снова открыла глаза и посмотрела на картину, рисунок потряс ее, как в первый раз, не отдельными своими деталями — разрушенный храм, павшие статуи, мареновый хитон женщины, поднятая левая рука, — но как единое целое, нечто, призывавшее ее и взывавшее к ней собственным неслышным голосом.

В картине появились новые детали. Она почти не сомневалась в том, что это не впечатление, а простой неопровержимый факт. В физическом смысле картина не стала *больше*, выше или шире, просто ей открылись новые пространства справа и слева... а также вверху и внизу, если быть точным. Как будто киномеханик только что сообразил, что пользуется не той установкой и переключился с древнего дряхлого проектора для тридцатипятимиллиметровой пленки на широкоэкранную «Синераму-70». Теперь на экране виден не только Клинт Иствуд, но и ковбой справа и слева от него.

«Ты очумела, Рози. Картины не растут, как грибы».

Нет? Тогда как же объяснить второго бога? Она наверняка знала, что он находился в картине с самого начала, но увидеть его смогла только теперь, потому что...

— Потому что в картине теперь больше *права*, — пробормотала она. Глаза ее округлились, хотя посторонний вряд ли принял бы выражение ее лица за гримасу страха или удивления. — И больше *лева*, и больше *верха*, и больше *ни*...

За ее спиной прогремел неожиданный скорострельный стук в дверь, настолько быстрый, что отдельные удары, казалось, сталкивались один с другим. Рози повернулась к двери, чувствуя, что движется плавно, словно при замедленной съемке или под водой. Она не заперла дверь.

Стук повторился. Рози вспомнила автомобиль, который затормозил у тротуара под ее окном — небольшая машина, из разряда тех, которые путешествуя в одиночестве мужчина снимет в прокатной фирме «Херц» или «Авис», — и все мысли о картине разлетелись, как стая воробьев, вспугнутые другой мыслью, зажатой в черные тиски решимости и отчаяния: все-таки Норман ее разыскал. На это ушло довольно много времени, больше, чем следовало, но он-таки добился своего.

В памяти всплыл обрывок последнего разговора с Анной — Анна спросила, как она поступит, если Норман все-таки объявится. Она обещала запереть дверь и позвонить в полицию, однако замкнуть дверь она забыла, а телефон еще не установила. Последнее вообще смешно, ибо в углу жилой зоны есть гнездо телефонной розетки и оно подключено к городской сети. Сегодня в обеденный перерыв она успела съездить в телефонную компанию и уплатила первый взнос. Обслуживавшая Рози женщина дала ей новый телефонный номер на маленькой белой карточке, которую Рози сунула в сумочку, а потом промаршировала к двери — проследовала прямо к двери мимо груды продающихся телефонных аппаратов, расставленных на полках. Подумала, что экономит десять долларов, если купит телефон в торговом центре на Лейквью-молл, когда подвернется случай. И теперь из-за того, что пожалела какой-то вшивый червонец...

За дверью стояла тишина, но, опустив взгляд к щели под дверью, она увидела тень от туфель. Больших черных блестящих туфель. Конечно, конечно, ему ведь не обязательно теперь носить полицейскую форму, но он, как и прежде, надевает блестящие черные туфли. *Жесткие* туфли. Кому-кому, а ей это известно не понаслышке, потому что их отметины на животе, ногах, ягодицах появлялись много раз в течение всех лет, проведенных с Норманом.

Стук повторился — три короткие серии по три удара: *туктуктук*, пауза, *туктуктук*, пауза, *туктуктук*.

И снова, как в момент жуткой бездыханной паники утром в стеклянной кабинке студии звукозаписи, разум Рози обратился за помощью к женщине на картине, — женщине, стоящей на вершине поросшего травой холма, не испытывающей страха перед приближающейся грозой, не боящейся, что в руинах здания у подножия холма могут обитать привидения или тролли, или бродячие разбойники, не пугающейся *ничего*. *Она не боится ничего — это видно по распрямленной спине, по вызывающе поднятой руке, даже (как казалось Рози) по округлой форме едва заметной левой груди.*

«Я не она, я боюсь — мне так страшно, что я могу обмочиться, — но я не позволю тебе, Норман, просто так прийти и забрать меня, клянусь перед Господом, я так просто не дамся».

Секунду или две она лихорадочно восстанавливала в памяти бросок, который показывала им Герт Киншоу, тот, в котором атакующего противника нужно схватить за руки, а потом развернуть боком. Бесполезно — всякий раз, когда она пыталась представить завершающий элемент приема, перед ней возникал надвигающийся, заслоняющий собой все Норман с ухмылкой обнажающей зубы (она называла ее кусачей улыбкой), который пришел, чтобы поговорить с ней начистоту. Здесь и сейчас.

Сумка с продуктами все еще стояла на кухонном столе рядом со стопкой листовок, рекламирующих предстоящий пикник. Она переложила в холодильник скоропортящиеся продукты, однако несколько консервных банок все еще лежали в сумке. Подойдя к кухонному столу на негнущихся, начисто лишенных чувствительности ногах, напоминавших деревянные протезы, она сунула руку в сумку.

Раздался новый строенный стук: *туктуктук*.

— Иду! — крикнула Роза и сама удивилась тому, насколько спокойно прозвучал ее голос. Она извлекла из сумки самый крупный предмет — двухфунтовую жестяную банку фруктового коктейля. Перехватив ее поудобнее, зашагала к двери на бесчувственных деревянных ногах. — Иду-иду, секундочку, сейчас открою.

Пока Роза ходила по магазинам, Норман Дэниэлс в трусах и майке валялся на кровати в отеле «Уайтстоун», курил и смотрел в потолок.

Он начал курить точно так же, как многие другие мальчишки, выуживая сигареты из отцовских пачек «Пэлл Мэлла», стойко принимая побои, когда заставляли на месте преступления, считая, что это справедливое наказание за статус, который приобретаешь, когда тебя видят на пересечении Стейт-стрит и шоссе сорок девять — ты стоишь с торчащей в уголке рта сигаретой, подняв воротник куртки, подпирая плечом телефонную будку между обрейвилльской аптекой и городским почтовым отделением, и чувствуешь себя в своей тарелке: «Спокойно, крошка, я парень что надо». И когда приятели проезжают мимо в доживающих последние дни машинах, откуда им знать, что ты стащил окурок из пепельницы на папашинном письменном столе или что в тот единственный раз, когда ты набрался храбрости, чтобы купить в киоске свою первую *собственную* пачку сигарет, старик Джордж, снисходительно хмыкнув, прогнал тебя и предложил вернуться после того, как у тебя вырастут усы?

В пятнадцатилетнем возрасте курение считалось шиком, *очень* большим шиком, и почему-то он думал, что оно в некоторой мере компенсирует отсутствие того, чего он не мог иметь (машины, например, хотя бы старого драндулета вроде тех, на коих красуются его сверстники — заляпанные грунтовкой и в пятнах ржавчины, с белым «пластмассовым стеклом» на фарах и с подвязанными проволокой бамперами), и к тому дню, когда ему исполнилось шестнадцать, он превратился в заядлого курильщика — две пачки в день и натуральный удушающий кашель по утрам.

Через три года после того, как он женился на Роуз, вся ее семья — отец, мать, шестнадцатилетний брат — погибли на том же шоссе сорок девять. Они возвращались после дня, проведенного на озере в карьере Фило, когда грузовик со щебнем выехал на встречную полосу и раздавил их, как мух на подоконнике. Оторвавшемуся голову старика Макклэндона с открытым ртом и пятном вороньего помета, залепившим глаз, нашли в грязной канаве в тридцати ярдах от места столкновения (к тому времени Норман уже работал в полиции, а копы любят пересказывать друг другу такие подробности). Дэниэлса смерть родителей жены несколько не опечалила; признаться честно, он даже обрадовался, узнав о несчастном случае. Собаке собачья смерть — такая мысль промелькнула в его голове. Старый кретин Макклэндон получил по заслугам. Этому козлу не сиделось *на* месте, и он вечно приставал к дочке с вопросами о делах, которые его совершенно не касались. В конце концов, Роуз уже не дочь Макклэндона — по крайней мере, в глазах закона; в глазах закона она прежде всего жена Нормана Дэниэлса.

Глубоко затянулся сигаретой, выпустил три кольца и проследил за тем, как они друг за дружкой медленно плывут к потолку. За окном гудел и сигналил поток машин. Он провел в этом городе всего полдня, но уже успел возненавидеть его. Слишком он велик. Слишком много в нем укромных мест. Но это не имеет особого значения. Все встало на верный путь, и скоро очень тяжелая и очень прочная каменная стена обрушится на головку Роуз, своевольной дочурки покойного Крейга Макклэндона.

На похоронах Макклэндонов — тройных похоронах, собравших едва ли не всех способных самостоятельно передвигаться жителей Обрейвилля, — Дэниэлс вдруг раскашлялся, да так, что не мог остановиться. Люди оборачивались, чтобы посмотреть на него, и он готов был выцарапать им глаза за взгляды, которыми его награждали. С пунцовой физиономией, злой от негодования (и все же не в силах остановить приступ кашля), Дэниэлс оттолкнул рыдающую

молодую жену и выскочил из церкви, зажав рукой рот.

Он остановился, кашляя поначалу так сильно, что пришлось согнуться и опереться руками о колени, чтобы не упасть, глядя сквозь слезы на нескольких человек, вышедших перекурить — троих мужчин и двоих женщин, которые не смогли выдержать без никотина даже жалкие тридцать минут погребальной службы, — и неожиданно решил, что с него хватит. Он бросает курить. Пусть даже приступ кашля на самом деле вызван его обычной летней аллергией, черт с ним. Курение — привычка для идиотов, возможно, самая идиотская привычка на земле, и будь он проклят, если врач, который засвидетельствует факт его смерти, напишет в графе «Причина смерти» два слова «Пэлл Мэлл».

В день, когда он, вернувшись домой, обнаружил исчезновение Роуз — если придерживаться точной хронологии, то вечером, когда он увидел пропажу кредитной карточки и не мог больше опровергать очевидное, — он направился в магазин 24 у подножия холма и купил первую за одиннадцать лет пачку сигарет. Вернулся к старой марке, как убийца возвращается на место преступления. «In hoc signo vinces», — было написано на каждой кроваво-красной пачке, то есть «С этим знаком ты победишь», если верить отцу, который, насколько Норман помнил, если и побеждал жену, то лишь в многочисленных кухонных стычках.

От первой затяжки у него закружилась голова, а когда он докурил сигарету — до самого конца, до фильтра, — ему казалось, что его стошнит, он потеряет сознание или с ним случится сердечный приступ. Возможно, все сразу. Однако, пожалуйста, вот он, любуйтесь: все те же две пачки в день и все тот же утренний кашель, достающий до самого дна легких, начинающийся с той минуты, когда Норман выкатывается из постели. Как будто он и не бросал курить.

Ну да ничего страшного, просто он ведет напряженный образ жизни, как любят выражаться эти олухи-психиатры, а когда люди ведут напряженный образ жизни, они часто возвращаются к прежним привычкам. Привычки — особенно плохие, вроде курения или пьянства — это костыли, говорят люди. Ну так что? Что плохого в пользовании костылем, когда хромаешь на обе ноги? Как только он разберется с Роуз (проследив за тем, чтобы в случае неофициального развода, так сказать, последний состоялся на его, а не на ее условиях), все костыли будут выброшены на свалку. В этот раз навсегда.

Норман повернул голову и посмотрел в окно. Еще не стемнело, но до вечера совсем недолго. Во всяком случае, достаточно поздно, чтобы отправляться в путь. Он не хочет опаздывать к назначенному сроку. Он раздавил сигарету в переполненной пепельнице, стоящей на ночном столике рядом с телефоном, спустил ноги с кровати и начал одеваться.

Что приятно: никуда торопиться не надо, у него поднакопилось изрядное количество отгулов за работу в выходные дни, и, когда он захотел взять их все сразу, капитан Хардэуэй согласился, не медля ни секунды. Для этого, насколько мог судить Норман, имелось две причины. Во-первых, телевидение и газеты превратили его в героя месяца; во-вторых, капитану Хардэуэю он не нравился, тот дважды направлял на него ищеек из отдела внутренних расследований за превышение служебных полномочий и применение излишней жесткости, поэтому, без сомнений, был рад избавиться от него хотя бы на некоторое время.

— Сегодня, сучка, — пробормотал Норман, спускаясь на лифте в компании собственного отражения в старом усталом зеркале на дальней стене кабины. — Сегодня вечером, если мне повезет. А я чувствую, что мне повезет.

У тротуара вытянулась линия такси, но Дэниэлс прошел мимо машин. Таксисты запоминают поездки, иногда они запоминают лица. Нет, в этот раз он снова сядет на автобус. Городской автобус. Он быстрым шагом направился к остановке, раздумывая по пути, действительно ли он пребывает в удачливом настроении или ему это только кажется. Норман решил, что не обманывает себя. Он знал, что до нее рукой подать. Знал, потому что ему удалось

найти дорожку в ее образ мышления.

Автобус — зеленого цвета, ему нужна зеленая линия — вырулил из-за угла и подкатил к тому месту, где стоял Норман. Он вошел, заплатил за билет, уселся в дальнем конце — слава Богу, сегодня не надо играть роль Роуз — и посмотрел в окно, где мелькали, сменяя друг друга, названия баров, ресторанов, магазинов. «ДЕЛИКАТЕСЫ». «ПИВО». «ПИЦЦА ЦЕЛИКОМ И ЛОМТИКАМИ». «СТРИПТИЗ-КЛУБ».

«Тебе здесь не место, Роуз, — подумал он, когда автобус проезжал мимо ресторана под названием „Попе Китчей“. „Говядина исключительно из Канзаса“ сообщала кроваво-красная неоновая вывеска в витрине. — Тебе здесь не место, но это не страшно, потому что теперь здесь я. Я приехал, чтобы увезти тебя домой. Во всяком случае, чтобы увезти куда-нибудь».

Паутина неоновых вывесок и темнеющий бархат неба вызвали в нем воспоминания о тех днях, когда жизнь не представлялась такой странной и не вызывала клаустрофобии, как стены комнаты, которые вдруг начали сжиматься, грозя расплющить тебя. Когда загорался неон, приходила пора веселья — так было почти всегда на протяжении относительно простых лет его молодости. Ты находишь место, где неон горит ярче всего, и проскальзываешь внутрь. Те дни давно миновали, но большинство полицейских — большинство *хороших* полицейских — знают, как нужно двигаться после наступления темноты. Как проскользнуть за неоновую вывеску, как застать врасплах уличную мразь. Коп, неспособный незаметно двигаться в темноте, долго не живет.

Наблюдая за тем, как проскакивают в окне автобуса неоновые рекламы, Норман решил, что Каролина-стрит должна уже находиться где-то поблизости. Он встал с кресла, подошел к выходу и остановился, держась за поручень. Когда автобус затормозил и двери с шипением раскрылись, он, не говоря ни слова, спустился по ступенькам и растворился в темноте.

В киоске при отеле он купил схему города, заплатив шесть долларов пятьдесят центов, — мародерство, однако цена расспросов может оказаться еще выше. Почему-то люди хорошо запоминают тех, кто спрашивает у них, как пройти к тому или иному месту; удивительно, но иногда лица сохраняются в памяти даже через пять и более лет. Так что лучше за справками ни к кому не обращаться. На тот случай, если что-то случится. Скорее всего, все пройдет без сучка и задоринки, но осторожность никогда не бывает излишней.

В соответствии с картой, Каролина-стрит пересекалась с Бьюдрай-плейс в четырех кварталах к западу от автобусной остановки. Непродолжительная приятная прогулка теплым вечером. Бьюдрай-плейс — это улица, на которой живет еврейчик из «Помощи путешественникам».

Сунув руки в карманы, Дэниэлс медленно шагал по тротуару, по-настоящему наслаждаясь прогулкой. На его лице застыло скучающее и слегка глуповатое выражение, и никто из встречных прохожих не заподозрил бы, что все его органы чувств напряжены, как мышцы спортсмена перед стартом. Он изучал каждую проезжавшую мимо машину, каждого пешехода, с особым вниманием выискивая взглядом тех, кто смотрел бы в его сторону. Тех, кто *видел* бы его. Таковых не оказалось, и это хорошо.

Добравшись до дома Тампера — еще одна улыбка фортуны, потому что это действительно был отдельный дом, а не меблированная квартира в пансионе, — он дважды прошел мимо, глядя на машину, стоящую на подъездной дорожке, и на свет в окне первого этажа. Окно гостиной. Жалюзи подняты, но шторы задернуты. Через них он видел неясное цветное пятно работающего телевизора. Тампер не спит, Тампер дома, Тампер смотрит телевизор и, наверное, хрумкает морковку, прежде чем отправиться к автовокзалу, где он постарается помочь еще одной или двум женщинам, слишком глупым для того, чтобы заслуживать помощи. Или слишком плохим.

Кольца на руке Тампера он не заметил, и по виду тот вообще напоминал голубого, но лучше

перестраховаться, нежели потом сожалеть. Норман уверенно поднялся по подъездной дорожке и заглянул в «форд» четырех— или пятилетней давности, пытаясь увидеть в салоне автомобиля признаки того, что его владелец живет не один. Он не обнаружил ничего, что внушало бы подозрения.

Довольный, Норман поднял голову и оглядел тихую улицу. Никого.

«У тебя нет маски», — подумал он. — Норман, у тебя нет даже нейлонового чулка, чтобы натянуть на лицо; ты не побеспокоился об этом».

Да.

«Ты забыл об этом, верно?» Да нет... не забыл. Просто он подумал, что завтра, когда взойдет солнце, в мире станет на одного еврейчика меньше. Потому что иногда неприятности происходят даже в тихих жилых кварталах вроде этого. Бывает, в дом вламываются грабители, наркоманы, всякая дрянь, и покой обитателей нарушают события, более привычные для других районов. «Дерьмо может упасть на любого», как утверждают надписи на футболках и автомобильных наклейках. И время от времени, как ни трудно в это поверить, дерьмо падает на головы хороших, а не плохих людей. Например, на головы читающих «Правду» еврейчиков, лезущих из кожи вон, чтобы помочь женам удрать от своих мужей. Разве можно с этим мириться? Разве так следует управлять обществом?

Если каждый примется вести себя подобным образом, общество совсем перестанет существовать.

Такое поведение действительно таит в себе угрозу обществу, ибо большинство ведущих себя подобным образом добросердечных подонков не получают заслуженного наказания. Однако большинство этих добросердечных подонков не совершили фатальной ошибки: они не помогли его жене... а еврейчик *помог*. Норман знал это так же хорошо, как свое собственное имя. Еврейчик, мать его, *совершил* эту ошибку.

Он поднялся по ступенькам к двери, еще раз огляделся и нажал на кнопку звонка. Подождал, потом нажал снова. Его слуха, настроенного на то, чтобы улавливать даже малейший шорох, достиг звук приближающихся шагов, не *туп-туп-туп*, а *шуф-шуф-шуф*. Тампер в чулочках, как мило.

— Иду, иду, — крикнул Тампер из-за двери. Дверь открылась. Тампер посмотрел на него плавающими за линзами очков в роговой оправе глазами.

— Чем могу вам помочь? — спросил он. Незастегнутая, не заправленная в брюки рубашка была наброшена на плечи поверх майки — точно такой же, какие носил Норман, и вдруг его охватила неудержимая ярость, неожиданно это стало последней соломинкой, той, от которой сломался спинной хребет старого дромадера, и Норман словно лишился разума. Вшивый еврейчик не имеет никакого права надевать такую майку! Майку *белого человека*.

— Сможешь, не переживай, — произнес Норман, и что-то в его внешности или голосе, — а скорее всего, и в том, и в другом — должно быть, встревожило Слоуика, потому что его карие глаза округлились, он попятился от незнакомца, а его рука потянулась к двери, по-видимому чтобы захлопнуть ее перед носом Нормана. Если так, то было поздно. Норман оказался проворнее, он схватил Слоуика за ворот рубашки и втолкнул вглубь дома. Поднял ногу и лягнул дверь, которая захлопнулась с громким стуком.

— Поможешь, обязательно поможешь, — повторил он. — Думаю, поможешь, иначе тебе же придется хуже. Я собираюсь задать несколько вопросов, Тампер, *хороших* вопросов, и посоветовал бы тебе помолиться своему носатому еврейскому богу, чтобы тот подсказал хорошие ответы.

— Убирайтесь из моего дома! — воскликнул Слоуик. — Иначе я вызову полицию!

Норман Дэниэлс невольно усмехнулся угрозе, затем развернул Слоуика и заломил ему руку

так, что сжатый кулачок еврейчика коснулся лопатки. Слоуик закричал. Норман сунул руку ему между ног и зажал яички.

— Затихни, приятель, — велел он. — Замолчи, иначе я раздавлю их, как виноград. Ты услышишь, как они лопнут, обещаю.

Тампер умолк. Он хватал ртом воздух, временами из его горла вырывался сдавленный писк, но с этим Норман мог мириться. Он втолкнул Тампера в гостиную, свободной рукой поднял с кресла пульт дистанционного управления и включил телевизор на полную громкость.

Не выпуская тонкой руки еврейчика, он увел его на кухню и там толкнул к холодильнику.

— Прислонись к дверце, — приказал он. — Прижмись задницей к холодильнику, и, если сдвинешься хоть на дюйм, я оторву тебе губы. Понял?

— Д-д-д-да, — сказал Тампер. — Кто-кто-кто-кто вы? — Он все еще походил на дружка Бэмби Тампера, но разговаривал теперь, как припадочная сова Вудси.

— Ирвинг Левин из телекомпании Эн-Би-Си, — ответил Норман. — Так я провожу свободное время.

Он принялся выдвигать все подряд ящики и раскрывать дверцы, не сводя при этом глаз с Тампера. Он не думал, что старик Тампер предпримет попытку к бегству, но как знать. После того, как страх превышает некую отметку, от людей можно ждать чего угодно. Они становятся непредсказуемыми, как торнадо.

— Что... я не знаю, что...

— А тебе и не *нужно* знать, — перебил его Норман. — В том-то вся прелесть, Тамп. Тебе не нужно знать ничего, кроме ответов на несколько крайне примитивных вопросов. Все остальное поручи мне. Я профессионал. Можешь считать меня представителем организации «Хорошие руки».

Он обнаружил то, что искал, в пятом, последнем ящике: пару рукавиц с вышитыми на них цветочками. Какая прелесть. То, что маленький хорошо одетый кагтавый евгейчик надевает, когда снимает с голячей плиты голячие кастгюльки. Норман натянул рукавицы, быстро прошелся вдоль ящиков, стирая с ручек отпечатки пальцев, которые могли там остаться. Затем увел Тампера назад в гостиную, где поднял с кресла пульт дистанционного управления и вытер его о рубашку.

— Мы немножко побеседуем тет-а-тет, Тампер, — произнес он, протирая пульт. Его горло вздулось; вырывавшийся из него голос казался почти нечеловеческим даже его обладателю. Норман несколько не удивился, почувствовав, что у него возникает эрекция. Он швырнул пульт дистанционного управления на кресло и повернулся к поникшему Слоуику, из-под очков которого струились слезы. К Слоуику, одетому в майку белого человека. — Я хочу поговорить с тобой начистоту. Ты мне веришь? Мой тебе совет — будь со мной откровенен. Не вздумай юлить, мать твою.

— Пожалуйста, — простонал Слоуик, протягивая к Норману дрожащие руки. — Пожалуйста, не трогайте меня. Вы ошиблись, я ничего не знаю — то, что вам надо, вы от меня не узнаете. Я ничем вам не помогу.

Но в конечном итоге Слоуик помог, и очень здорово. К тому времени они спустились в подвал, потому что Норман начал кусаться, и даже телевизору, выставленному на полную мощь динамиков, не удавалось целиком заглушить крики еврейчика. Но, как бы там ни было, несмотря на крики, он все-таки здорово помог ему.

Когда веселье завершилось, Норман нашел под кухонной мойкой несколько мешков для мусора. В один он уложил рукавицы-прихватки и свою рубашку, в которой теперь нельзя было показываться на людях. Он заберет мешок с собой и избавится от него позже.

Наверху, в спальне Тампера, он раскопал единственный предмет гардероба, который хотя

бы приблизительно закрывал его мощный торс: мешковатый выцветший свитер с эмблемой «Чикаго Буллз». Норман положил свитер Тампера на кровать Тампера, потом пошел в ванную комнату Тампера и включил душ Тампера. Ожидая, пока стечет холодная вода, он заглянул в аптечку Тампера, нашел пузырек ампила и выпил четыре таблетки сразу. У него болели зубы, у него ныли челюсти. Всю нижнюю часть лица покрывала кровь, к губам прилипли волоски и кусочки кожи.

Он ступил под душ и снял с полочки мыло Тампера, мысленно напомнив себе о том, что его тоже нужно будет сунуть в мешок. На самом деле он не представлял, насколько необходимыми окажутся принятые меры предосторожности, поскольку не мог судить, какое количество достаточных для суда улик оставил за собой в подвале. После какого-то момента его память перестала фиксировать события. Намыливая волосы, он запел:

— Бродя-а-а-ачая роза... бродя-а-а-ачая роза... где ты бро-о-о-одишь... никто-о-о не зна-а-а-ает... под ве-е-е-етром холо-о-одным... ты вы-ы-ы-ыросла, роза... и кто-о-о-о же прижме-е-ется... к колю-у-у-учему стеблю?..

Он закрутил кран, вышел из ванны и посмотрел на свое тусклое отражение в запотевшем зеркале над раковиной умывальника.

— Я, — глухо проговорил он. — Я, кто ж еще?

Билл Штайнер поднял свободную руку, проклиная в душе собственное волнение — он не принадлежал к числу тех мужчин, которые часто испытывают робость перед женщинами, — когда из-за двери прозвучал ее голос:

— Иду! Иду-иду, секундочку, сейчас открою. Слава Богу, в нем не чувствовалось спешки. Значит, он не выдернул ее из ванны.

«Какого черта меня сюда занесло? — в очередной раз спросил он себя, слыша, как шаги приближаются к двери, — Все это похоже на сцену из третьесортной романтической комедии вроде тех, которые не может спасти даже талант Тома Хэнкса».

Однако никакие рассуждения не способны изменить тот факт, что женщина, заглянувшая в его лавку на прошлой неделе, прочно засела в его голове. И вместо того, чтобы ослабевать с течением времени, произведенный ею эффект, казалось, накапливался, приобретая все новую силу. В двух вещах он не сомневался: впервые в жизни он принес цветы женщине, которую, собственно, почти не знал; в последний раз он волновался так перед Свиданием, когда ему было шестнадцать лет.

Когда шаги с противоположной стороны двери затихли, Билл заметил, что одна большая маргаритка вознамерилась выпасть из букета. Он торопливо поправил ее, пока дверь открывалась, и, подняв голову, увидел женщину, обменивавшую фальшивое бриллиантовое кольцо на шедевр никудышной живописи, — она стояла в дверном проеме с жадной убийства в глазах и банкой чего-то, похожего на фруктовый коктейль, в занесенной над головой руке. Ее разум, похоже, застрял между желанием нанести превентивный удар и ошеломленным пониманием того, что перед ней не тот человек, которого она ожидала встретить. Позже Билл подумал, что этот момент едва ли не самый фантастической в его жизни.

Мужчина и женщина замерли, глядя друг на друга, на пороге однокомнатной квартирki на втором этаже дома по Трентон-стрит: он с букетом маргариток, купленных в цветочной лавке через две двери от его ломбарда на Хитченс-авеню, она с двухфунтовой банкой фруктового коктейля, занесенной над головой, и хотя немая сцена продолжалась не более двух-трех секунд, ему она показалась чрезвычайно долгой. Во всяком случае, затянулась настолько, что у него успела отчетливо сформироваться пугающая, неожиданная и совершенно удивительная мысль. Он надеялся, что, увидев Розы, успокоится, все вернется в прежнее русло. Вместо этого все стало еще хуже. Он не назвал бы ее красавицей, что ни говори она далека от образца, рекламируемого телевидением и журналами мод, но ему она показалась прекрасной. От вида ее губ, очертаний утонченного подбородка у него перехватило дыхание, сердце остановилось в груди, от кошачьего разреза голубовато-серых глаз подкосились ноги. Он прекрасно понимал, что означают эти симптомы, презирал себя за слабость и все же не мог противостоять охватившему его чувству.

Он протянул ей цветы и улыбнулся с надеждой (краешком глаза поглядывая на угрожающе поднятую над головой банку фруктового коктейля):

— Мир?

Предложение Билла пойти поужинать последовало с такой головокружительной быстротой, что Роза, едва придя в себя, застигнутая врасплох, приняла *его*. Позже она подумала, что испытанное облегчение, оттого что это оказался не Норман, тоже сыграло свою роль. Только когда она уже сидела на пассажирском сиденье машины, миссис Практичность-Благоразумие, которую Роза позабыла в пыли, поднявшейся под колесами автомобиля, догнала ее и спросила, что, собственно, она себе думает, направляясь на ужин с мужчиной (*гораздо моложе* ее), которого практически не знает? Не сошла ли она случайно с ума? В вопросах ощущался настоящий ужас, и за их внешней разумностью Роза распознала скрытую суть. Самый главный вопрос был настолько жутким, что миссис Практичность-Благоразумие просто не отваживалась задать его, даже из потаенного уголка ее сознания.

«Что если Норман поймает тебя?»

Вот каков подлинный вопрос. Что, если Норман застигнет ее во время ужина с другим мужчиной? С молодым, моложе ее, привлекательным мужчиной? Для миссис Практичность-Благоразумие не имело значения то, что Норман находится в восьмистах пятидесяти милях к востоку. И вообще, ее зовут не Практичность-Благоразумие, а Трусость-Растерянность.

Впрочем, Норман — это лишь одна сторона дела. За всю взрослую жизнь она ни разу не выбиралась из дому с другим мужчиной, кроме мужа, и сейчас ее мысли напоминали приготовленный на скорую руку салат. Поужинать с ним? О да. Великолепно. Ее горло сжалось до размера игольного ушка, в животе урчало, как в недрах стиральной машины.

Будь он одет во что-то более официальное, нежели чистые выцветшие джинсы и простой неброский свитер, мелькни в его глазах хоть малейшая тень сомнения относительно ее собственного непритязательного костюма — юбки и свитера, она, не мешкая ни секунды, сказала бы нет. Если бы место, куда он ее привез, оказалось более трудным (Роза не могла подобрать другого, более подходящего слова), она, скорее всего, не нашла бы в себе сил даже выбраться из его «бьюика». Но ресторанчик произвел приятное, а не пугающее впечатление: вход с горячей над ним вывеской «Поппе Китчей» был ярко освещен, под потолком жужжали вентиляторы, крепкие столы покрывали скатерти в красную и белую клетку. В соответствии с неоновой рекламой в окне, здесь подавали исключительно говядину из Канзаса. Официанты, как на подбор, оказались пожилыми джентльменами в черных туфлях и длинных, высоко повязанных фартуках. Роза показалось, что они одеты в платья с завышенной талией, какие были модными в средние века. Ужинающие за столами посетители походили на нее и Билла — ну, по крайней мере, на Билла: средний класс, средний достаток, неофициальный стиль одежды. Не давящий на глаза интерьер ресторана привел Розу в радостное настроение. Ей показалось, что дышать стало легче.

«Возможно, но все же они не похожи на тебя, — прошептал внутренний голос, — и не ври себе, думая, что ты от них не отличаешься, Роза. Они уверены, они счастливы, большинство выглядит так, словно им здесь самое место. Ты не принадлежишь к ним, ты никогда не станешь такой, как они. Слишком много за спиной лет, проведенных с Норманом, слишком много дней, когда ты забивалась в угол, стараясь не наблевать на пол. Ты забыла, что представляют собой люди, ты забыла, о чем они говорят... если вообще когда-то знала, начнем с этого. Если ты попытаешься *быть* такой, как они, если ты осмелишься всего лишь *помечтать* о том, что можешь стать похожей на них, — это только разобьет тебе сердце».

Действительно ли дела обстоят настолько плохо? Ей больно было думать так, ибо часть ее сознания пылала от счастья — оттого, что Билл Штайнер пришел к ней, оттого, что он принес

ей цветы, оттого, что он пригласил на ужин. Ей даже не приходило в голову задуматься над своим отношением к нему, но то, что ее пригласили на свидание... она чувствовала себя счастливой и способной на волшебство. И ничего не могла с собой поделать.

«Валяй, веселись, — произнес Норман. Он прошептал эти слова ей на ухо, когда она входила в дверь ресторана, и они прозвучали так отчетливо и близко, словно он находился совсем рядом. — Радуйся, пока есть возможность, потому что позже он уведет тебя в темноту, а потом ему захочется поговорить с тобой начистоту. Или же не станет утруждать себя разговорами. Может, он сразу потащит тебя в ближайший мрачный переулок и придавит к стене».

«Нет, — подумала она. Яркий свет внутри ресторана неожиданно стал *слишком* ярким, ее слух обострился до такой степени, что она слышала все, *все*, даже мощные чавкающие вздохи лопастей вентиляторов, перемалывающих воздух у них над головами. — Нет, это ложь — он хороший, и все это ложь!»

Ответ прозвучал немедленно и неумолимо, одна из Жизненных Заповедей Нормана: «Хороших людей не бывает, крошка, сколько раз я говорил тебе об этом? Глубоко внутри мы все и каждый из нас — мразь. Сволочи. Ты, я, все».

— Розы? — окликнул ее Билл. — С вами все в порядке? Вы побледнели.

Нет, с ней далеко не все в порядке. Она понимала, что звучащий в сознании голос лжет, он происходит из того участка мозга, в котором еще не рассосался яд Нормана, однако понимание и ощущение часто противоречат друг другу. Она не усидит среди всех этих безмятежных людей, она не выдержит запаха их мыла, лосьонов и шампуней, ее барабанные перепонки лопнут от трескотни их бессмысленных непринужденных бесед. Она растеряется перед официантом, который, склонившись, вторгнется в ее пространство со списком фирменных блюд, — и некоторые, наверное, будут написаны на иностранных языках. А самое главное, она не сможет справиться с Биллом Штайнером — разговаривать с ним, отвечать на его вопросы и постоянно представлять, как ее ладонь прикасается к его волосам.

Розы открыла рот, чтобы сказать ему, что с ней далеко не все в порядке, что желудок превратился в сплошной комок нервных узлов, что будет лучше, если он отвезет ее домой, что поужинать они смогут как-нибудь потом. Затем, как и в студии звукозаписи, она подумала о стоящей на вершине поросшего густой травой холма женщине в мареновом хитоне с поднятой рукой и обнаженным плечом, сияющим в странном свете предгрозового неба. Бесстрашно стоящей на холме над разрушенным храмом, похожим на дом с привидениями, как никакое другое здание, которое ей приходилось видеть. Она представила золотистые волосы, заплетенные в косу, золотой браслет, едва проступающие округлые очертания одной груди, и спазмы в животе постепенно ослабели.

«Я справлюсь и с этим, — подумала она. — Не знаю, смогу ли я есть, но уверена, что у меня хватит мужества, чтобы посидеть с ним в этом залитом светом помещении хотя бы некоторое время. И если мне непременно нужно волноваться о том, что он собирается меня изнасиловать, почему бы не заняться этим позже? По-моему, изнасилование — последнее, что приходит на ум идущего рядом со мной мужчины. Изнасилование придумал Норман, считающий, что все приемники, принадлежащие чернокожим, были обязательно похищены у белых».

От этой простой истины ее охватила необыкновенная легкость. Заметно расслабившись, она улыбнулась Биллу. Улыбка вышла жалкой, уголки губ подрагивали, и все же это лучше, чем ничего.

— Все в порядке, — сказала она. — Чутьочку побаиваюсь, вот и все. Вам придется с этим мириться.

— Надеюсь, не я причина страха?

«В самую точку, приятель!» — обрадованно вставил Норман из закоулка мозга, где он жил, словно злокачественная опухоль.

— Нет, дело не совсем в вас. — Она подняла взгляд к его лицу. Для этого ей пришлось приложить некоторые усилия, и она почувствовала, как вспыхнули щеки, однако она справилась. — Просто вы — второй мужчина, с которым я появляюсь на людях за всю жизнь, и если это свидание, то оно первое со времен окончания школы. Говоря точнее, с восьмидесятого года.

— Вот это да! — изумленно покачал он головой. Он говорил мягко, в голосе не ощущалось притворства. — Теперь и я начинаю побаиваться.

Хозяин ресторана — Роза не знала, следует ли его назвать метрдотелем или кого-то другого, — подошел к ним и осведомился, в какой зоне желают гости получить столик: для курящих или некурящих.

— Вы курите? — спросил Билл, и Роза торопливо встряхнула головой. — Где-нибудь подальше от течения, если можно, — сообщил Билл мужчине в смокинге, и Роза заметила, как что-то зеленое — по-видимому, пятидолларовая бумажка — перешло из руки Билла в ладонь хозяина ресторана. — Найдется ли свободный столик в уголке?

— Разумеется, сэр.

Он повел их через ярко освещенный зал под лениво вращающимися лопастями вентиляторов.

Когда они сели за столик, Роза спросила Билла, как ему удалось разыскать ее, хотя уже догадывалась, каким будет ответ. На самом деле ей хотелось понять, *почему* он взялся разыскивать ее.

— С помощью Робби Леффертса, — признался он. — Робби заглядывает ко мне регулярно, проверяет, не появилось ли что-нибудь новенькое — вернее, *старенькое*, короче, вы понимаете, что я хочу сказать...

Она вспомнила Дэвида Гудиса — «Все произошло хуже некуда. Пэрри был ни в чем не виновен» — и улыбнулась.

— Я знал, что вы читаете для него книги Кристины Белл, потому что он специально заходил, чтобы сообщить мне об этом. Он *очень* волновался.

— Правда?

— Робби сказал, что не слышал лучшего голоса с тех пор, как Кэти Бейтс записала «Молчание ягнят», а это кое-что значит: он *обожествляет* Бейтс и еще одну запись — Роберт Фрост читает «Смерть наемника». У него есть старая пластинка, помните, тридцать три и три десятых? Вся исцарапанная, но голос бесподобный.

Роза ошеломленно молчала.

— И я выпросил у него ваш адрес. Нет, ее выпросил — слишком слабо сказано. Я надоедал ему до тех пор, пока он не сдался. Робби очень чувствителен к занудам. Но, к его чести будь сказано, Роза...

Остальную часть реплики она не уловила. «Роза, — думала она. — Он назвал меня Роза. Я не просила его; он сам меня так назвал».

— Не хотите ли что-нибудь выпить?

У локтя Билла материализовался официант. Пожилой, держащийся с чувством собственного достоинства, он смахивал на университетского профессора литературы. «Профессор, нацепивший средневековое платье с завышенной талией». — Роза с трудом сдержала смехок.

— Я бы выпил чая со льдом, — попросил Билл. — Что вы скажете, Роза?

«И опять. Он опять назвал меня Роза. Откуда он знает, что я никогда и не была Роуз, что на самом деле я всегда оставалась Роза?»

— Мне тоже.

— Два чая со льдом, превосходно, — подтвердил заказ официант и затем процитировал внушительный список фирменных блюд. К огромному облегчению Розы, все блюда имели английские названия, а когда он произнес «лондонское жаркое», она ощутила, как в желудке зашевелился червячок голода.

— Мы подумаем и решим через минуту, — сказал Билл.

Официант удалился, и Билл снова повернулся к Розы.

— Еще два комплимента в адрес Робби. Он предложил мне заглянуть в студию... вы ведь работаете в Корн-билдинг, верно?

— Да, студия называется «Тейп Энджин».

— Ага. Так вот, он предложил мне заглянуть в студию, чтобы мы втроем могли выпить по чашечке кофе после того, как вы закончите работу. Этаким отцовский жест. Я сказал ему, что не смогу заехать, и тогда он заставил меня буквально *поклониться*, что сначала я позвоню. Я и пытался. Розы, но не нашел вашего номера в справочнике. Он хоть включен в телефонную книгу?

— Вообще-то у меня пока нет телефона, — ответила она, уходя чуточку в сторону от прямого ответа. *Разумеется*, она попросила, чтобы ее номер не включали в телефонный справочник; это стоило ей лишние тридцать долларов — сумма весьма внушительная для скудного бюджета, — однако она не могла позволить себе роскошь попасть в полицейские компьютерные реестры. По раздраженным репликам Нормана Розы знала, что полиции не позволяется шарить, когда ей вздумается, по спискам не внесенных в справочник номеров так, как она это делает с обычными абонентами. Закон запрещает разглашать номера телефонов, чьи владельцы не захотели включать их в телефонные книги, — это нарушение прав личности на сохранение тайны, от которых добровольно отказываются те, кто соглашается внести свой номер в открытые справочники. Так постановил суд, и Норман, как и большинству копов, с которыми она познакомилась за время супружеской жизни, испытывал непреодолимую ненависть к судам за то, что они мешают им работать.

— Почему же вы не смогли заехать на студию? Вас не было в городе?

Он взял салфетку, аккуратно развернул ее и положил себе на колени. Когда он снова поднял голову, она увидела, что его лицо изменилось, и ей понадобилось еще несколько секунд, чтобы постичь очевидное — он покраснел.

— Знаете, мне просто не хотелось, чтобы наша встреча превращалась в массовый митинг. В компании с человеком невозможно поговорить. А я желал... гм... познакомиться с вами поближе.

— И потому мы оказались здесь, — мягко произнесла она.

— Совершенно верно. И вот мы здесь. — Но *почему* вам захотелось познакомиться со мной поближе? Почему вы решили вытащить меня в ресторан? — Она сделала паузу, затем скороговоркой проговорила остальное. — Я хочу сказать, что старовата для вас, не так ли?

На секунду его физиономия застыла, словно он не доверил услышанному, затем решил, что она пошутила, и рассмеялся.

— Сколько вам лет, бабушка? Двадцать семь? Или целых двадцать восемь?

Сначала она подумала, что теперь *он* шутит — и притом не очень удачно, — но спустя мгновение до нее дошло, что, несмотря на легкомысленный тон, он говорит совершенно серьезно. Даже не пытается льстить ей, лишь констатирует очевидный факт. По крайней мере, то, что *ему* кажется очевидным. Это потрясло ее, и мысли мгновенно разлетелись в разные стороны. Лишь одна задержалась в сознании: перемены в ее жизни не ограничились новой работой и собственной комнатой; похоже, они только-только начинаются. Словно все,

случившееся до этого момента, являлось серией мелких толчков, предвещающих приближение настоящего землетрясения. Вернее, не землетрясения, а жизнетрясения, и внезапно она ощутила неутолимую жажду перемен, волнение, объяснения которому не находила.

Билл начал было говорить, но тут подоспел официант, который принес чай со льдом. Билл заказал бифштекс, Рози попросила лондонское жаркое. Когда официант поинтересовался, какое жаркое она предпочитает, Рози сказала, что мясо должно быть хорошо прожаренным — она ела хорошо прожаренную говядину, потому что именно такую говядину любил Норман, — но потом вдруг передумала.

— Недожаренное, — сказала она. — Почти сырое.

— Отлично! — воскликнул официант таким тоном, словно его действительно обрадовал именно этот заказ, и когда он ушел, Рози подумала, что в мире официанта, наверное, очень хорошо жить — там все всегда отлично, замечательно, превосходно.

Посмотрев на Билла, она увидела, что он по-прежнему не сводит с нее глаз — таких тревожащих глаз с едва заметным зеленоватым оттенком. Сексуальных глаз.

— Он оказался совсем неудачным? — спросил он. — Ваш брак?

— Что вы имеете в виду? — замялась она.

— Вы сами прекрасно понимаете. Я встречаю женщину в лавке своего отца, разговариваю с ней минут десять, и, черт возьми, со мной происходит то, чего я меньше всего ожидаю, — я не могу забыть ее. Такое случается только в фильмах да в рассказах на страницах журналов, которыми завалены столы приемных в поликлиниках. Я лично никогда в это не верил. И вот, на тебе, получите, пожалуйста. Я вижу ее лицо в темноте, когда выключаю свет. Я думаю о ней за завтраком. Я... — Он помедлил, внимательно и встревоженно глядя на нее. — Надеюсь, я вас не напугал?

Он действительно ее напугал, и очень здорово, и в то же время никогда в жизни она не слышала ничего более прекрасного. У нее горело все тело (а ступни оставались холодными как лед), она слышала усыпляющий шелест вентиляторов над головой. Казалось, их было не меньше тысячи, целый батальон вентиляторов.

— Эта женщина является, чтобы продать мне обручальное кольцо с камнем, который считает бриллиантом... хотя в глубине души понимает, что камень фальшивый. Потом, когда я узнаю, где она живет и прихожу навестить — с букетом в руке и сердцем в пятках, если можно так выразиться, — она чуть не расшибает мне голову банкой фруктового коктейля. Не хватает вот столько. — Он поднял правую руку и развел большой и указательный пальцы на полдюйма. Рози вытянула руку — левую — и развела большой и указательный пальцы на дюйм.

— Скорее вот столько, — уточнила она. — И я похожа на Роджера Клеменса — у меня отличная реакция.

Он от души рассмеялся ее шутке — хорошим, искренним, глубоким грудным смехом. Через секунду она захохотала вместе с ним.

— Как бы там ни было, леди не нажимает на пусковую кнопку, она лишь легонько поглаживает ее блестящую красную поверхность, а потом прячет ручки с оружием за спину, как мальчишка, застигнутый с «Плейбоем», который стащил из ящика отца. Она говорит: «О Боже, извините!», и мне хочется узнать, кто же враг, ибо оказывается, что это не я. А потом я задумываюсь над тем, до какой степени бывшим стал ее бывший муж, потому что не всякая счастливая в браке женщина приходит ко мне в ломбард, чтобы расстаться со своим обручальным кольцом. Понимаете?

— Да, — кивнула она. — Думаю, да.

— Это очень важно для меня. Видите ли, если вам кажется, что я сую нос не в свои дела, я согласен, так оно, наверное, и есть, но... за считанные минуты эта женщина все переворачивает

во мне, и я, естественно, не желаю, чтобы у нее имелись какие-то прочные привязанности. С другой стороны, мне не хочется, чтобы ее преследовал страх, заставляющий всякий раз, когда кто-то звонит, открывать дверь, держа в руке банку консервированного фруктового коктейля размером с ведро. Вы следите за ходом моих мыслей? Понимаете, что я хочу сказать?

— Думаю, да, — сказала она. — Бывший муж, очень даже бывший. — А потом, сама не зная почему, добавила: — Его зовут Норман.

Билл с серьезным видом склонил голову:

— Теперь я понимаю, почему вы от него ушли. Роза невольно засмеялась и зажала рот ладонями. Лицо ее пылало огнем. Наконец ей удалось взять себя в руки, но к тому времени из глаз потекли слезы, и ей пришлось утереть их салфеткой. — Все нормально? — спросил он.

— Кажется, да.

— Не хотите рассказать мне о нем?

Перед ней неожиданно с четкостью ночного кошмара возник образ. Это была старая теннисная ракетка Нормана, выдавший виды «Принс» с рукояткой, обмотанной черной лентой. Насколько она помнила, ракетка до сих пор висела дома на стене над лестницей, ведущей в подвал. За первые годы их брака он несколько раз колотил ее ракеткой. Потом, примерно через полгода после выкидыша, произошло нечто гораздо более ужасное. Он изнасиловал ее с помощью ракетки, всунув рукоятку ей в анус. Во время заседаний терапевтического кружка в «Дочерях и сестрах» она поделилась (именно так это называлось, *делиться* — слово одновременно точное и отвратительное) с остальными женщинами многим из своего семейного «опыта», но об этой маленькой неприятности решила умолчать — о том, каково ощущать внутри себя обмотанную лентой рукоятку, которую вгоняет в анальный проход оседлавший тебя мужчина, прижав коленями бедра так, что ты не можешь пошевелиться; каково чувствовать, как он наклоняется и говорит, что, если ты и дальше будешь сопротивляться, он разобьет стакан с водой, стоящий на тумбочке возле кровати, и перережет тебе горло. Каково лежать под ним, ощущая запах мятных таблеток в его дыхании и думать, что он вот-вот разорвет тебя на части.

— Нет, — отказалась она, благодарная своему голосу за то, что он не дрожит. — Я не хочу говорить о Нормане. Он обращался со мной плохо и потому я от него ушла. Конец рассказа.

— Вполне исчерпывающее жизнеописание, — заметил он. — И он исчез из жизни навсегда?

— Навсегда.

— Знает ли он об этом? Я спрашиваю потому, что вспоминаю, как вы открыли мне дверь. Вряд ли вы ожидали увидеть представителя церковной общины Всех святых.

— Не знаю, известно ли ему об этом, — призналась она после нескольких секунд раздумий — ибо вопрос показался ей очень уместным.

— Вы боитесь его?

— О да. Очень. Но это не обязательно что-то значит. Я боюсь *всего*. Все представляется мне новым. Мои друзья в... мои друзья говорят, что я перерасту свой страх, но я не уверена.

— И все же вы не побоялись пойти со мной на ужин.

— Как же! У меня до сих пор коленки дрожат.

— Но почему вы тогда согласились?

Она открыла рот, чтобы высказать то, о чем думала раньше, в автомобиле по пути к ресторану — что он застал ее врасплох и она просто не успела отказаться, — и потом снова закрыла его. Это правда, но это не вся правда *внутри* правды, к тому же они коснулись темы, которую она не хотела обходить стороной. Роза не знала, и не могла знать, есть ли у них двоих какое-то будущее, ожидающее за дверью ресторана «Попе Китчен», или ужином все и закончится, но если их отношениям суждено иметь продолжение, увиливания и умолчания вряд

ли являются хорошим началом на этом пути.

— Потому что мне хотелось, — сказала она. Ее голос прозвучал тихо, но отчетливо.

— Хорошо. Больше об этом ни слова.

— И о Нормане, ладно?

— Его правда так зовут? Или вы меня разыгрываете?

— Правда.

— Как у Бейтс?

— Как у Бейтс.

— Могу я задать вам еще один вопрос, Розы?

Она слабо улыбнулась.

— Пожалуйста, при том условии, что я не обещаю ответить на него.

— Договорились. Вы подумали, что старше меня, так ведь?

— Да, — подтвердила она. — Я подумала, что старше. Собственно, сколько вам лет на самом деле, Билл?

— Тридцать. Как я понимаю, это делает нас близкими соседями на возрастной лестнице... во всяком случае, живем мы на одной улице. Но вы почти автоматически предположили, что не просто старше, а *намного* старше. И вот обещанный вопрос. Вы готовы?

Розы неловко пожала плечами.

Он склонился к ней, внимательно глядя ей в глаза взглядом своих глаз с чарующим зеленоватым проблеском.

— Вы знаете, что красивы? — спросил он. — Это не комплимент и не заранее заготовленная фраза для подобного ужина с дамой; я спрашиваю из чистого любопытства. Скажите, вы *знаете*, что красивы? Наверное, нет, так ведь?

Она открыла рот. Но из глубины горла вырвался лишь едва слышный шум выдоха, похожий скорее на свист, чем вздох.

Он накрыл ее руку своей ладонью и слегка сжал. Прикосновение длилось недолго, однако ее нервные окончания будто поразил удар электрическим током, и секунду-другую она не видела ничего, кроме сидящего напротив мужчины — ничего, кроме его волос, губ и, самое главное, глаз. Остальной мир погрузился в небытие, словно они вдвоем оказались на сцене, где вдруг погасили все лампы, кроме одного-единственного яркого жаркого софита.

— Не надо насмехаться надо мной, — попросила она, и в этот раз ее голос отчетливо дрожал. — Пожалуйста, не смейтесь. Я этого не вынесу.

— Я никогда этого не сделаю, — произнес он рассеянно, словно данный предмет находился вне поля их обсуждения. — Но я буду говорить вам все, что вижу. — Улыбнувшись, он протянул руку, чтобы снова прикоснуться к ее руке. — Я *всегда* буду говорить вам то, что вижу. Обещаю.

Она заверила его, что ему совсем не обязательно подниматься по лестнице и провожать ее до самой двери, но он настоял на своем, и она обрадовалась. Когда официант принес бифштекс и жаркое, разговор перекинулся на менее личные темы — он пришел в восторг, выяснив, что упоминание о Роджере Клеменсе было не случайным, что она вполне уверенно ориентируется в бейсболе, и они долго обсуждали достоинства и недостатки городских команд, после чего естественно переключились с бейсбола на баскетбол. Она почти не вспоминала о Нормане до тех пор, пока они не сели в машину, чтобы вернуться домой. В этот момент она представила, каково будет открыть дверь и увидеть в комнате его, Нормана, сидящего на кровати с чашкой кофе, может быть рассматривающего висящую на стене картину с изображением женщины на вершине холма.

Потом, когда они поднимались по лестнице — Розы впереди, Билл на ступеньку или две сзади — у нее родился новый повод для беспокойства. Что случится, если он вздумает поцеловать ее на прощание? И что, если после поцелуя захочет зайти к ней?

«Разумеется, он захочет зайти, — произнес Норман тем тяжелым терпеливым тоном, к которому прибегал, когда старался не рассердиться на нее и все же не мог сдержать злость. — Более того, он будет настаивать. С чего бы тогда он тащил тебя в ресторан и вышвыривал полсотни баксов? Черт возьми, ты должна быть польщена — на улице полно шлюх, которые проявили бы гораздо большую уступчивость и за половину этой суммы. Он захочет войти, он захочет трахнуть тебя, и, наверное, это не худший вариант — может, после этого ты станешь меньше витать в облаках».

Ей удалось достать ключ из сумочки, не уронив его, но кончик ключа долго постукивал по металлическому кружку, категорически отказываясь находить замочную скважину в центре. Он накрыл ее руку своей и помог вставить ключ на место. Снова в момент прикосновения она ощутила легкий удар электрическим током и не смогла уйти от воспоминаний, которые вызвал у нее входящий в замочную скважину ключ.

Она открыла дверь. Нормана нет, разве что он прячется в душе или кладовке. Всего лишь приятная комната с кремовыми стенами, висящей у окна картиной и включенным над раковиной светом. Пока еще не дом, но гораздо ближе к дому, чем общая спальня в «Дочерях и сестрах».

— Вы знаете, очень даже неплохо, — задумчиво заметил он. — Не двухэтажный особняк в пригороде, но все же неплохо.

— Не хотите ли войти на минутку? — предложила она, с трудом шевеля совершенно бесчувственными губами, как будто ей сделали укол новокаина. — Я могла бы угостить вас чашечкой кофе...

«Великолепно! — завопил Норман из крепости в ее голове. — Сразу берем быка за рога, так, что ли? Ты угощаешь его чашечкой кофе, а он тебя — сливками. Не ожидал от тебя, крошка».

Билл, казалось, тщательно обдумал ее предложение, прежде чем отрицательно покачать головой;

— Мне кажется, это не самая подходящая мысль. По крайней мере, не сегодня. По-моему, вы не до конца представляете, как действуете на меня. — Он засмеялся чуточку напряженно. — Наверное, я и сам не до конца представляю, как вы на меня действуете.

Он заглянул ей через плечо и увидел нечто, заставившее его поднять кверху большой палец. — Все-таки вы оказались правы в отношении картины — в тот момент я ни за что бы не

признал этого, но вы были правы. Пожалуй, вы уже тогда знали, где ее повесите, признайтесь.

Она отрицательно покачала головой, расплываясь в довольной улыбке.

— Когда я выменяла у вас картину, то даже не подозревала о существовании этой комнаты.

— Тогда вы ясновидящая. Готов поклясться, лучше всего она смотрится на том месте, где ее повесили, в конце дня или начале вечера. Когда солнце подсвечивает ее сбоку.

— Да, она просто замечательная в это время, — подтвердила Роза, хотя могла добавить, что картина смотрится прекрасно в любое время суток.

— Насколько я понимаю, она вам еще не надоела?

— Ни капельки.

Мысленно она добавила: «И еще она выкидывает забавные фокусы. Подойди поближе и посмотри на нее внимательно. Может, тебе удастся рассмотреть нечто более интересное, чем женщине, которая собирается разmozжить тебе голову банкой фруктового коктейля. Скажи-ка, Билл, не кажется ли тебе, что картина неожиданно изменилась, перескочив с обычного экранного размера до „Синерамы-70“, или это плод моего воображения?» Но, конечно, ничего этого она не сказала вслух. Билл положил ей руки на плечи, и она посмотрела на него торжественно, как ребенок, готовящийся лечь в постель. Он наклонился и поцеловал ее в лоб, в гладкую точку, у которой сходятся линии бровей.

— Спасибо, что согласились поужинать со мной.

— Спасибо, что пригласили меня. — Она почувствовала, как по левой щеке скатилась теплая слезинка, и утерла ее тыльной стороной ладони. То, что он увидел ее слезу, не вызвало в ней ни стыда, ни страха; она чувствовала, что может доверить ему свою слезинку, и ощущение доставило ей удовольствие.

— Послушайте, — сказал он. — У меня есть мотоцикл — старый добрый «харлей-дэвидсон». Он большой и трескучий и иногда глохнет на перекрестке, если красный свет не включается слишком долго, но он удобный, а я на удивление надежный и осторожный мотоциклист. Один из шести владельцев «харлея» в Америке, которые надевают шлемы. Если погода в субботу будет хорошей, я мог бы заехать за вами утром. Я знаю отличное местечко милях в тридцати отсюда, у озера. Красота! Для купания еще холодно, но мы могли бы устроить небольшой пикник.

Несколько секунд она молчала, лишившись дара речи — ее потрясло, что он *снова* приглашал ее. Затем представила, как едет с ним на мотоцикле... как это будет выглядеть? Что она почувствует? Несколько мгновений Роза думала лишь о своих ощущениях: сидеть за его спиной на двух колесах и разрезать пространство со скоростью пятьдесят или шестьдесят миль в час. Крепко держаться за него руками. Совершенно неожиданно ее захлестнула горячая волна, похожая на приступ лихорадки, и она не поняла, что представляет собой эта волна, хотя вспомнила, что подобное происходило с ней и раньше, правда, очень, очень давно.

— Итак, Роза? Что скажете?

— Я... не знаю...

И что она *должна* сказать? Роза нервно дотронулась кончиком языка до верхней пересохшей губы, отвела от него взгляд в надежде собраться с мыслями и увидела пачку желтых листовок на кухонном столе. Снова поворачиваясь к Биллу, она ощутила одновременно разочарование и облегчение.

— Не могу. В субботу «Дочери и сестры» устраивают традиционный пикник. Это люди, которые помогли мне, когда я попала сюда, мои друзья. Софтбол, гонки, перетягивание каната, разные конкурсы, поделки — вы знаете, как это бывает. А вечером концерт для сбора средств. В этом году к нам приезжают «Индиго Герлс». Я обещала продавать футболки с пяти вечера и потому должна поехать на пикник. Я в большом долгу перед ними.

— Но я доставил бы вас к пяти часам без особых проблем,— не отступался он. — К четырем, если захотите.

Она действительно *хотела*... однако у нее имелось гораздо больше основания для отказа, нежели предстоящая продажа футболок. Поймет ли он, если она признается, в чем дело? Если скажет: «Я с удовольствием обняла бы тебя крепко-крепко, и ты помчался бы быстро-быстро, и мне хотелось бы, чтобы ты надел кожаную куртку, чтобы я могла прижаться щекой к твоему плечу, вдыхать приятный запах и слышать слабый скрип кожи при каждом твоём движении. Мне бы очень хотелось этого, но я боюсь того, что может открыться позже, когда наше путешествие подойдет к концу... я боюсь убедиться в правоте слов Нормана, засевших у меня в сознании, утверждающего, что тебе нужно именно то, а не другое. Больше всего меня пугает предстоящая проверка правильности основного постулата моего неудачного брака, о котором муж ни разу не говорил вслух, потому что в этом не было нужды: его отношение ко мне совершенно нормально, в нем нет ничего необычного. Дело не в боли, боль меня не страшит, я хорошо знакома с ней. Больше всего я боюсь, что этот маленький прекрасный сон закончится. Знаешь, я видела слишком мало хороших снов».

Она поняла, что должна сказать ему, но секундой позже поняла и то, что не может произнести этих слов хотя бы потому, что слишком часто слышала подобные фразы из уст киногероинь, в чьем исполнении они всегда смахивали на выть побитой собаки: «Не причиняй мне боли». Да, ей нужно сказать только это, и ничего больше. «Не причиняй мне боли, пожалуйста. Если ты сделаешь мне больно, лучшая часть меня умрет».

Но он ждал ответа. Ждал, что она вымолвит хоть *что-нибудь*.

Рози открыла рот, чтобы отказаться, чтобы сказать, что обязана присутствовать на пикнике и на концерте, что, возможно, они съездят на озеро как-нибудь в другой раз. Но затем ее взгляд случайно упал на картину, висящую на стене рядом с окном. Она бы не мешкала ни секунды, подумала Рози; считала бы часы и минуты, оставшиеся до субботы, а потом, удобно устроившись за его спиной на железном коне, на протяжении всей поездки колотила бы его кулаками по спине и требовала, чтобы он ехал быстрее, быстрее. На миг она буквально увидела ее, сидящую за Биллом, приподняв край мареновой тоги, чтобы удобнее было сжимать его обнаженными коленями.

Ее снова окатила горячая, в этот раз еще более мощная волна. И приятная.

— Хорошо, — проговорила она. — Согласна. При одном условии.

— Назовите его, — с готовностью откликнулся он, улыбаясь.

— Вы доставите меня в Эттингер-Пиер — пикник «Дочерей и сестер» проводится там — и останетесь на концерт. Билеты покупаю я. В качестве ответной любезности.

— Договорились, — мгновенно согласился он, — Могу я забрать вас в половине девятого, или это слишком рано? — Нет, нормально.

— Не забудьте натянуть куртку и даже, наверное, свитер потеплее. На обратном пути днем мы затолкаем их в багажник, но утром будет довольно, прохладно.

— Хорошо, — кивнула она, думая уже о том, что ей придется одолжить куртку и свитер у Пэм Хейверфорд, которая носила одежду почти одного с ней размера. Весь гардероб Рози на этом этапе жизни состоял из единственной легкой куртки, и бюджет не выдержал бы новых приобретений, во всяком случае, в ближайшее время.

— Тогда до встречи. И еще раз спасибо за сегодняшний вечер.

Он замешкался на мгновение, наверное, раздумывая, надо ли поцеловать ее еще раз, затем просто взял руку и легонько сжал.

— Это вам спасибо.

Повернувшись, он быстро побежал вниз по лестнице, словно мальчишка. Она невольно

сравнила его бег с нормановской манерой двигаться — либо неторопливой уверенной походкой (с наклоненной головой, словно он шел на таран), либо с резкой, ошеломляющей скоростью, которую трудно было в нем заподозрить. Она смотрела на его вытянутую тень на стене, пока та не исчезла, затем вошла в комнату, закрыла дверь, заперев на оба замка, и прислонилась к ней спиной, глядя на картину на противоположной стене.

Картина снова изменилась. Даже не видя с такого расстояния, она почти не сомневалась в этом.

Рози медленно пересекла комнату и остановилась перед картиной, слегка вытянув шею вперед и соединив руки за спиной, отчего сразу стала похожей на часто появляющееся в «Нью-Йоркере» карикатурное изображение любителя искусств, разглядывающего экспонаты в художественной галерее или музее.

Да, она увидела, что, несмотря на прежние физические размеры, картина снова каким-то непостижимым образом стала вместительнее. Ее рамки расширились. Справа, там, где сквозь высокую траву проглядывал слепой глаз упавшего каменного бога, она увидела нечто, напоминающее просеку в лесу. Слева, за женщиной на холме, она рассмотрела голову и шею маленького тощего пони. Глаза его были прикрыты шорами, пони пощипывал высокую траву. Он был запряжен — не то в тележку, не то в кабриолет или фаэтон с двумя сиденьями. Эта часть находилась за пределами картины, и Рози ее не видела (во всяком случае, пока). Однако она видела упавшую на траву тень от тележки и над ней другую тень — по-видимому, от головы и плеч человека. Кто-то, наверное, стоял за тележкой, в которую запряжен пони. Или же...

«Или же ты окончательно и бесповоротно выжила из ума, Рози. Не думаешь ли ты, что картина на самом деле становится больше? Или *вместительнее*, если так тебе больше нравится?»

Но правда состояла в том, что она *действительно* так считала, и происходящее скорее волновало ее, чем пугало. Рози пожалела, что не спросила мнения Билла; она хотела бы проверить, заметит ли он что-нибудь из того, что видит на картине она... или что ей *видится* на картине. «В субботу, — пообещала она себе. — Возможно, я спрошу его в субботу».

Она принялась раздеваться, и к тому времени, когда чистила зубы в ванной, из ее головы улетучились мысли о Мареновой Розе — женщине на холме. Она позабыла о Нормане, об Анне, о Пэм, о пикнике, о концерте «Индиго Герлс» в субботу вечером. Она вспоминала ужин с Биллом Штайнером, прокручивая его в голове минута за минутой, секунда за секундой.

Рози лежала на кровати, ожидая прихода сна, слушая стрекот сверчков, доносившийся из Брайант-парка.

Погружаясь в сон, она припомнила — без боли, как будто с большого расстояния — восемьдесят пятый год и дочь Кэролайн. Если принять точку зрения Нормана, то Кэролайн никогда и не существовало, и тот факт, что он согласился с робким предложением Розы назвать будущую дочь Кэролайн, ничего не менял. С точки зрения Нормана, существовал лишь головастик, который так и не успел превратиться во взрослую лягушку. Даже если это произошло с головастиком женского пола, как втемяшилось в слабую голову его жены. Восемистам миллионам красных китайцев от этого ни холодно, ни жарко, как говаривал Норман.

Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. Тяжелый год. Адский год. Она лишилась (*Кэролайн*) ребенка, Норман едва не потерял работу (даже, как она подозревала, с трудом избежал ареста), она попала в больницу со сломанным ребром, которое едва не пробило легкое, а в качестве десерта — теннисная ракетка. В тот год ее разум, на удивление крепкий до этого, начал немного сдавать, она почти не замечала, что полчаса, проведенные в кресле Винни-Пуха, пролетали как пять минут, и бывали дни, когда с момента ухода мужа на работу и до его возвращения домой она восемь или девять раз забиралась под душ.

Должно быть, она забеременела в январе, потому что ее начало тошнить по утрам, а в феврале не было месячных. История, приведшая к «служебному выговору» — тому, который сохранится в его личном деле до самого ухода на пенсию, — произошла с Норманом в марте.

«Как его звали? — спросила она себя, находясь в пограничном состоянии между сном и явью и на короткий миг возвращаясь к последней. — Человека, из-за которого все и началось, как его звали?»

Какое-то время она не могла вспомнить имени, зная лишь то, что это был чернокожий... клоун коверный, как не раз повторял Норман. Затем всплыло имя.

— Бендер, — пробормотала она в темноту, слыша приглушенный треск сверчков.

— Ричи Бендер. Вот как его звали.

«Восемьдесят пятый год». Адский год. Адская *жизнь*. А теперь эта жизнь. Эта комната. Эта кровать. И стрекот сверчков. Розы закрыла глаза и уснула.

Менее, чем в трех милях от своей жены Норман лежал на кровати, погружаясь в сон, постепенно соскальзывая в темноту и прислушиваясь к непрерывному шуму машин на Лейкфрант-авеню под окнами его номера на девятом этаже. Зубы и челюсти продолжали болеть, но боль поутихла, казалась теперь отдаленной, несущественной, погашенной смесью аспирина и виски.

Погружаясь в сон, он припомнил Ричи Бендера, словно они, Норман и Роза, сами того не сознавая, на короткое время соединились в телепатическом поцелуе.

— Ричи, — пробормотал он в полумраке гостиничного номера и положил руку на закрытые глаза. — Ричи Бендер, кретин поганый. Сукин ты сын, Ричи.

Суббота, это была суббота — первая суббота мая восемьдесят пятого года. Девять лет назад. В тот день около одиннадцати утра какой-то коверный клоун вломился в магазин самообслуживания «Пейлесс» на углу Шестидесятой и Саранака, всадил две пули в череп кассира, обчистил кассу и удалился восвояси. Пока Норман и его напарник допрашивали клерка в расположенном по соседству пункте приема стеклотары, к ним подошел еще один клоун, одетый в свитер с эмблемой «Буффало Биллз».

— Я знаю того ниггера, — заявил он.

— Какого ниггера, приятель? — уточнил Норман.

— Ниггера, который ограбил «Пейлесс», — ответил клоун. — Я стоял во-он возле того почтового ящика, когда он вышел из магазина. Его зовут Ричи Бендер. Он плохой ниггер. Приторговывает белой радостью в своем номере мотеля. — Он сделал неопределенный жест в сторону, где находился железнодорожный вокзал.

— И что же это за мотель? — спросил Харли Биссингтон. В тот неудачный день Норман работал в паре с Харли.

— Железнодорожный мотель, — ответил чернокожий клоун.

— Я полагаю, вам неизвестен номер его комнаты, — сказал Харли — Или же ваши познания, мой темнокожий друг, простираются так далеко, что вы можете сообщить нам даже номер комнаты, в которой проживает бесчестный злодей?

Харли почти всегда выражался так витиевато. Иногда его манера говорить вызывала улыбку у Нормана. Гораздо чаще она приводила его в бешенство, и ему хотелось схватить напарника за узкий маленький вязаный галстук и задушить на месте.

Темнокожий друг, разумеется, знал, в каком номере обитает злодей, и незамедлительно сообщил об этом двум полицейским. Несомненно, он и сам заглядывал в этот номер раза два-три в неделю, — а то и пять-шесть, если позволял текущий приток наличности, — покупая героин у плохого ниггера Ричи Бендера. И этот темнокожий друг, и все его темнокожие друзья-клоуны. Возможно, этот темнокожий друг затаил обиду на плохого ниггера Ричи Бендера или же влез в долги, однако Норман и Харли не стали его расспрашивать; все, что желали знать двое колов, — это где в данный момент находится Ричи Бендер, чтобы сцапать его за задницу, доставить в участок и покончить с очередным делом до обеда.

Коверный клоун в свитере с эмблемой «Буффало Биллз» не смог припомнить номер комнаты, но описал им, где она расположена, на первом этаже в главном корпусе между автоматами по продаже кока-колы и газет.

Норман и Харли бросились к железнодорожному мотелю, отнюдь не числившемуся в полицейских списках самых злочных притонов города, и постучали в дверь между автоматом, выдающим кока-колу, и автоматом по продаже газет. Им открыла шлюховатого вида черномазая

девочка в полупрозрачном халатике, позволявшем всласть полюбоваться видом ее бюстгальтера и трусиков. Она явно находилось под кайфом. Двое полицейских увидели на телевизоре три пустых пузырька, в которых запросто могло храниться зелье, когда же Норман спросил, где Ричи Бендер, девчонка совершила ошибку, расхохотавшись ему в лицо.

— Никакого Бендера я не знаю и знать не хочу, — заявила она — А теперь давайте, парни, проваливайте отсюда.

До этих пор все отчеты сходятся, однако затем в приводимых свидетельствах имеются значительные противоречия. Норман и Харли хором заявили, что мисс Уэнди Ярроу (которую той весной и следующим летом на кухне дома Нормана чаще называли «черномазой сучкой») выхватила из сумочки пилочку для ногтей и нанесла ею две раны Норману. Верно, на лбу и на правой ладони у него осталось два неглубоких длинных пореза, однако мисс Ярроу утверждала, что ладонь он разрезал себе сам, а второй порез — дело рук его напарника. Это они сделали после того, продолжала мисс Ярроу, как втолкнули ее внутрь двенадцатого номера, разбили ей нос, сломали четыре пальца, превратили в крошку кость ступни, надавливая ногой изо всех сил (по очереди, утверждала она), вырвали добрую половину волос и наградили парой дюжин ударов в нижнюю часть живота. Ищейкам из отдела внутренних расследований она заявила: тот, что пониже, изнасиловал ее. Другой, широкоплечий, тоже пытался последовать его примеру, но поначалу не мог совладать с инструментом, который упрямо отказывался подниматься. Он несколько раз укусил ее за груди и плечи и лишь после этого пришел в готовность, но не успел воспользоваться эрекцией. «Хотел всунуть, да кончил, — сообщила мисс Ярроу сотрудникам отдела внутренних расследований, — забрызгал мне все ляжки. А потом снова принялся бить. Он сказал, что хочет поговорить со мной начистоту. Только почти весь разговор свелся к кулакам».

Теперь же, лежа на постели в номере отеля «Уайт-стоун», на простынях, которые держала в руках его жена, Норман перевернулся на бок и попытался выбросить из головы неприятные воспоминания о восьмидесяти пятом годе. Мысли упрямо возвращались к нему. Ничего удивительного; всякий раз, когда он начинал думать о том печальном дне, его словно заклинивало и он не мог избавиться от навязчивых воспоминаний.

«Мы совершили ошибку. Мы доверились коверному клоуну в свитере с эмблемой „Буффало Биллз“.»

Да, это было ошибкой, притом довольно грубой. А потом они поверили, что женщина, которая по виду вполне могла являться подружкой Ричи Бендера, находится в его номере, и это стало либо второй ошибкой, либо продолжением первой, что, впрочем, не имеет решающего значения, поскольку результат в любом случае один и тот же. Мисс Уэнди Ярроу оказалась занятой неполный день официанткой, работающей опять же неполный день проституткой, законченной наркоманкой, однако она находилась не в комнате Ричи Бендера, собственно, она даже не подозревала, что на планете существует такое создание, как Ричи Бендер. Как выяснилось позже, Ричи Бендер действительно ограбил магазин, попутно прикончив кассира, но его номер располагался не между автоматами по продаже кока-колы и газет — там проживала Уэнди Ярроу, и мисс Ярроу пребывала в одиночестве, по крайней мере, в тот невезучий день.

Комната Ричи Бендера оказалась *по другую сторону* от автомата по продаже кока-колы. Ошибка едва не стоила Норману Дэниэлсу и Харли Биссингтону работы, но, в конце концов, сыщиков из отдела внутренних расследований удалось убедить в правдивости истории с пилочкой для ногтей, а кроме того, судебная экспертиза не обнаружила следов спермы, чтобы подтвердить истинность выдвинутых мисс Ярроу обвинений в изнасиловании. Ее утверждение о том, что старший из двух полицейских воспользовался презервативом, который затем спустил в унитаз, так и осталось голословным.

Однако неприятности этим не исчерпывались. Даже самые снисходительные из работников отдела вынуждены были признать, что Норман Дэниэлс и Харли Биссингтон малость хватили через край, пытаясь утихомирить не отличающуюся особой физической силой взбесившуюся дикую кошку с пилочкой для ногтей; например, требовалось как-то объяснить несколько сломанных пальцев. Отсюда и официальный выговор. Да и выговором все не завершилось. Упрямая стерва раскопала этого лысого еврейчика...

В мире полно упрямых сучек. Взять его жену, к примеру. Только с этой сучкой он все-таки разберется... при том условии, конечно, что ему удастся хоть немного поспать.

Норман перевернулся на другой бок, и тяжелые воспоминания из восьмидесят пятого года начали наконец постепенно таять.

— В самый неожиданный момент, Роуз, — пробормотал он. — Я приду за тобой, когда ты меньше всего ожидаешь меня.

«Кажется, он называл ее „черномазой сучкой“, — подумала Роза, лежа в своей кровати. Ее сознание балансировало на грани сна, однако еще не перешагнуло за нее, она по-прежнему слышала доносящийся из парка стрекот сверчков. — „Черномазая сучка“. До чего же он ее ненавидел!»

Да, он искренне ненавидел ее. Во-первых, из-за того, что в результате у него возникли неприятности с отделом внутренних расследований. Норману и Харли Биссингтону с большим трудом удалось сохранить свои шкуры в неприкосновенности. «Черномазая сучка» подыскала себе адвоката (лысого еврейчика, как говорил Норман), который раздул из случившегося громадную шумиху. В деле фигурировали Норман, Харли, все полицейское управление. Затем, незадолго до того, как у Розы случился выкидыш, Уэнди Ярроу убили. Ее труп обнаружили за элеватором на западном берегу озера. Осмотр засвидетельствовал более ста ножевых ранений, у нее были отрезаны груди.

«Какой-то псих, — сообщил Норман жене, и хотя на его лице не вспыхнула улыбка после того, как он положил телефонную трубку — кто-то из управления не на шутку волновался, раз решил позвонить ему домой, — в его голосе она услышала плохо скрываемое удовлетворение. — Она слишком часто садилась за игровой стол, и дождалась, пока из колоды выскочил ягуар. Издержки профессии».

Затем он дотронулся до ее волос, очень нежно погладил их и улыбнулся. Не той кусачей улыбкой, от которой ей всегда хотелось кричать, тем не менее, она почувствовала, что из горла рвется крик, потому что поняла — вот так вот в одну секунду взяла и поняла, — что случилось с «черномазой сучкой».

«Видишь, как тебе повезло? — спросил он, поглаживая большой ладонью то ее затылок, то плечи, то грудь. — Видишь, как тебе повезло, что не нужно зарабатывать на панели, Роуз?»

Затем — может, через месяц, может, через полтора — он пришел из гаража, застал ее с книгой в руках и решил, что настала пора поговорить о ее литературных вкусах. Поговорить начистоту. Тысяча девятьсот восемьдесят пятый адский год. Роза лежала на кровати, сунув руки под подушку и погружаясь в сон под аккомпанемент доносившегося из парка, проникавшего через окно пения сверчков; они трещали так близко, словно комната по мановению волшебной палочки перенеслась на открытую поляну в парке, и она подумала о женщине с прилипшими к мокрому от пота и слез лицу волосами, забившейся в угол с твердым, как камень, животом, женщине, которая, закатив глаза, прислушивалась к щекочущим внутреннюю поверхность бедер зловещим поцелуям, удаленной на многие годы от одной-единственной капли крови на пододеяльнике, не ведавшей ни о существовании «Дочерей и сестер», ни о том, что в мире есть мужчины вроде Билла Штайнера, — о женщине, молившей Бога, чтобы тот предотвратил выкидыш, не допустил конца ее короткой сладкой мечты, и которая решила потом, когда это произошло, что, вероятно, все к лучшему. Ей было известно, как Норман выполняет свои обязанности мужа: кто знает, каким он стал бы отцом?

Мягкий треск сверчков убаюкивал, навевал сон, и ей показалось, что она даже слышит запах травы — пьяняще-приторный аромат зрелой травы, совсем неуместный в мае. Запах ассоциировался с августовскими спелыми лугами.

«Я никогда раньше не чувствовала, чтобы запах травы из парка проникал в комнату, — подумала она сонно. — Не любовь ли — ну хорошо, пусть просто увлечение — так действует на тебя? Не обостряет ли она все органы чувств, одновременно сводя тебя с ума?»

Очень далеко она услышала раскаты грома» И это тоже показалось ей странным, потому

что, когда Билл привез ее домой, небо было чистым и безоблачным — выйдя из машины, она подняла голову и удивилась огромному количеству звезд, заметных даже в ярком свете оранжевых уличных фонарей.

Она погружалась, растворялась, уходила в единственную лишнюю сновидений ночь, которая ей оставалась, и последней мыслью перед тем, как темнота поглотила ее окончательно, было: «Как я могу слышать сверчков или чувствовать запах травы? Окно ведь закрыто; я опустила его перед тем, как лечь в постель. Опустила и закрыла на задвижку».

В четверг в конце дня Роза, словно на крыльях, влетела в «Горячий горшок». Заказав чашку чая и сдобную булочку, она села за столик у окна и, медленно пережевывая булочку и запивая ее крошечными глотками чая, принялась наблюдать за нескончаемой рекой прохожих, текущей за окном, — большей частью конторских служащих, направляющихся домой после очередного трудового дня. Вообще-то теперь, когда она не работала в «Уайтстоуне», «Горячий горшок» оказался в стороне от ее ежедневных маршрутов, и все же ноги сами принесли Розу сюда, возможно потому, что здесь они с Пэм выпили столько приятных чашек чая после работы, возможно оттого, что любовь к новизне ей не была свойственна — во всяком случае, пока не проявилась, — а это кафе она знала и испытывала к нему доверие.

Они закончили запись «Сияющего луча» в два часа пополудни, и она уже потянулась за лежавшей под столом сумочкой, когда в динамиках прозвучал голос Роды Саймонс.

— Не хотите ли передохнуть немного перед тем, как начать следующую книгу, Рози? — спросила она. За секунду мечты Рози воплотились в реальность. Если раньше она всего лишь надеялась, что получит и остальные три книги Белл (Расина), *верила*, что получит их, но с реальностью *знания* того, что ее ждет новая работе, сравниться не могло ничто.

Но этим все не завершилось. В четыре часа, когда они уже углубились на две главы в новый, полный страстей триллер, который назывался «Убей все мои завтра», Рода объявила о конце работы и попросила Рози присоединиться к ней на несколько минут. Они отправились в женский туалет.

— Я понимаю, это звучит кошмарно, — сказала Рода, — но еще пять минут, и я подохла бы без сигареты, а во всем этом проклятом дворце сортир — единственное место, где я могу позволить себе сделать несколько затяжек. Издержки современной сучьей жизни, Рози.

В туалете Рода достала тонкую длинную сигарету «Мор» и с уверенностью, выдававшей давнюю привычку, легко взгромоздилась на полке между двумя раковинами. Она заложила ногу за ногу, зацепившись левой ступней за икру правой ноги, и окинула Рози оценивающим взглядом.

— Мне нравятся ваши волосы.

Рози машинально провела по ним рукой. Новая прическа стала результатом внезапной прихоти, возникшей в тот момент, когда прошлым вечером она проходила мимо салона красоты, и обошлась в пятьдесят долларов, целые полсотни, которые она никак не должна была тратить... и все же не удержалась и потратила.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Знаете, Робби собирается предложить вам контракт.

Нахмурившись, Рози покачала головой.

— Нет, я *не* знала об этом. О чем вы говорите?

— Может, он и похож на старичка, раздающего билетки благотворительной лотереи, но не забывайте, что он работает в звукозаписи с семьдесят пятого года и понимает, насколько вы хороши. Он знает это лучше, чем вы сами. Вы полагаете, что многим ему обязаны, так ведь?

— Я *знаю*, что в долгу перед ним, — уточнила Рози. Ей не нравилось, как развивалась беседа; она напоминала шекспировские пьесы, в которых люди всаживают кинжалы в спины друзей, а потом произносят длинные лицемерные монологи, оправдывая свой поступок велением рока.

— Только пусть ваше чувство благодарности не мешает коммерческим интересам, — посоветовала Рода, стряхивая пепел в раковину и смывая его струей воды из крана.

— Мне неизвестна история вашей жизни, да я и не особенно хочу ее знать, но я знаю, что вы прочли «Сияющий луч» за сто четыре сеанса, а это одуриительно феноменальный результат, ваш голос звучит не хуже, чем голос молодой Элизабет Тейлор. А еще я вижу — это написано у вас на лбу огромными буквами — что вы одна-одинешенька и не привыкли к такому положению дел. Вы *tabula rasa*, и это вызывает у меня серьезные опасения. Вы знаете, что сие означает?

Рози была не совсем уверена — что-то, касающееся наивности, если не ошибается, — но сообщать об этом Роде не собиралась.

— Да, конечно.

— Хорошо. И пожалуйста, поймите меня правильно, Бога ради — я не намерена вести

грязные игры за спиной Робби, у меня и в мыслях нет желания отхватить от вашего пирога кусок для себя. Я *болею* за вас. И Робби тоже, и Куртис. Но сложность в том, что Робби одновременно думает и о своем кошельке. Аудиокниги все еще остаются относительно новой областью. По сравнению с кинобизнесом мы до сих пор находимся на стадии немого кино. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Во всяком случае, стараюсь понять.

— Когда Робби слушает, как вы читаете «Сияющий луч», он мысленно видит аудиовersion Мэри Пикфорд. Как бы глупо это ни звучало, я знаю, что это правда. Плюс ко всему история вашей встречи, которая только усиливает его фантазию. Легенда гласит, что Лану Тернер нашли в аптеке «Швабе». Могу сказать, что Робби уже сочиняет легенду о том, как увидел вас в лавке своего приятеля-ростовщика Штайнера, где вы рассматривали старые открытки.

— Значит, он так сказал? — спросила Роза, чувствуя в душе прилив почти любовной теплоты к Робби Леффертсу.

— Так-то оно так, но — где он вас нашел и чем вы там занимались в тот момент, не имеет отношения к делу. А дело заключается в том, что вы *хороши*, Роза, вы по-настоящему, по-настоящему талантливы. Вы словно рождены для такой работы. Верно, вас раскопал Роб, но это не дает ему права эксплуатировать ваш голос. Постарайтесь не попасться в его мышеловку.

— Он на такое не способен, — покачала головой Роза.

В душе ее бесновались возбуждение и страх, к которым примешивалась неприязнь к циничности Роды, однако все чувства подавлял мощный фонтан радости и облегчения, с ней все будет в порядке, ей не придется трястись над каждым центом еще какое-то время. А если Робби *действительно* предложит ей контракт, то это самое «какое-то время» может растянуться надолго. Рода легко проповедовать деловую осмотрительность, Рода не жила в одной комнате в трех кварталах от района города, где нельзя оставить машину без присмотра, если не хочешь лишиться радиоприемника и колесных дисков, Рода имеет мужа бухгалтера, дом в престижном пригородном районе и новенький серебристый «ниссан». Рода носит в сумочке кредитные карточки «VISA» и «Американ экспресс». Более того, у Роды есть карточка «Блу кросс», а в банке на ее счету достаточно денег для того, чтобы не бояться потерять работу. Для людей вроде Роды, подумала Роза, проявлять осмотрительность в деловых вопросах так же естественно, как дышать.

— Вероятно, и нет, — согласилась Рода, — но вы можете оказаться золотой жилой, Роза, а люди подчас сильно изменяются, если им удастся напасть на золотую жилу. Даже такие хорошие, как Робби Леффертс.

Теперь же, сидя с чашкой чая за столиком в «Горячем горшке» и глядя в окно на прохожих, Роза вспомнила, как Рода сунула сигарету под струю воды, бросила ее в урну и подошла к ней.

— Я понимаю, вы сейчас в такой ситуации, когда постоянная работа имеет огромное значение, и я совсем не хочу сказать, что Робби плохой человек — мы работаем вместе с небольшими перерывами с восемьдесят второго года, и я знаю, что это не так, — и все же советую вам присматривать и за журавлем в небе, а не только стремиться не выпустить из рук синицу. Вы меня понимаете?

— Не уверена.

— Для начала не соглашайтесь больше чем на шесть книг. С восьми утра до четырех дня здесь, в «Тейп Энджин». Тысяча в неделю.

Роза ошарашено уставилась на нее; ей показалось, что кто-то просунул ей в горло шланг пылесоса и выкачал из легких воздух до последней капли.

— Тысяча долларов в *неделю*, вы сошли с *ума*!

— Спросите Куртиса Гамильтона, считает ли он меня сумасшедшей, — спокойно возразила

Рода. — Не забывайте, дело не только в голосе, но и в скорости записи. На «Сияющий луч» вам понадобилось сто четыре сеанса. Никто из тех, с кем я работала, не уложился бы и в две сотни. Вы великолепно владеете голосом, но что меня поражает больше всего, так это контроль дыхания. Если вы не занимались пением, каким образом, черт возьми, вам удалось добиться такого контроля?

Кошмарное воспоминание стало ответом на вопрос режиссера: она сидит в углу гостиной, чувствуя, как наливаются кровью почки, булькающие, словно два больших полиэтиленовых пакета, наполненных горячей водой, она сидит в углу, держа перед собой фартук и молит Бога, чтобы он помог ей перебороть тошноту, потому что во время рвоты ей ужасно больно, во время рвоты в почки словно втыкаются длинные шершавые занозы. Она сидит, сжавшись в комок, в углу и делает долгие плавные вдохи и медленные мягкие выдохи, потому что они помогают лучше всего; она пытается совместить бешеный ритм сорвавшегося на галоп сердца с более спокойным ритмом дыхания, сидит и слушает, как Норман на кухне готовит себе бутерброд, мурлыкая под нос какую-то мелодию своим на удивление приятным тенором.

— Не знаю, — сказала она Роде. — Я понятия не имела, что такое контроль дыхания, пока не познакомилась с вами. Наверное, я просто родилась с ним.

— Значит, на вас стоит еще одна печать божественного благословения. Ну да нам пора возвращаться. Не то Куртис подумает, что мы занимаемся маленькими женскими шалостями.

Робби позвонил из своей конторы в центре города, чтобы поздравить ее с окончанием «Сияющего луча» — в самом конце дня, когда она уже собиралась уходить, — и хотя слово «контракт» в беседе не упоминалось, он все же пригласил ее поужинать с ним в пятницу, чтобы они могли обсудить, как он выразился, «условия дальнейшего делового сотрудничества». Роза приняла приглашение и повесила трубку, пребывая в замечательнейшем расположении духа. Она подумала, что описание Роды в точности соответствует внешности Робби Леффертса: он действительно смахивает на старого коротышку, распространяющего благотворительные лотерейные билеты или раздающего карточки с предсказанием судьбы.

Положив трубку телефона в личном кабинете Куртиса — забитой всякой всячиной крошечной камерке с сотнями визиток, прищипленных булавок к стенам, — она вернулась в студию за сумочкой. Рода ушла, по-видимому, на последний перекур в женском туалете. Курт помечал коробки с магнитофонными бобинами. Оторвавшись на секунду от работы, он ободряюще улыбнулся ей.

— Вы сегодня в ударе, Роза.

— Спасибо.

— Рода говорит, Робби собирается предложить вам подписать контракт.

— Мне она тоже сообщила, — подтвердила Роза. — И я хотела бы, чтобы она не ошиблась.

Постучим по дереву.

— Я посоветовал бы вам не забывать об одной вещи, пока будете торговаться, — сказал Куртис, укладывая коробки с бобинами на верхнюю полку, где уже стояло множество им подобных, выстроившихся, словно тонкие белые книги. — Если вам подбросили пятьсот долларов за «Сияющий луч», то Робби получил гораздо больше... потому что вы сэкономили доллары на семьсот студийное время. Понимаете?

Да, она все поняла и теперь сидела в «Горячем горшке», и будущее представлялось ей в неожиданно ярких красках. У нее есть друзья, у нее появился дом, у нее работа и перспектива еще лучшей работы после того, как разделается с Кристиной Белл. Контракт может принести ей целых четыре тысячи долларов в месяц — больше, чем зарабатывал Норман. Невероятно, но это правда. Может быть правдой, поправила она.

Да, она совершенно забыла еще об одном. На субботу у нее назначено свидание... на всю

субботу, если считать и вечерний концерт «Индиго Герлс».

Лицо Розы, обычно серьезно-сосредоточенное, расплылось в сияющей улыбке, и она почувствовала абсолютно неуместное желание обнять себя. Сунув в рот последний кусок булочки, она снова посмотрела в окно, удивляясь тому, что все это происходит с ней на самом деле, тому, что в реальном мире попадаются все-таки люди, которые, выйдя из тюрьмы, поворачивают направо... и оказываются в раю.

В половине квартала от «Горячего горшка» на светофоре погасло «СТОЙТЕ» и загорелось «ИДИТЕ». Пэм Хейверфорд, сменившая белую униформу горничной на элегантные красные слаксы, перешла улицу вместе с десятком других пешеходов. Сегодня она задержалась в «Уайтстоуне» на час позже обычного, и у нее не было ни малейших оснований надеяться застать Розы в «Горячем горшке»... тем не менее, она думала увидеть ее там. Назовите это женской интуицией, если хотите.

Она бросила короткий взгляд на коренастого широкоплечего мужчину, пересекавшего улицу рядом с ней, — мужчину, которого, как ей показалось, она видела у газетного киоска в «Уайтстоуне» несколько минут назад. Он сошел бы за «кое-кого интересного», если бы не глаза... в которых отсутствовало какое бы то ни было выражение. В тот момент, когда они оба ступили на тротуар на другой стороне улицы, он окинул ее изучающим взглядом, и по спине Пэм пробежал холодок от полного отсутствия эмоций в его взгляде, словно там, за внимательными зрачками, *пустота*.

В «Горячем горшке» Розы вдруг решила, что одной чашки чая ей мало. У нее не было ни малейших оснований надеяться, что Пэм может заглянуть в кафе — рабочий день уже час как закончился, и тем не менее она думала встретить ее там. Возможно, это женская интуиция. Она встала из-за стола и направилась к стойке.

А маленькая шляха рядом с ним ничего себе, решил Норман; обтягивающие красные штанишки, кругленькая маленькая попка. Он приотстал на пару шагов, чтобы насладиться видом с более удобной точки, но почти в тот же момент она юркнула в дверь маленького кафе. Проходя мимо, Норман глянул в окно, но не заметил ничего интересного — всего-навсего кучка старых кошелок, жующих утиное дерьмо и пускающих пузыри в чашках кофе и чая, да несколько официантов, снующих между столиками своей вихляющей женоподобной походкой.

«Старушкам, должно быть, такая походка нравится, — подумал Норман. — Женоподобная походка, наверное, приносит дополнительные чаевые». Пожалуй, он прав. С чего бы еще взрослым мужчинам так вилять бедрами? Очевидно, они *все* гомики... возможно ли такое?

Его направленный внутрь «Горячего горшка» взгляд — короткий и равнодушный — на миг скользнул по одной леди, резко отличавшейся по возрасту от голубоволосых напудренных мумий, сидевших за столиками. Она шла от окна к расположенной в дальнем конце помещения стойке. Он быстро опустил взгляд ниже талии, потому что его взгляд *всегда* обращался на эту часть женского тела, когда на пути попадалась сучка моложе сорока лет, и решил, что бабенка неплоха, хотя, впрочем, и не представляет собой ничего особенного.

«Такая же задница была у Роуз, — подумал он. — До тех пор, пока она не перестала следить за собой, пока не растолстела, как квочка».

И еще он отметил, что у направлявшейся к стойке женщины бесподобные волосы, собственно, гораздо лучше, чем попка, однако ее прическа не заставила его вспомнить о жене. Роуз, которую мать Нормана всегда называла брюнеткой, уделяла минимум внимания своим волосам (Норман считал, что большего, учитывая их невзрачный мышинный окрас, они и не заслуживали). Стягивала их обычно на затылке в лошадиный хвост и перехватывала резинкой; если они выходили в ресторан или в кино, вплетала эластичную цветную ленту, какие продаются в киосках на каждом углу.

Женщина, на которую упал случайный взгляд Нормана, была не брюнеткой, а узкобедрой блондинкой, и волосы ее не стянуты в лошадиный хвост на затылке. Они опускались до середины спины аккуратно заплетенной косой.

Пожалуй, лучшим событием за весь день, лучшим даже, чем ошеломляющее известие о том, что она, возможно, стоит для Робби Леффертса тысячу долларов в неделю, стало выражение лица Пэм Хейверфорд, когда Рози отвернулась от кассового аппарата с новой чашкой чая и шагнула навстречу подруге. Сначала взгляд Пэм равнодушно скользнул по ней, не узнавая... потом внезапно вернулся, глаза мгновенно округлились. Губы Пэм разъехались в улыбке, она буквально *завизжала*, перепугав пожилых чопорных дам, составлявших основную массу посетителей кафе.

— Рози? Ты? О... Боже... *Боже мой!*

— Это я, — ответила Рози, смеясь и заливаясь краской смущения. Она чувствовала, что люди оборачиваются, чтобы посмотреть на нее, и обнаружила — чудо из чудес, — что ни капельки не против.

Они прошли с чаем к своему любимому столику у окна, и Рози даже позволила подруге уговорить ее на вторую булочку, хотя с момента приезда в город похудела на пятнадцать фунтов и не собиралась набирать их, если получится.

Пэм все повторяла, что не *верит*, просто не *верит* своим глазам, и Рози могла бы отнести ее слова к обычной женской восторженности и склонности к комплиментам, если бы не взгляд Пэм, который то и дело возвращался к ее волосам, словно подруга отказывалась верить тому, что видела.

— Слушай, ты помолодела лет на пять! — воскликнула Пэм. — Черт возьми, Рози, это просто фантастика! Ты выглядишь супер!

— За пятьдесят долларов я должна переплюнуть Мэрилин Монро, — ответила Рози с улыбкой... но после разговора с Родой сумма, потраченная в салоне красоты, уже не представлялась ей такой значительной, как раньше.

— Где ты?.. — начала было Пэм, но остановилась. — Это с картины, которую ты купила, верно? Ты сделала себе такую же прическу, как у женщины на картине.

Рози ожидала, что покраснеет при этих словах, но щеки оставались холодными.

— Мне понравился ее стиль, и я решила попробовать, пойдет ли он мне. — Она помедлила, затем добавила: — А что касается нового цвета, так я сама до сих пор не могу поверить, что решилась на такое. Между прочим, я впервые в жизни покрасила волосы.

— Впервые!.. Нет, я отказываюсь верить!

— Честно.

Пэм наклонялась через стол, и, когда заговорила, голос ее превратился в эмоциональный шепот заговорщицы.

— Значит, это все-таки случилось, да? — Не понимаю, о чем ты. Что случилось? — Ты познакомилась с кем-то интересным.

Рози открыла рот. Закрыла его. Открыла опять, не имея ни малейшего представления о том, что собирается сказать. Как оказалось, ничего; вместо слов с ее губ сорвался смех. Она смеялась до тех пор, пока не расплакалась, и прежде, чем смогла справиться с собой, к ней присоединилась Пэм.

Рози не понадобился ключ, чтобы отпереть дверь подъезда дома номер восемьсот девяносто семь по Трентон-стрит — в будние дни ее не закрывали до восьми вечера, — однако она достала маленький ключ, чтобы открыть почтовый ящик (с приклеенной полоской бумаги, где крупными буквами стояло: Р. МАККЛЕНДОН — гордое подтверждение того, что она проживает здесь, о да), который оказался пуст, если не считать рекламного листка магазина «Уол-Март». Поднимаясь по лестнице на второй этаж, она встряхнула связку и нашла другой ключ. Им она открыла дверь в свою комнату, и ключ этот существовал лишь в двух экземплярах, второй находился у коменданта здания. Комната, как и почтовый ящик, принадлежит ей. Ноги гудели от усталости — она прошла пешком все три мили от кафе в центре города, чувствуя себя слишком взволнованной и счастливой для того, чтобы просто сесть в автобус, а кроме того, прогулка дала ей время на размышления и мечты. Две булочки, съеденные в «Горячем горшке», не утолили голод, но слабое урчание в желудке, скорее, усиливало ощущение счастья, чем отвлекало от него. Бывало ли хоть раз в жизни, чтобы на нее разом свалилось столько радости? Наверное, нет. Эмоции захватили ее полностью, и хотя ноги болели от длительной ходьбы, она ощущала необычайную легкость. Несмотря на продолжительную прогулку, она ни разу не вспомнила о своих почках.

Теперь же открывая дверь комнаты (в этот раз она не забыла запереть ее за собой), Рози снова рассмеялась. Пэм, как всегда, в своем репертуаре "*Кто-то интересный*". Подруга заставила ее исповедаться, и Рози пришлось рассказать о некоторых своих новостях — в конце концов, она же собиралась в субботу вечером привести Билла на концерт «Индиго Герлс», где женщины из «Дочерей и сестер» все равно увидят его, — но когда принялась возражать против того, что новый цвет волос и коса якобы появились в результате знакомства с молодым человеком (здесь она чувствовала, что не грешит против истины), Пэм в ответ лишь комично закатила глаза и хитро подмигнула. Это раздражало ее... и одновременно доставляло удовольствие.

Она открыла окно, впуская в комнату приятный весенний воздух и звуки парка, затем перешла к маленькому кухонному столику, на котором рядом с книгой в мягкой обложке лежали подаренные Биллом в понедельник цветы. Букет увядал, но она не решалась выбросить его. Нет, не сейчас, она сохранит его, по крайней мере, до субботы. Прошлой ночью Билл приснился ей, она во сне каталась с ним на мотоцикле. Он ехал все быстрее и быстрее, и в какой-то момент ей пришло на ум странное, удивительное слово. Волшебное слово. Теперь она забыла, как оно звучало, что-то бессмысленное вроде «деффл» или «феффл», однако в сновидении слово показалось ей прекрасным... и могущественным. Она вспомнила, что думала во сне: «Не произноси его, пока не поймешь, что готова; только потом». Они мчались по неизвестной дороге далеко от города, слева громоздились высокие холмы, справа за ветками сосен мелькали голубизна озера и золото солнечных бликов на его поверхности. Впереди возвышался поросший густой травой холм, и Рози знала, что у подножия холма с другой стороны находится разрушенный храм. «Не произноси его, пока не поймешь, что готова до конца пожертвовать собой, и душой, и телом».

Она произнесла волшебное слово; оно сорвалось с ее языка, как разряд молнии. Колеса «харлей-дэвидсона» сорвались от дороги, какое-то мгновение она продолжала видеть переднее колесо, все еще вращающееся, но теперь поднявшееся над землей на шесть или семь дюймов — и еще она видела их собственные тени но не в стороне, а прямо *под* ними. Билл повернул ручку газа, и они неожиданно взмыли вверх, к чистому голубому небу, выныривая из просеки —

которую образовывала проходящая среди деревьев дорога, — подобно подводной лодке, поднимающейся из глубин к поверхности океана, и, проснувшись, дрожа и одновременно задыхаясь от запрятавшегося, казалось, в самой глубине ее тела внутреннего жара, невидимого, но мощного, как солнце во время полного затмения, она долго приходила в себя, расправляя скомканные простыни.

Рози очень сомневалась, что в субботу им удастся полетать хотя бы чуть-чуть, сколько бы волшебных слов она ни повторяла, и все же решила, что сохранит букет еще немного. Может, даже сунет пару маргариток между страницами этой самой книги.

Она купила ее в «Мечтах Элайн», в том самом салоне красоты, где ей сделали новую прическу. Книга называлась «Просто и элегантно: десять причесок, которые вы можете сделать дома».

— Здесь вы найдете хорошие рекомендации, — заверила ее Элайн. — Разумеется, лучше, когда вашими волосами занимается профессионал, поверьте мне, но если вы не можете посещать салон раз в неделю из-за отсутствия денег или времени, а вызов стилиста на дом равносителен самоубийству, книжка станет вполне приемлемым подспорьем. Только, ради Бога, пообещайте мне, что, если какой-то молодой человек пригласит вас на вечеринку в кантри-клубе где-нибудь в Уэствуде, вы сначала заглянете ко мне.

Рози села за стол, открыла книгу, перелистала несколько страниц и нашла прическу номер три, «классическую косу»... которая, как сообщалось в первом абзаце, известна также под названием «классическая французская коса». Она просмотрела черно-белые снимки, на которых женщина заплетала длинные волосы в косу, и, добравшись до конца, принялась проделывать всю процедуру в обратном порядке, расплетая волосы.

Эта часть оказалась намного проще утренней; ей понадобилось сорок пять минут и несколько отборных ругательств, чтобы хоть приблизительно привести волосы в тот вид, какой они имели предыдущим вечером, когда она покинула салон красоты Элайн. Впрочем, затраченные усилия того стоили; подтверждением этому явился восторженный визг Пэм в «Горячем горшке».

Когда работа над прической приближалась к концу, мысли ее вернулись к Биллу Штайнеру (от которого, собственно, далеко и не удалялись), и она задумалась, понравится ли ему новый стиль. Одобрит ли он новый *цвет* волос? Заметит ли вообще перемены? Она не знала, обрадуется или расстроится, если Билл даже не обратит на это внимания. Рози вздохнула и сморщила нос. Конечно же, она расстроится. С другой стороны, что если он не только заметит, но и отреагирует, как Пэм (за вычетом визга, разумеется)? Возможно, он даже заключит ее в объятия, как любят писать авторы сентиментальных романов...

Она протянула руку к сумочке, чтобы взять расческу, постепенно погружаясь в приятные фантазии на тему предстоящей субботы — воображая, как Билл перевязывает конец ее косы яркой бархатной лентой (каким образом у современного молодого человека в кармане оказалась бархатная лента, оставалось неясным; впрочем, многие мечты, из тех, что рождаются и умирают за кухонным столом, совсем не нуждаются в логических объяснениях, в этом-то и состоит их прелесть), — когда плавное течение ее мыслей прервал слабый звук, исходящий из дальнего угла комнаты.

Трррр. Трррр-трррр.

Сверчок. Трещание сверчка доносилось не из Брайант-парка через открытое окно. Звук раздавался гораздо ближе.

Она взгляделась в угол между стеной и полом и увидела, как что-то подпрыгнуло. Встав из-за стола, Рози открыла шкаф справа от раковины и достала стеклянную миску. На сиденье стула она захватила рекламный листок «Уол-Марта», затем опустилась на Колени у противоположной

стены. Сверчок пробрался в тот угол комнаты, где она собиралась поставить телевизор, если, конечно, купит его до того, как съедет отсюда. После того, что произошло в этот день, перспектива переезда в новую, гораздо более просторную квартиру — *скорого* переезда — уже не казалась такой нереальной.

Она не ошиблась, это был сверчок. Каким образом он оказался в комнате на втором этаже, оставалось тайной, но это все-таки был сверчок. Затем она нашла ответ на загадку, и он одновременно объяснил, почему она слышала стрекот сверчков, когда засыпала прошлой ночью. Должно быть, он попал в квартиру вместе с Биллом, спрятавшись, вероятно, в отворотах брюк. Маленький дополнительный подарок, приложение к букету.

«Но вчера ты слышала не одного сверчка, — раздался неожиданно сердитый голос миссис Практичность-Благоразумие, которая в последнее время больше помалкивала. Он был ржавым и слегка хрипловатым. — Ты слышала целое *поле* сверчков. Или целый парк».

«Дерьмо коровье, — легкомысленно отмахнулась она, накрывая сверчка миской и подсовывая под нее рекламный листок „Уол-Марта“, подталкивая краем насекомое. Сверчок подпрыгнул, и она закрыла листком перевернутую миску. — Просто ты мысленно превратила одного сверчка в целый хор, вот и все. Не забывай, ты как раз начинала засыпать. Возможно, уже почти уснула».

Рози подняла миску и перевернула ее, не убирая листка, чтобы насекомое не сбежало раньше положенного срока. Сверчок энергично подпрыгивал, стучаясь твердой спинкой о картинку, изображавшую новую книгу Джона Гришема, которую можно было приобрести в «Уол-Марте» всего за шестнадцать долларов плюс налог. Негромко напевая «Когда я загадаю желание под падающую звезду», Рози перенесла сверчка к открытому окну, подняла листок и выставила миску. Насекомые способны падать с гораздо большей высоты и топтать себе дальше, как ни в чем не бывало (прыгать, поправились она), не получив сколько-нибудь значительных повреждений. Рози припомнила, что читала об этом где-то или, возможно, слышала в телевизионной программе, посвященной природе.

— Отправляйся, Джимини, — напутствовала она. — Прыгай, будь хорошим мальчиком. Видишь парк вон там? Высокая трава, изобилие росы, чтобы тебя не мучила жажда, стаи сверчих...

Она умолкла на полуслове. Сверчок не мог попасть на второй этаж в отворотах брюк Билла, потому что в тот понедельник, когда они вместе ужинали, на нем были джинсы. Она обратилась к памяти, желая проверить свою догадку, и память тут же подтвердила правильность информации, не оставляя ни тени сомнения. Простая рубашка и джинсы «Ливайс». Она вспомнила, что его внешний вид успокоил ее; повседневная одежда означала, что Билл не собирается вести ее в фешенебельный ресторан, где на нее пялились бы, как на нечто диковинное.

Обычные синие джинсы без отворотов. Тогда откуда взялся Джимини? Но так ли это важно? Если Джимини приехал на второй этаж не в отворотах брюк Билла, значит, он прокатился на ком-нибудь другом, великое дело, и спрыгнул на лестничной площадке второго этажа, когда ему надоело сидеть на месте — эй, спасибо, что подбросил, приятель! А потом подлез под дверь, ну и что из этого? Если на то пошло, из всех возможных незваных гостей он едва ли не самый безобидный.

Словно в подтверждение ее мыслей, сверчок вдруг выпрыгнул из миски и был таков.

— Всего хорошего, — крикнула ему вдогонку Рози. — Заглядывай в любое время. Seriously, заходи, когда захочешь.

Когда она отходила от подоконника, внезапный порыв ветра выхватил у нее рекламный листок «Уол-Марта» и тот, лениво раскачиваясь в воздухе, опустился на пол. Она наклонилась,

чтобы взять его, и вдруг оцепенела с протянутой рукой, едва не дотрагиваясь пальцами до изображения книги Джона Гришема. У самого плинтуса лежали еще два сверчка, оба мертвые, один на боку, второй на спине, подняв вверх свои маленькие лапки.

Одного сверчка она еще могла принять и объяснить, но трех? В комнате на втором этаже? Как, скажите на милость, истолковать это?

Затем Рози увидела еще кое-что — маленький предмет, застрявший в щели между двумя половицами рядом с дохлыми сверчками. Она опустила на колени, выудила его оттуда и поднесла к глазам.

Это оказался цветок клевера. Крошечный розовый цветок клевера.

Она опустила взгляд к щели, из которой достала цветок, снова посмотрела на пару дохлых сверчков, затем медленно перевела взгляд, скользнув по кремовой стене, к картине... картине, висевшей у окна. Она поглядела на стоящую на холме Мареновую Розу (нормальное имя, не хуже и не лучше остальных), рядом с которой щипал травку недавно появившийся пони.

Отчетливо слыша стук собственного сердца — тяжелый, медленный, приглушенный барабанный бой в ушах, — Рози подошла ближе, наклонилась над мордой пони, наблюдая за тем, как образы растворяются, превращаясь в перекрывающие друг друга мазки старых красок с едва заметными канавками от кисти. Под мордой пони она рассмотрела темные, как лес, и светлые, как оливки, зеленые пучки травы, выполненные быстрыми последовательными движениями кисти художника. На зеленом фоне разбросаны маленькие розовые точки. Клевер.

Рози посмотрела на крошечный розовый цветок, уютно устроившийся на ладони, затем поднесла руку к картине. Цвета совпадали идеально. Неожиданно — не осознавая, что делает, — она дунула на ладонь, посылая крошечный цветок в картину. Какое-то мгновение ей казалось (нет, неверно — на мгновение она почувствовала полную уверенность в том, что это случится), что крошечный розовый шарик проскочит через полотно и попадет в мир, созданный неизвестным художником шестьдесят, восемьдесят, а то и сто лет назад.

Разумеется, ничего подобного не случилось. Розовый цветок стукнулся о стекло, закрывающее холст (удивительно, что написанная маслом картина взята под стекло, сказал Робби в тот день, когда они познакомились), отскочил и упал на пол, несколько раз подпрыгнув, как скатанная в плотный шарик туалетная бумага. Может, картина и волшебная, но прикрывающее ее стекло совершенно обыкновенное.

«Тогда как же сверчкам удалось выбраться? Ты ведь, признайся, считаешь, что именно это и произошло, верно? Что они каким-то образом попали в комнату из картины, не так ли?»

Да поможет ей Бог, но она считала именно *так*. Ей подумалось, что в те часы, когда она покидает комнату и оказывается среди других людей, подобная мысль не вызовет у нее ничего, кроме смеха или недоумения, но сейчас она полагала именно так: сверчки выпрыгнули из травы у ног женщины в мареновом хитоне. Что они неведомым путем перебрались из мира Мареновой Розы в мир Розы Макклendon.

«Но как? Не могли же они просочиться сквозь стекло?»

Нет, разумеется, нет. Это глупо, но... Рози протянула руки (слегка дрожащие) и сняла картину с крючка. Она унесла ее в кухонную нишу, поставила на стол, затем перевернула. Написанные углем буквы стерлись до неузнаваемости; не знай она, что раньше на обратной стороне полотна стояло: «МАРЕНОВАЯ РОЗА», ей ни за что не удалось бы прочесть надпись.

Нерешительно и боязливо (возможно, страх присутствовал постоянно, но лишь теперь она ощутила его в полной мере) она дотронулась до бумажной подкладки. Бумага зашуршала и затрещала. Затрещала слишком сильно. А когда Рози ткнула в нее пальцами чуть пониже, туда, где коричневая бумага скрывалась под рамкой, то почувствовала, что под ней что-то есть... какие-то мелкие *предметы*...

Она сглотнула; горло ее так пересохло, что глотать было больно. Одеревеневшей рукой, принадлежащей, казалось, совершенно другому человеку, она выдвинула ящик кухонного стола, порывшись, нашла нож для разделки мяса и медленно поднесла лезвие к коричневой бумажной подкладке картины.

«Одумайся, дура! — закричала Практичность-Благоразумие. — Не делай этого, ты ведь не знаешь, *что* там обнаружится!»

Она на секунду или две прижала кончик ножа к коричневой бумаге, готовая вспороть ее, затем передумала и отложила нож. Подняв картину, посмотрела на нижнюю часть рамы, отмечая удаленным уголком сознания, что ее руки колотит сильная дрожь. То, что она увидела — трещину размером в четверть дюйма в самом широком месте — совсем ее не удивило. Она снова поставила картину на стол и, придерживая ее правой рукой, левой — более развитой и умной — поднесла нож к коричневой подкладке картины.

«Не надо, Роза! — В этот раз Практичность-Благоразумие просто стонала, — Пожалуйста, не делай этого, ради всего святого, оставь ее в покое!» Только, если задуматься, советы она дает никудышные: послушайся Роза миссис П.—Б. в первый же раз, то до сих пор жила бы с Норманом. Или умирала бы с ним.

Острием ножа она вспорола бумажную подкладку в самом низу, там, где нащупала какие-то маленькие предметы. Из-под бумаги на стол вывалилось полдюжины сверчков — четыредохлых, один едва живой и слабо дергающийся лапками, шестой вполне резвый; последний тут же прыгнул и угодил в раковину. Вместе со сверчками выпало еще несколько розовых круглых цветков клевера, несколько травинок... и кусочек упавшего с дерева сухого листа. Роза подняла его и с любопытством принялась разглядывать. Это был дубовый лист. Она почти не сомневалась.

Работая осторожно (и не обращая внимания на голос миссис Практичность-Благоразумие), она обрезала бумажную подкладку вдоль всей рамы. На стол упало еще несколько подобных сокровищ: муравьи (большой частьюдохлые, но три или четыре все еще ползали), пухлый шмель, лепестки ромашки (какие отрывают от цветка, приговаривая: «Любит — не любит, любит — не любит»)... и несколько полупрозрачных белых волосков. Она поднесла волоски к свету и невольно еще крепче сжала картину правой рукой, чувствуя, как по спине пробегает дрожь, словно поступь тяжелых ног по крутой лестнице. Роза знала, что если отнесет эти волоски к ветеринару и попросит взглянуть на них под микроскопом, тот скажет, что это клочки лошадиной шерсти. Вернее, если быть точным до конца, что они принадлежат маленькому тощему пони, Пони, который в эту минуту пощипывает зеленую траву в ином мире.

«Похоже, я схожу с ума», — подумала она спокойно, и это был не голос Практичности-Благоразумия; это был голос ее собственного сознания, ее настоящего эго, В нем не ощущалось ни истеричности, ни страха; он звучал холодно, здраво, с некоторым оттенком удивления. В таком же голосовом регистре, подумала она, ее сознание отметит неизбежность смерти в тот день, когда ее приближение станет очевидным.

Но суть-то в том, что на самом деле она не *верила* в потерю рассудка, по крайней мере, в том смысле, в каком человек вынужден смириться, скажем, с мыслью о неминуемости смерти от раковой опухоли, когда болезнь зайдет слишком далеко. Она вспорола подкладку своей картины, и оттуда выпали пучок сухой травы, щепотка волосков и горстка насекомых — часть которых еще шевелилась. Что в этом сверхъестественного? Несколько лет назад она прочла статью в газете, где говорилось о женщине, обнаружившей под холстом старого фамильного портрета целое сокровище: совершенно не потерявшие своей ценности, даже, наоборот, увеличившие ее многократно золотые акционерные сертификаты. По сравнению с той находкой несколько жучков — сущий пустяк.

«Но ведь они живые, Роза! А как же клевер, все еще не увядший, и трава, до сих пор зеленая? Лист мертв, но ты ведь знаешь, ты думаешь, что...»

Она думала, что ветер принес его из того мира уже мертвым. На картине лето, но мертвые листья деревьев можно обнаружить в траве даже в июле. «Итак, я повторяю: я схожу с ума». Но все предметы, которые она извлекла из картины, лежат перед ней. Вот они, на кухонном столе: ничем не примечательная кучка мертвых насекомых и сухая трава. Просто мусор.

Не сон, не галлюцинация. Обыкновеннейший *реальный мусор*.

К тому же было еще нечто — то, к чему ей вообще-то не хотелось приближаться с мечущимися, как испуганные кролики в загоне, мыслями. Картина разговаривает с ней. Нет, не вслух, разумеется, но с самого первого момента, когда она увидела ее, картина обратилась к ней. Это так. На оборотной стороне оказалось ее имя — во всяком случае, некий его вариант, — а вчера она потратила невообразимую сумму всего лишь на то, чтобы привести свои волосы точно в такой вид, как у женщины на холсте.

С внезапной решительностью Роза вставила лезвие ножа под верхнюю планку рамы и, пользуясь им как рычагом, приподняла ее. Она остановилась бы мгновенно, если бы почувствовала сильное сопротивление — хотя бы потому, что второго ножа для разделки мяса у нее нет и ей совсем не хотелось сломать лезвие — однако гвозди, скреплявшие раму, легко поддались. Роза отсоединила верхнюю планку, придерживая стекло свободной рукой, чтобы оно не грохнулось о стол и не разлетелось на куски, и отложила ее в сторону. На стол со щелчком упал еще один дохлый сверчок. Спустя несколько секунд она держала в руках полотно. Без рамы и стекла оно оказалось дюймов тридцать в ширину и чуть меньше двадцати дюймов в высоту. Роза осторожно провела кончиками

пальцев по давным-давно высохшим масляным краскам, ощущая едва заметные слои различной высоты, чувствуя даже миниатюрные бороздки, оставленные кистью художника. Ощущение было интересным и странным, но отнюдь не сверхъестественным; ее пальцы не провалились сквозь холст в другой мир.

Ее отвлек звонок купленного вчера телефона. Телефон зазвонил в первый раз, и от его пронзительного требовательного сигнала, включенного на полную громкость, Роза подскочила, издав слабый крик. Рука непроизвольно напряглась, и пальцы, которыми она ощупывала картину, едва не проткнули полотно.

Положив картину на кухонный стол, она поспешила к телефону, надеясь, что это Билл. Если так, то она, возможно, пригласит его заглянуть к ней, — пригласит, чтобы он хорошенько рассмотрел картину. И покажет ему, какой своеобразный набор вывалился из-за бумажной подкладки. *Мусор*. — Алло?

— Здравствуйте, Роза. — Не Билл. Голос женский. — Это Анна Стивенсон.

— О, Анна! Здравствуйте. Как поживаете?

Из раковины раздалось настойчивое *trrrrr-trrrrr*.

— Поживаю я плохо, — ответила Анна. — Откровенно говоря, из рук вон плохо. Случилось очень неприятное событие, и я должна рассказать вам о нем. Может, никакого отношения к вам случившееся не имеет — я всей душой надеюсь, что так оно и есть, — но как знать.

Роза медленно опустилась на стул, напуганная даже сильнее, чем тогда, когда нащупала под бумажной подкладкой картины шуршащие бугорки мертвых насекомых.

— Что случилось, Анна? Что случилось?

С возрастающим ужасом она выслушала рассказ. Закончив, Анна спросила, не хочет ли Роза приехать в «Дочери и сестры» хотя бы на ближайшую ночь.

— Не знаю, — безжизненным голосом произнесла Роза. — Мне надо подумать. Я... Анна, мне нужно срочно поговорить кое с кем. Я позвоню позже.

Она хлопнула по рычагу телефонного аппарата, не дожидаясь ответа, позвонила в справочную, попросила сообщить ей номер, выслушала, набрала его.

— «Либерти-Сити», — прозвучал в трубке немолодой мужской голос.

— Простите, могу я поговорить с мистером Штайнером?

— Я и *есть* мистер Штайнер, — ответил хриловатый голос с легким оттенком иронии.

Рози замешкалась на миг, затем вспомнила, что в ломбарде Билл работает вместе с отцом.

— Билл, — выдавила она. Горло снова пересохло, каждое слово давалось с огромным трудом. — Биллом. То есть я хочу сказать, мне нужно поговорить с Биллом.

— Одну секунду, мисс. — Последовало шуршание, стук трубки, которую положили на стол, затем отдаленное: — *Билл! Тебя к телефону. Женщина.*

Рози прикрыла глаза. Словно откуда-то издалека до нее донеслось «тррррр-трррр» из раковины.

Долгая, невыносимая пауза. Из-под ресницы левого глаза выкатилась слеза и оставила после себя мокрую дорожку на щеке. Ее примеру последовала слеза, спустившаяся по правой щеке, и в памяти всплыл обрывок старой народной песни: «Вот и начались бега... Гордость скачет впереди... Сердца боль за нею следом...» Она утерла слезы. Сколько их высохло на ее щеках за всю жизнь? Если придуманная индусами теория реинкарнации верна, кем же она тогда была в прошлой жизни?

На том конце линии взяли трубку.

— Алло? — Голос, который она теперь слышала почти в каждом сне.

— Алло, Билл. — Это был не ее нормальный голос, и даже не шепот; скорее, отголосок шепота.

— Я вас не слышу, — сказал Билл. — Не могли бы вы говорить погромче, мэм?

Ей не хотелось говорить погромче; ей вообще хотелось повесить трубку. Но она не могла. Потому что если Анна права, над Биллом тоже нависла опасность — серьезнейшая опасность. В том случае, конечно, если некто, представляющий эту самую опасность, сочтет, что Билл слишком близок к ней. Она откашлялась и попробовала снова.

— Билл? Это Роза.

— Роза! — воскликнул он обрадованно. — Эй, как поживаете?

Его нескрываемая, искренняя радость только ухудшила дело; Роза неожиданно показалось, что кто-то всадил ей нож в живот по самую рукоятку.

— Я не смогу поехать с вами в субботу, — сообщила она скороговоркой. Слезы бежали все быстрее и быстрее, выползая из-под ресниц, словно отвратительный горячий жир. — И вообще я никогда никуда с вами не поеду. Я просто сошла с ума, когда решила, что смогу.

— Господи, Роза! О чем вы говорите? Что произошло?

От паники в его голосе — не рассерженности, которую она ожидала, а настоящей паники — у нее сжалось сердце, но его испуг почему-то показался ей еще хуже. Она не в силах была слышать этот растерянный голос.

— Не звоните мне и не приезжайте больше, — сказала она, и неожиданно перед ней с необыкновенной отчетливостью возник кошмарный образ Нормана, стоящего на противоположной стороне улицы напротив ее дома под ливнем, в плаще с поднятым воротником, нижняя часть лица освещена уличным фонарем, верхняя скрывается в тени от полей шляпы, — он стоит, как жестокий, похожий на дьявола злодей-убийца из романа женщины, скрывающейся под псевдонимом Ричард Расин.

— Роза, я не понимаю...

— Я знаю, и так даже лучше. — Ее голос дрожал, готовый снова рассыпаться на кусочки. — Держитесь от меня подальше, Билл.

Она быстро положила трубку на рычаг, какое-то время смотрела на телефон, затем испустила громкий, полный невыносимой боли крик. Обеими руками Роза столкнула телефон с коленей. Трубка отлетела на всю длину шнура и замерла на полу; непрерывный гудок свободной линии связи странно смахивал на треск сверчков, убаюкавший ее ночью в понедельник. Внезапно она почувствовала, что больше не может слышать этот гудок, ей показалось, что если он продлится еще несколько секунд, голова расколется надвое. Она встала, подошла к стене, присела на корточки и выдернула шнур из розетки. Когда попыталась снова встать, дрожащие ноги отказались ей повиноваться. Она села на пол и закрыла лицо руками, давая волю слезам. Другого выбора у нее, собственно, и не было.

В течение всего разговора Анна настойчиво повторяла, что она в этом не уверена, что и Роза не может знать наверняка, несмотря на все свои подозрения. Но Роза *знала*. Это Норман. Норман здесь, Норман лишился остатков разума, Норман убил Питера Слоуика, бывшего мужа Анны, Норман ищет ее.

В пяти кварталах от «Горячего горшка», где не хватило только пять секунд, чтобы столкнуться со взглядом жены, смотревшей в окно на прохожих, Норман свернул в дверь магазинчика «Не дороже 5». «Любой предмет в нашем магазине стоит не больше пяти долларов!» — гласил плакат, вытянувшийся вдоль всей стены. Над ним висел отвратительно нарисованный портрет Авраама Линкольна. На бородатой физиономии Линкольна сияла широкая самодовольная улыбка, один глаз прищурился в попытке подмигнуть, и Норману Дэниэлсу бывший президент показался очень похожим на пожилого мужчину, арестованного им однажды за то, что тот задушил жену и всех четверых своих детей. В этой лавке, которая располагалась буквально по соседству с ломбардом «Либерти-Сити», Норман приобрел все необходимые ему для изменения своей внешности предметы: пару темных очков и бейсбольную кепку с эмблемой «Чикаго Соке» над козырьком.

Как человек с более чем десятилетним опытом работы в должности полицейского инспектора, Норман пришел к твердому убеждению, что маскировка уместна в трех случаях: в фильмах про шпионов, в рассказах о Шерлоке Холмсе и на маскарадах. Особенно бесполезна она в дневное время, когда накладные усы, к примеру, больше всего похожи на накладные усы. А девочки в «Дочерях и сестрах», в этом публичном доме нового века, куда Питер Слоуик, как он признался в конце концов, направил его бродячую Роуз, наверняка будут пялиться во все глаза на прохожих, выискивая среди них хищника, подкрадывающегося к их борделю. Для таких девочек паранойя — не просто временное состояние, это их повседневный образ жизни.

Кепка и темные очки сослужат свою службу; все, что он запланировал на сегодняшний вечер, — это, говоря языком Гордона Саттеруэйта, его первого партнера по работе в полиции, «малюсенькая рекогносцировка». А еще Гордон любил хватать своего юного напарника за неожиданные места, предлагая заняться тем, что на его языке называлось «резиновой туфлей». Толстый, вонючий, постоянно жующий табак, Гордон с первых же минут знакомства не вызывал у Нормана ничего, кроме глубокого презрения. Гордон работал в полиции двадцать два года, последние девятнадцать в должности инспектора, но он начисто был лишен *чутья*. Нормана же природа наградила чутьем с избытком. Ему не нравилась его профессия, он ненавидел клоунов и уродов, с которыми приходилось разговаривать (а иногда и вступать в более близкие отношения, если поставленная задача включала работу под прикрытием), но он имел чутье, и оно, как показали прошедшие годы, оказалось самым ценным и незаменимым его качеством. Именно чутье помогло ему расследовать дело, приведшее затем к повышению по службе, — дела, превратившего его, пусть даже ненадолго, в золотого мальчика для средств массовой информации. В том расследовании, как это обычно бывает с организованной преступностью, однажды наступил момент, когда путь, по которому пробирались сыщики, растворился в хитросплетении множества расходящихся в разные стороны похожих тропинок. Но существенное отличие состояло в том, что возглавлял расследование — впервые за свою полицейскую карьеру — Норман Дэниэлс, и он, после того как логические приемы оказались исчерпанными, сделал то, чего не сумел бы почти никто другой: не медля ни секунды, переключился на интуицию, полностью доверившись ей, внимательно прислушиваясь к тому, что она ему подсказывала, продвигаясь вперед уверенно и напористо.

Для Нормана не существовало такого понятия, как «малюсенькая рекогносцировка»; то, что он собирался сделать, в его словаре называлось «блеснением». Когда заходишь в тупик, не теряйся; отправляйся в место, запеленгованное по ходу расследования, посмотри на него с совершенно открытым ясным сознанием, не забитым мусором не нашедших пока словесного

выражения идей и полуиспеченных предположений; поступая так, ты будешь похож на человека, который сидит в медленно относимой ветром и течением лодке, забрасывает блесну и наматывает леску на катушку, — забрасывает и наматывает, терпеливо ожидая, пока что-нибудь попадет на крючок. Иногда крючок возвращается пустым. Иногда ты выуживаешь затонувшую ветку дерева, старую галошу или такую рыбу, от которой отвернется даже голодный енот.

Впрочем, бывает, что на крючок попадает и лакомый кусочек.

Он надел кепку и очки и свернул налево на Гаррисон-стрит, направляясь к Дарэм-авеню. Расстояние до района, в котором располагались «Дочери и сестры», составляло добрые три мили — не так уж мало для пешей прогулки, — однако Норман не возражал; этим временем он собирался воспользоваться для того, чтобы очистить голову от ненужных мыслей. К тому времени, когда он доберется до дома номер двести пятьдесят один на Дарэм-авеню, его разум будет представлять собой чистый лист фотобумаги, готовый запечатлеть любые образы и воспринять любые свежие идеи, не пытаясь приспособить их к уже существующим. Кроме того, как можно подгонять новые идеи к старым, если старых-то и нет вовсе?

Купленная в гостиничном киоске за баснословную цену схема города покоилась в заднем кармане брюк, но он только один-единственный раз остановился, чтобы свериться с ней. Проведя в городе меньше недели, он уже знал его гораздо лучше, чем Роза, и снова это объяснялось не тренированной памятью, а его исключительной интуицией.

Проснувшись прошлым утром, ощущая боль в руках, плечах и в паху, с такой ноющей челюстью, что мог открыть рот только до половины (первая попытка зевнуть после того, как он спустил ноги с постели, была настоящей пыткой), Норман осознал с нарастающей тревогой: то, что он сделал с волонтером из будки «Помощь путешественникам» по имени Питер Слоуик — он же Тамперштейн, он же Удивительный городской еврейчик, — вероятнее всего, ошибка. Насколько грубая, сказать пока трудно, ибо большая часть случившегося в доме Питера Слоуика представлялась ему словно в тумане, но в том, что он допустил промах, Норман не сомневался; к тому моменту, когда он спустился вниз и приближался к киоску в холле отеля, слова типа «вероятно» и «наверное» уже исчезли из его мыслей. Любые вероятности и допущения — для слабаков этого мира; так утверждал его негласный, но неукоснительно соблюдаемый Норманом кодекс жизни, сформировавшийся еще в юношеские годы, после того как мать ушла от отца, а последний пристрастился вымещать свою обиду и раздражение на сыне.

Он купил в киоске газету и быстро пролистал ее, возвращаясь на лифте в свой номер. Не найдя ничего о Питере Слоуике, он испытал лишь слабое облегчение. Возможно, тело Тампера обнаружили слишком поздно, чтобы новость попала в утренние выпуски газет; возможно, оно до сих пор находится там, где оставил его Норман (где он *думает*, что оставил, поправился он; все события по-прежнему были подернуты дымкой тумана), в подвале, за громадой бака водонагревателя. Но люди вроде Тампера, — люди, выполняющие целый ворох благотворительных общественных обязанностей и имеющие толпы добросердечных друзей, не могут исчезать надолго. Кто-то начнет беспокоиться, другой кто-то заявит в его модернизированную кроличью норку на Бьюдрай-плейс, и, в конце концов, очередной кто-то сделает крайне неприятное открытие, найдя за водонагревателем то, что осталось от Тампера.

Словно в доказательство его правоты, информация, которой не было и во вчерашних вечерних газетах, появилась в сегодняшних утренних выпусках, причем на первых полосах: «ГОРОДСКОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК ЗВЕРСКИ УБИТ В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ». Как утверждалось в статье, «Помощь путешественникам» являлась далеко не единственной организацией, в которой подвизался Тампер в свободные часы... хотя бедным его не назовешь. Если верить статье, состояние его семьи — в которой он был последним выродком — оценивалось внушительной суммой со множеством полей. Тот факт, что, несмотря на

возможность жить безбедно и спокойно, этот придурок сидел в три часа ночи на автовокзале, отправляя беглых жен в публичный дом нового образца под названием «Дочери и сестры», лишний раз подтверждал: либо у Слоуика не хватало пары винтиков в черепной коробке, либо он сексуально неустойчивая личность. Как бы там ни было, он являл собой типичный образец показушной добродетели, совал свой кроличий нос во все дыры, слишком много времени посвящал задаче спасения мира, забывая между тем сменить нижнее белье. «Помощь путешественникам», «Армия спасения», Служба телефонной помощи, Фонд содействия боснийским сербам, Фонд помощи России (казалось бы, в еврейской башке Тампера должно было хватить умишка, чтобы держаться подальше хотя бы от этой организации, но нет, он и сюда умудрился втиснуться) и в довершение ко всему пара-тройка контор, занимающихся «женскими проблемами». В статье последние не упоминались поименно, однако Норман уже знал название одной из них: «Дочери и сестры», как вариант — «Лесбо бейби в игрушечной стране». В субботу должна состояться поминальная служба, которая в газете значилась как «кружок памяти». Милый окровавленный Иисус Христос!

Он также узнал, что смерть Слоуика может быть связана с любой из вышеперечисленных организаций... или не иметь к ним никакого отношения. Полиция бросится рыться в его личной жизни (если, конечно, у такого постоянного двора для бродяг, как Тампер, вообще существует личная жизнь), копы не будут сбрасывать со счетов и ту вероятность, что Тампер погиб в результате становящегося все более распространенным «немотивированного преступления», совершенного психопатом, который, возможно, случайно заглянул на огонек. Можно сказать, укус попавшейся по дороге змеи.

Впрочем, ни один из этих доводов не подействует на проститутку из «Дочерей и сестер»; Норман знал это так же хорошо, как свое имя. За годы работы в полиции у него накопился кое-какой опыт работы с женскими перевалочными базами и приютами, количество которых в последнее время значительно возросло, потому что те, кого Норман про себя называл нанюхавшимися папоротниковых спор Воинствующими психопатами нового века, оказывают все большее воздействие на умы и поведение людей. Постулаты этих психов сводятся к следующему: все зло исходит из неблагополучных семей, каждый сублимирует ребенка внутри, всем и каждому необходимо быть начеку, ибо вокруг полно нехороших, ужасных людей, которые, набравшись наглости, идут по жизни, не стеля, не вырывая клочья волос на голове, не жалуясь, не прибегая каждый вечер к программе психологического совершенствования «Двенадцать ступеней». Все Воинствующие психопаты нового века — сущие ослиные задницы, однако некоторые — и ярчайшим примером часто являются женщины из борделей типа «Дочерей и сестер» — нередко еще и крайне *осторожные* задницы. *Осторожные?* Черта с два! Они наполняют совершенно новым, ранее неизвестным содержанием термин «бункерный менталитет».

Почти весь вчерашний день Норман провел в публичной библиотеке, где ему удалось раскопать несколько интереснейших фактов, касающихся «Дочерей и сестер». Самое забавное заключалось в том, что женщина, заправляющая борделем, некая Анна Стивенсон, до семьдесят третьего года носила фамилию Тампера; затем последовал развод, и она вернула себе девичью фамилию. Диким совпадением это может показаться только тем, кто не знаком с брачными повадками и ритуалами совокупления Воинствующих психопатов нового века. Они спариваются, но редко способны примириться с лямкой постоянной семейной жизни, по крайней мере, на продолжительный срок. В конце концов каждый раз, когда кто-то из пары начинает тянуть к сену, другого обязательно влечет к соломе. Их мозги устроены так, что они не понимают простейшей истины: политически правильные браки нежизнеспособны.

Нельзя утверждать, что бывшая жена Тампера управляла своим борделем в соответствии с

принципами большинства других заведений подобного рода, действующих под лозунгом «Только женщины знают, только женщины могут сказать». В опубликованной больше года тому назад статье из воскресного приложения, повествующей о «Дочерях и сестрах», Стивенсон (Нормана поразило ее сходство со шляхой Мод из старого телевизионного шоу) отвергала этот принцип, считая его «не только дискриминационным в отношении противоположного пола, но и глупым». Статья содержала высказывание еще одной женщины по этому поводу. «Мужчины не являются нашими врагами, — заявляла некая Герт Киншоу, — пока не докажут обратного. Но если они наносят удар, мы бьем в ответ». Рядом приводился фотопортрет этой женщины, черномазой сучки, которая напонила Норману футболиста из «Чикаго Соке» Уильяма Перри по прозвищу Рефрижератор.

— Попробуй только ударить меня, киска, — пробормотал он сквозь зубы, — я превращу тебя в трамплин.

Но вся газетная информация, какой бы интересной она ни представлялась, не имела непосредственного отношения к делу. Наверное, в этом городе живет множество женщин — и даже мужчин, — знающих, где находится бордель и посещающих его: возможно, заправляет им только Воинствующая психопатка нового века, а не целый комитет, однако в одном не сомневался он — все подобные заведения ничуть не отличаются друг от друга. И эта новомодная контора наверняка сходна со своими более традиционными родственными организациями. Смерть Питера Слоуика подействует на них, как вой сирены воздушной тревоги. Они не последуют логичным путем полиции; если (или) до тех пор, пока не будет доказано обратное, они будут считать, что гибель Питера Слоуика связана именно с ними... конкретно с той или иной женщиной, которую Тампер направил к ним за последние шесть или восемь месяцев своей жизни. Вполне вероятно, что имя Роуз уже фигурирует в их размышлениях.

«Тогда почему же ты сделал это? — обратился он с вопросом к самому себе. — Скажи, ради Бога, зачем тебе это понадобилось? Были же и другие пути к твоей цели, их предостаточно. Ты ведь полицейский и знаешь, что это так! Какого черта тебе вздумалось сунуть им факел под хвост? Эта жирная свинья Герти-шмерти, член ей в рот, наверное, сидит с биноклем на подоконнике самого верхнего окна борделя и заглядывает в лицо каждому прохожему с пенисом между ног, выискивая опасность. Если, конечно, до сих пор не подохла от ожирения сердца. Так почему ты сделал это? Почему?»

Ответ был наготове, но он отвернулся от него прежде, чем тот успел подняться на поверхность его сознания; отвернулся, ибо правда не представляла собой ничего приятного. Он убил Тампера по той же причине, по которой придушил рыжеволосую проститутку в ползунках павлиньей расцветки: потому, что странное темное желание выплыло из недр его мозга и заставило сделать это. Желание в последнее время появлялось все чаще и чаще, но он не хотел думать о нем. Отказывался. Так лучше. Безопаснее.

Тем временем он добрался до цели: Кошачий дворец прямо по курсу.

Ленивой походкой Норман перешел на четную сторону Дарэм-авеню, зная, что любой наблюдатель меньше обращает внимания на прохожих, идущих по дальнему тротуару. Под наблюдателем подразумевалась (ее рожа постоянно маячила перед глазами) черномазая бочка жира, снимок которой он видел в газете. Норману казалось, что этот гигантский мешок с кишками сидит у окна с мощным полевым биноклем в одной руке и растаявшей плиткой сливочного шоколада «Меллоу Кримз» в другой. Он чуть-чуть замедлил шаг. «Сигнал боевой тревоги, — напомнил он себе, — они в полной боеготовности».

Это было большое панельное здание, гадкое в неудавшейся попытке имитировать стиль викторианской эпохи, пережиток рубежа веков, три этажа сплошного уродства. С фасада оно казалось узким, однако Норман вырос в доме, мало отличавшемся от стоящего напротив, и готов

был поклясться, что оно тянется на весь квартал, до самой следующей улицы.

«Шлюха-шлюха здесь-здесь, шлюха-шлюха там-там, — мысленно замурлыкал Норман на мотив старой детской песенки, стараясь не убыстрить шаг, не изменить ленивую фланирующую походку, осторожно и внимательно поедая глазами здание, но не одним взглядом-глотком, а постепенно, разжевывая его по кусочкам. — Шлюха здесь, шлюха там, всюду шлюхи-шлюхи». Это точно. Всюду шлюхи-шлюхи. Он почувствовал, как застучал в висках знакомый молоточек нарастающей ярости, и вместе с ним перед глазами встал обычный в последнее время образ, воплощавший сейчас все, что он ненавидел: банковская кредитная карточка. Зеленая банковская карточка, которую она осмелилась украсть. Зеленая карточка не оставляла его теперь ни на секунду, она отражала все ужасы и безумие его жизни — то, против чего восставал его разум; лица (матери, например, белое, тестообразное и одновременно ехидное), которые возникали порой в сознании, когда он валялся ночью на постели, дожидаясь прихода сна, голоса, которые преследовали его в сновидениях. Голос отца, например. «Иди-ка сюда, Норми. Мне надо сказать тебе кое-что, и я хотел бы поговорить с тобой начистоту». Иногда такая фраза предвещала побои. Иногда, если везло, а отец был пьян, дело ограничивалось рукой, щупающей его мошонку.

Но сейчас все это неважно; важен только дом на другой стороне улицы. Ему больше не удастся рассмотреть его так, как сейчас, и если он упустит драгоценные секунды, копаясь в воспоминаниях о далеком прошлом, кто тогда обезьяна?

Он находился прямо напротив здания. Узкая, уходящая вглубь ухоженная лужайка, красивые клумбы с брызгами ярких весенних цветов по обе стороны от длинного крыльца. В центре каждой клумбы возвышались увитые диким виноградом металлические столбы. Однако вокруг черных пластмассовых цилиндров, установленных на верхушках столбов, стебли винограда были срезаны, и Норман знал почему: в темных коробках прячутся телекамеры, с помощью которых можно наблюдать за прилегающей частью улицы слева и справа от здания. Если кто-то в этот миг сидит перед мониторами, он — или она — видит маленького черно-белого человечка в бейсбольной кепке и темных очках, переходящего с одного экрана на другой, шагающего неспешно на слегка согнутых в коленях ногах, чтобы казаться ниже ростом.

Еще одна камера глядела на улицу со своего места над входной дверью, которую нельзя отпереть ключом, ибо на ней нет обычной замочной скважины: дубликат ключа слишком легко изготовить, замок ничего не стоит открыть, если имеешь опыт обращения с отмычками. Нет, на двери будет щель для карточки электронного замка или панель с цифровыми клавишами; возможно, и то, и другое. И, разумеется, дополнительные телекамеры с другой стороны здания.

Проходя мимо, Норман рискнул бросить еще один прощальный взгляд в дворик сбоку от дома. Он увидел небольшой сад и двух шлюх в шортах, втыкавших палки — подпорки для помидоров, решил он — в землю. Одна с оливковой кожей и черными волосами, стянутыми в пучок на затылке. Не тело, а динамитная шашка, на вид лет двадцать пять. Другая помоложе, возможно, еще не достигшая совершеннолетия, одна из панковитых потаскух с волосами, покрашенными в два цвета. Левое ухо младшей скрывала большая повязка. Она была одета в психоделической расцветки майку без рукавов, и на левом бицепсе Норман разглядел татуировку. С такого расстояния трудно было судить, что именно изображено на ней, однако он достаточно долго проработал в полиции, чтобы предположить либо название модной рок-группы, либо неумело выполненный рисунок марихуаны.

Неожиданно Норман увидел себя, перебегающего улицу, несмотря на следящие за ним камеры; он представил, как хватает маленькую горячую штучку с прической рок-звезды, как сжимает ее тонкую шею своей мощной рукой, продвигаясь все выше, пока рука не упирается в нижнюю челюсть. «Роуз Дэниэлс, — говорит он второй шлюхе, красотке с темными волосами и обалденной фигурой. — Тащи ее сюда, иначе я сверну этой соске шею, как курице».

Это было бы замечательно, но он почти не сомневался, что Роуз в борделе нет. В результате библиотечных изысканий он выяснил, что с тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, когда Лео и Джессика Стивенсон основали «Дочерей и сестер», услугами борделя воспользовалось более трех тысяч женщин, и средний срок их пребывания там не превышал четырех недель. Их довольно быстро вышвыривали на улицу, где женщины вливались в толпы уже существующих источников или переносчиков заразы, присоединялись к стаям мелких мошек. Может по окончании срока обучения им даже вручали пластмассовые пенисы вместо дипломов.

Нет, его Роуз почти наверняка покинула эту обитель лесбиянок и пыхтит сейчас на какой-нибудь поганой работенке, которую подыскали для нее подружки из борделя, и по ночам возвращается с работы в замшелую конуру с клопами, которую нашли для нее они же. Хотя сучки из здания напротив должны знать, где она, — адрес Роуз наверняка записан в амбарной книге Стивенсон, а те две ковыряющиеся в огороде шлюхи, возможно, даже заглядывали в тараканью ловушку, где ютится Роуз на чашку чая и бисквитное печенье. Те, кто побывали у Роуз, наверняка рассказали о визите тем, кто еще не успел навестить бывшую сожительницу, потому что женщины так устроены. Легче убить их, чем заставить замолчать.

Младшая из копавшихся в огороде лесбиянок, та, чьи волосы напоминали флаг какой-то африканской страны, напугала Нормана — она подняла голову, увидела его... и помахала рукой. На мгновение ему показалось, что она смеется над ним, что они *все* смеются над ним, что они выстроились у окон внутри Замка лесбиянок и хохочут над ним, инспектором Норманом Дэниэлсом, разоблачившим около десятка преступников, но, тем не менее, не сумевшим предотвратить хищение собственной кредитной карточки. И кто ее украл? Его собственная жена!

Руки Нормана сами сжались в кулаки. «Спокойнее, спокойнее! — закричал в Нормане Дэниэлсе мужской двойник миссис Практичность-Благоразумие. — Она, наверное, машет всем, кого видит! Она, наверное, приветствует даже блохастых бродячих собак! Такие дуры, как она, всегда так делают!»

Ну да. Ну да, конечно, так оно и есть. Норман с усилием разжал кулаки, поднял руку и разрубил ею воздух в коротком ответном взмахе. Он даже выдавил слабую улыбку, от которой снова вспыхнула боль в мышцах, сухожилиях — даже в кости — по всей нижней части лица. Но в тот же миг, когда миссис Горячая штучка вернулась к своему занятию, улыбка исчезла, и он торопливо пошел дальше, вздрагивая при каждом ударе сердца.

Он попытался сосредоточиться на текущей проблеме — как найти способ изолировать одну из этих сучек (предпочтительно самую главную сучку; в этом случае он не рискует нарваться на кого-то, кто не располагает нужными сведениями) и заставить ее говорить, однако его способность к осмысленным действиям, казалось, исчезла, во всяком случае, на некоторое время.

Он поднял руки к лицу и принялся массировать точки соединения верхней и нижней челюстей. Он и раньше неоднократно доводил себя до подобного состояния, но ни разу челюсти не болели так сильно — что же он сделал с Тампером? В газете ничего не говорилось по этому поводу, но боль в челюстях, — а также в зубах, да-да, именно в зубах, — доказывала, что он, пожалуй, дал себе волю.

«Если меня поймают, неприятностей не оберешься, — сказал он себе. — У них будут фотографии отметин, которые я на нем оставил. У них будут анализы моей слюны и... ну... других жидкостей, которые, возможно, остались на нем. Современная полиция использует широкий набор диковинных тестов и анализов, они проверяют *все*, а я даже не знаю, чего мне опасаться».

Да, все верно, но они его не поймают. Не выйдет. Он зарегистрировался в отеле

«Уайтстоун» как мистер Элвин Додд из Нью-Хейвена, и, если его прижмут к стенке, он даже может удостоверить свою личность водительскими правами — *фотокопией* водительских прав — с его фамилией. Если здешние полицейские позвонят тамошним полицейским, им ответят, что Норман Дэниэлс находится за тысячу миль от Среднего Запада, прогуливается по национальному заповеднику Зион в штате Юта, наслаждаясь заслуженным отпуском. Они даже могут сказать здешним копам, чтобы те не валяли дурака, что Норман Дэниэлс сегодня золотой мальчик во плоти. Разумеется, они не станут пересказывать им историю Уэнди Ярроу... так ведь? Нет, скорее всего, нет. Но рано или поздно... Однако суть в том, что «поздно» его уже не трогало. В последние дни его волнует только «рано». Только Роуз и последующая серьезная беседа с ней. Он скажет, что приготовил для нее подарок. Не что иное, как свою банковскую карточку. Причем карточку никогда больше не обнаружат ни в мусорном ящике, ни в бумажнике какого-нибудь маленького грязного педика. Он позаботится о том, чтобы она никогда больше не потеряла и не выбросила ее. Поместит свою карточку в надежное место. И если после... как бы выразиться поточнее... после *вручения* последнего подарка его ждет темнота — что ж, возможно, это даже к лучшему.

Мысли Нормана, наткнувшись на кредитную карточку, завертелись вокруг нее, как случалось почти всегда в последние дни, и во сне, и наяву. Словно маленький кусочек пластика превратился в сумасшедшую зеленую реку (Мерчентс, а не Миссисипи), а ход его рассуждений являлся впадающим в нее притоком. Все мысли текли теперь вниз, повторяя складки местности, и постепенно теряли индивидуальность, перемешиваясь с зеленым потоком его одержимости. Огромной важности безответный вопрос снова поднялся на поверхность рассудка: *как* она посмела? Как она *посмела* взять ее? То, что она сбежала, покинула мужа — это он еще способен понять, хотя о примирении с ее бегством не может быть и речи; бегство объяснимо, хотя он знал: она должна умереть за то, что оставила его в полных дураках, за то, что так умело прятала предательство в своем паршивом женском сердце. Но то, что она набралась наглости и захватила с собой его банковскую карточку, посягнула на предмет, принадлежащий *ему*, как мальчик из сказки, забравшийся по бобовому стеблю на небо и укравший золотую курицу у спящего великана...

Не осознавая, что делает, Норман сунул указательный палец левой руки в рот и принялся грызть его. Возникла боль — и очень сильная — но в этот раз он не ощутил ее, погруженный с головой в водоворот мыслей. Привычка кусать пальцы в моменты максимального напряжения зародилась в далеком детстве, и на указательных пальцах обеих рук образовались толстые мозолистые подушечки. Сначала омертвевшая кожа выдерживала укусы, но он продолжал представлять банковскую карточку, и ее зеленый цвет становился все гуще и гуще, пока не превратился в почти черный цвет еловой хвои в сумерках (даже отдаленно не напоминающий первоначальный лимонный цвет банковской карточки), и в конце концов каллус прорвался, и кровь потекла по руке и губам. Он впился зубами в палец, наслаждаясь болью, вгрызаясь в плоть, пробуя вкус собственной крови, такой соленой и такой густой, похожей на кровь Тампера, хлынувшую после того, как он перекусил артерию у основания...

— Мама, что этот дядя делает с рукой?

— Не обращай внимания, идем скорее. Это привело его в чувство. Он ошалело оглянулся через плечо, как человек, пробуждающийся от непродолжительного, но очень глубокого сна, и увидел молодую женщину с мальчиком лет трех, наверное, которые поспешно удалялись от него — она волокла за собой ребенка с такой скоростью, что тот едва поспевал за ней, и, когда женщина, в свою очередь, оглянулась, Норман заметил на ее лице выражение ужаса.

Что же, черт возьми, привело ее в такое состояние? Он опустил взгляд на свой палец и увидел на нем глубокие кровоточащие полукруглые раны. Когда-нибудь он откусит его совсем,

откусит собственный палец и проглотит. И это будет не первый раз, когда он что-то откусывает. Откусывает и глотает.

Впрочем, так он пойдет слишком далеко. Достав из заднего кармана носовой платок, он перевязал им прокушенный палец. Затем поднял голову и огляделся. С удивлением отметил, что уже вечереет — в некоторых окнах зажегся свет. Как далеко он забрался? Где он?

Прищурившись, Норман взглянул на табличку с указанием улицы на угловом здании у очередного перекрестка и прочел слова «ДИЭРБОРН-АВЕНЮ». Справа находилась маленькая семейная булочная с поручнем для велосипедов у входа. Вывеска в окне приглашала попробовать «СВЕЖИЕ, ГОРЯЧИЕ БУЛОЧКИ». В желудке Нормана раздалось жадное урчание. Он понял, что по-настоящему проголодался в первый раз с тех пор, как сошел с подножки автобуса «Континентал экспресс» и перекусил холодной овсяной кашей в кафетерии автовокзала, потому что Роуз взяла бы именно это блюдо.

Несколько булочек — это как раз то, что ему надо... но не *просто* булочек. Ему захотелось *свежих, горячих* булочек вроде тех, какие пекла его мать — жирная как свинья, никогда не прекращавшая кричать, но готовить она умела, этого у нее не отнимешь. Мало кто мог с ней тягаться. Она же являлась и главным потребителем собственных кулинарных изделий.

«Упаси Бог, если они окажутся черствыми, — думал Норман, поднимаясь по ступенькам. Внутри он увидел торчащего за прилавком старика. — Не дай Бог им оказаться холодными, иначе я тебе, старик, не завидую».

Он протянул руку к двери, когда один из плакатов в витрине привлек его внимание. Плакат — вернее, большая листовка — был желтого цвета, и хотя Норман не знал и не мог знать, что Роза наклеила его своими руками, внутри, тем не менее, что-то шевельнулось даже прежде, чем он рассмотрел слова «Дочери и сестры».

Он склонился поближе к плакату, и глаза его вдруг стали очень маленькими, а взгляд — до предела напряженным; ритм сердца ускорился, как стук колес набирающего ход поезда.

ПРИХОДИТЕ ОТДОХНУТЬ С НАМИ В КРАСИВЕЙШЕМ ЭТТИНГЕР-ПИЕРС НА ПРАЗДНИКЕ ЧИСТОГО НЕБА И ТЕПЛЫХ ДНЕЙ

НА ДЕВЯТОМ ЕЖЕГОДНОМ ПИКНИКЕ И КОНЦЕРТЕ

«ДОЧЕРЕЙ И СЕСТЕР» «ШАГНИ В ЛЕТО»! СУББОТА, 4 ИЮНЯ

* ТОРГОВЫЕ ПАЛАТКИ * ПОДЕЛКИ * ПРИЗЫ

* ИГРЫ* РЭП-ДИ-ДЖЕЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ!!! ПЛЮС!!!

ЖИВОЙ КОНЦЕРТ «ИНДИГО ГЕРЛС», 20.00

ОДИНОКИЕ РОДИТЕЛИ, НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ!

ЗА ВАШИМИ ДЕТЬМИ ПРИСМОТРЯТ

ПУСТЬ ПРИХОДИТ КАЖДЫЙ, ПУСТЬ ПРИХОДЯТ ВСЕ!

ВСЕ ДОХОДЫ ПОЙДУТ НА БЛАГО «ДОЧЕРЯМ И СЕСТРАМ»,

КОТОРЫЕ НАПОМИНАЮТ, ЧТО НАСИЛИЕ НАД *ОДНОЙ* ЖЕНЩИНОЙ

ЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ *ВСЕХ* ЖЕНЩИН

Четвертого июня, в субботу. В *эту* субботу. А она, его бродячая Роза, будет там? Ну конечно же, куда она денется, она придет, она и все ее подружки-лесбиянки. Шлюха шлюху видит издалека.

Прокушенным пальцем Норман провел по пятой строке снизу. Яркая, как мак, кровь уже просочилась через носовой платок.

«Пусть приходит каждый, пусть приходят все». Вот что было сказано в этой строке, и Норман пообещал себе, что непременно воспользуется приглашением.

Четверг, почти половина двенадцатого утра. Роза отпила глоток воды «Эвиан», чтобы смочить рот и горло, и снова взялась за листы с текстом.

— «Она приближалась, это точно; в этот раз слух его не обманул. Петерсон услышал стаккато ее высоких каблучков по коридору. Он представил, как она открывает сумочку, копается в ней в поисках ключа, волнуясь и опасаясь, что кто-то может наброситься на нее сзади, в то время как ей следовало бы волноваться о том, что ожидает ее впереди. Он похлопал себя по карману, проверяя, на месте ли нож, затем быстро натянул на голову нейлоновый лучок. Когда раздался звук поворачивающегося ключа, Петерсон выхватил нож...»

— Стоп-стоп-стоп! — перебил ее зазвучавший в динамиках нетерпеливый голос Рода.

Роза подняла голову и посмотрела на режиссера через стеклянную стену. Ей не понравилось, как сидит Курт Гамильтон перед огромным пультом управления записывающей аппаратуры и глядит на нее, сняв наушники и повесив их на шею, но гораздо сильнее встревожила ее Рода, которая курила длинную сигарету, игнорируя табличку «НЕ ДЫМИТЬ» на стене. Рода выглядела так, словно провела накануне ужасную ночь, но в этом она была не одинока.

— Рода? Я что-то не так сказала?

— Ну, если вы носите нейлоновые *лучки*, то все правильно, — ухмыльнулась Рода, стряхивая пепел в одноразовый пластмассовый стаканчик, стоящий перед ней на пульте управления. — Вообще-то, если задуматься, этот предмет женского туалета действительно может довести кое-кого до слез, но чаще всего его все-таки называют *чулками*.

Несколько секунд Роза совершенно не могла сообразить, о чем идет речь, затем воспроизвела в уме несколько последних прочитанных предложений и застонала:

— Дьявол, прошу прощения, Рода. Черт! Курт надел наушники и нажал на кнопку;

— «Убей все мои завтра», эпизод семьдесят тр...

Рода положила ладонь ему на плечо и произнесла слова, от которых живот Розы словно наполнился ледяной водой.

— Не стоит.

Режиссер повернулась к стеклянной кабинке, увидела потрясенное лицо Розы и улыбнулась ей откровенно фальшивой улыбкой.

— Не волнуйтесь, Роза. Я просто объявляю обеденный перерыв на полчаса раньше, вот и все. Выходите.

Роза поднялась со стула слишком быстро, ударившись бедром об угол стола (хороший синяк!) и едва не перевернув бутылку с водой. Она торопливо выскочила из кабинки.

Рода и Курт стояли у выхода, и на мгновение ей показалось — нет, она *знала*, — что они говорили о ней.

«Если ты действительно так считаешь, Роза, тебе следует обратиться к врачу, — остудила ее пыл Практичность-Благоразумие. — Знаешь, к тому, который показывает чернильные кляксы и спрашивает, в каком возрасте ты отучилась ходить на горшок». В последнее время Роза редко обращала внимание на внутренний голос, однако в этот раз она ему по-настоящему обрадовалась.

— Я могу лучше, — заверила она Роду. — И буду читать лучше после обеда, честное слово. Вот увидите.

Так ли это? Она не знала, совершенно не знала. Все утро Роза провела в попытках проникнуться настроением книги, как получилось с «Сияющим лучом», но, увы, без толку. Она

начинала погружаться в мир Альмы Сент-Джордж, которую преследовал сумасшедший обожатель Петерсон, но в эту секунду ее отвлекал голос из прошлого вечера: голос Анны, позвонившей, чтобы сообщить ей о смерти бывшего мужа, человека, направившего Розы в «Дочери и сестры», или голос Билла с явственными растерянными-паническими нотками, спрашивающий, что с ней случилось, или, хуже того, — ее собственный, приказывающий Биллу держаться от нее подальше. Просто держаться подальше. Курт похлопал ее по плечу.

— Вы сегодня не в голосе, — заметил он. — Бывает, волосы не ложатся в прическу, случается, голос не звучит. Последнее хуже. Такое в нашей камере аудио-пытток мы наблюдаем часто. Правда, Ро?

— Да уж нередко, — откликнулась Рода, однако в то же время ее глаза внимательно изучали лицо Розы, и та хорошо представляла себе, что видит Рода. Прошлой ночью ей удалось поспать два, от силы три часа, и она пока что не обзавелась набором всемогущей косметики, способной скрыть плачевные результаты.

«Все равно я не умею ей пользоваться», — подумала она.

Когда она училась в старшей школе, у нее было достаточно косметики (по иронии судьбы, она тогда меньше всего в ней нуждалась), но с тех пор, как вышла замуж за Нормана, Розы обходилась минимумом: чуточку пудры и две-три губные помады наиболее природных оттенков. «Если бы я хотел каждый день видеть перед собой рожу проститутки, — сказал ей однажды Норман, — я нашел бы себе жену на панели».

Она подумала, что Рода, наверное, внимательнее всего вглядывается в ее глаза: вспухшие веки, воспаленные, в красных прожилках белки, темные набрякшие мешки под глазами. Прошлым вечером, выключив свет, она в отчаянии проревела не меньше часа, но так и не доплакалась до сна — который в тот момент стал бы настоящим благословением. В конце концов запас слез истощился, и она попросту лежала в темноте, гоня от себя мысли и все же думая, думая, думая. Когда наступила и медленно укатила в прошлое полночь, ее вдруг посетила совершенно ужасная мысль: она решила, что допустила фатальный промах, позвонив Биллу, совершила ошибку, отказавшись от его утешений, — а также, возможно, защиты, — когда больше всего в них нуждалась.

«Защиты? Да не смешите меня! Я знаю, голубушка, он тебе нравится, и в этом ничего плохого нет, но давай говорить откровенно: Норман проглотит его, не поперхнувшись».

Правда, у нее нет возможности проверить, действительно ли Норман в городе — именно это снова и снова повторяла в телефонном разговоре Анна. Питер Слоуик стал жертвой жестокого убийства, однако он помогал не только ей, но и многим другим, и далеко не все его дела можно считать безобидными. Вполне вероятно, что он наступил на любимую мозоль совсем другому человеку... который и убил его. Однако Розы знала.

Ее *сердце* знало. Это Норман. И все же проходил час за часом, а голос сомнения продолжал нашептывать ей на ухо. *Откуда* ее сердце знает, что Норман убил Питера Слоуика? Или за уверенностью прячется та часть ее сознания, которую можно назвать совсем не Практичность и Благоразумие, а Страх и Беспомощность? Может, она ухватилась за звонок Анны как за повод придушить зарождающуюся дружбу с Биллом, пока та не окрепла и не переросла в нечто иное?

Этого она не знала, зато прекрасно осознавала: каждый раз при мысли о том, что больше никогда его не увидит, сердце ее сжималось в маленький несчастный комочек... и страх охватывал ее, словно она лишилась какой-то жизненно важной своей части. Невероятно, чтобы за такое короткое время один человек вдруг стал настолько необходим другому, что не смог бы существовать без него; но проходил час за часом, и подобная мысль уже не казалась ей такой невероятной.

Когда же она уснула перед самым рассветом, ей приснилось, что она снова едет с ним на

мотоцикле; на ней маренового цвета хитон, она сжимает Билла обнаженными коленями. Когда будильник разбудил ее — слишком рано после того, как она провалилась в сон, — Роза тяжело дышала, все ее разгоряченное тело дрожало, как в лихорадке.

— Роза, с вами *все* в порядке? — нахмурилась Рода.

— Да, просто... — Она бросила косой взгляд на Куртиса, затем опять посмотрела на Роду. Пожав плечами, она приподняла уголки губ в жалкой улыбке. — Просто для меня сейчас не самое лучшее время месяца, понимаете...

— Угу, — закивала головой Рода с откровенным недоверием. — Ну что ж, тогда приглашаю вас в кафетерий. Утопим наши горести и печали в салаты и молочном коктейле с клубникой.

— Вот-вот, — поддакнул Курт. — Я угощаю.

В этот раз Роза улыбнулась чуть искреннее, но отрицательно покачала головой.

— Я пас. Мне больше хочется прогуляться, подставить лицо ветру. Чтобы он сдул с него немного пыли.

— Если вы не поедите, к трем часам потеряете сознание от истощения, — заметила Рода.

— Я съем салат. Обещаю. — Роза уже направлялась к старому скрипучему лифту. — Что-нибудь более существенное — и десяток идеальных в остальном отношении дублей испортит отрыжка.

— Сегодня это мало что изменит, — мрачно констатировала Рода. — Встречаемся в четверть первого, договорились?

— Да, — кивнула Роза, но когда она спускалась с четвертого этажа в трясущемся лифте, завершающая реплика Роды снова и снова повторялась в голове, как строка песни на старой заигранной пластинке. «Сегодня это мало что изменит». А что если и *после* перерыва она не сможет читать лучше? Что если от семидесяти трех дублей они перейдут к восьмидесяти, девяноста, сто-черт-знает-какому-количеству? Что если во время завтрашней встречи с мистером Леффертсом вместо того, чтобы предложить контракт, он сообщит ей о предстоящем увольнении? Что тогда?

Она почувствовала неожиданный прилив ненависти к Норману. Ненависть ударила по переносице между глаз, как тяжелый тупой предмет — круглая дверная ручка, например, или обух топора. Даже если *не* Норман убил Питера Слоуика, даже если Норман по-прежнему находится в своем часовом поясе, он все равно преследует ее, как Петерсон бедную перепуганную Альму Сент-Джордж. Он преследует ее в ее же сознании. Лифт, облегченно вздохнув, остановился, двери разъехались в стороны. Роза шагнула в вестибюль, и мужчина, стоявший рядом с указателем расположения кабинетов в здании, повернулся к ней — на его лице читались одновременно надежда и робость. Это выражение делало его еще моложе... почти подростком.

— Привет, Роза, — сказал Билл.

Ей немедленно захотелось убежать, скрыться, прежде чем он заметит, насколько сильно потрясло ее его неожиданное появление, но в этот миг взгляд Билла остановился на ней и поймал ее взгляд, после чего о бегстве не могло быть и речи. Как она могла забыть зеленый оттенок его глаз, похожий на солнечные лучи, запутавшиеся в мелководье? Вместо того, чтобы броситься к выходу из вестибюля, она, испуганная и счастливая, медленно подошла к нему. Но явственнее всего она ощущала огромное облегчение.

— Я же говорила, чтобы вы держались от меня подальше, — произнесла она с дрожью в голосе.

Он потянулся к ее руке. Она знала, что не должна позволять ему прикоснуться к ней, но не могла предотвратить неизбежное... и повернула руку, пойманную в ловушку его ладони, так, чтобы удобнее было сжать его длинные пальцы.

— Я знаю, — просто ответил он. — Но, Роза, я не могу.

Слова Билла испугали ее, и она, отпустив его руку, неуверенно взглянула в его лицо. Ничего подобного не случалось с ней раньше, ничего, и она растерялась, не зная, как следует реагировать или вести себя.

Он развел руки в стороны, наверное желая жестом выразить свою беспомощность, но Роза словно ждала этого движения — больше ничего и не требовалось уставшему одинокому сердцу; оно рванулось к нему, не обращая внимания на слабые протесты рассудка. Роза почувствовала, что идет, будто во сне, в его распростертые объятия, и, когда руки Билла сомкнулись у нее за спиной, она прижалась лицом к его плечу и закрыла глаза. А когда эти руки погладили ее по волосам, которые, не заплетенные утром в косу, свободно рассыпались по плечам, она испытала нечто странное и чудесное: ей показалось, что она секунду назад проснулась. Словно она спала, не только в тот миг, когда вошла в круг, образованный его руками, и не утром до бесцеремонного звонка будильника, вырвавшего ее из сна, в котором они с Биллом катались на мотоцикле, а в течение многих бесконечных лет, как Белоснежка после заколдованного яблока. Но теперь она проснулась, остатки сна улетучились в мгновение ока, и она оглядывается вокруг, воспринимая мир только что открывшимися глазами.

— Я рада, что ты пришел, — сказала она.

Они медленно шагали к востоку вдоль Лейк-драйв, и сильный теплый ветер дул им прямо в лицо. Когда он слегка обнял ее за плечи, она благодарно улыбнулась ему. До озера оставалось еще около трех миль, но Роза казалось, что, если он не уберет руку с ее плеча, она может идти, идти и идти вот так вот, пока они не доберутся до самого озера. А потом пройти и через озеро, спокойно переступая с гребня одной волны на гребень другой.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он.

— Так просто, — ответила она. — Хочется улыбаться, вот и улыбаюсь.

— Ты действительно рада, что я пришел?

— Да. Прошлой ночью я почти не спала. Все время думала, не допустила ли я ошибку. Наверное, я все-таки *допустила* ее, но... Билл?

— Я здесь.

— Я поступила так, потому что отношусь к тебе лучше, чем к любому другому мужчине в мире, со мной ничего похожего не происходило за всю жизнь, к тому же все случилось так *быстро*... Пожалуй, я совсем сошла с ума, раз говорю тебе об этом. Он крепче прижал ее к себе.

— Ты не сошла с ума.

— Я позвонила и приказала тебе держаться от меня подальше, ибо происходит нечто... *возможно*, происходит нечто неприятное, и я не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня. Ни за что. И до сих пор думаю так же.

— Это все Норман, да? Как у Бейтс. Надо понимать, он все-таки продолжает тебя разыскивать. И объявился где-то поблизости.

— Мое *сердце* подсказывает, что он здесь, — поправила его Роза, осторожно подбирая слова, — и *нервы* с ним соглашаются, но я не уверена, что могу доверять своему сердцу — оно столько лет прожило в страхе, — а что касается нервов... нечего и говорить.

Она бросила взгляд на часы, затем перевела его на киоск, продававший сосиски. Рядом на полоске травы стояло несколько скамеек, и сидевшие на них секретарши сосредоточенно поглощали бутерброды.

— Не желаете ли угостить даму хот-догом длиной в фут с квашеной капустой, красавчик? — спросила она. Возможная отрывка, как следствие подобного ленча, показалась ей вдруг самой незначительной вещью в мире. — В последний раз я ела его в далеком детстве.

— Думаю, организуем.

— Мы можем сесть на скамеечку, и я расскажу тебе о Нормане, как у Бейтс. А после этого ты сам решишь, согласен ли иметь со мной дело. Если тебе больше не захочется видеть меня, я пойму...

— Роза, я никог...

— Не говори ничего. Не говори, пока я не расскажу тебе о Нормане. И лучше поешь до того, как я начну, потому что потом ты, скорее всего, потеряешь аппетит.

Минут через пять он вернулся к скамейке, на которую она села. Он бережно нес поднос с двумя футовыми сосисками и двумя бумажными стаканчиками с лимонадом. Она взяла сосиску и лимонад, поставила стаканчик на скамейку рядом с собой, затем серьезно посмотрела на него.

— Полагаю, ты должен прекратить подкармливать меня. Не то я почувствую себя, как беспризорный ребенок с плаката ЮНИСЕФ.

— Мне *нравится* угощать тебя, Роза, — заявил он — Ты слишком худая.

«Да-а, Норман утверждал совсем иное», — подумала она, однако сейчас подобное замечание вряд ли оказалось бы к месту. С другой стороны, она не знала, *какая* реплика была бы уместной, и стала вдруг вспоминать глупые диалоги персонажей идиотских телешоу вроде «Мэлроуз-плейс». В данной ситуации ей, несомненно, пригодилось бы что-нибудь из их репертуара. «Какая я дура, забыла привести с собой сценариста». Так и не найдя, что скачать, она, наморщив лоб и плотно сжав губы, посмотрела на огромную сосиску и кончиком указательного пальца стала проделывать дырочки в булочке, словно в этом состоял некий древний предваряющий пищеварение ритуал, передаваемый в семье из поколения в поколение, от матери к дочери.

— Ты обещала рассказать мне о Нормане, Роза.

— Да-да. Дай мне придумать только, с чего начать.

Она откусила кусочек сосиски, наслаждаясь вкусом пощипывающей язык кислой капусты, сделала глоток лимонада. Ей пришло на ум, что Билл, выслушав ее историю до конца, не захочет больше знать ее, не почувствует ничего, кроме ужаса и отвращения, к женщине, которая столько лет жила с таким чудовищем, как Норман, но волноваться из-за этого не имело смысла. Вернее, было уже слишком поздно. Она раскрыла рот и заговорила. Совершенно неожиданно для нее голос зазвучал уверенно, и это ее успокоило.

Роза начала рассказывать о пятнадцатилетней девочке, которой показалось, что она необычайно красива с повязанной в волосах розовой лентой, о том, как эта девочка однажды вечером пошла на матч двух университетских баскетбольных команд, потому что заседание клуба «Будущие хранительницы семейного очага», где она должна была участвовать, в последнюю минуту отменили, и ей пришлось чем-то занять два часа, пока за ней приедет отец, чтобы забрать из школы. Возможно, призналась она, ей просто хотелось, чтобы люди увидели, какая она красивая с той розовой лентой, а школьная библиотека уже закрылась. На верхних рядах трибун рядом с ней сел юноша в спортивной куртке, крепкого телосложения широкоплечий парень, студент, которому следовало находиться там, на площадке, среди игроков. Он бы тоже гонялся за мячом, если бы его прошлой зимой не вышибли из команды за драку. Роза продолжала говорить, удивленно слушая, как с губ срываются все те слова, которые, как она думала, уйдут невысказанными в могилу вместе с ней. Правда, о теннисной ракетке она умолчала, эта часть истории *будет* похоронена вместе с ней, однако больше ничего не скрыла — рассказала, как Норман кусал ее в течение медового месяца, как она пыталась убедить себя в том, что это любовные игры, поведала о выкидыше, при котором ассистировал Норман, о коренном отличии между ударами в лицо и ударами в спину.

— Поэтому мне приходится то и дело бегать на горшок, — добавила она, нервно улыбаясь собственным рукам, — но это проходит.

Роза рассказала о том, что в первые годы брака муж часто прижигал сигаретным окурком или зажигалкой кончики ее пальцев на руках или ногах; смешно, конечно, но подобные попытки прекратились, когда Норман бросил курить. Она поведала Биллу о той ночи, когда Норман

вернулся с работы, молча уселся перед телевизором, по которому показывали новости, держа поднос с нетронутым ужином на коленях; о том, как он отставил поднос в сторону, когда ведущий программы теленовостей Дэн Радер исчез с экрана, и принялся тыкать ее острием карандаша, подвернувшегося под руку. Он колол ее с таким ожесточением, что на коже оставались черные точки, похожие на родинки, но все-таки недостаточно сильно, чтобы выступила кровь. Рози сказала, что довольно часто он причинял ей гораздо большую боль, но никогда ей не было так страшно, как в тот раз. Наверное, из-за его молчания. Она пыталась говорить с ним, спрашивала, что случилось, но он не проронил ни слова — просто шел за ней, когда она пятилась (боясь бежать; бегство стало бы зажженной спичкой, брошенной в бочку с порохом), не обращая внимания на ее вопросы, на ее протянутые руки с растопыренными пальцами. Он продолжал колоть ее руки, плечи, верхнюю часть груди — в тот вечер на ней был легкий свитер с неглубоким вырезом — острием карандаша, издавая слабые пыхтящие звуки каждый раз, когда заточенный кончик карандаша вонзался в ее кожу. В конце концов она забилась в угол, прижала колени к груди и обхватила руками голову, а он опустил перед ней на колени с серьезным, почти сосредоточенным выражением лица и все колол и колол ее карандашом, пыхтя: «Пуфф! Пуфф! Пуфф!» Рози призналась Биллу, что поняла тогда: муж собирается убить ее, она станет единственной за всю историю человечества женщиной, принявшей смерть от простого карандаша «Монгол» № 2... а она снова и снова напоминала себе, что ни в коем случае не должна кричать, ибо крик может привлечь соседей, а ей не хотелось, чтобы ее обнаружили в таком виде. Не хотелось, чтобы ее нашли еще живой. Затем, когда она почувствовала, что вот-вот закричит, несмотря на все усилия сдержаться, Норман неожиданно оставил ее в покое и заперся в ванной. Он пробыл там очень долго, и Рози сказала, что собралась было убежать тогда — просто выскочить за дверь и броситься куда глаза глядят — но на дворе стояла ночь, и муж находился дома. Если бы, выйдя из ванной, он обнаружил, что она пропала, то погнался бы за ней, поймал и наверняка убил, это она знала точно.

— Он свернул бы мне шею, как цыпленку, — объяснила она Биллу, не поднимая головы. Впрочем, она пообещала себе, что *обязательно* сбежит когда-нибудь; и не просто когда-нибудь, а в следующий раз, как только он сделает ей больно. Но после той ночи Норман очень долго не притрагивался к ней и пальцем. Месяцев пять, наверное. А когда он все-таки возобновил издевательства, поначалу все было не так страшно, и она успокаивала себя тем, что если ей удалось вытерпеть уколы карандашом, то уж перенести несколько случайных ударов совсем не сложно. Так она думала до восемьдесят пятого года, когда все вдруг обернулось в худшую сторону. Рози рассказала, как страх преследовал Нормана на протяжении почти всего года из-за неприятностей с Уэнди Ярроу.

— В тот год у тебя произошел выкидыш, да? — спросил Билл.

— Да, — подтвердила она, по-прежнему разговаривая с собственными руками. — И еще он сломал мне ребро. Или два. Сейчас я уже не помню точно, разве не *ужасно*, как тебе кажется?

Он не ответил, и Рози торопливо продолжила излагать историю своей семейной жизни. Худшими моментами, сказала она (за исключением выкидыша, разумеется), были долгие пугающие молчаливые паузы, когда он просто смотрел на нее и так громко дышал через нос, что становился похожим на готовящегося к броску дикого зверя. После выкидыша ситуация немного улучшилась. Она сообщила Биллу (обращаясь к рукам), что после этого ее рассудок начал сдавать, что иногда, когда она садилась в любимое кресло-качалку, время ускользало от нее, а по вечерам, накрывая стол к ужину, она вдруг вспоминала, что за день восемь или даже девять раз становилась под душ. Обычно не включая света в ванной.

— Мне нравилось принимать душ в темноте, — призналась Рози, не отрывая взгляда от лежащих на коленях рук. — Мне казалось, что я прячусь в мокром шкафу.

Она закончила рассказ звонком Анны — звонком, который Анна сделала в спешке по одной-единственной причине. Ей стала известна существенная подробность, ни разу не всплывшая в газетных отчетах, важная деталь, которую полицейские решили придержать, чтобы в случае необходимости иметь возможность отсеять любые фальшивые признания в совершенном преступлении или ложные улики. На теле Питера Слоуика при осмотре были обнаружены несколько десятков следов от укусов, и по крайней мере одна его анатомическая часть отсутствовала. Полицейские предполагали, что преступник захватил ее с собой... каким-то образом. Из терапевтических сеансов Анна знала, что Розы Макклендон была замужем за мужчиной, питавшим склонность к укусам. И первым человеком, к кому она обратилась за помощью, после того как попала в этот город, являлся бывший муж Анны. Возможно, здесь нет никакой связи, быстро добавила Анна. Но... с другой стороны...

— Мужчина, питающий склонность к укусам, — тихо повторил Билл. Он говорил так, будто обращался к самому себе. — Значит, он не настоящий сумасшедший, а всего лишь питает склонность к укусам. Так это называется?

— Не знаю, — ответила Розы. А затем, видимо боясь, что он не поверит ей (и подумает, будто она «сочиняет побасенки», по выражению Нормана), она стащила с плеча фирменную розовую футболку «Тейп Энджин» и продемонстрировала кольцо старых белых зарубцевавшихся шрамов, похожих на следы зубов акулы. Первый подарок, оставшийся от медового месяца. Потом закатила рукав и показала ему другой шрам. Но сама почему-то подумала не об укусе; по странной причине шрам на руке напомнил ей о белых лицах, почти не видных за сочной зеленой травой.

— Я долго не могла остановить кровь, — сказала она, — а потом в рану попала инфекция, и она воспалилась. — Розы говорила тоном человека, сообщающего не стоящие внимания сведения — что-то скучное, например, что утром звонила бабушка или почтальон принес письмо. — Но к врачу я не обращалась. Норман притащил домой пузырек таблеток с антибиотиками. Я пила их, и в скором времени поправилась. Он знает самых разных людей, которые оказывают ему всевозможные услуги. Он называет их «маленькие папочкины помощники». Если задуматься, забавно, правда?

Как и раньше, она обращалась к своим рукам, лежащим на коленях. Отважившись на короткий взгляд — ей хотелось увидеть реакцию на услышанное, — она увидела нечто, потрясшее ее до глубины души.

— Что? — хрипло переспросил он. — Что ты говоришь, Розы?

— Ты плачешь? — произнесла она тихо, и теперь и в ее голосе чувствовалась дрожь. На лице Билла появилось удивление.

— Я? Плачу? Нет. Во всяком случае, я не знаю об этом.

Она протянула руку, подушечкой среднего пальца осторожно провела под его глазом и показала палец. Он внимательно посмотрел на него и прикусил нижнюю губу.

— И почти ничего не съел.

На тарелочке лежала половина запеченной в тесте сосиски, из булочки вытекла горчица. Билл бросил тарелочку с недоеденной сосиской в урну рядом со скамейкой и посмотрел на Розы, рассеянно вытирая влагу на щеках.

Розы ощутила, как ее наполняет мрачная уверенность. Сейчас он спросит, почему она так долго оставалась с Норманом, и, хотя она не сможет подняться со скамейки и уйти (точно так же, как до апреля не могла покинуть дом на Уэстморлэнд-стрит), его вопрос станет первым барьером между ними, потому что она не в состоянии дать сколько-нибудь вразумительный ответ. Розы не *знала*, почему продолжала жить с мужем, не знала: и не понимала, отчего в конце концов одной капли крови на пододеяльнике оказалось достаточно, чтобы перевернуть всю ее

жизнь. Она лишь помнила, что во всем доме лучшим местом была душевая — влажная, темная, полная бегущих потоков воды, и что полчаса, проведенные в кресле Винни-Пуха, иногда пролетали быстрее пяти минут. Вопросы, начинающиеся со слова «почему», не имеют ни малейшего смысла, когда живешь в аду. В аду нарушена причинно-следственная связь. Женщинам на терапевтических сеансах не требовалось объяснять это; никому и в голову не пришло спросить, почему она продолжала жить с мужем. Они знали. Знали по собственному опыту. Розы даже подозревала, что кто-то из них знаком с теннисной ракеткой... или даже с чем-нибудь похлеще.

Когда же Билл, наконец, задал вопрос, он настолько отличался от ожидаемого, что несколько секунд она просто растерянно открывала и закрывала рот.

— Велика ли вероятность того, что именно он убил женщину, доставлявшую ему столько неприятностей в восемьдесят пятом году? Уэнди Ярроу?

Ее потряс вопрос, но это не был шок, который ощущает человек, столкнувшийся с чем-то невысказанным; она испытала потрясение, схожее с тем, что чувствуешь, когда видишь лицо близкого друга в чужой, враждебной обстановке. Вопрос, произнесенный им вслух, кружил невысказанный и потому не сформированный в ее подсознании многие годы.

— Розы? Я спросил, как ты считаешь, возможно ли, чтобы...

— Думаю, вероятность этого... я бы сказала, очень высока.

— Такое развитие событий оказалось ему на руку, верно? Ее смерть полностью его устраивала, да? Таким образом, дело закончилось, так и не дойдя до гражданского суда.

— Да.

— Если на ее теле имелись следы укусов, как ты полагаешь, напечатали бы об этом в газетах?

— Не знаю. Скорее всего, нет. — Она посмотрела на часы и быстро поднялась. — О Господи! Мне надо бежать, честное слово. Рода хотела начать запись в двенадцать пятнадцать, а сейчас уже десять минут первого.

Бок о бок они зашагали назад, к студии звукозаписи. Она обнаружила, что хочет снова почувствовать руку Билла на своем плече, и в тот момент, когда часть ее сознания снисходительно напоминала ей, что не стоит жадничать, а другая часть (Практичность-Благоразумие) советовала не искать дополнительных неприятностей, он именно так и сделал: обнял ее. «Кажется, я в него влюбляюсь».

Она не удивилась своему предположению, и это подтолкнуло вторую мысль: «Нет, Розы, это заголовок для вчерашних газет. Ты *уже* влюбилась».

— Что сказала Анна о полиции? — спросил он. — Она не предложила тебе пойти в участок и сделать заявление?

Розы мгновенно напряглась под его рукой, в горле за секунду пересохло, глубоко в теле открылся кран, из которого в кровеносную систему потекли потоки адреналина. Для этого потребовалось единственное слово. Слово, начинающееся на «п».

«Все копы брата, — любил повторять Норман. — Полиция — одна большая семья, а полицейские в ней — родные братья». Розы не имела представления о том, в какой степени он прав, до какого предела готовы копы защищать друг друга — вернее, *прикрывать* друг друга, — однако помнила, что все полицейские, которых Норман время от времени привозил домой, казались странно похожими на самого Нормана, она знала, что он никогда не произносил ни слова, которое могло бы пойти им во вред, даже в адрес своего самого первого напарника, обрюзгшего старого борова по имени Гордон Саттеруэйт, которого Норман откровенно презирал. Взять того же Харли Биссингтона, чьим хобби — во всяком случае, в часы визитов в дом четы Дэниэлс — являлось раздевание Розы глазами. Три года назад у Харли обнаружился

рак кожи в начальной стадии, и потому он был вынужден выйти на пенсию раньше положенного срока, но ведь он работал в паре с Норманом в восемьдесят пятом году, когда началась заварушка из-за Ричи Вендора (Уэнди Ярроу). А если все произошло именно так, как догадывалась Роза, то Харли прикрывал Нормана. Прикрывал, рискуя собственной шкурой. И не потому, что тоже приложил к этому руку. Он прикрывал Нормана, ибо полиция — одна большая семья, а полицейские в ней — родные братья. Полицейские смотрят на мир совершенно иначе; копы видят мир с содранной шкурой и обнаженными нервными окончаниями. Оттого они не такие, как все остальные, а некоторые из них — *совсем* не такие... и еще не надо забывать о том, что представляет собой сам Норман.

— Я не собираюсь даже *близко* подходить к полиции, — скороговоркой заявила Роза. — Анна сказала, что мне совсем не обязательно обращаться к ним, и никто не может меня заставить. Вся полиция у него в друзьях. Все полицейские — его *братья*. Они держатся друг за дружку, они прикрывают Друг дружку, они...

— Успокойся, прошу тебя, — остановил он ее с легкой тревогой в голосе. — Все в порядке, ты только успокойся.

— Я не *могу* успокоиться! Ты не понимаешь, ты просто не *знаешь*! Потому-то я и позвонила тебе, потому-то и попросила держаться от меня подальше — ты не знаешь, какие они... какой *он*... как они все связаны одной веревочкой. Если я обращусь в полицию *здесь*, они сообщат в полицейское управление *там*. И если кто-то из них... кто-то, кто сидел с ним в засаде в три часа ночи, кто работает с ним, кто доверял ему свою жизнь... — Она думала о Харли, который не мог отвести взгляда от ее груди и всякий раз, когда она садилась, проверял, в каком месте заканчивается ее платье.

— Роза, тебе совсем не обязательно...

— *Обязательно!* — закричала она с яростью, совсем ей не свойственной. — Если такому копу известно, как связаться с Норманом, он обязательно это сделает. Он передаст Норману, что я ходила в полицию и рассказала о нем. Если я раскрою им свой адрес, — а они обычно требуют адрес, когда ты подаешь официальное заявление, — он непременно сообщит его Норману.

— Я уверен, что ни один полицейский...

— Скажи, они когда-нибудь сидели у тебя дома за столом, играя в покер, или перед телевизором, комментируя «Дебби в Далласе»?

— Ну... нет. Нет, но...

— А я *знаю*, что это такое. Я слышала, о чем они разговаривают между собой, и *знаю*, как они смотрят на остальной мир. Да, они именно так относятся к нему: они и остальной мир. Даже самые лучшие из них. Мир делится на них... и отбросы. Вот так-то.

Он раскрыл рот, чтобы сказать что-то, но не нашел нужных слов. Предположение о том, что Норману благодаря тайной телеграмме какого-нибудь приятеля-копа станет известен ее адрес на Трентон-стрит, прозвучало весьма убедительно, но не в этом заключалась главная причина, заставившая его промолчать. Выражение ее лица — вид женщины, невольно ушедшей с головой в ненавистное, несчастное (и не очень далекое) прошлое — дало ему понять, что сейчас бессмысленны любые доводы. Она испытывает непреодолимый страх перед полицейскими вообще, вот в чем дело, а его жизненный опыт достаточно велик, чтобы знать: не все привидения можно одолеть примитивной логикой.

— Кроме того. Анна сказала, что мне не обязательно обращаться в полицию. Она объяснила, что если преступление совершил Норман, то *они* должны первыми найти его, а не я.

Билл задумался над ее словами и пришел к выводу, что в них есть определенный смысл.

— Что она собирается предпринять?

— Она уже принимает меры. Анна отправила факс какой-то тамошней женской группе — в

том городе, из которого я приехала, — и сообщила о случившемся здесь и своих подозрениях. Попросила предоставить, если возможно, всю имеющуюся информацию о Нормане. Через час ей прислали целую кипу сведений о нем, включая фотографию.

Билл удивленно вскинул брови:

— Оперативно сработано, честное слово.

— Мой муж сейчас настоящий герой у себя дома, — мрачно пояснила она. — Пожалуй, за месяц ему ни разу не пришлось платить за выпивку. Он возглавлял группу, которая разоблачила большую преступную банду. Два или три дня подряд все газеты выходили с его портретом на первой полосе.

Билл присвистнул. Возможно, ее страх не столь параноидален, как кажется на первый взгляд.

— Женщина, получившая просьбу Анны, пошла еще дальше, — продолжала Роза.

— Она позвонила в полицейское управление и спросила, нельзя ли ей поговорить с ним. Придумала историю о том, что ее группа хочет вручить ему свой почетный диплом.

Он на минутку задумался над услышанным, затем вдруг рассмеялся. Роза чуть улыбнулась.

— Дежурный сержант покопался в компьютере и ответил, что лейтенант Дэниэлс находится в отпуске. Где-то на западе, он не уточнил, где именно.

— Но он *на самом деле* может отдыхать там, — задумчиво произнес Билл.

— Конечно. И если кто-то пострадает, то это произойдет по моей ви...

Он положил ей руки на плечи и повернул лицом к себе. Глаза ее широко раскрылись, и Билл заметил в них остатки раболопного страха. Эти глаза ранили его сердце новым и странным образом. Он неожиданно вспомнил историю, которую слышал в Центре американских евреев, когда до семилетнего возраста посещал занятия религиозной школы. Историю о том, как во времена пророков людей иногда забивали камнями до смерти. Тогда он подумал, что это, наверное, самая жестокая из всех изобретенных человеком форм смертной казни, гораздо хуже, чем расстрел или электрический стул, — такая форма смертной казни, которой нет ни объяснения, ни оправдания. Теперь же, увидев, во что превратил Норман Дэниэлс эту прелестную женщину с хрупкими, нежными чертами лица, он засомневался в правоте детских умозаключений.

— Не говори, что ты виновата, — перебил он ее. — Не ты ведь создала Нормана.

Роза растерянно заморгала, как будто подобная мысль никогда раньше не приходила ей в голову.

— Я не пойму, каким образом ему вообще удалось разыскать этого парня Слоуика.

— Очень просто. Он стал мной.

Билл посмотрел на нее. Она кивнула.

— Звучит невероятно, но это так. Он способен перевоплощаться в других людей. Я *видела*, как он делает это. Наверное, именно так он распутал дело с бандой.

— Наитие? Интуиция?

— Больше. Скорее, похоже на телепатию. Он называет это блеснением.

Билл покачал головой.

— Значит, речь идет об очень серьезном и странном парне, верно?

Его реплика до такой степени удивила ее, что она даже слегка рассмеялась.

— Боже, ты просто не понимаешь! Ну да ладно. Как бы там ни было, женщины из «Дочерей и сестер» располагают его фотографией и собираются принять чрезвычайные меры предосторожности, особенно во время пикника в субботу. Кое-кто из них даже будет иметь при себе баллончик со слезоточивым газом... во всяком случае, те, кто сумеют им воспользоваться в крайней ситуации. Об этом рассказала Анна. И все было бы хорошо, но потом она добавила: «Не

волнуйтесь, Рози, мы попадали и не в такие передрыги» — и все опять перевернулось с ног на голову. Потому что, когда погибает человек, — замечательный человек, как тот, что спас меня на ужасном автовокзале, — это уже совсем не мелочи.

Ее голос снова взвился, убыстряясь и грозя перерасти в крик. Он взял ее руку и погладил.

— Я все понимаю, Рози, — произнес он, как ему казалось, успокаивающим тоном. — Я знаю, это очень серьезно.

— Ей кажется, что она делает все как следует, — я имею в виду Анну, — что им уже приходилось выкарабкиваться из подобных неприятностей. Господи, да она просто звонила в полицию, когда какой-то пьяница швырял в окно камнем или шатался у входа, дожидаясь возможности плюнуть в сторону бывшей жены, если та выйдет на крыльцо за утренними газетами. Ей никогда не доводилось иметь дело с кем-то, хотя бы *отдаленно* напоминающим Нормана, она отказывается это понять, и потому-то мне так страшно. — Рози сделала паузу, чтобы немного взять себя в руки, затем улыбнулась через силу, глядя ему в глаза. — Во всяком случае, Анна говорит, что я могу оставаться в стороне; по крайней мере, пока.

— Я рад.

До здания Корн-билдинг оставалось всего несколько шагов.

— Ты ничего не сказал про мои волосы. — Рози снова метнула в его сторону быстрый, в этот раз слегка стеснительный взгляд. — Значит ли твое молчание, что ты ничего не заметил, или тебе не понравились?

Он с улыбкой повернулся к ней.

— И заметил, и понравились, просто голова занята другим — боялся, что больше тебя не увижу.

— Извини, что заставила поволноваться.

Она действительно сожалела о том, что стала причиной беспокойства Билла, но одновременно была *рада* тому, что он переживал. Чувствовала ли она что-то подобное во время встреч с Норманом в молодости? Рози не помнила. Память лишь подсказала, что он лапал ее под одеялом однажды вечером, когда они наблюдали за гонками на выживание, но все остальное пряталось — по крайней мере, сейчас — в густом тумане.

— Ты решила последовать примеру женщины на картине, верно? На той, которую купила в моей лавке?

— Может быть, — осторожно сказала она. Не показалось ли ему это странным? Может, поэтому он не отозвался ни словом о ее новой прическе?

Но он опять удивил ее, вероятно, еще сильнее, чем тогда, когда задал вопрос об Уэнди Ярроу.

— Большинство женщин после того, как покрасят волосы, больше всего похожи на женщин с крашеными волосами, — произнес он. — Мужчины обычно делают вид, что не замечают этого, однако они все видят, поверь мне. Но ты... как будто те волосы, с которыми ты появилась в ломбарде, были крашеными, а теперь они настоящие. Может, это похоже на самую идиотскую глупость, которую тебе когда-либо доводилось слышать, но я говорю то, что думаю... причем блондинки, как правило, крайне редко выглядят натуральными. Кстати, я советую тебе заплетать волосы в косу, как у женщины на картине. Ты станешь похожа на принцессу викингов. И коса сделает тебя еще привлекательнее в сексуальном смысле.

Оброненное им слово попало на красную кнопку внутри нее, давая волю чувствам, одновременно волнуящим и крайне тревожным. «Мне не нравится секс, — подумала она. — Секс мне никогда не нравился, но...»

Она увидела, что с другой стороны к входу в Корн-билдинг приближаются возвращающиеся после перерыва Курт и Рода. Четверка встретилась возле выдавших виды вращающихся дверей

студии звукозаписи. Рода с откровенным любопытством окинула Билла с ног до головы оценивающим взглядом.

— Билл, это люди, с которыми я работаю, — сказала Роза. Вместо того чтобы утихнуть, жар продолжал нарастать, подкрадываясь к щекам и раскрашивая их ярким румянцем. — Рода Саймонс и Куртис Гамильтон. Рода, Курт, это...

На короткое, черное, как бездонная пропасть, мгновение она *забыла*, совершенно забыла, как зовут человека, который успел стать для нее таким значительным и близким. Затем, слава Богу, имя всплыло в сознании.

— Билл Штайнер, — закончила она.

— Приятно познакомиться, — произнес Куртис, пожимая руку Билла. Он бросил взгляд на здание, очевидно, уже видя себя с наушниками на голове.

— Друг Роза — мой друг, как говорится в пословице, — объявила Рода, протягивая руку. Тонкие браслеты на запястье слабо звякнули.

— Рад повстречаться с вами, — сказал в ответ Билл и снова повернулся к Розе. — Надеюсь, наша поездка в субботу не отменяется?

Помедлив секунду, она утвердительно кивнула.

— Заеду за тобой в половине девятого. Не забудь одеться потеплее.

— Хорошо.

Она почувствовала, как горячая волна, от которой вдруг потвердели соски, а в кончиках пальцев возникло острое покалывание, заливаает все тело. Его взгляд снова попал на горячую красную кнопку, но в этот раз в ее реакции было больше радости, чем страха. Она неожиданно ощутила непреодолимое желание — смешное, но удивительно сильное — обхватить его обеими руками... затем ногами... а потом просто забраться на него, как на дерево.

— Ну что ж, тогда до встречи, — произнес Билл. Склонившись к ней, он чмокнул ее в уголок губ. — Рода, Куртис, приятно было познакомиться.

Он повернулся и зашагал прочь, насвистывая.

— Не считите за дерзость, Роза, у вас прекрасный вкус, — покачала головой Рода. — Какие глаза!

— Мы всего лишь друзья, — неуклюже соврала Роза. — Я познакомилась с ним...

Она не договорила. Внезапно все объяснения обстоятельств знакомства с Биллом показались ей чрезвычайно сложными, не говоря уже о том, что свидетельствовали они далеко не в ее пользу. Она пожала плечами и нервно засмеялась.

— Ну да вы сами понимаете.

— Как же, как же, — подтвердила Рода, провожая взглядом удаляющегося Билла. Затем повернулась к Розе и восторженно захохотала. — *Конечно*, понимаю. В груди такой старой развалюхи, как я, лишившейся даже внешних признаков женственности, до сих пор бьется сердце истинного романтика, который верит, что вы и мистер Штайнер будете только очень хорошими друзьями. Впрочем, вернемся к нашим баранам. Вы готовы?

— Да, — сказала Роза.

— И теперь, когда вы... скажем, привели свои личные дела в относительный порядок, смеем ли мы надеяться на некоторый прогресс в профессиональном отношении?

— Я уверена, что теперь дело пойдет на лад, — заявила Роза и не ошиблась.

В тот четверг перед тем, как отправиться спать, Роза снова воткнула шнур недавно купленного телефона в розетку и позвонила Анне. Она спросила, не появились ли какие-нибудь новые сведения, не видел ли кто-нибудь Нормана в городе. В ответ на оба вопроса прозвучало категорическое нет, Анна заверила ее, что все в порядке, и в качестве утешения добавила набившую оскомину поговорку, гласящую, что отсутствие новостей — тоже хорошая новость. У Розы имелись свои сомнения в истинности последнего постулата, но она сочла за лучшее придержать их при себе. Вместо этого она, запинаясь, принесла Анне соболезнования по поводу гибели ее бывшего мужа, размышляя, есть ли у мисс Хорошие Манеры правила поведения в подобных случаях.

— Спасибо, Роза, — откликнулась Анна. — Питер был странным и трудным человеком. Он любил людей, но его самого любить было трудно.

— Мне он показался очень милым.

— Я так и думала. Для посторонних людей он являлся воплощением доброго самаритянина. Для семьи и тех, кто пытался войти в число его друзей, — а как вам известно, я принадлежала и к тем, и к другим, — он скорее был левитом. Однажды во время ужина, устроенного в честь Дня Благодарения он схватил со стола жареную индейку и запустил ею в своего брата Хала. Точно не помню, из-за чего, собственно, возник спор между ними; если не ошибаюсь, они обсуждали не то ООП, не то Сезара Чавеса. Обычно все скандалы между ними возникали на почве этих двух тем.

Анна вздохнула.

— В субботу днем соберется кружок поминовения — мы рассядемся на складных стульях, как пьяницы на заседании общества «Анонимные алкоголики», и будем говорить о нем по очереди. Во всяком случае, я *думаю*, что все сведется к разговорам.

— Выглядит довольно необычно и мило.

— Вам так кажется? — спросила Анна. Роза представила, как ее собеседница удивленно вскинула брови в своей высокомерной манере и стала еще больше похожа на Мод. — Мне все это представляется довольно глупым мероприятием, но, возможно, вы правы. Как бы там ни было, некоторое время пикник обойдется без моего присутствия, но я приеду позже, покинув кружок без особого сожаления. Хотя, конечно же, несчастные женщины нашего города потеряли в его лице настоящего друга, а это большая утрата.

— Если его убил Норман...

— Ну вот, вы опять за свое. Я знала, что этого не миновать. Поверьте, мне приходится иметь дело с женщинами, которых сгибают, ломают, комкают и коверкают миллионами разных способов на протяжении нескончаемых лет, и мне известно, что у них развивается комплекс мазохистского величия. Один из типичных синдромов пострадавшей женщины наряду с нелюдимостью и депрессией. Помните взрыв космического корабля «Челленджер»?

— Да... — Роза была заинтригована и не понимала, к чему клонит Анна, но катастрофу она помнила хорошо.

— В тот же день ко мне прибежала женщина — вся в слезах. На руках и щеках у нее были красные отметины: она щипала и била себя. Она заявила, что эти замечательные отважные мужчины и милая женщина-учительница погибли из-за нее. Когда я спросила, почему она так считает, посетительница объяснила, что написала не одно, а целых *два* письма в поддержку программы запуска пилотируемых космических кораблей, одно в «Чикаго Трибьюн», второе — члену палаты представителей от их штата. Дело в том, что через некоторое время пострадавшие

женщины начинают автоматически принимать на себя вину. И не только за что-то конкретное — за *все*.

Рози вспомнила Билла, который провожал ее до Корн-билдинга, обнимая за талию. «Не говори, что ты виновата, — сказал он. — Не ты ведь создала Нормана».

— Долгое время я никак не могла понять эту часть синдрома, — призналась Анна, — но теперь мне кажется, что я разобралась окончательно. Кто-то *должен* быть виноват. Иначе вся боль, одиночество и депрессия не имеют ни малейшего смысла. Иначе человек сходит с ума. Лучше чувствовать себя виноватым, нежели свихнуться. Но вам, Рози, уже пора вырастать из этих штанишек.

— Я не понимаю вас.

— Отлично вы все понимаете, — спокойно возразила Анна, после чего разговор перекинулся на другие темы.

Через двадцать минут после того, как она попросилась с Анной, Роза лежала в постели с открытыми глазами, сцепив пальцы и сунув руки под подушку, глядя вверх в темноту, и в ее голове воздушными шарами проплывали лица. Робби Леффертс, похожий на старичка, продающего билеты благотворительной лотереи или карточки с предсказанием судьбы; она увидела, как он протягивает ей билетик с надписью «Выйдешь из тюрьмы на свободу». Рода Саймонс с торчащим в волосах карандашом, говорящая Розе, что на ноги следует надевать нейлоновые чулки, а не лачки. Герт Киншоу, человеческий вариант планеты Юпитер, в неизменных тренировочных штанах и мужском свитере с V-образным вырезом — и то, и другое размера XXXL. Синтия Как-ее-там (Роза до сих пор не удалось запомнить ее фамилию), никогда не унывающая любительница панк-рока с волосами, выкрашенными в два ярких цвета, рассказывающая, что в детстве она часами сидела перед картиной, на которой вода в реке совсем по-настоящему текла.

И Билл, конечно же. Она увидела его карие глаза с проблесками зелени, волоски на висках, растущие к затылку, увидела даже крошечную точку шрама на мочке правого уха, которое он когда-то проколол (скорее всего, еще в колледже, набравшись смелости благодаря нескольким порциям горячительного), а потом дырочка заросла. Она почувствовала прикосновение его руки к собственной талии: теплая ладонь, сильные пальцы; время от времени его бедро касалось ее бедра, и ей хотелось знать, что он чувствует при этом, волнуют ли его прикосновения так же, как ее. Сейчас она с готовностью признавала, что ее эти прикосновения, без сомнения, возбуждают. Билл настолько отличался от Нормана, что представлялся ей едва ли не гостем из другой Солнечной системы. Она прикрыла глаза. Погрузилась в воспоминания. Из темноты выплыло еще одно лицо, проявляясь, как изображение на опущенной в химический раствор фотобумаге. Лицо Нормана. Норман улыбался, однако его серые глаза оставались холодными, как куски льда. «Я забрасываю блесну, дорогая, и в конце концов поймаю тебя на крючок. Лежу на кровати не так уж и далеко от тебя, между прочим, и думаю о тебе. И очень скоро мы с тобой поговорим. И я намерен поговорить начистоту. Правда, беседа не затянется надолго. А когда она завершится...»

Он поднял руку. В ней оказался простой карандаш «Монгол» № 2, заточенный острее, чем кончик иглы.

«В этот раз я не трону ни твои руки, ни плечи. Сейчас меня больше интересуют твои глаза. Или язык. Как тебе это нравится, милая? Получить карандаш в свой квакающий, лживый я...»

Ее глаза резко открылись, и лицо Нормана исчезло. Она снова зажмурилась и призвала на помощь лицо Билла. Несколько секунд Роза не сомневалась, что оно не появится, что вместо него вернется Норман, но этого не случилось.

«В субботу мы едем куда-то на мотоцикле, — подумала она. — Проведем вместе целый день. Если он вздумает поцеловать меня, я не стану противиться. Если захочет обнять меня, прикоснуться ко мне, позволю ему. Это настоящее безумие — до чего же мне хочется быть с ним.»

Она снова начала погружаться в сон и успела подумать, что ей, наверное, грезится пикник, который они с Биллом собираются устроить послезавтра. Кто-то еще выбрался на природу и остановился неподалеку от них. Какая-то семья с ребенком. Она слышала слабый детский плач. Затем, в этот раз громче, прозвучали раскаты грома.

«Как у меня на картине, — промелькнуло в голове. — Я расскажу ему о своей картине, пока будем завтракать, собиралась сделать это сегодня, но нам надо было поговорить совсем о

другом, и я забыла, но...»

Гром прогрохотал снова — ближе и громче. В этот раз она немного испугалась. Дождь испортит весь пикник, разгонит всех посетителей из Эттингер-Пиера, сорвет планы «Дочерей и сестер», из-за него могут даже отменить концерт.

«Не волнуйся, Рози, гром гремит только на картине, к тому же все это происходит во сне».

Но если она видит сон, каким образом тогда чувствует подушку, придавившую ей руки? Как получается, что она до сих пор ощущает сцепленные пальцы рук и легкое одеяло, лежащее на ней? И почему по-прежнему слышит шум машин, проезжающих за окном ее комнаты?

Песня сверчков сливалась в единое непрерывное «трррр-трррр-трррр-трррр-трррр». Тихо плакал ребенок.

Неожиданно ее веки осветила изнутри яркая пурпурная вспышка, словно молния, и гром прогрохотал еще ближе.

Рози вскрикнула и села на кровати, слыша биение собственного сердца. Никаких молний. Никакого грома. Правда, ей показалось, что до нее по-прежнему доносится стрекот сверчков, да, но, возможно, это фокусы воображения. Она посмотрела на окно и увидела прислоненный к стене темный прямоугольник под ним. Картина. «Мареновая Роза». Завтра она свернет полотно, сунет его в сумку и заберет с собой на работу. Рода или Куртис наверняка подскажут адрес мастерской, где для картины изготовят новую раму.

И все же едва различимый стрекот сверчков не прекращался.

«Из парка», — решила она, укладываясь на подушку. «При закрытом-то окне? — ехидно переспросила Практичность-Благоразумие. В ее тоне ощущалось сомнение, но тревоги она не почувствовала. — Ты уверена, Рози?»

Разумеется, уверена. На носу лето, в конце концов, сверчки размножаются быстро, да, собственно, какая разница? Хорошо, пусть в картине действительно есть что-то странное. Надо полагать, странности рождаются в ее собственном сознании, из которого упрямо не желают выметаться последние отклонения, но допустим, что дело действительно в картине. Что теперь? Она не ощущала в холсте ничего по-настоящему *плохого*.

«Но ведь, признайся, разве она не кажется тебе *опасной*, Рози? — В этот раз в голосе Практичности-Благоразумия она безошибочно уловила взволнованные интонации. — Не будем говорить о злом или плохом, как ты это называешь. Сказки, разве не оставляет она впечатление *опасности*.»

Нет, на этот вопрос она не *могла* ответить отрицательно, но, с другой стороны, опасность подстерегает человека повсюду. Достаточно только вспомнить, что произошло с экс-мужем Анны Стивенсон.

Однако она не *хотела* вспоминать, что случилось с Питером Слоуиком, не желала возвращаться в места, которые на терапевтических сеансах иногда называли Гилти-стрит, улица Вины. Лучше помечтает о предстоящей субботе, попробует представить, что испытает при поцелуе Билла. Интересно, он положит руки ей на плечи или обнимет за талию? Каков вкус его губ? Как он...

Голова Рози упала набок. Пророкотал гром. Хор сверчков запел еще сильнее, и одно насекомое вдруг запрыгало по комнате, приближаясь к кровати, но Рози его не заметила. В этот раз нить, соединяющая сознание с телом, оборвалась, и она погрузилась в темноту.

Ее разбудила вспышка света, в этот раз не пурпурная, а ослепительно белая. Сразу за ней последовал гром — не рокот, а грохот.

Рози подпрыгнула на кровати, хватая ртом воздух, обеими руками прижимая одеяло к себе. В свете очередной вспышки она увидела кухонный стол, шкафчик, маленький диван, на котором могли бы поместиться только двое влюбленных, тесно прижавшихся друг к другу, открытую дверь в крошечную ванную комнатку, сдвинутую в сторону полупрозрачную душевую занавеску с ромашками. Вспышка оказалась настолько яркой, а ее глаза — непривычными к ней, что в течение некоторого времени она продолжала видеть окружающие предметы и после того, как комната опять погрузилась в темноту, только в противоположных тонах, как на негативе. Она поняла, что все еще различает детский плач, хотя сверчки умолкли. И подул ветер. Рози не только слышала его, но и чувствовала. Он шевелил волосы у нее на висках, шелестел упавшими на пол страницами. Она оставила текст нового романа на столе, и порыв ветра сбросил листы, разметав по всему полу.

«Это не сон», — подумала она, опуская ноги с кровати. При этом она бросила взгляд в сторону окна, и у нее перехватило дыхание. То ли окно исчезло, то ли *вся* стена превратилась в окно.

Что бы там ни произошло, открывшийся из окна вид теперь даже отдаленно не напоминал Трентон-стрит или Брайант-парк; Рози увидела женщину в мареновом хитоне, стоящую на вершине заросшего густой высокой травой холма, смотрящую вниз на развалины храма. Но сейчас кайма короткого одеяния женщины, прибитая ветром к ее стройным длинным бедрам, трепетала под его порывами; Рози увидела, как развеваются, словно водоросли в сильном течении, выбившиеся из косы светлые волосы, как по небу, толкаясь и обгоняя друг друга, мчатся пурпурно-черные грозовые тучи. Теперь Рози заметила, как шевелится голова тощего пони, пасущегося совсем рядом.

И если это окно, то оно распахнуто. Она увидела, как пони просунул морду в ее комнату, обнюхал половицы, решил, что они не представляют никакого интереса, повернулся и снова принялся щипать траву на своей стороне.

Опять сверкнула молния, опять ударил гром. Опять по комнате промчался порыв ветра, и до Рози донесся шелест страниц, кружащихся на полу в кухонной нише. Она поднялась с кровати и медленно подошла к картине, которая теперь занимала всю стену от пола до потолка, от левого края до правого. Ветер прижал ночную рубашку к телу, подхватил волосы, и она почувствовала сладкий аромат приближающегося дождя.

«Скоро начнется, — подумала она. — И я промокну. Мы все промокнем, я так полагаю».

«РОЗИ, ЧТО ТЫ СЕБЕ ДУМАЕШЬ? — вопила Практичность-Благоразумие. — РАДИ БОГА, ЧТО ТЫ ДЕ...»

Рози прихлопнула голос крышкой — в тот момент ей казалось, что она наслушалась его до конца своих дней, — и остановилась у самой стены, которая теперь стала и не стеной вовсе. Прямо перед ней, не далее чем в пяти футах, стояла светловолосая женщина в мареновом хитоне. Она не повернулась, но Рози видела слабые движения поднятой руки, видела, как вздымается и опадает в ритм дыхания левая грудь женщины, едва заметная на картине. Рози сделала глубокий вдох и шагнула в картину.

На той стороне оказалось по меньшей мере на десять градусов холоднее, и высокая трава защекотала ее лодыжки и икры. На мгновение ей показалось, что она слышит отдаленный слабый плач ребенка, но затем он затих. Розы оглянулась, ожидая увидеть за спиной свою комнату, однако та тоже исчезла. В том месте, откуда она попала в новый мир, в землю вцепилось корнями старое оливковое дерево с искривленными ветвями. Под ним стоял мольберт художника, на стульчике перед мольбертом лежала открытая коробка с палитрами, красками и кистями.

Полотно на мольберте имело те же размеры, что и картина, купленная ею в ломбарде «Либерти-Сити». Оно изображало ее комнату на Трентон-стрит, если смотреть на нее со стены, на которую она повесила «Мареновую Розу». В центре комнаты, лицом к двери, выходящей в коридор, стояла женщина, явно сама Розы. Поза ее слегка отличалась от позы женщины в мареновом хитоне, находившейся на вершине холма — например, руки изображенной на полотне Розы были опущены, — однако сходство показалось ей достаточно заметным, чтобы вызвать глухой страх. Кроме того, в картине имелись и другие пугающие детали: женщина была в синих брюках и розовой безрукавке. Именно так собиралась одеться Розы для субботней поездки с Биллом. «Придется подыскать что-нибудь другое», — подумала она, словно, сменив одежду в будущем, могла изменить то, что ей виделось в настоящем.

Что-то влажное прикоснулось к ее локтю, и Розы испуганно вскрикнула. Повернувшись, она увидела пони, извиняющийся глядевшего на нее коричневыми глазами. Над головой прогремел гром.

Рядом с маленькой тележкой, в которую был запряжен пони, стояла женщина в длинном, чуть ли не до пят, красном, похожем на халат, одеянии, состоявшем, казалось, из множества слоев. Сквозь уложенную искусными складками легкую, полупрозрачную ткань просвечивала кожа цвета кофе с молоком. На небе блеснула молния, и Розы заметила то, что уже видела на картине вскоре после того, как Билл привез ее домой из «Попе Китчена»; лежащую на траве тень от тележки и растущую над ней тень женщины.

— Да не вздрагивай ты, Боже мой, — произнесла женщина в красном одеянии. — Кого-кого, а Радамантуса тебе нужно опасаться меньше всего. Его зубы страшны только для травы. Он просто принюхивается к тебе, вот и все.

Розы ощутила огромное, переполняющее душу облегчение, сообразив, что перед ней женщина, которую Норман называл (с язвительной интонацией) не иначе, как «эта черномазая сучка». К Розы обращалась Уэнди Ярроу, но Уэнди Ярроу мертва; значит, все происходящее — не более чем сон. Каким бы реальным он ни казался, какими бы реальными ни представлялись ей мелкие детали (например, она вытерла крошечную капельку слюны у локтя, оставшуюся от прикосновения морды пони), все это сон.

«Конечно, что же еще, — сказала она себе. — Разве на самом деле можно пройти в картину?»

Но разумные доводы не произвели должного эффекта. Между тем мысль о том, что у тележки стоит давным-давно погибшая Уэнди Ярроу, действовала гораздо сильнее.

Очередной порыв ветра опять донес до нее плач ребенка. Розы вдруг заметила новую подробность; на тележке стояла сплетенная из тростника большая прямоугольная корзина, ручку и углы которой украшали полоски шелковой ленты. Над краем корзины свисала кромка розового одеяла явно ручной работы.

— Розы.

Низкий, сладостно чувственный голос. Тем не менее, от его звука по спине Розы пробежали мурашки. Что-то с ним было не в порядке, но неправильность голоса заметила бы только другая женщина — любой мужчина, услышав его, тут же подумал бы о сексе и позабыл обо всем остальном. Однако голос звучал очень неправильно. *Плохо.*

— Розы, — снова услышала она свое имя и неожиданно поняла; голос только пытался походить на человеческий. Пытался вспомнить, как должен говорить человек.

— Эй, подружка, не вздумай смотреть на нее, — предупредила ее встревоженно женщина в длинном красном одеянии. — Это зрелище не для таких, как ты.

— Нет, я вовсе не хочу смотреть на нее, — ответила Розы. — Я хочу вернуться домой.

— Понимаю, только теперь уже поздно, голубушка, — сказала женщина в красном, поглаживая шею пони. Ее темные глаза смотрели серьезно, губы между фразами плотно сжимались. — И не дотрагивайся до нее, ладно? Тебе она вреда не причинит, да только она не всегда успевает совладать с собой в последнее время. Что-то с ней не в порядке.

— Она покрутила указательным пальцем у виска.

Розы неохотно повернулась к женщине в хитоне и сделала робкий шаг к ней. Ее очаровала изумительно тонкая ткань хитона и бесподобно нежная кожа на спине, обнаженном плече и основании шеи. Кожа казалась гладкой, как самый роскошный шелк. Но выше...

Розы не знала, что представляют собой эти темные пятна, расплывшиеся по шее женщины у самой линии волос, да и не *желала* знать. Первой сумасшедшей мыслью было, что это следы от укусов, но шрамы после укусов выглядят по-иному. Проказа? Что-то еще более страшное? Что-то заразное?

— Розы, — в третий раз позвал ее сладостный чувственный низкий голос, и было в нем нечто такое, от чего ей захотелось кричать; точно так же у нее временами возникало желание кричать при виде нормановской улыбки.

«Она сумасшедшая. Все остальное, все другие беды — в том числе и пятна на коже — не так важны. Она сумасшедшая».

Сверкнула молния. Прогрохотал гром. И порыв затихающего на минутку, чтобы возобновиться затем с новой силой, ветра, дующего со стороны разрушенного храма у подножия холма, принес на своих крыльях слабый плач младенца.

— Кто ты? — спросила она. — Кто ты, и почему я здесь?

Вместо ответа женщина протянула правую руку и перевернула ее, показывая старое белое колечко шрамов на внутренней стороне предплечья.

— Эта рана долго кровоточила, а потом в нее попала инфекция, и она воспалилась, — произнесла она своим низким чувственным голосом.

Розы взглянула на свою руку. Только на левую, а не на правую; отметины совпадали в точности. Крошечная жуткая мысль прокралась в ее сознание: если бы ей предложили облачиться в короткий хитон маренового цвета, она надела бы его так, чтобы оставить открытым правое плечо, а не левое; если бы у нее был большой золотой браслет, она носила бы его над левым, а не над правым локтем.

Женщина на холме — ее зеркальное отображение. Женщина на холме-...

— Ты — это я, верно? — спросила она. И тут же, заметив, что женщина с заплетенными в косу волосами шевельнулась, закричала дрожащим пронзительным голосом: — Не поворачивайся! Я не хочу тебя видеть!

— Не торопись с выводами, — остановил ее странный терпеливый тон женщины. — Ты — настоящая Розы, *ты* — Розы Настоящая. Помни об этом даже тогда, когда забудешь все остальное. И не забывай еще одно: я всегда возвращаю долги. Я плачу. Что ты сделаешь для меня, я сделаю для тебя. Вот почему мы встретились. Таково наше равновесие. Таково наше *ка*.

Молния вспорола небо; гром обрушился на их головы; ветер засвистел в искореженных ветвях оливкового дерева. Светлые волосы, выбившиеся из косы Мареновой Розы, яростно затрепетали. Даже при скудном свете предгрозового неба они походили на золотые нити.

— А теперь иди, — приказала Мареновая Роза. — Иди вниз и принеси мне моего ребенка.

Младенческий плач достиг ее слуха, словно звук, доносящийся с другого континента, и Роза со страхом, вспыхнувшим с новой силой, посмотрела на разрушенный храм у подножия холма, который как-то странно и неприятно не вписывался в перспективу. Кроме того, она почувствовала легкое пульсирующее покалывание в грудях, знакомое ощущение, преследовавшее ее на протяжении нескольких месяцев после выкидыша.

Роза открыла рот, еще не зная, что собирается сказать, понимая только, что намерена протестовать, но прежде, чем она успела вымолвить хоть слово, на ее плечо опустилась рука. Повернувшись, она увидела женщину в красном. Та предупредительно покачала головой, снова постучала пальцем по виску и указала вниз, в сторону храма.

Еще одна рука крепко сжала запястье Розы. Она оглянулась и в последний момент успела сообразить, что женщина в хитоне теперь стоит лицом к ней. Ощувив, что ее мозг заполнили образы Медузы-Горгоны, Роза мгновенно опустила взгляд к своим ногам, чтобы не смотреть ей в лицо. Но увиденное — тыльная сторона руки, сжимавшей ее запястье, — тоже было не из приятных. Руку женщины покрывало темно-серое пятно, напомнившее Розе почему-то затаившегося в глубине океанского хищника. Совершенно черные ногти казались мертвыми. Роза продолжала разглядывать руку и заметила, как из-под одного ногтя выбрался маленький белый червь и свалился на землю.

— Теперь отправляйся, — велела Мареновая Роза. — Сделай для меня то, что я не могу сделать сама. И помни: *я всегда возвращаю долги.*

— Хорошо, — сказала Роза. Ее охватило кошмарное, извращенное желание поднять голову и посмотреть в лицо женщины. Увидеть, что там. Может быть, свое собственное лицо, плавающее под мертвенно-серыми пятнами недуга, который, съедая тебя заживо, одновременно сводит с ума. — Хорошо, я пойду. Я попытаюсь, только не заставляй меня глядеть тебе в лицо.

Рука разжалась, отпуская ее запястье... но медленно, словно готовая в любой момент схватить снова, если хозяйка почувствует хоть малейшие колебания в душе Розы. Затем рука повернулась, и один мертвенно-серый палец вытянулся, показывая вниз, на основание холма, как Призрак приближающегося Рождества, указывающий Эбenezеру Скруджу нужный могильный камень.

— Тогда иди, — повторила Мареновая Роза. Роза медленно и нерешительно зашагала вниз по склону холма, все еще глядя на свои ноги, которые приминали высокую густую траву. Лишь когда особенно сильный удар грома сотряс почву под ней, она отважилась поднять голову и обнаружила, что женщина в длинном красном одеянии спускается вместе с ней.

— Ты поможешь мне? — спросила Роза.

— Мне нельзя заходить за нее, — проговорила та, кивая на упавшую и разбившуюся колонну. — У меня такая же болячка, как и у нее, правда, только-только начинается.

Она вытянула руку, и Роза увидела аморфную розовую опухоль, расплзающуюся по ее плоти — *внутри* ее плоти — между запястьем и локтем. Точно такое же пятно окрасило середину ее ладони. Это, второе, выглядело почти красивым. Оно напомнило Розе о цветке клевера, который она обнаружила между половицами 9 своей комнате. Та комната, которую она считала убежищем, на которую полагалась, казалась теперь очень далекой. Возможно, *то* было сном, вся ее предшествующая жизнь — настоящий сон, а это место — единственная реальность.

— Пока только два пятна, больше я не нашла, — продолжала женщина, но и их хватает, чтобы закрыть мне дорогу туда. Бык учует меня, и поминай, как звали. Бросится-то он на меня, но умрем мы обе.

— Какой бык? — озадаченно и испуганно переспросила Розы. Они почти дошли до повалившейся колонны.

— Эринис. Он охраняет храм.

— Какой храм?

— Не трать время на мужские вопросы, женщина.

— О чем ты говоришь? Что значит «мужские вопросы»?

— Те, на которые ты сама знаешь ответ. Иди-ка сюда.

«Уэнди Ярроу» остановилась у покрытого темным мхом обломка колонны и нетерпеливо взглянула на Розы. Храм мрачно возвышался совсем рядом. Розы посмотрела на него, и глазам стало больно, как если смотреть на киноэкран, где раздваивается изображение. Она увидела непонятные выпуклости там, где их не должно быть; заметила неясные тени, которые тут же исчезли, как только она моргнула.

— У Эриниса один глаз, да и тот слепой, но нюх у него очень острый. Сейчас не твое время, подруга?

— Мое... время?

— Время *месячных*.

Розы отрицательно покачала головой.

— Хорошо, иначе бы он прикончил тебя раньше, чем ты успела бы начать. А у меня не было месячных с тех пор, как появились первые признаки болезни. Жалко, потому что та кровь подошла бы лучше. Ну да ладно..

Оглушительный грохот расколол небо на части прямо у них над головами, и сверху упали первые ледяные капли дождя.

— Надо поторапливаться! — сказала ей «Уэнди Ярроу» — женщина в красном одеянии. — Оторви два куска от своей ночной рубашки — один: чтобы перевязать рану, а второй, побольше, чтобы в него можно было завернуть камень, да еще и завязать потом. Не спорь и не задавай больше дурацких вопросов. Делай, что тебе говорят.

Наклонившись, Розы подняла край ночной рубашки и оторвала длинную широкую полосу, обнажив левую ногу почти до самого бедра. «При ходьбе я буду похожа на официантку из китайского ресторана», — мелькнуло у нее в голове. Потом она оторвала полоску поменьше, подняла голову и вздрогнула, увидев, что «Уэнди Ярроу» держит в руке длинный зловещий обоюдоострый кинжал Розы не представляла, откуда вдруг появилось оружие, разве что та носила его при себе, привязав к бедру, как героиня одного из приторных романов Пола Шелдона, где всегда всему есть объяснение, каким бы надуманным ни был сюжет.

«Наверное, именно там она и носит его», — подумала Розы. Она понимала, что и ей самой нож не помешал бы, если собирается путешествовать в компании женщины в мареновом хитоне. Она опять вспомнила, как женщина в красном, которая *уже* сопровождала Мареновую Розу в ее путешествиях, покрутила указательным пальцем у виска и посоветовала Розы не смотреть на хозяйку и не прикасаться к ней. «Тебе она вреда не причинит, — всплыли в памяти ее слова, — да только она не всегда успевает совладать с собой в последнее время. Что-то с ней не в порядке».

Розы открыла рот, чтобы спросить у женщины, стоящей рядом с упавшей колонной, что та собирается делать с кинжалом... но через секунду передумала. Если мужскими называют те вопросы, на которые ты уже знаешь ответ, то это, несомненно, один из них. «Уэнди» поймала ее взгляд.

— Сначала понадобится большой кусок, — сказала она — Приготовь-ка его.

Прежде, чем Розы успела произнести что-то, «Уэнди» острием кинжала проколола кожу на руке. Затем прошептала несколько слов, которые Розы не разобрала — возможно, слова

молитвы, — и чиркнула кинжалом, разрезая предплечье, которое тут же окрасилось в тон платья. Кожа разошлась в стороны, открывая путь крови, и та превратила тонкий надрез в темную широкую полосу; красные ручейки побежали по руке.

— У-у-у-уффф! Ну и больно же! — застонала женщина, протягивая к Розе руку с зажатым в ней кинжалом. — Давай его сюда. Большой кусок, большой, говорю!

Розе вложила ей в ладонь широкую полосу ткани — испуганная и растерянная, но вид крови не вызывал у нее отвращения. «Уэнди Ярроу» сложила ткань несколько раз, накрыв ею рану, подержала, затем перевернула другой стороной. Как поняла Розе, она не собиралась остановить кровотечение, лишь давала возможность ткани пропитаться кровью. Когда она вернула ей мокрую тряпочку, васильковый цвет хлопковой ночной рубашки, в которой Розе легла спать в комнате на Трентон-стрит, приобрел совершенно иной, более темный оттенок... но знакомый. Алое и голубое слились, образуя мареновый цвет.

— Теперь найди камень и завяжи его в эту тряпку, — велела она Розе. — Когда сделаешь это, сними свою одежду и заверни в нее узелок с камнем.

Розе уставилась на нее широко раскрытыми глазами, потрясенная приказом гораздо сильнее, чем минутой раньше видом крови, стекавшей по руке женщины.

— Я не могу! — запротестовала она. — Под рубашкой больше ничего нет! «Уэнди» мрачно усмехнулась.

— Замолчи и делай, что сказано. И давай быстрее вторую тряпку, пока я не лишилась сознания от потери крови.

Розе протянула ей узкую полоску ткани, еще сохранявшую первоначальный васильковый цвет, и темнокожая женщина принялась быстрыми ловкими движениями бинтовать рану на руке. Слева от них чудовищным фейерверком блеснула молния. Розе услышала, как с протяжным, надрывным треском повалилось дерево. За треском последовала канонада грома. В воздухе появился явственный запах меди, похожий на запах только что вышедших из чеканки монет. Затем, словно молния прожгла дыру в небесном резервуаре с водой, начался дождь. Потоки воды летели почти горизонтально, несомые ураганным ветром. Струи дождя впились в пропитанную кровью тряпку, которую она держала в руке. От нее тут же пошел пар, и через несколько секунд первые розовые ручейки смешавшейся с кровью воды побежали по ее пальцам.

Не раздумывая ни о том, что она делает, ни о том, почему так поступает, Розе подняла руку, нашла ворот рубашки, наклонилась вперед и стащила ее через голову. В тот же миг она почувствовала, что оказалась под самым холодным в мире ливнем; крупные капли иглами вонзались в плечи и голую спину, у нее перехватило дыхание. Кожа сжалась и затем покрылась твердыми пупырышками; судорожная дрожь пробежала от шеи до пяток.

— Аи! — воскликнула она. — Эй! Аи! *Холодно же!*

Розе прикрыла еще не до конца промокшей рубашкой руку с окровавленной тряпкой, пошарила взглядом по траве и увидела камень размером с лимон, лежавший между двумя обломками упавшей колонны. Она подняла его, опустилась на колени и растянула рубашку над головой и плечами, как обычно делают мужчины, застигнутые врасплох дождем, сооружая укрытие из газет. Под этим ненадежным и временным зонтиком она торопливо завернула камень в пропитанную кровью тряпку, оставив два длинных липких конца, затем завязала их в тугий узел, морщась, когда пальцы выдавливали из ткани кровь «Уэнди». Завязав камень, Розе сдернула с плеч совершенно мокрую ночную рубашку и спрятала в нее камень в соответствии с полученными указаниями. «Все равно большая часть крови вытечет», — подумала она. Это был не дождь и даже не ливень, а настоящий потоп.

— А теперь иди! — приказала ей женщина в красном одеянии. — Ступай прямо в храм! Иди через него и не останавливайся ни в коем случае! Ничего не поднимай, не верь ничему, что

увидишь или услышишь. Это обитель привидений, никто не спорит, но даже в Храме Быка не водятся привидения, способные обидеть живую женщину.

Рози охватил страшный озноб, вода заливала глаза, отчего все перед ней двоилось, капли стекали с носа, повисали на мочках ушей, словно экзотические серьги. «Уэнди» с сияющими глазами стояла перед ней; мокрые волосы облепили ее лицо. Теперь ей приходилось кричать, чтобы перекрыть шум дождя и завывания ветра.

— Пройдешь через дверь за алтарем и попадешь в сад, где все растения и цветы погибли! За садом увидишь небольшую рощу, и деревья в ней тоже все погибли — все, кроме одного! Между садом и рощей течет ручей! Не вздумай пить из него, как бы сильно тебе ни хотелось — не вздумай — даже не дотрагивайся до воды! Перейдешь через ручей по камням! Замочишь хоть один палец — забудешь все, что когда-то знала, даже собственное имя!

Электричество прочертило ослепительную ломаную линию между облаками, превращая их нижнюю кромку в лица уродливых, посиневших от удушья гоблинов. Никогда еще Розе не было так холодно, ни разу в жизни она не ощущала подобного странного биения сердца, безуспешно пытавшегося вытолкнуть хоть малую толику внутреннего тепла поближе к заледеневшей коже. И снова ей подумалось: происходящее можно назвать сном точно так же, как потоки льющейся с неба воды — маленьким дождиком.

— Войдешь в рощу! Туда, где мертвые деревья! Единственное живое — помгранатовое дерево! Соберешь семена, которые найдешь в плодах, валяющихся под деревом, но не вздумай попробовать вкус плодов, не подноси ко рту даже пальца той руки, которая прикоснется к семенам! Спустишься вниз по лестнице рядом с деревом в Подземный коридор! Найдешь ребенка и вернешься с ним наверх! Только опасайся быка! Берегись быка Эриниса! А теперь иди! И поторапливайся!

Храм Быка с его странно перекошенными линиями, не вписывающийся в перспективу, внушал ей страх, и потому Розе обрадовалась, почувствовав, что ее отчаянное желание поскорее спрятаться от ливня пересилило все остальные чувства. Ей не терпелось укрыться от грома, от молний, от ветра, и еще она хотела иметь крышу над головой на тот случай, если ливень вдруг решит перерасти в град. Возможность оказаться голой под градом — даже если это все-таки происходит во сне — ничуть ее не прельщала.

Она сделала несколько шагов, затем остановилась и обернулась, чтобы посмотреть на оставшуюся позади женщину. «Уэнди» казалась такой же обнаженной, как и сама Роза, потому что ее тонкое одеяние облепило тело, как краска.

— *Кто такой Эринис?* — прокричала Роза. — *Кто он такой?*

Она бросила через плечо осторожный взгляд на храм, как будто опасалась, что ее крик пробудит дремлющее в нем божество. Но не увидела ни божества, ни чего-то иного; лишь сам храм мерцал перед ней в потоках не ослабевающего ливня. Темнокожая женщина закатила глаза.

— До чего же глупо ты себя ведешь, подружка! — закричала она в ответ. — Иди же! Иди, пока еще есть время! — И жестом, похожим на жест ее госпожи, указала на храм.

Рози, белая в своей наготе, направилась к храму, прижимая к животу скомканную ночную рубашку, защищая ее насколько возможно. Пять шагов привели ее к тому месту, где в траве валялась упавшая каменная голова. Она взгляделась в нее, ожидая увидеть лицо Нормана. Разумеется, это должен быть Норман, понимала она, ведь именно так происходит в снах.

Только голова принадлежала не Норману. Удаляющаяся к затылку линия волос, мясистые щеки, роскошные усы в стиле Дэвида Кросби принадлежали мужчине, который стоял, прислонившись к косяку двери таверны под названием «Маленький глоток» в тот День, когда Рози заблудилась, разыскивая «Дочерей и Сестер».

«И я опять заблудилась, — подумала она испуганно. — Господи, куда же я попала?»

Она прошла мимо упавшей каменной головы с ее пустыми, лишенными зрачков каменными глазами, из которых по каменным щекам текли капли дождя, отчего казалось, что голова плачет; к каменному лбу прилип узкий лист остроконечной травы, похожий на зеленый шрам. Она приближалась к странно изуродованному храму, и ей чудилось, что голова угрожающе шепчет ей вслед: «Эй, малышка, не хочешь поглядеть на него славные титьки, что скажешь, не хочешь проверить, как он работает, мы могли бы поразвлечься, мы сделали бы это по-собачьи, что скажешь?»

Рози поднималась по предательски скользким ступенькам, поросшим мхом и вьющейся травой, и ей казалось, что голова поворачивается на своей каменной шее, выдавливая грязные струйки воды из разбухшей земли, пожирая каменными глазами ее обнаженные ягодички; она всходила по ступенькам, приближаясь к царившему под сводом храма мраку. «Не думай об этом, не думай об этом, не думай». Она подавила в себе желание перейти на бег — чтобы поскорее скрыться и от ливня, и от воображаемого взгляда — и продолжила путь, обходя места, где каменные ступеньки потрескались, образуя щели с рваными зазубренными краями, о которые запросто можно повредить ногу. Ей пришло в голову, что это не худший вариант; кто знает, какое ядовитое зверье затаилось в этих щелях, готовое броситься на тебя и укусить?

Вода стекала по ее лопаткам, струилась вдоль позвоночника, она замерзла еще сильнее, если только это возможно, и все же поднялась на последнюю, верхнюю ступеньку и посмотрела вверх на барельеф над широким темным входом в храм. На картине она не могла его разглядеть: он прятался в тени нависающего над входом козырька крыши.

Барельеф изображал подростка лет пятнадцати с напряженным детским лицом; парень прислонился к чему-то, похожему на телефонную будку. Челка ниспадала на упрямый лоб, воротник куртки был поднят. К его нижней губе приклеилась сигарета, а нарочито непринужденная поза демонстрировала, что перед вами мистер Плевать-Я-Хотел-На-Всех образца конца семидесятых годов. Что еще говорила его поза? «Эй, крошка, — говорила она. — Эй, малышка, эй, красавица! Не торопись, задержись на минутку! Не хочешь поразвлечься? Может, приляжем? Не хочешь покувыркаться со мной? По-собачьи, что скажешь?»

Это был Норман.

— Нет, — прошептала она, и короткое слово больше походило на стон. — О нет.

О да. Конечно же, это Норман — Норман из того времени, когда его побои и издевательства лишь призраком маячили впереди. Норман, прислонившийся к телефонной будке на углу Стейт-стрит и сорок девятого шоссе в центре Обрейвилля (в *центре* Обрейвилля, ну не смешно ли?), наблюдающий за проезжающими мимо машинами под звуки песни «Би Джиз» — «Ты должна танцевать» — доносящиеся из распахнутых настежь дверей паба «Финнеган», в котором на полную громкость включен магнитофон.

Ветер на миг поутих, и Розы снова услышала детский плач. Ей не показалось, что ребенок плачет от боли; скорее, так может хныкать голодный младенец. Слабые всхлипывания отвлекли ее от мерзкого барельефа и заставили снова тронуться с места, но перед тем, как ступить босыми ногами в храм, она снова подняла голову... и замерла, потрясенная. Норман-подросток исчез, будто его там никогда и не было. Теперь над входом в храм прямо у нее над головой красовалась лишь императивная надпись: «ПОЦЕЛУЙ МОЙ ЗАРАЖЕННЫЙ СПИДОМ ЧЛЕН».

«Во снах все всегда меняется, — подумала она. — Сны — как вода в реке».

Она оглянулась и увидела «Уэнди», которая по-прежнему стояла у колонны; запутавшаяся в паутине своего промокшего длинного одеяния, она представляла жалкое зрелище. Розы подняла руку (свободную, не ту, которой прижимала к животу мокрый комок ночной рубашки) и нерешительно помахала ей. «Уэнди» сделала ответный жест, затем опустила руку и замерла, явно не замечая хлещущего по ней плетью ливня.

Розы миновала широкий мрачный вход в храм и оказалась внутри. Она остановилась, напряженная, готовая в любой момент броситься обратно, если увидит... почувствует... она сама не понимала, что именно. «Уэнди» сказала, что ей не стоит опасаться привидений, но Розы подумала, что женщине в красном легко сохранять хладнокровие; в конце концов, она осталась там, у колонны.

Она догадалась, что внутри теплее, чем снаружи, однако тело ее не *ощутило* тепла — лишь глубокую морозящую прохладу влажного камня, сырость склепов и мавзолеев, и на секунду ее уверенность поколебалась; ей показалось, что она не сможет заставить себя двинуться дальше по открывшемуся перед ней тенистому проходу между рядами скамеек, заваленному слоем давным-давно засохших осенних листьев. Ей было слишком холодно... и не только потому, что она замерзла. Розы стояла, дрожа и хватая ртом воздух в коротких, похожих на всхлипывания вдохах, изо всех сил прижав к груди окоченевшие руки, и пар тонкими струйками поднимался от ее тела. Кончиком пальца она дотронулась до соска левой груди и совсем не удивилась, обнаружив, что он затвердел, словно каменный.

Лишь мысль о том, что необходимо вернуться назад, к стоящей на вершине холма женщине, заставила ее сделать очередной шаг — она не представляла, как сможет предстать перед Мареновой Розой с пустыми руками. Розы ступила в проход между скамейками, шагая медленно и осторожно, прислушиваясь к далекому плачу ребенка. Казалось, детский голос доносится с расстояния в целые мили, достигая ее слуха благодаря невидимой волшебной линии сообщения. «Иди вниз и принеси мне моего ребенка».

Кэролайн.

Имя, которое она собиралась дать своей дочери, имя, которое Норман выбил из нее, — это имя легко и естественно всплыло в сознании Розы. Грудь снова начали слабо покалывать. Она прикоснулась к ним и поморщилась. Кожа реагировала резкой болью на малейшее раздражение.

Глаза ее привыкли к темноте, и она вдруг подумала, что Храм Быка почему-то очень похож на странноватую христианскую церковь — более того, он напоминает Первую методистскую церковь в Обрейвилле, которую она посещала дважды в неделю до тех пор, пока не вышла замуж за Нормана. Там же, в Первой методистской церкви, прошла церемония их бракосочетания, из нее же вынесли тела матери, отца и брата, погибших в результате несчастного случая на дороге. По обеим сторонам от прохода вытянулись ряды старых деревянных скамеек. Задние были перевернуты и наполовину засыпаны мертвыми листьями, издававшими пряный запах корицы. Те, что стояли ближе к алтарю, все еще сохраняли стройность рядов. На них через равные промежутки лежали толстые черные книги, которые запросто могли оказаться «Методистским собранием гимнов и песнопений», с которыми выросла Розы.

Следующее, что привлекло ее внимание, — она тем временем продолжала продвигаться по

центральному проходу к алтарю, словно странная обнаженная невеста, — это царивший в храме запах. Под пьянящим гниловатым ароматом листьев, нанесенных ветром через открытый вход за долгие, долгие годы, ощущался иной, менее приятный. Что-то в нем напоминало запах плесени, что-то смахивало на смрад сгнившего мяса, а на самом деле не являлось ни тем, ни другим. Может быть, застарелого пота? Да, возможно. И, похоже, к нему примешивался запах других жидкостей. Почему-то она в первую очередь подумала о сперме. Затем о крови.

Вслед за этим пришло новое, почти безошибочно угадываемое чувство, что за ней наблюдают чьи-то зловещие хищные глаза. Она ощутила, как они внимательно и бесстрастно изучают, ощупывают ее наготу, оценивают, вероятно отмечая каждую впадинку, каждый изгиб, запоминая каждое движение мышц под мокрой скользкой кожей.

«Поговорим начистоту, — казалось, вздохнул храм под гулкой барабанный бой ливня по крыше и шуршание мертвых листьев под ногами. — Мы поговорим с тобой начистоту... но нам не придется беседовать слишком долго, чтобы сказать друг другу все, что нужно. Правда, Рози?»

Она задержалась в передней части храма и взяла на Стоявшей во втором ряду скамейке толстую черную книгу. Рози открыла ее, и в ноздри ударил запах разложения, настолько сильный, что она едва не задохнулась. Картинка на верхней половине страницы, выполненная смелыми черными линиями, никогда не появлялась в сборнике методистских гимнов ее молодости; изображенная на ней женщина стояла на коленях, выполняя *fellatio* мужчине, ноги которого заканчивались не стопами, а копытами. Лицо мужчины было прорисовано лишь несколькими штрихами; можно сказать, что его практически не существовало, но Рози все же уловила отвратительное сходство... по крайней мере, ей так показалось. Мужчина напоминал первого нормановского напарника Харли Биссингтона, который каждый раз, когда она садилась, не забывал проверить, где заканчивается подол ее платья.

Нижнюю часть страницы заполняли буквы кириллицы, непонятные и тем не менее знакомые. Ей понадобилась лишь секунда, чтобы вспомнить: точно такими же буквами была напечатана газета, которую читал Питер Слоуик, когда она в первый раз подошла к киоску «Помощь путешественникам» и обратилась к нему за помощью.

Затем с умопомрачительной внезапностью картинка пришла в движение, черные линии поползли к ее белым, одревеневшим от холода пальцам, оставляя за собой липкие следы, похожие на слизь улитки. Картинка ожила. Рози поспешно захлопнула книгу; закрываясь, та издала чавкающий звук, и ее горло судорожно сжалось. Она уронила книгу, и то ли стук увесистого фолианта о деревянную скамейку, то ли ее собственный сдавленный вскрик отращения спугнул стаю летучих мышей в темной нише, предназначенной, по всей видимости, для церковного хора. Несколько уродливых созданий закружились, делая восьмерки у нее над головой, простирая мерзкие перепончатые крылья, поддерживающие жирные коричневые тельца; летучие мыши бесшумно рассекали промозглый воздух, постепенно успокаиваясь и возвращаясь в нишу. Впереди находился алтарь, и она с облегчением увидела слева от него узкую открытую дверь, а дальше — полоску чистого белого света.

— На-а-а сса-а-а-mmo-o-omm де-е-ле-е-э-э ты — Роо-о-у-узззи-и-и, — прошептал ей безъязыкий голос храма. — Ты-ы-ы Ррро-о-о-у-уээзи-и-и-и На-а-асстоя-а-а-ащщщя-а-а-а. Подойди-и-и-и ко мне-е-э-э побли-и-и-иж-жже-е... и я-а-а-а тебя-а-а пощщщщу-у-у-упаю-у-у-у...

Рози не решилась оглянуться; она не сводила глаз с двери и с полоски дневного света за ней. Ливень поутих, гулкой барабанный бой над головой ослабел, превратившись в монотонное низкое бормотание.

— Это только для мужчин, Ро-о-узи-и-и, — прошептал храм и тут же добавил фразу, которую часто произносил Норман, когда не желал отвечать на ее вопросы, однако при этом не

злился на нее по-настоящему: — Это мужское дело.

Проходя мимо, она заглянула за алтарь и быстро отвернулась. Он был пуст — ни кафедры для проповедника, ни икон или символов, ни книг с колдовскими заклинаниями, — однако она рассмотрела еще одно зловещее пятно, похожее на осьминога. Ржавый цвет позволял предположить, что это кровь, а размеры свидетельствовали о том, что за прошедшие годы ее было пролито очень и очень много. Очень много.

— Здесь как в Роуч-мотеле, Ро-о-узи-и-и, — прошептал ей алтарь, и мертвая листва под ногами зашевелится, шурша, как сухой смех, вырывающийся из беззубого старческого рта. — Сюда можно поселиться, но никто отсюда не съезжает.

Она упорно приближалась к двери, стараясь не замечать голоса, напряженно глядя прямо перед собой. В глубине души Розы ожидала, что дверь захлопнется прямо у нее перед носом, как только она вознамерится пройти через нее, но этого не случилось. И оттуда не выскочило бледное привидение с физиономией Нормана. Она вышла на небольшое крыльцо с каменными ступеньками с наслаждением вдыхая запах освеженной ливнем травы, вышла на воздух, который снова потеплел, несмотря на дождь, все еще продолжающийся. Повсюду журчала и капала вода. Опять пророкотал гром (но теперь в отдалении, она не сомневалась). И младенец, о котором она позабыла на несколько минут, напомнил о себе отдаленным плачем.

Сад — вернее, нечто среднее между лужайкой и огородом — делился на две части: цветы слева, овощи справа; однако ее взгляд не обнаружил ни одного живого растения. Все они погибли в результате таинственного катаклизма, и после буйной сочной зелени, окружавшей вход в Храм Быка, мертвый акр земли казался еще страшнее — как вздувшееся лицо висельника с открытыми глазами и высунутым синим языком. Покоящиеся на желтоватых волокнистых стеблях огромные шляпки подсолнухов с коричневой сердцевинкой и свернувшимися увядшими лепестками возвышались над всем остальным, как умершие охранники в тюрьме, где не осталось ни одного живого заключенного. Земли на клумбах почти не было видно под слоем коричневых листьев, и это заставило ее на короткое кошмарное мгновение вспомнить то, что она увидела на кладбище, когда решила навестить могилу родителей через месяц после похорон. Тогда, положив на могилу букет свежих цветов, Розы прошла в дальнюю часть небольшого кладбища, желая собраться с мыслями и успокоиться, и ее едва не стошнило от вида гор гниющих цветов, сваленных в небольшой ров между невысокой каменной оградой и лесом, начинающимся сразу за кладбищем. Ее душил запах разлагающихся цветочных ароматов... и она подумала о том, что происходит с ее отцом, матерью и братом под землей. О том, как они *меняются*.

Розы поспешно отвела взгляд от цветов, но то, что предстало перед ней в другой части сада, было ничуть не лучше; одну грядку будто полностью залило кровью. Она утерла слезящиеся глаза, посмотрела еще раз и облегченно вздохнула. Не кровь, а помидоры. Двадцатифутовый ряд осыпавшихся гниющих помидор.

— Розы.

В этот раз ее звал не храм. Это голос Нормана, и прозвучал он *прямо у нее за спиной*, и еще она сообразила, что слышит запах его одеколona. «От всех моих парней пахнет „Инглиш ледером“, или не пахнет ничем», — вспомнила она, чувствуя, как вверх по позвоночнику ползет ледяной страх. Он у нее за спиной. Совсем рядом. Тянется к ней. «Нет, я не верю в это. Не верю, даже если и верю».

Мысль была откровенно глупой, может настолько глупой, что заслуживала быть занесенной в «Книгу рекордов Гиннеса», однако она почему-то помогла ей успокоиться. Двигаясь медленно — зная, что, ускорив шаг, она мгновенно лишится с таким трудом обретенного хладнокровия. — Розы спустилась по трем каменным ступенькам (еще более запущенным) и очутилась в месте, которое про себя назвала Садам Быка. Дождь продолжал идти, но теперь с

неба падали лишь редкие капли, ураганный ветер утих до печальных вздохов. Розы прошла по ряду, образованному двумя грядками коричневых мертвых стеблей кукурузы (ничто в мире не заставило бы ее шагать босиком по гниющим помидорам, чувствуя, как они лопаются под ногами), прислушиваясь к недовольному бормотанию ручья неподалеку. Звук уверенно нарастал, и сразу за грядками с кукурузой, футах в пятнадцати впереди, она увидела этот ручей. Шириной около десяти футов, он, судя по пологим берегам, вряд ли был очень глубоким, но сейчас, после только что прошедшего ливня, вздулся от впадавших в него ручейков.

Вода в ручье оказалась черного, лишённого отблесков цвета. Розы медленно подошла к потоку, смутно чувствуя, что свободной рукой на ходу бессознательным движением отжимает воду из собственных волос. Приблизившись к ручью вплотную, она ощутила исходящий от него своеобразный минеральный запах, тяжелый от обилия металлов и вместе с тем необычайно привлекательный. Она неожиданно почувствовала жажду, невыносимую жажду, ее горло пересохло, как полка над камином.

«Не вздумай пить из него, как бы сильно тебе ни хотелось — *не вздумай*, — даже не дотрагивайся до воды!»

Да, именно так она сказала ей; женщина в красном предупредила Розы, что если та замочит хоть один палец в воде ручья, то забудет все, что знала, даже свое собственное имя. Но так ли это страшно? Если задуматься над существующим порядком вещей, так ли это страшно — забыть обо всем, тем более что одной из вещей в данном порядке является Норман; она могла бы забыть о Нормане, о том, что он, возможно, все еще разыскивает ее, что он, вероятно, убил человека, пытаясь напасть на ее след.

Она сглотнула и услышала сухой металлический скрежет во рту. И снова, действуя почти автоматически, практически не воспринимая и не осознавая своих поступков, Розы провела рукой вдоль своего бока, погладила выпуклость груди, дотронулась до шеи, собирая не успевшую высохнуть влагу. Она лизнула мокрую ладонь. Это не помогло справиться с жаждой; наоборот, только усилило ее. Густая, непроницаемая для света чернота шевелилась, обтекая несколько брошенных в ручей камней, и Розы казалось, что странный минеральный запах проник в ее голову, пропитал все тело. Она знала, каким окажется вкус воды — приторным, как старый сироп — и мысленно представила, как по горлу в живот поплывут неизвестные соли и бромиды, оставляя на языке привкус беспамятной земли. И тогда она перестанет бояться воспоминаний о том, как миссис Прагт (седая и бледная, как снег, кроме губ, которые приобрели оттенок сока голубики) позвонила в дверь и сообщила, что ее семья, *вся ее семья* погибла в результате жуткой аварии на шоссе, она перестанет бояться воспоминаний о Нормане с карандашом или Нормане с теннисной ракеткой. В сознании не возникнет образ мужчины, прислонившегося к косяку двери таверны «Маленький поток», она не вспомнит толстую женщину, обозвавшую обитательниц «Дочерей и сестер» лесбиянками, живущими на государственное пособие. Она больше не увидит во сне, как сидит, сжавшись в комок, в углу гостиной, чувствуя подкатывающую тошноту от боли в почках и напоминая себе, что если ее стошнит, она ни в коем случае не должна испачкать пол — в фартук, только в фартук! Забыть обо всем этом — что может быть лучше? Некоторые вещи заслуживают забытья, другие — то, например, что он сделал с ней с помощью теннисной ракетки, — *нуждаются* в забытьи... но беда в том, что большинству людей так и не подворачивается возможность достичь желаемого даже во сне.

Розы дрожала всем телом, ее взгляд был прикован к воде, текущей мимо нее, как дорогие шелка, залитые черными чернилами; горло жгло, словно в нем развели костер, глаза пульсировали в глазницах, и она уже представила, как ложится на живот и припадает губами к ручью, а затем погружает в черноту потока всю голову и пьет, пьет, пьет, как лошадь.

«Ты забудешь и Билла, — прошептала Практичность-Благоразумие почти извиняющимся

тоном. — Ты забудешь зеленоватый проблеск в его карих глазах, маленький шрам на мочке уха. В последнее время ты испытала нечто, о чем стоит помнить, правда, Роза? Ты же сама об этом знаешь, так ведь?»

Не медля больше ни секунды (она подумала, что если задержится перед ручьем еще немного, то даже мысль о Билле не сможет ее удержать), Роза развела руки в стороны для равновесия и ступила на первый камень. Из мокрой (и тяжелой) ночной рубашки в ручей падали розовые капли, она чувствовала завернутый в полотно, словно косточка персика, обломок скалы. Она встала на первый камень левой ногой, правой опираясь о пологий берег, собирая в кулак все свое мужество, затем перенесла правую ногу на следующий камень. Пока что все нормально. Она подняла левую ногу и шагнула на третий камень. В этот раз равновесие слегка нарушилось, и Роза покачнулась вправо, размахивая левой рукой, а бульканье и журчание странного потока давило на уши. Пожалуй, ручей не такой узкий, как ей показалось вначале, и на мгновение она застыла посередине, слыша лишь бормотание воды под ней и свое испуганное сердцебиение.

Боясь, что, если задержится надолго, решимость покинет ее, Роза переступила на последний камень и прыгнула на мертвую траву на другом берегу ручья. Пройдя всего три шага в направлении рощи мертвых деревьев, она вдруг сообразила, что жажда прошла, словно ее никогда и не было.

Наверное, когда-то, давным-давно, здесь похоронили живыми сказочных великанов, и те умерли, пытаясь выбраться из-под земли; деревья — это их лишённые плоти руки, безуспешно пытающиеся зацепиться за небо — молчаливые свидетельства убийства. Голые ветви переплетались в странных геометрических узорах. Она увидела тропинку, скрывающуюся в глубине рощи. Начало тропинки охраняла каменная статуя мальчика с огромным возбужденным фаллосом. Мальчик поднял обе руки над головой, как футбольный судья, дающий знак о забитом в ворота противника голе. Когда Роза проходила мимо него, незрячие каменные глаза повернулись, следя за ней. Она не сомневалась в этом.

«Эй, малышка! — сплюнув, произнес каменный мальчик ей вслед: голос его звучал не в ушах, а в сознании. — Не хочешь прилечь со мной? Мы быстро, по-собачьи».

Она попятилась от него, инстинктивно поднимая руки, чтобы защититься, но каменная статуя — всего лишь каменная статуя... если она вообще превращалась во что-то иное, пусть даже на короткий миг. С его карикатурно огромного пениса капала вода. «Тут с эрекцией никаких проблем, — подумала Роза, глядя прямо в лишённые зрачков глаза мальчика, видя его кажущуюся понимающей улыбку (улыбался ли он раньше? Роза попыталась вспомнить и не смогла). — Пожалуй, Норман позавидовал бы ему».

Она поспешила мимо статуи и зашагала по тропинке, борясь с желанием оглянуться, чтобы проверить, не решил ли каменный мальчик последовать за ней, желая применить свое оружие на практике. Она не отважилась оглянуться, боясь, что перенапряженный мозг увидит то, чего на самом деле нет.

Дождь почти прекратился, и Роза вдруг поняла, что давно не слышала плача ребенка. Может, он устал от бесполезного крика и уснул. Может, быку Эринису надоело выслушивать его нытье, и зверь проглотил его, как канапе. Что бы там ни произошло, как она найдет младенца, если он перестал подавать голос?

«Не забегай вперед, Роза, — прошептала Практичность-Благоразумие. — Действуй постепенно, шаг за шагом».

— Тебе легко советовать, — шепотом ответила Роза. Она шла дальше, слыша стук капель дождевой воды, падающих с голых веток, и поняла — с явной неохотой, — что видит на коре лица. Это не было похоже на то, когда лежишь на спине, любуешься облаками, и твое воображение выполняет за тебя девяносто процентов работы; с коры на нее смотрели настоящие

лица.

Кричащие лица. Большинство лиц как показалось Розе, принадлежало женщинам. Женщинам, с которыми говорили начистоту.

Пройдя какое-то расстояние, она свернула за поворот и обнаружила, что дальнейший путь перегородило упавшее поперек тропинки дерево, по-видимому, сваленное молнией во время грозы. По одной, почерневшей и обуглившейся стороне ствола шел ряд трещин. Несколько все еще дымилось, словно остатки древнего гигантского не до конца потушенного костра, Розе не решилась перебираться через дерево; по всему изуродованному стволу торчали щепки, сучки, вырванные куски древесины.

Она приняла вправо, намереваясь обойти дерево с той стороны, где к небу тянулись вывороченные из земли корни. Розе уже почти вернулась назад на тропинку, когда один корень внезапно дернулся, выпрямился и затем обвился вокруг ее бедра пыльной коричневой змеей.

«Эй, крошка! Давай развлечемся! Не хочешь трахнуться по-собачьи? Что скажешь, сучка?»

Источник призрачного голоса скрывался в сухой яме в земле, которую совсем недавно пронизывали корни дерева. Корень скользнул выше по бедру.

«Не хочешь встать на пол на все четыре кости, Розе? Звучит неплохо, правда? Я буду твоим привратником, я проглочу тебя, как бутерброд с сыром. Или тебе больше хочется поцеловать мой зараженный СПИДом...»

— Отпусти, — тихо приказала Розе и прижала влажный комок ночной рубашки к державшему ее корню. Хватка мгновенно ослабла, и корень отпустил ее. Она торопливо прошла остальную часть пути до тропинки и продолжила идти дальше. Корень сдавил ее ногу достаточно сильно, чтобы на бедре осталось красное кольцо, но отметина быстро бледнела, исчезая. Розе подумала, что, наверное, должна была бы испугаться, что случившееся и произошло-то именно для того, чтобы привести ее в ужас. Если так, то фокус не удался. Она решила, что для человека, прожившего четырнадцать лет в одном доме с Норманом Дэниэлсом, этот сад — не более чем неумело сделанная Комната ужасов.

Через пять минут ходьбы тропинка закончилась. Она вывела ее на поляну идеально круглой формы, и на поляне росло единственное живое дерево во всей этой пустыне. Ничего подобного Розе за свою жизнь не видела, и на несколько секунд буквально перестала дышать. В детстве она была одной из самых прилежных учениц воскресной методистской школы, и теперь ей вспомнилась история Адама и Евы, начавших свой жизненный путь в Эдеме, и она подумала, что если дерево, познания Добра и Зла когда-либо существовало в раю, то оно наверняка походило на то, которое стояло перед ней.

Его украшали густые узкие листья блестящего зеленого цвета, ветви провисли, отягощенные щедрым урожаем пурпурных плодов. Упавшие плоды лежали вокруг ствола мареновым слоем, в точности совпадавшим с цветом короткого хитона женщины на холме, на которую Розе так и не осмелилась взглянуть. Многие плоды на вид казались свежими и сочными; наверное, их только что сбило ветром и ливнем. Даже те, которые валялись под деревом давно и начали портиться, выглядели чрезвычайно соблазнительно; рот Розе наполнился слюной при одной только мысли о том, как она выберет самый сочный плод и вопьется в него зубами. Она подумала, что на вкус он наверняка окажется терпковатым и сладким, чем-то похожим на ревень, сорванный на самом рассвете, или на землянику, собранную за день до того, как ягоды достигнут полной зрелости. Розе продолжала смотреть на дерево, и на ее глазах с согнувшейся ветки сорвался плод (он так же походил на обычный гранат, как на ящик комода), ударился о землю и раскололся, обнажив сочную мареновую мякоть. Она заметила в струйках густого сока зернышки семян.

Розе сделала один шаг к дереву и остановилась в смятении, разрываясь между твердым убеждением рассудка в том, что все происходящее — сон, и не менее твердой уверенностью тела в истинности происходящего, ибо ни один человек на земле не может видеть сон, до такой степени приближенный к реальности. Словно стрелка компаса, застигнутая врасплох на местности, изобилующей магнитными аномалиями, она качнулась в сторону утверждения рассудка. Слева от дерева располагалось небольшое строение, отдаленно напоминающее вход в станцию подземки. Широкие белые ступеньки вели вниз, во мрак. Над входом она прочла единственное написанное на алебастре слово: «ЛАБИРИНТ».

«Честное слово, это уже слишком», — подумала она и все же приблизилась к дереву. Если происходящее *действительно* сон, то никому не станет хуже, начини она действовать в соответствии с полученными указаниями; более того, это, вероятно, даже приблизит момент, когда она проснется, нащупывая, сонная, безжалостный будильник, чтобы заглушить его самодовольный звон, пока у нее не раскололась голова. С какой радостью она услышит его сигнал в этот раз! Она замерзла, ее ноги испачканы в мокрой грязи, на нее напал корень, пялился каменный мальчик, который, существуй он в правильном мире, был бы, черт возьми, слишком юн для этого. Самое неприятное заключалось в том, что Розе знала: если ей не удастся вернуться в свою комнату в ближайшее время, она сляжет с просто-таки замечательной простудой, а то и подхватит бронхит. Таким образом, сам собой отпадет вопрос о пикнике в субботу, а в дополнение ко всему она пропустит как минимум неделю работы в студии.

Не осознавая абсурдности мысли о том, что человек может заболеть в результате совершенной во сне прогулки на свежем воздухе, Розе опустилась на колени перед только что упавшим с ветки плодом. Она осмотрела его внимательно, все время представляя его вкус (наверняка он не будет похож ни на один их фруктов, которые можно обнаружить в соответствующем отделе супермаркета «А Р»), затем расправила кусок ткани от ночной рубашки, намереваясь оторвать еще одну небольшую полоску, чтобы завернуть в нее семена.

Расстелив на земле лоскут (получившийся гораздо больше, чем она хотела), Розы принялась собирать семена и складывать их на него.

«Замечательный план, — подумала она. — Теперь бы только узнать, зачем я это делаю».

Кончики ее пальцев мгновенно онемели, словно в них вогнали тройную дозу новокаина. В то же время она чувствовала, как от удивительного аромата начинает кружиться голова. Сладкий, но не цветочный запах заставил ее вспомнить все пирожки, кексы и сладости, вышедшие из печки бабушки. И еще вызвал в ее памяти нечто иное, удаленное на несколько световых лет от тесной бабушкиной кухни с ее стареньким выцветшим линолеумом на полу и обоями с почти неразличимым рисунком: аромат напомнил ей о тех ощущениях, которые она испытывала, когда бедро Билла случайно касалось ее бедра по дороге к Корн-билдингу.

Она уложила на лоскут пару дюжин семян, помедлила, пожала плечами и добавила еще две дюжины. Хватит ли такого количества? Откуда ей знать, если она вообще не понимает, для чего они ей? Ну да ладно, надо двигаться. Она снова услышала младенческий лепет — но сейчас он походил на слабые затихающие всхлипывания, которые издают дети, засыпая.

Розы сложила квадрат ткани вдвое, затем подогнула углы, сделав конвертик, напомнивший ей пакетики с семенами, которые ее отец регулярно получал от компании «Берли» в конце каждой зимы в те дни, когда она прилежно посещала воскресную детскую методистскую школу в Обрейвилле. Она уже настолько освоилась со своей наготой, что испытала скорее раздражение, чем стыд: ей требовался карман, чтобы положить сверток с семенами. «Эх, если бы желания были свиньями, магазинные полки ломились бы от бе...»

Практично-благоразумная часть ее сознания сообразила, что намерена сделать Розы со своими перепачканными в мареновый сок пальцами, за долю секунды до того, как они оказались у нее во рту. Она испуганно одернула руку; сердце ее бешено колотилось в груди, голова кружилась от одуряющего сладостно-терпкого аромата. «Не вздумай попробовать вкус плодов, — сказала ей „Уэнди“. — Не подноси даже ко рту пальца той руки, которая прикоснется к семенам!» Здесь полно всяческих ловушек.

Розы поднялась на ноги, глядя на перепачканные и онемевшие пальцы так, словно видела их впервые. Она попятилась от дерева, возвышающегося в кругу осыпавшихся фруктов и семян.

«Это не древо познания Добра и Зла, — подумала Розы. — И не древо жизни. Я думаю, это древо смерти».

Дунул легкий порыв ветра, шевеля сочно-зеленые отполированные длинные узкие листья помгранатового дерева, и они, казалось, зашептали хором, тысячей слабых голосов, с едким сарказмом повторяя ее имя:

— Розы-Розы-Розы-Розы!

Она снова опустилась на колени, выскивая взглядом хотя бы один пучок сухой травы, но, разумеется, ничего живого вокруг не было. Она положила на землю ночную рубашку с завернутым в нее камнем, вырвала клоч влажной после дождя мертвой травы и принялась что было сил оттирать пальцы руки, прикасавшейся к семенам. Мареновые пятна побледнели, но не исчезли полностью, оставаясь такими же яркими под ногтями. Они походили на родимые пятна, от которых невозможно избавиться. Тем временем крики ребенка раздавались все реже.

— Ну хорошо, — пробормотала Розы, поднимаясь. — Главное, помнить, что не нужно совать пальцы в рот. Если не забудешь, с тобой ничего не случится.

Она подошла к ступенькам, уходящим в глубину белого каменного входа, и задержалась на несколько секунд у основания лестницы, испытывая непреодолимый страх перед мраком внизу и пытаясь собраться с силами, чтобы отважиться на первый шаг. Алебастровый камень с высеченным на нем словом «ЛАБИРИНТ» теперь совсем не казался ей указывающим на вход в метро; скорее он напоминал надгробие над открытой узкой могилой.

Однако ребенок находился там, внизу, и хныкал, как это делают дети, когда никто не приходит, чтобы успокоить, убаюкать их, как хнычут дети, которые в конце концов понимают, что им придется справляться с проблемой самостоятельно. Именно этот одинокий плач заставил ее сделать первый шаг. В таком жутком месте дети не должны успокаивать себя сами.

Спускаясь, Роза считала ступеньки. На седьмой она прошла под нависавшим над входом в подземелье камнем с надписью. На четырнадцатой оглянулась через плечо на оставленный позади прямоугольник белого света, а когда снова повернулась, он еще несколько секунд стоял перед ее глазами, словно яркое привидение. Она спускалась все ниже и ниже, шлепая босыми ногами по холодным каменным ступеням, понимая, что никакие доводы не смогут рассеять охвативший ее страх, помочь ей примириться с ним. Остается только терпеть его, и если она справится, то одно это станет огромным достижением.

Пятьдесят ступеней. Семьдесят пять. Сто. Она остановилась на сто двадцать пятой, ибо поняла: она снова видит.

«Чушь, — подумала она. — Трюки воображения, Роза, не более».

Но она ошибалась. Роза медленно поднесла руку к лицу. И от руки, и от зажато в ней маленького узелка с семенами исходило тусклое колдовское свечение. Она подняла другую руку, ту, в которой держала остатки ночной рубашки с завернутым в них камнем. Да, она ее видит. Роза повернула голову сначала влево, потом вправо. Стены лестничного коридора светились мрачным зеленоватым светом. На них возникали, медленно извиваясь, черные тени, как будто стены — это стеклянные стенки аквариума, за которыми всплывали в плавном танце уродливые мертвые тела.

«Роза, прекрати! Перестань думать так!»

Но она была не в силах совладать с собой. Во сне или наяву, паника и желание обратиться в бегство подступили совсем близко.

«Тогда не смотри!»

Хорошее предложение. Замечательное предложение. Роза опустила взгляд к рентгеновским отпечаткам своих ног и возобновила спуск, шепотом продолжая считать ступени. Зеленое свечение становилось все ярче, и, когда она достигла двести двадцатой, последней, ступени, ей показалось, что она вышла на широкую сцену, освещенную включенными на пониженную мощность зелеными прожекторами. Она подняла голову, заранее стиснув зубы, чтобы не закричать при виде того, что может увидеть. Движение влажного, но достаточно свежего воздуха в подземелье принесло с собой запах, который ей совершенно не понравился... Это был запах зоопарка, будто здесь, внизу содержалось какое-то животное. Собственно, почему какое-то? Разумеется, она попала в клетку, где обитает бык Эринис.

Впереди она обнаружила три не доходящие до по толка каменные стены, повернутые к ней торцом и удаляющиеся в полумрак. Каждая стена поднималась над полом примерно на двенадцать футов — слишком высоко, чтобы заглянуть через нее. Они излучали тот же самый зеленоватый свет, и Роза тревожно оглядела четыре образованные стенами прохода. Какой из них. Где-то впереди по-прежнему всхлипывал ребенок... однако его плач затихал. Словно до нее доносились звуки радиоприемника, обладатель которого время от времени уменьшал громкость.

— Плачь! — закричала Роза и тут же сжалась от многократно повторенного эха собственного крика: — Ачь!.. ачь!.. ачь!..

Ничего. Четыре прохода — четыре дороги, ведущие в лабиринт, — молча разверзли перед ней свои вертикальные пасти, как узкие рты с одинаковым выражением испуганного потрясения. Неподалеку от входа во второй коридор справа она заметила какую-то темную кучу.

«Черт возьми, ты же прекрасно знаешь, что это такое, — подумала она. — После четырнадцати лет общения с Норманом, Харли и всеми остальными его приятелями надо быть

окончательной дурой, чтобы не узнать кучу дерьма с первого взгляда».

Эта мысль и все связанные с ней воспоминания — о мужчинах, которые сидят в гостиной, говорят о работе, пьют пиво, говорят о работе, курят сигареты, говорят о работе, рассказывают анекдоты о ниггерах, педерастах и наркоманах, после чего еще немного говорят о работе, — вызвали у нее приступ злости. Вместо того чтобы сдерживать свои чувства, Роза плюнула на продолжавшуюся полжизни школу аутотренинга и отдалась во власть нахлынувших эмоций. Злость приносила ей *удовольствие*, любое чувство, кроме страха, доставило бы ей удовольствие. Она припомнила, что в детстве обладала поистине завидным голосом, оглашая боевым кличем площадки для игр, — высоким пронзительным голосом, от которого дрожали стекла в окнах и едва не лопались барабанные перепонки. Когда ей исполнилось десять, ее принялись стыдить и ругать за этот крик: дескать, не пристало маленькой леди вести себя таким образом, кроме того, подобные упражнения оказывают пагубное воздействие на мозг. Теперь же Роза решила проверить, способна ли еще издавать старый боевой клич. Она набрала полные легкие сырого воздуха подземелья, заполняя грудь до отказа, закрыла глаза и вспомнила, как они играли в крепость на площадке за школой на Эльм-стрит или в тexasских рейнджеров на заросшем сорняками грязном заднем дворе за домом Билли Кэлхоуна. На мгновение ей показалось, что она *чувствует* успокоительный запах любимой фланелевой рубашки, которую носила до тех пор, пока та буквально не расплзлась на куски у нее на спине, затем оскалилась и испустила старый добрый улюлюкающий гортанный крик, похожий на пение тирольских горцев.

Ее охватил восторг, почти экстаз, когда он вырвался из горла таким же, как и в былые дни; а кроме того, она ощутила нечто более важное: крик придал ей мужества, позволяя *ощутить* себя такой же отчаянной и уверенной, как в прежние времена. К тому же, похоже, боевой школьный клич не потерял былой силы; ребенок заплакал громче с первыми его звуками, сотрясшими каменные своды пещеры.

«А теперь поторапливайся, Роза, времени совсем мало. Если малышка устала, ей не удастся долго кричать так громко».

Она сделала пару шагов вперед, переводя взгляд с одного входа в лабиринт на другой, затем прошла мимо них, внимательно прислушиваясь. Ей почудилось, что плач ребенка доносился чуть-чуть громче из третьего входа. Возможно, это лишь игра воображения, однако с чего-то все-таки нужно начинать. Роза быстро зашагала по этому проходу, шлепая босыми ногами по каменному полу, потом вдруг остановилась, наклонив голову и прикусив нижнюю губу. По всей видимости, старый воинственный клич разбудил не только ребенка. Где-то — насколько далеко и в каком именно месте, определить невозможно из-за эха — по каменному полу застучали копыта. Они грохотали с ленивой неторопливостью, то приближаясь, то удаляясь, а то вдруг совершенно замолкая (почему-то это было страшнее всего). Она услышала низкое влажное посапывание. Потом раздался еще более низкий короткий хрюкающий звук. Затем все смолкло, слышалось только хныканье младенца, чей плач снова начал ослабевать.

Роза обнаружила, что развитое образное мышление ей мешает: она *слишком* хорошо представляла себе быка — огромного зверя с покрытой язвами шкурой и массивными черными плечами, возвышающимися над низко пригнутой к земле головой. В носу у быка обязательно будет золотое кольцо, как у Минотавра из ее детской книги мифов и легенд, и зеленое свечение, сочащееся, словно пот, из стен подземелья, будет отражаться от кольца тонкими лучиками жидкого света. А сейчас Эринис тихо стоит впереди за одним из поворотов, угрожающе опустив рога. Прислушиваясь к ее шагам. Поджидая ее.

Роза сделала несколько шагов по тусклому коридору, проводя рукой по стене, прислушиваясь к детскому плачу и топоту быка. Краешком глаза она поглядывала под ноги, чтобы не наступить ненароком на кучу бычьего помета, но он пока не попадался. Примерно

через три минуты коридор, по которому она шла, вывел ее к Т-образному разветвлению. Плач ребенка чуть громче слышался слева («Или левое ухо у меня более развито, как и левая рука?» — подумала она), поэтому она свернула в левый проход. Сделав всего два шага, Роза остановилась как вкопанная, сообразив вдруг, зачем нужны семена: она как Гретель в подземелье, только без брата, который мог бы поддержать ее в самые отчаянные минуты. Вернувшись к началу развилки, Роза присела и развернула узелок с семенами. Одно зернышко она положила на пол острым концом к проходу, по которому пришла. Слава Богу, подумала она, что здесь нет птиц, которые с удовольствием полакомились бы ее условными знаками.

Поднявшись, Роза продолжила путь по лабиринту. Пять шагов, и она оказалась в новом коридоре. Глянув вперед, она обнаружила, что совсем рядом он расходится на три новых. Она выбрала центральный, пометив его зернышком помгранатового дерева. Через тридцать шагов и два поворота это ответвление привело ее в тупик, заканчивающийся каменной стеной с вырезанными на ней словами: «НЕ ЖЕЛАЕШЬ ТРАХНУТЬСЯ СО МНОЙ ПО-СОБАЧЬИ?»

Вернувшись к развилке, Роза наклонилась, подобрала зернышко и уложила его у начала новой тропы.

Рози не знала, сколько времени ей понадобится, чтобы найти путь к сердцу лабиринта, потому что очень скоро время для нее потеряло всякое значение. Она понимала, что бродила по коридорам не *слишком* долго, потому что плач ребенка продолжался... хотя к тому времени, когда Рози почувствовала, что приближается к конечной точке странствий по каменным коридорам, плач часто прерывался длительными паузами. Дважды она слышала топот копыт по каменному полу, один раз в отдалении, во второй настолько близко, что она оцепенела, затаив дыхание и прижав руки к груди, ожидая, что бык сейчас появится из-за поворота и бросится на нее.

Всякий раз, когда ей приходилось возвращаться, она подбирала оставленные зернышки, чтобы не запутаться на обратном пути. Рози начала путешествие по лабиринту, имея полсотни семян; когда же, наконец, свернула за поворот и заметила впереди свет, их осталось всего три.

Она дошла до конца коридора и остановилась, глядя на квадратную комнату с каменным полом. Рози бросила короткий взгляд наверх, ожидая увидеть потолок, но там оказалась лишь пещерная чернота, от которой у нее закружилась голова. Она опять посмотрела вниз, заметила несколько новых кусков бычьего помета, разбросанного по всей комнате, затем обратила внимание на центральную часть комнаты. Там на горке одеял лежал пухлый светловолосый младенец. Его глаза покраснели от плача, щеки еще не высохли от слез, но он молчал — наступила очередная пауза. Малыш задрал ноги вверх и, казалось, изучал собственные пальцы. Время от времени он издавал отрывистые всхлипывающие звуки-вздохи. Эти всхлипывающие вздохи тронули сердце Рози сильнее, чем весь предшествующий отчаянный плач; как будто младенец понимал, что он оставлен в полном одиночестве.

«Принеси мне моего ребенка».

«*Чьего* ребенка? Кто она, собственно? И как она сюда попала?»

Рози решила, что в данной ситуации не стоит ломать голову над подобными вопросами; по крайней мере, не сейчас. Достаточно того, что девочка лежит здесь, в ледящем зеленом свечении, в центре лабиринта, покинутая и прелестная, и пытается успокоить себя, забавляясь собственными пухлыми пальчиками.

«И свечение наверняка плохо на нее действует, — подумала Рози рассеянно, спеша к центру комнаты. — Должно быть, это какая-то радиация».

Рози увидела, как малышка повернула голову и протянула к ней маленькие ручки. Этим дитя окончательно завоевало ее сердце. Она завернула ребенка в верхнее одеяло из горки, укутывая ножки, спину и грудь девочки, и взяла ее на руки. Судя по всему, малышке было не больше трех месяцев. Она обхватила ручонками шею Рози и тут же опустила — *шлеп!* — головку ей на плечо. Потом снова начала всхлипывать, но теперь Рози показалось, что в плаче отчетливо слышится облегчение.

— Все хорошо, — произнесла она, поглаживая крошечную спину завернутого в одеяло младенца. Рози ощущала теплый запах кожи ребенка, который приятнее всех

духов. Она прижалась носом к круглой головке девочки, к ее нежным волосам. — Все хорошо, Кэрлайн, все в порядке, мы выберемся из этого ужасного темного...

Она услышала тяжелый топот копыт за спиной и мгновенно умолкла, моля Бога, чтобы бык не услышал ее голоса, мысленно уговаривая быка заблудиться, выбрать не тот коридор, уйти в глубину лабиринта. Однако этого не случилось. Топот нарастал — и становился все отчетливее по мере того, как бык приближался. Затем стук копыт прекратился, но Рози слышала тяжелое дыхание крупного существа, напоминающее дыхание толстяка, которому пришлось преодолеть

несколько лестничных пролетов.

Медленно, чувствуя себя старой и неповоротливой, Роза обернулась на звук, сжимая в руках ребенка. Она обернулась к Эринису, и Эринис оказался тут как тут.

«Бык учует меня, и поминай, как звали. — Да, именно так сказала женщина в красном платье... и добавила что-то еще. — Бросится-то он на меня, но умрем мы обе». Значит, Эринис учуял ее запах? Учужал, несмотря на то, что для нее еще не наступило время полной луны? Роза подумала, что дело не в этом. Она решила, что задача быка — охранять младенца, вероятно, охранять *любой* предмет, находящийся в комнате в центре лабиринта, и его точно так же, как и Роза, привлек плач девочки. Может, и так, а может, и нет. Собственно, это не имеет ни малейшего значения; бык стоит перед ней, и Роза за всю жизнь не видела более уродливого существа.

Бык стоял в проходе к центральной комнате лабиринта, такой же непропорциональный, как и храм, через который она прошла — ей показалось, что она видит Эриниса сквозь струи прозрачной быстро текущей воды. И все же тело быка было совершенно неподвижным; во всяком случае, пока. Низко пригнув голову к полу, он одним копытом, раздвоенным настолько сильно, что оно походило на лапу гигантской птицы, стучал по каменному полу. Холка Эриниса возвышалась над головой Роза на четыре-пять дюймов, и весил он по меньшей мере две тонны. Верхняя часть опущенной головы, плоская, как наковальня, блестела, будто шелк. Голову венчали не очень длинные — около фута — но острые и крепкие рога. Роза без труда представила, как легко они вонзятся в ее обнаженный живот... или в спину, если она попытается бежать. Однако ей не удалось представить *ощущение* такой смерти; даже после четырнадцати лет с Норманом она не смогла вообразить такое.

Бык немного приподнял голову, и она увидела, что у него действительно всего один глаз — подернутая пленкой голубоватая дыра, огромная и отвратительная, прямо в центре его громадной морды. Зверь снова наклонил голову, снова застучал копытом по полу, и Роза сообразила: он собирается броситься на нее.

Девочка испустила душераздирающий пронзительный крик — прямо ей в ухо, — вырывая Роза из оцепенения.

— Тс-с-с, — прошептала она, покачивая ребенка. — Тс-с-с, малышка, не плачь, не бойся, бояться нечего.

Но все обстояло как раз наоборот; им *было* чего бояться. Бык, готовящийся к броску из узкого пространства между двумя стенами коридора, вспорет ей живот и украсит ее внутренностями странные светящиеся зеленые стены подземелья. Она подумала, что кровь ее покажется черной на зеленом фоне. В центральном зале не было ни единого предмета, за которым они могли бы укрыться: ни колонны, ни камня. Если же она попробует добежать до коридора, из которого вышла, бык услышит топот ее ног по каменному полу и настигнет прежде, чем она преодолеет хотя бы половину расстояния; он поднимет ее на рога, швырнет о стену, а потом затопчет до смерти. И ребенка заодно, если она не оставит девочку на горке одеял в центре комнаты.

«У Эриниса один глаз, да и тот слепой, но нюх у него очень острый».

Роза стояла, глядя на быка круглыми от страха глазами, замороженная постукиванием копыта. Когда же стук, наконец, прекратился...

Она опустила голову и посмотрела на зажатый в руке комок ночной рубашки с камнем внутри. С камнем, обернутым в пропитанную кровью тряпку.

«Но нюх у него очень острый».

Она опустилась на одно колено, искоса наблюдая за быком и правой рукой прижимая ребенка к плечу.левой развернула влажный комок ночной рубашки. Роза заворачивала камень в

темно-красный от крови «Уэнди Ярроу» лоскут, но потом большую часть крови смыло дождем, и теперь цвет ткани поблек до розового. Только завязанные концы по-прежнему оставались красными — точнее, мареновыми.

Рози подняла камень на ладони, каждой клеткой кожи ощущая его вес. В тот миг, когда холка быка дернулась за секунду до броска, она размахнулась, швырнув камень как можно дальше, влево от быка. Его тяжелая голова повернулась в сторону упавшего камня, ноздри раздулись, и бык помчался к тому месту, откуда доносились и звук, и запах.

В то же мгновение Рози бросилась бежать. Она оставила скомканные остатки ночной рубашки рядом с грудой одеял, но все еще сжимала в руке маленький узелок с тремя зернышками помгранатового дерева, хотя и не чувствовала его. Единственное, что оставалось в ее сознании, — это проем между стенами того коридора, в который ей нужно попасть. А бык в это время бесновался, поддевал камень смертоносными рогами, отшвыривая его в сторону, затем догонял, тыкался в него плоской наковальной огромной головы, издавая разъяренные хрюкающие звуки. После очередного удара острого рога камень улетел в другой проход, и бык ринулся за ним вдогонку. Рози бежала что было сил, но ей представлялось, что она едва переставляет ноги, словно в замедленной съемке, и теперь все снова начало казаться сном, потому что *так* можно бежать только во сне, особенно в плохом сне, где враг всегда преследует тебя, отставая на каких-то два-три шага. В кошмарных снах бегство превращается в подводный балет.

Она ворвалась в жерло узкого коридора в тот момент, когда бык за ее спиной повернулся, и топот стал приближаться. Гулкий стук копыт по камню быстро нарастал, Эринис мчался прямо на нее, и в последний момент Рози, не выдержав, закричала и, прижимая захлебывающегося в рыданиях испуганного ребенка к груди, побежала еще стремительнее, хотя это казалось просто невозможным. Бык двигался быстрее. Он настиг ее... и, промчавшись мимо с правой стороны, скрылся за стеной соседнего прохода. Эринис вовремя обнаружил уловку с камнем, чтобы повернуть назад и броситься в погоню, но его подвело зрение, и он выбрал не тот коридор.

Рози бежала, не замедляя скорости, хватая воздух пересохшим ртом, ощущая бешеный ритм своего сердца в горле, в висках, в глазах. Она не знала, ни где находится, ни в каком направлении движется. Теперь все зависело только от зернышек помгранатового дерева. Если она хоть раз забыла пометить какое-то ответвление дороги или положила зернышко острым кончиком в другую сторону, ей, возможно, придется бродить по лабиринту часами, пока в конце концов ее не обнаружит Эринис. Тогда...

Она добралась до развилки, от которой в разные стороны расходилось целых пять коридоров. Посмотрев на пол, она *не* увидела зернышка. Зато обнаружила блестящую ароматную лужу свежей бычьей мочи, и ей пришла в голову ужасающая и вместе с тем очень вероятная мысль. А что если здесь *было* зернышко? Конечно, она точно не помнила, помечала ли эту развилку, так что само по себе отсутствие указательного знака еще ничего не означает. Однако Рози не могла сказать и того, что *не* оставляла знака. Предположим, она все-таки положила зернышко; предположим, оно прилипло к огромному копыту быка, когда тот промчался мимо, низко опустив голову, рассекая короткими острыми рогами воздух и брызгая горячей мочой.

«Ты не должна думать об этом, Рози — что бы там ни было, ты не должна об этом думать. Ты застынешь в нерешительности, и... и конце концов бык наткнется на вас и убьет обеих».

Она бросилась бежать, одной рукой придерживая головку девочки, чтобы та не ушиблась. Коридор шел прямо ярдов двадцать, затем под прямым углом сворачивал вправо и еще через двадцать ярдов выходил на Т-образную развилку. Рози поспешила туда, заранее уговаривая себя не терять головы, если и там не обнаружит зернышка. В таком случае ей просто придется вернуться к разветвлению из пяти проходов и опробовать новый маршрут — что может быть

легче, проще пареной репы... если, конечно, сохранять хладнокровие. И пока она готовилась к худшему, проигрывая возможные варианты дальнейшего развития событий, враждебный перепуганный голос из глубины сознания стонал: «Потерялась, заблудилась, сбилась с пути, вот что бывает с теми женами, которые бросают своих мужей, вот что с ними случается, заблудилась в лабиринте, играешь в прятки в темноте с огромным быком, бегаешь, выполняя мелкие поручения сумасшедших женщин... вот что ждет плохих жен, тех жен, которые пытаются вознестись, не знают своего места в сложившемся порядке вещей. Сбилась с дороги в темноте...»

Она увидела зернышко, острие которого четко указывало направо, и зарыдала от облегчения. Поцеловав маленькую девочку в щеку, она увидела, что та уснула.

Рози вошла в правый коридор и зашагала вперед, держа Кэролайн (прекрасное имя, ничуть не хуже любого другого) на руках. Ее ни на миг не покидало ощущение кошмарного сна, равно как и тошнотворное чувство, что она вот-вот выберется на перекресток, который забыла пометить, однако зернышки помграната ожидали ее на каждом разветвлении, указывая нужное направление заостренным кончиком. Эринис, впрочем, тоже был поблизости, и топот копыт, иногда приглушенный и отдаленный, иногда близкий и отвратительно отчетливый, напомнил ей поездку с родителями в Нью-Йорк, когда ей было пять или шесть лет. Два момента сохранились в ее памяти с особенной яркостью: группа «Рокетс», участники которой, высоко вскидывая ноги и двигаясь удивительно слаженно, выступали на сцене Радио-Сити Мюзик-холла, и ошеломляющая суэта и толкотня Большого центрального вокзала с его гулким эхом, огромными светящимися информационными табло, рекламными щитами и непрерывным потоком людей. Толпы на Большом центральном вокзале заворожили ее так же, как и музыканты «Рокетса» (и во многом по той же причине, хотя осознала она это гораздо позже), однако шум поездов сильно испугал ее, потому что не могла понять, откуда или куда они едут. Невидимый визг тормозов, скрежет металла, грохот колес то нарастал до оглушительной громкости, то снова угасал, то усиливался, то затихал, иногда шум доносился издалека, иногда от него сотрясался пол под ногами.

Слыша топот копыт Эриниса, слепо мечущегося по лабиринту, она вспомнила свои ощущения с необычайной ясностью. Рози понимала, что она, не потратившая ни единого доллара на лотерею штата, ни разу за всю жизнь не купившая карточки бинго, чтобы выиграть рождественскую индейку или набор керамической посуды, сейчас оказалась вовлеченной в игру, основным правилом которой является случай, призом за победу — сохраненная жизнь, а в случае проигрыша ее ждет смерть... ее и ребенка тоже. Она вспомнила мужчину на вокзале в Портсайте — молодого человека с привлекательным, но не внушающим доверия лицом, предложившего ей угадать пикового туза среди трех карт, которые он проворно менял местами на крышке чемодана. Теперь *она* превратилась в пикового туза. Самое страшное, быку даже не обязательно полагаться на свой слух или обоняние, чтобы найти их; хватит и простого везения — или невезения, смотря с чьей стороны.

Но этого не случилось. Рози свернула за последний поворот и увидела впереди начало лестницы. Задыхаясь, смеясь и плача одновременно, выбежала из коридора между стенами лабиринта и бросилась к ней. Поднявшись на несколько ступеней, остановилась и оглянулась. Отсюда она видела, как, извиваясь, скрываются в полумраке изломанные стены лабиринта, беспорядочное, хаотичное переплетение прямых линий и углов, правых и левых поворотов, разветвлений и тупиков. Где-то вдалеке раздавался топот перешедшего на галоп Эриниса. Галопирующего *прочь* от них. Они спаслись от рассвирепевшего зверя, и плечи Рози опустились от облегчения.

В голове снова прозвучал голос «Уэнди»: «Забудь про Него — возвращайся скорее сюда с ребенком. Пока ты держишься молодцом, но дело еще не окончено».

О нет, отнюдь не закончено. Ей предстоит подняться на двести с хвостиком ступеней, и не самой, а с ребенком на руках, и не после хорошего отдыха, а сейчас, когда у нее подгибаются колени от изнеможения.

«Постепенно, милая, шаг за шагом, — посоветовала Практичность-Благоразумие. — Только так и не иначе — и не стой как вкопанная, а действуй».

Ну конечно, конечно. Миссис П. — Б., королева философии «Двенадцать ступеней», Рози

начала подниматься (шаг за шагом), время от времени оглядываясь назад и отвлеченно думая (*могут ли быки подниматься по ступеням?*) о всяческих ужасах, постепенно удаляясь от лабиринта. Ребенок становился все тяжелее и тяжелее, словно здесь вступал в силу таинственный физический закон: чем ближе к поверхности, тем тяжелее дети. Внимательно присмотревшись, она различила далеко впереди искорку дневного света. Казалось, точка света дразнила ее, не желая ни увеличиваться, ни приближаться, в то время как дышать становилось все труднее, а кровь глухо стучала в висках. Впервые за последние две недели она почувствовала по-настоящему сильную боль в почках, пульсирующую контрапунктом с ударами не справляющегося с нагрузкой сердца. Она игнорировала все это — в той степени, в какой ей удавалось, — цепляясь взглядом за светлую точку впереди. Наконец искорка увеличилась в размерах и приобрела очертания выхода из лестничного коридора.

В пяти ступенях от вершины ее парализовала сильнейшая судорога, захватившая большую мышцу в верхней части правого бедра, отчего под кожей, от колена до самой ягодицы, образовались тугие узлы. Она протянула руку и начала массировать одеревеневшую ногу; поначалу ей казалось, что она пытается вымесить тесто из камня. Ее дрожащие губы искривились в гримасе боли. Слабо постанывая, Роза разминала мышцу (еще одно привычное занятие; за годы брака ей нередко приходилось приводить себя в нормальное состояние), пока, наконец, узлы под кожей не рассосались. Роза согнула ногу в колене, проверяя, не вернется ли судорога. Убедившись, что повторяться она не собирается, Роза осторожно преодолела последние несколько ступеней, перенося большую часть своего веса на левую ногу. Наверху она остановилась, в замешательстве озираясь взглядом шахтера, который, вопреки всем ожиданиям, выкарабкался живым из страшного завала.

За то время, которое она провела под землей, ветер прогнал с неба почти все тучи, и день теперь наполнился ленивым солнечным светом. Воздух был тяжелым и сырым, но Роза подумала, что никогда в жизни не получала такого удовольствия от простого дыхания. Она повернула лицо, влажное от пота и слез, к кусочкам проступавшего в разрывах между облаками неба цвета джинсов. Где-то в отдалении продолжал беспомощно грохотать гром, как побитый задира, сотрясающий кулаком в пустой угрозе. Это навело ее на мысль об Эринисе, мечущемся по коридорам лабиринта в мрачном подземелье в надежде отыскать женщину, осмелившуюся нарушить его покой, проникнуть в его владения и похитить его сокровище.

«*Cherches la femme*, — подумала Роза с гримасой, которая должна была изображать улыбку. — Можешь *cherches* сколько тебе заблагорассудится, лобастый дружок: эта *femme* — не говоря уже о ее *petit fille* — обвела тебя вокруг пальца. Вот так-то!»

Рози медленно удалялась от лестницы. У начала тропы, ведущей назад в рощу мертвых деревьев, она села, осторожно опустив завернутую в одеяло девочку на колени. Она хотела всего лишь перевести дух, но солнце согрело ее затылок и шею, и, когда Рози снова подняла голову, небольшие изменения в вытянувшихся тенях свидетельствовали о том, что она, по всей видимости, ненадолго уснула.

Поднявшись на ноги, она поморщилась от боли, мгновенно пронзившей правое бедро, и услышала резкие сварливые крики множества птиц — их вопли походили на ссору большого семейства за воскресным обеденным столом. Рози поправила одеяло, стараясь поудобнее устроить девочку, и малышка легонько всхрапнула, выпятила губы, надула маленький пузырик из слюны и опять затихла. Рози забавляла ее спокойная сонная уверенность, и в то же время она ей завидовала.

Она зашагала по тропинке, но вдруг остановилась и оглянулась на единственное живое дерево с блестящими темно-зелеными листьями, с избытком несущих смерть соблазнительных сочных плодов; затем перевела взгляд на сооружение, напоминающее вход в метро. Она долго смотрела на них, запоминая картину глазами и разумом.

«Они настоящие, — подумала она. — Как могут предметы, которые я вижу с такой отчетливостью и ясностью, быть ненастоящими? К тому же я спала. Я знаю, я спала. А разве можно уснуть во сне? Как можно уснуть, если уже спишь?»

«Опять забиваешь себе голову всякой чепухой, — прикрикнула на нее Практичность-Благоразумие. — Забудь обо всем. Мой тебе совет — забудь, это самое лучшее, что ты можешь сделать. По крайней мере, на время».

Да, наверное, она права.

Рози снова тронулась в путь и, когда достигла поваленного дерева, перегородившего тропинку, с удивлением и раздражением увидела, что легко могла бы избежать отвратительного столкновения с нахальным корнем, пытавшимся ее облапать: за кроной дерева достаточно свободного места, чтобы обойти его с другой стороны.

«Во всяком случае, дерево можно обойти сейчас, — подумала она. — Ты уверена, что проход был и раньше?»

Ее слуха достигло лепетание черного ручья, и, приблизившись к нему, она обнаружила, что уровень воды в нем понизился и теперь камни не казались такими маленькими и ненадежными; теперь они были размером с кафельные плитки для пола, а запах воды потерял свою зловещую притягательность. От ручья исходил обычный запах воды, вроде той, от которой на раковине или унитазе остается бледно-оранжевый налет солей.

Опять возобновилась сварливая перепалка птиц: «Ты!» — «Нет, не я!» — «Нет ты, я видел, видел!», и она заметила два-три десятка самых крупных пернатых созданий, которых ей когда-либо доводилось видеть, рассеявшихся на коньке крыши храма. Они намного превосходили по размерам обычных ворон, и после секундного раздумья Рози решила, что это местный вариант канюка или какой-то другой хищной птицы. Но откуда они взялись? И почему прилетели сюда?

Не осознавая, что делает, до тех пор, пока в одеяле не зашевелилась, выражая сонный протест, девочка, Рози плотнее прижала ее к груди, не сводя глаз с пернатых стервятников. В то же мгновение они все разом поднялись в воздух, хлопая крыльями со звуком, напоминающим полощущееся на ветру высохшее белье. Как будто они почувствовали ее взгляд, и им он не понравился. Почти все птицы спустились в рощу мертвых деревьев, и лишь несколько экземпляров продолжали кружить высоко в небе, как недобрая примета в вестерне.

«Откуда они взялись? Что им надо?»

Новые вопросы, на которые она не имеет ответов. Выбросив мысли о птицах из головы, Роза перешла ручей по камням. Приближаясь к храму, она заметила давно не используемую, но все же отчетливо просматривающуюся тропинку, которая уходила вправо и скрывалась за каменным углом строения. Без малейших колебаний Роза свернула на нее, хотя по обеим сторонам росли колючие кусты, а ее тело не было защищено одеждой. Она шла осторожно, поворачиваясь боком в узких местах, чтобы не поцарапать бедра, приподнимая (*Кэролайн*) ребенка, чтобы колючки не достали до него. Два или три раза она все-таки почувствовала острые уколы, но лишь одна царапина — на правом, и без того больном бедре — оказалась достаточно глубокой, чтобы появилась кровь.

Обойдя громаду храма, она взглянула на фасад и ей почудилось, что строение очень изменилось, но настолько неуловимо, что поначалу она никак не могла понять, в чем состоят перемены. На мгновение Роза позабыла об этом, испытав облегчение при виде «Уэнди», стоящей на своем месте у свалившейся колонны, однако, сделав к ней несколько шагов, она опять остановилась и оглянулась, открывая глаза навстречу храму, открывая свой *разум*.

В этот раз Роза сразу увидела перемены, и с ее губ невольно сорвался возглас удивления. Храм Быка выглядел маленьким и незначительным... он словно стал двухмерным. Роза вспомнилась поэтическая строка, застрявшая в голове со школьных времен, что-то о нарисованном корабле на фоне нарисованного океана. Странное, неприятное ощущение непропорциональности здания, не вписывающегося в перспективу (словно появившегося из чужой неевклидовой Вселенной, где существуют другие геометрические законы), пропало, а вместе с ним исчезла и окружавшая храм аура угрозы. Все его линии казались ровными там, где им и положено быть ровными; в его архитектуре не осталось и следа от раздражающих глаз неожиданных поворотов и провалов. Собственно, здание теперь походило на картину, нарисованную художником, чьи посредственные способности и побитая молью романтичность родили типичный образец плохого искусства — что-то вроде картины, заканчивающей свои дни в углу подвала или на пыльном чердаке в компании со старыми номерами «Нэшнл джиографик» и коробками с разрезными головоломками, у которых не хватает одного-двух элементов.

Или, может быть, в антикварном магазине — в третьем ряду, до которого посетители почти никогда не доходят.

— Женщина! Эй, женщина!

Она обернулась к «Уэнди» и увидела, что та нетерпеливо машет рукой, подзывая к себе.

— Топай сюда скорее и неси ребенка! Здесь не место для туристов!

Роза проигнорировала ее окрик. Она рисковала жизнью, вынося малышку из лабиринта, так что, наверное, имеет полное право не торопиться. Приподняв краешек одеяла, она взглянула на крохотное тельце, такое же обнаженное и женственное, как и ее собственное. Впрочем, на этом все сходство кончалось. На теле ребенка не было шрамов или отметин от старых укусов или уколов. На маленьком прекрасном теле не было даже, насколько заметила Роза, ни единой родинки или пятнышка. Она медленно провела пальцем по всему тельцу, от пятки до маленького плечика. Само совершенство.

«Да, совершенство. А теперь, Роза, после того, как ты рисковала своей жизнью ради нее, после того, как ты спасла ее от тьмы и быка и Бог знает чего еще, готова ли ты отдать ее двум этим женщинам? Женщинам, страдающим от неведомого тяжелого заболевания; а у той, что на холме, вдобавок еще и проблемы с рассудком? *Серьезные* проблемы. Готова ли ты отдать им ребенка?»

— С ней все будет в порядке, — проговорила темнокожая женщина.

Рози вскинула голову при звуках ее голоса. «Уэнди Ярроу» стояла у ее плеча и смотрела с полным пониманием.

— Да, — кивнула она, словно Рози выразила свои сомнения вслух. — Не отказывайся, я знаю, о чем ты думаешь, и скажу тебе, что все в порядке. Она сумасшедшая, никто в мире в *этом* не усомнится, но ее безумие не распространяется на ребенка. Она знает, что, хотя дитя вышло на свет из ее чрева, ей не даровано право оставить девочку у себя, как не дано оно и тебе.

Рози посмотрела на вершину холма, где рядом с пасущимся пони стояла женщина в хитоне, ожидая конца их беседы.

— Как ее зовут? — спросила Рози. — Мать девочки? Не...

— Замолчи! — торопливо перебила ее женщина в красном, не позволяя произнести вслух слово, которое должно остаться произнесенным. — Имя ее не так важно. Вот состояние мозгов — да. В последнее время наша леди стала очень нетерпеливой, в дополнение ко всем прочим грехам. Давай-ка мы прекратим болтовню и пойдем наверх.

Рози сказала:

— Я решила назвать свою дочь Кэролайн. Норман не возражал. Вообще-то ему, честно говоря, было абсолютно все равно. — Она расплакалась.

— Ну что ж, на мой взгляд, хорошее имя. *Замечательное* имя. Да не плачь ты хоть сейчас-то. Хватит, хватит траву поливать. — Она обняла Рози за плечи, и две женщины начали подниматься по склону холма. Трава нежно шуршала под босыми ногами Рози и щекотала ей колени. — Не хочешь послушаться моего совета, женщина?

Рози с любопытством посмотрела на спутницу.

— Знаю, в делах печали и скорби трудно принимать чьи-то советы, но ты подумай, кто еще посоветует тебе лучше меня? Я родилась в рабстве, выросла в цепях, за мою свободу заплатила женщина, малость не дотягивающая до богини. *Она*. — Темнокожая кивнула в сторону женщины, молча стоящей на вершине и дожидаящейся, пока они поднимутся. — Она напилась воды молодости и меня заставила выпить. Теперь мы с ней в одной упряжке. Не знаю, как она, но что касается меня, то иногда, когда гляжусь в зеркало, мне хочется видеть морщины. Я похоронила своих детей, и детей их детей, и детей своих внуков — и так до пятого колена. Я видела войны, которые приходили и уходили, как волны, накатывающиеся на берег, смывающие следы и разрушающие песочные замки. Я видела людей, заживо сгорающих в огне, и сотни голов на столбах вдоль улиц Луда. На моих глазах убивали мудрых правителей, а на их место возносили глупцов; и я до сих пор живу.

Она глубоко вздохнула.

— До сих пор живу, и если то, чему я была свидетелем, не делает меня хорошей советчицей, то что же еще надо? Ты слушаешь меня? Отвечай быстро. Этот совет предназначен не для *ее* ушей, а мы уже близко.

— Да. Говори.

— Лучше быть безжалостным с прошлым. Важны не те удары, от которых мы погибаем, а те, после которых мы выжили. А теперь слушай — ради своего же рассудка, если не жизни: *не смотри на нее!*

Женщина в красном платье произнесла последние слова эмоциональной скороговоркой. Не прошло и минуты, как Рози снова предстала перед светловолосой. Она уставилась взглядом на кайму хитона Мареновой Розы и снова невольно сжала одеяло с девочкой, спохватившись, когда малышка заерзала и недовольно замахала крошечной ручонкой. Девочка проснулась и смотрела на Рози с живым интересом. Глаза ее сияли той же голубизной, что и умытое ливнем небо над холмом.

— Ты справилась с моим поручением. Хвалю, — произнес низкий чувственный голос. —

Благодарю тебя. А теперь дай мне ребенка.

Мареновая Роза протянула руки. По ним проскальзывали неясные тени. И Роза заметила кое-что, понравившееся ей еще меньше: между пальцами женщины пробивалась густая серо-зеленая растительность, похожая на мох. Или чешую. Не осознавая, что делает, Роза крепче прижала девочку к груди. В этот раз малышка начала возмущенно вертеться в одеяле и коротко вскрикнула.

Коричневая рука опустилась на плечо Розы.

— Говорю тебе, все в порядке. Она не причинит ей боли, а я буду заботиться о ней все время, пока наше путешествие не закончится. До конца осталось совсем немного, а потом она передаст девочку... впрочем, остальное тебя не касается. Какое-то время, однако, ребенок будет принадлежать ей. Отдай ее.

Чувствуя, что совершает самый тяжелый поступок в своей жизни, хотя тяжелых поступков в ней не счесть, Роза положила завернутого в одеяло младенца на протянутые руки. Раздался слабый радостный возглас, и пятнистые руки приняли ребенка. Девочка подняла глаза к лицу, на которое Розы не отваживалась взглянуть... и засмеялась.

— Да, да, — заворковал сладостный чувственный голос, и было в нем что-то от нормановской улыбки, что-то такое, от чего Розы захотелось закричать во весь голос. — Да, милая, там было темно, правда? Темно и холодно и плохо, о да. Мама знает.

Страшные руки прижали младенца к мареновой ткани хитона. Дитя посмотрело вверх, улыбнулось, затем положило головку на грудь матери и снова закрыло глаза.

— Розы, — сказала женщина в хитоне. Голос ее прозвучал отрешенно. Это был голос деспота, который вскоре станет повелевать бесчисленными воображаемыми армиями.

— Да, — прошептала Розы.

— *Настоящая* Розы. Розы Настоящая.

— Д-да. Н-наверное.

— Ты помнишь, что я сказала тебе перед тем, как ты отправилась в храм?

— Да, — ответила Розы. — Хорошо помню. — Ей отчаянно хотелось забыть слова Мареновой Розы.

— И что же? — требовательным тоном переспросила Мареновая Роза. — Что я тебе сказала, Розы Настоящая?

— Я плачу.

— Да, я плачу. Тебе было плохо там, в темноте? Тебе было плохо, Розы Настоящая?

Она задумалась над ответом.

— Да, но хуже всего было у ручья. Мне так хотелось напиться!

— Много ли в твоей жизни такого, о чем ты хотела бы забыть?

— Да. Думаю, да.

— Твой муж?

Она кивнула.

Женщина, прижимающая спящего младенца к груди, заговорила со странной бесстрастной уверенностью, от которой у Розы сжалось сердце.

— Он не будет твоим мужем.

Розы открыла рот, но обнаружила, что лишилась дара речи.

— Мужчины — звери, — равнодушно продолжала Мареновая Роза, — Одних можно отучить от жестокости и затем приручить. Другие не поддаются дрессировке. Почему, сталкиваясь с такими — дикими, — мы должны чувствовать себя обманутыми или проклятыми? Почему должны сидеть в придорожной пыли — или в кресле-качалке у кровати, если на то пошло, — оплакивая свою судьбу? Следует ли восставать против нашего ка? Нет, потому что *ка*

— это колесо, на котором вращается мир, и любой мужчина, любая женщина, попытавшиеся воспротивиться его ходу, попадут под него. Но и с дикими зверями можно справиться. И нужно приступать к этому с сердцем, полным надежд, ибо следующий зверь может оказаться совсем другим.

«Билл не зверь», — подумала Роза, зная, что никогда не отважится произнести это вслух в присутствии сумасшедшей женщины. Легко представить, как та схватит ее за плечи и зубами вырвет горло.

— Как бы там ни было, звери станут сражаться, — сказала Мареновая Роза. — Так они устроены — всегда пригибают головы к земле и бросаются друг на друга, чтобы проверить, у кого крепче рога. Ты понимаешь?

Роза подумала, что *действительно* понимает, о чем говорит *женщина* в хитоне, и понимание потрясло ее до глубины души. Она поднесла руку ко рту и прикоснулась пальцами к губам. Губы показались ей сухими и горячими, как в лихорадке.

— Не будет никакого сражения, — запротестовала она, — Не будет никакого сражения, потому что они даже не знают друг друга. Они...

— Звери станут драться, — повторила Мареновая Роза и затем протянула Роза какой-то предмет. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить: та предлагает ей золотой браслет, который был надет на ее правой руке чуть выше локтя.

— Я... я не могу...

— Бери, — приказала женщина в хитоне с неожиданной нетерпеливой резкостью. — Бери же, бери! И перестань ныть. Ради всех богов, которые когда-то существовали и будут существовать, *прекрати свое жалкое овечьё блеяние!*

Роза вытянула дрожащую руку и взяла золотой браслет. Хотя до этого украшение находилось на теле женщины, металл оставался холодным. «Если она прикажет мне надеть его, я не знаю, что сделаю», — подумала Роза, но Мареновая Роза не предложила ей надеть украшение. Вместо этого она указала пальцем на оливковое дерево. Мольберт исчез, и картина — как и та, что висела на стене ее комнаты — выросла до огромных размеров. К тому же она изменилась. Это была все та же ее комната на Трентон-стрит, но теперь Роза не увидела на ней женщины, повернувшейся лицом к двери. Комната погрузилась в темноту. Лишь прядь светлых волос и голое плечо позволяли заключить, что кто-то спит на кровати, укрывшись одеялом.

«Это я, — удивилась Роза. — Я сплю и вижу этот самый сон».

— Иди, — велела Мареновая Роза и слегка подтолкнула ее в затылок, Роза сделала шаг к картине, прежде всего потому, что хотела избавиться даже от самого легкого прикосновения холодной и жуткой руки. Остановившись, она услышала — очень слабый — шум автомобильного движения. В высокой траве у ее ног прыгали сверчки. — Иди, маленькая Роза Настоящая! Спасибо тебе за то, что спасла моего ребенка.

— *Нашего* ребенка, — поправила ее Роза, и на мгновение похолодела от страха. Только безумец мог противоречить этой потерявшей рассудок женщине.

Но в голосе Мареновой Розы в мареновом хитоне почувствовалась скорее усмешка, чем гнев:

— Да, да, *нашего* ребенка, если тебе так хочется. Теперь отправляйся. Помни то, что должна помнить, забудь то, что нужно забыть. Береги себя, когда выйдешь из круга моей защиты.

«Как же, — сказала себе Роза. — Я не вернусь сюда, желая вымолить у тебя исполнение очередного желания, в этом можешь не сомневаться. С таким же успехом можно нанять в садовники Ади Амина или попросить Адольфа Гитлера...»

Ход мысли прервался, когда она увидела, как женщина на картине зашевелилась в кровати,

натягивая одеяло на голое плечо. Это уже *не* картина, а нечто большее. Окно.

— Иди, — мягко приказала ей женщина в длинном красном одеянии. — Ты справилась с заданием. Уходи скорее, пока она не передумала; не то у нее изменится настроение.

Рози шагнула к картине, и Мареновая Роза опять заговорила у нее за спиной, но теперь ее голос прозвучал не чувственно и сладостно, а громко, хрипло и убийственно:

— И помни: *я плачу*.

Ресницы Розы дрогнули от неожиданного крика, и она бросилась вперед, уверенная, что свихнувшаяся женщина в мареновом хитоне забыла об услуге, которую оказала ей Розы, и вознамерилась убить ее на месте. Она споткнулась обо что-то (нижний край картины, может быть?) и поняла, что падает. Ей хватило времени, чтобы почувствовать, как она переворачивается, словно цирковой барабан жонглера, после чего осталось только ощущение мчащейся мимо ее глаз и ушей темноты. Во тьме она расслышала невнятный зловещий звук, отдаленный, но быстро приближающийся. Возможно, это грохот поездов в тоннелях под Большим центральным вокзалом в Нью-Йорке, может, то были раскаты удаляющегося грома или же ее слуха достиг топот копыт быка Эриниса, слепо мечущегося по коридорам лабиринта с низко пригнутой к земле головой, готового поднять на рога похитительницу.

Затем в течение некоторого времени Розы ничего не ощущала.

Сон ее, глубокий, бесчувственный и ничем не нарушаемый, похожий на пребывание эмбриона в оболочке с плацентой, продолжался до семи часов утра. Затем Биг-Бен рядом с кроватью вырвал ее из объятий Морфея своим безжалостным звоном. Розы резко села на кровати, царапая воздух руками, словно когтями, и выкрикивая слова, которые сама не понимала, — слова из сна, уже забытого:

— Не заставляй меня смотреть на тебя! Не заставляй меня смотреть на тебя! Не заставляй меня смотреть! Не заставляй!

Затем она увидела стены кремового цвета, диванчик с претензией на солидность, на котором поместилась бы только парочка влюбленных, тесно прижавшихся друг к другу, свет, падающий из окна, и с помощью этих примет зацепилась за реальность, в которой так нуждалась. В кого бы она ни превращалась во сне, куда бы ни заносила ее фантазия, сейчас она не кто иная, как Розы Макклендон, одинокая женщина, зарабатывающая на жизнь читкой художественных книг в студии звукозаписи. Она очень долго прожила с плохим мужем, но потом оставила его и повстречала хорошего человека. Она живет в комнате дома восемьсот девяносто семь по Трентон-стрит: второй этаж, в конце коридора, прекрасный вид из окна на Брайант-парк. Ах да, еще кое-что. Она женщина, которая больше никогда в жизни и пальцем не дотронется до запеченной в тесте горячей сосиски в фут длиной; особенно с кислой капустой. По всей видимости, сосиски с кислой капустой не находят общего языка с ее желудком. Она не могла вспомнить, что ей приснилось, (*помни то, что должна помнить, забудь то, что нужно забыть*) однако знала, с чего все началось: с того, что она прошла сквозь проклятую картину, как Алиса через зеркало.

Розы еще немного посидела на кровати, как можно плотнее заворачиваясь в свой мир Розы Настоящей, затем протянула руку к неугомонному будильнику, но промахнулась и свалила его на пол. Он упал, продолжая издавать возбужденный бессмысленный сигнал.

— Найми себе в помощники калеку, за ним интересно наблюдать, — пробормотала она.

Она свесилась с кровати, нащупывая трезвонящий на полу будильник, в который раз очарованная собственными новыми светлыми волосами, — чудесными прядями золотистого цвета, такими непохожими на мышинные волосы прежней Роуз Дэниэлс. Найдя будильник, она нажала большим пальцем на рычаг, выключающий сигнал, и вдруг замерла, ибо ее сознание зарегистрировало странный факт. Правая грудь почему-то оказалась обнаженной.

Выключив будильник, она выпрямилась, не выпуская его из левой руки. Откинула одеяло. Нижняя часть тела оказалась такой же голой, как и верхняя.

— Эй, куда подевалась моя ночная рубашка? — спросила она в пустой комнате, еще никогда Розы не чувствовала себя в столь дурацкой ситуации... Впрочем, ничего удивительного: она не привыкла вечером ложиться спать в рубашке, а просыпаться утром нагишом. Даже четырнадцать лет с Норманом не подготовили ее к таким чудесам. Розы поставила будильник на прикроватную тумбочку, сбросила ноги с кровати...

— Оу-у-у! — вскрикнула она, напуганная болью и тяжестью в бедрах. Болели даже ягодицы. — Ой, ой, оу-у-у-у!

Она села на край кровати и осторожно согнула правую ногу, затем попробовала сделать то же самое с левой. Ноги сгибались, однако при этом возникала сильная боль, особенно в правой ноге. Словно накануне она провела весь день в спортивном зале, переходя от одного тренажера к другому, хотя на самом деле самое тяжелое ее вчерашнее физическое упражнение — прогулка с Биллом от Корн-билдинга и обратно.

«Звук смахивал на грохот поездов на Большом центральном вокзале», — подумала она неожиданно.

«Какой звук?»

На мгновение Розы едва не поймала воспоминание — во всяком случае, *что-то* промелькнуло в голове — но тут же снова растерялась, не зная, что подумать. Медленно и осторожно она встала с кровати, секунду постояла на месте, затем направилась в ванную. *Заковыляла* в ванную. Правая нога болела так, будто растянула мышцу, каждый шаг отзывался болью в почках. Черт возьми, откуда...

Она вспомнила, что читала где-то о людях, которые иногда «бегают» во сне. Вероятно, тем же самым занималась ночью и она сама; возможно, ночные кошмары, которых она не помнила, оказались такими жуткими, что она попыталась скрыться от них бегством. Розы остановилась в двери ванной и оглянулась на постель. Измятая, но не скомканная, не разорванная, даже не выбившаяся из-под матраса простыня, чем следовало бы ожидать, если бы она провела *по-настоящему* беспокойную ночь.

Впрочем, Розы заметила кое-что, совершенно ей не понравившееся, — нечто, мгновенно вызвавшее воспоминания о старых временах, которые она ни за что не назвала бы добрыми: кровь. Однако следы крови не простыне смахивали больше на отпечатки линий, нежели на пятна, остающиеся после капель, к тому же находились они слишком далеко от подушки; значит, кровь текла не из разбитой губы или носа... разве что ее ночные метания были настолько сильными, что она кувыркалась в кровати. Следующей мыслью было, что ее навестил кардинал (к такому эвфемизму прибегала мать Розы — вообще-то старавшаяся не заводить речь на эту тему — когда ей все-таки приходилось разговаривать с дочерью о менструации), но через секунду она отбросила ее: совсем не то время месяца.

«Сейчас не твое время, подруга? Не полнолуние для тебя?»

— Что? — переспросила она пустую комнату. — При чем здесь луна?

И снова что-то мелькнуло, на мгновение зацепилось за краешек сознания и исчезло прежде, чем она успела схватиться за уплывающую мысль. Она опустила голову, осматривая себя, и нашла ключ к разгадке по крайней мере одной тайны. В верхней части правого бедра она увидела царапину — судя по виду, довольно глубокую. Очевидно, отсюда и появилась кровь на простыне.

«Как я умудрилась расцарапать себя во сне? Неужели?..»

В этот раз возникшая в голове мысль задержалась чуть дольше, вероятно потому, что это была и не мысль, собственно, а образ. Она увидела обнаженную женщину — себя саму, — осторожно пробирающуюся по тропинке, по обеим сторонам которой рос колючий кустарник. Включив душ и протягивая руку, чтобы проверить температуру воды, Розы поймала себя на том, что размышляет над проблемой: могут ли на теле человека произвольно, сами собой возникать раны и кровотечения во время сна, если сон достаточно ярок? Вроде как у религиозных фанатиков, которые усилием воли заставляют кровоточить свои ладони и ступни.

«Стигматы? Не хочешь ли ты сказать, что в довершение ко всему у тебя открылись стигматы?»

«Ничего я не хочу сказать, — сердито ответила она на свой вопрос, — потому что я ничего *не соображаю*». Все верно. Пожалуй, она еще могла бы поверить — с огромным трудом, правда, — что царапина способна самопроизвольно появиться на теле спящего человека в том месте, где ему приснилась царапина. В конце концов, это только лишь царапина, и ее возникновение, пусть с большой натяжкой, все-таки объяснимо. Что *совершенно* непонятно, так это исчезновение ночной рубашки. Не могла же она раствориться только потому, что ей приснилось, будто она голая?

(«Снимай свою одежду»)

(«Я не могу! Под рубашкой больше ничего нет!»)

(«Замолчи и делай, что сказано...»)

Призрачные голоса. В одном она угадала собственный, но кому принадлежит другой?

Впрочем, какая разница? Да никакой. Она просто разделась во сне, вот и все, или сняла во время короткого пробуждения, которое она теперь помнит не лучше, чем странный сон, где она бежала в темноте по лабиринту или переправлялась через черный ручей по белым камням. Она сняла ночную рубашку, и позже та обнаружится где-нибудь, скомканная, под кроватью или под подушкой.

— Ну конечно. Если только я не съела ее и не выбро...

Она убрала из-под струи воды руку и с озадаченным любопытством посмотрела на нее. Кончики пальцев были в красновато-пурпурных пятнах, более яркие следы того вещества, которое испачкало пальцы, оставались под ногтями. Она медленно поднесла руку к лицу, и внутренний голос — в этот раз явно не принадлежавший миссис Практичность-Благоразумие, которую она легко узнавала бы, — окликнул ее с заметной тревогой: «Не вздумай попробовать вкус плодов, не подноси ко рту даже пальца той руки, которая прикоснется к семенам!»

— Каким семенам? — испуганно спросила Розы. Она понюхала пальцы и ощутила слабый, едва уловимый аромат, напомнивший ей о печеных булочках и сладкой сахарной патоке. — *Какие* семена? Что случилось прошлой ночью? Это про...

Усилием воли заставила себя замолчать. Она знала, что собирается спросить, но не хотела, чтобы вопрос прозвучал вслух и повис в воздухе: «Это происходит до *сих* пор?»

Она забралась под душ, отрегулировала воду до самой горячей, какую выдерживало тело, затем схватилась за мыло. С особенной тщательностью принялась оттирать руки, стараясь удалить даже мельчайшие следы мареновых пятен с пальцев и из-под ногтей. Затем принялась мыть голову, напевая. Курт предложил ей в качестве вокальных упражнений исполнять детские песенки в разных тональностях и голосовых регистрах, и именно этим она и занялась, стараясь не повышать голоса, чтобы не потревожить соседей. Когда спустя пять минут Розы вышла из душа и взяла полотенце, ее тело приобрело вид обычной человеческой плоти, утратило прежнее сходство с неуклюжим сооружением из колючей проволоки и битого стекла. Да и голос восстановился почти до нормального.

Розы начала было натягивать джинсы и футболку, затем вспомнила, что Робби Леффертс пригласил ее на ленч, и переделась в новую юбку. Потом уселась перед зеркалом, чтобы заплести волосы в косу. Работа продвигалась медленно, потому что болели и спина, и руки, и плечи. Горячая вода улучшила положение, но не исправила его окончательно.

«Да, для своего возраста это был довольно крупный ребенок», — подумала она мимоходом, настолько увлеченная процессом придания своим волосам правильной формы, что ее мозг не отреагировал на мысль. Но потом, когда уже приближалась к концу, глянула в зеркало и увидела нечто, от чего ее глаза мгновенно округлились. Все остальные мелкие несоответствия утра мгновенно улетучились из сознания.

— О Боже! — произнесла она слабым сдавленным голосом. Поднявшись, пересекла комнату, с трудом переставляя бесчувственные, как протезы, ноги.

Во многих отношениях изображение на полотне оставалось таким же. Светловолосая женщина с косой, свисающей вдоль спины, по-прежнему стояла на вершине холма, но теперь ее поднятая левая рука действительно заслоняла глаза от солнца, потому что нависавшие над холмом грозные тучи исчезли. Небо над головой женщины в коротком одеянии приобрело выцветший голубоватый оттенок, как после дождя в душный июльский день. Вверху кружило несколько темных птиц, которых раньше не было, но Розы не обратила на них внимания.

«Небо голубое, потому что ливень закончился, — решила она. — Он прошел, пока я находилось... ну... пока я находилась в другом месте».

Все ее воспоминания о том — другом — месте сводились к двум ощущениям: там было темно и страшно. Этого оказалось достаточно; она не *желала* вспоминать еще что-то и подумала, что, наверное, ей совсем не хочется делать для картины новую раму. Она поняла, что передумала, что завтра не станет показывать картину Биллу, даже не обмолвится о ней ни единым словом. Будет плохо, если он заметит, что мрачное предгрозовое небо превратилось в подсвеченный ленивыми лучами солнца голубой небосклон, да, но еще хуже, если он совсем не обнаружит перемен. Тогда останется только одно объяснение: она сошла с ума.

«И вообще, я теперь совсем не уверена, что мне нужна эта картина. Она меня пугает. Хочешь услышать веселенькое предположение? Мне кажется, в ней живут привидения».

Рози подняла холст без рамы, неловко держа его за края ладонями и не давая сознательной части разума пробиться к мысли, (*осторожнее, Рози, не упади в нее*) заставившей ее обращаться с картиной с такой осторожностью. Справа от выходящей в коридор двери располагался небольшой встроенный шкаф, пустой до сих пор, если не считать пары туфель без каблуков, которые были на ней, когда убежала от Нормана, и нового дешевого синтетического свитера. Чтобы открыть дверь шкафа, ей пришлось опустить картину на пол (разумеется, она запросто могла бы зажать ее под мышкой, освободив другую руку, но почему-то ей не захотелось прижимать картину к себе). Открыв дверцу шкафа, Рози снова подняла картину и какое-то время смотрела на нее, не мигая. Солнце. Эта новая деталь, которой прежде не было... И большие черные птицы в небе над храмом, их тоже, *вероятно*, не было, но не произошли ли в картине еще какие-то изменения? Ей казалось, что произошли, и она неожиданно подумала, что не может обнаружить их, потому что дело не в новых деталях, а в исчезновении старых. Чего-то не хватало. Чего-то...

«Я не хочу знать, — торопливо сказала она себе. — Я даже думать об этом не желаю, честное слово».

Честное слово. И все же она испытывала сожаление от собственных мыслей, от своего изменившегося отношения к картине. Рози уже привыкла считать ее чем-то вроде талисмана, приносящего удачу. И в одном была абсолютно уверен»: именно мысли о Мареновой Розе, бесстрашно стоящей на вершине холма, помогли превозмочь себя в первый день записи на студии, когда она умирала от охватившей паники. Поэтому Рози не хотела испытывать неприятные чувства к картине, и тем более бояться ее... и все же боялась. В конце концов, изменение погоды на старых, написанных маслом полотнах — далеко не заурядное явление, а количество изображенных на них предметов не должно ни увеличиваться, ни уменьшаться, как происходит на киноэкране, когда кто-то из зрителей заслоняет луч проекционного аппарата. Она не представляла, как в конце концов поступит с картиной, но знала, что остаток сегодняшнего дня и уикэнд та проведет в заточении: в шкафу в компании со старыми туфлями и новым свитером.

Рози сунула картину в шкаф, прислонив к стене (подавив желание повернуть картину так, чтобы та *смотрела* в стену), и закрыла дверцу. Покончив с этим неприятным делом, натянула свою единственную приличную блузку, подхватила сумочку и вышла из комнаты. Шагая по длинному, не очень чистому коридору, ведущему к лестнице, Рози слышала шепот, поднявшийся с самого дна сознания: «*Я плачу*». Она остановилась у лестничной площадки — ее охватила такая сильная дрожь, что едва не выронила сумочку, и на мгновение правую ногу пронзила боль от колена до ягодицы, словно мышцу свело судорогой. Затем ощущение прошло, и она быстро спустилась на первый этаж.

«Я не хочу об этом думать, — говорила себе, шагая по улице к автобусной остановке. — А

если не хочу, то мне и не надо думать, совершенно определенно не желаю этого. Лучше буду думать о Билле. О Билле с его мотоциклом».

Размышляя о Билле, добралась до работы и сразу же окунулась в мрачный мир книги «Убей все мои завтра», а во время обеденного перерыва времени вспомнить о женщине на картине не было вовсе. Мистер Леффертс привез ее в крошечный итальянский ресторанчик под названием «Делла Феммина», самый уютный из всех ресторанов, в которых ей довелось побывать, и, пока она ела дыню, предложил, выражаясь его же языком, «более солидное деловое соглашение». В соответствии с контрактом она будет получать восемьсот долларов в неделю на протяжении двадцати недель или до завершения работы над двенадцатью книгами, в зависимости от того, что закончится раньше. Не тысячу в неделю, которой, по мнению Роды, она заслуживает, однако Робби пообещал познакомить ее с агентом, через которого Роза сможет наладить контакты с любыми радиостанциями и студиями звукозаписи, какими только пожелает.

— Вы можете заработать до конца года двадцать две тысячи долларов, Роза. Даже больше, если захотите... но стоит ли перенапрягаться?

Она попросила дать ей уик-энд на размышления. Мистер Леффертс не удивился и не возражал. Перед тем, как оставить ее в вестибюле Корн-билдинга (Рода и Курт сидели рядышком на стульях неподалеку от лифта, перешептываясь, как пара заговорщиков), он протянул руку. Она ответила тем же жестом, ожидая рукопожатия. Вместо этого Робби взял ее руку в обе свои и поцеловал в поклоне. От его поступка — никто и никогда еще не целовал ей руку, хотя она часто видела подобную сцену в фильмах, — по спине пробежали мурашки.

Только позже, сидя в стеклянной будке и наблюдая за тем, как Курт в соседней комнате ставит на магнитофон новую бобину с пленкой, она мысленно вернулась мыслью к картине, надежно (*Ты так думаешь, Роза? Ты уверена?*) спрятанной в шкафу. Внезапно ее осенило, в чем состояла та перемена, которую никак не могла понять утром. Она знала, чего не хватало на картине: браслета. Раньше чуть выше локтя на правой руке женщины в мареновом хитоне красовался золотой браслет. Сегодня утром ее рука была голой от запястья до изящного плеча.

В тот вечер, вернувшись в свою комнату после работы, Роза опустилась на колени и заглянула под кровать. Золотой браслет оказался у самой стены; он стоял на ребре и тускло поблескивал в темноте. Роза подумалось, что он похож на обручальное кольцо великанши. Рядом с браслетом обнаружился еще один предмет — небольшой сложенный квадратик васильковой ткани. Похоже, она нашла на след сгинувшей ночной рубашки. Через тонкую ткань проступали красновато-пурпурные пятна. Они смахивали на кровь, но Роза знала, что это *не* кровь; через ткань просочился сок плодов, которые лучше не пробовать на вкус. Пятна точно такого же цвета она отмывала утром в ванной.

Браслет оказался очень тяжелым — весил по меньшей мере фунт, а то и все два. Если он целиком сделан из того металла, на который похож, то какова может быть его цена? Двенадцать тысяч долларов? Пятнадцать? Очень даже неплохо, особенно если учесть, что появился он из картины, которую выменяла в ломбарде на почти ничего не стоящую бижутерию. Тем не менее, ей не понравилось прикосновение браслета, и она положила его на прикроватную тумбочку рядом с ночной лампой.

Держа маленький квадрат из васильковой ткани в руке, она некоторое время сидела, как подросток, на полу, поджав под себя ноги и оперевшись спиной о кровать, затем осторожно отвернула краешек ткани. Роза увидела три зернышка, три маленьких зернышка, и пока смотрела на них с безнадежной тоской и беспричинным ужасом, в сознании чугунными колоколами снова прозвучали два безжалостных слова «*Я плачу*».

Норман занимался блеснением, пытаясь подцепить ее на крючок.

В четверг поздно вечером он лег в гостиничную постель и провалялся без сна до тех пор, пока в крошечную тьму ночи не вонзился острый, как нож, утренний свет. Он выключил электричество везде, оставив лишь флуоресцентную лампу над зеркалом в ванной комнате; от нее по номеру распространялся рассеянный свет, который ему так нравился. Это напоминало уличные фонари в густом тумане. Он лежал почти в той же позе, что и Розы в четверг вечером, только сунул под подушку одну руку, а не обе. Другая была нужна, чтобы держать сигарету и подносить к губам бутылку виски, стоящую на полу у изголовья кровати.

«Где ты, Роуз? — спросил он жену, которая на время покинула этот мир. — Где, и откуда набралась наглости, чтобы сбежать от меня, — такая серая перепуганная мышка, как ты?»

Больше всего Нормана занимал ответ на второй вопрос — как она осмелилась? Первый не особенно важен, во всяком случае, в практическом смысле, ибо знал, где сможет найти ее в субботу. Льву совсем не обязательно затруднять себя, рыская по лугам, где пасутся зебры; достаточно затаиться у ручья, к которому они приходят на водопой. Пока что неплохо, но... черт бы ее побрал, как она осмелилась сбежать от него? Даже если после финального разговора с ней ему отрезан обратный путь в привычную жизнь, он все равно добьется от нее ответа. Как долго она планировала побег? Стал ли он случайностью? Отклонением сознания, рожденным из короткого импульсивного порыва? Кто помог ей (за вычетом, разумеется, почившего в бозе Питера Слоуика и кавалькады шлюх на Дарэм-авеню)? Чем она занималась с того момента, когда нога ее ступила на брусчатку этого милого славного городка, раскинувшегося у прелестного озера? Работала официанткой в какой-нибудь вшивой забегаловке? Вытряхивала пыль и вонь из простыней в клоповнике вроде этого? Вряд ли. Слишком ленива для физической работы — достаточно вспомнить царивший в их доме беспорядок, а для другой работы у нее просто нет ни умения, ни навыков. Для тех, кто прячет титьки под бюстгальтером, остается только одна дорожка. Значит, сейчас торгует собой на каком-нибудь воняющем мочой перекрестке. Ну конечно, где же еще? Бог видит, даже в проститутки она не годится, трахаться с ней так же приятно, как со скамейкой в парке, но иногда мужчины готовы платить за бабу, несмотря на то, что она только и умеет, что подставлять свою дыру и пускать слюни после того, как randevу окончено. Так что можно не сомневаться, она где-то там, зарабатывает на жизнь единственным доступным способом.

Впрочем, он и это выяснит. Расспросит обо всем. А когда получит все до единого ответы, все ответы, которые когда-либо стремился получить от шлюх вроде Роуз, то захлестнет ремень на шее, чтобы она не смогла кричать, и начнет кусать... кусать... кусать... Рот и челюсти все еще болели после того, что он сделал с Тампером, — удивительным городским еврейчиком, ну да это его не остановит, даже не поколеблет. На дне дорожной сумки осталось три упаковки перкодана, и он примет несколько таблеток, прежде чем приняться за свою заблудшую овечку, его маленькую милую бродячую Роуз. Что касается последствий, когда все закончится, когда перкодан перестанет действовать...

Но дальнейшего он не представлял, да и не *хотел* знать, что будет потом. Его не покидало предчувствие, что «потом» просто *не будет*, что впереди ждет один только мрак. Но и это не страшно. Может, большая порция крошечной тьмы — лучшее из того, что могут посоветовать доктора.

Он лежал на постели,пил лучшее в мире виски, сжигал одну сигарету за другой, наблюдая, как дым поднимается к потолку шелковистыми клубами и окрашивается в голубой цвет, попадая

в полоску мягкого белого света из ванной комнаты, и занимался блеснением, пытаясь поймать ее на крючок. Он раз за разом забрасывал блесну, но крючок не цеплял ничего, кроме пустой воды. Абсолютно *ничего*, и бесплодность всех попыток сводила с ума. Словно его жену похитили космические пришельцы, как будто она скрылась от него в дебрях иного мира. В какой-то момент он, к тому времени изрядно опьяневший, положил на ладонь горящую сигарету и сжал пальцы в кулак, представляя, что сдавливает *ее* руку, а не свою, воображая, что огонек прожигает *ее* ладонь. И когда боль от ожога впилась в кожу, когда строки дыма выползли между пальцев, прошептал:

— Где ты, Роуз? Где ты от меня прячешься, проклятая воровка?

Вскоре после этого Норман провалился в сон. Проснувшись в пятницу, чувствовал себя совершенно не отдохнувшим; голова раскалывалась от похмелья, к тому же испытывал непонятный страх. Всю ночь его преследовали странные сны. В них он не спал, а лежал с открытыми глазами на той же самой постели в номере отеля «Уайтстоун», и мягкий свет из ванной по-прежнему безуспешно пытался бороться с густой темнотой в прокуренной комнате, и сигаретный дым все так же плавал над ним сизовато-голубыми слоями. Только во сне представились картинка, точно на киноэкране за стеной густого дыма. В дыму он видел Роуз.

«Ах, вот ты где?» — подумал он, наблюдая за тем, как она идет по тропинке через полный мертвых растений огород под свирепствующим ливнем. По непонятной причине она была голой, и он ощутил внезапный прилив похоти. Вот уже лет восемь ничего, кроме усталости и отвращения, при виде ее наготы он не чувствовал, но теперь она выглядела совершенно по-иному. И очень привлекательно, если говорить откровенно.

«Похоже, сбросила вес, — решил он во сне, — но дело не в этом... во всяком случае, не только в этом. Может, дело в походке, в манере двигаться? Что за черт?»

Затем до него дошло: она выглядела так, словно с головой ушла в акт грубого, ненасытного совокупления и отнюдь не собиралась его скоро заканчивать. Даже если бы у него возникли хоть крошечные сомнения в правильности собственной оценки, — если бы спросил мысленно: «Что такое, Роуз? Ты, наверное, разыгрываешь меня!» — одного взгляда на ее волосы хватило бы, чтобы полностью развеять сомнения. Она перекрасила их в шлюховатый желтый цвет, словно вообразила себя Шарон Стоун или Мадонной.

Норман увидел, как его «дымная» Роуз вышла из странной мертвой рощи и приблизилась к ручью с такой темной водой, что напоминала чернила. Перешла ручей по камням, расставив руки в стороны для равновесия, и он заметил, что в одной руке она сжимает какой-то мокрый комочек. Норману показалось, что эта тряпка похожа на ночную рубашку, и он подумал: «Какого черта ты не наденешь ее, дура набитая? Или ждешь, что твой приятель вдруг появится, чтобы пощекотать тебе вагину? Хотел бы я увидеть это зрелище. Очень хотел бы. Учти, если я застигну тебя в компании какого-нибудь сопляка, то когда копы найдут его труп, из задницы рождественской свечкой будет торчать его же член».

Однако никто не появился — по крайней мере, во сне. Роуз над его постелью — призрачная Роуз — прошла по тропинке через рощу, деревья казались мертвыми, как... гм, как Питер Слоуик. В конце концов она достигла поляны, в центре которой стояло, похоже, живое дерево. Она опустила на колени, собрала горсть семян и завернула их в тряпку, смахивавшую на еще один кусок ночной рубашки. Затем встала, подошла к непонятному строению, похожему на вход в метро, где начиналась ведущая неизвестно куда лестница (в сновидениях невозможно угадать, какая новая глупость последует за предыдущей), и скрылась под землей. Ожидая, пока она вернется, вдруг почувствовал чье-то присутствие за спиной — холодное и леденящее, как поток воздуха из открытой дверцы морозильной камеры. За годы работы в полиции ему приходилось иметь дело с весьма одиозными личностями — из всех, с кем довелось столкнуться им с Харли

Биссингтоном, самыми страшными были наркоманы, пристрастившиеся к РСР, — и через некоторое время у него развилось некое «шестое чувство», позволявшее безошибочно уловить их близость. Такое же ощущение охватило его и сейчас. Кто-то находился у него за спиной, и он ни на мгновение не усомнился в том, что этот кто-то чрезвычайно опасен.

— Я плачу, — прошептал женский голос. Прозвучал он мягко и чувственно, и тем не менее по коже пробежали мурашки. Голос даже отдаленно не напоминал голос разумного существа.

«Заткни пасть, сучка, — ответил во сне Норман. — Платишь? Только попробуй, изуродую тебя так, что не узнаешь себя в зеркале!»

Она закричала — крик, казалось, проник прямиком в мозг, минуя уши, и он почувствовал, что она бросилась к нему с вытянутыми руками, Норман сделал глубокий вдох и дунул вверх, разгоняя дым. Женщина исчезла. Затем явственно пришло почти физической облегчение. Некоторое время после этого не было ничего, кроме темноты, в которой он плавал мирно и спокойно, недостижимый для страхов и страстей, одолевавших его в минуты бодрствования.

В пятницу утром проснулся в десять минут одиннадцатого и перевел взгляд с часов на потолок гостиничного номера, ожидая увидеть в расплывающихся клубах табачного дыма движущиеся фантомные фигуры. Ничего, разумеется, не увидел — ни фантомных, ни каких-либо других фигур. И дыма, собственно, тоже — лишь сохранившийся смрад сигарет «Пэлл Мэлл», *in hoc signo vinces*. В номере не было никого, кроме инспектора Нормана Дэниэлса, лежащего на влажной от пота постели, от которой разлило табаком и пролитым виски. Налет в полости рта был таким мерзким, словно весь вчерашний вечер он сосал только что начищенный до блеска старый ботинок из цветной дубленой кожи, левую ладонь пекло немилосердно. Взглянув на руку, он увидел блестящий волдырь в самом центре ладони. Долго смотрел на него, пока за окном на узком, загаженном подоконнике ворковали, толкаясь и изредка взмахивая крыльями, голуби. Наконец в сознании всплыло воспоминание о том, как он сжал в кулаке горящую сигарету, и Норман удовлетворенно кивнул головой. Он сделал это, потому что не видел Роуз, как ни старался... а потом, будто в качестве компенсации, ему всю ночь снились идиотские сны с ней в главной роли.

Двумя пальцами он взялся за волдырь и принялся медленно сдавливать его, пока кожа не лопнула. Затем вытер ладонь о простыню, наслаждаясь волнами пронизывающей боли. Он лежал, глядя на собственную ладонь — почти видя, как пульсирует в ней боль, — около минуты. Потом опустил руку и вытащил из-под кровати дорожную сумку, на дне которой лежал небольшой кожаный футляр с набором разных медикаментов. Некоторые оказывали возбуждающее действие, однако большая часть лекарств предназначалась для успокоения. Вообще-то Норман обходился без фармакологической помощи, не испытывая нехватки сил или энергии; но вот привести себя в спокойное состояние подчас являлось трудной, иногда просто невыполнимой задачей.

Он проглотил таблетку перкодана, промочил горло маленьким глотком виски, затем откинулся на подушку и снова принялся смотреть в потолок, выкуривая одну сигарету за другой, гася их в переполненной пепельнице на ночном столике.

В этот раз он думал не о Роуз; во всяком случае, не непосредственно о ней. Мысли его занимал предстоящий пикник, устраиваемый ее новыми подружками. Он побывал в Эттингер-Пиере, и то, что увидел там, отнюдь не прибавило оптимизма. Эттингер-Пиер представлял собой большую территорию, объединяющую пляж, зону для пикников на открытом воздухе и парк развлечений, и Норман совершенно не понимал, где и как должен расположиться, чтобы свести вероятность незаметного появления и ухода Роуз к нулю. Имей он в своем распоряжении человек шесть (даже четверых, но таких, которые знают толк в деле), все было бы по-другому, однако ему предстояло справляться в одиночку. В Эттингер можно попасть через три входа (при

условии, что Роуз не прибудет с озера на лодке), и при всем желании он не уследит за всеми тремя сразу. Это означает, что придется прорабатывать толпу, а прорабатывать толпу — сволочная задача. Норману хотелось бы верить, что среди завтрашних гостей пикника и посетителей Эттингера Роуз окажется единственной, кто сможет опознать его, но если бы желания были свиньями, магазинные полки ломились бы от бекона. Он должен исходить из того, что они будут искать его, и, возможно, уже располагают фотографиями, полученными от какой-нибудь подобной женской организации в его городе.

Этим круг проблем не ограничивался. Норман был твердо убежден — и это неоднократно подтверждал его печальный опыт — в бесполезности всякой маскировки, которая в подобной ситуации являлась прямым путем к провалу. Если на то пошло, есть лишь один еще более надежный способ испоганить даже идеально подготовленную засаду, устроенную после тщательнейшего шестимесячного наблюдения и обработки гор информации — это положиться на незаменимую рацию, которая в самый ответственный момент, когда вы уже собираетесь обрушить сокрушительный удар на голову какого-нибудь подонка, вдруг начинает хрипеть и свистеть, потому что шатающийся поблизости пацан спустил на воду радиоуправляемую игрушечную лодку или решил развлечься, догоняя игрушечный гоночный автомобиль.

«Хорошо, — подумал он. — Нечего сожалеть из-за того, чего достичь невозможно. Помнишь, что говорил старый Уайти Слейтер — ситуация такова, какова она есть. Единственный вопрос — как ты собираешься справиться с ней. И никаких „попозже“! До проклятой вечеринки всего двадцать четыре часа, и знаешь, что тебе светит, если упустишь ее на пикнике? Будешь бегать по городу до самого Рождества без толку. К тому же, если ты не обратил внимания раньше, городишко-то не маленький, совсем не маленький».

Он встал с постели, прошел в ванную и принял душ, стараясь, чтобы горячая вода не попадала на обожженную руку. Надел выцветшие джинсы, неброскую зеленую рубашку и кепку с эмблемой «Чикаго Соке», сунул в карман рубашки дешевые солнцезащитные очки — пригодятся позже. Спустился на лифте в холл отеля, купил в киоске газету и маленькую упаковку медицинского пластыря. Ожидая, пока нерасторопный увалень в киоске отсчитает положенную сдачу, заглянул ему через плечо и сквозь стеклянную заднюю стенку газетного киоска увидел лифты для обслуживающего персонала. В тот самый момент двери одного открылись, и в холл вышли три смеющиеся, оживленно болтающие горничные. Все трое несли с собой сумочки, и Норман решил, что они отправляются на обеденный перерыв. Одну из них, среднюю, он где-то видел раньше — стройная, симпатичная, пушистые светлые волосы, — но не в отеле. Через секунду память подсказала, что блондинка какое-то время шла перед ним, когда он искал «Дочерей и сестер». Красные обтягивающие брючки. Соблазнительная маленькая попка.

— Пожалуйста, ваша сдача, — произнес продавец. Норман не глядя сунул мелочь в карман. Впрочем, он не смотрел и на горничных, прошеествовавших мимо него, даже на ту, с соблазнительной попкой. Просто уложил случайно возникшее воспоминание на нужную полочку, не более — обычный рефлекс полицейского, колено, дергающееся без удара молоточка. Сознательная часть мозга сосредоточенно работала над одной-единственной мыслью: каким образом обнаружить Роуз, не выдав себя.

Он направлялся по холлу к выходу из отеля, когда его слуха достигли слова, настолько созвучные его размышлениям, что поначалу ему показалось, будто он произнес их сам: *Эттингер-Пиер*.

Норман сбился с шага, сердце совершило головокружительный кувырок, волдырь на ладони завибрировал острой болью. Но замешкался лишь на долю секунды — совершил всего один неверный шаг — и затем продолжил путь, как ни в чем не бывало, шагая с опущенной головой к

вращающимся дверям отеля. Со стороны все выглядело так, будто его ногу на миг свело сильной судорогой, которая тут же прошла, не более, и это хорошо. Он *не* имел *права* на ошибку, вот в чем суть. Окажись женщина, произнесшая эти слова, одной из обитательниц публичного дома под названием «Дочери и сестры», она может узнать его, если он лишним движением или еще чем-то привлечет ее внимание... возможно, она *уже* узнала его, при условии, что это та блондинка, вместе с которой он накануне переходил улицу. Он понимал, насколько ничтожна вероятность подобного поворота событий — будучи полицейским, Норман тысячу раз убеждался в полном отсутствии наблюдательности у большинства на удивление тупоголовых сограждан, — однако время от времени такое случалось. Убийцы, вымогатели, грабители банков, укрывавшиеся от полиции достаточно долго, чтобы оказаться внесенными в составляемый ФБР список десяти самых опасных преступников, неожиданно оказывались за решеткой милостью какого-нибудь клерка, чье знакомство с полицией сводится к чтению книжек из серии «Настоящий сыщик», или благодаря пьянчуге-электрику, приходящему в неопикуемый восторг от криминальных фильмов, которые показывают по телевизору. Норман понимал, что не должен останавливаться, но...

...но ему *необходимо* остановиться. Он резко свернул вправо от двери и опустился на одно колено спиной к женщинам, делая вид, что зашнуровывает туфлю.

— ...жалко пропустить концерт, но если мне понадобится машина, я не смогу...

И они скрылись за дверью, однако того, что Норман услышал, оказалось достаточно, чтобы утвердиться в мысли: женщины беседуют о *пикнике*, они говорят о концерте, которым должно завершиться празднество, о какой-то группе под названием «Индиго Герлс», скорее всего, компании лесбиянок. Значит, существует вероятность того, что эта бабенка знакома с Роуз, Вероятность *небольшая* — завтра в Эттингер набьется куча народу, не имеющего ни малейшего отношения к «Дочерям и сестрам» — но все же она есть. А Норман принадлежал к числу тех людей, которые верят в указующий перст фортуны. Черт возьми, он даже не знает, которая из них говорила!

«Пусть это окажется блондинка, — взмолился он, быстро выпрямляясь и выходя через вращающуюся дверь вслед «за женщинами. — Пусть это будет блондинка с ее большими глазами и соблазнительным задом. Пусть *это* будет блондинка, ну помоги же мне...

Следить за ними, разумеется, опасно — как знать, в какой момент кто-то из них лениво обернется и завоюет дополнительное очко в игре «Узнай физиономию», — однако на данном этапе ничего другого ему не оставалось. Он направился за ними прогулочным шагом, повернув голову в сторону, как будто с интересом разглядывая выставленные в витринах дешевые побрякушки.

— Как у вас сегодня с наволочками? — обратился к двум другим мешок с кишками, топавший по краю тротуара, рядом с проезжей частью. — У тебя порядок, Пэм?

— Я даже не считала их, чтобы не портить себе настроение, — ответила блондинка.

И они дружно расхохотались — пронзительно-визгливым смехом, от которого у Нормана всегда возникало такое ощущение, словно во рту трескались пломбы. Он мгновенно остановился, впившись взглядом в витрину со спортивной одеждой, давая возможность горничным удалиться на безопасное расстояние. Это она — точно, без дураков. Именно блондинка произнесла волшебные слова «Эттингер-Пиер». Может, это все меняет, может, абсолютно ничего не значит. В настоящий момент он слишком взволнован, чтобы хладнокровно во всем разобраться. Одно несомненно — ему невероятно пофартило; с неба свалилась зацепка вроде тех, на которые молишься, работая над долгим и запутанным делом, случайное везение, приходящее к истинному полицейскому гораздо чаще, чем можно предположить.

Но пока что он спрячет зацепку в анналы подсознания и продолжит разработку плана А.

Даже не станет наводить о блондинке справки в отеле, по крайней мере, пока. Он знает, что ее зовут Пэм, а это уже хорошее начало.

Норман прошелся до автобусной остановки, подождал пятнадцать минут, пока не появился экспресс до аэропорта, и сел в автобус. Поездка предстояла долгая; аэропорт располагался за городом, в другом его конце. Сойдя, наконец, с автобуса перед терминалом А, он надел темные очки, пересек улицу и направился на площадку долгосрочного проката автомобилей.

Первая машина, в которую он сел, стояла там так давно, что у нее разрядился аккумулятор. Вторая, ничем не примечательный «форд-темпо», завелась без осложнений. Норман сообщил дежурному на пропускнике, что во время трехнедельной командировки в Даллас потерял водительское удостоверение. С ним всегда это происходит, заявил он. Правда, зная свой недостаток, заранее заготовил большое количество фотокопий. Дежурный на пропускнике уныло кивал и кивал головой с видом человека, которому в тысячный раз приходится выслушивать один и тот же бородатый анекдот. Когда Норман предложил ему лишние десять долларов в качестве компенсации за отсутствующий оригинал водительских прав, дежурный слегка оживился. Деньги исчезли. Он не думал, что это сыграет какую-то роль — дежурный на пропускнике лишь на секунду оторвался от своего черно-белого монитора, когда под его носом появилась десятка, — но лучше всего действовать наверняка. Так спокойнее.

Норман выехал со стоянки примерно в то же время, когда Робби Леффертс излагал его жене-беглянке *условия* предлагаемого «более солидного делового соглашения».

Проехав две мили, Норман притормозил за выдавшим виды «лесабром» и поменял номерные знаки. Еще через две мили свернул к автомойке «Робо-Уош». Он поспорил с самим собой, что «темпо» окажется темно-синего цвета, но проиграл. Из мойки «форд» выехал зеленым.

Норман включил радиоприемник и настроил его на станцию, транслировавшую старые хиты. Ширли Эллис исполняла старенькую песенку, и он принялся подпевать ей, как того требовала певица: «Если первые две буквы одинаковы, отбросьте их и произнесите имя. Например, если его зовут Барри-Барри, отбросьте „Б“, оставьте Арри. Это единственное правило, которое можно нарушать». Норман сообразил, что отлично помнит слова старой глупой песенки. Что же это за мир, Мать его так, если через два года после окончания школы вы забыли, как решаются квадратные уравнения или спрягается французский глагол avoir, зато, когда ваш возраст приближается к сорока, без запинки припевааете: «Ник-Никбо-бик, бананна-фанна-фо-фик, фи-фай-мо-мик, Ник»? Что же это за мир, пропади он пропадом?

«Тот, который удаляется от меня сейчас», — мелькнула холодная мысль, и верно, так оно и было. Как в дурацких фантастических фильмах о космических путешественниках, где отважные астронавты видят на своих мониторах Землю, сначала размером с мяч, потом уменьшающуюся до монеты, потом до крошечной светящейся точки, а потом — бац! — и ее нет. Вот чем представлялся ему сейчас собственный мозг — космическим кораблем, улетающим на пять лет исследовать новые миры, куда еще не ступала нога человека. Космический корабль «Норман», разгоняющийся до сверхсветовой скорости.

Ширли Эллис допела свою песенку, и на волнах радиостанции завывали «Битлз». Норман с такой силой крутанул ручку настройки, что едва не оторвал ее. Не в том он настроении, чтобы слушать хиппи-диппи «Эй, Джуд» или подобное дерьмо.

До города оставалось еще около двух миль, когда он заметил магазин под названием «Базовый лагерь». «АРМЕЙСКИЕ ТОВАРЫ, КОТОРЫХ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ БОЛЬШЕ НИГДЕ», — гласил рекламный щит у входа, и уж совсем непонятно, по какой причине он показался ему чрезвычайно смешным. В определенном смысле это, наверное, самая необычная рекламная фраза, которую он когда-либо видел: кажется, она *что-то* означает, и в то же время

невозможно сказать, что именно, Ну да ладно, фраза не имеет ровно никакого значения. Зато в магазине, очевидно, имеется один из тех предметов, которые ему необходимы, и это важно.

Над средним рядом полок висел плакат, напоминающий посетителям о том, что «ЛУЧШЕ ЗАРАНЕЕ ПОЗАБОТИТЬСЯ О СВОЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЧЕМ ПОТОМ ЖАЛЕТЬ». Норман равнодушно взглянул на три разновидности газовых баллончиков, не более опасных, чем перечницы, на полку со звездами ниндзя (идеальное оружие для домашней самообороны, если на вас нападает безрукий, безногий и слепой калека), газовые ружья, стреляющие резиновыми пулями, латунные кастеты, плоские и с шипами, дубинки и лассо, плети и свистки.

Примерно в середине центрального ряда полок Норман обнаружил прозрачный ящик с единственным, по его мнению, ценным оружием в «Базовом лагере». За шестьдесят три с половиной доллара он купил электрошокер, выдающий при нажатии кнопки мощный (но, по-видимому, все-таки не в девяносто тысяч вольт, как утверждалось на упаковке) разряд тока между двумя стальными контактами. Норман считал это оружие не менее опасным, чем мелкокалиберный пистолет, и самое приятное, что для его приобретения не надо заполнять формуляры, указывая свое имя.

— Не жаеете риорешти атарею к неу? — осведомился продавец с пулеобразной заостренной головой и заячьей губой. Надпись на его футболке утверждала, что «ЛУЧШЕ ИМЕТЬ ПИСТОЛЕТ И НЕ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМ, ЧЕМ НЕ ИМЕТЬ ПИСТОЛЕТА, КОГДА ОН ВАМ НУЖЕН». Норману он напоминал ребенка, родившегося в результате совокупления кровных родственников. — Это рис'ошов'ение растает от деятиойтоой атареи.

Норман с трудом понял, что хочет сказать ему продавец с заячьей губой, и утвердительно кивнул головой:

— Две. Давайте поживем еще немного.

Молодой человек засмеялся так, словно не слышал в жизни ничего более смешного, словно шутка Нормана оказалась еще забавнее, чем рекламный плакат «АРМЕЙСКИЕ ТОВАРЫ. КОТОРЫХ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ БОЛЬШЕ НИГДЕ», затем наклонился, достал из-под прилавка две девятивольтовые батарейки и положил их рядом с электрошокером «Омега».

— Ешейчак! — воскликнул продавец, опять заливаясь смехом. Норману понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что тот имеет в виду, и он рассмеялся вместе с мистером Заячья губа, а позже подумал, что именно в этот момент он достиг сверхсветовой скорости, и окружающие его звезды превратились в прямые линии. Вперед, мистер Сулу, — в этот раз мы проскочим мимо империи Клинтон без остановки.

На украденном «темпе» он въехал в город, а затем в той его части, где модели на рекламных щитах, приглашающих покупать определенную марку сигарет, чаще были темнокожими, чем белыми, разыскал парикмахерскую с очаровательным названием «Обрежьте лишнее». Войдя в помещение, он обнаружил молодого негра с усами, сидящего в старомодном парикмахерском кресле. Надев на голову наушники от «уокмена», он читал лежащий на коленях свежий номер журнала «Джет».

— Что вам надо? — спросил чернокожий парикмахер. Наверное, он заговорил чуть резче, чем если бы в парикмахерскую вошел чернокожий посетитель, но и не совсем грубо. Без уважительной причины не стоит грубить такому клиенту, особенно если ты в парикмахерской совсем один. Вошедший был не меньше шести футов двух дюймов роста, с широкими плечами и большими, крепкими ногами. Кроме того, от него за милю несло полицейским.

Над зеркалом висели снимки Майкла Джордана, Чарлза Баркли и Халена Роуза. Джордан в форме бейсбольной команды «Бирмингемские бароны». Над фотографией была прикреплена полоска бумаги с надписью «ЕДИНСТВЕННЫЙ БЫК СЕЙЧАС И ВСЕГДА». Норман показал на фото:

— Меня так, как его, — сказал он. Чернокожий парикмахер внимательно посмотрел на Нормана, сначала проверяя, не пьян ли тот, затем стараясь понять, не шутит ли клиент. Второе оказалось труднее, чем первое.

— Что вы говорите? Вы хотите сказать, чтобы я обрил вас наголо?

— Именно это я и хочу сказать. — Норман провел ладонью по волосам — темным повсюду, кроме висков, на которых только-только начала пробиваться седина. Ни длинные, ни короткие. Он носит волосы такой длины лет уже двадцать, наверное. Глянув на себя в зеркало, попытался представить, как будет выглядеть — лысый, как Майкл Джордан, но с белым цветом кожи. И не смог. Если повезет, ни Роуз, ни ее подругам это тоже не удастся.

— Вы серьезно?

Неожиданно Нормана едва не стошнило от непреодолимого желания сбить этого тугодума-парикмахера ударом кулака на пол, придавить его, встав коленями на черную грудь, наклониться и откусить всю его верхнюю губу вместе с усами, сорвать ее с черномазого лица. И кажется, Норман понял, в чем дело. Парикмахер напомнил ему сыгравшего важный эпизод в детективном сериале под названием «Поиск Роуз» маленького педика Рамона Сандерса. Того, который пытался получить деньги по кредитной карточке, похищенной его, Нормана, женой.

«Эй, цирюльник, — подумал Норман. — Цирюльник, ты даже не подозреваешь, насколько близок к могиле. Задай еще один вопрос, скажи еще хотя бы одно неверное слово, и от тебя останется только мокрое пятно. А я ведь тоже ничего не могу тебе сказать; не могу предупредить, даже если бы и хотел, потому что сейчас мой собственный голос — тоже спусковой крючок, и я не хочу его нажимать. Так что смотри сам и думай тоже сам».

Парикмахер наградил его новым долгим и внимательным взглядом. Норман стоял на месте, позволяя рассматривать себя. Он почувствовал, что на него снизошло спокойствие. Будь что будет. Все в руках этого коверного клоуна.

— Ладно, как скажете, — произнес наконец парикмахер мягким и обезоруживающим тоном. Норман расслабил правую руку, которая сжимала в кармане электрошокер. Парикмахер положил свой журнал на полку рядом с набором лосьонов и одеколонов (там же стояла медная табличка с именем: СЭМЮЭЛ ЛОУ), поднялся с кресла и стряхнул пластиковый фартук. — Хочешь быть Майком? Тогда садись.

Через двадцать минут Норман в задумчивости разглядывал свое отражение в зеркале. Сэмюэл Лоу стоял рядом с креслом и наблюдал за его взглядом. На лице парикмахера застыла бесстрастная маска, из-под которой проглядывало некоторое любопытство. Он производил впечатление человека, увидевшего нечто давно знакомое с совершенно иной стороны. Чуть раньше в парикмахерской появились два новых клиента. Они тоже смотрели на Нормана с одинаковым выражением нескрываемого одобрения на лицах.

— А он ничего, — заметил один из новых. Он говорил слегка удивленным тоном, ни к кому не обращаясь.

Норман никак не мог свыкнуться с тем фактом, что в зеркале на него смотрел не другой человек, а он сам. Он подмигнул, и человек в зеркале ответил тем же, улыбнулся, и тот улыбнулся вместе с ним; наклонил голову, и его двойник сделал то же самое. Но ничего не помогало. Раньше у него был лоб полицейского; у человека в зеркале оказался лоб профессора математики, высоченный, уходящий в стратосферу. Он не мог привыкнуть к гладким, почему-то казавшимся чувственными изгибам обритого наголо черепа. А белизна? Раньше Норман считал, что кожа его почти не загорает, однако по сравнению с бледным черепом лицо казалось темным, как физиономия пляжного спасателя. Голова его производила странное впечатление хрупкости, она казалась слишком уязвимой и неуловимо совершенной, чтобы принадлежать такому, как он. Чтобы вообще принадлежать человеку, в особенности мужчине. Она напоминала

изделие из дельфтского фаянса.

— Знаете, а у вас хорошая голова, — проговорил Лоу. Он произносил слова осторожно, с опаской, но Норману не показалось, что чернокожий парикмахер хочет польстить ему, и это хорошо, потому что Норман пребывал не в том настроении, чтобы позволить какому-то придурку пускать себе пыль в глаза. Или дым в задницу. — Смотрите неплохо. Выглядите *моложе*. Что скажешь, Дейл?

— Неплохо, неплохо, — закивал второй посетитель. — Очень даже неплохо, сэр.

— Сколько я должен? — спросил Норман Сэмюэла Лоу.

Он попытался отвернуться от зеркала, но с тревогой и легким испугом обнаружил, что взгляд его настойчиво стремится вернуться к нему, словно желая проверить, как выглядит бритый затылок. Ощущение отчужденности от человека в зеркале охватило его сильнее, чем прежде. Нет, это не *его* отражение в зеркале. Человек с высоким лбом ученого, поднимающимся над густыми черными бровями — как он может быть им? Нет, это каком-то другой, незнакомый человек, некий фантастический Лекс Лютор, появившийся, чтобы напакостить в метрополисе, и все его поступки с настоящего момента не имеют значения. С настоящего момента ничто не имеет значения. Кроме поимки Роуз, конечно. И разговора с ней. Разговора начистоту.

Лоу снова окинул его оценивающим взглядом, прервав его лишь на мгновение, чтобы посмотреть на двух других чернокожих, и Норман неожиданно понял, что тот проверяет, способны ли двое других помочь ему в случае необходимости, если большой белый клиент — большой белый *лысый* клиент — откажется платить.

— Извини, друг, — произнес он, пытаясь придать своему голосу мягкие успокоительные интонации. — Ты что-то говорил? Я задумался. Извини.

— Я сказал, тридцатка меня бы устроила. А вас?

Норман достал из левого переднего кармана сложенную вдвое пачку банкнот, выудил из нее две двадцатки и протянул парикмахеру.

— Меня устроило бы сорок, если не возражаешь, — сказал он. — Возьми деньги вместе с моими извинениями. Ты молодец. Отличная работа. Просто неделя выдалась сволочная, вот и все.

«Знал бы хоть половину из того, что известно мне», — подумал он.

Сэмюэл заметно расслабился, принимая деньги.

— Никаких проблем, приятель. И я не шутил — у вас действительно красивая голова. Конечно, вы не Майкл, но другого Майкла просто нет.

— Кроме самого Майкла, — добавил посетитель по имени Дейл. Трое чернокожих мужчин дружно рассмеялись, кивая друг другу. Хотя он запросто прикончил бы всех троих, не напрягаясь, Норман присоединился к ним. Новые клиенты, вошедшие в парикмахерскую, слегка изменили ситуацию. Настала пора проявить некоторую осторожность.

Трое подростков, тоже чернокожих, прислонились к забору неподалеку от «темно», но ничего с машиной не сделали, видимо сочтя ее не стоящей внимания. Они с интересом посмотрели на бледный череп Нормана, переглянулись и закатили глаза. Им было лет по четырнадцать-пятнадцать, и впереди их ждала полная неприятностей жизнь. Тот, который в середине, начал было говорить: «Ты на *меня* смотришь?», как Роберт Де Ниро в «Таксисте». Норман почувствовал это и уставился на него — только на *него*, не обращая внимания на двух других, попросту не замечая их. Тот, что в середине, счел фразу из репертуара Де Ниро еще не отрепетированной до конца и замолчал.

Норман сел в чисто вымытую украденную машину и уехал. Через шесть кварталов по пути к центру города он остановился у магазина подержанной одежды, который назывался «Попробуй снова, Сэм». По магазину бесцельно слонялось несколько посетителей, и все они поглядели на

него, но он не возражал. Норман ничего не имел против того, чтобы на него смотрели, в особенности, если их внимание привлекает его бритый наголо череп. Если эти придурки пялятся на его блестящую макушку, ни один из них не вспомнит, как выглядит лицо Нормана, через пять минут после того, как тот выйдет из магазина.

Норман разыскал мотоциклетную куртку, блестящую от множества заклепок, змеек и цепочек и скрипящую каждой складкой при малейшем движении. Он снял ее с вешалки. Продавец раскрыл рот, чтобы запросить за куртку двести пятьдесят долларов, посмотрел в бешеные глаза, глядящие на него из-под невообразимо белой пустыни свежесбритого черепа, и сообщил покупателю, что она стоит сто восемьдесят долларов плюс налог. Продавец сбросил бы еще десятку или двадцатку, если бы Норман начал торговаться, но тот заплатил сразу. Он устал, в висках возникла тупая пульсирующая боль, ему хотелось вернуться в отель и улечься спать. Он мечтал проспять до самого завтрашнего утра. Ему нужно хорошенько отдохнуть, потому что завтра будет не до отдыха.

По пути в «Уайтстоун» он сделал еще две остановки. Сначала притормозил у магазина, торгующего товарами для инвалидов. Там он приобрел подержанную механическую инвалидную коляску, помещающуюся в сложенном виде в багажник «темпо». Затем отправился в Женский культурный центр и музей. Там заплатил шесть долларов за вход, однако не задержался ни у экспонатов, ни в аудитории, где шла дискуссия о проблемах естественного деторождения. Он совершил короткую экскурсию в сувенирный киоск и тут же покинул культурный центр.

Вернувшись в «Уайтстоун», он напрямик направился в свой номер, не расспрашивая никого о блондинке с соблазнительной попкой. В теперешнем своем состоянии Норман не рискнул бы заговорить даже с продавцом содовой. Свежеобритый череп гудел, как наковальня, по которой стучат молотом, глаза едва не вылезали из орбит, зубы будто крошились от боли, челюсти свело судорогой. Хуже всего, что его мозг теперь, казалось, плыл над ним, как огромный воздушный шар на параде в честь Дня Благодарения, у него создалось такое впечатление, словно мозг и тело связаны тончайшей нитью, которая способна оборваться в любой момент. Ему нужно лечь. Отдохнуть. Выспаться. Может, после этого мозг вернется на положенное место. Что касается блондинки, лучше всего относиться к ней как к козырному тузу в рукаве, чему-то, что можно использовать только в крайнем случае — «При пожаре разбить стекло».

В пятницу Норман лег в постель в четыре часа дня. Пульсация в висках уже давным-давно даже отдаленно не напоминала похмельный синдром; она превратилась в головную боль, которую он называл «фирменной». Приступы ее нередко возникали в периоды напряженной работы, а с тех пор, как Роуз покинула его, а дело с бандой завертелось с необычайной быстротой, два приступа в неделю стали совершенно рядовым явлением. Норман лежал на постели, уставившись в потолок, наблюдая забавные дрожащие зигзагообразные узоры, вокруг видимых им предметов; из глаз и носа текло. Боль была такой сильной, что ему казалось, будто в самом центре головы возник ужасный зародыш, старающийся появиться на свет; боль достигла того уровня, когда ему не оставалось ничего иного, кроме как принять горизонтальное положение, напрячь всю свою выдержку и ждать, ждать, ждать, пока не утихнет сама, а сделать это можно только одним способом — переживая каждую секунду в отдельности, переходя от одного момента к следующему, как идущий через ручей человек, перепрыгивающий с одного камешка на другой. Сравнение вызвало в уголке памяти какие-то смутные ассоциации, но они не смогли пробиться к поверхности через барьер напряженной болезненной пульсации, и Норман не стал воскрешать их. Он потерял ладонью макушку и затылок. Непривычная гладкость кожи не была похожа на нечто, принадлежащее ему; он словно прикоснулся к капоту только что вышедшего из мойки автомобиля.

— Кто я? — прозвучал в пустом гостиничном номере его вопрос. — Кто я? Почему я здесь?

Что я тут делаю? Кто я?

Не успев дать ответ хотя бы на один из вопросов, он провалился в сон. Через лишенные сновидений глубины сна боль все еще преследовала его и довольно долго, как плохое предчувствие, не выходящее из головы, но в конце концов Норман от нее оторвался. Голова упала на подушку, и влага, не совсем являющаяся слезами, стекала из левого глаза и левой ноздри по щеке на подушку. Он громко захрапел.

Когда двенадцать часов спустя, в четыре часа утра в субботу, Норман проснулся, от головной боли не осталось и следа. Он чувствовал себя свежим и полным сил, как случилось почти всегда по окончании приступа «фирменной». Он поднялся, спустил ноги на пол и посмотрел через окно в темноту. Голуби по-прежнему сидели на подоконнике, прижимаясь друг к другу и воркуя даже во сне. Он знал — точно, уверенно, без тени сомнения, — что сегодняшний день принесет с собой окончание всей истории. Возможно, на этом закончится и *его* путь, но это пустяк по сравнению с главным. Понимание того, что после *конца* больше никогда не будет головных болей, показалось ему вполне равноценной компенсацией.

В противоположном углу комнаты на спинке стула черным безголовым привидением висела мотоциклетная кожаная куртка.

«Проснись пораньше, Роуз, — подумал он почти с нежностью. — Проснись пораньше, сладкая моя, и полюбуйся рассветом, почему бы тебе не насладиться зрелищем восходящего солнца? Смотри, запоминай, потому что это последний рассвет, который ты встречаешь».

В субботу утром Роза проснулась в самом начале пятого и в страхе потянулась к ночнику на прикроватной тумбочке, уверенная, что Норман находится в комнате рядом с ней, убежденная, что слышит запах его одеколona — «От всех моих парней пахнет „Инглиш Ледером“ или не пахнет ничем». В панической попытке поскорее включить свет она едва не столкнула лампу на пол, но, когда свет, наконец, зажегся (основание лампы при этом оказалось в дюйме от края небытия), ее страх быстро рассеялся. Она увидела лишь свою комнату, маленькую, опрятную, успокаивающую, и единственный запах, который Роза ощущала, исходил от ее собственного теплого после сна тела. В комнате нет никого, кроме нее самой... и Мареновой Розы, разумеется. Но Мареновая Роза надежно спрятана за дверцей встроенного шкафа, где она, несомненно, стоит, прикрывая глаза рукой от солнца и глядя на полуразрушенный храм.

«Он мне приснился, — подумала она, поднимаясь. — Я видела его во сне. Мне привиделся очередной кошмар с участием Нормана, поэтому я так испугалась».

Она передвинула ночник на середину тумбочки. Основание лампы звякнуло о браслет. Роза подняла его и оглядела. Странно, почему ей так трудно вспомнить, *(то, что должна помнить)* откуда у нее взялось это украшение. Может, она купила его в лавке Билла, потому что оно напомнило браслет, надетый на руку женщины с картины? Она не понимала, и это ее тревожило. Как можно забыть *(то, что нужно забыть)* такое?

Роза подняла браслет, тяжелый, как золото, но, наверное, сделанный из чугуна и покрытый позолотой, и посмотрела через него, как в телескоп, на комнату.

В памяти вспыхнул фрагмент сна, и она поняла, что Норман в ее сновидении не появлялся. Ей пригрезился Билл. Они мчались на его мотоцикле, и вместо того, чтобы отвезти ее на пикник к озеру, он направился по тропе, уходящей все глубже и глубже в зловещую рощу мертвых деревьев. Через некоторое время они достигли поляны, на которой росло единственное живое дерево с ветвями, отягощенными сочными плодами цвета хитона Мареновой Розы.

«Ого! Великолепное первое блюдо! — воскликнул Билл, спрыгивая с мотоцикла и подбегая к дереву. — Я слышал про эти фрукты — съешь один, и ты сможешь видеть затылком, съешь два, и будешь жить вечно».

Именно в этом месте сон превратился из просто неприятного в по-настоящему кошмарный. Она почему-то знала, что плоды дерева не волшебные, а ядовитые, и бросилась к нему, намереваясь остановить, прежде чем тот попробует вкус соблазнительного фрукта. Но Билл и слушать не хотел. Он слегка обнял ее за плечи, усмехнулся и сказал: «Не будь дурочкой, Роза, я знаю помгранат, он совсем не такой».

Вот тогда-то она и проснулась, лихорадочно дрожа в темноте и думая не о Билле, а о Нормане... словно он лежал на постели где-то неподалеку и думал о ней. От такой мысли она крепко обхватила себя за плечи. Очень даже возможно, что так оно и есть на самом деле. Положив браслет на тумбочку, Роза поспешила в ванную и включила горячую воду.

Беспокойный сон о Билле и ядовитом дереве, недоумение, когда и каким образом к ней попал браслет, пуганые размышления о купленной картине, с которой она сняла раму, а потом сунула в шкаф, как нечто постыдное, недостойное чужого взгляда... все это померкло на фоне одной тревожащей ее мысли: о предстоящем свидании. Оно состоится сегодня, и каждый раз, когда Роза вспоминала об этом, ее охватывало такое ощущение, будто в груди накалялась нихромовая спираль. Она одновременно боялась и радовалась, но преобладало любопытство. Свидание. *Их* свидание.

«Если, конечно, он появится, — скептическим тоном заметил внутренний голос. — Если

все это — не шутка, знаете ли. А может, ты его напугала».

Рози шагнула было под душ, но в последний момент сообразила, что забыла снять трусики.

— Появится, — пробормотала она, наклоняясь и стягивая их. — Придет, я знаю. Обязательно придет.

Она нырнула под струю горячей воды, и, когда протянула руку за бутылочкой шампуня, голос в потаенной части сознания — в этот раз совсем другой голос — прошептал: «Звери будут драться».

— Что? — встрепенулась Рози, замерев с пластмассовой бутылочкой в руке. Ей стало страшно, хотя она сама не понимала почему. — Что ты сказал?

Тишина. Она даже не успела точно запомнить мысль, только что мелькнувшую в голове, знала лишь, что это опять каким-то образом связано с проклятой картиной, застрявшей в сознании, как назойливо повторяющийся мотив. Рози принялась намывать волосы и неожиданно решила избавиться от картины. Она сразу испытала облегчение, как при мысли о том, что нужно отказаться от плохой привычки — курения или порции спиртного перед ленчем, — и к тому времени, когда вышла из ванной, настроение ее поднялось настолько, что она напевала.

Билл не заставил ее мучиться сомнениями; он приехал без опоздания. Роза перенесла один из стульев к окну, чтобы не пропустить его появления (она уселась перед окном в четверть восьмого, через целых три часа после того, как вышла из душа, и больше чем за час до условленного времени), и в двадцать пять минут девятого на свободное место между двумя машинами перед домом въехал мотоцикл с привязанной к багажнику сумкой-холодильником. Голову водителя скрывал большой синий шлем, а лица его она под таким углом рассмотреть не могла. Но Роза знала, что это Билл. Безошибочно угадала бы его по линии плеч и среди тысячной толпы. Он нажал на газ, заставив мотор взречь, затем выключил его и обувью в ботинок ногой опустил упор. Он перебросил ногу через сиденье, и на секунду стали отчетливо видны очертания его бедра в линялых джинсах. Роза ощутила, как по ней пробежала слабая, но откровенная волна чувственного желания, и подумала: «Вот о чем я буду думать сегодня вечером, ожидая, пока придет сон; вот о чем я буду мечтать. И если мне повезет, я увижу это во сне».

Она собиралась дожидаться его здесь, на месте, давая возможности подняться на второй этаж, как девочка, чувствующая себя в полной безопасности в родительском доме, ожидает парня, который должен отвезти ее на школьный танцевальный вечер, ожидает даже после того, как он останавливается у дома: сидит в нарядном открытом платье, прячась за занавеской спальни и улыбаясь чуть хитроватой улыбкой, пока он неловко выбирается из тщательно вымытой и начищенной до блеска отцовской машины и приближается к двери, смущенно поправляя галстук-бабочку.

Роза хотела встретить его здесь, но вдруг вскочила со стула, распахнула дверцу шкафа и, выхватив свитер, торопливо зашагала по коридору к лестнице, одеваясь на ходу. Когда она подошла к лестнице и обнаружила, что он уже дошел до первой площадки, увидела, как он поднял голову, чтобы взглянуть на нее, ей вдруг подумалось, что она достигла идеального возраста; слишком стара, чтобы кокетничать ради пустого кокетства, и достаточно молода, чтобы верить в то, что некоторые надежды — те, которые по-настоящему важны, — могут сбываться, несмотря ни на что.

— Привет, — сказала она, глядя на него сверху вниз со своего места. — Ты вовремя.

— Ну конечно, — откликнулся он, глядя на нее снизу вверх. В его голосе слышалось легкое удивление. — *Я никогда* не опаздываю. Меня так воспитали. Я сказал бы даже, что пунктуальность у меня в генах. — Он протянул ей руку в перчатке, как галантный кавалер в историческом фильме. — Ты готова?

Гм. Она пока что не знала, как ответить на его вопрос, поэтому просто встретила его на полпути, подала руку и позволила свести себя вниз по лестнице и на улицу, на яркий солнечный свет первой субботы июня. Он остановил ее на тротуаре рядом с мотоциклом, окинул с головы до ног критическим взглядом и с сомнением покачал головой:

— Нет-нет, свитер никуда не годится. К счастью, бойскаутская подготовка меня еще ни разу не подводила.

С обеих сторон к багажнику «харлей-дэвидсона» были привязаны два рюкзака. Он развязал один и извлек кожаную куртку — такую же, как и его собственная, две пары карманов со змейками на груди и по бокам, но больше никаких украшений или излишеств. Ни заклепок, ни эполет, ни цепочек или металлических молний. Она оказалась чуть больше той, которая была на Билле. Роза посмотрела на куртку, плоско висящую, в его руках, встревоженная очевидным вопросом. Он увидел ее взгляд, правильно истолковал его и отрицательно покачал головой:

— Это отцовская куртка. Он учил меня кататься на старом индейском томагавке, который выменял на обеденный стол и набор мебели для спальни. Отец рассказывал, что в год своего совершеннолетия объездил на том мотоцикле всю Америку. Старый дракон заводился ножным стартером, и если ты забывал переключиться на нейтральную, мотоцикл выпрыгивал из-под тебя.

— И что случилось потом? Он разбил его? — Роза слегка улыбнулась. — Или *ты* его разбил?

— Ни то, ни другое. Он умер от старости. С тех пор в семействе Штайнеров прижились харлей-дэвидсоновские потомки. Это модель «херитидж», тридцать пять кубиков. — Он нежно провел рукой по металлической конструкции. — Отец не катается лет пять уже, если не больше.

— Надоело?

Билл покачал головой:

— Нет, у него глаукома.

Она набросила на плечи куртку и подумала, что отец Билла, должно быть, дюйма на три ниже и фунтов на сорок легче своего сына, однако куртка, тем не менее, смотрелась на ней довольно смешно, свисая едва ли не до колен. Впрочем, в ней было тепло, и Роза застегнула ее до самого подбородка со странноватым чувственным удовольствием.

— Ты прекрасно в ней выглядишь, — заметил он. — Немножко забавно, как девочка, примеряющая наряды своей матери, но все равно здорово. Честно.

Она решила, что теперь способна произнести те слова, которые не решилась сказать, когда они с Биллом сидели на скамейке и ели сосиски с кислой капустой; неожиданно ей показалось необходимым, чтобы он услышал их.

— Билл?

Он посмотрел на нее с едва заметной улыбкой, хотя взгляд его оставался серьезным.

— Да?

— Не обижай меня.

Он задумался над услышанным — улыбка по-прежнему не сходила с лица, а глаза продолжали смотреть серьезно — и потом покачал головой:

— Нет. Я тебя не обижу.

— Обещаешь?

— Да, обещаю. Давай, прыгай в седло. Ты когда-нибудь раньше каталась на железном пони?

Она покачала головой.

— Тогда слушай. Вот эти маленькие колышки — для ног. — Он склонился над багажником мотоцикла, а когда выпрямился, держал в руках шлем. Она без малейшего удивления отметила про себя красновато-пурпурный цвет.

— Держи ведро для мозгов.

Роза водрузила шлем на голову, наклонилась, торжественно посмотрела в зеркало на руле мотоцикла и громко расхохоталась.

— Я похожа на футболиста!

— Причем самого красивого в команде, — добавил он, беря ее за плечи и поворачивая к себе. — Ремешок застегивается на шее. погоди, я помогу тебе.

Его лицо находилось на расстоянии поцелуя, и она почувствовала слабое головокружение, понимая, что, если он захочет поцеловать ее прямо сейчас и здесь, на залитом солнцем тротуаре, где прогуливаются люди, направляясь по утренним субботним делам, она не станет противиться. Затем он отступил на шаг.

— Не слишком туго?

Она покачала головой.

— Точно?

Рози кивнула.

— Тогда скажи что-нибудь.

— Этот реешок с'ишко тугой, — произнесла она и рассмеялась от появившегося на его физиономии выражения. Через секунду он присоединился к ней.

— Ты готова? — снова спросил Билл. Он все еще улыбался, но в глазах появилась сосредоточенность, словно они приступали к выполнению очень серьезного задания, когда каждый неверный шаг, каждое слово способны привести к неисправимым последствиям.

Она сжала руку в кулак, стукнула по шлему и нервно улыбнулась.

— Кажется, да. Кто садится первый, ты или я?

— Я. — Он закинул ногу на седло «дэвидсона». — Теперь ты.

Она осторожно занесла ногу над сидением и положила руки ему на плечи. Ее сердце бешено колотилось в груди.

— Нет, — сказал он. — Держи меня за пояс, поняла? Мои руки должны быть свободны, чтобы управлять мотоциклом.

Рози просунула руки ему под мышки и соединила их на его плоском животе. В мгновение ока она почувствовала себя так, будто разом вернулась в сон. Неужели все это происходит только потому, что когда-то она увидела одну-единственную капельку крови на пододеяльнике? Потому, что ей вдруг вздумалось махнуть на все рукой, выйти из дому и шагать, шагать, куда глаза глядят? Неужели это правда?

«Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы это был не сон», — взмолилась она.

— Проверь — ноги должны стоять на подножках.

Она поставила ноги на подножки и испытала смешанный со страхом восторг, когда Билл перевел мотоцикл в вертикальное положение и убрал упор. В этот момент мотоцикл удерживали от падения только его широко расставленные ноги, и ей показалось, что они сидят в маленькой лодке, отвязанной от пирса и свободно качающейся на волнах. Рози плотнее прижалась к его спине, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Запах разогретой на солнце кожи оказался точно таким, каким представлялся ей во сне, и это здорово. И вообще все здорово. Страшновато и здорово.

— Надеюсь, тебе понравится, — произнес Билл, оборачиваясь. — Я правда надеюсь.

Он нажал кнопку на правой ручке, и «харлей» под ними мгновенно завелся, издавая оглушительный грохот. Рози подпрыгнула и придвинулась еще ближе к нему; ее руки непроизвольно напряглись.

— Все в порядке? — крикнул он. Она кивнула, потом сообразила, что Билл ее не видит, и прокричала в ответ, что все в порядке.

Спустя секунду тротуар слева от них вдруг покотился назад. Билл бросил быстрый взгляд через плечо, проверяя, нет ли приближающихся машин, затем пересек Трентон-стрит и выехал на правую сторону. Поворот оказался совсем не таким, как в автомобиле; мотоцикл *накренился*, словно маленький самолет, заходящий на точный курс перед посадкой. Билл повернул ручку газа, и мотоцикл ринулся вперед. Порывистый ветер затрепетал у нее под шлемом, и Рози радостно рассмеялась.

— Я знал, что тебе понравится! — крикнул Билл через плечо, когда они остановились перед красным светофором на перекрестке. Он опустил ногу, поддерживая мотоцикл, и она подумала, что на несколько секунд они снова связаны с твердой землей, но очень тонкой нитью. Включился зеленый, мотор опять взревел под ней, в этот раз более солидно, они свернули на Диэринг-авеню и поехали мимо Брайант-парка, подминая тени старых дубов, распластавшиеся

на асфальте чернильными кляксами. Она выглянула из-за плеча Билла и увидела, что солнце сопровождает их, мелькая за деревьями, как гелиограф, а когда он наклонил мотоцикл, поворачивая на Калюмет-авеню, она наклонилась вместе с ним.

«Я знал, что тебе понравится» — сказал ей Билл, когда они тронулись в путь, но слово «нравилось» определяло ее чувства только в те минуты, когда они проезжали северную часть города, проскакивая предместья, где прижавшиеся друг к другу выглядевшие почти по-деревенски одно — и двухэтажные дома напомнили ей телешоу «Все дома», а на каждом углу, казалось, располагался двойник таверны «Маленький глоток». Когда же они выехали на Скайуэй и покинули пределы города, ей не просто нравилось; она испытывала восторг. Потом они свернули на черное полотно двухрядного двадцать седьмого шоссе, вытянувшегося вдоль берега озера до самой границы соседнего штата, и Роза не возражала бы, чтобы поездка продолжалась вечно. Если бы Билл спросил, нет ли у нее желания махнуть в Канаду, посмотреть матч «Блу Джинз» в Торонто, Роза просто прижалась бы шлемом к черной и пахучей коже его куртки, чтобы он почувствовал ее кивок.

Лучше всего было на двадцать седьмом шоссе. В разгар лета даже в такой утренний час движение на нем станет довольно оживленным, но сейчас шоссе представляло собой практически пустую черную ленту с желтым стежком, разделяющим его на две части. Справа от них сквозь зеленые ветки деревьев проглядывала сказочная голубизна озера, слева приближались и удалялись молочные фермы, хижины для туристов, сувенирные лавки, только-только открывающиеся перед началом летнего сезона.

Ей не хотелось разговаривать, она даже не знала, *может* ли говорить, если Билл о чем-то ее спросит. Он постепенно разгонял «харлей» до тех пор, пока красная стрелка спидометра не замерла в строго вертикальном положении, как стрелка компаса, указывающая на север, и от ветра, задувающего под шлем, у Розы заложило уши. Поездка напомнила ей сны с полетами, которые видела в детстве, — сны, где в восторге бесстрашно парила над полями, скалистыми горами, крышами и трубами, а волосы ее флагом развевались за спиной. После таких снов она просыпалась, дрожа, мокрая от пота, испуганная и одновременно счастливая; точно такие же ощущения испытывала Роза и сейчас. Поворачивая голову влево, она видела собственную тень, бежавшую рядом, как и в тех снах, но теперь чуть впереди находилась еще одна тень, и это усиливало ее радость. Если когда-либо в жизни она чувствовала себя такой счастливой, как сейчас, тот момент выветрился из ее памяти. Весь мир вокруг казался идеальным и совершенным, а она сама — идеальной и совершенной частью этого мира.

Роза ощущала незначительные колебания температуры — чуть холоднее становилось, когда они мчались через затененные участки или спускались в ложбины, теплело, когда снова выныривали на солнце. При скорости шестьдесят миль в час запахи казались концентрированными и мимолетными, словно кто-то стрелял из духового ружья пахучими капсулами: коровы, навоз, сено, земля, свежескошенная трава, смола, когда они выехали на ремонтируемый участок дороги, маслянистый голубой выхлоп, когда догнали натужно гудящий на подъеме фермерский грузовик. Дворняга в кузове положила морду на передние лапы и посмотрела на них без всякого интереса. Билл, приняв влево на прямом участке дороги, обогнал грузовик, и сидевший за рулем фермер помахал рукой, приветствуя Розу. Она рассмотрела лапки морщин в уголках его глаз, покрасневшую, облупившуюся кожу на крыльях носа, в солнечных лучах мелькнул отблеск обручального кольца. Осторожно, как канатоходец, выполняющий свой номер без страховочной сетки, она высвободила одну руку и помахала фермеру. Тот улыбнулся ей, его грузовик отстал и вскоре скрылся из виду.

После того, как они удалились от города на десять или пятнадцать миль, Билл протянул руку, указывая на блестящий силуэт в небе. Спустя несколько секунд она расслышала уверенный

рокот лопастей пропеллера, а еще через мгновение увидела двоих мужчин в прозрачной кабине. Вертолет с гулом промчался у них над головами, и Роза заметила, как пассажир наклонился и прокричал что-то на ухо пилоту.

«Я все вижу, — сказала она про себя и затем задумалась, почему это кажется ей таким удивительным. Собственно, вряд ли видела что-то, чего не разглядела бы из окна автомобиля. — Вижу, вижу, — думала она. — Вижу, потому что смотрю не через стекло, которое превращает все в простой пейзаж. Сейчас это *мир*, а не пейзаж, и я — его неотъемлемая часть. Я мчусь через этот мир, как в снах далекого детства, но теперь я не одна».

Между ног у нее ровно гудел двигатель мотоцикла. Нельзя сказать, чтобы ощущение возбуждало ее, но все же дрожь, передающаяся от мотора, напоминала о том, что там находится и для чего оно предназначено. Если она не смотрела по сторонам, ее взгляд упирался в основание шеи Билла, поросшее темными волосками, и ей хотелось узнать, каково будет дотронуться до них пальцами, разгладить, как перья на спинке птицы.

Через час после того, как они покинули город, вокруг не осталось и следов человеческой деятельности. Билл сбросил скорость до второй, а когда впереди вырос щит с надписью «ЗОНА ОТДЫХА „ШОРЛЕНД“ — ВЪЕЗД ТОЛЬКО ПО РАЗРЕШЕНИЮ», переключился на первую и свернул на усыпанную гравием узкую дорогу.

— Держись! — предупредил он. Теперь, когда в ее шлеме не бушевал ураган, Роза четко слышала его голос. — Ухабы.

На дороге действительно оказалось множество ухабов, но «харлей» легко преодолевал их, смягчая и превращая в не стоящие внимания кочки. Через пять минут они остановились на маленькой грязной парковке. За ней располагалось несколько столиков для пикников и сложенных из камня мангалов для шашлыков, разбросанных на просторной тенистой поляне с ковром зеленой густой травы и на пологой узкой каменистой полоске берега, не заслуживающей того, чтобы ее называли пляжем. На каменистый берег одна за другой неторопливо накатывали небольшие волны. Дальше озеро простиралось до самого горизонта; его воображаемая линия, призванная разграничивать небо и воду терялась в голубоватой дымке. Зона отдыха «Шорленд» оказалась абсолютно пустынной, насколько она могла судить, кроме них, никого поблизости не было, и, когда Билл заглушил двигатель, от тишины у нее перехватило дыхание. Лишь бездумно кружащие над волнами чайки оглашали берег своими пронзительными раздосадованными криками. Где-то вдаль на западе раздавался звук мотора, настолько слабый, что нельзя было различить, работает ли это грузовик или трактор. И все.

Носком ботинка он подвинул плоский крупный камень поближе к мотоциклу, затем опустил упор так, чтобы камень оказался под ним. Перекинув ногу через мотоцикл, Билл с улыбкой повернулся к ней, но когда увидел ее лицо, улыбка исчезла, уступив место озабоченности.

— Роза? Тебе плохо?

Она удивленно посмотрела на него.

— Нет. С чего ты взял?

— У тебя какой-то странный вид...

«Готова поклясться, — подумала она. — Готова поклясться».

— Я в порядке, — заверила она Билла. — Просто мне не верится, что все это происходит на самом деле, вот и все. Думаю, каким образом здесь очутилась. — Она напряженно засмеялась.

— Скажи, у тебя не кружится голова? Ты не чувствуешь слабости?

В этот раз Роза рассмеялась более непринужденно.

— Да не волнуйся, все в порядке, честно.

— И тебе понравилось?

— Слабо сказано. — Она возилась с кольцами, через которые продевались ремешки, затягивающие шлем, но никак не могла с ними справиться.

— Для новичка они не проще, чем морской узел. Я помогу.

Распуская ремешки, он снова склонился над ней — приблизившись на расстояние поцелуя, — но в этот раз не отступил. Ладонями приподнял шлем, снимая его с головы Розы, а потом поцеловал ее, придерживая правой рукой за талию; шлем болтался у ее колена на мизинце и безымянном пальце его левой руки. Для Розы поцелуй означал, что все действительно в порядке, а прикосновение губ и ощущение руки Билла на талии были сродни чувству возвращения в родной дом. Она ощутила, как по щекам скатились две одинокие слезинки, но это не страшно. Эти слезы не причиняют боли.

Билл чуть-чуть отодвинулся от нее, не снимая руки с талии; шлем, раскачиваясь, как маятник, легонько постукивал ее по колену. Он заглянул ей в лицо.

— Все в порядке?

«Да», — хотела ответить Розы, но голос изменил ей, и она просто молча кивнула головой.

— Ну и прекрасно, — сказал он, а потом серьезно, как человек, выполняющий важную, ответственную работу, поцеловал в мокрые прохладные скулы, сначала под правым глазом, потом под левым. Поцелуи были легкими, как прикосновение дрожащих ресниц. Розы никогда не чувствовала ничего подобного. Неожиданно она обхватила Билла руками за шею крепко-крепко, пряча лицо на его груди в складках кожаной куртки, плотно закрыв глаза, из которых продолжали струиться слезы. Он прижал ее к себе, и та рука, которая прежде покоилась на талии, поднялась, чтобы погладить ее заплетенные в косу волосы.

Через некоторое время она оторвалась от него, провела рукой по глазам и попыталась улыбнуться.

— Вообще-то я не так часто плачу, — сказала она. — Ты, наверное, этому не поверишь, но я действительно не плакса.

— Верю, — произнес он, снимая свой шлем. — Идем, поможешь мне взять сумку с багажника.

Розы помогла ему распустить эластичный шнур, который удерживал сумку-холодильник, и они перенесли ее к одному из столиков для пикников. Затем повернулась к воде и замерла.

— По-моему, это самое красивое место в мире, — заметила она. — Мне не верится, что, кроме нас, здесь совсем никого нет.

— Дело в том, что двадцать седьмое шоссе немного в стороне от обычных туристских маршрутов. Я впервые попал сюда еще мальчишкой, приехал вместе с родителями. Отец рассказал, что обнаружил это место почти случайно, когда объезжал окрестности на своем мотоцикле. Здесь даже в августе, когда вся остальная часть побережья просто забита до отказа, посетителей не так-то много.

Она бросила на него короткий взгляд.

— Ты привозил сюда других женщин?

— Нет, — ответил он.

— Не хочешь пройтись? Во-первых, чтобы нагулять аппетит перед завтраком, во-вторых, я хотел бы показать тебе кое-что.

— Что?

— Будет лучше, если ты сама увидишь.

— Хорошо.

Он подвел ее к воде, где они уселись на большой обломок скалы и разулись. Ее позабавили белые спортивные носки, показавшиеся неожиданными после тяжелых мотоциклетных ботинок; такие носки ассоциировались у нее с уроками физкультуры в старшей школе.

— Оставить здесь или взять с собой? — спросила она, поднимая свои кроссовки. Билл задумался на минутку.

— Ты свои берешь, а я свои оставляю. Проклятые ботинки трудно натянуть даже на сухие ноги. Когда же они мокрые, об этом не стоит и мечтать.

Он стащил белые носки и аккуратно положил их на массивные ботинки. Что-то в его движении и в том, как выглядели лежащие на ботинках носки, заставило ее улыбнуться.

— Что такое?

Она покачала головой.

— Ничего. Идем, показывай свой сюрприз. Они зашагали вдоль берега на север, Роза несла свои кроссовки, Билл указывал путь. Попробовав воду, она нашла ее настолько холодной, что невольно задержала дыхание, но через минуту-другую привыкла, и вода уже не казалась обжигающе ледяной. Она видела свои белые ступни, похожие на бледных рыбин, отделенные от лодыжек отражением на воде. Идти по каменистому дну было совсем не больно. «Глупая, — подумала она. — Ты запросто можешь порезаться и даже не почувствуешь этого. От холода они просто онемели». Но не порезалась. Ей казалось, что Билл не позволит ей пораниться. Мысль смешная, но она действительно так считала.

Пройдя еще ярдов сорок вдоль берега, они наткнулись на заросшую извилистую тропинку, уходящую прочь от воды — крупный белый песок, проглядывающий через низкие, жесткие заросли можжевельника, — и Роза ощутила мимолетное прикосновение *deja vu* — ложной памяти, словно уже ходила по этой тропинке в давнем, забытом сне.

Билл указал на вершину небольшого холма и тихо пояснил:

— Мы идем туда. Постарайся шуметь как можно меньше.

Дождавшись, пока она наденет кроссовки, снова зашагал вперед. У вершины остановился, поджидая ее, а когда она присоединилась к нему и раскрыла рот, чтобы сказать что-то, сначала прижал палец к ее губам, а потом вытянул его, указывая на упавшее дерево в центре поляны.

Поляна, поросшая густой травой, находилась ярдах в пятидесяти от берега; с нее открывался красивый вид на озеро. Под переплетением облепленных кусками земли корней лежала рыжая лисица, к животу которой приникли три детеныша. Неподалеку от них четвертый лисенок сосредоточенно охотился за собственным хвостом в пятне солнечного света. Роза уставилась на них, словно завороченная.

Билл склонился к ней, и его шепот зашепотал ей ухо: — Я заглянул сюда позавчера, решил проверить, на месте ли все и так ли здесь хорошо, как раньше. Я не приезжал сюда лет пять, поэтому хотел убедиться, что ничего не изменилось. Осматривал окрестности и наткнулся на это семейство. *Vulpes fulva* на латыни — красная лиса. Малышам не больше шести месяцев.

— Откуда ты так много про них знаешь?

Билл пожал плечами.

— Мне просто нравятся животные. Я читаю о них и стараюсь понаблюдать за ними в родной среде, если подворачивается случай.

— Ты охотишься?

— Боже упаси, нет. Даже не фотографирую. Просто смотрю.

В этот момент лисица заметила их. Не шевельнувшись, она замерла и напряглась внутри яркой шкурки, настороженно глядя на людей блестящими глазами.

«Не вздумай смотреть на нее, — подумала Роза неожиданно, не понимая совершенно, что это, собственно, значит; ей лишь показалось, что прозвучавший в голове голос принадлежит не ей. — Не смотри на нее, это зрелище не для таких, как ты».

— Какие они красивые, — выдохнула Роза, нащупав руку Билла и сжав ее в своих ладонях.

— Красавцы, — согласился он.

Мать повернула голову к четвертому детенышу, который оставил в покое хвост и теперь прыгал по траве, пытаясь накрыть свою тень. Она издала короткий высокий тьявкующий звук. Лисенок оглянулся, опасливо посмотрел на незваных гостей, затем трусцой подбежал к матери и улегся у нее под боком. Она принялась лизать голову детеныша, умело и быстро обхаживая его, но глаза по-прежнему внимательно наблюдали за Биллом и Рози.

— А папаша у них есть? — шепотом спросила Рози.

— Есть, я видел его позавчера. Крупный мощный самец.

— Где он?

— Где-то поблизости. Охотится. Малышам, наверное, часто приходится видеть чаек со сломанными крыльями, которых он приносит им на ужин.

Взгляд Рози переместился к корням вывороченного из земли дерева, под которыми лисье семейство устроило себе нору, и снова ее сознания коснулось ощущение *deja vu*. Смутный образ шевелящегося корня, тянущегося, чтобы схватить какой-то предмет, возник у нее перед глазами, задержался на секунду и снова растаял.

— Наверное, мы ее пугаем, — произнесла Рози.

— Возможно, но не очень сильно. Если попытаемся подойти ближе, она станет защищать детенышей.

— Да, — согласилась Рози. — А если обидим их, она заплатит.

Он бросил на нее странный взгляд.

— Ну, думаю, по крайней мере, попытается.

— Я рада, что ты привел меня сюда.

Его лицо озарилось улыбкой.

— Спасибо.

— Давай уйдем. Я не хочу пугать ее. К тому же я проголодалась.

— Хорошо. И я тоже голоден.

Билл поднял руку в торжественном прощальном жесте. Самка смотрела на него блестящими немигающими глазами... а затем сморщила морду в беззвучном рычании, обнажая ряд аккуратных белых зубов.

— Да, да, — сказал он. — Ты хорошая мама. Заботься о них получше.

Он повернулся и зашагал по тропинке. Рози пошла было за ним, но потом остановилась и в последний раз посмотрела в блестящие немигающие глаза. Лисица по-прежнему скалила зубы, предупреждая, что готова защищать свое потомство, если надо. Ее шкурка была скорее рыжая, чем красная, но нечто в ее цвете — наверное, разительный контраст с пышной зеленью — заставил Рози содрогнуться. Низко над головой пролетела чайка, чиркнув тенью по поляне, но лисица не сводила глаз с Рози. Даже когда она повернулась и последовала за Биллом, Рози казалось, что все еще чувствует взгляд хищницы — внимательный и глубоко сосредоточенный в своей неподвижности.

— Они не погибнут? — спросила Рози, когда они снова вышли к воде.

Держась для равновесия за его плечо, она сняла кроссовки сначала с одной, затем с другой ноги.

— Ты хочешь сказать, не станут ли они добычей охотников?

Рози кивнула.

— Нет, если не будут совать нос в сады и курятники, а у мамы с папой хватит ума не тащить их к какой-нибудь ферме, — короче, если они будут вести себя нормально. Самке года четыре, наверное, самцу лет семь или около того. Жаль, что ты его не видела. У него кисточка на хвосте цвета листьев в *октябре*.

Они прошли половину пути к месту для пикников, шагая по мелководью. Рози увидела впереди черные ботинки на той скале, где Билл их оставил, и белые носки, аккуратно уложенные на квадратные носы ботинок.

— Что ты имеешь в виду, под «если будут вести себя нормально»?

— Бешенство, — пояснил он. — Слишком часто именно водобоязнь толкает их к человеческим садам и курятникам. Заставляет показываться на глаза людям. И приводит к гибели. У самок бешенство наблюдается чаще, чем у самцов, и они могут обучить своих щенят всяческим опасным гадостям. Самцы погибают от болезни довольно быстро, но самки способны жить долгое время, становясь все хуже и хуже.

— Правда? Какой ужас.

Билл остановился, посмотрел на бледное задумчивое лицо Рози, затем притянул к себе и обнял.

— Совсем не обязательно, чтобы все произошло именно так, — заверил он ее. — Пока что звери прекрасно себя чувствуют, насколько я могу судить.

— Но ведь может случиться такое, верно? Ведь может?

Он задумался над ее вопросом, затем кивнул.

— Конечно, может. *Все* может случиться. Идем, пора завтракать. Что скажешь?

— Скажу, что звучит заманчиво.

Но втайне она подумала, что вряд ли теперь, когда ее словно преследует взгляд блестящих лисьих глаз, съест много. Впрочем, когда Билл принялся выкладывать еду, Рози моментально ощутила жуткий голод. Рано утром она ограничилась стаканом апельсинового сока и единственным гренком; взволнованная (и испуганная), как невеста перед венчанием, она полностью лишилась аппетита. Теперь же при виде хлеба и мяса Рози начисто забыла о лисьем семействе, живущем к северу от пляжа.

А Билл извлекал из сумки-холодильника все новую и новую снедь: бутерброды с холодной говядиной, бутерброды с тунцом, салат с цыпленком, салат с картофелем, салат из капусты с морковью, две банки кока-колы, термос чая со льдом, два куса пирога, кусок торта, — все это напомнило ей клоунов, вылезавших из маленькой машины в цирке, и она, не выдержав, рассмеялась. Наверное, с ее стороны это было невежливо, но Рози настолько прониклась доверием к нему, что формальное соблюдение правил хорошего тона перестало быть необходимостью. И слава Богу, потому что чувствовала, что даже правила хорошего тона вряд ли остановили бы ее.

Он поднял голову и посмотрел на нее, держа в одной руке солонку, а в другой — перечницу. Она увидела, что дырочки на солонке и перечнице аккуратно заклеены прозрачной лентой, и ей почему-то стало еще веселее. Рози опустилась на скамейку рядом со столом, закрыла лицо

руками и попыталась успокоиться. Ей почти удалось это, но тут посмотрела сквозь пальцы на стол и увидела гору сэндвичей — полдюжины для двух человек — на аккуратно разрезанных по диагонали кусочках хлеба, завернутые в прозрачную пленку. Она снова расхохоталась.

— В чем дело. Рози? — спросил он, улыбаясь. — Что случилось?

— Ты случайно не ждешь, что к нам кто-нибудь заглянет? — спросила она, продолжая хихикать. — Какая-нибудь футбольная команда, например? Или отряд бойскаутов?

Билл улыбнулся еще шире, но в глазах сохранялось все то же выражение сосредоточенности. Это было довольно сложное выражение, свидетельствовавшее о том, что он понимает одновременно и смешную сторону ситуации, и ее серьезность, и по этому взгляду Рози наконец поверила, что он действительно *равен* ей по возрасту или, во всяком случае, *близок* к ней, что в данных обстоятельствах почти одно и то же.

— Я просто взял всего понемножку, чтобы ты выбрала еду себе по вкусу, вот и все.

Приступ смеха постепенно угасал, однако Рози продолжала улыбаться, глядя на него. Больше всего ее поразила не предусмотрительность Билла, от которой он казался только моложе, а открытость и искренность, делавшие его старше.

— Билл, я могу есть практически все, — сказала она.

— Я так и думал, — произнес он, присаживаясь на скамейку рядом с ней. — Но дело совершенно в ином. Мне важно не то, что ты можешь терпеть или с чем согласна примириться. Гораздо важнее узнать, что тебе нравится. Я хочу дать тебе все, что ты желаешь, все, что нравится, потому что ты свела меня с ума.

Она посмотрела на него серьезно — теперь ей было совсем не смешно — и, когда он взял в ладонь ее руку, накрыла ее своей ладонью. Мысленно Рози все еще продолжала переваривать то, что Билл сказал, и получалось с трудом — похоже на то, как мы пытаемся пронести громоздкий предмет мебельного гарнитура через узкий дверной проем, поворачивая его и так, и этак, чтобы найти подходящий угол наклона.

— Но почему? — спросила она. — Почему я?

Он покачал головой.

— Не знаю. Факт в том, Рози, что у меня вообще мало знаний и опыта в отношении женщин. Я встречался с девушкой, когда учился в старшей школе, и мы, наверное, переспали бы в конце концов с ней, но она уехала в другой город прежде, чем это случилось. У меня была девушка на первом курсе колледжа, с которой мы все-таки переспали. Потом пять лет назад повстречал еще одну — где бы ты думала? В зоопарке. Мы были помолвлены. Ее звали Бронуин О'Хара. Звучит как имя героини романа Маргарет Митчелл, правда?

— Красивое имя.

— И красивая девушка. Она умерла от расширения сосудов мозга.

— О Билл!.. Мне так жаль...

— С тех пор я имел дело с парой девушек, и я не преувеличиваю — с парой девушек, точка, конец рассказа. Родители все время ссорятся из-за меня. Отец говорит, что я умру девственником, мать требует, чтобы он оставил меня в покое и перестал браниться. Только она произносит «бганиться».

Рози улыбнулась.

— А потом ты пришла в магазин и выбрала ту картину. Ты знала, что должна заполучить ее, с самого начала, так ведь?

— Да.

— Примерно то же самое я почувствовал к тебе. Знаешь, я хотел сказать тебе кое-что. То, что здесь происходит, не вызвано ни добротой, ни благотворительностью, ни чувством долга. То, что здесь сейчас происходит, абсолютно не связано с тем фактом, что бедная Рози прожила

тяжкую несчастную жизнь. — Он помедлил и затем добавил: — Это потому, что я люблю тебя.

— Ты не можешь знать наверняка. По крайней мере, пока.

— Я знаю то, что я знаю, — возразил он, и интонации мягкой настойчивости в его голосе слегка испугали ее. — А теперь давай покончим с мыльными операми и перейдем к делу — прошу к столу.

И они приступили к ленчу. А когда наконец покончили с ним и Роза почувствовала, что эластичная резинка трусиков врезается в кожу живота, натянутую, как на барабане, они сложили остатки завтрака в сумку-холодильник и снова закрепили ее на багажнике «харлей-дэвидсона». Никто не появился; Шорлэнд принадлежал только им двоим. Они опять подошли к воде и опять сели на большой обломок скалы. Роза начала испытывать к этому камню сильные чувства; к такому камню, думала она, можно возвращаться раз или два в году просто для того, чтобы поблагодарить его... разумеется, если все закончится хорошо. А к тому имелось достаточно признаков, насколько она могла судить. Собственно, она не знала, был ли в ее жизни более счастливый день.

Билл обнял ее, затем бережно повернул лицо Розы к себе и начал целовать ее. Через пять минут она *по-настоящему* испугалась, что вот-вот упадет в обморок — происходящее казалось сном, родившимся в затуманенном сознании, возбуждение ее достигло невероятной силы, в памяти мелькали все те книги, рассказы и фильмы, которых она раньше не понимала и принимала на веру. Как слепой, вынужденный принимать на веру утверждение зрячего о том, что солнечный закат красив. Щеки пылали, грудям, нежным и порозовевшим от его прикосновений через тонкую ткань блузки, было тесно, и она пожалела, что надела бюстгальтер. От этой мысли еще сильнее бросило в жар. Сердце в груди пустилось в бешеный галоп, но это хорошо. *Все* хорошо. Она перешагнула границу обыденной реальности и ступила на территорию страны чудес. Роза опустила руку и почувствовала, насколько тверда его плоть. Ей показалось, что она прикасается к камню, с тем отличием, что камень не пульсировал бы под ладонью, как ее собственное сердце.

На минутку он позволил ее руке находиться там, затем осторожно убрал и поцеловал в ладонь.

— На сегодня хватит, — произнес он хрипло.

— Но почему? — Она посмотрела на него открыто, *без* ложной стыдливости или притворства. За всю жизнь Роза знала только одного мужчину, Нормана, а он не принадлежал к тем, кто возбуждался от простого прикосновения через брюки. Иногда — а за последние несколько лет все чаще и чаще — он не возбуждался вовсе.

— Потому что, если мы не остановимся, я потом не смогу ходить.

Она посмотрела на него, сдвинув брови, с такой искренней озадаченностью, что он не выдержал и засмеялся.

— Не обращай внимания, Роза. Просто я хочу, чтобы в первый раз, когда мы займемся любовью, у нас все было в порядке — чтобы не кусались комары, под спину не попал кусок дубовой коры, а компания студентов не появилась в самый неподходящий момент. Кроме того, я обещал доставить тебя назад к четырем часам, чтобы ты могла продавать футболки, а я не хочу потом обгонять секундную стрелку.

Роза посмотрела на часы и с испугом увидела, что уже десять минут третьего. Как такое возможно, если они посидели на скале жалких пять, от силы десять минут? Хотя и неохотно, но ей пришлось с радостью признать, что они здесь, видимо, гораздо дольше — полчаса, а то и все сорок пять минут.

— Идем, — позвал он ее, соскальзывая со скалы, и поморщился, когда подошвы ног коснулись воды.

За секунду до того, как он отвернулся, Роза увидела плотно натянутую ткань брюк над его возбужденной плотью. «Из-за меня», — подумала она и была потрясена чувствами, охватившими ее при этой мысли: удовольствием, легкой иронией и едва заметным самодовольством.

Она спустилась со скалы рядом с ним и обнаружила, что держит его за руки, даже не заметив, как сделала это.

— Ну хорошо, что теперь?

— Я предлагаю перед тем, как отправиться домой, немного прогуляться. Остыть.

— Не против, но на поляну с лисами не пойдем, ладно? Я не хочу снова их тревожить.

«Ее, — подумала она, — я не хочу тревожить ее».

— Согласен. Тогда пойдем на юг. Билл отвернулся было от нее, но она задержала его руку, опять поворачивая его к себе, и затем прижалась всем телом, обхватив руками шею. Ее обрадовало, что твердость ниже пояса брюк Билла не исчезла, разве что чуть-чуть уменьшилась. До сегодняшнего дня она не представляла, что в этом есть нечто нравящееся женщине, — искренне считая все выдумкой журналов, чья главная задача состоит в том, чтобы заставить читателей покупать ту или иную одежду, убедить в превосходстве определенной косметики или средства для ухода за волосами. Она прижалась к нему, всем своим женским естеством чувствуя его возбуждение, и заглянула ему в глаза.

— Ты не против, если я скажу то, что мама научила говорить меня, когда я собиралась на первый день рождения. Наверное, мне было лет пять или шесть.

— Говори. — Он улыбнулся.

— Спасибо за прекрасно проведенное время, Билл. Спасибо за самый замечательный день в моей взрослой жизни. Спасибо, что привез меня сюда.

Он поцеловал ее.

— И тебе спасибо, Роза. Я не помню, когда чувствовал себя таким счастливым в последний раз. Идем, прогуляемся.

Держась за руки, они пошли вдоль берега, в этот раз на юг. Он увел ее наверх по тропинке, и они оказались на длинной узкой полоске луга, который, похоже, не косили несколько лет. Полуденное солнце ласкало его своими лучами, бабочки порхали в зарослях тимофеевки. Жужжали пчелы, слева от них дятел без устали долбил ствол дерева. Билл показывал ей цветы, называя их. Два или три названия он, кажется, ошибся, но она не поправила его. Роза обнаружила россыпь грибов у старого дуба на краю луга и сказала, что это поганки, но не очень опасные, потому что эти грибы горькие на вкус. От горьких грибов вряд ли умрешь или попадешь в больницу.

Когда они вернулись к мотоциклу, появились студенты, о которых упоминал Билл, — целая компания, приехавшая в фургончике и «скауте» с четырьмя ведущими колесами. Они вели себя вполне миролюбиво, но слишком шумно. Молодежь, смеясь и перешучиваясь, принялась переносить сумки с пивом в тень, несколько человек устанавливали волейбольную сетку. Юноша лет девятнадцати нес, перекинув через плечо, девушку, одетую в шорты цвета хаки и верхнюю часть купальника-бикини. Когда он перешел на бег, девушка радостно заверещала и заколотила ладонями по коротко стриженной макушке парня. Наблюдая за ними, Роза вдруг подумала, достигает ли крик девушки поляны с лисьей норой, и решила, что да. Она живо представила, как самка лежит под корнями, прикрыв пушистым хвостом спящее потомство и прислушиваясь к доносящимся с пляжа шумам и крикам людей, шевеля наостренными ушами, поглядывая вокруг блестящими и умными глазами, способная на всяческие безумные проделки.

«Самцы погибают от болезни довольно быстро, но самки могут жить долгое время, становясь все хуже и хуже», — подумала она и вспомнила россыпь поганок, которые

обнаружила на краю луга в тенистом, постоянно сыром месте. Однажды летом бабушка показала ей эти грибы, назвав их «паучьими поганками», и хотя это название вряд ли можно обнаружить в книгах по микологии, в памяти Розы остался их гадкий вид — бледная воскообразная мякоть, темные пятнышки на шляпках, *действительно* похожие на паучков, если иметь развитое воображение... а ей на его отсутствие жаловаться не приходится.

«Значит, больная бешенством самка способна жить довольно долго... Самцы погибают относительно быстро, но...»

— Розы? Тебе холодно? Она непонимающе посмотрела на него. — Ты дрожишь.

— Нет, мне не холодно. — Она посмотрела на студентов, не замечавших ни ее, ни Билла, как не замечают молодые люди всякого, кто старше двадцати пяти, затем перевела взгляд на Билла. — Думаю, пора возвращаться.

— Ты права, — кивнул он.

На обратном пути движение слегка оживилось, поток машин стал еще больше, когда они выбрались на Скайуэй. Им пришлось ехать немного медленнее. Билл умело направлял мотоцикл в свободные промежутки между автомобилями, и Рози казалось, что они мчатся на спине дрессированной стрекозы, однако он вел мотоцикл осмотрительно, и у нее ни разу не возникло ощущения опасности, ни разу не испугалась, даже когда Билл выехал на желтую разделительную полосу и помчался, обгоняя большие, похожие на флегматичных мастодонтов автомобили, терпеливо ожидающих своей очереди, чтобы проехать через турникет. По сторонам дороги замелькали указатели с названиями «УОТЕРФРАНТ», «АКВАРИУМ», «ЭТТИНГЕР-ПИЕР», и Рози обрадовалась, что они уехали вовремя. Она не опоздает к четырем часам, займет место в киоске, где будет продавать футболки, и это хорошо. Она познакомит Билла со своими подругами, и это тоже хорошо. Рози не сомневалась, что он им понравится. Когда они проехали под плакатом с призывом «ШАГНИ В ЛЕТО С „ДОЧЕРЯМИ И СЕСТРАМИ!“, Рози ощутила прилив счастья, который позже в этот долгий, бесконечно долгий день будет вспоминать с тошнотворным ужасом.

Она увидела рельсы американских горок в парке развлечений, сплошные петли, повороты, спуски и подъемы, вырисовывающиеся сложным переплетением на фоне неба, услышала крики тех, кто катался на горках, — звуки уходили ввысь, словно пар. На мгновение она крепче прижалась к Биллу и засмеялась. Все будет нормально, все будет в порядке, подумала Рози, а когда в сознании всплыли — на короткий миг — черные настороженные глаза лисицы, отмахнулась от воспоминания, как люди на свадьбе стараются забыть о недавних похоронах.

Пока Билл Штайнер вел мотоцикл по дороге, ведущей в Шорленд, Норман Дэниэлс загонял свой украденный автомобиль на огромную площадку автостоянки на Пресс-стрит. Стоянка располагалась в пяти кварталах от Эттингера, и здесь оставляли машины люди, приехавшие развлечься; их привлекали парк, аквариум, старый городской трамвай, магазины и рестораны Эттингера. Разумеется, можно было подыскать стоянку и поближе, однако Норману не *хотелось* останавливаться ближе. Не исключено, что ему может понадобиться быстро скрыться, а возле самого Эттингера легче легкого угодить в автомобильную пробку.

В четверть десятого утра в субботу ближняя часть стоянки на Пресс-стрит была почти пустой, не самый лучший вариант для человека, у которого нет желания привлекать чье-то внимание, и все же на площадке стояло достаточно автомобилей, чьи хозяева отбыли паромом на северный берег озера или оставили их с вечера, а сами отправились на рыбалку. Норман загнал «форд-темпо» на свободное место между «уиннебаго» с номерами штата Юта и громадным «роудкингом РВ» из Массачусетса, «форд» оказался почти невидимым между двумя гигантами, что полностью устраивало Нормана.

Он выбрался из машины, взял с заднего сиденья новую кожаную куртку и надел ее. Затем извлек из кармана куртки темные очки — не те, которые были на нем раньше, — и тоже надел. Обойдя машину, огляделся, проверяя, не следит ли за ним кто-нибудь, и открыл багажник. Убедившись, что никто за ним не смотрит, достал инвалидную коляску.

На коляске почти не было свободного места от наклеек, которые он купил в сувенирном киоске Женского культурного центра. Может, наверху, в конференц-зале и аудиториях появляются умные люди, читающие лекции и проводящие симпозиумы, однако в сувенирном киоске на первом этаже продавалось именно то бессмысленное дерьмо, которое ему и требовалось. Он не обратил внимания на брелоки с женскими символами или плакаты с распятой на кресте женщиной («ИИСУСИНА УМЕРЛА ЗА ТВОИ ГРЕХИ») на Голгофе, но вот наклейки оказались в самый раз. «ЖЕНЩИНЕ НУЖЕН МУЖЧИНА, КАК РЫБЕ ВЕЛОСИПЕД» — гласила одна. Другая, явно сочиненная человеком, никогда не видевшим красоты с опаленными ресницами, бровями и волосами, утверждала, что «ЖЕНЩИНЫ НЕ СМЕШНЫ». В киоске продавались наклейки с надписями «СЕКС ПОЛИТИЧЕН: ГОЛОСУЙТЕ ЗА ПРОФЕССИОНАЛОВ» и «У-В-А-Ж-Е-Н-И-Е, УЗНАЙ, ЧТО ОНО ДЛЯ МЕНЯ ЗНАЧИТ». Норман усмехнулся: ни одна безмозглая дура не подозревает, что автор песни, откуда взята эта строка, — мужчина. Впрочем, он купил все наклейки. Больше всего ему понравилась та, которую он прилепил на спинку инвалидной коляски рядом с кармашком для маленького магнитофона с наушниками. «Я МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ УВАЖАЕТ ЖЕНЩИН» — провозглашала она.

«И это верно, — подумал он, снова оглядывая стоянку и убеждаясь в том, что никто не интересуется калекой, садящимся в свое кресло. — По крайней мере, пока они ведут себя, как следует, я их уважаю».

Норман не увидел никого, кто смотрел бы на него; собственно, на стоянке не было ни души. Он подъехал в инвалидном кресле к наружному зеркалу «форда» и полюбовался собственным отражением.

«Ну? — спросил он себя. — Что ты думаешь? Сработает?»

Норман полагал, что сработает. Поскольку изменение внешности исключалось, он предпринял попытку сотворить новую личность, как хороший актер создает на сцене свой персонаж. Он даже придумал имя для этого нового парня: Гамп Питерсон. Гамп — армейский

ветеран, который после возвращения домой связался с бандой мотоциклистов-правонарушителей и состоял в ней лет десять. Затем попал в аварию. Слишком много пива, мокрая дорога, перила моста. Нижняя часть его тела парализована, но его выходила, вернув к жизни, женщина по имени...

— Мэрилин, — произнес Норман, думая о Мэрилин Чеймберс — своей любимой порнозвезде. Второй его любимицей была Эймбер Линн, но Мэрилин Линн звучит слишком искусственно. Следующей ему пришла на ум фамилия Макку, но и она не годилась; Мэрилин Макку — так звали сучку, которая в семидесятые годы, когда жизнь была не такой чокнутой, как сегодня, пела в «Фифс Дайменшн».

Перед пустырем на другой стороне улицы он увидел щит с надписью — «НОВЫЙ ПРЕВОСХОДНЫЙ ДОМ ПО ПРОЕКТУ „ДЕЛАНИ“ БУДЕТ ВОЗВЕДЕН НА ЭТОМ МЕСТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ!» — и остановил свой выбор на Мэрилин Делани. Сойдет, Скорее всего, никто из женщин «Дочерей и сестер» и не попросит его рассказать автобиографию, но, перефразируя изречение на майке продавца в «Базовом лагере», лучше иметь историю и не воспользоваться ею, чем не иметь, когда она понадобится.

А в Гампа Питерсона они, конечно, поверят. Наверняка им приходилось встречаться с подобными ему, с людьми, в чьей жизни случались события, переворачивающие весь ее ход, и кто пытается нынешними хорошими поступками искупить прошлые грехи. И все Гампы мира, естественно, делают это одинаково: выходят прямо к стенке для расстрела. Гамп Питерсон старается превратиться в почтенную женщину, вот и все. Норман и сам не раз становился свидетелем того, как подобные придурки вдруг начинали бороться с наркоманией, вступали в какие-то секты или, по меньшей мере, становились вегетарианцами. Внутренняя их сущность не претерпевала никаких изменений, и они оставались все теми же мешками с дерьмом, что и раньше, исполняя ту же самую старую нудную мелодию, но в другой тональности. Однако главное не это. Главное — они постоянно путаются под ногами, держась на подступах к сцене, куда им хотелось бы взобраться. Что-то вроде неотъемлемой и органичной части пейзажа, как перекасти-поле в пустыне или сосульки в Аляске. Итак: он исходит из того, что Гампа примут как Гампа, несмотря на то, что эти шлюхи будут вглядываться в лица всех мужчин, выискивая среди них инспектора Дэниэлса. Даже самые вьедливые из них вряд ли задержат на нем взгляд, приняв за калеку, озабоченного тем, как бы с помощью избитого приема («Ах, какой я бедный, ах, какой я несчастный») снять женщину на субботнюю ночь. При определенной доле везения Гамп Питерсон будет не более заметен и узнаваем, чем человек на подмостках, одетый в костюм Дяди Сэма во время парада четвертого июля.

Дальнейшая часть плана сводилась к следующему: он разыщет самую многочисленную группу женщин и станет следить за ней, исполняя роль Гампа, — наблюдать за их играми, слушать их разговоры. Если кому-то вздумается угостить его гамбургером или ломтиком пирога — а какой-нибудь из добросердечных шлюх обязательно захочется это сделать (их инстинктивная, дарованная Богом страсть подкармливать таких калек, как он, просто неистребима), — он примет угощение со словами благодарности и съест все до последней крошки. Он будет отвечать на их расспросы, а если случится выиграть плюшевую игрушку за удачное метание колец или в каком-нибудь другом дурацком конкурсе, подарит приз первому же попавшемуся малышу... но не погладит щенка по голове; даже за такие невинные поступки сегодня можно заработать обвинение в растлении малолетних.

Но прежде всего он будет наблюдать. Искать среди собравшихся свою бродячую Роуз. С этим, слава Богу, проблем не возникнет, как только они воспримут его в качестве части окружающего пейзажа; в искусстве наблюдения ему нет равных. Заметив ее, он может покончить с делом прямо здесь, в Эттингере, если захочет: дождется, пока ей понадобится

отлучиться в сортир, догонит и свернет шею, как цыпленку. Все завершится за считанные секунды, но вот в этом-то и загвоздка. Он не *хотел*, чтобы все завершалось в считанные секунды. Ему хотелось всласть насладиться процессом. Провести с Роуз милую неторопливую беседу. Обсудить все ее поступки с тех пор, как она покинула дом с его банковской карточкой в кармане. Получить, так сказать, полный отчет, от «а» до «я». Он, например, спросит, что она ощущала, нажимая кнопки банковского автомата, что почувствовала, когда наклонилась, чтобы забрать деньги, — деньги, ради которых он вкалывал, которые он зарабатывал бессонными ночами, преследуя подонков, готовых сделать что угодно и с кем угодно, если бы такие, как инспектор Даниелс, не останавливали их. Он спросит свою женушку, как, черт возьми, пришла ей в голову мысль, что от него можно скрыться? Как только ей пришло в голову, что она способна спрятаться от него?

А потом, когда она выложит ему все, что ему захочется узнать, настанет *его* черед говорить.

Правда, «говорить» в данном случае не самое подходящее слово для описания того, что он собирается с ней сделать.

Итак, шаг первый — найти ее. Шаг второй — не спускать с нее глаз, оставаясь при этом на безопасном расстоянии. Шаг третий — проследить за Роуз, когда она наконец навеселится досыта и покинет гулянье... возможно, только после концерта, но может, и раньше, если ему повезет. Как только они окажутся за пределами парка, он выкинет к чертовой матери опостылевшую инвалидную коляску. На ней останутся его отпечатки пальцев (кожаные мотоциклетные перчатки сделали бы свое дело и добавили бы новый убедительный штрих к портрету Гампа Питерсона, однако ему помешала нехватка времени, не говоря уже о «фирменных» головных болях), ну да из-за отпечатков переживать не стоит. У Нормана возникло предчувствие, что с настоящего момента меньше всего ему придется волноваться из-за отпечатков пальцев.

Идеальным было бы выследить ее до самой двери дома, и Норман полагал, что добьется желаемого. Когда Роуз сядет в автобус *обязательно автобус, потому что машины у нее нет, а на такси она не станет тратиться*), он поднимется следом. Если по пути от Эттингера до конуры, в которой она прячется, Роуз случайно заметит его, он прикончит ее на месте, и плевать на последствия. Если же все пройдет как надо, он последует за ней прямо в ее норку, а потом ее ждут такие страдания, которых не испытывала ни одна живущая на земле женщина.

Норман в инвалидной коляске подкатил к будке с вывеской «БИЛЕТЫ НА ВЕСЬ ДЕНЬ», увидел, что вход для взрослых стоит двенадцать долларов, протянул деньги билетеру и двинулся в парк. Путь был свободен; в сравнительно ранний час утра Эттингер еще не заполнили толпы посетителей. Ему следует вести себя поосторожнее, чтобы не привлечь лишнего внимания. Но он справится. Ему...

— Эй! Эй, мужчина в коляске! Вернитесь!

Норман мгновенно остановился, намертво вцепившись в колеса инвалидного кресла, невидящими глазами глядя на аттракцион «Корабль призраков», перед которым стоял гигантский робот в старинном одеянии морского капитана. «Приготовься к ужасам, юнга!» — снова и снова повторял капитан механическим голосом. Дья-вол! Вот вам, пожалуйста, не хотел привлекать лишнего внимания... и именно это и сделал.

— Эй, лысый! Вы, в коляске!

Люди оборачивались на него. Одна посетительница, толстая черномазая сучка в красном сарафане, выглядела, ничуть не умнее, чем продавец с заячьей губой в магазине «Базовый лагерь». И еще она показалась Норману смутно знакомой, однако он отмахнулся от ощущения, полагая, что это следствие сильного напряжения, — ведь он никого в городе не знает. Женщина

отвернулась и зашагала дальше, прижимая дамскую сумочку размером с хороший чемодан, но чересчур много людей продолжало на него пялиться. У Нормана неожиданно взмокло в паху.

— Эй, мужчина в коляске, вернитесь! Вы дали мне слишком много!

Смысл сказанного дошел до него не сразу — как будто кто-то произнес фразу на иностранном языке. Затем он понял, в чем дело, и чувство огромного облегчения — к которому примешивалась досада из-за допущенной оплошности — окатило его волной с головы до ног. Ну конечно, он заплатил кассиру слишком много, забыв, что теперь он — не взрослый мужик, а Инвалид, достойный жалости.

Развернувшись, Норман покатил назад к будке. Кассир, молодой парень, которому не помешало бы сбросить половину веса, высунулся из окошка, и на его физиономии было написано такое же отвращение, какое Норман испытывал к самому себе. Парень протягивал пятидолларовую бумажку.

— Семь баксов для инвалидов, вы что, читать не умеете? — Он постучал кулаком с зажатой в нем бумажкой по объявлению на будке, а затем сунул деньги под нос Норману.

Норман на миг представил, как запускает пятерню в левый глаз жирного идиота, вырывает его и сует в один из многочисленных карманов на куртке кассира.

— Извините, — жалко промямлил он.

— В следующий раз будьте внимательнее, — бросил толстяк, скрываясь в будке.

Норман развернулся и снова покатил в глубь парка, чувствуя, как грохочет сердце. Он с таким старанием трудился над созданием своего персонажа... составил простой, но хороший план... однако с самого начала совершил не просто глупость, а *невероятную* глупость. Что с ним случилось?

Он не знал, однако с этого момента и впредь ему придется проявлять большую осторожность.

— Я могу, — пробормотал он едва слышно. — Я могу, черт возьми!

— Приготовься к *ужасам*, юнга! — завопил на него робот, замахиваясь трубкой размером с унитаз, когда он проезжал мимо. — Приготовься к *ужасам*, юнга! Приготовься к *ужасам*, юнга!

— Как скажешь, кэп, — буркнул Норман, продолжая толкать колеса. Он подъехал к развилке, откуда, судя по указателям, — шли дорожки на пирс, центральную аллею и в зону для пикников. Рядом со стрелкой, указывающей на зону для пикников, висело объявление: «ГОСТИ И ДРУЗЬЯ „ДОЧЕРЕЙ И СЕСТЕР“ — ЛЕНЧ В ПОЛДЕНЬ, ОБЕД В ШЕСТЬ, КОНЦЕРТ В ВОСЕМЬ. ВЕСЕЛИТЕСЬ! ОТДЫХАЙТЕ!»

«Ладно-ладно», — подумал Норман и повернул облепленную наклейками коляску на ведущую в зону для пикников бетонную дорожку, по обеим сторонам которой тянулись грядки цветов. В действительности Эттингер представлял собой большой и ухоженный парк. Здесь имелись игровые площадки для детей, уставших от аттракционов или боящихся их. Здесь посетителей встречали кусты, подстриженные в форме животных, как в Диснейленде, здесь можно было поиграть в подковки или софтбол, и повсюду стояли столики для пикников. Впереди Норман увидел натянутый на столбы брезент, под которым сутились повара в белых халатах, готовя шашлык. За импровизированной палаткой выстроился ряд киосков, установленных, как он понял, специально для сегодняшнего праздника — в одном можно будет купить пару лоскутков пикейной ткани с ручной вышивкой, в другом приобрести майки (многие с мудрыми изречениями вроде тех, что украшали инвалидную коляску «Гампа») и подобрать себе брошюрку по вкусу... особенно если вознамерились бросить мужа и присоединиться к своим сестрам-лесбиянкам и хотите узнать, как лучше это сделать.

«Жаль, что у меня нет оружия, — подумал он. — Чего-нибудь тяжелого и скорострельного, как „Мак-10“. Тогда за двадцать секунд я сделал бы мир намного чище. *Намного* чище».

Среди посетителей парка большинство составляли женщины, однако мужчины попадались не настолько редко, чтобы Норман чувствовал себя белой вороной. Он прокатился мимо киосков, раскланиваясь с теми, кто кивал ему, мило улыбаясь тем, кто приветствовал его улыбкой. Заплатил за билетик «лотереи удачи», записав свое имя на лепестке ромашки как Ричард Питерсон. В последний момент ему показалось слишком надуманным имя Гамп — во всяком случае, здесь. Он купил буклетик под названием «Женщины тоже имеют права на недвижимость» и сказал лесбо-королеве в кабинке, что пошлет брошюру своей сестре Дженни, живущей в Топеке. Лесбо-королева улыбнулась и пожелала ему хорошего дня. Норман улыбнулся в ответ и пожелал ей того же. Он охватывал взглядом всю толпу, выискивая в ней только одного человека — Роуз. Пока что ее не заметно, но ничего страшного; день только начинается. Норман ощущал почти стопроцентную уверенность в том, что она обязательно появится на полуденный ленч, а как только он увидит ее собственными глазами, все будет хорошо, все будет хорошо, несмотря ни на что, все будет хорошо. Верно, он обгадился возле билетной кассы, ну и что? Его оплошность сошла ему с рук, и он больше не ошибется. Ни за что.

— Шикарный лимузин у вас, дружище, — приветливо заметила молодая женщина в шортах леопардовой расцветки. Она вела за руку маленького мальчика, Мальчишка держал стаканчик вишневого мороженого «Снежный конус» и, похоже, стремился нанести розовый слой на физиономию. Норману он показался полнейшим дебилом. — И мысли неплохие.

Она протянула руку, предлагая Норману хлопнуть по ней, и он задумался — всего лишь на миг, — представляя, с какой скоростью исчезла бы с ее рожи эта идиотская ухмылка, говорящая: «Ах, как мне жаль таких бедных калек!», если бы он вместо того, чтобы дать ей пятерню, как она ожидала, откусил ей пару пальцев. Она протягивала левую руку, и Норман не удивился, не увидев на ней обручального кольца, хотя крысенок с размазанным по физиономии вишневым поносом очень походил на нее.

«Потаскуха, — подумал он. — Глядя на тебя, я понимаю, что случилось с миром. Что ж ты сделала, стерва? Попросила кого-то из своих подружек осеменить тебя спермой индюка?»

Он улыбнулся и легонько хлопнул по ее ладони. — Спасибо. Вы замечательно выглядите.

— У вас есть здесь друзья?

— Есть. Вы, например, — нашелся он. Она засмеялась, польщенная.

— Спасибо. Но понимаете, что я хочу сказать.

— Тогда я в гордом одиночестве. Просто заглянул на огонек. Если кому-то помешаю или же гулянье окажется закрытым мероприятием, всегда могу убраться восвояси.

— Ну что вы, ни в коем случае! — воскликнула она, приходя в ужас от одной только мысли об этом... как он и предполагал. — Оставайтесь. Веселитесь с нами. Могу я угостить вас чем-нибудь? Я была бы рада. Не хотите сахарной ваты? Или горячую сосиску, может быть?

— Нет, спасибо, — вежливо отказался Норман. — Некоторое время назад я попал в аварию на мотоцикле, почему, собственно, и очутился в этом замечательном транспортном средстве. — Сучка сочувствующе кивала головой; при желании он заставил бы ее разрыдаться за три минуты, если не раньше. — С тех пор я не замечаю за собой особого аппетита. — Он смущенно улыбнулся ей. — Но жизнь по-прежнему мне нравится, честное слово.

Она засмеялась.

— Вы молодец. Желаю хорошо провести день.

Он кивнул.

— И вам того же вдвойне. Хорошего дня и тебе, сынок.

— Спасибо, — буркнул ублюдок с перепачканными розовой пеной щеками, враждебно глядя на Нормана. На мгновение Нормана охватила настоящая паника, ему показалось, что мальчонка смотрит на него и видит в человеке с бритым черепом и в кожаной куртке — Гампе

Питерсоне истинного Дэниэлса. Он повторил про себя, что страдает парковой разновидностью паранойи, не более и не менее — в конце концов, он пробрался на территорию противника, а при таких обстоятельствах параноидальные симптомы вполне объяснимы, — но все же быстро покати́л прочь.

Он предполагал, что почувствует себя лучше, как только удалится от мальчишки с враждебным взглядом, но этого не произошло. Короткий всплеск оптимизма — уступил место нервной неуверенности. До полуденного ленча оставалось совсем немного, люди рассядутся за столы минут через пятнадцать, не позже, а Роуз до сих пор не видно. Кое-кто из женщин все еще гуляет по парку, возможно, она с ними, но ему это казалось маловероятным. Его жена не из тех, кто питает страсть к аттракционам.

«Да, в этом ты прав, ей никогда не нравились аттракционы... но может быть, она изменилась», — прошептал внутренний голос. Он хотел было продолжить, однако Норман усилием воли заставил его умолкнуть. Не нужна ему эта чушь, не нужны никакие подсказки, хотя он знал: в Роуз наверняка что-то изменилось, иначе она по-прежнему находилась бы дома, гладила его рубашки по средам, выходила за покупками в положенное время, и того, что сейчас происходит, попросту не было бы. Мысль о том, что она осмелилась покинуть дом, бросить его, сбежать, захватив с собой кредитную карточку, снова завладела его сознанием, набросившись на мозг, как голодная собака на кость, и он едва не взвыл от бессильной ярости. Норман опять запаниковал, ему стало трудно дышать, словно тяжелый груз опустился на грудь.

«Держи себя в руках, — приказал он себе. — Ты не должен нервничать. Представь, что ты в засаде, что выполняешь работу, которой занимался тысячу раз. Если сможешь заставить себя относиться к происходящему именно так, все будет в порядке. Знаешь, что я тебе скажу, Норми? Забудь, что ты ищешь Роуз; забудь о ней до тех пор, пока не увидишь ее».

Он попытался. Ему помогло то, что события развивались в полном соответствии с продуманным сценарием: Гампа Питерсона принимали за привычную и не стоящую внимания часть пейзажа. Две телки в футболках-безрукавках, открывающих их чересчур развитые бицепсы, заставили его поиграть с ними в фрисби, пожилая матрона с копной седых волос на макушке и уродливо вздувшимися варикозными венами принесла ему фруктовый йогурт, потому что, по ее словам, решила, что ему жарко и неловко в этой коляске. «Гамп» поблагодарил ее и сказал, что ему действительно немного жарко. «Но тебе не жарко, красавица, — подумал он, когда седая женщина зашагала прочь. — Ты холодная, как сосулька. Неудивительно, что тебя тянет к лесбиянкам — ты не завлечешь мужика в постель даже под страхом смерти». Однако йогурт оказался на удивление вкусным — холодным, — и он проглотил его с жадностью.

Очень важно не задерживаться на одном месте слишком долго. Он переехал к площадке для игры в подковку, где двое кретинов с нарушенной координацией движения играли в паре против таких же никудышных женщин. Норману подумалось, что игра может продолжаться до самого заката. Он прокатился мимо импровизированной кухни под брезентом, где повара снимали с решетки гриля первые горячие гамбургеры и раскладывали по сервировочным тарелкам картофельный салат. В конце концов Норман выехал на центральную аллею и направился к аттракционам. Он катился, опустив голову, бросая короткие взгляды на женщин, которые сходились к столам в предвкушении ленча, толкая перед собой коляски с детьми, зажимая под мышкой вшивые призы, выигранные на каком-нибудь конкурсе. Роуз среди них не было. Похоже, ее нет нигде.

Целиком поглощенный поисками Роуз, Норман не заметил, что чернокожая женщина, обратившая на него внимание раньше, снова проявила к нему интерес.

Это была действительно очень крупная женщина, которая на самом деле слегка смахивала на Уильяма Перри по прозвищу Холодильник.

Герт находилась на детской площадке и раскачивала маленького сынишку Мелани Хаггинс на качелях. Заметив Нормана, она оставила свое занятие и встряхнула головой, словно желая избавиться от лишних мыслей. Она продолжала смотреть на калеку в инвалидной коляске, хотя теперь он удалялся от нее, и она видела лишь его спину. На спинке коляски она разглядела наклейку с надписью «Я МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ УВАЖАЕТ ЖЕНЩИН».

«Кроме того, ты мужчина, который похож на кого-то, — подумала Герт. — Или ты просто напоминаешь какого-то киноактера?»

— Ну, Герт! — прикрикнул на нее сын Мелани Хаггинс. — Толкай! Я хочу раскачаться высоко-высоко! Я хочу сделать петлю!

Герт толкнула сильнее, хотя Стэнли еще слишком мал, чтобы делать полный оборот на качелях — нет уж, увольте, не в *таком* младенческом возрасте. И все же его смех доставлял ей удовольствие; услышав его, она сама невольно улыбнулась. Она толкнула еще сильнее, выбрасывая из головы назойливые мысли об инвалиде в коляске. Выбрасывая из *сознательной* части мозга.

— Я хочу сделать петлю, Герт! Пожалуйста! Ну давай, пожалуйста!

«Черт с тобой, — подумала Герт, — один раз не повредит».

— Держись крепко, герой, — велела она. — Поехали!

Норман продолжал двигаться даже тогда, когда понял, что миновал последних посетителей, пришедших на пикник «Дочерей и сестер». Он счел благоразумным не мозолить им глаза, пока женщины из «Дочерей и сестер» и их гости будут сидеть за столами.

К тому же панический страх продолжал усиливаться, и он опасался, что какой-нибудь слишком наблюдательный гость заметит, что с ним творится что-то неладное. Его убежденность, что Роуз обязательно объявится на пикнике, ничуть не поколебалась, однако прошли уже все мыслимые и немыслимые сроки, а ее до сих пор нет. Норман не думал, что проглядел ее, он знал, что ее нет, и это совершенно непонятно. Ведь Роузмышь, разрази ее гром, серая тщедушная мышка, и если она не рядом со своими пришибленными подружками, то где же тогда? Куда ее занесло, черт побери, если здесь ее нет?

Он проехал под плакатом «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЛЛЕЮ» и покотился дальше, не обращая особого внимания на то, куда движется. Самое приятное в инвалидной коляске, как он обнаружил, состоит в том, что люди уступают вам дорогу.

Парк постепенно заполнялся, и это, наверное, хорошо, но больше ничего хорошего он не видел. В голове снова появились знакомые толчки, предвещавшие головную боль, а бегущие по небу облака вызывали странные ощущения — словно он очутился на чужой планете. Почему, например, так много людей смеется? Чему, черт возьми, они радуются? Неужели они не понимают, в каком мире живут? Неужели не соображают, что все — *все* — висит над краем пропасти? Он с испугом понял, что все женщины кажутся ему похожими на кукольных девочек с обложек журналов, а мужчины — на педерастов, все до единого, словно планета погрузилась в болото однополой любви.

Головная боль усиливалась, по краям предметов снова начали появляться яркие подвижные зигзагообразные линии. Звуки парка усилились до умопомрачения, словно безжалостный гном, поселившийся у него в черепе, медленно вращал ручку громкости до максимальных децибел. Кабинки, грохочущие на первом подъеме американских горок, производили шум, сравнимый разве что с шумом снежной лавины в горах, а когда они съезжали вниз на головоломном спуске, визгливые крики катающихся разрывали его барабанные перепонки, как шрапнель. Каллиопа, со своими тягучими мелодиями, электронная трескотня из зала видеоигр, нудное жужжание машин на площадке аттракциона «Ралли»... их звуки сливались, перемешивались между собой и вонзались в его мятущийся, переутомленный мозг, как голодные чудовища. Самым ужасным звуком, который заглушал все остальные, впиваясь в ткани мозга, как лезвие тупого кинжала, казался ему клич механического капитана, стоящего перед «Кораблем призраков». Норман подумал, что если еще хоть раз услышит его дурацкое «Приготовься к ужасам, юнга!», его рассудок сломается, словно сухая щепка. Или он выпрыгнет из инвалидной коляски, успевшей натереть ему мозоли на заднице, и с воплем бросится на...

«Остановись, Норми».

Он въехал на небольшое свободное место между киоском, продававшим свежее рассыпчатое печенье, и другим, торгующим нарезанной на кусочки пиццей, и там действительно остановился, отвернувшись от безумной толпы. Каждый раз, когда раздавался этот голос, Норман внимательно к нему прислушивался. Именно он сообщил ему девять лет назад, что единственный способ заткнуть глотку Уэнди Ярроу — убить ее, и этот же голос в конце концов убедил его отвезти Роуз в больницу, когда та сломала ребро.

«Норми, ты сошел с ума. По всем стандартам судебных залов, где тебе сотни раз приходилось приносить клятвы, ты настоящий псих. Ты же сам знаешь, так ведь?»

Слабое, принесенное порывом дующего с озера ветра:

— Приготовься к *ужасам*, юнга!

«Норми?»

— Да, — прошептал он, растирая виски кончиками онемевших пальцев. — Да, наверное, я это понимаю.

«Ну и славно; человек способен действовать, несмотря на свои недостатки... если, конечно, он не отказывается признать их. Ты должен узнать, где она, а это сопряжено с риском. Но ты уже рисковал, когда заявился сюда, правильно?»

— Да, — подтвердил он. — Да, папочка, я рисковал.

«О'кей, теперь глупости в сторону. Слушай, что я тебе скажу, Норми».

Норман слушал.

Герт еще некоторое время раскачивала Стэна Хатгинса, чувствуя, что его требования «крутануть петлю еще разочек» надоедают ей все больше и больше. У нее не было намерений повторять опасный трюк — в первый раз мальчик чудом не вывалился, и на секунду Герт окаменела, уверенная, что сейчас с ней случится сердечный приступ.

К тому же ее мысли вернулись к мужчине в инвалидной коляске. Бритому наголо мужчине.

Знакомо ли ей его лицо на самом деле? Или только кажется таковым? Не напоминает ли он мужа Розы? «Нет, это чушь. Идиотизм. Паранойя». Может, и так. Почти наверняка так. Но мысль продолжала сверлить сознание. Роста примерно такого же... хотя трудно сказать точно, когда смотришь на сидящего, не правда ли? Человеку вроде мужа Розы это прекрасно известно. «Перестань. Ты шарахаешься от теней». Стэну надоело качаться на качелях, и он спросил Герт, не могла бы та забраться с ним на батут. Она улыбнулась и покачала головой.

— Но почему нет? — спросил он обиженно.

— Потому что у твоей подружки Герт не совсем подходящая для батута комплекция, с тех пор, как она выросла из пеленок, — пояснила она.

Заметив неподалеку от детской горки Рэнди Франклин, Герт неожиданно приняла решение. Если она не разберется с этой дурацкой ситуацией, то сойдет с ума. Она попросила Рэнди последить немного за Стэном. Молодая женщина охотно согласилась, и Герт назвала ее ангелом, хотя на самом деле характер у Рэнди был далеко не ангельский... однако небольшая стимулирующая лесть не помешает.

— Куда ты, Герт? — поинтересовался откровенно разочарованный Стэн.

— Надо отлучиться по кое-каким делам, приятель. Беги сюда и покатайся с Андреа и Полом.

— Это горка для сопляков, — буркнул Стэн, но все же пошел.

Герт прошла по тропинке от зоны для пикников к главной аллее, а оттуда к центральному входу в Эттингер, к кассам. И там, где продавали билеты на целый день, и там, где выдавали их на полдня, выстроились длинные очереди, и Герт почти не сомневалась, что человек, с которым собиралась поговорить, вряд ли ей поможет — она уже видела его в действии.

Задняя дверь кассы, продававшей билеты на целый день, оказалась открытой. Герт постояла на месте еще немного, пытаясь сосредоточиться, затем решительно направилась к двери. В «Дочерях и сестрах» у нее не было какой-то официальной должности, но она искренне любила Анну, та помогла ей в сложных отношениях с мужчиной, из-за которого Герт девять раз увозили в больницу на скорой помощи. Тогда ей было девятнадцать. Недавно Герт исполнилось тридцать семь, и почти пятнадцать лет из них эта темнокожая женщина исполняла обязанности неофициального заместителя Анны. Обучение новоприбывших женщин тому, чему в свое время научила ее Анна, — что не стоит возвращаться к издевающимся над ними мужьям, партнерам, отцам и отчимам, — являлось лишь одной из многочисленных ее функций. Она помогала женщинам освоить некоторые приемы самообороны (не потому, что после десятка уроков каратэ полученные навыки позволят сразить противника — таким способом она возрождала в женщинах чувство собственного достоинства); она планировала вместе с Анной мероприятия вроде этого пикника — для сбора денежных средств; она работала с пожилой и хрупкой бухгалтершей Анны, чтобы хоть приблизительно свести баланс к нулю, не говоря уже о прибыли. А когда возникала необходимость в охране, Герт старалась изо всех сил. Имея в виду именно эту свою функцию, она и приближалась к будке кассы, расстегивая на ходу замок сумочки, представлявшей собой целый переносной кабинет.

— Прошу прощения, сэр, — произнесла она, просовывая голову в открытую дверь.

— Не могли бы вы уделить мне минутку?

— Информационная служба слева от «Корабля призраков», — откликнулся он, не оборачиваясь. — Если у вас возникли проблемы, обращайтесь туда.

— Вы меня не поняли. — Герт сделала глубокий вдох и добавила быстро и спокойно: — С этой проблемой мне можете помочь только вы.

— С вас двадцать четыре доллара, — сказал кассир, обращаясь к молодой супружеской паре с другой стороны окошка. — Вот ваши шесть долларов сдачи. Желаю приятного отдыха. — И к Герт, все еще не поворачиваясь: — Послушайте, леди, я здесь не дурака валяю, я работаю, если вы вдруг не заметили сразу. Поэтому если вам захотелось пожаловаться относительно неубранных площадок для игр или еще по такому же важному поводу, ковыляйте в информационную службу и...

Это уже слишком; Герт не намеревалась выслушивать поучения какого-то сопляка, советующего ей *ковылять* куда-то, а особенно когда они произносятся язвительным тоном, словно говорящим: «Господи, до чего же много дураков в этом мире». Возможно, в мире дураков даже *больше*, чем ему кажется, однако она к их числу не принадлежала, к тому же ей известно нечто, о чем не знает этот самонадеянный идиот: на теле Питера Слоуика при осмотре обнаружили следы более чем восьмидесяти укусов, и совсем не исключено, что человек, на чьей совести лежит убийство, находится совсем рядом с ними и разыскивает свою жену. Она вошла в будку — для этого ей пришлось протискиваться боком — и схватила продавца билетов за плечи синей форменной рубашки. Маленькая табличка над нагрудным карманом сообщала, что его зовут Крис. Крис уставился в темную луну лица Герт Киншоу, потрясенный тем, что посетитель прикасается к нему. Он раскрыл рот, но Герт не дала ему произнести ни слова.

— Заткнись и слушай. Как мне кажется, сегодня утром ты, возможно, продал билет очень опасному человеку. Убийце. Поэтому не надо рассказывать, каким трудным выдался для тебя день, Крис, потому что мне... мать твою... плевать...

Крис смотрел на нее, выпучив глаза от удивления. Прежде, чем он успел прийти в себя, снова обрести дар речи и свое прежнее высокомерие, Герт сунула ему под нос слегка размытый фотоснимок, переданный по факсу. «Детектив Норман Дэниэлс, возглавлявший группу полицейских, которая раскрыла преступную банду», — гласила подпись под снимком.

— Вам нужно обратиться в службу безопасности, — выдавил Крис. В его понимающем тоне сквозила обида. За спиной кассира мужчина, стоявший в очереди первым — в идиотской шляпе в стиле мистера Магу и футболке с надписью «САМЫЙ ЛУЧШИЙ В МИРЕ ДЕДУШКА», — неожиданно поднял видеокамеру и начал снимать, наверно, предвкушая возникновение конфликта и надеясь попасть с этим сюжетом в передачу типа «Как мы живем».

«Если бы я знала, как это будет весело, то не задумалась бы ни на минутку», — мелькнуло в голове Герт.

— Нет, они мне не нужны, по крайней мере, пока; мне нужен ты. Пожалуйста. Взгляни хорошенько и скажи мне...

— Леди, если бы вы только знали, скольких людей я вижу за один-единственный д...

— Вспомни мужчину в инвалидной коляске. В самом начале дня. Перед толпами. Ну же? Ты высунулся из будки и позвал его. Он вернулся. Кажется, он забыл сдачу или еще что-то в этом роде. В глазах Криса мелькнул огонек понимания.

— Нет, это не он, — заявил кассир. — Тот мужчина считал, что дает мне правильную сумму. Я знаю, потому что он протянул мне десятку и две долларовые бумажки. То ли забыл, сколько стоит вход на весь день для инвалидов, то ли не обратил внимания на объявление.

«Да-да, — подумала Герт. — Как раз такая мелочь, о которой забывает человек, только *притворяющийся* инвалидом, особенно если его мысли заняты другим».

«Мистер Магу», очевидно решив, что обмена ударами не намечается, опустил видеокамеру.

— Не могли бы вы продать билеты мне и моему внуку? — спросил он, наклоняясь к окошку.

— Да помолчите вы! — огрызнулся Крис. Насколько Герт понимала, молодому человеку явно не хватает выдержки и умения обращаться с людьми, однако сейчас не самое подходящее время давать ему советы. Сейчас время для дипломатии. Когда он повернулся к ней спиной, усталый и раздосадованный неожиданным неприятным инцидентом, она снова протянула фотографию и обратилась к нему тоном «о-скажи-мне-мудрейший-из-мудрейших»:

— Не этот ли мужчина приехал в инвалидной коляске? Представь его без волос.

— Эй, леди, оставьте меня в покое! На нем были еще и темные очки!

— Ну постарайся! Он опасен. Если окажется, что это все-таки он, мне *придется* поговорить со службой безопасности...

Вот тебе и на! Грубейшая ошибка. Она поняла свою оплошность почти сразу, но все-таки на пару секунд позже, чем следовало. Промелькнувшее в его глазах выражение быстро исчезло, однако понять его не составляло труда. Если она хочет обратиться в службу безопасности с проблемами, не имеющими отношения к *нему*, тогда все в порядке. Если проблемы задевают и *его*, пусть даже косвенно, дело *плохо*. Может, у него и раньше возникали трения со службой безопасности, или же за ним числится выговор за несдержанность и грубое обращение с клиентами. В любом случае кассир решил, что все происходящее — лишние заботы, которые его совершенно не касаются.

— Это не он, — заявил Крис, возвращая ей фото. Герт подняла руки и прижала ладони к своей внушающей уважение груди, отказываясь принять снимок.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Если он здесь, значит, разыскивает мою подругу, и

совсем не потому, что хочет прокатить ее на чертовом колесе.

— Эй! — закричал кто-то в растущей очереди к кассе. — Долго вы там будете возиться?

Из очереди раздались возмущенные возгласы, и монсеньор Самый-Лучший-в-Мире-Дедушка снова поднял видеокамеру. В этот раз его, похоже, интересовал исключительно мистер Радушие-и-Обходительность. Герт увидела, что Крис заметил направленную на него камеру, увидела, как вспыхнули щеки кассира, и невольное движение рук, которыми он пытался прикрыть лицо, — словно мошенник, выходящий из зала суда после вынесения приговора. Последние надежды на то, что он сможет хоть чем-то ей помочь, рассеялись, как дым.

— Это *не тот человек!* — заорал Крис. — Совершенно не похож! А теперь уносите отсюда свою жирную задницу, иначе я вышвырну вас из парка!

— Кто бы говорил, — презрительно хмыкнула Герт. — Я могла бы устроить на твоей спине ужин из двенадцати блюд и не уронила бы с вилки ни кусочка в трещину, что посередине.

— Убирайтесь! Немедленно!

С пылающими щеками Герт зашагала назад к зоне для пикников. Она чувствовала себя полной идиоткой. Как же она умудрилась так опростоволоситься? Герт убеждала себя, что все из-за парка — слишком шумно, слишком много людей, бесцельно слоняющихся повсюду, как лунатики, и пытающихся найти подходящее развлечение, — но дело, разумеется, не в этом. Она боится, вот почему все произошло из рук вон плохо. Предположение, что именно муж Розы убил Питера Слоуика, не доставляло ей ни малейшего удовольствия, однако мысль о том, что этот псих, маскирующийся под калеку в инвалидной коляске, может сейчас находиться *рядом с ними, среди них*, в тысячу раз хуже. Ей и раньше доводилось сталкиваться с безумием, но безумие, помноженное на умение и одержимость...

И где же, черт возьми, сама Роза? Во всяком случае, не здесь, это Герт знала наверняка. *Пока не здесь*, поправилась она мысленно.

— Я облапошилась, — пробормотала она себе под нос и вспомнила фразу, которую часто повторяла внимательным слушательницам «Дочерей и сестер»: «Если вы что-то узнали, живите с этим знанием».

Ну и ладно, придется мириться с этим знанием. Вывод первый: служба безопасности временно исключается — вероятно, ей просто не удастся их убедить, а даже если в конце концов и получится, на это уйдет уйма времени. Впрочем, она видела, как бритый калека катался по парку и разговаривал с людьми, большей частью с женщинами. Дана Клайн даже принесла ему какое-то угощение. Мороженое, кажется.

Герт торопливо зашагала назад к зоне для пикников, чувствуя, что ей необходимо зайти в туалет, но не обращая на это внимания. Она искала Лану или кого-то из женщин, говоривших с мужчиной в инвалидной коляске, но никто не попадался на пути. Точно так же с полицейскими; их полно на каждом углу в любое время дня и ночи, однако когда вам срочно нужно обратиться к ним за помощью, они все разом исчезают.

К тому же ей *действительно* надо заглянуть в туалет; мочевого пузыря стонал от натуги. И какого дьявола она выпила столько чая со льдом?

Норман медленно прокатился назад по центральной аллее парка развлечений и вернулся к зоне для пикников. Женщины все еще продолжали есть, но ленч скоро закончится — он увидел, как разносят первые подносы с десертом. Надо поторапливаться, если он хочет действовать незаметно, пока толпа еще не встала из-за столов. Впрочем, он не ощущал беспокойства; страх и паника прошли. Норман хорошо знал, куда следует направиться, чтобы найти женщину одну, без сопровождения, а затем поговорить с ней. Поговорить начистоту. «Женщины не способны обходиться без уборной долгое время, — сказал ему отец. — Они как собаки, которые не могут пройти мимо куста сирени, чтобы не поднять ногу и не оставить под ним свою отметину».

Норман быстро покатыл мимо указателей с надписью «К ПУНКТАМ УТЕШЕНИЯ».

«Всего одну, — думал он. — Только одну, которая придет сама, и такую, чтобы знала, куда подевалась Роуз, раз ее здесь нет. Если она в Сан-Франциско, я поеду за ней туда. Если в Токио, я разыщу ее там. Если она в аду, я и там ее достану. А почему бы и нет, собственно? Все равно рано или поздно мы оба окажемся в пекле — и, возможно, обзаведемся там собственным домиком».

Он проехал через небольшую рощицу подстриженных в форме животных елей и затем двинулся по небольшому спуску к кирпичному строению без окон с двумя дверями в противоположных концах — для мужчин справа, для женщин слева. Норман миновал дверь, помеченную женским силуэтом, и припарковался за фасадом строения. С нормановской точки зрения, место оказалось вполне подходящим — узкая полоска голой земли, ряд пластмассовых мусорных баков вдоль стены и высокий деревянный забор, через которые не проникают посторонние взгляды. Выбравшись из инвалидной коляски, он осторожно выглянул из-за угла, высовывая голову все дальше и дальше, пока не увидел ведущую к туалетам дорожку. Он снова почувствовал, что все в полном порядке, к нему вернулись спокойствие и уверенность. Голова, правда, продолжала болеть, но боль ослабла до медленных тягучих толчков в висках.

Две женщины вышли из рощицы — не годится. Вот в чем самое уязвимое место его засады — женщины постоянно ходят в сортир парами. Какого черта? Что они там, занимаются лесбиянскими играми?

Парочка вошла в кирпичное строение. Норман слышал их голоса через ближайшее вентиляционное отверстие, они разговаривали о ком-то по имени Фрэд. Фрэд сделал то-то, Фрэд сказал так-то, Фрэд выкинул такой-то фокус. Очевидно, запас находчивости у этого Фрэда поистине неисчерпаем. Каждый раз, когда одна женщина, та, которая говорила больше, замолкала, чтобы набрать в легкие воздуха, другая принималась хихикать, и рваный звук ее смеха вызывал у Нормана такое ощущение, будто его мозг обваливают в толченом стекле, как повар обкатывает шарики теста в муке. Однако он не сдвинулся с места, не оставил свой наблюдательный пункт, стоял совершенно неподвижно, не сводя глаз с тропы, и лишь руки его шевелились, то сжимаясь в кулаки, то разжимаясь, сжимаясь и разжимаясь.

Наконец женщины вышли, продолжая хихикать и болтать о весельчаке Фрэде, и зашагали по тропе так близко, что бедра их терлись, а плечи соприкасались. Норману понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться и не броситься за ними, схватить их безмозглые головы — ладонями за затылки — и треснуть лбами, чтобы они взорвались, как два бильярдных шара, наполненных тринитротолуолом.

— Не надо, — прошептал он, призывая себя к спокойствию. Пот стекал по его лицу крупными прозрачными каплями и выступал на гладкой коже бритого черепа. — Не надо, только не сейчас, ради Христа, не упusti возможность. — Он весь дрожал, головная боль

вернулась и разгулялась в полную силу, стуча изнутри в черепе, словно мощный кулак. Яркие зигзагообразные линии метались на периферии его поля зрения, из носа потекло.

Следующая показавшаяся из еловой рощи женщина была одна, и Норман узнал ее — копна седых волос на макушке, уродливо вздувшиеся варикозные вены на ногах. Старушка, угостившая его йогуртом.

«Теперь настала моя очередь угостить тебя, — подумал он, напрягаясь в своем укрытии. — У меня приготовлен леденец для тебя, и, если я не получу те ответы, которые мне требуются, ты слопаешь его весь до последнего кусочка».

Затем появилась еще одна женщина. И ее Норман тоже видел — жирная черномазая свинья в красном сарафане, та, которая обернулась и с любопытством посмотрела на него, когда его окликнул продавец билетов из будки. И снова в голове промелькнуло ощущение, будто она откуда-то знакома ему — как имя, назойливо танцующее на кончике языка и прячущееся каждый раз, когда собираешься произнести его вслух. Если бы только не головная боль...

Черномазая по-прежнему таскала с собой сумку, по размерам заслуживающую названия чемодана, и сейчас, открыв замок, принялась копаться в ней.

«Что ты там ищешь, пышка? — подумал Норман. — Плитку шоколада? Кремовое пирожное? Или...»

И вдруг до него дошло: он читал о ней в библиотеке, в газетной статье, рассказывавшей о «Дочерях и сестрах». Там имелся и снимок, изображавший ее в паралитической позе каратиста, хотя она больше напоминала большегрузный трейлер, нежели Брюса Ли. Да, это именно та сучка, которая заявила репортеру, что мужчины не являются их врагами... «но, если они бьют нас, мы наносим ответный удар» или что-то подобное, фамилию он забыл, однако имя сохранилось в памяти.

«Проваливай отсюда, Герти», — обратился он мысленно к женщине в красном сарафане. Его руки плотно сжались в кулаки, ногти впились в мякоть ладоней. Но она не ушла.

— Дана! — окликнула она седую старуху. — Дана, погоди минутку!

Седоволосая женщина повернулась и направилась к толстой, которая действительно смахивала на одетый в женское платье промышленный рефрижератор. Он проводил взглядом седоволосую, которая скрылась вслед за Грязной Герти в рощице. Перед тем, как они исчезли, Норман заметил, что Герти показала своей подруге что-то, похожее на клочок бумаги.

Норман утер рукавом пот со лба, дожидаясь, пока Дана закончит разговор с Герт и спустится к туалету. За еловой рощицей в зоне для пикников гости «Дочерей и сестер» расправлялись с десертом, а когда они закончат, поток желающих воспользоваться туалетом превратится в потоп. Если фортуна не повернется к нему лицом, притом в ближайшее время, из его затей ничего не выйдет.

— Ну давай же, давай, — пробормотал Норман, и, словно в ответ на его мольбы, новая женщина появилась из-за деревьев и направилась к кирпичному строению. Это была не Герт и не Дана, угостившая его йогуртом, однако Норман все же узнал ее — одна из двух шлюх, копавшихся в огороде в тот день, когда он осматривал дом «Дочерей и сестер». Шлюха с разноцветными волосами рок-звезды. Та, которая нахально помахала ему рукой.

«И напугала меня до полусмерти, — припомнил он, — но будет справедливым ответить любезностью на любезность. Ползи сюда, стерва. Иди ко мне, иди к папочке».

Норман почувствовал, как все его тело напряглось, мышцы затвердели, словно камень, от головной боли не осталось и следа. Он стоял неподвижно, будто статуя, выглядывая одним глазом из-за угла кирпичного здания туалета, моля Бога, чтобы Герт не вздумалось вернуться в самый неподходящий момент, умоляя девушку с зелено-оранжевыми волосами не передумать. Никто не вышел из еловой рощи, девушка со светофорной копной волос приближалась. Мисс

Панки-Роки-Кожа-да-Кости, загляни ко мне на минутку, сказал паук мухе, и вот она совсем рядом, она тянется к дверной ручке, но дверь не открывается, потому что рука Нормана опускается на хрупкое запястье Синтии прежде, чем она успевает дотронуться до ручки.

Она смотрит на него округлившимися от неожиданности и страха глазами.

— Иди-ка сюда, крошка, — говорит он, волоча ее за собой. — Иди сюда, за уголок, я хочу поговорить с тобой. Я хочу поговорить с тобой начистоту.

Герт Киншоу спешила в туалет, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, когда — чудо из чудес! — заметила впереди женщину, которую искала. Она немедленно раскрыла свою вместительную сумку и принялась рыться в ней в поисках фотографии.

— Дана! — окликнула она женщину. — Дана, погоди минутку!

Дана остановилась, повернулась и подошла к ней.

— Я ищу Кэти Спарк, — сказала она. — Ты случайно не видела ее?

— Она там, развлекается на площадке для игры в подковки. — Герт махнула рукой в сторону пикника. — По крайней мере, была там две минуты назад.

— Отлично! — Дана тут же пошла в указанном направлении. Герт бросила короткий жаждающий взгляд на туалет, затем решила, что мочевого пузыря может потерпеть еще немного и догнала седую женщину. — Я боялась, что у нее опять начался приступ паники и она смоталась отсюда, — объяснила Дана. — Ты знаешь, с ней такое бывает.

— Угу, — кивнула Герт. Перед еловой рощицей она показала Дане переданную по факсу фотографию. Та с любопытством взглянула на изображенного на ней мужчину. Она впервые видела Нормана, потому что не являлась ни обитательницей, ни сотрудницей «Дочерей и сестер». Дана работала психиатром, оказывая время от времени бесплатные услуги женщинам из «Дочерей и сестер», и жила в Кресент-Хайтсе с приятным вежливым мужем и тремя милыми нормальными детьми.

— Кто это? — поинтересовалась Дана. Прежде чем Герт успела ответить, мимо них прошла Синтия. Как всегда, даже несмотря на напряженность ситуации, вид ее сумасшедшей прически вызвал у Герт улыбку.

— Эй, Герт, мне нравится твой сарафан! — бодро приветствовала ее Синтия. Фраза отнюдь не представляла собой комплимент, являясь своеобразным синтиизмом — речевым оборотом, характерным для девушки.

— Спасибо. А мне нравятся твои шорты. Только я думаю, что если постараться, можно разыскать такие, из которых ягодички будут выглядывать еще сильнее.

— Не надо *мне* рассказывать, — ответила Синтия, продолжая путь.

Ее маленькие, но, без всякого сомнения, вызывающе привлекательные ягодички раскачивались при ходьбе, как маятник часов. Дана посмотрела ей вслед с усмешкой, затем снова вернулась к фотографии. Изучая снимок, она рассеянно поглаживала длинные седые волосы, собранные в пучок на макушке.

— Ты его знаешь? — спросила Герт. Дана медленно покачала головой, но Герт показалось, что этот жест выражает скорее сомнение, чем отрицательный ответ. — Представь его бритым наголо.

Дана сделала еще лучше; она просто прикрыла верхнюю часть фотографии от линии волос, взглядела в снимок еще внимательнее, шевеля губами, словно читала, а не рассматривала его. Когда она снова подняла взгляд на Герт, та увидела в нем озадаченность и тревогу.

— Сегодня утром я угостила его йогуртом, — начала она медленно. — На нем были темные очки, но...

— Он сидел в инвалидной коляске, — произнесла Герт и, хотя настоящая работа только-только начиналась, ощутила огромное облегчение, словно с ее плеч свалился тяжелый камень. Всегда лучше знать, чем подозревать и сомневаться. Всегда лучше быть уверенным.

— Да. Он опасен? Опасен, да? Я пришла сюда с двумя женщинами, которым за последнее время пришлось пережить немало трудных минут. Их сознание еще не очень устойчиво. Могут

ли возникнуть неприятности, Герт? Я боюсь за них, не за себя.

Герт задумалась, тщательно подбирая слова для ответа.

— Думаю, все будет в порядке. Думаю, самая страшная часть почти закончилась.

Норман рванул за ворот майки-безрукавки Синтии, обнажая ее крохотные, размером с чайную чашечку, груди. Одной рукой он зажал ей рот, одновременно прижимая девушку к стене и не давая возможности позвать на помощь. Потеря пахом об нее. Почувствовал, что она пытается отстраниться, но, разумеется, ей не удалось, и это возбудило его еще сильнее; она в его руках, она в ловушке, из которой не выбраться, но возбуждение охватило лишь его тело. Рассудок покачивался в воздухе примерно в трех футах над головой и бесстрастно наблюдал за тем, как физическая оболочка Нормана склонилась над голым плечом мисс Панки-Роки и впиалась в него зубами. Он бросился на нее, как вампир, и принялся сосать кровь, сочащуюся сквозь прокушенную тонкую кожу. Кровь оказалась горячей и соленой, и он не заметил семяизвержения, точно так же, как не чувствовал ее криков, заглушаемых жесткой ладонью.

— Возвращайся к своим подопечным и присмотри за ними, пока я не дам сигнал, что все в порядке, — сказала Герт Дана. — И сделай мне одолжение — не говори об этом *никому*, ради Бога. Твои пациентки — не единственные психологически неустойчивые женщины из присутствующих здесь сегодня.

— Знаю. Герт сжала ее руку. — Все будет в порядке, я обещаю.

— Хорошо. Тебе лучше знать.

— Все, топай. Во всяком случае, я *точно* знаю, что найти его не трудно, если он до сих пор разъезжает в своем кресле на колесах. Если увидишь его, держись подальше. Ты меня поняла? *Держись от него подальше!*

Дана посмотрела на нее с откровенным страхом.

— Что ты намерена предпринять? — В первую очередь сходить в туалет, иначе я умру от разрыва мочевого пузыря. А потом отправлюсь в службу безопасности и сообщу, что мужчина в инвалидной коляске пытался выхватить у меня сумочку. Дальше посмотрим, но главное — не подпускать его к нашему пикнику. — Розы до сих пор не появилась, наверное, у нее свидание или деловая встреча, и Герт никогда в жизни не испытывала такой благодарности к неизвестному ей человеку, из-за которого та не пришла на пикник. Все упирается в Розы; Розы — детонатор, и пока ее нет, у Герт сохраняется шанс нейтрализовать ее мужа прежде, чем он успел натворить всяких бед.

— Может быть, мне стоит подождать здесь, пока ты *вернешься* из туалета? — нервно спросила Дана.

— За меня не переживай.

Дана, нахмурившись, взглянула на тропинку, извиляющуюся между густыми елями.

— Знаешь, я все-таки подожду.

Герт улыбнулась.

— Ладно. Я быстро, можешь мне поверить.

Она почти вошла в кирпичное строение, когда какой-то звук проник в ее занятый тревожными мыслями мозг: шум дыхания, притом довольно тяжелого. Нет — дыхание *двух* человек. Уголки большого рта Герт дернулись в усмешке. Кто-то получает за стеной туалета маленькие полуденные радости, судя по звуку. Всего лишь...

— *Отвечай*, когда я тебя спрашиваю, стерва!

От голоса, настолько низкого, что он смахивал на рычание крупного пса, улыбка застыла на губах Герт. — Говори, где она, и говори *сейчас же*.

Герт с такой скоростью выскочила из-за угла приземистого кирпичного строения, что едва не натолкнулась на брошенную инвалидную коляску, после чего наверняка перевернулась бы вверх тормашками. Бритый наголо мужчина в черной мотоциклетной кожаной куртке — Норман Дэниэлс — стоял спиной к ней, сжимая плечи Синтии с такой яростной силой, что его большие пальцы буквально погружались в тощую плоть девушки. Он почти вплотную прижимался лицом к ее лицу, но Герт заметила странный угол переносицы Синтии. Такое ей приходилось видеть и раньше — на собственной физиономии в зеркале. Он сломал Синтии нос.

— Говори, где она, иначе тебе никогда больше не понадобится губная помада, потому что я откушу твой целовальник прямо...

В этот момент Герт перестала размышлять, перестала слышать. Она переключилась на автопилот. Через два шага оказалась рядом с Дэниэлсом. Делая эти два шага, она соединила руки, переплетя пальцы и превратив их в дубину. Затем занесла руки над правым плечом как можно дальше — ей нужна вся сила, которая есть, плюс инерция замаха. За мгновение до того, как она нанесла удар, затравленный взгляд Синтии метнулся в ее сторону, и муж Розы заметил движение глаз девушки. Герт вынуждена была признать, что реакция у него завидная. Просто потрясающая реакция. Она все-таки нанесла удар, и очень сильный, но не в основание шеи, куда намеревалась попасть. Он уже начал поворачиваться, и удар пришелся в боковую часть лица, в то место, где соединяются верхняя и нижняя челюсти. Единственный шанс покончить со всем делом без шума и гама она упустила.

Когда бритоголовый повернулся к ней лицом, первой мыслью Герт было, что тот ел клубнику. Он улыбнулся ей, обнажая зубы, с которых все еще капала кровь. Его улыбка ошеломила Герт и наполнила уверенностью в том, что единственное, чего она добилась, — это неминуемой смерти двух женщин, а не одной. Перед ней стоял совсем не человек. Перед ней стоял дьявол в кожаной мотоциклетной куртке.

— А-а, вот и Герти к нам пожаловала! — воскликнул Норман. — Желаете *померяться силами*, Герти? Ты этого хочешь? *Побороться* со мной? Задавить меня своими буферами в три объёма, ты это собираешься сделать? — Он рассмеялся, похлопывая себя ладонью по груди, подчеркивая этим жестом, насколько смешными кажутся ему ее намерения. Движения сопровождались слабым позвякиванием застежек на куртке.

Герт глянула на Синтию, которая ошарашенно смотрела на свое тело, словно мучительно пыталась понять, куда же, черт возьми, подевалась ее майка.

— Синтия, беги!

Синтия подняла на нее затуманенный взгляд, отступила неуверенно на два шага и попросту прислонилась спиной к кирпичной стене туалета, будто сама мысль о бегстве лишила ее всяких сил. Герт увидела всплывавшие, словно подходящее тесто, синяки на скулах и лбу.

— Герт-Герт-бо-Берт, — нараспев произнес Норман, делая шаг к ней. — Банана-фанна-фо-Ферт, фи-фай-мо-Мерт... *Герт!* — Он засмеялся, точно ребенок, собственному бессвязному бормотанию, затем утер тыльной стороной руки рот, перепачканный кровью Синтии, Герт увидела на его бритом черепе капельки пота, похожие на блестки на платье. — О-о-о, Герти! — заворковал Норман, и теперь верхняя половина его тела начала раскачиваться из стороны в сторону, как тело кобры, выползающей из корзины заклинателя змей. — Я раскатаю тебя, как пласт теста. Я выверну тебя наизнанку, как перчатку. Я...

— Так почему же ты не делаешь этого? — рывкнула она в ответ. — Ты не на школьном выпускном балу, кусок дерьма куриного! Чего ж ты ждешь? Иди, потягайся со мной!

Дэниэлс перестал раскачиваться и усталился на нее, не в силах поверить, что этот мешок с кишками осмелился кричать на него. Осмелился *обозвать* его. За спиной Нормана Синтия, спотыкаясь, сделала еще два или три шага, шурша шортами по кирпичной стене туалета, затем снова остановилась, обессиленно привалившись к стене.

Герт согнула руки в локтях, повернув ладони внутрь, и подняла их перед собой, разведя на расстояние примерно двадцать дюймов. Чуть согнула пальцы. Вжала голову в плечи, набычившись, как разъяренная медведица. Норман увидел ее оборонительную позу, и удивленное выражение исчезло с его лица, уступив место насмешливому.

— Что это ты задумала, Герти? — спросил он. — Насмотрелась кинушек с Брюсом Ли и решила потренироваться на мне? Слушай, у меня для тебя новость — он *мертв*, Герти. Такой же труп, в какой превратишься и ты примерно через пятнадцать секунд — жирная старая чернозадая сучка, валяющаяся в грязи. — Он засмеялся.

Герт неожиданно вспомнила о Лане Клайн, нервно оглядывающейся вокруг, и подумала, что та, возможно, все еще ждет, пока Герт вернется из туалета.

— *Лана!* — закричала она во всю мощь своих легких, — *Он здесь! Если ты еще не ушла, беги и зови на помощь!*

На мгновение муж Розы вздрогнул, словно испугавшись, затем расслабился. Ухмылка снова заиграла на его лице. Он бросил быстрый взгляд через плечо, проверяя, на месте ли Синтия, затем опять посмотрел на Герт, возобновляя покачивания корпусом.

— Где моя жена? — спросил он вкрадчиво. — Скажи, где она, и я, возможно, сломаю тебе всего одну руку. Господи, может быть, я вообще тебя не трону. Она украла мою кредитную карточку. Я хочу вернуть ее, вот и все.

«Я не справлюсь с ним, если пойду в атаку. — Он должен броситься на меня — иначе мои шансы подловить его равны нулю. Но как заставить его броситься на меня?»

В сознании Герт вдруг всплыл Питер Слоуик — некоторые части его тела полиции так и не удалось обнаружить, а большая часть укусов была в определенных местах, — и она подумала, что, возможно, нашла способ вывести его из себя.

— До тебя я не знала, что значит выражение «сожрать с потрохами», педик поганый. Ты придал ему гораздо более широкий смысл. Простого миньета показалось тебе недостаточно, да? Решил полакомиться? Ну, чего же ты ждешь? Идешь в мои объятия, или женщины тебя *пугают*?

В этот раз ухмылка не просто исчезла с его лица; когда Герт назвала его педиком, она пропала с такой неожиданностью, что ей показалось, будто ухмылка упала и с треском, похожим на звон разбившейся сосульки, рассыпалась на куски под его туфлями со стальными набойками на носках. Его тело замерло.

— Я УКОКОШУ ТЕБЯ, СУЧКА ТРЕКЛЯТАЯ! — завопил Норман и бросился в атаку.

Герт развернулась боком, в точности повторяя движение, которому обучала Синтию в тот день, когда Розы вернулась в «Дочери и сестры» с картиной и заглянула в комнату отдыха, превращенную в тренировочный зал. Она задержала руки в нижнем положении чуть дольше, чем тогда, когда показывала женщинам, как правильно выполняется захват, зная, что даже его слепая ярость недостаточна, чтобы полностью гарантировать успех ее попытки: соперник слишком силен и велик, и, если она не поймает его на корпус, он подомнет ее под себя, как асфальтный каток. Норман протянул к ней руки; его губы раздвинулись, он оскалил зубы, готовясь укусить. Герт отступила еще дальше, уткнувшись массивным задом в кирпичную стену, и подумала: «Господи, помоги мне». Затем схватила толстые волосатые запястья обеих рук Нормана.

«Не думай, иначе все испортишь», — приказала она себе, снова поворачиваясь к нему, поддевая мощным бедром и затем делая резкое движение вниз и влево. Она раздвинула ноги, затем согнула их в коленях, и ее сарафан на выдержал нагрузки, разорвавшись от шеи почти до

самой талии с треском, похожим на взрыв узловатого соснового полена в костре.

Движение принесло волшебные результаты. Ее бедро превратилось в рычаг, Норман наткнулся на него и беспомощно взлетел в воздух; выражение ярости на его физиономии сменилось маской потрясения. Он перевернулся в полете и рухнул головой вниз на инвалидную коляску. Коляска подпрыгнула и привалила его сверху.

— Ух ты-ы-ы! — хриплым голосом, напоминающим лягушечье кваканье, произнесла восхищенная Синтия, по-прежнему опираясь о стену.

Из-за угла здания осторожно глянули карие глаза Ланы Клайн.

— Что случилось? Почему ты так крича...

Она увидела мужчину с окровавленным лицом, пытающегося выкарабкаться из-под инвалидной коляски, увидела горящую в его глазах жажду убийства и умолкла на полуслове.

— Беги скорее и зови на помощь! — крикнула ей Герт. — В службу безопасности. Быстрее. Кричи изо всех сил.

Взбешенный Норман оттолкнул коляску в сторону. На лбу его красовалась царапина, но неглубокая, однако из носа кровь хлестала фонтаном.

— За это я тебя убью, — прошептал он. Герт не намеревалась давать ему возможность привести в исполнение свои угрозы. Она приземлилась на него всем телом в броске, которому позавидовал бы сам Крепыш Логан. Надо признать, ей было чем приземляться — двести восемьдесят фунтов, как показало последнее взвешивание, — и попытки Нормана вернуться в вертикальное положение мгновенно прекратились. Его руки разъехались в стороны, как ножи столика для игры в карты, на который водрузили танковый двигатель, а нос, и так пострадавший при падении от удара об инвалидную коляску, уткнулся в утрамбованную грязную землю между стеной туалета и дощатым забором; к тому же под пахом совершенно некстати оказался подлокотник инвалидного кресла, и яички пронзила парализующей силы боль. Он попробовал закричать — во всяком случае, лицо его точь-в-точь походило на лицо человека, издающего дикий вопль, — но смог выдать лишь слабый блеющий звук.

Теперь Герт сидела на нем верхом, низ ее сарафана тоже разорвался, обнажив верхнюю часть бедра; она сидела на нем, не зная, что делать дальше, и вдруг вспомнила то второе или третье терапевтическое занятие, когда Роза наконец набралась мужества заговорить. Первое, о чем она рассказала им, — это о болях в спине, таких невыносимых, что временами даже в ванну ложилась с огромным трудом. А когда она пояснила, откуда взялись эти боли, многие женщины закивали в знак согласия и понимания. Герт тоже кивнула. Теперь же она протянула руку и подпернула разорванный сарафан еще выше, открывая голубые хлопковые трусики гигантского размера.

— Так значит, ты у нас любитель почек, Норман. Значит, ты у нас один из тех скромняг, которые не любят оставлять после себя следы. И еще тебе нравится, как она смотрит на тебя, когда ты бьешь ее по почкам, да? Нравится гримаса боли на ее лице? И то, как она бледнеет? Правда? И когда ее губы становятся совершенно белыми, верно? Я знаю, потому что когда-то у меня был дружок, который любил подобные развлечения. Когда ты видишь болезненное выражение на ее лице, внутри у тебя все становится на свои места, так ведь? Во всяком случае, на какое-то время.

— ...сука... — выдавил он.

— Да, так ты, значит, любитель отбивать почки, это точно, я многое могу определить по человеческому лицу, это мой талант. — Придавливая его коленями, она карабкалась выше и выше по его телу. Ей уже удалось добраться до его плеч. — Одним мужчинам нравятся ноги, другим — зад, третьи балдеют от сисек, а *некоторые* — такие же кретины, как ты, Норман, — тащатся от почек. Слушай, ты, наверное, знаешь старую поговорку: «У каждого свой способ

веселиться, — сказал черт, залезая голым задом в крапиву»...

— ...с меня... — прохрипел он.

— Розы здесь нет, Норми, — сказала Герт, не обращая внимания на его слова и взбираясь еще чуть выше, — но она просила передать тебе привет от ее почек — через мои почки. Надеюсь, ты готов, потому что я больше не могу терпеть.

Она передвинулась в последнем шажке, устраиваясь над его повернутым к ней лицом, и расслабилась. Ах, сладостный момент облегчения.

Сначала Норман, казалось, не сообразил, что происходит. Затем до него дошло. Он завизжал и выгнул спину, пытаясь сбросить ее. Герт почувствовала его движение и снова всей тяжестью пришила его к земле. В душе она удивилась той силе, с которой он продолжал сопротивляться даже после чувствительного падения, когда любой другой наверняка потерял бы сознание.

— Не-ет, не выйдет, буйволенок ты мой, — произнесла она, продолжая опорожнять мочевой пузырь.

Опасность утонуть ему не угрожала, однако Герт никогда не видела столько отвращения и ярости на лице человека. А из-за чего, собственно? Подумаешь, немного тепленькой водички. И если кто-то за всю историю человечества заслуживал того, чтобы на него помочились, так это он, сумасшедший кр...

Норман испустил тягучий нечленораздельный вой, вскинул руки, схватил ее за предплечья и вонзился в них ногтями. Герт закричала (главным образом от неожиданности, хотя боль была действительно адской) и перенесла свой вес чуть ниже. Он в точности предвидел ее движение и потому дернулся всем телом, сильнее, чем в прошлый раз, и ему удалось сбросить ее. Она растянулась у кирпичной стены, повалившись на левый бок. Норман, пошатываясь, поднялся на ноги; по бритой голове и лицу стекали ручьи, с мотоциклетной куртки капало, чистая белая футболка под курткой прилипла к телу.

— Ты нагадила на меня! Ах ты, сука, — прошипел он и бросился на нее.

Синтия подставила ногу. Норман споткнулся и снова грохнулся лицом вниз на инвалидную коляску. Он отполз от нее на четвереньках, затем оглянулся на Герт. Попытался встать и почти преуспел, но упал снова, тяжело дыша и глядя на нее блестящими серыми глазами. Глазами сумасшедшего. Герт шагнула к нему, намереваясь придавить к земле, чтобы он не убежал. Если понадобится, она сломает ему позвоночник, как змее, и сейчас самое время сделать это, потому что он собрался с силами для очередной попытки подняться на ноги.

Норман сунул руку в один из многочисленных карманов на мотоциклетной куртке, и на короткое мгновение, в течение которого у нее похолодело в животе, она замерла, уверенная, что у него пистолет, что сейчас он выпустит ей в живот две-три пули.

«Во всяком случае, я успела помочиться перед смертью», — подумала она.

Хотя то, что он извлек из кармана, не было похоже на пистолет, тем не менее, оружие представляло серьезную опасность — он достал электрошокер. Одна знакомая Герт, жившая на окраине города, пользовалась подобной штукой для уничтожения крыс — таких огромных, что они считали себя за кокер-спаниелей...

— Не хочешь попробовать вот этого? — спросил Норман, все еще стоя на коленях и размахивая перед собой электрошокером. — Хочешь, угощу, Герти? Давай, подходи и получи свою порцию, потому что все равно ты ее получишь, желаешь того или...

Он умолк, с опаской глядя на угол здания туалета. Оттуда до них доносились женские возбужденно-испуганные возгласы. Пока что они звучали достаточно далеко, но быстро приближались.

Герт воспользовалась тем, что он на секунду отвлекся, отступила на шаг, схватилась за

рукоятки валявшейся на боку инвалидной коляски и рывком подняла ее. Затем быстро встала за коляску; рукоятки совершенно потерялись в ее объемистых коричневых ладонях. Она пугала его, толкая коляску в его сторону резкими короткими движениями.

— Ну, подходи, голубчик, — говорила она. — Давай, подходи, почечник. Что же ты стоишь, дерьмо цыплячье? Иди ко мне, педик. Хочешь подогреть меня электричеством? Выставил свой фазер на максимальную мощность? Ну давай же, обними меня. Кажется, у нас еще есть время для последнего танго перед тем, как люди в белых халатах увезут тебя в Саннидейл или другую больницу для свихнувшихся недоумков вроде те...

Он встал во весь рост, оглянулся в сторону приближающихся криков, и Герт подумала: «Какого черта, у меня всего одна жизнь, так почему бы не прожить ее блондинкой?» и запустила в него инвалидную коляску, толкнув изо всех сил. Коляска угодила в самое уязвимое место, и Норман, охнув от боли, упал. Герт бросилась на него, услышав пронзительный крик Синтии секундой позже, чем надо:

— *Осторожно, Герт, он тебя ударит!* Раздался негромкий, но зловещий треск — trrrrrrrssss! — и молния хромированной боли обожгла ногу Герт от лодыжки, которой коснулся электрошокер, до самого бедра. Кожа ее была мокрой от мочи, и это лишь усилило действие оружия Нормана. Все мышцы левой ноги сжались, как веко человека, стоящего в густом дыму, затем отказались ей повиноваться. Герт грохнулась на землю, успев в падении схватить руку с электрошокером и изо всех сил вывернуть ее. Норман взвыл, как кот, которому наступили на хвост, и взбрыкнул ногами, обутыми в жесткие туфли. Один удар пришелся в воздух, но каблук другой ноги угодил в диафрагму чуть ниже груди. Боль вспыхнула так неожиданно и оказалась такой могучей, что Герт на мгновение позабыла о ноге, однако продолжала выкручивать руку с электрошокером до тех пор, пока пальцы Нормана не разжались, и мерзкое приспособление упало на землю.

Отталкиваясь руками и ногами, он пополз от нее, оставляя за собой следы крови, хлеставшей изо рта и разбитого носа. В широко раскрытых глазах застыло изумленное неверие; мысль о том, что *женщина* одержала победу в схватке, не укладывалась у него в уме, возможно, не *могла* проникнуть через корку его сознания. Он выпрямился, шатаясь, глянул в направлении приближающихся голосов — звучащих теперь очень близко — и бросился бежать вдоль дощатого забора назад, к парку развлечений. Герт подумала, что ему не удастся уйти очень далеко, он наверняка привлечет внимание службы безопасности парка; уж слишком он похож на персонаж из фильма «Пятница, тринадцатое».

— Герт...

Заливавшаяся слезами Синтия пыталась переползти к тому месту, где, лежа на боку и следя за убегающим Норманом, стонала Герт. Обратив внимание на девушку, Герт увидела, что та пострадала гораздо серьезнее, чем ей показалось вначале. Похожий на грозовую тучу синяк вздулся над правым глазом, а нос девушки, наверное, никогда больше не примет прежнюю форму.

Герт с усилием встала на четвереньки и поползла к Синтии. Они встретились на полпути и обнялись, стоя на коленях, поддерживая друг друга. Невнятно произнося слова разбитыми губами. Синтия сказала:

— Я и сама бы швырнула его... как ты учила нас, Герт... но он застал меня врасплох...

— Все в порядке, — успокоила ее Герт, осторожно целуя в висок. — Тебе сильно досталось?

— Не знаю... во всяком случае, кровью не харкаю... шаг в нужном направлении. — Она попробовала изобразить улыбку. Попытка причиняла ей явную боль, но Синтия не отступалась. — Ты на него помочилась.

— Да.

— Молодец, сучья ты дочь, — прошептала Синтия и опять расплакалась. Герт прижала ее к себе, так их и обнаружили первые взволнованные женщины, следом за которыми появились работники службы безопасности Эттингера: Герт и Синтия стояли на коленях за стеной туалета рядом с покинутой перевернутой инвалидной коляской, обнявшись, положив голову друг другу на плечи и плача, как два моряка, спасшихся с затонувшего корабля.

В первые смутные мгновения пребывания в приемной реанимационной палаты ист-сайдской больницы Рози показалось, что в небольшой комнате собрались все обитательницы «Дочерей и сестер». Проходя через палату к Герт (и лишь краешком сознания отмечая столпившихся вокруг нее мужчин), она все же обратила внимание, что не хватает по меньшей мере троих: Анны, которая, вероятнее всего, до сих пор не вернулась с поминальной службы по бывшему мужу; Пэм, находившейся на работе в «Уайтстоуне», и Синтии. От мысли о последней она похолодела.

— Герт! — зарыдала она, расталкивая мужчин, не удостоив их даже взглядом. — Герт, где Синтия? Что с ней? Она не...

— Наверху. — Герт попыталась ободряюще улыбнуться Рози, но без особого успеха. Глаза ее распухли и покраснели от слез. — Они сказали, что ей, наверное, придется провести там некоторое время, но опасности нет, Рози. С ней все будет в порядке. Ты хоть знаешь, что у тебя на голове мотоциклетный шлем? И выглядишь ты в нем... я сказала бы, довольно забавно и мило.

Руки Билла принялись распускать ремешок, но Рози даже не заметила, что он снял с нее шлем. Она смотрела на Герт... Консуэло... Робин... Выискивала взгляд, который сказал бы ей, что она заразная, что принесла с собой чуму в их до этого чистый дом. Пыталась обнаружить ненависть в их глазах.

— Извините, — прошептала она. — Простите меня за все.

— За что? — с искренним удивлением переспросила Робин. — Разве ты избила Синтию?

Рози посмотрела на нее в замешательстве, затем перевела взгляд на Герт. Та глянула в сторону, и, проследив за направлением ее глаз, Рози ощутила прилив жуткого страха. Впервые ее сознание зарегистрировало тот факт, что в комнате находятся не только женщины из «Дочерей и сестер», но и полицейские. Двое в штатском, трое в форме.

Полицейские.

Она протянула мгновенно онемевшую руку и вцепилась в ладонь Билла.

— Вам следует поговорить с этой женщиной, — сообщила одному из полицейских Герт. — Все случившееся — дело рук ее мужа. Рози, это лейтенант Хейл.

Все оборачивались теперь, чтобы посмотреть на нее, на жену копа, которая набралась наглости и сбежала от мужа, украв при этом его банковскую карточку, а потом попыталась исчезнуть из его жизни. Все смотрели на нее. Братья Нормана.

— Мэм? — обратился к ней полицейский в штатском, которого Герт представила как лейтенанта Хейла, и на миг его голос показался ей настолько похожим на голос Харли Биссингтона, что она едва не сорвалась на истерический крик.

— Спокойно, Рози, — пробормотал из-за плеча Билл. — Я здесь, и я тебя не оставлю.

— Мэм, что вы можете сообщить нам? — Слава Богу, голос его потерял сходство с голосом Биссингтона. Пожалуй, ей просто показалось.

Рози глянула в окно на асфальтированную дорожку, соединяющуюся с автострадой. Она посмотрела на восток — в ту сторону, откуда придет ночь, поднимающаяся с озера. До наступления темноты осталось всего несколько часов. Она прикусила губу и посмотрела на полицейского. Затем вложила свою руку в ладонь Билла и заговорила хриплым низким голосом, в котором даже сама с трудом узнала собственный.

— Его зовут Норман Дэниэлс, — сообщила она лейтенанту Хейлу.

«Твой голос звучит, как голос женщины на картине, — подумала она. — Ты говоришь, как

Мареновая Роза».

— Он мой муж, он полицейский инспектор, и еще он сумасшедший.

До этого его не оставляло ощущение, что отделившееся от телесной оболочки сознание парит где-то в трех футах над головой, но, когда сучка Герти помочилась на него, все разом переменялось. Теперь вместо того, чтобы чувствовать себя как наполненный гелием воздушный шар, его голова превратилась в плоский камешек, посланный с берега сильной рукой и прыгающий по поверхности озера. Сознание его больше не *плавало*, теперь оно скакало.

И все же он не мог до конца поверить в то, что сделала с ним жирная черномазая стерва. Да, он знал и понимал это, но понимание и вера отстоят подчас на целые миры друг от друга, и его состояние тому замечательный пример. Как будто произошла черная, мрачная трансмутация, превратившая его в некое новое существо, создание, беспомощно скользящее по поверхности восприятия и позволяющее лишь изредка, в странные, стихийно возникающие периоды, когда включалось сознание, мыслить связно.

Он помнил, как в последний раз поднялся на ноги за сатиром, с лицом, кровоточащим от множества порезов и царапин, с забившимся кровью и грязью носом, с болью во всем теле от столкновений с инвалидной коляской, с тяжестью в ребрах и внутренностях, оставшейся после того, как на нем прыгали триста фунтов чернозадой Грязной Герти... но с этими ощущениями еще можно жить, — с этими и многими другими. А вот влага из ее мочевого пузыря, ее запах, сознание того, что на нем не просто моча, а *женская* моча, заставляли его рассудок спотыкаться каждый раз, когда он думал об этом. Ему хотелось кричать, и постепенно мир — тот, с которым он отчаянно желал сохранить разумный контакт, если, конечно, не хотел оказаться в конечном итоге за решеткой, возможно в смиренной рубашке и с изрядной дозой торазина в крови — постепенно этот мир растворялся в тумане.

Продвигаясь вдоль забора, он говорил себе: «Вернись, вернись к ней, ты должен вернуться и убить ее, прикончить ее, задушить за то, что она сделала с тобой, иначе никогда больше не сможешь спать спокойно, это единственный способ сохранить способность *думать*».

Но в глубине души Норман знал, что возвращение бессмысленно и опасно, возвращение ни к чему не приведет и только ухудшит и без того отвратительную ситуацию, в которой он оказался, и потому продолжал бежать.

Наверное, Грязная Герти решила, что его испугал шум приближающихся людей, но она ошибалась. Он обратился в бегство потому, что боль в ребрах не давала ему сделать вдох больше чем на половину объема легких, потому что боль рвала на части внутренности, а яички пульсировали глубокой спазматической болью, знакомой только мужчинам.

Впрочем, и не боль сама по себе заставила его отступить — а то, что она означала. Он побоялся, что, если снова бросится в атаку на Грязную Герти, ей удастся не просто свести поединок вничью, а победить. И потому он побежал, тяжелыми скачками продвигаясь вдоль деревянного забора со скоростью, на которую только способно его измученное тело, а насмешливый голос Грязной Герти преследовал его, как привидение: «Она просила передать тебе привет... от ее почек... через *мои* почки... маленький привет, Норми... получай...»

Затем произошел очередной скачок сознания, совсем небольшой, камешек его рассудка скользнул, отталкиваясь по поверхности реальности, подпрыгнул вверх, в закрытую для восприятия зону, а когда он снова обрел способность мыслить, видеть, слышать, чувствовать, прошло уже некоторое время — не очень продолжительное, секунд пятнадцать, а может, целых сорок пять.

Он бежал по центральной аллее к аттракционам, бежал бездумно, как корова, спасающаяся от стаи оводов, бежал, собственно, *прочь* от выхода из парка, вместо того чтобы стремиться к

выходам, бежал к пирсу, бежал к озеру, где проще простого окружить его, прижать к воде и поймать.

Между тем в его голове завизжал голос отца, главного в мире любителя щупать детские мошонки (а также, если учесть один памятный выезд на охоту, главного в мире любителя позабавиться и более предосудительными, с точки зрения общества, способами). «Это была женщина! — вопил голос Рэя Дэниэлса. — Ты позволил какой-то бабе взять верх над тобой, Норми! Ты позволил, чтобы тебя вздула какая-то стерва!»

Усилием воли он вытолкнул отцовский голос из сознания. Норман достаточно наслушался этих криков при жизни отца; будь он проклят, если станет слушать ту же трепотню теперь, когда старик давно сгнил в могиле. Он позаботится о Герти, позаботится о Розе, расправится с ними всеми, однако нужно поскорее убраться отсюда, чтобы сделать это... смыться прежде, чем все проклятые полицейские парка примутся разыскивать бритого наголо и воняющего мочой мужчину с окровавленной рожой. И без того слишком много людей провожают его ошеломленными взглядами. Неудивительно, от него несет, как из забившегося унитаза, и выглядит он так, словно поцапался с ягуаром.

Норман свернул в аллею между залом видеоигр и аттракционом «Путешествие по южным морям», не зная еще, что собирается предпринять дальше, желая лишь скрыться от паливших на него посетителей парка, прогуливающих по центральной аллее, и тут ему повезло.

Боковая дверь зала видеоигр распахнулась, и из нее показался человек — как предположил Норман, какой-то мальчишка. Он не мог сказать наверняка. Вышедший был маленького роста, как ребенок, и одежда его соответствовала возрасту тинэйджера — джинсы, кроссовки «Рибок», футболка «Майкл Макдермотт» («Я ЛЮБЛЮ ДЕВУШКУ ПО ИМЕНИ ДОЖДЬ» — гласила надпись на ней), но его голова скрывалась под огромной резиновой маской. Маской быка Фердинанда.

На морде Фердинанда расплылась широченная дебильная улыбка. Рога быка были украшены гирляндами цветов. Норман не задумался и на миг, он просто протянул руку и сорвал маску с головы подростка, попутно вырвав клочок волос на макушке, ну да наплевать.

— Эй! — заорал пацан. Баз маски он выглядел лет на одиннадцать. И все же в его голосе чувствовалось больше злости, нежели страха. — А ну-ка отдай, это моя маска! Я ее выиграл! Какого черта ты...

Норман снова протянул руку, сгреб физиономию мальчишки в ладонь и с силой толкнул его. Боковая стена павильона «Путешествие по южным морям» представляла собой обыкновенный брезент, и подросток с воплем полетел спиной вперед, споткнулся, прорвал брезент и скрылся внутри павильона; остались торчать лишь его дорогие кроссовки.

— Скажешь кому-нибудь, вернусь и оторву башку, — пригрозил Норман дергающимся в брезентовой дыре кроссовкам. И бросился назад, на ходу натягивая маску на голову. От маски воняло резиной и мокрыми от пота волосами ее прежнего владельца, но не это волновало Нормана. Его беспокоило то, что в скором времени под маской нечем будет дышать от вони мочи Герти.

Затем его сознание совершило очередной скачок, и на некоторое время он погрузился в озоновую дыру. В этот раз Норман пришел в себя на стоянке в конце Пресс-стрит; он ковылял, прижимая руку к правой стороне груди, каждый вдох сопровождался адской болью. Как он и предполагал, смрад внутри маски оказался нестерпимым, и он содрал ее, обрадованно хватая ртом прохладный воздух, от которого не воняло ни мочой, ни вагиной. Норман посмотрел на зажатую в руке маску и вздрогнул — его потрясло нечто, таящееся в идиотской вкрадчивой ухмылке Фердинанда. Бык с кольцом в носу и цветочным венком на рогах. С ухмылкой существа, у которого что-то похитили, — существа настолько глупого, что оно даже не

подозревает о пропаже. У Нормана возникло импульсивное желание зашвырнуть дерьмовую маску как можно дальше, но он переборол себя. Не стоит забывать о дежурном на выезде с автостоянки, и хотя тот, разумеется, запомнит водителя, проехавшего в маске быка Фердинанда, возможно, он не сразу свяжет его с тем человеком, о котором в ближайшее время его будет расспрашивать полиция. Если с помощью Фердинанда Норману удастся выиграть хоть немного времени, ее следует сохранить.

Он сел за руль «темпо», бросил маску на соседнее сидение, наклонился и соединил провода зажигания. При этом вонь, исходящая от его рубашки, с такой силой ударила в ноздри, что на глазах появились слезы. «Рози сказала, что тебе нравятся почки», — услышал он голос Грязной Герти, чертовой черномазой шлюхи. Норман опасался, что этот голос навечно поселился в его голове — словно кто-то изнасиловал его, оставив в черепе оплодотворенное семя будущего выродка.

«Значит, ты один из тех скромняг, которые не любят оставлять после себя следы».

«Нет, — подумал он. — Нет, не надо. Перестань думать об этом».

«Она просила передать тебе привет от ее почек... через мои почки...», и затем его лицо заливают поток жидкости, вонючей и горячей, как детская лихорадка.

— Нет! — закричал он во весь голос и грохнул кулаком по обивке автомобильного салона. — Нет, она не может! Она не может! ОНА НЕ МОЖЕТ ПОСТУПАТЬ СО МНОЙ ТАК!

Норман размахнулся и стукнул кулаком по зеркалу заднего вида. Оно сорвалось с крепления, ударилось о лобовое стекло, отскочило от приборной доски и упало на пол. Он набросился на лобовое стекло, награждая его ударами, от которых заныли костяшки пальцев, а перстень выпускника Полицейской академии оставил на стекле паутинку трещин, похожих на увеличенную звездочку, отмечающую примечания на книжной странице. Затем занес кулак над баранкой и вдруг замер. Подняв голову, он увидел торчащую под щеткой стеклоочистителя квитанцию оплаты за парковку. Он сфокусировал взгляд на клочке бумаги, постепенно приходя в себя.

Почувствовав, что самообладание начинает возвращаться к нему, пусть даже не так быстро, как хотелось бы, Норман сунул руку в карман, извлек свернутую пачку банкнот и вытащил из нее пятерку. Затем собрался с силами, чтобы не замечать вони (впрочем, от нее просто некуда было деться), натянул на голову маску Фердинанда и медленно подкатил к будке пропускника. Высунувшись из окошка, уставился на дежурного через отверстие для глаз в маске. Он заметил, как дежурный неуверенным движением схватился за дверную ручку, наклоняясь за деньгами, и до него дошло, что тот пьян в стельку.

— Viva el toro! — приветствовал его дежурный и засмеялся.

— Верно, — кивнул в ответ выглядывающий из «форда» бык. — El toro grande.^[3]

— С вас два с полт...

— Оставьте сдачу себе, — отмахнулся Норман и выехал со стоянки.

Он отъехал на полквартила и притормозил у тротуара, чувствуя, что если не снимет маску сейчас же, то и без того к отвратительному запаху добавится вонь его собственной рвоты. Он яростно рванул маску дрожащими от возбуждения пальцами, как человек, увидевший, что к его лицу присосалась пиявка. Затем действительность снова на некоторое время исчезла, произошел очередной скачок сознания, когда рассудок оторвался от реальности, как управляемая ракета.

Норман очнулся за рулем автомобиля, стоящего на перекрестке перед красным сигналом светофора. Во время провала сознания он успел стащить с себя рубашку. На дальнем углу перекрестка светящийся циферблат электронных часов сообщил ему время: семь минут третьего. Оглядевшись, он увидел, что его скомканная рубашка валяется на полу рядом с зеркалом заднего вида, сорванным с крепления, и украденной маской Фердинанда. Грязный Ферди,

сморщившийся, потерявший объемность и казавшийся перекошенным, глядел на него пустыми глазницами, через которые Норман видел коврик перед пассажирским сидением. По-идиотски счастливая улыбка быка почему-то превратилась в почему-то понимающую ухмылку. Но это не страшно. По крайней мере, проклятая резина не сдавливает его лицо. Он включил радио, что оказалось непросто с сорванной ручкой настройки. Приемник по-прежнему был настроен на станцию, передававшую старые хиты, и из колонок раздался голос Томми Джеймса, исполнявшего «Хэнки-Пэнки» в сопровождении группы «Шонбеллс». Норман тут же запел вместе с Томми.

В соседнем ряду дороги сидящий за рулем синего «камри» мужчина, по виду типичный бухгалтер, смотрел на Нормана с опасливым любопытством. Сначала Норман не сообразил, чем вызвал такой интерес, затем вспомнил, что на его физиономии, должно быть, осталась кровь — уже запекающаяся, судя по ощущениям. К тому же он был без рубашки. Об этом надо позаботиться, и как можно быстрее. Между тем...

Он наклонился, подобрал маску, сунул руку внутрь и кончиками пальцев *зажал* резиновые губы Ферди. Затем поднял руку с маской на уровень окна, шевеля пальцами в ритм песни, заставляя быка петь вместе с Томми Джеймсом и «Шонбеллс». Он покачивал рукой вверх-вниз, и казалось, что бык кивает головой в такт музыке. Похожий на бухгалтера мужчина поспешно отвернулся и уставился на стоящую впереди машину. Некоторое время он сидел неподвижно, потом резко наклонился и защелкнул замок, запирающий пассажирскую дверцу. Норман усмехнулся.

Он снова бросил маску на пол и вытер испачканную руку и голую волосатую грудь. Он понимал, что выглядит, мягко говоря, странно, и похож на сумасшедшего, но будь он проклят, если опять наденет мокрую и вонючую рубашку. Мотоциклетная куртка валялась на сидение рядом с ним и, слава Богу, оказалась сухой внутри. Норман натянул куртку и застегнулся до самого подбородка. В этот момент на светофоре загорелся зеленый сигнал, и «камри» рванул с места, как выпущенный из пушки снаряд. Норман тоже проехал перекресток, но с ленивой неторопливостью, подпевая Томми Джеймсу: «Я видел, как она шла по переулку... Ты знаешь, я видел ее в первый раз... Чертовски привлекательная девушка, и совсем одна... Эй, красотка, не позволишь ли подвезти тебя домой?» Песня напомнила ему школьные годы. Какой замечательной была тогда жизнь! Без милой маленькой Роуз, из-за которой все полетело вверх тормашками, и он влип в эти неприятности. По крайней мере до тех пор, пока он не познакомился с ней, когда учился в выпускном классе.

«Где ты, Роуз? — подумал он. — Почему не пришла не этот сучий пикник? Где тебя носит, мать твою?»

— Она на *своем* пикнике, — прошептал эль торо, и в его голосе прозвучали странные интонации — словно он не высказывал свои предположения, а вещал неоспоримую истину, как оракул.

Норман свернул к тротуару, нажал на тормоза, не обращая внимания на запрещающий остановку знак, и снова поднял маску с пола. Опять надел ее на руку, только в этот раз повернул к себе. Он видел собственные пальцы в пустых глазницах, и все же ему казалось, что взгляд быка направлен на него.

— Что ты хочешь сказать — на *своем* пикнике? — переспросил он хрипло.

Его пальцы зашевелились, заставляя двигаться губы маски. Норман не чувствовал пальцев, но видел их. Он подумал, что услышанный им голос принадлежит ему самому, но звучал он *совершенно* по-иному, к тому же не раздавался в голове, как голос отца, и не зарождался в гортани; ему действительно казалось, что слова произнесла маска.

— Ей нравится, как он ее целует, — сообщил ему Фердинанд. — Каково тебе знать это? И

еще ей нравится, как он пользуется руками. Она хочет, чтобы до возвращения он сделал ей хэнки-пэнки, — Бык вздохнул, и его резиновые губы изогнулись в гримасе презрения. — Но ведь все женщины таковы, согласись. Хэнки-пэнки. Буги-вуги. Всю ночь напролет.

— Кто? — заорал Норман на маску. На его висках вздулись и пульсировали вены. — Кто ее целует? Кто ее лапает? И где они? Говори, скотина!

Но бык умолк. Если, конечно, вообще говорил. «И что ты намерен предпринять теперь, Норми?» — этот голос был знаком. Голос горячо любимого папаши. Приятный, как заноза в заднице, но ничего, терпеть можно. И не пугающий. *Другой* же голос внушал страх. Даже если он рождался в его собственной глотке, все равно внушал страх.

— Найти ее, — прошептал он. — Я собираюсь найти ее и показать ей хэнки-пэнки. Во всяком случае, свою версию.

«Да, но каким образом? *Как* ты собираешься разыскать ее?»

Первое, что пришло ему в голову, — это их бордель на Дарэм-авеню. Наверняка в какой-нибудь папке он обнаружит новый адрес Роуз, в этом Норман не сомневался. Но вряд ли у него что-нибудь получится. Дом представляет собой современную крепость. Чтобы проникнуть в него, требуется карточка электронного ключа — по-видимому, очень похожая на его украденную банковскую карточку — и, возможно, нужно знать набор цифр для выключения сигнала тревоги.

И как поступить с людьми, которые там могут оказаться? Конечно, он может перестрелять всех, кто попадется под руку, если дело дойдет до этого, или прикончить тех, кто сунется, и распугать остальных. Служебный револьвер лежит в сейфе гостиничного номера — одно из преимуществ автобусных поездок — однако стрельба, как правило, самое глупое из всех возможных решений. А вдруг ее адрес хранится в памяти компьютера? Скорее всего, так оно и есть, сейчас все пользуются этими игрушками. Скорее всего, пока он будет возиться со шлюхами, требуя сообщить ему пароль и название файла, прибудет полиция и превратит его задницу в решето.

Затем на него снизошло прозрение — в памяти всплыл другой голос, слабый и неотчетливый, как расплывающийся в сигаретном дыму силуэт: «...жалко пропустить концерт, но если мне понадобится эта машина, я не смогу...»

Кому принадлежит этот голос, и чего не сможет его обладатель?

Ответ пришел сам собой через мгновение. Голос принадлежал блондинке. Блондинке с большими глазами и маленькой соблазнительной попкой. Блондинке, которую зовут Пэм. Пэм работает в «Уайтстоуне», Пэм может знать, где находится его бродячая Роуз, Пэм чего-то не может. Чего же она не может? Впрочем, если призадуматься, если натянуть на макушку шляпу охотника и заставить чуть-чуть потрудиться мозг блестящего детектива, ответ, в общем-то, не так уж и сложен, правда? Она вынуждена пропустить концерт, а из-за чего? Из-за того, что не сможет уйти с работы. А поскольку концерт, который она пропускает, состоится сегодня вечером, то вполне вероятно, что он застанет ее в отеле. И даже если ее нет, то скоро она должна появиться. А если она знает, то уж он-то заставит ее рассказать. Панки-роки с крашеными волосами не сказала, но только потому, что у него не хватило времени, чтобы выколотить из нее нужные сведения. В этот раз, однако, в его распоряжении будет все время мира. Уж он-то об этом позаботится.

Напарник лейтенанта Хейла Джон Густафсон доставил Рози и Герт Киншоу в третий полицейский участок на Лейкшор. Билл следовал за ними на своем мотоцикле. Рози то и дело поворачивала голову, проверяя, не отстал ли он. Герт обратила внимание на ее поведение, но оставила без комментариев.

Хейл представил Густафсона как «свою лучшую половину», но в действительности Хейл являлся, как выразился бы Норман, альфа-псом; Рози догадалась с первой же секунды, когда увидела их вместе. Она поняла распределение ролей в паре по тому, как Густафсон смотрел на Хейла, как проводил взглядом, когда тот занимал место на пассажирском сиденье неприметного «каприса». Подобную картину ей тысячу раз доводилось наблюдать раньше в собственном доме.

Они проехали мимо часов над входом в банк — тех же самых, на которые незадолго до них смотрел Норман, — и Рози, вытянув шею, увидела цифры: 4:09. День растянулся, как жевательная резинка.

Она оглянулась через плечо, опасаясь, что Билл отстал или затерялся, в глубине души уверенная, что именно так и должно случиться. Но он по-прежнему следовал за ними. Билл улыбнулся ей, поднял руку и приветственно помахал. Она помахала в ответ.

— По-моему, довольно милый молодой человек, — заметила Герт.

— Да, — согласилась Рози, однако ей не хотелось продолжать разговор о Билле, особенно в присутствии двух полицейских, прислушивающихся с передних сидений к каждому сказанному ими слову. — Тебе следовало остаться в больнице. Пусть бы они посмотрели внимательно, не повредил ли он тебе что-нибудь своим дурацким электрошокером.

— Черт возьми, для меня это даже полезно, — усмехнулась Герт. Поверх разорвавшегося сарафана на ней был накинут больничный халат в синюю и белую полоску. Я впервые чувствовала себя по-настоящему проснувшейся с тех пор, как потеряла девственность в лагере юных баптистов в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году.

Рози попыталась изобразить ответную улыбку, но лишь жалобно скривилась.

— Надо полагать, пикник на этом закончился? — спросила она.

Герт бросила на нее недоуменный взгляд.

— Что ты имеешь в виду?

Рози посмотрела на свои руки и не без удивления увидела, что они сжаты в кулаки.

— Я имею в виду *Нормана*. Скунса на пикнике. Одного большого вонючего б... скунса.

Она услышала слетевшее с собственных уст слово и не поверила своим ушам: как она решилась произнести его, особенно на заднем сидении полицейской машины, в которой два детектива. Еще сильнее Рози удивилась, когда сжатая в кулак левая рука вдруг размахнулась и треснула по панели левой дверцы чуть выше открывающей окно ручки.

Сидевший за рулем Густафсон заметно подпрыгнул. Хейл оглянулся, повернув к ней бесстрастное лицо, затем снова посмотрел вперед. Кажется, он что-то негромко сказал своему напарнику. Рози не расслышала; впрочем, ей было плевать.

Герт взяла ее за мелко подрагивающую, сжатую в кулак руку и принялась усердствовать над ней, как массажист над сведенной судорогой мышцей.

— Все в порядке, Рози, — успокаивала она рокочущим, как двигатель грузовика на холостом ходу, голосом.

— Да нет же! — закричала Рози. — Какой там черт в порядке, как ты можешь говорить? — В глазах зашипало от слез, однако ей и на это было наплевать. Впервые за взрослую жизнь она плакала не от унижения, стыда или страха, а от злости. — Ну какого дьявола ему надо? Почему

он не хочет оставить меня в покое? Он избивает Синтию, он портит пикник... блядский Норман! — Она снова хотела было ударить по дверце, но Герт сжала ее кулак стальной хваткой. — Блядский *скунс Норман!*

Герт согласно кивала головой:

— Все верно, блядский скунс Норман.

— Он как... родимое пятно! Чем сильнее его трешь, чтобы избавиться от него, тем заметнее оно становится! Проклятый Норман! Долбаный, вонючий, сумасшедший Норман! Я ненавижу его! *Я ненавижу его!*

Она замолкла, тяжело дыша. Лицо ее излучало ярость, щеки стали мокрыми от слез... но она не могла сказать, что ей плохо.

«Билл! Где Билл?»

Рози внезапно обернулась, *уверенная*, что уж в этот раз его точно не будет, но Билл ехал за ними. Он помахал ей рукой. Она ответила и снова повернулась, чувствуя, как возвращается спокойствие.

— Да, Рози, устроила ты нам проповедь. Черт возьми, ты имеешь полное право слегка сойти с ума. Но...

— О да, это я сошла с ума, все верно.

— ...но незачем думать, что он испортил нам день.

Рози растерянно заморгала.

— Что? Но как они смогут продолжать? После...

— А как *ты* могла продолжать после того, как он столько раз избивал тебя?

Рози всего лишь покачала головой, не понимая.

— В некоторой степени это можно считать проявлением терпимости, — сказала Герт. — Отчасти обыкновеннейшее упрямство, не стану отрицать. Но прежде всего, Рози, мы хотим показать миру наше лицо. Мы хотим доказать, что нас не так-то легко вывести из себя. Думаешь, подобное происходит впервые? Ха-ха. Норман худший из всех, но далеко не первый. А что ты делаешь, когда на пикнике появляется скунс и забрызгивает все вокруг своей зловонной жидкостью? Ты ждешь, пока ветер не развеет вонь, и продолжаешь веселиться. Именно это и происходит сейчас в Эттингер-Пиере, и дело совсем не в договоре, который мы подписали с «Индиго Герлс». Мы продолжаем, чтобы доказать прежде всего самим себе: никто не сможет кулаком вышибить из нас жизнь... наше *право* на жизнь. Конечно, некоторых уже и след простыл — думаю, Дана Клайн со своими пациентками возглавила ряды беглецов, — но остальные будут веселиться до конца. Мы не успели еще отъехать от больницы, как Консуэло и Робин отправились назад в Эттингер.

— Молодцы ребята, — вставил с переднего сиденья лейтенант Хейл.

— Как вы позволили ему уйти? — набросилась на него с обвинениями Рози. — Господи, вы хоть знаете, как ему удалось скрыться?

— Ну, если придерживаться истине, не *мы* его упустили, — мягко поправил ее Хейл. — Промашка на совести службы безопасности Эттингера; к тому времени, когда прибыли первые полицейские городского управления, вашего мужа и след простыл.

— Как мы выяснили, он отнял у мальчика резиновую маску, — вступил в разговор Густафсон. — Большую, которая надевается на всю голову. Натянул ее и смылся. Должен сказать, что ему крупно повезло.

— Ему *всегда* везло, — с горечью в голосе заметила Рози. Они въезжали на стоянку перед зданием полицейского участка; Билл не свернул вслед за ними. Рози повернулась к подруге. — Ладно, можешь отпустить мою руку.

Герт поддалась на ее уловку, и кулак Рози тут же грохнул о дверцу. В этот раз она здорово

ушибла руку, но какой-то только что родившейся части ее самосознания боль доставила странное удовольствие.

— Ну почему он не хочет оставить меня в покое? — повторила она свой вопрос, ни к кому не обращаясь. И все же услышала ответ. Ей ответил чувственный низкий голос, прозвучавший в глубине ее разума.

«Он не будет твоим мужем. Он не будет твоим мужем, Розы Настоящая».

Она опустила голову, глядя на свои руки, и увидела, что они покрылись гусиной кожей.

Его разум снова воспарил — выше, выше и прочь, как пела когда-то эта рыжая сучка Мэрилин Макку — очнувшись, обнаружил, что пытается втиснуть «темно» на очередной пяточок стоянки. Он не мог понять, где находится, но подумал, что, скорее всего, приехал в подземный гараж в половине квартала от «Уайтстоуна», где уже оставлял машину. Наклоняясь, чтобы рассоединить провода зажигания, он увидел датчик уровня топлива в баке, и кое-что показалось ему довольно интересным: стрелка упиралась в правый край шкалы. Значит, во время провала сознания он заезжал на заправку. Но почему он это сделал?

«Потому что на самом деле я останавливался не ради бензина», — ответил Норман самому себе.

Он снова подался вперед, намереваясь глянуть на себя в зеркало заднего вида, но вспомнил, что оно валяется на полу. Подняв его, он поднес зеркало к лицу. На него уставилась распухшая в нескольких местах физиономия в ссадинах и кровоподтеках; огромное количество следов, свидетельствовавших о недавней драке, но крови не было. Следовательно, пока служащий заправки заливал бак его «форда», он смыл кровь в туалете заправочной станции. Что ж, в таком виде он уже может появляться на улице — во всяком случае, если удача не изменит ему, — и это хорошо.

Рассоединяя провода зажигания, он задумался на мгновение, определяя, который сейчас час. Узнать неоткуда; он не носил часов, никто не догадался установить их на вшивеньком «форде», и даже спросить не у кого. Да, впрочем, так ли это важно? Какое...

«Нет, — мягко произнес знакомый голос. — Совершенно неважно. Время не должно тебя волновать».

Он опустил голову и увидел маску быка, уставившуюся на него со своего места на резиновом коврик перед пассажирским сидением: пустые глаза, всезнающая сморщенная улыбка, идиотские украшенные цветами рога. Ему тут же захотелось надеть ее. Глупо, конечно, он испытывал отвращение к цветочным веночкам на рогах, еще сильнее ненавидел дебильную улыбку счастливого кастрата... но, как знать, возможно, маска принесет ему удачу. Разумеется, на самом деле она не разговаривает, все это фокусы его сознания, однако без нее он наверняка не смог бы выбраться из Эттингер-Пиера. В этом никто не сомневается.

«Ну хорошо, хорошо, — подумал он, — *viva el toro*» и наклонился, чтобы поднять маску с пола.

Затем, казалось, без малейшего перерыва в происходящем он шагнул вперед и, обхватив руками талию блондинки, сдавил ее сильно-сильно-сильно, чтобы девушка не смогла набрать в грудь воздуха и закричать. Она только что появилась из двери с табличкой «ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА» толкая перед собой тележку, и он подумал, что, наверное, прождал здесь некоторое время, но это неважно, совершенно неважно, потому что они опять возвращаются за дверь с табличкой «ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА», только вдвоем, — Пэм и ее новый друг Норман, *viva el toro*.

Она дергалась и вырывалась, пытаясь ударить его ногой, и некоторые удары приходились в кость голени, но он их почти не чувствовал, потому что она была обута в мягкие кроссовки. Он освободил одну руку, без труда придерживая ее другой, закрыл за собой дверь и запер на задвижку. Быстро огляделся, убеждаясь, что они одни. Суббота, предвечерний час, самая середина уик-энда, здесь должно быть пусто... и действительно, в подсобке никого не было. Узкая и длинная комната с небольшим рядом шкафчиков для одежды в дальнем конце. В подсобной комнате царил удивительный запах — аромат выстиранного и наглаженного белья,

пробудивший у Нормана воспоминания о днях стирки в родительском доме, когда он был еще совсем маленьким.

На полочках с одной стороны комнаты возвышались стопки аккуратно свернутых простыней и наволочек, чуть дальше стояли корзины с пушистыми ванными полотенцами. У другой стены расположился целый склад одеял. Норман толкнул Пэм на одеяла, без малейшего интереса наблюдая за тем, как ее форменная юбка задралась при падении, открывая бедра. Его сексуальные потребности ушли в отпуск, а может быть, и на пенсию, и это, наверное, тоже неплохо. За прошедшие годы та штука, что болтается у него между ног, втянула его во многие неприятности. Забавный вывод из серии тех, которые способны заставить поверить, что Господь Бог имеет гораздо больше общего с Эндрю Дрисом Клэем, чем это кажется. Двенадцать лет вы этого не замечаете, а следующие пятьдесят— или даже шестьдесят — половые прихоти волокут вас за собой, как взбесившийся бритоголовый тасманийский дьявол.

— Не вздумай кричать, — пригрозил он ей. — Не вздумай кричать, Пэмми. Если пикнешь, убью.

Разумеется, он не намеревался исполнять свою угрозу — по крайней мере сразу, — но ей-то откуда знать?

За миг до этого Пэм сделала глубокий вдох; теперь же она медленно и неслышно выпустила воздух из легких. Норман заметно расслабился.

— Пожалуйста, не трогайте меня, — заскулила она, и *это* уже оригинально, *этого* он прежде никогда не слышал, нет-нет, ну что вы!

— И не собираюсь, — с теплотой в голосе заверил он ее, — Я не собираюсь причинить тебе боль. — Что-то зашевелилось в заднем кармане. Он сунул туда руку и нащупал резину. Маска. Нельзя сказать, чтобы он удивился. — Все, что мне надо от тебя, это узнать то, что я хочу знать, Пэм. Ты мне это скажешь, и мы, счастливые и довольные, разойдемся каждый в свою сторону.

— Откуда вам известно, как меня зовут?

Он ответил ей уклончивым пожатием плеч, которое часто применял при допросах подозреваемых, словно говоря — ему известно многое, в этом и заключается его работа.

Она сидела на свалившейся куче темно-коричневых одеял, точно таких же, как и то, что покрывало его постель в номере на девятом этаже, и разглаживала юбку на коленях. Надо отдать ей должное, глаза у нее замечательные, такого редкого сочного синего цвета. На нижнем веке левого глаза собралась слезинка, дрогнула и покатилась по щеке, оставляя черный след туши для ресниц.

— Вы хотите изнасиловать меня? — спросила она, глядя на него своими бесподобными по-детски синими глазами, роскошными глазами — имея такие глазки, можно свести с ума любого мужика, правда, Пэмми? — однако он не замечал в них того, что хотел. А хотел он увидеть взгляд, знакомый ему по камерам, взгляд человека, который после допроса, продолжавшегося целый день и половину ночи, готов сломаться: жалкий, униженный, умоляющий взгляд, утверждающий: «Я скажу вам все, все, что хотите, только оставьте меня в покое хоть ненадолго». Он не видел этого взгляда в глазах Пэмми. Пока.

— Пэм...

— Пожалуйста, не надо насиловать меня, прошу вас, не надо, но если вы все-таки собираетесь сделать это, прошу вас, воспользуйтесь презервативом, я так боюсь СПИДа...

Он уставился на нее потрясенный, потом разразился хохотом. От смеха у него свело живот, вернулась невыносимая боль в груди и еще сильнее заболело лицо, но какое-то время Норман просто не мог остановиться. Он говорил себе, что *обязан* остановиться, что кто-нибудь из администрации отеля, проходя мимо, решит полюбопытствовать, что же так развеселило кого-то, и попытается заглянуть в подсобку, но даже *эта* доводы не помогли; он просто должен

отсмеяться, пока приступ не закончится сам собой.

Блондинка смотрела на него сначала удивленно, затем тоже робко улыбнулась. Улыбнулась с надеждой.

С огромным трудом Норману удалось взять себя в руки, хотя к тому времени глаза его все еще слезились от смеха.

— Господи, не собираюсь я тебя насиловать, Пэм, — выдавил он наконец, после того как приступ смеха ослабел настолько, чтобы его слова не показались неискренними.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — снова спросила она. В этот раз ее голос звучал более уверенно.

Он выдернул из кармана маску, сунул руку внутрь и принялся шевелить ею, как тогда, на улице, перед глазающим на него похожим на бухгалтера водителем «камри».

— Пэм-Пэм-бо-Бэм, банана-фанна-фо-Фэм, фи-фай-мо-Мэм, — заставил петь маску. Он покачивал рукой вперед-назад, как Шери Льюис со своей трахнутой отбивной из ягнатины, только теперь это не ягненок, а бык, кастрированный бык-недоумок с цветочками на рожках. На всей земле не найдется причины, по которой он мог бы испытывать к Фердинанду теплые чувства... однако следует признаться честно — проклятый бык ему чем-то нравился.

— Ты тоже мне чем-то нравишься, — признался кастрированный бык-недоумок, глядя на Нормана своими пустыми глазницами. Затем повернулся к Пэм и с помощью Нормана, чьи пальцы заставляли двигаться его губы, спросил: — У тебя что, какие-то проблемы?

— Н-н-нет, — промямлила она, и выражение глаз, которого ему так не хватало, все не появлялось и не появлялось, хотя наметились признаки прогресса: он приводил ее в трепетный ужас — они приводили ее в ужас, — в этом можно не сомневаться.

Норман присел на корточки, свесив руки между коленями; морда Фердинанда была теперь обращена к полу. Он посмотрел на нее с искренним сочувствием.

— Клянусь, больше всего на свете ты хотела бы, чтобы я убрался из этой комнаты и из твоей жизни, правда же, Пэм?

Она кивнула с такой силой, что волосы подпрыгнули на плечах.

— Да, я понимаю и полностью с тобой согласен. Ты скажешь мне одну вещь, и я растаю, как прохладный бриз. И ответ не представляет собой ничего сложного. — Он подался к ней; рога Фердинанда уперлись в пол. — Все, что мне надо, — это знать, где Роуз. Роуз Дэниэлс. Где она живет.

— О мой Бог! — С лица Пэм исчезли последние краски — два розовых пятна на скулах, — а глаза расширились так, что им, казалось, стало тесно. — О мой Бог! Это вы! Вы Норман.

Он испугался и разозлился — *ему* полагалось знать ее имя, именно на этом все и построено, но *она* не должна знать, как его зовут, — после чего события приняли неожиданный оборот. Пока он реагировал на произнесенное ею имя, она вскочила на ноги и едва не убежала. Он бросился за ней, протягивая правую руку с надетой на нее маской быка Фердинанда. Краешком сознания слышал свой голос, кричавший, что Пэм от него не уйдет, что он намерен поговорить с ней, поговорить сейчас же и начистоту.

Норман схватил ее за горло. Она издала сдавленный хрип — его рука не позволила закричать — и рванулась с отчаянной силой, о которой и не подозревал. И все же он удержал бы ее, но помешала маска. Резиновая морда быка соскользнула с руки, и Пэм бросилась к двери, она упала у двери, размахивая вытянутыми в стороны руками, и в течение нескольких секунд Норман не мог сообразить, что же случилось потом.

Раздался звук, сочный хлопок, похожий на звук вылетевшей из бутылки шампанского пробки, после чего руки Пэм задержались, колотя по двери, а шея изогнулась под странным углом, как шея человека, наблюдающего за торжественной церемонией поднятия флага на

патриотическом празднике.

— Эй? — окликнул ее Норман, и Ферди поднялся перед ним на его же руке. Перекошенная морда быка показалась ему пьяной. — Пфффф, — скривил губы Фердинанд. Норман сорвал маску с руки и сунул ее в карман, слыша новый звук, напоминающий весеннюю капель. Он посмотрел вниз и увидел, что цвет кроссовки на левой ноге Пэм вместо белого стал красным от крови, кровь стекала по двери длинными полосами. Руки Пэм все еще дергались. Норману они напомнили бьющихся в клетке маленьких птиц.

Казалось, она приклеилась к двери, и, шагнув вперед, Норман понял, что в некотором смысле так оно и есть. На внутренней стороне двери оказался крючок вешалки. Вырвавшись из его рук, она бросилась вперед и упала лицом на крючок, вонзившийся в ее левый глаз.

— Черт бы тебя побрал, Пэм. Какая же ты дура! — чертыхнулся Норман. Его охватили растерянность и страх. Перед глазами стояла идиотская ухмылка Фердинанда, в ушах звенело его «Пффф!», словно дурацкий эпизод мультфильма студии «Уорнер Бразерс».

Он снял Пэм с крюка. При этом раздался неопишимо отвратительный звук трущейся о металл кости. Ее целый глаз — показавшийся ему еще синее, чем прежде, — устоялся на него в безмолвном ужасе.

Затем она раскрыла рот и закричала. Норман не имел времени на раздумья; руки его действовали автоматически. Они схватили ее за щеки, дригались большими ладонями к изящной линии нижней челюсти и резко повернули голову. Послышался короткий сухой треск — словно треск кедровой шишки под ногами, — и тело в его руках мгновенно обмякло. Пэм умерла, и все, что она знала или могла знать о Роуз, умерло вместе с ней.

— Ах ты ж дура набитая, — выдохнул Норман. — наделась глазом на крючок вешалки, ну не глупость ли это, мать твою?

Он грубо встряхнул ее. Голова Пэм, не поддерживаемая позвоночником, безвольно болталась из стороны в сторону. На груди белого форменного платья появилась красная салфетка. Он оттащил тело от двери и бросил на кучу одеял. Она растянулась в неестественной позе раздвинутыми ногами.

— Сука ненасытная, — бросил ей Норман. — Даже после смерти не можешь не заигрывать. — Он поддел носком туфли одну ногу и перекинул за другую. Рука Пэм свалилась с бедра и упала на одеяло. Он заметил дешевый пурпурный браслет на ее запястье — смахивающий на обрывок витого телефонного шнура. На браслете висел ключ.

Норман посмотрел на ключ, затем перевел взгляд на шкафчики в дальнем конце подсобки. «Норман, тебе нельзя там показываться, — предупредил его отцовский голос. — Я знаю, о чем ты думаешь, но ты настоящий псих, если собираешься совать нос в их избушку на Дарэм-авеню».

Норман усмехнулся. «Ты настоящий псих, раз собираешься проникнуть туда». Если задуматься, даже немножко забавно. Кроме того, куда ему осталось идти? Что еще попробовать? Времени у него почти не было. Подоженные мосты весело пылали за спиной — все до единого.

— Время не имеет значения, — пробормотал Норман Дэниэлс, стягивая браслет с руки Пэм. Он направился к шкафчикам и на время зажал браслет с ключом в зубах, освобождая руки, чтобы левой натянуть на правую маску быка. Затем поднял Фердинанда, давая ему возможность осмотреть таблички на шкафчиках.

— Тут, — заявил Фердинанд, потираясь резиновой мордой о дверку шкафчика с табличкой «ПЭМ ХЕЙВЕРФОРД».

Ключ вошел в замочную скважину. Внутри оказалась пара джинсов, футболка, спортивный купальник, пакет с набором вещей для душа и сумочка Пэм. Норман взял сумочку, вернулся к

рядом корзины и вытряхнул содержимое на стопку свежих полотенец. Затем принялся водить рукой с надетой на нее маской над рассыпанными предметами. Фердинанд кружил над полотенцами, как странный шпионский спутник.

— Вот то, что тебе нужно, дружище, — пробормотал бык.

Среди косметики, бумажек и салфеток Норман нашел тонкий ломтик серого пластика. С его помощью он откроет дверь публичного дома на Дарэм-авеню, в этом можно не сомневаться. Зажав электронный ключ в кармане, он повернулся было, чтобы уйти...

— погоди, — остановил его эль торо. Он наклонился к уху Нормана — цветочные гирлянды опустились на макушку — и что-то зашептал.

Норман выслушал его и кивнул в знак согласия. В очередной раз стащив маску с влажной от пота руки, он сунул ее в карман и замер над горкой бумажного мусора из сумочки Пэм. В этот раз он исследовал каждый клочок с дотошной придирчивостью, словно изучая, по его же собственному выражению, «сцену события»... хотя обычно пользовался для этих целей кончиком карандаша или ручки, а не кончиками пальцев.

«Что-что, а отпечатки пальцев сейчас не главная проблема, — подумал он и засмеялся. — Уже не проблема».

Он отодвинул в сторону бланки счетов и поднял маленькую красную записную книжку со словами «ТЕЛЕФОНЫ, АДРЕСА» на обложке. Открыл букву «Д», нашел телефонный номер «Дочерей и сестер», но его интересовало не это. Он вернулся к первой странице блокнота, где среди каракулей, выведенных рукой Пэм — большей частью изображавших глаза и карикатурные галстуки-бабочки, — имелось множество цифр. Однако все они, видимо, являлись телефонными номерами.

Он открыл последнюю страницу, второе наиболее вероятное место. Снова телефонные номера, снова глава, снова галстуки-бабочки... а в середине, обведенные аккуратным прямоугольником и помеченные двумя звездочками, четыре цифры: 0471

— Вот это да! — прошептал он. — Придержите свои карты, ребята. Кажется, я сорвал джек-пот. Я не ошибся, как ты думаешь, Пэм?

Норман вырвал страницу из записной книжки Пэм, сунул ее в передний карман брюк и на цыпочках приблизился к двери. Он прислушался. Ни звука. Облегченно выдохнув, дотронулся до края листка бумаги, который только что сунул в карман. Его сознание совершило очередной скачок, и в последовавший отрезок времени он не помнил ровным счетом ничего.

Хейл и Густафсон привели Рози и Герт в угловую комнату полицейского участка, очень напоминавшую салон для светских бесед: старая, но довольно удобная мебель без всяких письменных столов, за которыми, как правило, восседали суровые, с неприступным видом полицейские. Они опустились на выцветший зеленый диван, припаркованный между автоматом газированных напитков и столиком с тостером и кофеваркой. Вместо мрачных портретов наркоманов и жертв СПИДа над кофеваркой красовался плакат туристического агентства, рекламирующий швейцарские Альпы. Детективы вели себя спокойно и доброжелательно, задавали вопросы тихо и уважительно, но ни их отношение, ни царившая непринужденная, неофициальная обстановка не помогли Рози. Она по-прежнему злилась, разъяренная, как никогда в жизни; другим преобладающим чувством стал страх. Страх внушало ей само пребывание в полиции.

Несколько раз на протяжении бесконечного пинг-понга вопросов и ответов она с трудом сдерживала эмоции, готовые выплеснуться через край, и каждый раз, когда это происходило, она бросала взгляд в противоположный угол комнаты, где за невысоким барьером, на котором висела табличка «ДАЛЕЕ ВХОД РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО СОТРУДНИКАМ ПОЛИЦИИ», ее терпеливо дожидался Билл.

Рози понимала, что ей следует встать, подойти к нему и сказать, что не стоит ждать ее, пусть он просто отправляется домой и позвонит завтра, но не могла заставить себя сделать это. Она нуждалась в нем, ей хотелось, чтобы он стоял за ограждением, точно так же, как хотелось видеть его сзади на «харлей-дэвидсоне», когда копы везли ее сюда, — он был необходим ей, как необходима настольная лампа проснувшемуся среди ночи ребенку с чересчур развитым воображением.

Рози преследовали жуткие, сумасшедшие мысли и образы. Она *понимала*, что все это — настоящее безумие, но легче не становилось. Ненадолго они оставляли ее, и она просто отвечала на вопросы, не думая и не видя ничего, но потом эти ужасы возвращались и снова набрасывались на нее. Рози казалось, что Норман где-то внизу, в подвале, что они *прячут* его там, конечно, прячут, потому что полиция — одна большая семья, а все копы в ней — братья, а женам копов не позволено убегать от своих мужей и жить самостоятельной жизнью, несмотря ни на что. Норман надежно запрятан в какой-нибудь укромной комнатке в подвале, откуда наружу не прорывается ни один звук, даже если кричать во всю мощь легких, — в комнатку с сырыми бетонными стенами и единственной тусклой лампочкой, подвешенной на проводе под потолком, и, как только закончится эта бессмысленная комедия допроса, они отведут ее к нему. Они отведут ее к Норману.

Глупость несусветная. Но Рози только тогда *понимала* всю глупость своих мыслей, когда поднимала голову и видела Билла, стоящего за невысоким ограждением, наблюдающего за ней и ожидающего, пока закончатся формальности, чтобы отвезти ее домой на своем железном пони.

Они снова и снова возвращались к одним и тем же вопросам, которые задавал то Густафсон, то Хейл, и хотя Рози не догадывалась, что партнеры исполняют роли хорошего и плохого копа, ей хотелось, чтобы они поскорее закончили задавать ей нескончаемые вопросы и подсовывать бесчисленные бланки и отпустили ее с Богом. Может, когда она выйдет на воздух, постоянные метания между страхом и яростью слегка поутихнут.

— Пожалуйста, расскажите еще раз, каким образом фотография мистера Дэниэлса оказалась в вашей сумочке, мисс Киншоу, — произнес Густафсон. В руке он держал недописанный протокол допроса и ручку «Бик». Полицейский то и дело сосредоточенно

хмурился; Рози он напоминал школьника, вытаскившего на экзамене билет, ни на один вопрос которого он не знает ответа.

— Я уже дважды вам рассказывала, — устало откликнулась Герт.

— Это будет последний раз, — заверял ее Хейл мягко.

Герт посмотрела на него.

— Честное слово скаута?

Хейл улыбнулся — располагающей к себе улыбкой — и кивнул.

— Честное слово скаута.

И Герт в третий раз поведала им о том, как они с Анной рискнули связать смерть Питера Слоуика с Норманом Дэниэлсом и как получили по факсу фотографию последнего. Затем она перешла к эпизоду в парке, когда обратила внимание на человека в инвалидной коляске, на которого кричал кассир из будки. Рози уже дважды слышала ее рассказ, но мужество Герт все еще изумляло ее. Когда Герт приступила к описанию схватки с Норманом за стеной туалета в парке, пересказывая события тоном женщины, оглашающей составленный ею список предстоящих покупок, Рози взяла ее большую сильную руку и крепко сжала.

Изложив историю до конца, Герт посмотрела на Хейла и вопросительно вскинула брови.

— Достаточно?

— Да, — ответил Хейл. — Все прекрасно. Синтия Смит должна благодарить вас, вы спасли ей жизнь. Работай вы в полиции, я представил бы вас к очередному званию.

— Я не выдержала бы экзамена на физическую подготовку, — хмыкнула Герт. — Малость толстовата.

— Все равно, — ответил Хейл, глядя ей в глаза без тени улыбки.

— Что ж, спасибо за комплимент, но прежде всего мне хотелось бы услышать от вас, что вы его поймаете.

— Мы его поймает, — вставил Густафсон. В его голосе отчетливо слышалась полная убежденность, и Рози невольно подумала: «Не знаешь ты моего Нормана, приятель».

— Надеюсь, вы разобрались с нами? — осведомилась Герт.

— С вами да, — уточнил Хейл. — А вот мисс Макклендон мне хотелось бы задать еще несколько вопросов... вы в состоянии ответить на них? Если нет, они могут подождать. — Он помолчал. — Хотя, конечно, они не *должны* ждать, верно? Мы ведь оба это прекрасно понимаем, не так ли?

Рози на минутку прикрыла глаза, потом опять посмотрела на копа. Повернулась к Биллу, стоящему на своем месте за ограждением, перевела взгляд на Хейла.

— Спрашивайте все, что вам нужно, — сказала она. — Только заканчивайте поскорее. Я хочу домой.

В очередной раз Норман пришел в сознание в тот момент, когда выбирался из «темпо» на тихой улочке, в которой он сразу признал Дарэм-авеню. Он припарковался в полутора кварталах от Дворца современных проституток. Еще не стемнело, но вечер близился; густые бархатные тени под деревьями производили почему-то похотливо-чувственное впечатление.

Он оглядел себя и понял, что перед тем, как приехать сюда, по всей видимости, зашел в свой номер. От него пахло мылом, на нем была другая одежда. И очень даже подходящая одежда для предстоящего дела; легкие твидовые брюки, футболка, закрывающая горло, синяя рубашка навыпуск. Он выглядел, как человек, заглянувший в конце недели в находящийся на его попечении дом, чтобы исправить поломку в газовой плите или...

— Или проверить, как функционирует система сигнализации, — пробормотал он себе под нос, улыбаясь. — Очень смело, сеньор Дэниэлс. Очень смело с вашей сторо...

Панический страх ударил его, как разряд молнии. Он хлопнул ладонью по левому заднему карману брюк. Ничего, кроме выпуклости бумажника. Пощупал правый — и шумно вздохнул с облегчением, ощутив под твидовой тканью мягкую резиновую маску. Очевидно, он позабыл захватить с собой служебный револьвер — оставил его в сейфе номера в отеле, — но взял маску, которая показалась ему гораздо более важной, чем оружие. Сумасшедшая мысль, но именно так оно и было.

Он зашагал по тротуару к дому номер двести пятьдесят один. Если в нем окажется несколько шлюх, он возьмет их в заложники. Если шлюх будет слишком много, то попытается удержать столько, сколько сможет — вероятно, человек пять-шесть, — остальных же отправит к праотцам. А потом начнет убивать их одну за другой, пока кто-нибудь не расколется и не выложит ему адрес Роуз. Если никто не знает адреса, он прикончит всех и примется копать в папках... однако Норман полагал, что до этого дело не дойдет.

«Что ты будешь делать, если там тебя дожидаются копы, Норми? — обеспокоенно спросил его голос отца. — Копы перед зданием, копы внутри, копы, защищающие дом от тебя?»

Он не знал. И не хотел знать.

Миновал двести сорок пятый дом, двести сорок седьмой, двести сорок девятый. Последний отделяла от тротуара живая изгородь, и, дойдя до ее конца, Норман вдруг остановился, глядя на дом номер двести пятьдесят один по Дарэм-авеню прищуренным, подозрительным взглядом. Он был внутренне готов увидеть лихорадочное оживление или хотя бы какую-то суету, но то, что обнаружил — полнейший покой, — застало его врасплох.

Дом «Дочерей и сестер» стоял за узкой длинной лужайкой с опущенными на окна второго и третьего этажей шторами-жалюзи, призванными защитить обитательниц от дневной жары. Дом был тих, никаких признаков движения. В окнах слева от входа, не прикрытых шторами, не горел свет. За ними не металась тень. Никого на крыльце. Никаких машин на дороге перед домом.

«Я не могу торчать здесь вот так вот», — подумал он, возобновляя шаг. Норман прошелся мимо дома, заглянул в огород, где несколько дней назад видел двух шлюх, одну из которых затащил несколько часов назад за кирпичное здание туалета в парке. В этот вечер огород был пуст. И, судя по той части внутреннего двора» которую ему удалось рассмотреть, там тоже нет ни души.

«Норми, это ловушка, — предупредил его отцовский голос. — Ты ведь понимаешь, верно?»

Норман дошагал до дома двести пятьдесят семь, крайнего в квартале, повернулся и ленивой походкой бездельника направился обратно. Он сознавал, что дом *похож* на ловушку, по крайней

мере *выглядит* таковым, в этом отец прав, однако не испытывал ощущения западни.

Перед его глазами, как резиновое привидение, всплыл бык Фердинанд — Норман машинально вытащил маску из заднего кармана брюк и напялил на руку. Он понимал, что поступает неразумно: любой, кто видит его сейчас из окна, задумается, какого дьявола рослый взрослый мужик с побитой физиономией разговаривает с маской, задавая ей вопросы... и заставляет маску отвечать ему, шевеля пальцами-губами. Но все доводы рассудка отступили на задний план. Жизнь съежилась до... скажем, до нескольких основополагающих вещей. И Норману это даже нравилось.

— Нет, никакая это не западня, — прошамкал Фердинанд.

— Ты уверен? — переспросил Норман. Он снова находился на тротуаре напротив дома двести пятьдесят один.

— Ага, — подтвердил Фердинанд, качая рогами с болтающимися на них гирляндами.

— Они всего-навсего продолжают веселиться, как ни в чем не бывало. В данный момент они, скорее всего, рассаживаются перед тарелками с мармеладом, пока какой-нибудь гомик развлекает их песенкой «Ответ знает только ветер». Твое вмешательство — не более чем прыщик на гладком лице их праздника.

Он остановился у начала ведущей к двери дома «Дочерей и сестер» дорожки и ошарашенно посмотрел на маску, не веря услышанному.

— Эй, парень, успокойся, — произнес эль торо извиняющимся тоном. — Ты же знаешь, я не «делаю» новости, а только их сообщаю.

Норман потрясение осознал, что в мире существует нечто, почти столь же отвратительное, как возвращение в дом, из которого твоя жена убыла в неведомые края, не попросившись и прихватив заодно банковскую карточку, — когда тебя игнорируют. И кто? Жалкая кучка *женщин*.

— Советую научить их обращать на тебя внимание, — пришел на помощь Фердинанд.

— Преподай им урок. Вперед, Норм. Покажи им, кто ты на самом деле. Преподай им такой урок, чтобы они никогда его не забыли.

— *Чтобы* они никогда его не забыли, — повторил Норман вполголоса, и маска в его руке с энтузиазмом кивнула.

Он снова сунул ее в задний карман и, шагая уверенно по дорожке к двери, извлек из переднего карточку электронный ключ Пэм и листок, вырванный из ее блокнота. Поднялся по ступенькам крыльца, бросив единственный — равнодушный, как он надеялся, — взгляд на установленную над дверью камеру. Карточку электронного ключа он прижимал к ноге. В конце концов, не исключено, что за ним все-таки следят. Везение везением, а об этом забывать не стоит, Фердинанд-то всего лишь резиновая маска с рукой Дэниэлса вместо мозгов.

Прорезь для карточки электронного ключа находилась там, где он и предполагал. Рядом с ней располагалась коробочка переговорного устройства и маленькая табличка, просившая посетителей нажимать и говорить.

Норман прижал кнопку переговорного устройства, наклонился к коробке и сказал:

— Компания «Мидлэнд-газ», проверка на предмет утечки.

Он отпустил кнопку. Подождал. Поднял взгляд на камеру. Черно-белая, на ней вряд ли видно, насколько распухло его лицо... во всяком случае, он так надеялся. Норман улыбнулся в знак подтверждения своих мирных намерений, в то время как сердце трещало в груди, как маленький зловещий моторчик. Никакого ответа. Полная тишина. Он дал им время, мысленно считая до двадцати. Отец нашептывал, что это ловушка, что точно такую же западню устроил бы он сам, чтобы заманить мерзавца, убедив его в том, что внутри никого нет, а потом вывалить на его башку грузовик кирпича. Все верно, он и сам приготовил бы подобную ловушку... но внутри

на самом деле никого нет. Он почти не сомневался в этом. Дом пуст, как выброшенная пивная банка.

Норман вставил карточку в прорезь. Раздался короткий громкий щелчок. Он вытащил карточку, повернул дверную ручку и вошел в вестибюль «Дочерей и сестер». Слева его слуха достиг назойливый звук: пи-пи-пи-пи-пи. Сигнализация с кодовым отключением. На индикаторе в верхней части монитора мигали слова «ГЛАВНЫЙ ВХОД».

Норман посмотрел на клочок бумаги в руке, помедлил секунду, молясь, чтобы цифры на листке оказались теми, какие ему нужны, и нажал клавиши 0471. Секунду или две, в течение которых его сердце остановилось, сигнал продолжал пищать, затем звук прекратился. Норман облегченно вздохнул и закрыл дверь. Автоматически, не думая об этом, он снова выставил сигнализацию в рабочий режим — простой инстинкт полицейского на задании.

Он огляделся, отметив уходящую на второй этаж лестницу, затем прошелся по главному коридору нижнего этажа. Заглянул в первую комнату справа. Она смахивала на класс для учебных занятий — составленные в кружок стулья, на стене черная доска с написанными на ней словами «ДОСТОИНСТВО. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. ВЕРА».

— Слова мудреца, Норм, — прокомментировал Фердинанд, опять неведомо каким образом оказавшийся на руке Нормана. Казалось, он выныривал из кармана, словно по мановению волшебной палочки. — Слова мудреца.

— Как скажешь; на мой взгляд, все та же старая бессмысленная чушь.

Опять огляделся и повысил голос. Кричать в тиши почему-то кажущейся пыльной пустой комнаты было почти святотатством, но мужчина должен делать то, что он должен делать.

— Эй! Кто-нибудь есть? Компания «Мидлэнд-газ»!

— Эй! — закричал на его руке Фердинанд, оживленно оглядывая помещение пустыми глазницами. Он заговорил смешным голосом с немецким акцентом, имитируя манеру речи отца Нормана, когда тот напивался почти до беспамятства. — Алло, красавицы, фи здесь?

— Заткнись, идиот, — пробормотал Норман.

— Слушаюсь, кэп, — откликнулся эль торо и послушно умолк.

Норман повернулся и медленно зашагал в глубь коридора. По пути ему попадались другие комнаты — гостиная, столовая, небольшая библиотека — но все они были пусты. И кухня в конце коридора тоже, и теперь перед ним возникла новая проблема: где и как отыскать то, что ему нужно?

Он сделал глубокий вдох, закрыл глаза и постарался сосредоточиться (и еще попытался вытолкнуть из черепной коробки головную боль, которая усиливалась, мешая думать). Ему хотелось курить, но он не рискнул зажечь сигарету; черт их знает, не стоят ли на каждом углу этого борделя детекторы дыма, которые сорвутся на бешеный вой, как только учуют табак.

Он сделал еще один глубокий вдох, наполняя воздухом легкие до самого доньшка, и вдруг сообразил, чем пахнет в этом доме: здесь царит не запах пыли, а запах женщин — женщин, запертых в течение долгого времени в компании себе подобных и в попытке отгородиться от внешнего мира, образовавших некую закрытую коммуну, исповедующую ханжескую мораль. Здесь смешались запахи крови, спринцовок, саше, лака для волос, дезодорантов и духов с шлюховатыми названиями вроде «Мой грех», «Белые плечи» или «Одержимость». В воздухе витал аромат овощей, которыми они питаются, и фруктового чая, который они пьют; ощущался запах, напоминающий, скорее, не пыль, а дрожжи, запах ферментации, и все это соединялось, образуя единый дух, который невозможно вывести никакими чистящими средствами: дух женщин, живущих без мужчин. Он мгновенно заполнил ноздри, горло, легкие, заполнил его *сердце*, удушая, вызывая чувство тошноты, от которого Норман едва не потерял сознание.

— Возьми себя в руки, кэп, — прикрикнул на него Фердинанд. — Ты всего лишь унюхал

запах вчерашнего соуса для спагетти. Христос-свистос, с кем я связался!

Норман шумно выдохнул, сделал еще один вдох и открыл глаза. И действительно, соус для спагетти. Красный соус с кровавым запахом. Но это именно соус для спагетти, *не* более.

— Извини. Мне на минутку стало не по себе, — сказал он.

— Ничего удивительного, — согласился старик Ферди, и теперь в его пустых глазницах Норману померещилось сочувствие и понимание, — Итак, здесь Цирцея превращает людей в свиней. — Маска повернулась на руке Нормана, озираясь вокруг. — Та, именно стесь.

— О чем это ты?

— Да так. Не обращай внимания.

— Я не знаю, куда идти, — признался Норман, оглядываясь вместе с быком. — А время поджигает, но, черт бы их побрал, дом такой большой! Комнат двадцать, не меньше.

Фердинанд направил рога в сторону двери напротив кухни.

— Попробуй заглянуть сюда.

— Какого черта, это, наверное, кладовка.

— Я так не думаю, Норм. Вряд ли они стали бы вешать на дверь кладовки табличку «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», как ты думаешь?

А бык ведь прав. Норман подошел к двери, на ходу снимая маску с руки и заталкивая ее в карман (и заметив большую кастрюлю из-под спагетти, оставленную для просыхания на полке над мойкой), затем постучал в дверь. Тишина. Он попробовал повернуть дверную ручку. Она легко поддалась. Он открыл дверь, похлопал ладонью по стене справа, нащупал выключатель и зажег свет.

Подвешенная под потолком люстра осветила письменный стол — настоящий динозавр, — заваленный горами бумажного мусора. На куче бумаг балансировала золоченая табличка «АННА СТИВЕНСОН», внизу стояла другая надпись: «БЛАГОСЛОВИ ЭТУ МЕССУ». Висевшая на стене фотография изображала двух женщин, в одной Норман без труда узнал покойную великую Сьюзен Дэй. Другой оказалась седоволосая сучка с газетного фото, та, которая смахивала на Мод. Две шлюхи обнимались и с улыбкой преданно заглядывали в глаза друг другу, как истинные лесбиянки.

Боковую стену кабинета занимали шкафы для бумаг. Норман приблизился к одному из них, опустился на колени и потянулся было к шкафу, помеченному буквами Д-Е, затем остановился. Роуз больше не пользуется фамилией Дэниэлс. Он не мог вспомнить, откуда ему это известно: то ли Фердинанд сообщил, то ли он сам пришел к такому выводу по каким-то признакам или благодаря интуиции, но знал он это наверняка. Она вернулась к своей девичьей фамилии.

— Ты до последнего дня своей жизни останешься Роуз Дэниэлс, — пробормотал Норман негромко, дергая дверцу шкафа с буквой М. Дверь не хотела открываться. Она была заперта.

Проблема, но довольно мелкая. Он найдет в кухне что-нибудь, чтобы взломать дверцу. Норман повернулся, собираясь выйти из кабинета, но вдруг замер: его взгляд привлекла плетеная корзинка, стоявшая на углу стола. С ручки корзинки свисала карточка, на которой готическим шрифтом было написано: «ОТПРАВЛЯЙСЯ В ПУТЬ, ПИСЬМЕЦО». В корзинке лежало несколько готовых к отправке писем, и под конвертом, адресованным дирекции компании кабельного телевидения «Лейкленд», он увидел следующее:

/ендон

/рентон-стрит

«...ендон?»

«Макклендон?»

С выпученными от возбуждения глазами он выхватил письмо, перевернув корзинку и высыпав ее содержимое на пол.

Да, Макклendon, Боже мой — Розы Макклendon! А чуть ниже уверенным разборчивым почерком адрес, ради которого он готов пройти все муки ада: 897, Трентон-стрит.

Из-под груды оставшихся листовок, рекламировавших приуроченный к началу лета пикник «Дочерей и сестер», торчало хромированное лезвие ножа для вскрытия писем. Норман схватил нож, вспорол конверт и, не думая, сунул его в задний карман брюк. В то же время он снова вытащил маску и надел ее на руку. В конверте находился один-единственный фирменный бланк со стандартной шапкой, на котором имя АННА СТИВЕНСОН было написано более крупным шрифтом, чем название «Дочери и сестры».

Норман бегло взглянул на это маленькое проявление тщеславия, затем принялся водить маской над текстом письма, позволяя Фердинанду читать его. Почерк Анны Стивенсон оказался крупным и изящным — кое-кто, наверное, счел бы его даже слегка вычурным. Влажные и липкие от пота пальцы Нормана дрожали и конвульсивно сжимались внутри маски Фердинанда, заставляя быка корчиться в уродливых гримасах и ужимках.

«Дорогая Розы!

Мне просто захотелось написать вам несколько строк в ваше новое жилище (ибо мне известно, насколько важными являются такие первые письма!) и сказать вам, как я счастлива, что вы пришли к нам в «Дочери и сестры», как счастлива я, что мы смогли оказать вам помощь. Мне также хотелось сообщить, как я ужасно обрадовалась вашей новой работе, — меня не оставляет предчувствие, что вы не задержитесь на Трентон-стрит слишком долго!

Каждая попадающая в «Дочери и сестры» женщина обновляет жизнь других — тех, кто сопровождает ее в период залечивания душевных ран, и тех, кто появится после ее ухода, поскольку все женщины оставляют после себя частичку собственного опыта, силы и надежды.

Моя надежда состоит в том, чтобы видеть вас часто, Розы, и не потому, что до полного выздоровления вам предстоит пройти еще долгий путь, не потому, что вас обуревают множество чувств (главенствующим среди них, смею предположить, является гнев), с которыми вы пока не справились; но потому, что ваш долг — передавать другим то, чему научились здесь, Вероятно, мне нет нужды напоминать вам обо всем этом, но...»

Тишину нарушил щелчок — довольно слабый, но показавшийся ему оглушительным. За щелчком последовал другой звук: пи-пи-пи-пи. Сработала сигнализация. У Нормана появилась компания.

Анна совершенно не обратила внимания на зеленый «темпе», припаркованный у тротуара в полутора кварталах от дома «Дочерей и сестер». Она полностью отдалась во власть собственной фантазии, глубоко погрузившись в пучину грез, о которых не рассказывала никому, даже личному терапевту, — грез, которые она приберегала на такие ужасные дни, как сегодняшний. В них она представляла себя на обложке журнала «Тайм». Но не свой снимок, а написанный маслом портретный набросок, выдержанный в голубых тонах (голубой больше всего ей к лицу, а легкая расплывчатость портрета скроет полноту, которая, несмотря на все старания, в течение последних двух или трех лет безжалостно расправлялась с ее талией, некогда вызывавшей зависть окружающих). На портрете она оглядывалась через левое плечо, позволяя художнику потрудиться над ее красивым профилем, и волосы ниспадали на правое плечо снежной лавиной. *Возбуждающей* снежной лавиной.

И простая, непритязательная надпись: «АМЕРИКАНСКАЯ ЖЕНЩИНА».

Она свернула на ведущую к крыльцу дорожку, неохотно расставаясь с мечтами (в которых как раз подобралась к тому месту, где автор сопровождающей статьи писал: «Невзирая на тот факт, что, по ее утверждению, она помогла вернуться к жизни более чем полутора тысячам много претерпевшим на своем веку женщин, Анна Стивенсон остается удивительно, даже трогательно скромной...»). Выключив зажигание своего «инфинити», она еще минутку посидела в машине, осторожными движениями массируя кожу нижних век.

Питер Слоуик, которого после развода она неизменно называла либо Петром Великим, либо Чокнутым марксистом Распутиным, при жизни был порядочным трепачом, и друзья его, похоже, решили провести поминальную службу в том же ключе. Разговоры продолжались и продолжались без конца, каждый следующий «букет воспоминаний» (она невольно подумала, что без колебаний выпустила бы пулеметную очередь в политически безупречных пустобрехов, проводящих свои дни за изобретением подобных цветистых и ничего не значащих фраз) оказывался длиннее предыдущего, так что к четырем часам, когда они, наконец, добрались до застолья с едой и вином — домашнего приготовления и отвратительного вкуса, такого, которое наверняка купил бы Питер, если бы его отправили за покупками по магазинам, — ей казалось, будто форма сидения раскладного стула на всю жизнь отпечаталась на ее ягодицах. Впрочем, она не допускала даже мысли о том, чтобы покинуть службу до ее окончания — например, улизнуть незаметно после первого бутерброда величиной в мизинец и символического глотка вина. На нее ведь смотрят, ее поведение оценивают. В конце концов, она Анна Стивенсон, значительная фигура в политическом истеблишменте городу, и среди собравшихся немало людей, с которыми ей следует поговорить после завершения официальных церемоний. К тому же она хотела, чтобы *видели*, как она разговаривает с этими людьми, потому что именно так и вращается вся карусель.

В довершение ко всему за каких-то сорок пять минут ее радиотелефон звонил трижды. *Неделями* он валялся в сумочке без дела, но тут, в тот момент, когда вдруг воцарялась тишина, нарушаемая лишь редкими сдавленными всхлипываниями тех, кто не мог сдержаться, проклятый прибор словно сорвался с цепи. После третьего звонка Анне надоели поворачивающиеся в ее сторону головы, и она выключила чертов телефон. В душе она надеялась, что никого из женщин не прихватили во время пикника родовые схватки, никому из детей не угодила в голову подкова, и, самое главное, она надеялась, что муж Розы не объявился на пикнике. Впрочем, по поводу последнего Анна не испытывала особой тревоги: не настолько он глуп. Как бы там ни было, тот, кто звонил по номеру радиотелефона, наверняка сначала

попытался разыскать ее в «Дочерях и сестрах», так что первым делом она проверит сообщения на автоответчике — прослушает их, пока будет находиться в туалете. Эти два занятия в большинстве случаев вполне совместимы.

Она вышла из машины, заперла дверцу на ключ (даже в таком благополучном районе никогда не мешает быть предусмотрительной) и поднялась по ступенькам крыльца. Думая о своем, она открыла входную дверь с помощью электронной карточки и выключила запищавшую сигнализацию; сладостные обрывки грез (*единственная женщина своего времени, пользующаяся безраздельной любовью а уважением всех фракций столь неоднородного и порой противоречивого женского движения*) все еще кружились в ее сознании.

— Привет, дом! — крикнула она, входя в коридор. Ответом ей стала тишина, но именно такого она и ожидала... и, признаться откровенно, на такой ответ и надеялась. При определенном везении можно будет в течение двух, а то и трех часов наслаждаться благословенной тишиной до того, как в коридорах снова зазвучат ежевечерние смешки, шипение душа, хлопанье дверей и лязг посуды.

Анна прошла в столовую, раздумывая, не понежиться ли в ванне, чтобы как-то скрасить один из худших за последнее время дней. Затем остановилась и уставилась, нахмурившись, на дверь своего кабинета. Она была открыта.

— Черт возьми, — пробормотала она. — Черт возьми!

Если и существовало что-то, не нравившееся ей больше всего — за исключением людей, обожавших прикасаться-дотрагиваться-обниматься, — так это вторжение в ее частные владения. Дверь кабинета не была снабжена замком, ибо Анна не позволяла себе опускаться до такого. В конце концов, это ее кабинет, ее дом; попадающие сюда женщины оказываются здесь лишь благодаря ее щедрости и живут здесь за ее счет. Замок на двери просто не нужен. Достаточно одного только ее желания, чтобы они не совали нос, пока их не пригласят.

Так оно и было, однако время от времени кому-то из женщин казалось, что они *обязательно должны* воспользоваться каким-то документом, *обязательно должны* прибегнуть к услугам установленной в кабинете фотокопировальной машины (работающий быстрее, чем та, которая стоит внизу, в общей комнате), что они *обязательно должны* разыскать в ее кабинете марку или конверт, и время от времени такие бесцеремонные личности врываются в ее частное владение, рылись среди не принадлежавших им вещей и бумаг, смотрели на предметы, возможно не предназначенные для постороннего взгляда, отравляли воздух вонью дешевых духов, купленных в ближайшей аптеке...

Анна взялась за дверную ручку и застыла, вглядываясь в темноту комнаты, служившей кладовкой в те дни, когда она была еще девочкой. Ее ноздри вздрогнули, и морщины на лбу стали еще резче. Все верно, запах присутствовал, но то не были дешевые духи. Запах напомнил ей о Чокнутом марксисте. То был...

«От всех моих людей пахнет „Инглиш Ледером“ или не пахнет ничем».

О Господи! Святой Иисус!

По рукам поползли мурашки. Анна принадлежала к тем женщинам, которые гордятся своим здравомыслием, но неожиданно легко представила призрак Питера Слоуика, поджидающий ее во мраке кабинета, тень столь же бесплотная, как и запах его любимого одеколona...

Взгляд ее глаз зафиксировался на единственном огоньке в темноте комнаты. Красная сигнальная лампочка автоответчика яростно мигала, как будто всем ее знакомым вздумалось позвонить именно сегодня. И что-то все-таки случилось. Внезапно она поняла это. Что-то случилось, чем и объясняются звонки на радиотелефон... а она, дура набитая, отключила его, чтобы на нее не паялились окружающие. Что-то все-таки произошло, скорее всего в Эттингере. Кто-то пострадал. Или, упаси Бог...

Она шагнула в кабинет, нащупала выключатель на стене справа от двери, и вдруг оцепенела, озадаченная тем, что обнаружили ее пальцы. Рычажок выключателя был поднят, и это означало, что свет должен гореть, но не горел.

Анна дважды щелкнула выключателем — вверх-вниз, вверх-вниз, — хотела было сделать это и в третий раз, но в этот миг на ее правое плечо опустилась рука.

Она закричала в ответ на по-хозяйски уверенное прикосновение, закричала в полный голос, издавая душераздирающий вопль, перед которым меркли голоса героинь фильмов ужасов, а когда другая рука вцепилась ей в левое предплечье, когда сильные руки повернули ее и перед глазами возник темный силуэт на фоне яркого света из кухни, она закричала снова.

Существо, прятавшееся за дверью и поджидавшее ее, был не человек. Над макушкой его головы торчали рога, казавшиеся разбухшими от странных наростов. Это был...

— *Viva el toro*, — произнес густой голос, и она поняла, что на самом деле перед ней человек, мужчина в маске, но эта мысль не принесла ей облегчения, потому что она догадывалась, она почти не сомневалась в том, *кто* именно стоит перед ней.

Анна вырвалась из его рук и попятилась к письменному столу. Она по-прежнему ощущала запах одеколona «Инглиш Лед ер», но теперь к нему примешивались и другие. Горячая резина. Пот. И моча. Не ее ли случайно? Неужели она обмочилась от страха? Она не знала. Нижняя часть ее тела полностью онемела.

— Не прикасайтесь ко мне, — сказала она дрожащим голосом, разительно отличающимся от привычного спокойно-властного тона. Вытянув руку за спиной, она попыталась нащупать кнопку вызова полиции. Где-то она есть, черт возьми, где-то здесь, погребенная под кипами бумаг.

— Анна-Анна-бо-Банна, банана-фанна-фо-Фанна, — нараспев протянул человек в рогатой маске с интонациями глубокой задумчивости, затем рывком захлопнул за собой дверь. Они очутились в крошечной тьме.

— Не подходите, — выдавила она, обходя вокруг стола, скользя вдоль стола. Если бы только ей удалось проскочить в туалет, запереться...

— Фи-фай-мо-Манна...

Слева от нее. И близко. Она бросилась в противоположную сторону, но недостаточно проворно. Ее обхватили крепкие руки. Она снова попыталась закричать, но руки сжали ее мертвой хваткой, выдавливая воздух из легких. У нее перехватило дыхание.

«Будь я Мизери Честин,^[4] я бы...» — подумала она, и в эту секунду зубы Нормана впились в ее горло, он терся об нее всем своим телом, как озабоченный подросток на аллее Проститутток, а потом его зубы *прокусили* ее горло, и что-то теплое полилось по груди, но она уже больше ничего не ощущала.

К тому времени, когда прозвучали последние вопросы, подписаны последние заявления и заполнены все бланки, голова Розы кружилась, как волчок, ее не покидало легкое чувство собственной нереальности, словно после растянувшегося на весь день изнурительного экзамена.

Густафсон вышел из комнаты, чтобы подшить документы в нужную папку, неся бумаги перед собой так, будто держал в руках чашу Грааля, и Розы встала. Она направилась к Биллу, который поднялся одновременно с ней. Герт покинула комнату чуть раньше, отправившись на поиски туалета.

— Мисс Макклendon? — окликнул ее Хейл. Усталость Розы мгновенно испарилась, уступив место внезапному тошнотворному предчувствию. Хейл стоял рядом; она осталась с ним наедине, Билл слишком далеко, чтобы услышать что-либо из сказанного, и, когда коп откроет рот, он заговорит тихим заговорщическим тоном. Он посоветует ей прекратить молоть чепуху о муже, бросить эти глупости поскорее, пока еще есть время, если ей не хочется нарваться на дополнительные неприятности. Коп порекомендует ей вообще никогда не распространяться о полицейских, держать рот закрытым до тех пор, пока кто-либо из них: а) не задаст ей вопрос или б) не расстегнет брюки. Он напомнит ей, что все происходящее — чисто семейное дело, что...

— Я твердо намерен разыскать его, — тихо проговорил Хейл. — Не знаю, смогут ли мои слова убедить вас, как бы я ни старался, но все равно, — мне кажется, вы должны услышать. Я твердо намерен найти его. Обещаю.

Она посмотрела на него с раскрытым от удивления ртом.

— Я собираюсь сделать это, потому что он убийца, потому что он сумасшедший, потому что он опасен. И еще я собираюсь сделать это оттого, что мне не нравится, с каким видом вы оглядываетесь и подпрыгиваете всякий раз, когда где-нибудь хлопает дверь. И как вы сжимаетесь при каждом движении моих рук.

— Я не пони...

— Да все вы прекрасно понимаете. Вы ничего не можете с собой поделать. Но это не страшно, потому что я знаю, *отчего* вы так себя чувствуете. Будь я женщиной и пройди через то, что довелось вынести вам...

Он не договорил и посмотрел на нее вопросительно.

— Вам никогда не приходило в голову, что вы жутко везучая — остаться в живых после такого?

— Да, — кивнула она. Ее дрожащие неги подкашивались. Билл стоял за ограждением и следил за ней с явной тревогой. Она попыталась улыбнуться ему и подмяла палец — еще минутку.

— Вам действительно повезло, — заверил ее Хейл, Он оглядел помещение, и Розы проследила за его взглядом. За одним столом полицейский записывал показания плачущего подростка в свитере со школьной эмблемой на груди. За другим, в этот раз отгороженным высоким, от пола до потолка, стеклом с проволочной сеткой, полицейский в форме и детективный инспектор, снявший пиджак, так был виден пристегнутый к ремню служебный пистолет тридцать восьмого калибра, склонились над столом, едва не стучаясь лбами, изучая разложенные снимки. Перед рядом видеотерминалов, в противоположном конце комнаты, Густафсон обсуждал свой отчет с парнем, которому, как показалось Розы, не больше шестнадцати лет.

— Вам известно о копах очень многое, — заметил Хейл, — но, уверяю вас, почти все, что

вы знаете, не соответствует истине.

Она не нашлась, что ответить, но он, похоже, и не ждал ответа.

— Знаете, в чем заключается главная причина моего желания поймать его, мисс Макклendon? Numero uno ^[5] в старом хит-параде?

Она кивнула.

— Я хочу посадить его за решетку, *потому что* он полицейский. К тому же вознесенный в герои, чтоб ему провалиться. Но в следующий раз, когда его рожа появится на первых страницах газет, это будут снимки либо *покойного* Нормана Дэниэлса, либо Нормана Дэниэлса в наручниках и полосатой робе заключенного.

— Спасибо за ваши слова, лейтенант, — поблагодарила Роза. — Для меня они значат очень многое.

Хейл подвел ее к Биллу, который открыл дверцу и принял ее в свои объятия. Она закрыла глаза и прижалась к нему.

— Мисс Макклendon? — снова окликнул ее Хейл. Она открыла глаза, увидела возвращающуюся в комнату Герт и помахала ей рукой. Затем перевела взгляд — робкий, но не испуганный — на Хейла.

— Если хотите, можете называть меня Роза.

Он ответил ей короткой улыбкой.

— Не желаете ли услышать кое-какие новости? Думаю, они помогут вам покинуть это место, не вызвавшее у вас заметной симпатии, в лучшем настроении.

— Д-да... говорите.

— Если можно, позвольте *мне* высказать предположение, — вступил в разговор Билл. — У вас возникли проблемы с полицейским управлением в родном городе Роза.

— В самую точку, — кисло усмехнулся Хейл. — Они почему-то стесняются ответить на наш запрос по поводу группы крови, даже не хотят прислать нам его отпечатки пальцев. Мы уже связались с полицейскими юристами. Какие скромняги!

— Они прикрывают его, — заявила Роза. — Так я и знала.

— Пока. Это инстинкт, как и тот, что заставляет нас забыть обо всем и броситься на поиски убийцы, когда погибает полицейский. Как только они узнают, что все это далеко не шутка, то перестанут подбрасывать песок в шестеренки.

— Вы действительно так считаете? — спросила Герт.

Он на секунду задумался, потом уверенно кивнул головой.

— Да. Я так считаю.

— А как насчет полицейской защиты для Роза, пока все это не кончится? — поинтересовался Билл.

Хейл снова кивнул.

— Рядом с вашим домом на Трентон-стрит, Роза, уже стоит машина.

Она посмотрела на Герт, на Билла, на Хейла; ее снова захлестнул страх. Как только ей казалось, что она начинает контролировать ситуацию, тут же возникал новый поворот, влекущий за собой новые осложнения.

— Почему? Почему? Он ведь не знает, где я живу, не *может* знать, где я живу! Потому-то он и пришел на пикник: думал найти меня там. Синтия ведь не сказала ему, верно?

— Она утверждает, что нет. — Хейл сделал ударение на втором слове, но не настолько сильное, чтобы Роза его уловила. Однако это не ускользнуло от внимания Билла и Герт, которые обменялись взглядами.

— Вот видите! И Герт тоже ничего ему не сообщила! Правда, Герт?

— Нет, мэ, — подтвердила Герт с долей иронии.

— Тогда давайте просто считать, что я перестраховываюсь — и не будем об этом больше. Двое моих ребят дежурят перед вашим домом, несколько машин — по меньшей мере две — на всякий случай будут курсировать неподалеку. Мне совсем не хочется снова пугать вас, но псих, знакомый с полицией не понаслышке, — это особенный псих. Лучше не полагаться на удачу.

— Вам виднее, — неохотно уступила Роза, пожимая плечами.

— Мисс Киншоу, я попрошу кого-нибудь доставить вас, куда скажете...

— В Эттингер, — немедленно заявила Герт, разглаживая больничный халат. — Выступлю с демонстрацией мод на концерте.

Хейл улыбнулся и протянул руку Биллу. — Мистер Штайнер, приятно познакомиться с вами. Билл пожал руку полицейского.

— Мне тоже. Спасибо за все.

— Моя работа. — Он перевел взгляд с Герт на Розу. — Доброй вам ночи, девушки. — Хейл снова коротко взглянул на Герт, и лицо его расплылось в улыбке, от которой он, казалось, мгновенно помолодел лет на пятнадцать. — Здорово вы его, — сказал он и рассмеялся. Через секунду к нему присоединилась и Герт.

На ступеньках полицейского участка Билл, Герт и Роза постояли минутку тесной группой. Со стороны озера легкий ветер гнал клочья сырого тумана. Пока что он был не очень густым, образовывая призрачные нимбы вокруг уличных фонарей и стелясь тонкой скатертью низко над тротуаром, но Роза подумала, что через час-другой его можно будет резать ножом.

— Может, переночуешь сегодня в «Дочерях и сестрах», Роза? — предложила Герт. — Народ вернется с концерта через пару часов; разговоров хватит на всю ночь.

Роза, которой совершенно определенно не хотелось возвращаться в «Дочери и сестры», повернулась к Биллу.

— Если я поеду домой, ты со мной останешься?

— Конечно, — торопливо сказал он и взял ее за руку. — И с огромным удовольствием. И можешь не волноваться из-за отсутствия удобств — я еще не встречал дивана, на котором не смог бы уснуть.

— Ты не знаком с моим, — заметила она, зная, что ее миниатюрный диванчик не причинит ему неудобств, ибо на нем ему спать не придется. Ее кровать одинарная, а это значит, что им придется тесновато, однако ей подумалось, что теснота не всегда мешает. Более того, в вынужденной близости есть даже своя прелесть.

— Еще раз спасибо тебе, Герт, — сказала она.

— Никаких проблем, — откликнулась та. На мгновение крепко сжав Розу в своих объятьях, она отпустила ее, наклонилась к Биллу и сочно чмокнула в щеку. Из-за угла здания выехала полицейская машина и остановилась у ступенек; двигатель сыто урчал на холостом ходу.

— Береги ее, парень.

— Обязательно.

Герт направилась к машине, затем остановилась и указала на «харлей» Билла, стоявший на одном из прямоугольников парковочной площадки с вывеской: «ТОЛЬКО ДЛЯ АВТОМОБИЛЕЙ ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ».

— И не кувыркнись в тумане на своем драндулете.

— Я буду ехать аккуратно, мамочка, обещаю.

Герт погрозила ему в шутку большим коричневым кулаком, Билл выпятил подбородок и прикрыл глаза, изображив страдальческое выражение лица, и Роза, не выдержав, расхохоталась. Она никогда не думала, что ее разберет смех на ступеньках полицейского управления, однако за последнее время произошло много такого, чего она совсем не ожидала.

Очень много.

Несмотря на все случившееся, поездка на мотоцикле от полицейского управления до Трентон-стрит доставила ей ничуть не меньшее удовольствие, чем утреннее путешествие на озеро. Она прижималась к спине Билла, ведущего мотоцикл по лабиринту городских улиц, и большой «харлей-дэвидсон» уверенно рассекал сгущающийся туман. Последние три квартала ей казалось, что они движутся по коридору сна с обитыми вагой стенами. Фара «харлея» вырывала из тумана яркий цилиндрический кусок пространства, словно луч фонаря в прокуренной комнате. Когда Билл в конце концов свернул на Трентон-стрит, дома превратились в призраки, а Брайант-парк скрылся за непроницаемой белой стеной.

Перед домом номер восемьсот девяносто семь стоял обещанный Хейлом черно-белый полицейский автомобиль с надписью на боку «Служить и защищать». Перед полицейской машиной оказалось свободное место. Билл свернул на этот пятачок, ногой перевел рычаг переключения скоростей в нейтральное положение и выключил зажигание.

— Ты вся дрожишь, — заметил он, помогая ей слезть с мотоцикла.

Она кивнула и, заговорив, обнаружила, что ей нужно приложить немалые усилия, чтобы зубы не стучали. Дело не в холоде, а во влажности. Но даже тогда она внутренне понимала, что дело не в том и не в другом; где-то на глубинном уровне Роза создавала, что все развивается не так, как должно.

— Ладно, давай спрячем тебя в сухое теплое место. — Он убрал два шлема, вытащил ключ из замка зажигания «харлея» и сунул его в карман.

— Самая замечательная мысль века, — прокомментировала она.

Он взял ее за руку и повел по тротуару к ступенькам жилого дома. Когда они проходили мимо черно-белой машины, Билл поднял руку и приветственно помахал полицейскому за рулем. Полицейский высунул руку из окошка в ленивом ответном салюте, и в свете уличного фонаря на его пальце сверкнуло кольцо. Его напарник, по всей видимости, спал.

Роза раскрыла сумочку, выудила ключ, чтобы отпереть дверь подъезда в этот поздний час, вставила его в замочную скважину и повернула. Она почти не соображала, что делает, все положительные эмоции смел и раздавил нахлынувший с новой силой страх, навалившийся на нее, как огромная чугунная болванка, падающая с чердака старого обветшалого дома, пробивая здание этаж за этажом, до самого основания. Живот ее свело от леденящего холода, волнами накатывала головная боль, и *не могла понять почему*.

Она увидела *нечто*, и была до такой степени поглощена отчаянными попытками найти разумное объяснение своему состоянию, понять это самое «нечто», что ее слух не воспринял, как с легким щелчком открылась дверца полицейской машины и так же негромко закрылась. Она не услышала и слегка поскрипывающих шагов человека, идущего по тротуару за ними следом.

— Роза?

Голос Билла из темноты. Они находились уже в вестибюле, но она с трудом могла рассмотреть висевший справа на стене портрет какого-то старикашки (если она не ошибалась, это был Кэлвин Кулидж) или ветвистый силуэт вешалки с медными ножками и блестящими медными крючками, стоящей у основания лестницы. Черт побери, почему здесь так *темно*?

Потому что свет не включен, разумеется, вот почему. Однако в сознании звучал и другой, более сложный вопрос; отчего коп на пассажирском сиденье черно-белой полицейской машины спал в такой неудобной позе, уткнувшись подбородком в грудь и натянув фуражку на лоб так низко, что больше походил на злодея из гангстерского фильма тридцатых годов? И почему он

вообще спит, если на то пошло, когда объект, за которым поручено наблюдать, должен вот-вот появиться? «Хейл разозлился бы, если бы узнал, — подумала она вскользь. — Он наверняка захотел бы поговорить с этим копом. Он захотел бы поговорить с ним начистоту».

— Розы? Что случилось?

Размеренные звуки шагов за ними ускорились и перешли на частый топот бегущего человека.

Она мысленно прокрутила картину в обратную сторону, как видеопленку с записью. Увидела, как Билл приветствует взмахом руки копа за рулем черно-белой машины, словно говоря ему: «Привет, приятно видеть вас здесь». Увидела, как коп поднял руку в ответном приветствии и как отразился на его кольце свет уличного фонаря. Машина находилась слишком далеко, чтобы она могла прочесть слова, выгравированные на кольце, и тем не менее Розы знала, что там написано. Она много раз видела те же слова отпечатанными на своем собственном теле, как штамп службы санитарного надзора за качеством пищевых продуктов. «Служба, верность, общество». Легкие шаги торопливо следовали за ними по ступенькам. С громким и резким стуком захлопнулась входная дверь. Кто-то хрипло и тяжело дышал внизу, у основания лестницы, и Розы ощутила запах одеколona «Инглиш Ледер».

Рассудок Нормана сорвался в новую, в этот раз очень глубокую пропасть беспамятства, когда он стоял без рубашки перед раковиной на кухне «Дочерей и сестер», смывая кровь с лица и груди. Повисшее низко над горизонтом оранжевое солнце ослепило его, когда он поднял голову и потянулся за полотенцем. Он дотронулся до полотенца, а затем, казалось, без малейшей паузы, не успев моргнуть глазом, оказался снаружи, где было темно. На голове его снова красовалась кепка с эмблемой «Уайт Соке». Кроме того, он был в плаще «Лондон Фог». одному Богу известно, где он раздобыл его, но одежда пришлась очень кстати, ибо на город опустился густой туман. Норман провел ладонью по дорогой водостойкой ткани плаща и ему понравилось ощущение. Элегантная вещица. Он еще раз попытался вспомнить, где и как стал его обладателем, но не смог. Не убил ли он кого? Может, и так, друзья и соседи, может, и так; все возможно, когда человек находится в отпуске.

Он окинул взглядом Трентон-стрит и увидел машину городской полицейской службы — в те годы, когда Норман только начинал карьеру копа, такие машины называли «чарли-дэвидами», — завязшую по самую крышу в тумане примерно в трех четвертях пути до следующего перекрестка. Он сунул руку в глубокий левый карман плаща — черт побери, по-настоящему шикарный плащ, надо отдать должное чьему-то вкусу — и нащупал что-то резиновое и смятое. Он радостно улыбнулся.

— El toro, — прошептал он. — El toro grande.

Норман сунул руку в другой карман, не зная, что там обнаружится, но уверенный, что там находится предмет, без которого ему не обойтись.

Он наткнулся на него, коснувшись кончиком среднего пальца, вздрогнул от боли, затем осторожно извлек его из кармана. В тусклом свете уличных фонарей блеснул хромированный нож для открывания писем, взятый на письменном столе Мод.

«Как она верещала», — подумал он и усмехнулся, поворачивая нож в руке, позволяя свету фонаря белой жидкостью пробежаться по лезвию. Да, она верещала... но потом замолкла. В конце концов, девочки *всегда* замолкают, отчего всем становится намного легче.

Между тем ему предстоит решить серьезную проблему. В припаркованной в тумане машине находятся двое — да — один и другой — патрульные; они вооружены пистолетами, в то время как в его распоряжении всего лишь хромированный нож для открывания писем. Ему нужно выманить их из автомобиля и прикончить, причем как можно тише. Ничего себе задачка; самое неприятное заключается в том, что он даже не представляет, каким образом сделать это.

— Норм, — раздался шепот из его левого кармана. Он погрузил в карман руку и извлек маску. Пустые глазницы быка вперились в него отсутствующим взглядом, и ухмылка Фердинанда показалась ему многозначительной. При тусклом освещении гирлянды цветов, украшавшие рога маски, вполне могли сойти за отслаивающиеся сгустки крови.

— Что? — переспросил он низким шепотом заговорщика. — Что такое?

— Устрой себе сердечный приступ, — прошептал эль торо.

И Норман последовал его совету. Он медленно зашагал по тротуару к тому месту, где стояла черно-белая полицейская машина, и частота его шагов уменьшалась по мере приближения к ней: все ближе, все медленнее, ближе, медленнее. Он следил за тем, чтобы его взгляд не отрывался от тротуара, наблюдая за автомобилем периферийным зрением. Они наверняка уже заметили его, даже если в машине сидят салаги — конечно, заметили, ведь это был единственный движущийся в тумане объект, — и он хотел, чтобы они увидели мужчину, глядящего себе под ноги, с опаской совершающего каждый шаг. Мужчину, который либо пьян, либо болен.

Правая рука его находилась под плащом и массировала левую сторону груди. Он чувствовал, как зажатый в руке нож для открывания писем прокалывает маленькие дырочки в рубашке. Приблизившись на достаточное, по его мнению, расстояние к цели, покачнувшись — всего один раз, не очень сильно, но заметно — и остановился. Он стоял в тумане совершенно неподвижно, опустив голову и медленно считая в уме до пяти, не позволяя телу отклоняться больше чем на четверть дюйма в одну или другую сторону. К этому времени их первое впечатление — что перед ними мистер Пьяная Башка, неуверенно возвращающийся домой после возлияния в кабачке «Капля росы» — должно уступить место другим предположениям. Но он обязан заставить их выйти из машины. Если ситуация того потребует, он сам направится к ним, но в этом случае они, скорее всего, прикончат его прежде, чем он что-то успеет сделать.

Он сделал еще три шага, но теперь не в сторону машины, а к ближайшему металлическому ограждению перед домом. Схватившись за холодный влажный металлический поручень, он замер, тяжело дыша, не поднимая головы, надеясь, что выглядит, как человек, которого схватил сердечный приступ, а не как человек, прячущий за отворотом плаща смертельное оружие.

В тот момент, когда Норман уже было решил, что допустил серьезную ошибку, дверцы полицейского автомобиля распахнулись. Он не увидел, а скорее услышал это, затем раздался звук, обрадовавший его еще больше; шаги спешащих к нему людей. «Эгей, Роки, к тебе в гости пожаловали копы!» — подумал он и рискнул бросить в их сторону короткий незаметный взгляд. Он *должен* был рискнуть, ему необходимо знать, далеко ли они находятся друг от друга. Если полицейские не рядом, ему придется инсценировать потерю сознания... и в этом состояла вся ирония. Когда он грохнется на тротуар «в беспамятстве», один из них наверняка бросится назад в машину, чтобы вызвать по рации бригаду скорой помощи.

Они представляли собой типичную патрульную пару, один ветеран и один салага, у которого молоко на губах не обсохло. Салага показался Норману слегка знакомым, как человек, которого мельком видел по телевизору. Впрочем, это не имеет значения. Они двигались рядом, почти плечо к плечу, а вот это уже *очень* важно. Это очень хорошо. Удобно.

— Сэр? — окликнул его тот, что слева, старший. — Сэр, вам нездоровится?

— Болит, черт бы его побрал, — выдавил Норман.

— Что болит? — По-прежнему старший. Наступил решающий момент, еще не момент нанесения главного удара, но уже близко. Старший коп в любую секунду может приказать напарнику, чтобы тот вызвал скорую помощь, и тогда все пропало, но время для удара еще не пришло, они слишком далеко, еще чуть-чуть, самую малость.

Сейчас он чувствовал себя прежним, не таким, как в последние дни, начиная с того момента, когда отправился в экспедицию по розыску жены; его холодное, трезвое сознание оставалось чистым, он полностью находился *здесь*, видел и воспринимал все, от капель осевшей на металлических прутьях ограды влаги до грязно-серого голубиного пера, валяющегося рядом с канализационной решеткой за смятым бумажным пакетом из-под картофельных чипсов. Он слышал слабое размеренное дыхание обоих полицейских.

— Здесь, — произнес Норман, хватая ртом воздух, Растирая грудь под плащом правой рукой. Острие ножа проткнуло рубашку и впилося в кожу, но он почти не почувствовал боли. — В груди.

— Может, стоит вызвать скорую? — спросил младший, и неожиданно Норман вспомнил, кого тот ему напоминал; Джерри Мэтерса, пацана, исполнявшего роль Бивера из сериала «Положитесь на Бивера». Он смотрел все фильмы сериала, когда их повторяли по одиннадцатому каналу, некоторые по пять или шесть раз.

Старший коп, однако, отнюдь не походил на Уолли, лопухого брата Бивера.

— Подожди-ка секунду, — остановил напарника ветеран и затем — невероятно! — клюнул

на инсценировку. — Я сначала сам посмотрю. В армии я был санитаром.

— Плащ... — запнулся Норман. — Пуговицы... — Краем глаза он следил за Бивером, не выпуская его из поля зрения.

Старший коп сделал еще один шаг к нему. Теперь он оказался прямо перед Норманом. Бивер тоже шагнул вперед. Старший коп расстегнул верхнюю пуговицу новоприобретенного плаща Нормана. Затем вторую. Когда он покончил с третьей, Норман безошибочным движением, почти без замаха, всадил ему в горло нож для открывания писем. Кровь потоком хлынула из раны, заливая синюю форму полицейского. В тусклом свете она смахивала на мясную подливку.

Бивер, как выяснилось, не вызвал никаких затруднений. Он застыл, парализованный ужасом, глядя на старшего, который поднял руку и несколько раз слабо ударил по рукоятке торчавшего из шеи ножа. Он походил на человека, пытающегося сбросить неприятную пивавку.

— Кгг! — выдавил он. — Экк! Кгг!

Бивер повернулся к Норману. В шоковом состоянии он, похоже, не осознавал причастности Нормана к тому, что произошло с его старшим напарником, и такая реакция отнюдь не стала для Нормана неожиданностью. Он сталкивался с этим и раньше. Потрясенный и удивленный, младший полицейский превратился в испуганного десятилетнего мальчишку; он не просто выглядел, как Бивер, он стал им.

— Что-то случилось с Элом! — произнес Бивер. Норман знал еще одну вещь о Бивере, чей портрет должен в скором времени занять свое место в городской галерее полицейской славы: салаге казалось, что он орет во всю мощь легких, хотя на самом деле то, что вырывалось из его горла, нельзя было назвать даже шепотом. — Что-то случилось с Элом!

— Я знаю, — подтвердил Норман и нанес юнцу апперкот в подбородок, опасный удар даже для равного по силе противника, но в том состоянии, в каком находился салага, с ним справился бы любой уличный задира-старшекласник. Удар достиг своей цели, и юный полицейский рухнул как подкошенный на металлический поручень ограждения, который Норман сжимал не далее чем тридцать секунд назад. Правда, Бивер не потерял сознания, как надеялся Норман, однако его взгляд помутнел, так что с ним проблем не будет. При падении с головы молодого копа слетела фуражка, волосы его оказались довольно короткими, но не настолько, чтобы за них нельзя было взяться. Норман сгреб их в кулак и резко дернул голову юнца навстречу своему колену. Раздался приглушенный и вместе с тем тошнотворный звук; словно кто-то ударил клюшкой для гольфа по толстой сумке с фарфоровой посудой.

Бивер мгновенно обмяк. Норман оглянулся в поисках его напарники и увидел нечто невероятное: тот исчез.

Норман со сверкающими глазами повернулся в другую сторону и заметил старшего копа. Тот очень медленно шагал по тротуару, вытянув перед собой руки, как зомби в фильме ужасов. Норман сделал полный оборот на пятках, высматривая свидетелей происходящей комедии. Улица оставалась пустынной. От парка доносились крики и голоса веселящихся подростков, раздавались притворно возмущенные визги девушек, которых в тумане лапали их приятели, но это не проблема. Пока что ему фантастически везло. Если удача не изменит и на протяжении ближайших сорока пяти секунд, от силы минуты, он вернется домой свободным.

Норман догнал старшего полицейского, который остановился, чтобы в очередной раз попытаться вытащить из горла принадлежавший Анне Стивенсон нож для открывания писем. Он умудрился преодолеть расстояние в двадцать пять ярдов.

— Офицер! — позвал его Норман негромким взволнованным голосом, дотрагиваясь до локтя.

Полицейский резко обернулся. Его остекленевшие глаза едва не вылезали из орбит; такие

глаза, мелькнуло в голове у Нормана, могут принадлежать крупному дикому зверю, чья голова в качестве трофея украшает дом опытного охотника. Алая кровь залила форму полицейского от шеи до колен. Норман не мог понять, каким образом тому удается оставаться живым, более того, находиться в сознании. «Должно быть, на Среднем Западе копов делают из более прочного материала», — подумал он.

— Ма-ы! — настойчиво промычал раненый коп. — Ма-ы! Скоэ! Вы-ва помоу!

Голос его, сдавленный и булькающий, звучал на удивление мощно. Норман даже понимал, чего требует от него старый коп. Да, он, разумеется, допустил ошибку, непростительный промах, достойный разве что зеленого новичка, и тем не менее Норман подумал, что был бы счастлив работать с ним в паре. Когда полицейский пытался говорить, торчащая из горла рукоятка ножа дергалась вверх-вниз, и ее движения напомнили Норману шевелящиеся губы резиновой маски, когда он манипулировал ими с помощью собственных пальцев.

— Да-да, конечно, я вызову подмогу, — заверил его Норман с мягкой, убедительной искренностью. Он крепко взял копа за руку. — Но пока что давай отведем тебя назад в машину. Идем. Сюда, офицер. — Он хотел было назвать его по имени, но не знал, как того зовут; нагрудный знак с именем залило кровью. А назвать его «офицером Элом» было бы смешно. Норман снова настойчиво дернул раненого за руку, и тот повиновался.

Он повел шатающегося, истекающего кровью патрульного с торчащим из горла ножом к черно-белому «чарли-дэвиду», каждую секунду ожидая, что из становящегося все более плотным и непроницаемым тумана вынырнет кто-то: мужчина, решивший заглянуть в магазин по соседству за упаковкой пива, женщина, возвращающаяся из кинотеатра, кто-то из пацанов, идущих домой после свидания (возможно — Боже, спаси короля, — состоявшегося в парке развлечений в Эттингере), — а когда это случится, он будет вынужден прикончить и случайных свидетелей. Как только начинаешь убивать людей, процесс продолжается без конца; первое убийство распространяет вокруг себя круги, словно брошенный в воду камень.

Но никто не появился из тумана. Слышались одни только бестелесные голоса, доносившиеся из-за туманной завесы со стороны Брайант-парка. И это чудо, как и то, что офицер Эл все еще держался на ногах, несмотря на хлеставшую из него, как из подколотой свиньи, кровь; тянувшиеся за ним ручьи крови были такими большими, что в некоторых местах образовались настоящие лужи, поблескивающие, словно пролитое машинное масло, под тускло светящимися уличными фонарями.

Норман задержался на секунду, чтобы подобрать с земли упавшую фуражку Бивера, а проходя мимо открытой водительской дверцы черно-белого полицейского автомобиля, нырнул через опущенное окно внутрь салона и выдернул связку ключей из замка зажигания. Она оказалась довольно внушительной, ключей на кольце было так много, что они торчали во все стороны, будто солнечные лучи на детском рисунке, сделанном мелком на асфальте, однако Норману без труда удалось найти тот, которым открывался багажник автомобиля.

— Сюда, сюда, — подбадрывающе прошептал он. — Идем, еще немножечко, а потом я вызову подмогу.

Он ожидал, что коп не сумеет дойти до машины и свалится, потеряв сознание, но этого не случилось. Впрочем, раненый полицейский оставил бесполезные попытки извлечь застрявший в горле нож.

— Аккуратнее, офицер, здесь тротуар, можно споткнуться.

Полицейский осторожно сошел на проезжую часть. В тот момент, когда подошва его форменного ботинка коснулась асфальта, рану вокруг лезвия ножа прорвало, она открылась, как рыбе брюхо, и мощная струя крови выплеснулась на воротник рубашки.

«Теперь я еще и убийца полицейского», — мелькнуло в голове у Нормана. Он ожидал, что

мысль подействует на него угнетающе, но ничего подобного не произошло. Наверное, потому, что дальней, потаенной и более мудрой частью сознания он понимал, что в действительности не убивал этого крепкого хорошего офицера полиции; смерть его — дело рук кого-то другого. *Чего-то* другого. Скорее всего, виноват бык. Чем дольше Норман обдумывал новую мысль, тем вероятнее она ему казалась.

— Секундочку, офицер, мы уже пришли.

Коп послушно остановился у багажника автомобиля. Норман сунул ключ в прорезь замка и открыл крышку. Внутри валялись запасное колесо (гладкое, как задница новорожденного), домкрат, два пуленепробиваемых жилета, пара ботинок, зачитанный до дыр старый номер «Пентхауза», коробка с инструментами, рация, в которой не хватало половины внутренностей. Короче, самый обычный багажник полицейской машины, ничем не отличающийся от тех, какие ему приходилось видеть раньше. Однако как и во всех других таких багажниках, в нем обязательно оставалось место еще для одного предмета. Пока напарник Бивера, пошатываясь, молча стоял за его спиной, уставившись невидящими глазами в какую-то удаленную точку, как будто узрел место, где заканчивается его прежний путь и начинается новый, Норман сдвинул коробку с инструментами в одну сторону, рацию в другую, подсунул домкрат под запасное колесо и оглядел образовавшееся свободное место, прикидывая, поместится ли человек, для которого оно предназначено.

— Сойдет, — решил он. — Хорошо. Но мне понадобится твоя фуражка, ты не возражаешь?

Коп ничего не сказал в ответ, лишь качнулся назад, в этот раз чуть сильнее, однако мать Нормана, эта застенчивая стерва, любила повторять; «Молчание — знак согласия», и Норман считал ее изречение вполне уместным и гораздо более безобидным, нежели отцовское: «Кто способен пописать самостоятельно, тот мне годится». Норман снял с патрульного фуражку и напялил ее на собственный бритый череп.

— Кггг, — выдавил полицейский, протягивая перепачканную руку и показывая ее Норману. Глаза его не сдвинулись с места; казалось, они существовали отдельно от хозяина и находились где-то очень далеко.

— Да, я вижу, кровь, проклятый бык, — проговорил Норман и подтолкнул копа к открытому багажнику. Тот свалился как подкошенный; одна дергающаяся нога свесилась через край. Норман согнул ее в колене, засунул в багажник и захлопнул крышку. Затем вернулся к салаге. Младший из двоих копов пытался встать, хотя его глаза свидетельствовали о том, что сознание к нему не вернулось. Из глаз текла кровь. Норман опустился на одно колено, взялся за шею салаги и сжал пальцы. Полицейский повалился на спину. Норман сел на него верхом, не ослабляя хватки. Когда Бивер перестал двигаться, Норман прижался ухом к его груди. Он услышал три разрозненных толчка, беспорядочных, словно предсмертные прыжки выброшенной на берег рыбы. Со вздохом Норман опять сдавил шею младшего копа, пережимая большими пальцами трахею. «Сейчас на нас кто-нибудь наткнется, — подумал он, — сейчас кто-нибудь наверняка появится», но никто не вынырнул из тумана. Из укутанного белым одеялом тумана Брайант-парка донесся чей-то голос, обозвавший кого-то сукиным сыном, и в ответ раздался дружный визгливый девчоночий смех, такой, каким смеются только алкоголики и умственно неполноценные, но этим все и ограничилось. Норман снова склонился над телом младшего полицейского и прижался ухом к груди. Парнишка должен исполнить роль декорации в предстоящем спектакле, и Норману не хотелось, чтобы декорация ожила в самый неподходящий момент.

В этот раз в будильнике Бивера ничего не тикало. Норман подхватил его под мышки, перетащил к пассажирской дверце машины и усадил на сидение. Он надвинул ему фуражку на самый лоб, как можно ниже — лицо салаги, черное и распухшее, превратилось в рожу тролля, —

и захлопнул дверцу. Теперь он ощущал дрожь во всех частях тела, но худшей представлялась боль, вернувшаяся в челюсти и зубы. «Мод, — подумал он, — все из-за Мод». Неожиданно он обрадовался тому, что не может подробно вспомнить все, что проделал с Мод... с тем, что от нее осталось. И конечно же, на самом деле он здесь ни при чем; это проделки быка, эль торо гранде. Но Боже, до чего же больно! Словно его разбирали на составные части изнутри, выдергивая то винтик, то гайку, то заклепку.

Тело Бивера стало медленно клониться влево; мертвые глаза блестели на лице, как мраморные шарики.

— Ну куда же тебя понесло, милый, — проворковал Норман и, перегнувшись через колени Бивера, достал ремень безопасности. Прижатый ремнями труп больше не проявлял желания упасть. Норман отступил от машины и критическим взглядом оценил результаты проделанной работы. Ему показалось, что все выглядит вполне убедительно. Бивер просто решил подремать чуток, пока его напарник наблюдает за окрестностями.

Он снова наклонился в салон через открытое окно и, стараясь не толкнуть тело Бивера, открыл отделение для перчаток, надеясь найти там аптечку первой помощи, и его ожидания оправдались. Норман открыл крышку, достал из аптечки бутылочку анацина и проглотил пять или шесть таблеток. Он опирался о капот автомобиля, пережевывая таблетки и морщась от резкого, кисловатого вкуса, когда его сознание совершило очередной скачок в беспамятство.

Через некоторое время он пришел в себя, по всей видимости, потеря сознания продолжалась недолго — во рту и глотке все еще оставался привкус принятого лекарства. Он стоял в вестибюле дома и щелкал выключателем. При этом ничего не происходило; лампа под потолком маленького вестибюля не загоралась. Это хорошо. В свободной руке он сжимал служебный револьвер, позаимствованный у одного из мертвых патрульных. Норман держал его за ствол и подумал, что, наверное, воспользовался револьвером, чтобы расколотить что-то. Может, предохранители? Побывал ли он в подвале? Видимо, да, но это не имеет значения. Главное, что свет не включается.

Дом состоял из сдающихся в наем меблированных комнат — чистый и приличный, но все же, по сути, являющийся чем-то вроде общежития. Запах дешевой жратвы, той, что непременно готовится на электрических плитках, нельзя спутать ни с чем. Спустя некоторое время этим запахом пропитываются даже стены дома, и никакое средство не поможет от него избавиться. Через две-три недели к запаху добавится характерный в это время года для меблированных комнат звук: низкий гул маленьких электрических вентиляторов, жужжащих на подоконниках комнатух, которые в августе превращаются в настоящие жаровни. Значит, она решила променять свой маленький уютный дом на вот такую ночлежку; впрочем, у него слишком мало времени, чтобы задумываться над подобными загадками. В настоящий момент гораздо важнее знать, сколько жильцов проживает в этом доме и какая их часть находится дома ранним субботним вечером. Другими словами, сколько человек могут стать препятствием на его пути к желанной цели.

— Да несколько, — уверенно заявил голос из кармана нового плаща Нормана.

Авторитетный тон говорившего успокоил его. — Несколько, ибо то, что случится потом, не имеет ни малейшего значения, и это намного упрощает ситуацию. Если кто-нибудь высунет нос из своей каморки, убей его, и дело с концом. Норман повернулся, вышел на крыльцо и прикрыл за собой дверь. Потянул ее на себя, проверяя, сработал ли замок. Дверь не поддалась. Он догадался, что открыл ее с помощью отмычки — в жизни ему доводилось сталкиваться с замками посложнее — однако ощутил некоторое беспокойство, оттого что не мог полностью контролировать собственные действия. И свет. Какого дьявола он решил отключить освещение, ведь она, скорее всего, появится одна? Если на то пошло, откуда ему известно, что Роуз еще не

вернулась? Скажем, на второй вопрос ответить легко: ее нет дома, потому что бык сообщил ему об этом, и он поверил быку. Что касается первого, то не исключается вероятность того, что Роуз будут *сопровождать*. Например, Герти вздумается довести подружку до дома, или... гм, Фердинанд, помнится, намекал на приятеля? Норман категорически отказывался верить в такое, но... «Ей нравится, как он ее целует», — поведал ему Фердинанд. Дура, она ни за что не осмелится... но лучше не рисковать.

Он начал спускаться по ступенькам, намереваясь вернуться к черно-белой полицейской машине, скользнуть на водительское сидение и ждать, ждать, пока Роуз не объявится, и в этот миг произошел последний скачок, и это был *настоящий* скачок, ничуть не напоминающий провал, его сознание взметнулось ввысь, как монета, сорвавшаяся с ногтя большого пальца футбольного судьи и определявшая, кому наносить первый удар по мячу или кому выбирать ворота, а когда сознание возвратилось, захлопнул за собой входную дверь в вестибюль, бросился вперед в темноту, и его пальцы сомкнулись на шее дружка Роуз. Он не знал, откуда ему известно, что это действительно дружок, а не переодетый в штатское полицейский, которому поручили доставить его жену домой в целостности и сохранности, но какая к черту разница? Он *знает*, и этого достаточно. Его череп вибрировал, едва не разрываясь от kloкотавших внутри ярости и гнева. Не видел ли он, как этот сопляк (*ей нравится, как он ее целует*) размазывал слюну по ее роже, прежде чем войти? Может, даже опустил ладошки ниже талии, чтобы пощупать ее ягодицы? Он не помнил, не *хотел* вспоминать, не *нуждался* в воспоминаниях.

— Я ведь говорил! — закричал из кармана бык; даже в ярости Норман отчетливо слышал каждое его слово. — Я тебе говорил, верно? Так вот чему научили ее подруги! Замечательно! Великолепно!

— Я убью тебя, сучье отродье, — прошипел он в невидимое ухо мужчины — дружка Роуз, — прижимая его спиной к стене вестибюля. — И жаль, что Бог не позволит мне убить тебя дважды.

Он вцепился в горло Билла Штайнера и сжал пальцы.

— Норман! — закричала из темноты Роза. — *Норман, отпусти его!*

Рука Билла, легонько прикасавшаяся к ее локтю с того момента, когда она вытащила ключ из замочной скважины входной двери, неожиданно исчезла. В темноте она услышала торопливые шаги — *топот*. Затем раздался более тяжелый стук тела, ударившегося о стену.

— Я убью тебя, сучье отродье, — прозвучал в темноте зловещий шепот. — И жаль, что Бог не позволит мне...

«Убить тебя дважды», — закончила она мысленно фразу, прежде чем он произнес эти слова вслух; одна из любимых угроз Нормана. Он часто выкрикивал ее в адрес футбольного судьи, когда тот давал свисток не в пользу «Янки», любимой команды Нормана, или же в спину водителя, подрезающего его на повороте. «Жаль, что Бог не позволит мне убить тебя дважды». А потом она услышала сдавленный булькающий хрип, и это, конечно же, Билл. Билл, из которого мощные и безжалостные руки Нормана выдавливают жизнь. Вместо ужаса, который он внушал ей всегда, Роза ощутила прилив яростной ненависти, точно такой же, как и в машине Хейла, а затем в полицейском участке. В этот раз ненависть едва не затопила ее.

— *Отпусти его, Норман!* — закричала она. — *Убери от него свои паршивые лапы!*

— Заткнись, проститутка! — прозвучало в ответ из темноты, однако в голосе Нормана она явственно уловила не только злость, но и удивление. До этой секунды она ни разу не приказывала ему — ни разу за все время супружеской жизни — и не говорила с ним таким тоном. И еще кое-что — она ощутила слабое тепло на руке чуть выше того места, к которому прикасался Билл. Браслет. Золотой браслет, который подарила ей женщина в мареновом хитоне. И мысленно Роза услышала ее властное повеление: «Прекрати свое жалкое овечье бляение, женщина!»

— *Отпусти его, я тебя предупреждаю!* — закричала она Норману и зашагала к тому месту, откуда слышались сдавленный хрип и тяжелое дыхание. Она шагала, как слепая, выставив перед собой руки, скривив губы не то в усмешке, не то в оскале.

«Ты не смеешь задушить его, — думала она. — Ты не задушишь его, я тебе не позволю. Тебе следовало держаться от меня подальше, Норман. Тебе следовало оставить нас в покое, пока не слишком поздно».

Ноги, беспомощно колотящие по стене, прямо перед ней. Она отчетливо представила Нормана, который прижимает к стене Билла, оскалившись в кусачей улыбке, и неожиданно превратилась в стеклянный сосуд, доверху наполненный бледно-розовой жидкостью — чистой рафинированной слепой яростью.

— *Дерьмо вонючее, ты что, не слышал, что я тебе сказала? ОТПУСТИ ЕГО НЕМЕДЛЕННО, СКОТИНА!*

Она протянула левую руку, которая казалась ей сильной, как орлиный коготь. Браслет невыносимо жег руку — она почти видела, как он сияет тусклым янтарным светом, пробивающимся через свитер и одолженную Биллом куртку. Но она не ощущала боли — лишь опасное возбуждение. Она схватила мужчину, избивавшего ее на протяжении четырнадцати лет, и с удивительной легкостью оттащила в сторону. Сдавлив его плечо под скользкой водонепроницаемой тканью плаща, швырнула Нормана в темноту. Раздался быстрый топот ног, словно не поспевающих за телом, затем глухой звук удара и грохот разбитого стекла. Кэл Кулидж, или кто бы там ни висел на стене, свалился.

Рядом и внизу она услышала кашель Билла, лихорадочно хватающего ртом воздух. Роза вытянула руки, растопырив пальцы, нашла его плечи и крепко взялась за них. Он согнулся чуть

ли не вдвое, отчаянно борясь за каждый вдох и тут же выкашливая воздух из легких. Это ее не удивило. Она на себе испытала силу Нормана.

Рози просунула правую руку ему под мышку и подхватила чуть выше локтя, боясь взяться за Билла левой рукой, опасаясь невольно причинить ему боль. Рози чувствовала, как в левой руке гудит, пульсируя, небывалая сила. Самое удивительное, наверное, заключалось в том, что ей нравилось ощущать собственное могущество.

— Билл, — прошептала она. — Идем. Идем со мной.

Ей нужно поднять его наверх. Она не понимала почему, пока что не понимала, но ничуть не сомневалась в том, что, когда потребуется, понимание придет само. Но он не сдвинулся с места, повис у нее на руках, кашляя и задыхаясь.

— *Идем же, черт возьми!* — прошептала она хрипло и раздраженно... и спохватилась, сообразив, что с ее языка едва не сорвалось: «Черт бы *тебя* побрал». И она понимала, чей голос напоминает ей собственный лихорадочный шепот, о да, даже в такой отчаянной обстановке прекрасно это понимала.

Впрочем, он сделал шаг, а сейчас это главное. Рози повела его через вестибюль с уверенностью собаки-поводыря. Билл продолжал кашлять, его горло раздирала подступающая рвота, но шел.

— *Стой!* — заорал на них Норман откуда-то из темноты. Голос его звучал одновременно официально и отчаянно. — Стой, не то буду стрелять!

«Нет, ты не посмеешь, это испортит тебе все удовольствие», — подумала она, но он все-таки выстрелил, выпустил в потолок пулю из револьвера сорок пятого калибра, принадлежавшего одному из мертвых патрульных. Тесное помещение вестибюля сотряслось от грохота, глаза у нее заслезились от дыма воспламенившегося пороха. Выстрел сопровождался короткой вспышкой красновато-желтого огня, настолько яркой, что на сетчатке ее глаз, словно татуировка, отпечатались все увиденное, и она подумала: в этом-то и состояла его цель — оценить пейзаж и увидеть, какое место в нем занимают они с Биллом. Как выяснилось, только-только подбирались к лестнице.

Билл издал сдавленный рвотный звук, грузно навалился на нее, и Рози оперлась о стену. Она напряглась, чтобы удержаться и не упасть на колени, и в этот момент в темноте раздался топот Нормана, снова бросившегося к ним.

Рози шагнула сразу на вторую ступеньку, волоча Билла за собой. Он слабо отталкивался ногами, стараясь помочь; вероятно, ему это удавалось, но слишком плохо. Поднявшись с Биллом на вторую ступеньку, Рози выбросила левую руку в сторону и, словно шагбаумом, перегородила вешалкой вход на лестницу. Когда Норман напоролся на вешалку и разразился отборными проклятиями, она отпустила Билла, который опустился на ступеньку, но не упал. Он по-прежнему не мог отдышаться, и она почувствовала, как он опять наклонился, стараясь перевести дух, пытаясь вернуть дыхание.

— Держись, — пробормотала она, — Держись, Билл, я сейчас.

Она поднялась на две ступеньки, обошла его и спустилась с другой стороны, чтобы суметь действовать левой рукой. Раз уж решила втащить его наверх, то потребуется вся сила, которой пронизал ее руку золотой браслет. Она обхватила Билла за пояс и внезапно почувствовала, что ей не составляет ни малейшего труда поднять его. Рози зашагала с ним по ступенькам, тяжело дыша и наклоняясь немного вправо, в противовес нелегкой ноше, но не задыхалась. И у нее не подгибались колени. Ей показалось, что таким образом она могла бы, если потребуется, поднять его по любой лестнице. Время от времени Билл пытался помочь ей, опуская ногу и оттискиваясь, но чаще носки его ботинок волочились по ступенькам. Потом, когда они достигли десятой ступеньки — по ее подсчетам середины лестницы, — он начал помогать чуть ошутимее. И очень вовремя, потому что внизу раздался звук рвущейся ткани и треск деревянной вешалки, не устоявшей под напором двухсотпятидесятифунтового веса Нормана. Она снова услышала звуки, сопровождающие его приближение, только в этот раз, как показалось, не топот, а шум, производимый человеком, поднимающимся по лестнице на четвереньках.

— Не надо играть со мной в кошки-мышки, Роуз, — прохрипел он.

С какого расстояния? Трудно судить наверняка. И хотя ветвистая вешалка замедлила его продвижение, Норман не походил на человека, получившего серьезную травму или находящегося в полубессознательном состоянии.

— Остановись там, где стоишь. Даже не пытайся убежать. Я только хочу поговорить с тоб...

— *Не приближайся!*

Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать... Свет в верхнем коридоре тоже не горел, и здесь было темно, как в угольной шахте. Затем Рози едва не упала, когда занесенная над девятнадцатой ступенькой нога не обнаружила под собой твердой опоры и провалилась в пустоту. Значит, в лестничном пролете не двадцать ступенек, как она считала, а всего восемнадцать. Замечательно. Они сумели добраться до второго этажа быстрее, по крайней мере, *это* им удалось. — *Не приближайся ко мне, Нор...*

Жуткая мысль заставила ее остановиться на полуслове, проглотить последний слог имени мужа, словно кто-то нанес удар под дых, не дав договорить. Она застыла, скованная леденящим страхом.

Где ключи? Не оставила ли она их в замочной скважине входной двери?

Она отпустила Билла, чтобы проверить левый карман куртки, и в тот же миг пальцы Нормана мягко и цепко обхватили ее лодыжку, словно кольца змеи, которая душит свою жертву, вместо того чтобы впрыснуть в нее порцию смертельного яда. Не думая ни секунды, она лягнула темноту свободной ногой. Удар пришелся точно в пораненный нос Нормана, и он испустил разъяренный вопль боли, сменившийся затем удивленным возгласом, когда попытался ухватиться за перила, промахнулся и покатился вниз головой по темной лестнице. После двух кувырков внизу раздался шум тяжелого падения.

«Чтоб ты свернул себе шею! — безмолвно закричала она ему вслед, облегченно зажав в кулаке кольцо с ключами, обнаружившееся в кармане куртки — слава Богу, слава Христу, слава всем ангелам небесного царства, она все-таки не оставила их во входной двери. — Сверни себе шею, и пусть все закончится прямо сейчас, прямо здесь, в темноте, сверни свою вонючую шею, умри и оставь меня в покое!»

Но нет. Она услышала, как он зашевелился, задвигался, а потом изрыгнул в ее адрес поток ругательств. Вслед за тем раздался ни с чем не сравнимый шорох — он снова пополз на четвереньках по лестнице, обзывая ее как попало: шлюхой, сучкой, стервой, паскудой и другими не менее лестными словами.

— Я могу идти, — неожиданно отозвался Билл. Его голос звучал пискляво и незнакомо, но все же она услышала его с радостью. — Я могу идти, Розы, пошли в твою комнату. Этот псих снова подбирается к нам.

Билл закашлялся. Под ними — и не очень далеко — Норман разразился довольным смехом. — Правильно. Счастливчик Джим, псих снова подбирается. Псих выковыряет глазки из твоей безмозглой головешки, а потом заставит тебя же скушать их. Интересно, какие они на вкус?

— НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ, НОРМАН, — завизжала Розы, уводя беспомощного Билла в глубину черного коридора.левой рукой она по-прежнему поддерживала его, обнимая за пояс, правой вела по стене, касаясь ее кончиками пальцев, чтобы не пропустить дверь своей комнаты. В поддерживающей Билла левой руке находились три ключа, которыми она успела обзавестись за свою не так давно начавшуюся новую жизнь: от входной двери, от почтового ящика и ключ от двери комнаты. — НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ, Я ТЕБЯ ПРЕДУПРЕЖДАЮ!

А сзади из темноты — все еще с лестницы, но теперь совсем недалеко от верха — донеслось нечто совсем уж абсурдное:

— Не СМЕЙ предупреждать меня, СУКА!

Стена под рукой провалилась, образуя нишу, в которой должна находиться дверь в ее комнату. Она отпустила Билла, нащупала нужный ключ — в отличие от того, который открывает входную дверь подъезда, этот имел квадратную головку — и принялась разыскивать в темноте замочную скважину. С той стороны, где должен быть Норман, не слышалось ни звука. Где он? До сих пор на лестнице? В коридоре? Прямо за ними и тянется к шее Билла, ориентируясь во тьме по его затрудненному дыханию? Она нашла прорезь замка, прижала указательный палец правой руки над ней, чтобы не сбиться, и поднесла ключ. Он не вошел в щель. Она чувствовала, что кончик ключа упирается в замочную скважину, но отказывается проникать глубже. Розы ощутила, как паника отщипывает кусочки ее мозга маленькими мышинными укусами.

— Не получается! — выдохнула она. — Это тот ключ, но он не входит в замок!

— Тогда переверни его. Наверное, ты пытаешься вставить ключ вверх ногами.

— Послушайте, что здесь происходит? — Голос прозвучал дальше по коридору, над ними. Похоже, кто-то вышел на лестничную площадку третьего этажа. За репликой последовало бесполезное щелканье выключателем. — И почему свет не горит?

— Ухо... — закричал было Билл, но его тут же скрутил новый приступ безудержного кашля. Он отчаянно захрипел — словно кто-то швырнул горсть песка между жерновами — пытаюсь прочистить горло и обрести дар речи. — Уходите к себе! Не спускайтесь ни в коем случае! Вызовите пол...

— Я и *есть* полиция, идиот, — изрек мягкий, невнятный голос из темноты рядом с ними. Раздалось низкое сочное хрюканье, в котором улавливались одновременно жадное нетерпение и удовлетворение. В тот момент, когда ей, наконец, удалось воткнуть ключ в замочную скважину, Билл вдруг дернулся и исчез во мраке.

— *Нет!* — завопила она, хлестнув левой рукой по темной пустоте. Браслет выше локтя раскалился еще сильнее. — *Нет, не трогай его!* ОСТАВЬ ЕГО В ПОКОЕ!

Пальцы скользнули по гладкой коже — куртке Билла — но не успели ухватиться за нее и сомкнулись вокруг пустоты. Снова послышались кошмарные звуки, будто кто-то пытался дышать через плотно забитый липкой сахарной пудрой рот. Норман засмеялся. Смех его тоже прозвучал приглушенно. Роза сделала шаг навстречу смеху, вытянула руки перед собой, растопырила пальцы и прислушалась. Она прикоснулась к плечу кожаной куртки Билла, рука ее скользнула дальше и нащупала нечто невообразимое — похожее на мертвую плоть все еще живого существа. Бугристая... скользкая... резиновая поверхность... Резиновая.

«Он в маске, — подумала она. — Он надел маску».

Затем она почувствовала на левой руке его пальцы, и через мгновение рука оказалась во влажной теплой полости. За долю секунды до того, как его зубы сомкнулись, прокусывая пальцы до кости, она успела сообразить, что он впихнул ее руку себе в рот.

Ее пронзила невыносимая боль, но опять она отреагировала не страхом и желанием покорно подчиниться его воле, позволить Норману делать с ней все, чего пожелает его извращенная душа, как это всегда и происходило; Роза отреагировала яростью, такой ослепительной, что ей показалось, будто она сошла с ума. Вместо того, чтобы попытаться вырвать руку из его безжалостной пасти, высвободить ее из острых хищных зубов, она согнула пальцы, прижав подушечки к мокрой полости рта, сразу за зубами. Затем уперлась основанием ладони своей невообразимо сильной левой руки в подбородок Нормана и рванула его челюсть на себя.

Через руку ей передалось странное ощущение треска, похожее на звук, который производит сгибаемая через колено палка перед тем, как окончательно сломаться. Она ощутила, как Норман дернулся, услышала его вопросительный завывающий возглас, состоящий, казалось, из одних гласных звуков — «Даааоооууу?» — после чего его вывихнутая нижняя челюсть подалась вперед, как выдвигаемый ящик письменного стола. Он завизжал от боли, и Роза прижала к груди окровавленную руку, думая: «Вот что бывает с теми, кто любит кусаться, так тебе и надо, подонок, попробуй-ка теперь укусить меня!»

Она услышала, как он ретируется по коридору, и следила за его отступлением по воплям и шороху трущейся о стену рубашки. «Сейчас он выстрелит», — мелькнуло в голове. Она повернулась к Биллу, который, совершенно обессиленный и согнувшийся от очередного приступа кашля, безвольно привалился к стене.

— Эй, ребята, заканчивайте, пошутили и хватит.

Голос мужчины с лестничной площадки третьего этажа, раздраженный и злой, только теперь он доносился снизу, из дальнего конца коридора, и сердце Розы наполнило дурное предчувствие. Она поняла, что сейчас случится. Повернув ключ в замке, она толкнула дверь и закричала голосом, совершенно не похожим на ее собственный; ей казалось, что кричит кто-то иной, ей незнакомый:

— Уходите же скорее, дурак! Он вас убьет! Не...

Раздался выстрел. Роза смотрела влево, и при вспышке выстрела заметила Нормана, сидящего у стены со скрещенными ногами. Вспышка была слишком короткой, чтобы в деталях рассмотреть его, но все же она поняла, что за штуковина на его лице: резиновая маска по-идиотски ухмыляющегося быка. Кольцо крови — ее крови — обрамляло дыру рта. Роза увидела направленный на нее взгляд затравленных глаз Нормана, глаз пещерного дикаря, готового броситься в решающее сражение, исход которого предрешен заранее: смерть.

Под крики — теперь уже от боли — рассерженного соседа Роза втащила Билла в комнату и захлопнула за собой дверь. Комнату наполняли тени, туман приглушил свет уличного фонаря, от

которого на полу обычно оставался четкий прямоугольник, и тем не менее комната после мрака вестибюля, лестницы и коридора показалась ей почти ярко освещенной.

Первый предмет, который увидела Роза, — это браслет, тускло мерцавший в полутьме на тумбочке рядом с лампой.

«Я сделала это сама, — подумала она, чувствуя себя на удивление глупо. — Я сделала это сама, одной лишь мысли о браслете оказалось достаточно, чтобы...»

«Разумеется, — подтвердил внутренний голос; давненько она не слышала старой знакомой миссис Практичность-Благоразумие. — Разумеется, ты сделала все сама, в браслете никогда не таилось никакой силы, никогда, сила всегда находилась в *ней*, сила всегда была в...»

Нет, нет и нет. Она не пойдет по этой тропинке дальше, ни на шаг, иначе можно забрести в непролазные дебри. Тем более, что ее внимание отвлек новый поворот событий: Норман бросился на таран двери, как грузовой поезд. Дешевая фанера затрещала под его напором; дверь жалобно застонала на петлях. Чуть дальше раздавались жалобные завывания и всхлипы соседа, которого Роза никогда раньше не встречала.

«Быстрее, Роза, быстрее. Ты знаешь, что надо делать, ты знаешь, куда идти...»

— Роза... позвонить... надо... вызвать...

На большее Биллу не хватило сил, его снова скрутил приступ кашля — слишком сильный, чтобы закончить фразу. Впрочем, у нее все равно нет времени на выслушивание подобной чепухи. Пожалуй, позже его предложение будет иметь смысл, но в данный момент единственное, о чем следует думать, — это каким образом избежать смерти через несколько секунд. Настало время ей позаботиться о нем, найти убежище... а это значит увести его туда, где безопасно. Туда, где безопасно для них *обоих*.

Роза рванула на себя дверцу шкафа, ожидая, что странный мир тут же прольется, заполняя собой тесное пространство комнаты, как в ту ночь, когда она проснулась от раскатов грома. В комнату ворвутся ослепительные солнечные лучи, заставляя их плотно закрыть привыкшие к темноте глаза...

Но увидела только внутренность шкафа, тесную и пыльную, и ничего более — совершенно пустого шкафа, ибо те предметы одежды, которые хранились в нем раньше, свитер и пара кроссовок, сейчас были на ней. Ну да, картина находится там, где она оставила ее, но не увеличилась в размерах, не изменилась как-то еще, короче, она была такой же, как и прежде. Всего-навсего картина, выдранная из рамы, средней паршивости полотно, каких полным-полно на дальних полках антикварных магазинов, на блошиных рынках и в ломбардах. Не более того.

Дверь снова загрохотала под ударами тела Нормана. В этот раз фанера затрещала гораздо громче; от деревянной коробки отлетела щепка и упала на пол. Еще несколько ударов, и дело сделано; наверное, хватит двух-трех. Двери меблированных комнат не рассчитаны на то, чтобы противостоять безумию.

— Это же была не просто картина! — воскликнула Роза. — Она предназначалась мне, и это не просто картина, черт бы ее побрал! Через нее открывается вход в совершенно иной мир! Я *знаю*, потому что мне достался ее браслет!

Она повернулась, посмотрела на золотое украшение, затем подбежала к тумбочке и схватила браслет. Он показался ей еще тяжелее, чем раньше. И он был горячий.

— Роза, — произнес Билл. Она едва различала его силуэт. Билл держался руками за шею. Ей показалось, что с уголка его рта стекает кровь. — Роза, мы должны позвонить в...

И тут он вскрикнул, пораженный ярким сиянием, проникшим в комнату... только оно оказалось не настолько ярким, чтобы соответствовать памятного солнечному полдню. Расползаясь тонким шлейфом по полу, комнату заливал лунный свет, исходящий из встроенного шкафа. Держа браслет в руке, Роза приблизилась к Биллу и заглянула в шкаф. Там, где должна

была находиться задняя стенка, возвышалась вершина холма, покрытая волнующейся под неустанным ночным бризом густой высокой травой, чуть дальше вырисовывались четкие линии и колонны поблескивающего в лучах луны храма. А над всей этой картиной сверкающей серебряной монетой в пурпурно-черном небе висела луна.

Ей представилось, как лисица, мать семейства, которую они видели сегодня (*тысячу лет назад*) поднимает морду к луне. Лисица, следящая за луной, пока ее детеныши спят под корнями вывороченного из земли дерева, задирающая морду к небу и глядящая на луну своими черными блестящими глазками.

На лице Билла застыло выражение полнейшего непонимания; свет ночи серебрил его кожу.

— Роза, — пробормотал он слабым неуверенным голосом. Губы его продолжали шевелиться, но он больше не произнес ни звука. Она взяла его за руку.

— Идем, Билл. Нам нужно спешить.

— Что происходит? — Растерянный и недоумевающий, он выглядел жалко. Это пробудило в ней противоречивые чувства: раздражение, вызванное его по-коровьи замедленной реакцией, и безмерную любовь— почти материнскую, — похожую на бушующий в сознании пожар. Она защитит его. Да. Да. Она спасет его от смерти; ценой собственной жизни, если на то пошло.

— Не задавай вопросов и не думай о том, что происходит, — велела она. — Доверься мне, как я доверилась тебе, когда ты вел мотоцикл. Положись на меня и иди за мной. *Нам надо торопиться!*

Правой рукой она повлекла его за собой; браслет баранкой висел на указательном пальце левой. На мгновение он воспротивился ее усилиям, но в этот момент за дверь раздался крик Нормана, и дверь затрещала под его ударом. Вскрикнув от испуга и злости, Роза крепче сжала руку Билла. Она втащила его в шкаф и в залитый лунным светом мир, раскинувшийся перед ними.

Все пошло кувырком, когда паскуда Роуз перегородила ему путь на лестницу вешалкой. Норман умудрился заплутаться в ней; правда, не он сам, а плащ, который ему так нравился. Один крючок вешалки застрял в петле для пуговицы — лучший фокус недели! — другой влез в карман с нахальством неопытного вора, пытающегося выудить бумажник. Третий медный крючок, словно палец садиста, воткнулся в самую уязвимую точку на теле мужчины. Рыча и проклиная ее на чем свет стоит, он попытался броситься вперед и вверх. Отвратительная вешалка вцепилась в него всеми щупальцами, не желая выпускать добычу, а волочить ее за собой, как выяснилось, не было никакой возможности; одна лапа просунулась между перилами лестницы, удерживая его, как якорь.

Он должен подняться наверх, должен. Не хватало еще, чтобы стерва заперлась в своей конуре с сосунком. Ему необходимо добраться до них раньше. Норман не сомневался, что, если потребуется, без особого труда выбьет дверь, за свою карьеру полицейского ему довелось взломать не один десяток дверей, причем с некоторыми пришлось повозиться, однако в данной ситуации главное — время. Он не хотел стрелять в нее, такая смерть была бы слишком быстрой и легкой для Роуз и ей подобных, но если путь, по которому он следует, не выровняется в ближайшее время, то, возможно, иного выбора не останется. Какой позор! Какое разочарование!

— Да надень же меня, хозяин! — взмолился бык из кармана плаща. — Я в форме, я отдохнул, я готов!

Превосходная мысль. Норман выхватил маску из кармана и напялил на голову, вдыхая запах мочи и резины. Как ни странно, запах оказался не таким уж и противным; более того, если с ним свыкнуться, он даже приятен. Во всяком случае, запах оказал успокаивающее воздействие.

— Viva el toro! — бросил он боевой клич, срывая плащ с плеч. С пистолетом в руке побежал вверх по лестнице. Проклятая вешалка треснула под тяжестью его ног, наградив, однако, напоследок чувствительным тычком в левую коленную чашечку. Норман не почувствовал боли. Он улыбался под маской и дико щелкал зубами, получая удовольствие от звука, похожего на стук сталкивающихся бильярдных шаров.

— Не надо играть со мной в кошки-мышки, Роуз. — Он попытался встать на ноги, но колено, в которое угодило щупальце вешалки, предательски подогнулось. — Остановись там, где стоишь. Даже не пытайся убежать. Я только хочу поговорить с тобой.

Она заорала в ответ — слова, слова, слова, не имеющие значения. Он возобновил путь, продвигаясь на четвереньках, стараясь двигаться как можно быстрее и шуметь как можно меньше. Наконец, почувствовав движение прямо над собой, выбросил руку вперед, схватил ее за левую ногу и впился ногтями. Какое приятное ощущение!

«Попалась, птичка! — подумал в диком, торжествующем возбуждении. — Попалась, слава Богу! Попа...»

Ее нога вынырнула из темноты с неотвратимостью тяжелого подкованного лошадиного копыта, и в результате его нос занял на лице новое положение. Боль оказалась ужасной — словно кто-то разворошил внутри черепа гнездо диких африканских пчел. Роуз вырвалась, но теперь Норман не почувствовал *этого*, он катился, кувыркаясь, по лестнице, стараясь зацепиться рукой за перила — касаясь их только пальцами, — но не в силах остановить падение. Так добрался до самой вешалки, пересчитав все ступеньки; остатков благоразумия хватило, чтобы убрать пальцы со спускового крючка пистолета, иначе он рисковал бы продырявить себя... а судя по тому, как развивались события, такая возможность не исключалась. Секунду-другую лежал неподвижно, приходя в себя, затем встряхнул головой и снова пополз по лестнице.

В этот раз его сознание не совершило скачка и не сорвалось в пропасть беспомысленности, он отдавал себе отчет в производимых действиях, однако все же не имел представления о том, что они кричали ему сверху и какими словами отвечал он. Раздробленный нос занимал все его чувства, отгораживая остальной мир красной пеленой боли.

Он помнил, что на сцене появился новый персонаж — традиционный случайный свидетель, и дружок Роуз пытался предупредить его об опасности. Самое приятное в предусмотрительности сердобольного сосунка заключалось в том, что его жужжание помогало Норману легко ориентироваться в темноте: никаких проблем. Он нащупал шейку сосунка и снова принялся душить его. В этот раз намеревался довести начатое дело до конца, но тут из мрака вынырнула ручонка Роуз и уткнулась ему в щеку... в резиновую маску. Наверное, так ощущает женские ласки мужчина, находящийся под воздействием новокаина.

Роуз. Роуз прикасается к нему. Она близко, совсем рядом, в пределах досягаемости. Впервые с того дня, когда она покинула дом с проклятой банковской карточкой в сумочке, Роуз находится совсем *рядом*, и Норман в мгновение ока потерял всякий интерес к плейбою. Он схватил ее руку, затолкал через ротовое отверстие маски в собственный рот и что было сил впился зубами в ее пальцы, испытывая подлинный экстаз. Но...

Но потом произошло нечто невероятное. Нечто очень плохое. Нечто *ужасное*. Норману показалось, что она выдернула его челюсть, словно дверь с петель. Две отточенные стальные стрелы боли скакнули от скул к вискам и встретились под сводом черепа. Он взвыл и попятился прочь от нее, сука, грязная сука, что с ней произошло, что изменило ее, превратив из тщедушной безропотной предсказуемой мышки в такое чудовище?

Случайный свидетель решил дополнить сценарий своим участием, и Норман почти не сомневался в том, что выстрел достиг цели. По крайней мере, кого-то он подстрелил: так кричат только от пулевого ранения или сильного ожога. Затем, когда он направил пистолет в ту сторону, где, по его предположениям, должны находиться Роуз с дружком, слуха Нормана достиг стук закрывшейся двери. Все-таки паскуда успела запрятать любовника в свою конуру.

Но сейчас их уход занимал в его мыслях далеко не первое место. Главное — это боль, которая сконцентрировалась теперь в области челюсти, и Норман на время забыл о сломанном носе, ушибленном колене и пострадавших от столкновения с вешалкой яичках. Что она сотворила? Он ощущал нижнюю челюсть как некое *продолжение* лица, зубы представлялись ему спутниками, вращающимися по независимым орбитам вдали от кончика носа.

«Не будь идиотом, Норми, — раздался успокаивающий голос отца. — Подумаешь, свернули челюсть. Ну и что? Ты же знаешь, как следует поступать в подобных случаях. Так что же ты медлишь?»

— Заткнись, старый извращенец! — попытался произнести Норман, но с вышедшей из подчинения челюстью ему удалось лишь выдавить несколько бессвязных нечленораздельных междометий: «Аа-ыы, аы иаэ-э!» Он положил пистолет на пол, поддел резиновые бока края большими пальцами (но не натянул ее на лицо до самого низа, что облегчало задачу), аккуратно прижал основания ладоней к челюсти. Свободно болтающаяся челюсть смахивала на вышедшее из строя шарнирное соединение.

Приготовившись к боли, он сдвинул ладони чуть глубже, отвел локти в стороны и резко толкнул челюсть внутрь. Боли было предостаточно, главным образом из-за того, что сначала челюсть встала на место лишь одной стороной. Нижняя часть лица съехала набок, словно перекосившийся ящик комода.

«Походи с такой рожей немного, Норман, и она никогда уже не станет прежней», — предупредил его презрительный голос матери — старой гадюки, которую он помнил слишком хорошо.

Норман повторил процедуру, направляя усилия на правую сторону челюсти. С отчетливым звучным щелчком челюсть встала на положенное место. Впрочем, его не покидало ощущение некоторой слабости, как будто сухожилия растянулись, и им понадобится довольно продолжительное время, чтобы принять прежние размеры. Ему казалось, что, если он зевнет, челюсть опустится до самого пупка.

«Маска, Норми, — подсказал папаша. — Не забывай про маску. Натяни ее полностью, она тебе поможет».

— Совершенно верно, — согласился бык. Голос его звучал невнятно, ибо во время пластической операции Норман сдвинул ее набок, смяв рот Фердинанда, однако понять сказанное не составляло труда.

Он осторожно опустил маску на лицо, поправил нижний край так, чтобы он приходился под линией челюсти, и почувствовал, что маска действительно помогла; она удерживала части его лица на своих местах.

— Отлично! — воскликнул Ферди. — Считай, что это просто вспомогательная повязка.

Норман сделал глубокий вдох и не без труда встал на ноги, засовывая пистолет сорок пятого калибра за пояс брюк. Все в порядке, — подумал он. — Никого, кроме парней, не впускать; дело предстоит не женское». Ему даже показалось, что через глазницы маски он стал видеть лучше, словно его зрение приобрело масштабность.

Несомненно, это лишь проделки воображения, но ощущение; тем не менее, приятное, и он с удовольствием отдался ему. Нечто из серии психологических упражнений для восстановления утраченной уверенности.

Он на мгновение прижался к стене, затем ринулся вперед и обрушился всей массой на дверь, за которой укрылась Роуз со своим дружком-сосунком. От столкновения челюсть болезненно дернулась, несмотря на плотную перевязь маски, но он без колебаний снова бросился на дверь, напрягая все силы. Дверь загрохотала в коробке, и на верхней панели появилась длинная трещина.

Норман неожиданно пожалел, что рядом с ним нет старого приятеля и напарника Харли Биссингтона. Вдвоем они бы снесли дверь с первой попытки, и в знак благодарности позволил бы Харли поразвлечься с его женушкой, пока он, Норман, занимался бы ее дружком. Развлечение с Роуз составляло едва ли не главное потаенное желание Харли Биссингтона; Норман никогда не понимал до конца его страсти, безошибочно угадывавшейся в глазах напарника всякий раз, когда тот посещал их дом. Он снова бросился на дверь.

При шестом ударе — или при седьмом, счастливое число, он сбился со счета — дверь сорвалась с петель, и Норман катапультировался в комнату. Она здесь, они оба здесь, им просто некуда деваться, но какое-то мгновение их не видел. Ручьями стекавший пот застилал глаза. Комната была пуста, но ведь это невозможно! Через окно они выбраться не могли: оно опущено и закрыто на защелку.

Он забегал по комнате, топчась по прямоугольнику света от уличного фонаря, растерянно озираясь по сторонам; рога Фердинанда со свистом рассекали воздух. Где же спрячется эта сука? Куда она подевалась? Боже милостивый, куда же она запропастилась?

Норман увидел распахнутую дверь в другом конце комнаты и закрытую крышкой корзину для белья. Бросившись к двери, он заглянул в ванную. Никого. Разве что...

Он выхватил из-за пояса пистолет и дважды выстрелил в душевую занавеску, проделав два похожие на испуганные глаза отверстия в виниловой пленке с цветочным рисунком. Затем одернул занавеску, загремевшего металлическими кольцами. Пусто. Пули раздробили пару керамических плиток в стене; невелика потеря. Впрочем, возможно, все к лучшему; он ведь не собирался пристрелить ее, нет. Да, но где же она все-таки?

Норман выскочил из ванной, рухнул на колени, поморщившись от боли, и провел стволом пистолета влево-вправо под кроватью. Никого. Он разлаженно грохнул кулаком по полу.

Направился к окну, отказываясь верить глазам, потому что окно — это единственная оставшаяся возможность... Впрочем, ему так казалось до тех пор, пока не заметил свет — яркий свет, лунный свет, во всяком случае очень похожий на лунный, вырывающийся из другой открытой двери, той, мимо которой промчался, когда ввалился в комнату.

«Лунный свет? Тебе кажется, что ты видишь лунный свет? Норми, у тебя явно поехала крыша. На тот случай, если ты запамятовал, за окном густой туман, сынок. Туман! И даже если бы сейчас была ночь самого полного из всех полнолуний, перед тобой встроенный шкаф. Шкаф, дубина!»

Может, и так, но за свою жизнь Норман пришел к выводу, что его сладкоголосый, жирноволосый, вечно пьяный папаша, знавший толк в способах развращения малолетних детишек, хорошо разбирается не во всем. Норман *знал*, что из шкафа в стене комнаты, расположенной на втором этаже жилого дома, не должен сочиться лунный свет... но именно это он *видел*.

Опустив руку с пистолетом, он медленно приблизился к дверце шкафа и остановился в потоке лучей. Сквозь глазницы маски быка (почему-то казавшиеся теперь *одной* глазницей, через которую он смотрел обоими своими глазами) он уставился на шкаф.

На деревянных боковых стенках встроенного шкафа торчали крючки, на металлической перекладине посередине покачивалось несколько пустых вешалок для одежды, но задняя стенка отсутствовала. Ее место занимал залитый лунными лучами пологий откос холма, поросшего буйной высокой травой. Он увидел, как в сумеречной темноте мелькают светлячки, вычерчивая хитроумные световые узоры. Бегущие по небу облака, проходя неподалеку от луны (еще не достигшей фазы полнолуния, но приближающейся к ней) или проплывая под ней, превращались в комья светящейся ваты. У основания холма расположилась какая-то развалюха. Норману строение напомнило разрушенный восставшими рабами дом богатого плантатора или ветхую церковь.

«По-моему, я сошел с ума, — мелькнула у него в голове мысль, давно потерявшая оригинальность. — Сошел с ума или она расшибла мне башку, и все это — какой-то идиотский сон».

Нет, не годится. Он не примет такое объяснение.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ СЕЙЧАС ЖЕ, РОУЗ! — заорал он в пустоту шкафа... который, если строго придерживаться фактов, перестал быть шкафом. — ВЕРНИСЬ, СУКА, КОМУ СКАЗАЛ!

Никакого ответа. Лишь безмолвный холм... и едва слышное дуновение ветерка, который принес с собой запах травы и цветов, подтверждая, что все видимое им — не удивительный, похожий на реальность обман зрения.

Да, и еще кое-что: треск сверчков.

— Паскуда, ты украла мою банковскую карточку, — добавил Норман уже не таким уверенным голосом. Как всегда, воспоминание о краже вызвало в нем бурю гнева. Он протянул руку и схватился за металлическую перекладину, как пассажир в вагоне метро, держащийся за поручень над головой. Перед ним простирался странный, залитый лунным светом мир, но он почувствовал, как посыпались осколки страха, разбитого мощной волной ярости. — Ты ее украла, и я хочу поговорить с тобой. Хочу поговорить... начистоту.

Пригнувшись под перекладиной, он вошел в шкаф, сбив при этом пару вешалок, со стуком упавших на деревянный пол. Постоял еще мгновение неподвижно, вглядываясь в незнакомый таинственный мир впереди. Затем шагнул в него.

Нога чуть-чуть провалилась, как иногда бывает в старых домах, где полы в комнатах

располагаются на разном уровне. Один-единственный шаг, и он уже стоял не в чьей-то комнате на втором этаже какого-то жилого дома — стоял в густой траве и вдыхал пахучий ветер, шелестевший вокруг него. Ветер задувал в глазницу маски (все верно, глазница действительно только одна; каким образом так случилось, он не помнил, но теперь, когда оказался в ином мире, это воспринималось как нечто совершенно естественное), освежая болезненно чувствительную и мокрую от пота кожу. Он схватил маску за нижний край, намереваясь содрать ее и подставить лицо упоительному дуновению ветра, но маска словно намертво прилипла к коже. Она не поддалась ни на дюйм.

Билл обвел омытый лунными лучами пейзаж внимательным взглядом человека, отказывающегося верить собственным глазам. Его рука невольно поднялась к шее и принялась растирать ее. Роза увидела распространявшиеся по коже синяки и кровоподтеки.

Ночной бриз прикоснулся к ее лбу, как заботливая рука. Прикосновение было мягким, теплым и ароматным. В нем не чувствовалось туманной влажности, не ощущалось сырого привкуса огромного озера, раскинувшегося к востоку от города.

— Роза? Это происходит на самом деле или только кажется?

Прежде, чем ей в голову пришел какой-то ответ, их привлек требовательный, уже знакомый ей голос:

— Женщина! Ты, женщина!

Голос принадлежал женщине в красном, только теперь она была в обычном платье, как показалось Розе, голубого цвета, хотя при лунном свете могла и ошибаться. На полпути от вершины к подножию холма стояла «Уэнди Ярроу».

— Спускайтесь сюда скорее! Нельзя терять ни минуты! Другой вот-вот появится, а у нас много дел! И очень важных!

Роза по-прежнему держала Билла за руку. Она потянула его за собой вниз, к «Уэнди», но он воспротивился, с опаской взирая на темнокожую женщину. Сзади — приглушенно, но все же устрашающе близко — раздался голос Нормана, изрыгнувшего новый набор проклятий в ее адрес. Билл подпрыгнул, но не сдвинулся с места.

— Кто это, Роза? Кто эта женщина?

— Потом. Идем скорее!

В этот раз она не потянула его за собой— подхлестываемая отчаянием она попросту рванула его за руку. Он повиновался, но не успели они сделать и десятка шагов, как Билла снова согнуло пополам от сильнейшего приступа кашля; он остановился, задыхаясь и сверкая выпученными глазами. Роза воспользовалась паузой, чтобы расстегнуть застежку-молнию кожаной куртки, затем стащила ее и бросила на траву. За курткой последовал свитер. Оставшись в блузке без рукавов, она *быстро* надела на руку браслет, подняв его выше локтя и тут же ощутила прилив могучей силы; не имело значения, существует ли эта сила на самом деле или только в ее восприятии. Роза бросила последний быстрый взгляд через плечо, ожидая увидеть надвигающегося на них Нормана, но его пока не было. Она увидела лишь тележку для пони, самого пони, распряженного и пасущегося в зарослях серебристой от лунного света травы, и тот же мольберт с холстом, который стоял здесь во время первого ее путешествия в этот мир. Изображение на холсте снова изменилось. Во-первых, центральным персонажем стояла не женщина, а существо, напоминавшее рогатого демона. Собственно, это и есть демон, решила она, демон в мужском обличье. Роза узнала Нормана и вспомнила, как при короткой вспышке пистолетного выстрела увидела торчащие у него над головой рога.

— Женщина, ну почему же ты такая нерасторопная? *Шевелись!*

Она обхватила Билла, который уже кашлял не так сильно, левой рукой и повела его, поддерживая, к тому месту, где их нетерпеливо дожидалась «Уэнди». Когда они спустились к ней, Роза уже почти полностью несла Билла на себе.

— Кто... вы? — выдавил Билл, вопросительно глядя на темнокожую женщину, когда они подошли ближе, и снова закашлялся.

«Уэнди» проигнорировала вопрос и подхватила его с другой стороны, помогая Розе справиться. А когда заговорила, то слова ее были обращены к Розе.

— Я припасла ее *дзат* заранее и положила его под стеной храма, так что с *этим* все в порядке... но нам надо поторапливаться! Ни секундошки лишней у нас нет!

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — заметила Роза, в глубине души догадываясь, о чем идет речь. — Что такое *дзат*!

— Оставь свои вопросы на потом, — оборвала ее женщина. — Давай лучше прибавим шаг.

Поддерживая Билла с двух сторон, они зашагали по выющейся на склоне холма тропинке к Храму Быка (и Роза удивилась тому, насколько легко восстанавливаются в памяти вроде бы не сохранившиеся в ней детали) Тени идущих неотступно следовали по траве рядом. Здание выросло перед ними, словно живое, голодное, алчное существо, казалось, будто оно *стремится* к ним. Роза испытала огромное облегчение, когда «Уэнди», не доходя до ступенек храма, свернула вправо и повела их в обход строения.

За углом храма на одном из развесистых колючих кустов, словно небрежно брошенное платье, висел *дзат*. Роза посмотрела на странное одеяние с опаской, но без удивления. Это был мареновый хитон, двойник того, который облекал тело стоящей на холме женщины с безумным и чувственно-сладостным голосом.

— Надевай, — коротко приказала темнокожая женщина.

— Нет, — слабо запротестовала Роза. — Нет, я боюсь.

— ВЕРНИСЬ СЕЙЧАС ЖЕ, РОУЗ!

Билл вздрогнул от обрушившегося на них крика и повернул голову, озираясь широко раскрытыми глазами; лицо его побледнело, хотя в этом, наверное, стоит винить луну, губы дрожали. Роза тоже содрогнулась от ужаса, однако под покровом страха, словно крупная акула под днищем углой лодочки, описывал круги раскаленный гнев. Еще секунду назад она отчаянно цеплялась за призрачную надежду, моля Бога, чтобы Норман не смог проникнуть в этот мир, чтобы не последовал за ними, чтобы картина захлопнулась у него перед носом, как двери вагона в метро. Теперь же она поняла, что этого не произошло. Он нашел лазейку и очень скоро будет вместе с ними в этом мире — или уже здесь.

— ВЕРНИСЬ, СУКА!

— Надевай, — повторила приказ женщина.

— Зачем? — спросила Роза, но руки ее уже принялись стягивать блузку через голову.

— Почему я должна задевать это платье?

— Потому что так желает *она*, а она всегда получает то, что хочет. — Темнокожая женщина посмотрела на Билла, который не мог оторвать взгляд от Розы. — А ты не пьйся. В своем мире можешь любоваться ею, пока глаза не заболят, мне все равно, но тут это не позволяют. Отвернись, если не хочешь неприятностей.

— Роза? — нерешительно окликнул ее Билл. — Это *сон*, правда?

— Да, — подтвердила она, улавливая в собственном голосе холодок и неожиданно возникшую рассудочность, о существовании которых и не подозревала. — Да, это сон. Выполняй все, что она говорит.

Он повернулся резко, как солдат по команде «кругом», и посмотрел на узкую тропинку у стены здания, скрывающуюся за углом.

— И эту упряжку для титок снимай тоже, — велела темнокожая женщина, нетерпеливо ткнув пальцем в бюстгальтер Розы. — Под *дзатом* не должно быть ничего.

Роза растегнула и сняла бюстгальтер. Затем, не расшнуровывая, сбросила кроссовки и сняла джинсы. Она выпрямилась, оставшись в простых белых трусиках, и посмотрела на «Уэнди», которая утвердительно кивком ответила на немой вопрос. — Да, и их тоже.

Роза стащила трусики, потом осторожно сняла с колючего куста мареновое платье — *дзат*. Темнокожая женщина шагнула вперед, чтобы помочь ей одеться.

— Я знаю, как его надевать, не мешай! — отмахнулась от нее Рози и опустила на себя хитон, словно ночную рубашку.

Женщина измерила ее оценивающим взглядом, не проявляя ни малейшего желания помочь Рази даже тогда, когда та замешкалась с бретелькой *дзата*. Справившись с новым для нее одеянием, Рози посмотрела на себя. Хитон оставлял обнаженным правое плечо, над левым локтем сиял золотой браслет. Она превратилась в зеркальное отображение женщины на холме.

— Можешь повернуться, Билл, — сказала она. Он так и сделал, после чего оглядел ее с ног до головы, задержавшись чуть дольше, чем следовало, на выпуклостях сосков, явственно проступавших через тонкую ткань. Рози не возражала.

— Ты совсем не похожа на себя, — вынес он окончательное резюме. — Выглядишь по-иному. Опасно.

— В снах бывает и не такое, — произнесла она, снова улавливая в голосе холодновато-рассудочные интонации. Ей претил такой тон... и одновременно нравился.

— Должна ли я рассказать, что от тебя требуется? — осведомилась женщина. — Думаю, нет. Конечно, нет.

Рози повысила голос, и крик, сорвавшийся с ее губ, музыкальный и дикий, ничуть не походил на ее прежний голос; это был голос той, другой... и вместе с тем и *ее* голос тоже, да.

— *Норман!* — закричала она. — *Норман, я здесь, внизу!*

— Святой Иисус, Рози, нет! — ошалело уставился на нее Билл. — Ты соображаешь, что делаешь?

Он попытался схватить ее за плечо, но она раздраженно сбросила руку, наградив его предупреждающим взглядом. Ему не оставалось ничего другого, как отступить — что он и сделал, встав рядом с «Уэнди Ярроу».

— Это единственный и, кроме того, *правильный* путь. К тому же... — Она перевела взгляд на «Уэнди», и в ее глазах мелькнул огонек сомнения. — Мне, собственно, и не придется ничего *делать*, верно?

— Верно, — согласилась женщина в голубом платье. — Хозяйка сама справится. А если тебе вздумается помешать ей — или помочь в этом деле, — скорее всего, она заставит тебя пожалеть об этом. От тебя требуется единственное — делать то, что всегда делают женщины, как считает тот придурок наверху.

— Одним словом, я должна увлечь его за собой, — пробормотала Рози, в глазах ее отразилось сияние луны.

— Совершенно верно. Уведи его по тропинке. По тропинке через сад.

Рози набрала полную грудь воздуха и позвала его снова, чувствуя, как браслет наполняет тело странным, безрассудно-сладким огнем; ей нравился звук собственного голоса, мощный и уверенный, похожий на боевой клич техасских рейнджеров, который недавно огласил стены подземного лабиринта, клич, разбудивший затихающего младенца и заставивший его плакать.

— Я зде-е-есь, внизу-у-у-у-у-у, Норман!

Билл, пожирающий ее глазами. Испуганный Билл. Она не испытывала удовольствия, наблюдая жалкое выражение его *лица*, но ей *хотелось* видеть его таким. *Хотелось*. В конце концов, он тоже мужчина. А мужчинам следует время от времени напоминать, что и женщина способна внушать страх, не так ли? Иногда в страхе мужчины перед женщиной кроется ее единственная защита.

— А теперь иди, — велела темнокожая женщина. — Я останусь здесь с твоим мужчиной. Нам ничего не грозит; тот, другой, пройдет через храм.

— Откуда ты знаешь?

— Они всегда идут через храм, — прозвучал простой ответ женщины. — Не забывай, кто

он.

— Бык.

— Верно, бык. А ты та, кто прядет шелковую нить для шляпы, которую наденет ему на голову. Только не забывай, что, если он тебя настигнет, ничто и никто не остановит его. Если поймает, то убьет тебя. Просто и ясно. И ни я, ни моя хозяйка не сможем помочь. Он хочет испить твоей кровушки.

«Мне ли об этом не знать, — подумала Роза. — Уж это мне известно гораздо лучше, чем тебе».

— Не ходи, Роза, — взмолился Билл, — Оставайся с нами.

— Нет.

Она оттолкнула его в сторону и пошла вперед; острая колючка царапнула ее по бедру, и боль оказалась столь же приятной, как и исполненный могучей силы крик. Даже ощущение, что из царапины сочится кровь, доставило ей наслаждение.

— Маленькая Роза.

Она повернулась.

— Ты должна дойти до конца раньше, чем он. Знаешь почему?

— Конечно, знаю.

— Что вы имели в виду, говоря, будто он — бык? — растерянно спросил Билл.

В его словах звучала тревога, он показался ей мелким и незначительным... И все же Роза никогда не испытывала к нему такой любви, как в этот момент, и никогда ее чувства не достигнут такого накала в будущем. Бледный, потерянный, он казался ей таким беззащитным.

Билл снова закашлялся. Роза осторожно положила ладонь на его плечо, опасаясь, что он отпрянет. Но этого не произошло.

— Оставайся здесь, — сказала она. — Оставайся здесь, ничего не бойся и веди себя как можно тише.

И поспешила прочь. В последний раз край ее маренового хитона мелькнул у дальнего угла храма, где тропа расширилась, а затем Роза исчезла из виду.

Мгновение спустя ее крик, легкий и одновременно ужасный, снова сотряс тишину ночи:

— *Норман, в маске ты выглядишь настоящим кретином... Я больше не боюсь тебя, Норман...*

— Боже, он ведь убьет ее, — прошептал Билл.

— Может быть, — спокойно отреагировала женщина в голубом платье. — Как бы там ни было, *кто-то* умрет сегодня навер... — Она умолкла на полуслове и склонила голову набок, внимательно прислушиваясь.

— Что вы дел...

Коричневая рука мелькнула в воздухе и зажала ему рот. Женщина не прилагала видимых усилий, но ему показалось, что рука ее состоит из стальных пружин. Смутное предположение быстро переросло в уверенность и потрясло сознание, когда он ощутил прикосновение ее ладони к губам, когда подушечки пальцев надавили на щеку: это не сон. Как бы ни хотелось ему поверить в обратное, это совсем не сон.

Темнокожая женщина привстала на цыпочки и прижалась к нему, как возлюбленная, все еще закрывая ладонью рот.

— *Тс-с,* — еле слышно прошептала она ему в ухо. — *Он идет.*

Билл услышал шелест травы и опавшей листвы под чьими-то шагами, затем его слуха достигло тяжелое надсадное дыхание с присвистом в каждом вдохе. Такое вдыхание ассоциировалось в его сознании с людьми, гораздо более грузными, чем Норман Дэниэлс — с теми, кто весит по меньшей мере триста фунтов. Или с крупными животными. Женщина

медленно отняла руку от лица Билла, и они застыли, вслушиваясь в звуки приближающегося существа, Билл обнял ее за плечи, она положила руку ему на пояс. Так они и стояли, и Билл вдруг исполнился странной уверенностью в том, что Норман — или то существо, в которое тот превратился, — не пойдет через храм. Он (оно) обойдет здание и наткнется на них. Он — бык — остановится, взрыхляя копытом землю, низко пригнув похожую на наковальню голову, а потом бросится на них, погонит по узкой тропе, настигнет, затопчет их, поднимет на рога, разорвет в клочья.

— Тс-с-с-с, — выдохнула она.

— *Норман, ты идиот...*

Звуки окутывали их, как туман, как лунный свет.

— Какой же ты дурак... неужели ты действительно думал, что сумеешь поймать меня?

Глупый старый бык!

Последовал взрыв звонкого презрительного смеха, вызвавшего в уме Билла образы битого стекла, глубоких колодцев и пустых комнат в полночь. Он содрогнулся и почувствовал, что все его тело покрылось гусиной кожей.

Со стороны холма, от передней части храма, какое-то время не доносилось ни звука (лишь редкие порывы ночного бриза приглаживали колючий кустарник, словно рука, приводящая в порядок всклокоченные волосы), затем тишина воцарилась и там, откуда зывала Роза. Плоский лунный диск над головой спрятался за облако, подкрасив его края в серебристый цвет. Небо сверкало россыпями звезд, но Билл не заметил ни одного известного ему созвездия. Затем:

— Норррма-а-аннн... ты уже не хочешь поговори-и-и-ить со мной?

— Как же, как же, обязательно поговорю, — пробурчал Норман Дэниэлс.

И Билл почувствовал, как темнокожая женщина в испуге прильнула к нему; его сердце едва не выпрыгнуло из груди и забилось где-то под самым кадыком. Нормановский голос прозвучал на расстоянии не более двадцати ярдов. Как будто до этого он намеренно производил сильный шум, позволяя им следить за его продвижением, а потом решил, что наступило время затаиться, и с этого момента вел себя *совершенно* бесшумно.

— Поговорю, как же, обязательно поговорю с тобой *начистоту*, падаль.

Указательный палец темнокожей женщины предостерегающе прижался к его губам, но Билл не нуждался в предупреждениях. Их взгляды встретились, и Билл вдруг заметил; она совсем не уверена, что Норман проследует через храм.

Тишина продолжала раскручиваться в спираль вечности. Даже Роза, казалось, ждала.

Затем, теперь уже дальше, опять раздался голос Нормана:

— Эгей, старый хрыч! Ты-то что здесь делаешь?

Билл опустил голову и вопросительно взглянул на свою спутницу. Та отрицательно покачала головой, признаваясь, что и ей происходящее непонятно. Затем случилось нечто ужасное: ему захотелось прокашляться. Настойчивый зуд за мягким небом нарастал, сводя его с ума. Он прижался ртом к плечу, стараясь во что бы то ни стало удержать кашель в горле, чувствуя на себе пристальный встревоженный взгляд женщины.

«Я не продержусь долго, — подумал он. — Дьявол, Норман, чего *же* ты копаешься? До сих пор ты проявлял завидную прыть».

И словно в подтверждение его мысли:

— *Норман! Сколько же можно ждать, мать твою? Почему ты такой МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ? Норман!*

— Сука, — прозвучал утробный голос на другой стороне храма. — Ах ты сука!

Скрип шагов по крошащимся каменным ступенькам. Спустя мгновение шаги стали сопровождаться гулким эхом, и Билл догадался, что Норман вошел внутрь здания, которое

темнокожая женщина назвала храмом. Он понял еще, что приступ кашля, к счастью, прошел, так и не начавшись.

Он крепче прижал к себе женщину в голубом платье, наклонил голову и прошептал ей на ухо:

— Что нам теперь делать?

— Ждать, — защекотал его ухо ответный шепот.

Неприятное открытие, заключавшееся в категорическом нежелании маски сниматься с лица, здорово испугало Нормана, но прежде, чем страх успел перерасти в панику, заметил неподалеку в траве предмет, от вида которого мысли о маске начисто улетучились из головы. Бегом преодолел небольшое расстояние и опустился на колени возле этого предмета. Поднял свитер, повертел в руках и со злостью отшвырнул в сторону. Подобрал куртку. Все верно, куртка, которая была на ней. Мотоциклетная куртка. У мальчика есть самокат, и они, по-видимому, совершили прогулку. Она сидела у него за спиной, потираясь промежностью о его задницу. «Куртка великовата, — отметил он автоматически. — Наверное, дружок одолжил ей одежду на время». Его вывернуло от ярости, и, плюнув в сердцах, он зашвырнул куртку в траву и поднялся во весь рост, дико озираясь по сторонам.

— Сука, — пробормотал он. — Сучье отродье. Воровка.

— *Норман!* — донесся из темноты ее крик. И на секунду у него перехватило дыхание.

«Близко, — подумал он, — святое дерьмо, совсем близко, очевидно, она в этой хижине».

Он оцепенел, застыв в полной неподвижности, ожидая, не крикнет ли она еще раз. Через несколько секунд так и случилось. — *Норман! Я здесь, внизу!*

Его руки потянулись к маске, но не для того, чтобы попытаться сорвать ее; в этот раз он нежно погладил резиновую кожу бычьей морды.

— *Viva el toro,* — буркнул он под маской и пустился вниз по склону холма к развалинам. Ему казалось, что он видит ведущие в том же направлении следы — примятые или сломанные стебельки высокой травы в тех местах, где, возможно, ступала ее нога, — но при тусклом лунном свете трудно судить наверняка.

Затем, словно в подтверждение правильности избранного им курса, зазвучал ее издевательский, сводящий с ума крик:

— Я зде-е-есь, внизу-у-у-у-у-у-у, Норман!

Как будто она больше не боится его; как будто она не в состоянии дожидаться, пока он спустится к ней. Мерзавка!

— Оставайся на месте, Роуз, — произнес он. — Главное, никуда не исчезай, слышишь?

Служебный полицейский пистолет все еще торчал из-за пояса брюк, но теперь он не занимал в планах Нормана важного места. Трудно сказать, разрешается ли стрелять в галлюцинациях, а если да, то к каким последствиям это может привести, и он отнюдь не горел желанием выяснять это. Он намерен поговорить со своей бродячей Розой в более интимной обстановке, для которой пистолет является слишком грубой деталью.

— Норман, в маске ты выглядишь настоящим кретином... Я больше не боюсь тебя, Норман...

«Все чувства преходящи, стерва, — подумал он, — в чем ты убедишься очень скоро».

— Норман, ты идиот...

Ну да ладно, может, она уже не в здании, вероятно, Роуз уже выскочила с другой стороны. Какая, впрочем, разница? Ей вздумалось устроить с ним бег наперегонки по пересеченной местности? Если она считает, что обгонит его, то ее ждет пренеприятнейший сюрприз. *Последний* сюрприз в ее жизни.

— Какой же ты дурак... неужели ты действительно думал, что сумеешь поймать меня? Глупый старый бык!

Он взял немного правее, старясь двигаться тихо, напоминая себе, что не стоит производить шум, как — ха-ха — бык в посудной лавке. Задержался на минутку перед первой потрескавшейся

ступенькой лестницы, ведущей к входу в храм (так вот что это за избушка; все понятно, это храм вроде тех, что фигурируют в греческих мифах, сочиненных празднично шатающимися мужиками в свободное от совокупления, пьянства и войн время), и окинул строение внимательным взглядом. Вне всякого сомнения, тут давно не ступала нога человека, и храм постепенно превращался в руины, однако у него не возникло неприятного чувства — наоборот, мрачные стены храма показались ему знакомыми, как стены давно забытого родного дома.

— Норррма-а-аннн... ты уже не хочешь поговори-и-и-и-ить со мной?

— Как же, как же, обязательно поговорю, — пробурчал он. — Поговорю, как же, обязательно поговорю с тобой *начистоту*, пададь.

Краешком глаза он заметил в спутанной высокой траве справа от ступенек какой-то предмет: прячущееся в сорняках большое каменное лицо, глупо уставившееся в ночное небо. Пять шагов привели Нормана к сброшенному идолу, и секунд десять или больше он смотрел не отрываясь в каменное лицо, проверяя и перепроверяя, действительно ли видит то, что видит. Зрение не подвело. У огромной головы, валяющейся в траве, было личико дражайшего нормановского папочки; слепые глазки сверлили бесстрастный круг луны.

— Эгей, старый хрыч! — произнес он почти нежным тоном. — Ты-то что здесь делаешь?

Каменный папаша промолчал в ответ, зато раздался крик Роуз:

— Норман! Сколько же можно ждать, мать твою? Почему ты такой МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ? Норман!

«Ну и язычку научилась она у своих подружек! — заметил бык, с той лишь разницей, что теперь его реплики звучали в голове у Нормана. — Ей повезло, повстречалась с великими людьми, никаких сомнений — они полностью изменили ее жизнь».

— Сука, — произнес он гортанным дрожащим голосом. — Ах ты, сука!

Он порывисто отвернулся от каменной рожи, попутно подавляя в себе желание плюнуть в нее, как плюнул на кожаную куртку... или расстегнуть джинсы и помочиться на отцовскую физиономию. Не самое подходящее время для игр. Он поспешил по растрескавшимся ступенькам к темному входу в храм. Каждый раз, когда ступал на камень, молния пронзительной боли обжигала ногу, взметаясь по позвоночнику и отдаваясь в челюсти. Казалось, лишь благодаря маске челюсть держится на своем месте: от боли хотелось орать. И пожалел о том, что не прихватил с собой лекарства из черно-белого полицейского «чарли-дэвида».

«Как она осмелилась на такой поступок, Норми? — прошептал слабый голос в его сознании. Похоже, вопрос задал отец, хотя Норман не мог припомнить, чтобы тот разговаривал таким неуверенным и обеспокоенным тоном. — Как, черт побери, осмелилась? Что с ней случилось?»

Он помедлил, занеся ногу над верхней ступенькой; все лицо саднило, нижняя челюсть болталась, как незакрепленное автомобильное колесо.

«Не знаю и знать не хочу, — огрызнулся он. — Но я скажу тебе одну вещь, папуля, — если, конечно, это ты, когда я до нее доберусь, то сделаю так, что горько пожалеет о своей безрассудности. Клянусь, пожалеет об этом».

«А ты уверен, что хочешь попробовать?» — не унимался призрачный голос, и Норман, уже было двинувшийся вперед, озадаченно остановился и склонил голову набок, словно прислушиваясь.

«Знаешь, мне кажется, что можно поступить умнее, — продолжал голос. — Разумнее было бы признать ничью. Понимаю, звучит неприятно, но ради твоего же блага хочу высказать свои соображения, Норми. Если бы штурвал сейчас находился в моих руках, я сию секунду повернул бы его в противоположную сторону и вернулся туда, откуда пришел. Потому что здесь все *неправильно*. Тут все перепутано так, что сам черт ногу сломит. Не знаю, что это за место на

самом деле, но чувствую — чистойшей воды ловушка, И если ты сделаешь опрометчивый шаг и дверь западни захлопнется, у тебя возникнет гораздо больше поводов для беспокойства, чем разболтавшаяся челюсть или маска, которая не желает отдираться от лица. Почему бы тебе не плюнуть на все и не отправиться восвояси? Проверить — вдруг удастся вернуться назад в ее комнату? Может, лучше так и сделать и дожждаться ее там?»

«Ты забываешь про них, папочка, — возразил голосу Норман. Его до глубины души потрясла настойчивость отцовского монолога, однако он не хотел признаться себе в этом. — Спустя какое-то время туда заявятся копы: и мне не сдобровать. Они изрешетят меня прежде, чем успею уловить запах ее духов. А еще она послала меня... Я не уйду, потому что она превратилась в проститутку. Это видно даже по ее манере речи».

«Да наплюй ты на ее манеру речи, идиот! — взорвался отцовский голос. — Если она испортилась, брось ее, и пусть догнивает на земле вкупе со своими подружками! Может, еще не поздно отойти от вулкана на достаточное расстояние, чтобы выброс распаленной лавы не угодил тебе в лицо».

Сам того не желая, он задумался над отцовскими доводами, а затем поднял взгляд и прочел надпись, высеченную на камне над входом в храм.

«ЖЕНЩИНА КРАДУЩАЯ КРЕДИТНУЮ КАРТОЧКУ МУЖА, НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НА ЖИЗНЬ».

Сомнения рассеялись. Он не станет больше слушать скулеж папочки, только и умеющего, что щупать детские гениталии. Норман вошел в зев дверного проема и углубился в темноту храма. Темно... но не настолько, чтобы ничего не видеть. Через узкие окна внутрь прорывались мощные, словно состоящие из серебристых блестящих пылинок, лунные лучи: освещая развалюху, пугающе похожую на церковь в Обрейвилле, которую боготворили Роуз и ее родственники. Ой зашагал по сугробам шуршащих мертвых листьев, а когда стая летучих мышей с писком закружила над головой, едва не цепляя Нормана крыльями, хлопнул в ладоши и отмахнулся от них?

— Пошли вон, сучьи выродки.

Пройдя через дверь справа от алтаря и оказавшись на маленьком крыльце с противоположной стороны храма, Норман увидел повисший на колючем кусте обрывок материи. Наклонился, снял лоскут и поднес к глазам. Слабый лунный свет мешал

рассмотреть его, но показалось, что ткань красного или розового цвета. Разве на ней было что-то красное? Помнится, она была в джинсах, впрочем, он не поручился бы. Все смешалось и перепуталось. Даже если и джинсы — сняла же она куртку, которую одолжил ей дружок-сосунок, и бельишко, возможно...

За спиной у него раздался шорох, напоминающий трепетание сигнального флажка на ветру. Норман повернулся, и коричневая летучая мышь вцепилась в его лицо, припав отвратительным ртом и хлопая крыльями по щекам.

При первом же звуке рука невольно опустилась к рукоятке пистолета. Теперь же он медленно разжал пальцы, схватил зверька и скомкал его, смял, чувствуя, как хрустнули крылья. Занес руку над головой и встряхнул летучую мышь с такой силой, что ее тельце лопнуло, и вывалившиеся внутренности упали на носки его ботинок.

— Нечего было лезть ко мне, паскуда, — заявил он летучей мыши, зашвыривая останки в темноту храма.

— С летучими мышами ты расправляешься запросто, Норман.

Господи Боже, до чего же близко — как будто из-за плеча! Он повернулся так круто, что потерял равновесие и едва не свалился с каменного крыльца.

Начинавшаяся у храма тропинка шла под уклон, спускаясь к ручью, и на половине пути

среди деревьев, мертвое которых не нашлось бы ничего во всем мире, стояла его маленькая прекрасная бродячая Роза — вот так вот просто стояла себе в лунном свете и смотрела на него. Три лихорадочные мысли одна за другой пронеслись в его голове. Во-первых, прежние джинсы, если таковые на ней имелись, сменило иное одеяние-подобие мини-платья, самое подходящее место которому на бале-маскараде в приюте для идиотов. Во-вторых, она изменила прическу: стала блондинкой, и волосы не обрамляли ее лица, как раньше.

В-третьих, она красива.

— С летучими мышами и женщинами воюешь, — произнесла она ледяным тоном. — Кажется, на большее ты не годишься, верно? Мне даже почти жаль тебя, Норман. Ты всего-навсего карикатура на мужчину. Ты ведь *не* мужчина на самом деле. И эта глупая маска, которую ты натянул, не сделает тебя им.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ, СУКА! — прорычал Норман, спрыгивая со ступенек, и припустился вниз по тропинке к тому месту, где она стояла; рогатая тень послушно последовала за ним, бесшумно скользя по мертвой траве.

Секунду-другую она не двигалась, прикованная к земле, с одеревеневшими мышцами во всем теле, а он мчался к ней, приближался, издавая под отвратительной маской торжествующий вопль. Справиться с оцепенением помог ей лишь образ теннисной ракетки, которой он ее изнасиловал, вызванный в сознании, как Розы заподозрила, верной подругой, миссис Практичность-Благоразумие, — теннисной ракетки с окровавленной ручкой.

Тогда она резко повернулась — на мгновение подол *дзата* взметнулся, как юбка танцующей цыганки, — и побежала к ручью.

«Камни, Розы... если ты упадешь в *эту* воду...»

Но она не упадет. Она ведь на самом деле Розы, Розы Настоящая, и ей под силу очень многое. Нет, не сорвется, не соскользнет с камней, если не позволит себе думать о последствиях такого падения. Волна резкого одуряющего запаха ударила ей в лицо, вызвав слезы на глазах... и рот снова наполнился слюной от невыносимой жажды. Розы подняла левую руку, зажала ноздри фалангами согнутых указательного и среднего пальцев и прыгнула сразу на второй камешек, с него на четвертый — и выскочила на противоположный берег. Легко. Легче, чем думалось. Так она считала до тех пор, пока не поскользнулась на траве. Розы упала, растянувшись во весь рост, и тело ее медленно поползло назад к черной воде.

Норман увидел ее падение и разразился смехом. Кажется, она сейчас промокнет.

«Не волнуйся, Роуз, — подумал он. — Я не дам тебе утонуть. Я тебя выужу из воды, а потом задам жару, чтобы подсохла. О да, можешь не сомневаться».

Однако она справилась и вскочила на ноги, бросив короткий панический взгляд через плечо в его сторону... но, похоже, глядела не на него — посмотрела на ручей. Когда Роза поднималась, перед его взором мелькнули обнаженные ягодицы — голые, как в тот миг, когда она появилась на свет, — и произошло нечто, повергшее его в полное изумление: он почувствовал эрекцию.

— Я иду, Роуз. — прохрипел он. Да, и может быть, в скором времени он придет к ней не только как разгневанный, но и как *желающий* ее муж. Можно сказать, явится в ответ на призыв.

Он поспешил к ручью, затаптывая изящные отпечатки босых ног Розы толстыми подошвами ботинок Гампа Питерсона с квадратными носами, и достиг берега ручья в тот момент, когда она добралась до верхней точки противоположного откоса. Роза остановилась на мгновение, озираясь, и в этот раз явно глядя на него. Затем совершила что-то, не сразу дошедшее до его сознания; словно пораженный молнией, он какое-то время не мог двинуться от удивления.

Она показала ему вытянутый средний палец в понятном во всем мире жесте: «А пошел бы ты...»

Причем сделала это со вкусом и изяществом, насмешливо чмокнув кончик пальца, после чего повернулась и побежала в рощу мертвых деревьев.

«Эй, Норм, старик, ты это видел? — возмутился *el* того в черепной коробке. — Паскуда только что отправила тебя сам знаешь куда! Ты видел?»

— Да, — взбешенно выдохнул он. — Я все видел. Ей это даром не пройдет. Все припомню, до мелочей.

Но почему-то у него не возникло желания сломя голову броситься за ней в погоню и пересечь поток — и свалиться в воду. Что-то в этом ручейке ей не понравилось, и ему осторожность тоже не помешает; не оступить бы — в самом прямом смысле слова. Черт знает, может, в этой сточной канаве полно тех южноамериканских милых рыбок с острыми зубками, которые за один присест обдирают корову до самого скелет». Он сомневался в том, что смерть в галлюцинации способна привести к физической смерти, но с каждой минутой происходящее все больше и больше смахивало на реальность.

«А как она посветила мне своей задницей! — облизнулся он. — Своей голой задницей! Как знать, может, и у меня найдется кое-что, дабы удивить ее... разве не говорят, что любезность должна быть взаимной?»

Норман оскалил зубы в гримасе, которую только слепой мог принять за улыбку, и осторожно стал толстой подошвой гамповского ботинка на первый белый камень. В этот момент луна скрылась за облаком, а появившись снова, застала Нормана на середине ручья. Он опустил взгляд на воду и замер, сначала всматриваясь в поток с любопытством, а потом ощущая, как его сознание наполняется ужасом. Лунные лучи проникали в толщу черной воды не глубже, чем удалось бы им проникнуть в слой жидкой грязи, но не потому у него перехватило дыхание. Отражение луны на поверхности воды было вовсе не луной. Оно показалось ему смутным отражением ухмыляющегося человеческого черепа.

«Испей водицы, Норми, — прошептал череп, покачиваясь на глади воды. — Всоси в себя порцию этого дерьма. Прими ванну, черт побери, если желаешь. Забудь про все свои заботы. Напейся и забудь. Напейся, и ничто и никогда больше тебя не потревожит; ничто и никогда».

Призыв звучал так соблазнительно, так многообещающе. Он поднял голову, наверное чтобы проверить, похожа ли повисшая в небе луна на человеческий череп, привидевшийся ему в воде, но вместо луны взору предстала Роуз. Она приостановилась в той точке, где тропинка углублялась в рощу мертвых деревьев, рядом со статуей мальчика с воздетыми руками и несоразмерно огромным торчащим фаллосом.

— Не-ет, — протянул он, — так легко ты от меня не уйдешь. Я не...

Каменный мальчик пошевелился. Его руки опустились и сомкнулись на запястье Роуз. Она закричала и отчаянно заколотила кулачком по каменным пальцам. Норман увидел, что физиономия мальчика расплылась в довольной улыбке; мальчишка высунул мраморный язык и принялся дразнить Роуз.

— Ах, молодец, — похвалил статую Норман. — Держи-ка ее, только не выпускай.

Он перепрыгнул на другой берег и бросился к жене-беглянке, протягивая к ней большие мощные руки.

— Не хочешь позабавиться со мной по-собачьи? — предложил ей каменный мальчик скрипучим, лишенным живых интонаций голосом. Сжимавшие ее запястье руки представлялись Розе комком острых углов и выступов, они настойчиво тянули ее вниз. Она оглянулась и со страхом увидела, как Норман спрыгнул с камня на берег и побежал вверх по откосу, вонзаясь рогами маски в ночной воздух. Он поскользнулся на сухой траве, но не упал. Впервые с того момента, когда она догадалась, что в полицейской машине сидел Норман, ее состояние приблизилось к паническому. Он поймает ее, и что потом? Искушает, разгрызет на кусочки, и она умрет, крича и задыхаясь от запаха одеколона «Инглиш Ледер». Он...

— Не хочешь поиграть в *собачку*, — произнес, словно плюнул, мальчик. — Не хочешь прилечь, поработать в партере, встать на *четыре* кости, подстав...

— *Нет!* — закричала она, чувствуя, как из всех ее пор начинает сочиться прежняя ярость, красной пеленой окутывая сознание. — *Нет, оставь меня, не трогай меня, прекрати болтать чепуху, ОТПУСТИ МЕНЯ!*

Рози размахнулась левой рукой, не думая о том, какую испытает боль, когда изо всех сил заедет в мраморную рожу малолетнего подонка... и, как выяснилось, боли не возникло совсем. Словно казавшаяся каменной поверхность статуи в действительности представляла собой запекшуюся корку теста, под которой пряталась рыхлая гнилая субстанция. За миг до того, как кулак погрузился в плоть, если ее можно назвать таковой, Роза успела заметить, как изменилось выражение на ухмыляющейся роже мальчишки: похоть уступила место потрясенному удивлению, а затем голова трухлявого малолетнего пакостника рассыпалась на сотню осколков цвета старого теста. Тяжесть его жестких рук на запястье исчезла, но теперь возникла новая опасность — Норман, почти настигший ее Норман, протягивающий к ней большие сильные руки, бегущий навстречу с опущенной головой, хрипло дышащий под гнусной маской.

Рози юркнула под его протянутой рукой, ощутив, как скользнули по единственной бретельке *дзата* хищно растопыренные пальцы, и стремглав помчалась по тропинке в сад.

Теперь все зависит от того, кто окажется быстрее.

Она бежала так, как бегала в детстве, до того, как ее практичная и благоразумная мать принялась за нелегкую задачу воспитания юной Роуз Дайаны Макклendon, растолковывая дочери, что позволено делать настоящей леди и что не позволено (бег, в особенности в том возрасте, когда груди подпрыгивают при каждом толчке ног о почву, разумеется, принадлежит к числу самых осуждаемых проступков). Роза неслась, не чувствуя под собой ног, не глядя вперед, молотя кулаками воздух. Сначала она ощущала близость Нормана, наступавшего ей на пятки, затем, когда начал отставать — сначала на феты, потом на ярды, — ощущение опасности отступило. До нее доносились его сопение и тяжелое, с присвистом, дыхание, в точности напоминавшее пыхтение Эриниса в подземном лабиринте. Она слышала собственное легкое дыхание, чувствовала, как подпрыгивающая за спиной коса постукивает при каждом шаге то по левой, то по правой лопатке. Но все это Роза воспринимала краем сознания, ибо всеподавляющим и всепоглощающим было безумно-возвышенное возбуждение; кровь набатом стучала в висках, и ей казалось, что голова вот-вот лопнет, но даже сам взрыв станет пиком экстаза. Она мельком взглянула на небо и увидела соревнующуюся с ней луну — та скакала по звездному небу и ныряла в просветах между сплетенными уродливыми ветвями мертвых деревьев, вздыбившихся, словно воздетые в мольбе руки заживо похороненных великанов, задохнувшихся в попытках выкарабкаться из-под земли. Однажды, когда Норман, отставая, прокричал ей в затылок, чтобы она остановилась и «не была дурой», Роза не удалось удержаться от смеха. «Кажется, он считает, что я с ним заигрываю», — решила она.

В какой-то момент тропинка резко свернула в сторону, и путь преградило сваленное молнией дерево. У нее не осталось времени на раздумья, а попытка остановиться приведет к тому, что наткнется на одну из множества торчащих мертвых веток. И даже если удастся избежать столкновения, в затылок ей дышит Норман. Да, он поотстал, но, если она задержится хоть на секунду, настигнет и растерзает, как гончая кролика.

Все это промелькнуло в голове за короткое мгновение. Затем с криком — отчасти от страха, отчасти от радостного возбуждения, а скорее всего, и от того, и от другого

— Роза прыгнула вперед и вверх, расставив руки, словно Супергерл, перелетела через ствол дерева и приземлилась на правое плечо. Она сделала кувырок, вскочила на ноги, ощущая легкое головокружение, и увидела Нормана, взиравшего на нее из-за перегораживающего тропинку ствола. Он надсадно дышал, опираясь ладонями о две обугленные вспышкой молнии ветки. Зашелестел ветер, и Роза почувствовала еще один запах, примешивающийся к запаху пота и одеколona «Инглиш Ледер».

— Ты что, снова начал курить? — спросила она. Глаза под резиновой маской с рогами, украшенными гирляндами цветов, посмотрели на нее с полным непониманием. Нижняя часть маски пребывала в постоянном спазматическом движении, словно похороненные под ней губы пытались сложиться в улыбку.

— Роуз, — обратился к ней бык. — Прекрати.

— Я не Роуз, — возразила она и издала короткий снисходительно-презрительный смешок, словно перед ней находился *el toro dumbó* — самое глупое из всех существующих на земле созданий. — Я Роза. Роза Настоящая. Это ты теперь не настоящий, Норман... согласишься, разве не так? Даже себе самому ты не кажешься настоящим. Но сейчас это не имеет значения, во всяком случае для меня, потому что я не твоя жена. С этими словами повернулась и бросилась бежать.

«Это ты теперь не настоящий», — мысленно повторил он услышанное, обходя перегородившее тропинку дерево со стороны кроны, где осталось достаточно много места для свободного прохода. Бросив ему в лицо эту фразу, Розы сорвалась на стремительный бег, однако Норман, вернувшись на тропу, лишь медленно затрусил за ней следом. В спешке, собственно, нет никакой нужды. Внутренний голос, тот, который никогда еще не подводил его, сообщил Норману, что тропинка кончается впереди, и конец очень близок. По всем расчетам это известие должно было бы обрадовать его, но он в задумчивости снова и снова прокручивал в уме ее слова, сказанные за миг до того, как последний раз показать ему свой красивый маленький хвостик.

«Я — Розы Настоящая. Это *ты* теперь не настоящий, Норман... даже себе самому ты не кажешься настоящим... Я не твоя жена».

«Ну, что касается последней части, — подумал он, — то тут я с тобой согласен, она завершена. Развод *будет*, но пройдет он на моих условиях, Роуз».

Он пробежался еще немного, затем остановился, утирая локтем пот со лба, ничуть не удивляясь, что отнятая от лица-маски рука оказалась влажной, даже не думая о том, каким образом пот проник через резину.

— Лучше вернись назад, Роуз! — рявкнул он. — Даю тебе последний шанс!

— Попробуй-ка поймать меня, — крикнула в ответ, и теперь ее голос звучал по-иному, хотя в чем состояло отличие, он так и не понял. — Давай, догоняй, Норман, осталось совсем немного.

Да, это точно. В погоне за Роуз он пересек полстраны, загнал ее в потусторонний мир, или в сон, или в галлюцинацию, будь она проклята, но, похоже, впереди ее поджидает тупик.

— И некуда больше бежать, милая, — произнес Норман и, возбужденно сжимая и разжимая кулаки, зашагал к тому месту, откуда доносился ее голос.

Она выбежала на круглую поляну и увидела себя, коленапреклоненную перед единственным живым деревом, словно в молитве или глубокой медитации.

«Это не я, — быстро подумала Роза. — На самом деле это не я».

Но женщина, обращенная к ней спиной, стоящая на коленях у основания помгранатового дерева, вполне могла бы оказаться ее двойником. Тот же рост, то же телосложение, те же длинные ноги и широкие бедра. На ней был такой же мареновый хитон — *дзат*, как назвала его темнокожая — и заплетенные в косу светлые волосы лежали на спине в точности, как у Розы. Единственное отличие состояло в том, что у женщины под деревом обе руки были обнаженные, потому что сейчас ее браслет находился на руке Розы. Впрочем, Норман вряд ли обратит внимание на такую мелочь. Прежде он никогда не видел, чтобы Роза носила браслет, к тому же в теперешнем состоянии, скорее всего, не станет ломать голову над такими мелкими неточностями. Затем она увидела нечто, что *могло* привлечь внимание Нормана — темные пятна чуть ниже затылка и на плечах Мареновой Розы. Они подрагивали, как голодные призраки.

Роза остановилась и посмотрела на освещенную лунным светом спину женщины, стоящей на коленях перед деревом.

— Я пришла, — неуверенным тоном сообщила она.

— Да, Роза, — откликнулась другая сладостным чувственным голосом. — Ты пришла, но путь твой еще не окончен. Я хочу, чтобы ты спустилась туда. — Она указала на ведущие под землю, в лабиринт, широкие белые ступеньки. — Недалеко, десятка ступеней достаточно, если ты ляжешь на них. Опустись так глубоко, чтобы не видеть происходящего. Потому что тебе не захочется лицезреть это... хотя можешь смотреть, если считаешь, что *должна*.

Она засмеялась. В смехе слышалось искреннее веселье, и именно это, подумала Роза, делает его по-настоящему ужасным.

— Как бы там ни было, — продолжила Мареновая Роза, — с тебя хватит и того, что услышишь. Да, думаю, этого вполне достаточно.

— Он может решить, что вы — это не я, даже при лунном свете.

И снова раздался смех Мареновой Розы, — смех, от которого на голове Розы зашевелились волосы.

— И почему же, маленькая Роза?

— У вас... гм... родимые пятна. Я вижу их даже сейчас.

— Верно, *ты* видишь, — согласилась Мареновая Роза, все еще смеясь. — *Ты* видишь, но *он* не увидит. Разве ты забыла, что Эринис слеп?

Роза хотела было возразить: «Вы перепутали, мэм, речь идет о моем муже, а не о быке из лабиринта». Затем вспомнила о маске на лице Нормана и промолчала.

— Спускайся быстрее, — велела Мареновая Роза. — Я слышу, он приближается. Сойди по ступенькам, маленькая Роза... и не подходи ко мне слишком близко. — Она сделала паузу и затем добавила своим чудовищным задумчивым голосом: — Это небезопасно.

Норман трусил по тропинке, прислушиваясь к звукам. В какой-то момент ему показалось, что он слышит разговор, но, наверное, это игра воображения. В любом случае разницы никакой. Если она не одна, он сначала расправится с ее спутником (или спутницей). Возможно, ею окажется Грязная Герти — как знать, вдруг толстозадая шлюха тоже нашла путь в их сон? Норман с удовольствием всадит пулю из пистолета сорок пятого калибра в ее левую титьку.

Мысль о Герти заставила его снова перейти на бег. Роуз находилась так близко, что он буквально ощущал ее запах — едва уловимый аромат мыла «Дав» и шампуня «Силк». Он свернул за последний поворот тропы.

«Я иду, Роуз, — подумал он. — Бежать больше некуда, прятаться негде. Я иду, чтобы забрать тебя домой, милая».

Из ведущего в глубь подземелья коридора дохнуло прохладой и сыростью, и Роза отметила запах, которого не было во время ее первого путешествия — затхлый смрад разложения, где смешалась вонь фекалий, гниющего мяса и дикого животного. Тревожная мысль: *(могут ли быки подниматься по лестнице?)* снова мелькнула в сознании, но не вызвала в этот раз настоящего страха. Эриниса нет в лабиринте, если, конечно, верхний мир — мир картины — не является продолжением лабиринта.

«О да, — спокойно подтвердил странный голос, похожий и вместе с тем отличающийся от голоса давней подруги, миссис Практичность-Благоразумие. — Этот мир. Все миры, И в каждом из них множество быков. Старые мифы — не выдумка, Роза. В правдивости мифов и таится секрет их силы. Вот почему они не умирают».

Она легла на ступеньки, тяжело дыша и чувствуя, как стучит о камень сердце. Ее сковал страх, но сквозь его пелену Роза ощущала, как бушует внутри некая горечь и поняла, что это самая настоящая ярость.

Вытянутые на ступеньках руки непроизвольно сжались в кулаки.

«Сделай это, — подумала она. — Сделай свое дело, прикончи подонка, освободи меня. Я хочу слышать, как он умирает».

«Роза, ты ведь шутишь! — А это уже Практичность-Благоразумие, ее дрожащий от страха и отвращения голос. — На самом деле ты не хочешь слышать это! Скажи, что шутишь!»

Но Роза молчала, ибо *часть* ее сознания хотела получить осязаемое доказательство его смерти. Большая часть сознания.

Тропинка, по которой он шел, вливалась в круглую поляну, и на ней он увидел Роуз. Наконец-то. Вот она. Его бродячая Роза. Опустилась на колени, повернувшись спиной к нему, одетая в дурацкое короткое красное платье (он почти не сомневался, что оно красное), с дурацким поросычьим хвостиком косички на спине. Он остановился на краю поляны, глядя на нее. Ну конечно, это Роуз, его маленькая Роза, никаких сомнений, и все же она неумовимо изменилась. Прежде всего ее задница стала меньше, но не в этом суть изменений. Другим стало ее *отношение*. И что из этого следует? Очень просто: что настало время для выяснения отношений. Для разговора начистоту.

— На кой черт ты покрасилась? — спросил он. — Ты похожа на последнюю шлюху.

— Ты не понимаешь, — спокойно возразила Роуз, не поворачиваясь к нему. — Мои волосы были такими и раньше. Внутри они всегда были светлыми, Норман. А я их красила, чтобы одурачить тебя.

Он сделал два больших шага, приближаясь к центру поляны, чувствуя, как закипает в нем ярость, возникавшая всякий раз, когда жена не соглашалась с ним, противоречила ему, когда *кто-то* возражал. А все те слова, какие он услышал от нее сегодня ночью... слова, которыми она называла *его*...

— Не лги, сука! — воскликнул Норман.

— Заткнись, кретин, — ответила она, сопровождая столь неуважительное высказывание негромким презрительным смешком. Но она не повернулась.

Норман сделал еще два шага к ней и снова остановился. Его сжатые в кулаки руки болтались у бедер. Он огляделся, вспомнив о голосах, которые, как ему показалось, свидетельствовали о присутствии по крайней мере двух человек. Он выискивал взглядом Герти или дружка-сосунка Роуз, готовящегося пнуть в него из хлопушки или подкрадывающегося с камешком в ладошке. Но не увидел никого; судя по всему, Роуз разговаривала сама с собой, такое частенько, почти постоянно, происходило дома. Разве что кто-нибудь затаился за деревом в центре поляны. Похоже, кроме этого дерева, во всей округе не оставалось ни единого живого растения, зато на нем узкие, длинные зеленые листья блестели, как смазанные маслом листья авокадо. Ветки дерева согнулись под тяжестью плодов, к которым Норман не притронулся бы, даже будь они в бутерброде со слоем арахисового масла и джема в палец толщиной. Роуз преклонила колени перед деревом, стоя на целом слое упавших плодов, и распространявшийся от них запах заставил Нормана вспомнить черную воду ручья. Сок плодов, издающих подобный запах, либо убивает мгновенно, либо вызывает такие ощущения, что ты *желаешь* смерти.

Слева от дерева располагалось странное сооружение, укрепившее в нем уверенность, что все происходящее не более чем сон. Сооружение смахивало на вход в нью-йоркскую подземку, только высеченный из камня. Ну да плевать на все; плевать и на дерево с его вонючими плодами. Главное — это Роуз, Роуз со своим мерзким смешком. Ему подумалось, что смешок она переняла, наверное, у распутных подружек из «Дочерей и сестер», впрочем, какая разница. Это неважно. А вот он преподает ей урок, научив кое-чему *важному*: такой смех — самый короткий путь к неприятностям. Даже если в действительности ей ничего не делается, прочит ее во сне; пусть даже на самом деле он валяется на полу ее комнаты, изрешеченный пулями полицейских и переживает последние безумные видения предсмертной горячки, он прочит ее.

— Встань, — скомандовал Норман, делая еще один шаг к стоящей на коленях женщине и вытаскивая из-за пояса брьюк пистолет. — Нам нужно кое о чем поговорить.

— Уж в этом ты абсолютно прав, — согласилась она, но не повернулась и не поднялась.

Она продолжала стоять на коленях, склонившись перед дурацким деревом, и тени от ветвей пересекали ее спину, словно полосы на шкуре зебры.

— Черт возьми, *встань*, когда я с тобой разговариваю! — заорал он. Ногти сжимавшей рукоятку пистолета руки впивались в ладонь, как раскаленный добела металл. А она не поворачивалась. И не собиралась вставать.

— Эринис из подземного лабиринта! — произнесла она своим чувственным мелодичным голосом. — *Esse taugus!* Приветствуйте быка!

И по-прежнему не шелохнулась, не оглянулась, чтобы приветствовать его.

— Я не бык, стерва! — закричал он и вцепился в маску кончиками пальцев. Маска не поддалась. Ему показалось, что она не просто приклеилась или припаялась к его коже; она *стала* его лицом.

«Как это возможно? — озадаченно спросил Норман сам себя. — Как это возможно, черт побери? Что за идиотские призы раздают детям в парках развлечений!»

Он не находил объяснения происходящему, но маска не желала отсоединиться от лица, несмотря на все старания. И Норман понял: если попытается содрать ее ногтями, то почувствует боль, раздерет лицо до крови. К тому же подтвердилось первоначальное впечатление — на его лице действительно только один глаз, переместившийся в самый центр. И зрение его слабело с каждой секундой; лунный свет, только что яркий, быстро поблек.

— Сними ее с меня! — завопил он. — Сними ее с меня, сучка! Ты ведь можешь, я знаю! Знаю, можешь! И хватит играть со мной, слышишь? Не смей *ИГРАТЬ* со мной!

Спотыкаясь, он преодолел оставшееся до нее расстояние и схватил коленопреклоненную женщину за плечо. Прикрывавшая плечо полоска ткани сдвинулась, и от страха и ужаса от увиденного он издал слабый сдавленный вскрик. Кожа ее оказалась такой же черной и прогнившей, как кожура плодов, разлагающихся на земле вокруг дерева — тех, в которых процесс гниения зашел настолько далеко, что мякоть превратилась в жидкую кашу.

— Бык поднялся из лабиринта, — изрекла женщина, легко поднимаясь на ноги с грациозностью, которой он не замечал в своей жене за все время супружества, — А теперь Эринис должен умереть. Так предопределено, и так будет.

— Единственный, кому предстоит умереть... — начал он. Но так и не добрался до конца фразы. Она повернулась, и когда в безжизненных лунных лучах он увидел ее наружность, из горла вырвался вопль ужаса. Норман дважды выстрелил из пистолета сорок пятого калибра, вогнав пули в землю между ступнями, но даже не заметил этого. Обхватив руками голову, он попятился прочь от нее, крича и с трудом переставляя ноги, которые отказывались повиноваться. Она закричала тоже, и два нечеловеческих крика слились в ночной тишине.

Гниль распространилась по верхней части ее груди; шея женщины была того пурпурно-черного оттенка, который отличает кожу человека, погибшего от удушья. И все же не эти знаки далеко зашедшей и, вне всякого сомнения, смертельной болезни заставили Нормана напрочь голосовые связки и кричать, кричать, извергая из глотки дикие завывающие звуки; не симптомы болезни пробили хрупкую яичную скорлупу его безумия, чтобы впустить внутрь похожую на безжалостное сияние солнца реальность, весь ужас которой превосходил самые страшные кошмары. Ее лицо.

Это было лицо летучей мыши с яркими безумными глазами хищной лисицы; это было лицо сверхъестественно красивой богини, которую вдруг видишь на иллюстрации, обнаруженной на пожелтевшей странице древней книги, словно редкой красоты цветок на заросшем сорняками пустыре; это было лицо Роуз, всегда отличавшееся необычностью: затаившаяся в глазах робкая надежда, мягкий изгиб расслабленных губ. Словно лилии на поверхности бездонного омута, эти детали внешности женщины проплыли чередой перед его глазами, а когда они растаяли, Норман

увидел над собой паука с искаженными от голода и безумия чертами. Раскрывшийся рот паука позволил заглянуть в отвратительную черноту, по которой плавали розоватые мембраны с прилипшими к ним сотнями жуков и других насекомых, мертвых или умирающих.

Норман увидел глаза ужасного насекомого — два кровотокащих яйца маренового цвета, пульсирующих в глазницах, как чавкающая грязь.

— Подойди ко мне ближе, Норман, — позвал его шепотом паук в лунном свете, и прежде, чем рассудок рассыпался на крошечные осколки, Норман успел сообразить, что наполненная шелковистыми мембранами с прилипшими к ним жуками пасть чудовища искривилась в попытке растянуться в улыбку.

Из прорезей мареновой тоги появились и потянулись к нему руки, новые руки поползли из-под нижнего края одеяния, только на самом деле это были не *руки*, совсем не руки, и он закричал. Он кричал, кричал, кричал: призывая на помощь забвение и беспомощность, которые положили бы конец осознанному восприятию происходящего, но забвение не приходило.

— Подойди ближе, — проворковало чудовище, протягивая не-руки, раскрывая пещеру пасти. — Я хочу поговорить с тобой. — На конце каждой черной не-руки он заметил кишачие живыми наростами клешни. Клешни деловито сжали его запястья, ноги, припухший от возбуждения пенис, который все еще подрагивал в брюках. Одна клешня игриво скользнула в рот; он почувствовал, как наросты потерлись о его зубы и царапнули по внутренней поверхности щек. Клешня схватила язык, вырвала и торжествующе помахала им перед его единственным глазом. — Я хочу поговорить с тобой, и я хочу... поговорить... НАЧИСТОТУ!

Он совершил последнюю отчаянную попытку вырваться, но вместо этого был вовлечен в жажущие объятия Мареновой Розы.

Где и познакомился с ощущениями не кусающего, а кусаемого.

Рози лежало на ступеньках, изо всех сил зажмурило глаза и подняв сжатые в кулаки руки над головой, и крики Нормана раздирали ее слух. Она пыталась *не* представлять, что происходит там, заставляла себя вспомнить о том, что наверху кричит не кто иной, как *Норман*, Норман-с-ужасным-карандашом, Норман-с-теннисной-ракеткой, Норман-с-кусачей-улыбкой.

Но все доводы рассудка меркли перед животным ужасом, который внушали ей вопли Нормана, с кем Мареновая Роза...

...с кем Мареновая Роза делала то, что она делала. Спустила какое-то — долгое, очень долгое — время крики прекратились.

Рози лежала, не шевелясь, на ступеньках, медленно разжимая кулаки, но не решаясь открыть глаза, вдыхая воздух маленькими порывистыми глотками. Она, наверное, пролежала бы еще много часов, если бы не сладостный безумный голос женщины:

— Выходи, маленькая Роза! Выходи и радуйся! Бык больше не существует!

Медленно и испуганно, опираясь на ватные, онемевшие руки, Роза встала сначала на колени, затем поднялась во весь рост. Она выбралась на поверхность по ступенькам и остановилась. Ей не хотелось смотреть, но глаза словно жили собственной жизнью; они сами устремились через поляну, в то время как она непроизвольно затаила дыхание.

Рози испустила долгий и тихий вздох облегчения. Мареновая Роза все еще стояла на коленях перед деревом спиной к ней. Рядом с ней валялось нечто сначала показавшееся ей кучкой старых лохмотьев. Затем в тени вырисовался силуэт, похожий на бледную морскую звезду. Это была кисть его руки, и Роза внезапно заметила все остальное, как пациент психиатра видит вдруг таинственный смысл в неясных чернильных пятнах. Это Норман. Изувеченный, уменьшившийся, изменившийся до неузнаваемости, с выпученными в предсмертной агонии глазами, в которых застыл немой ужас, но все же Норман.

Рози увидела, как Мареновая Роза протянула руку и сорвала с низко свесившейся к земле ветки спелый плод. Женщина сдвинула его в руке — очень человеческой руке и весьма привлекательной, если не учитывать черные подвижные пятна, плавающие под самой кожей, — и по ее пальцам побежали ручейки маренового сока, а затем сам плод лопнул, как влажный темно-красный гриб-дождевик. Она выбрала из сочной пульпы несколько семян и принялась сажать их в изуродованную испорченную плоть Нормана. Последнее зернышко она затолкала в его единственный раскрытый глаз. При этом раздался влажный лопающийся звук — как будто кто-то наступил на спелую виноградку.

— Что вы делаете? — выкрикнула потрясенная Роза и едва сдержалась, чтобы не добавить: «Только не поворачивайтесь, можете ответить мне, не поворачиваясь!»

— Засаваю его, — ответила женщина и затем сделала нечто, вызвавшее у Розы такое ощущение, словно она окунулась в мир романа Ричарда Расина: Мареновая Роза наклонилась и припала устами к губам трупа. Наконец она оторвалась от него, взяла его на руки, встала и повернулась к ведущим под землю ступеням.

Рози торопливо опустила взгляд долу, чувствуя, как сердце подступило к самому горлу.

— Сладких тебе сновидений, сукин сын, — произнесла Мареновая Роза и бросила тело во мрак, начинающийся под вырезанным в камне единственным словом: «ЛАБИРИНТ».

Где, если повезет, посаженные ею семена прорастут и превратятся в деревья.

— Возвращайся тем же путем, каким пришла, — велела Мареновая Роза. Она стояла у основания лестницы; Роза находилась в дальнем конце поляны у начала тропы, спиной к ней. Теперь, когда обнаружила, что не может доверять собственным глазам, она боялась даже повернуться к Мареновой Розе. — Возвращайся, разыщи Доркас и своего мужчину. У нее есть кое-что для тебя, а позже я еще поговорю с тобой... но совсем недолго. Потом наше время закончится. По-моему, ты вздохнешь с облегчением.

— Его нет, верно? — переспросила Роза, не отрывая взгляда от дальнего конца уходящей в лунный свет тропы, — Он больше не вернется?

— Пожалуй, ты еще будешь видеть его в снах, — равнодушно заметила Мареновая Роза, — ну да что из того? Простая правда вещей состоит в том, что плохие сны гораздо лучше плохих пробуждений.

— Да. Настолько простая истина, что многие люди просто не доходят до нее. — Теперь ступай. Я приду к тебе. И — Роза!

— Что?

— *Помни о древе.*

— Древе? Я не понима...

— Знаю, что не понимаешь. Наступит время — поймешь. Помни о древе. Теперь иди.

И Роза пошла. Не оглядываясь.

На узкой тропинке у стены храма не оказалось ни Билла, ни темнокожей женщины — Доркас, ее зовут Доркас, а вовсе не Уэнди Ярроу, — и одежда Розы тоже исчезла. Впрочем, это не вызвало у нее беспокойства. Она спокойно обошла здание, взглянула в сторону вершины холма, увидела их, стоявших рядом с тележкой для пони, и зашагала навстречу.

Билл бросился к ней: его бледное лицо выражало сильную тревогу.

— Розы? Все в порядке?

— Все отлично, — успокоила она его, прижимаясь лицом к груди. Когда его руки сомкнулись у нее за спиной, она подумала, что мало кто из всех живущих на земле людей знает толк в обнимании — немногие, наверное, понимают, как прекрасно находиться в объятиях другого, когда хочется замереть и не двигаться часами. Конечно, есть такие, но их меньшинство. Чтобы по-настоящему оценить объятия любимого человека, надо прежде узнать, каково без них.

Они приблизились к Доркас, которая поглаживала морду пони в белых волосках. Пони поднял голову и сонно посмотрел на Розы.

— Где... — начала было Розы и умолкла. «Кэролайн, — едва не сорвалось с языка. — Где Кэролайн?» — Где ребенок? — И затем уже смелее: — Где *наша* малышка?

Доркас усмехнулась.

— В безопасности. В надежном месте, так что можешь не переживать, мисс Розы. Твоя одежда на тележке. Иди переоденься, если хочешь. Готова поспорить, ты с удовольствием снимешь то, что сейчас на тебе.

— Ты выиграла спор, — ответила Розы и удалилась к тележке. При этом испытала неопишное облегчение, сбросив с плеч мареновый *дзат*. Застегивая змейку на джинсах, припомнила слова Мареновой Розы. — Хозяйка сказала, у тебя кое-что есть для меня.

Доркас испуганно охнула.

— Боже святой! Хорошо, что ты напомнила, иначе она содрала бы с меня шкуру живьем!

Розы взяла блузку и когда натягивала ее через голову, Доркас протянула ей маленький предмет. Розы взяла его и с любопытством поднесла к глазам, рассматривая с разных сторон. Предмет оказался тонкой работы крохотной керамической бутылочкой, размером не больше пипетки для закапывания носа. Горлышко было закупорено миниатюрной пробкой из древесной коры.

Доркас оглянулась, увидела, что Билл держится в отдалении, мечтательно рассматривая приходящий в упадок храм у подножия холма; казалось, она осталась довольна увиденным. Повернувшись к Розы, заговорила тихим возбужденным шепотом:

— Одна капля. Для него. Потом.

Розы согласно кивнула, делая вид, что понимает, о чем идет речь. Так проще. В голове ее роились вопросы, которые она могла задать и, наверное, *должна* задать, но рассудок, чересчур утомленный, отказывался облекать их в словесную форму.

— Я дала бы тебе поменьше, но боюсь, что позже ему понадобится еще капля. Только будь осторожна, девочка. Эта штука опасна!

«Словно в этом мире есть хоть что-то безопасное», — промелькнуло в уме у Розы.

— Спрячь ее подальше, и побыстрее, — приказала Доркас, и Розы послушно сунула бутылочку в маленький кармашек для часов на джинсах. — И не забывай — *ему* про это ни слова! — Она кивнула головой в сторону Билла, затем перевела взгляд на Розы; коричневое лицо Доркас казалось мрачным и напряженным. На мгновение зрачки ее глаз потерялись в темноте, и она стала похожей на греческую статую. — Ты сама знаешь почему, правда же?

— Да, — подтвердила Розы. — Это чисто женское дело.

Доркас кивнула.

— Все верно, ты правильно поняла.

— Чисто женское дело, — повторила Розы и мысленно услышала предупреждающий голос

Мареновой Розы: «Помни о древе».

Она закрыла глаза.

Они посидели втроем на холме некоторое время — никто не мог точно сказать какое именно; Билл и Розы обнимали друг друга за талии, Доркас расположилась чуть поодаль, рядом с пони, который сонно похрустывал сочной травой. Время от времени пони с любопытством поглядывал на темнокожую женщину, словно не понимая, что собрало столько людей в неурочный час на обычно почти безлюдной вершине холма, но Доркас не обращала на него внимания, она сидела, сцепив руки на коленях, устремив взгляд на клонящуюся к горизонту луну. Розы она показалась *похожей* на женщину, которая перебирает в памяти прошедшую жизнь, с горечью убеждаясь, что ошибок в ней больше, чем правильных решений... гораздо больше. Несколько раз Билл делал попытку сказать что-то, и Розы бросала на него подбадривающий взгляд, но он так и не проронил ни слова.

Вскоре после того, как диск луны коснулся верхушек деревьев слева от храма, пони снова поднял голову и в этот раз издал хрипловатое радостное ржание. Розы посмотрела вниз и увидела, что Мареновая Роза поднимается к ним. Сильные изящные бедра слабо поблескивали в бледнеющем свете луны. Заплетенная коса раскачивалась из стороны в сторону, как маятник больших часов.

Доркас удовлетворенно пробормотала что-то неразборчивое и поднялась на ноги. Розы ощутила сложную гамму чувств, но преобладали понимание и предвкушение. Она положила руку на предплечье Билла и заглянула ему в глаза.

— Только не смотри на нее, хорошо?

— Это верно, — согласилась Доркас, — и не задавай вопросов, Билли, даже если она предложит тебе их задать.

Он недоуменно посмотрел на Доркас, затем на Розы, потом снова на Доркас.

— Но почему? И вообще, кто она такая? Майская королева?

— Она королева всего того, чего пожелает, — ответила Доркас, — и советую не забывать об этом ни на секунду. Не смотри на нее и не делай ничего, что могло бы рассердить ее. Больше мне нечего сказать, я просто не успею. Соедини руки на животе, мил человек, и смотри на них. Не своди с них глаз.

— Но...

— Если глянешь на нее, сойдешь с ума, — без обиняков пояснила Розы и увидела, как Доркас кивнула в знак подтверждения ее правоты.

— Так все-таки сон это или нет? — продолжал Билл. — Я хочу сказать... я еще жив? Потому что если это загробная жизнь, то я бы с удовольствием от нее отказался. — Он бросил взгляд в направлении приближающейся женщины и содрогнулся. — Слишком много шума. Слишком много крика.

— Это сон, — заверила его Розы. Мареновая Роза подошла совсем близко — стройная прямая фигура, движущаяся через пятна света и теней. Когда на ее лицо падала тень, оно превращалось в маску кошки или лисы. — Это сон, в котором ты должен выполнять все, что от тебя требуется. — По велению Розы и Доркас.

— Да. И Доркас велит тебе сложить руки на животе и глазеть на них, пока кто-нибудь из нас двоих не разрешит поднять голову.

— Могу я исполнить приказание? — спросил он, метнув в ее сторону притворно игривый взгляд исподлобья, в котором она угадала искреннее непонимание.

— Да, — в отчаянии прошептала Розы, — да, можешь, только ради Бога *не смотри на нее!*

Он сплел пальцы на животе и послушно опустил взгляд.

Теперь до Розы доносился шорох приближающихся шагов, шелковистый шепот травы, скользящей по коже. Она опустила голову и спустя мгновение увидела перед собой босые женские ноги, серебристые в лунном сиянии. Последовало продолжительное молчание, нарушаемое лишь тревожным криком ночной птицы вдали. Розы перевела взгляд чуть правее и заметила Билла, сидящего рядом с ней и пристально изучающего собственные руки, словно ученик гуру, которому позволили присоединиться к учителю во время утренней медитации.

Наконец она робко заговорила, не поднимая глаз: — Доркас дала мне то, о чем вы говорили. Оно у меня в кармане.

— Хорошо, — произнес сладостный, чуть хриловатый голос. — Это хорошо, Розы Настоящая. — В поле зрения Розы появилась рука в пятнах, и что-то упало на колени. В слабеющем свете луны блеснул одиночный золотой лучик. — Для тебя, — сказала Мареновая Роза, — сувенир, если хочешь. Поступай с ним так, как считаешь нужным.

Розы подняла предмет и удивленно уставилась на него. Три слова — «Служба, верность, общество» — образовывали треугольник вокруг камня, маленького кружка обсидана. Камешек был помечен теперь яркой алой точкой, отчего напоминал неусыпно наблюдающий глаз.

Снова воцарилась тишина, в которой угадывалось скрытое ожидание. «Может, она ждет слов благодарности?» — подумала Розы. Этого она не дожидается... но почему бы не высказать то, что у нее на душе?

— Я рада, что он мертв, — произнесла она тихо и невыразительно. — Туда ему и дорога.

— Конечно, ты рада, и ему досталось поделом, ты права. А теперь ты должна вернуться назад, в свой мир Розы Настоящей, вместе со своим зверем. Насколько я могу судить, он не так уж и плох. — В ее голосе улавливались новые нотки — Розы не позволила себе рассматривать их как похоть. — Хорошая холка. Хорошие бока. — Пауза.

— Хороший пах. — Новая пауза, после которой рука в пятнах поднялась к голове Билла и погладила его всклокоченные, влажные от пота волосы. При ее прикосновении он шумно втянул в себя воздух, но не поднял головы. — Хороший зверь. Береги его, и он будет беречь тебя.

И тогда Розы подняла голову. Она дрожала от страха перед тем, что может открыться ее взору, и тем не менее была не в силах совладать с собой.

— Не смей называть его зверем, — произнесла она вибрирующим от ярости голосом. — И убери от него свою зараженную руку.

Краешком глаза она увидела, как сжалась Доркас, но не это занимало ее. Все ее внимание сфокусировалось на Мареновой Розе. Что ожидала она увидеть в ее лице? Сейчас, рассматривая его в меркнувшем лунном сиянии, она не давала себе отчета в собственных чувствах. Медуза? Медуза-Горгона? Стоящая перед ней женщина оказалась совсем иной. Когда-то (и не так давно, как показалось Розы) ее лицо было необыкновенно красивым, достойным соперничать с красотой Елены из Трои. Теперь же следы прежней красоты стерлись и поблекли. Зловещее черное пятно расползлось по левой щеке и надвигалось на лоб, словно солнечное затмение. Горящий глаз, взиравший на нее с левой стороны лица, казался одновременно яростным и равнодушным. Она понимала, что Норман, разумеется, увидел не это лицо, за которым угадывалось иное — как будто она надела живую маску специально для Розы, что-то вроде косметики, — и ей стало не по себе. Под маской таилось безумие... но не *просто* безумие.

«Это что-то вроде бешенства, — подумала Розы, — болезнь разъедает ее изнутри, все ее внешние черты, все волшебство, все величие дрожат на поверхности, готовые рассыпаться в прах в тот момент, когда она потеряет самообладание, вскоре все рухнет, и если я отведу взгляд, она, возможно, набросится на меня и сделает то же, что и с Норманом. Она пожалеет об этом позже, но мне-то легче не станет, верно?»

Мареновая Роза снова протянула руку, и в этот раз дотронулась до головы Розы —

прикоснулась сначала ко лбу, затем провела по волосам; день выдался нелегкий, и коса здорово растрепалась, потеряв первоначальную форму.

— Ты смелая, Розы. Ты отважно сражалась ради своего... своего друга. Ты смелая, и у тебя доброе сердце. Но могу я дать тебе один совет прежде, чем отправить вас назад?

Она улыбнулась, наверное желая произвести приятное впечатление, но сердце Розы на секунду замерло, а потом пустилось в бешеный галоп. Когда губы Мареновой Розы раздвинулись, на лице разверзлась дыра, не имеющая ничего общего со ртом; в этот момент она даже отдаленно не напоминала человеческое существо. Ее рот превратился в пасть паука, которому предназначено судьбой поедать насекомых — не мертвых, а лишь впавших в бесчувствие после ядовитого укуса.

— Да, конечно, — ответила Розы, едва шевеля онемевшими, чужими губами.

Пальцы уродливой руки провели по гладкой коже на виске. Паучья пасть расплзлась в усмешке. Глаза сверкнули в темноте.

— Смой краску с волос, — прошептала Мареновая Роза. — В блондинки ты не годишься.

Их взгляды встретились. Остановились. Розы обнаружила, что не может отвести свой в сторону; его словно притягивало лицо другой женщины. Рядом — и невообразимо далеко — сидел Билл, послушно глядя на руки. На лбу и щеках Билла подрагивали искорки выступивших капель пота. Первой отвела взгляд Мареновая Роза.

— Доркас.

— Мэм?

— Ребенок...

— Будет готов, как только скажете.

— Хорошо, — кивнула Мареновая Роза. — Мне не терпится увидеть ее, к тому же нам пора отправляться в путь. И тебе тоже нужно поторапливаться, Розы Настоящая. Тебе и твоему *мужчине*. Видишь, я могу назвать его и так. Твой *мужчина*, твой *мужчина*. Но перед тем, как уйти...

Мареновая Роза протянула руки. Медленно, словно под гипнозом, Розы встала и шагнула в распростертые объятия. Темные пятна, бродившие под кожей Мареновой Розы, оказались лихорадочно горячими, как ей и представлялось — Розы подумала, что почти чувствует их движение собственной кожей. Все остальные чести тела женщины в хитоне — женщины в *дзате* — оставались холодными, как у трупа.

Но Розы больше не испытывала страха. Мареновая Роза поцеловала ее в щеку — высоко, у самой скулы — и прошептала:

— Я люблю тебя, маленькая Розы. Жаль, что нам не довелось повстречаться раньше, чтобы ты увидела меня в более выгодном свете, но мы и так неплохо поладили, верно? Мы поладили. Только не забывай о древе.

— Каком древе? — раздосадованно спросила Розы. — Каком древе?

Но Мареновая Роза покачала головой с не подлежащей сомнению категоричностью и отступила на шаг, выпуская Розы из своих объятий. Розы в последний раз взглянула в изуродованное лицо и снова вспомнила лисицу с лисятами.

— Я — это ты? — прошептала она. — Скажи правду, я — это ты?

Мареновая Роза улыбнулась. Совсем чуть-чуть, но на миг перед Розы разверзлась пасть чудовища, и она невольно содрогнулась.

— Не задумывайся над этим, маленькая Розы. Я слишком стара и больна для подобных вопросов. Философствование — удел здоровых. Если ты не забудешь о древе, это не будет иметь значения, поверь мне.

— Я не понимаю...

— Тс-с-с. — Она прижала палец к ее губам. — Повернись, Роза. Повернись и уходи, чтобы не видеть меня больше. Пьеса окончена.

Роза повернулась, взяла Билла за руки (он по-прежнему держал их сцепленными между коленей; его напряженные переплетенные пальцы напоминали тугой узел) и подняла его на ноги. И снова мольберт исчез, а стоявшая на нем картина — набросок ее ночной комнаты, сделанный небрежными тусклыми мазками масляных красок, — выросла до невероятных размеров. И снова картина перестала быть картиной, превратившись в окно. Роза направилась к нему, думая лишь о том, чтобы как можно быстрее оказаться по ту сторону, покинуть таинственный мир, уйти из него навсегда. Билл потянул ее за руку, останавливая. Он повернулся к Мареновой Розе и заговорил, не позволяя взгляду подняться выше ее груди. — Спасибо, что помогли нам.

— Не стоит благодарностей, — сдержанно откликнулась Мареновая Роза. — Отплати мне своим хорошим отношением к ней.

«Я плачу», — с содроганием вспомнила Роза. — Идем. — Она потянула Билла за рукав. — Пожалуйста, идем.

Он, однако, задержался еще на миг.

— Да, — сказал он. — Я всегда буду относиться к ней хорошо. Тем более теперь, зная, что ждет людей, которые обращаются с ней плохо. Знаю лучше, чем мне, наверное, хотелось бы.

— Какой привлекательный мужчина, — рассеянно произнесла Мареновая Роза, и затем ее голос изменился — стал безжизненным и отрешенным. — Забирай его, пока не поздно, Роза Настоящая! Забирай, пока еще не слишком поздно!

— Уходите! — крикнула Доркас. — Уходите вдвоем сейчас же!

— *Но прежде отдай то, что принадлежит мне!* — закричала Мареновая Роза, и сейчас этот пронзительный крик даже отдаленно не напоминал человеческий. — *Верни мне мое, сука!*

Нечто — не рука, нечто слишком тонкое, чтобы являться рукой, — рассекло темноту и скользнуло по коже плеча задыхающейся в диком вопле Розы Макклendon.

Оглохшая от собственного испуганного вопля, Роза сорвала с руки золотой браслет и швырнула его под ноги возвышающегося над ней извивающегося чудовища. Она заметила, как Доркас бросилась вперед и схватила чудовище обеими руками, стараясь сдержать его, и поняла, что миг промедления может стоить ей жизни. Вцепившись в Билла, она потащила его за собой к картине, выросшей до размеров окна.

Она не споткнулась, как в прошлый раз, но все же упала, а не шагнула из картины. Рядом свалился Билл. Они растянулись во весь рост на дне встроенного шкафа в пятне серебристого лунного света. Билл при падении ударился головой о стенку шкафа, судя по звуку, довольно ощутимо, но, похоже, не почувствовал боли.

— Никакой то был не сон, — сказал он. — Господи, мы *были в картине!* В картине, которую ты купила в тот день, когда мы познакомились!

— Нет, — запротестовала она спокойно. — Ничего подобного.

Пятно лунного света вокруг них начало одновременно сокращаться и становиться ярче. Через несколько секунд оно потеряло строгие очертания трапеции и приобрело форму круга. Словно дверь за ними постепенно сужалась, как диафрагма фотоаппарата. Роза ощутила желание обернуться и посмотреть на происходящее, но сдержалась. А когда Билл попытался оглянуться, она мягко, но настойчиво взяла ладонями его голову и повернула к себе.

— Не надо, — попросила она. — Какой от этого прок? Что бы там ни произошло, всему настал конец.

— Но...

Пятно света сократилось до ослепительно яркой точки, и в голове Розы вихрем пролетела мысль о том, что, если Билл сейчас возьмет ее за руки и выведет на середину комнаты для танца, свет, словно луч прожектора, последует за ними.

— Не надо, — повторила она. — Забудь обо всем, что видел. Пусть все станет, как было.

— Но где Норман, Роза?

— Его больше нет, — просто ответила она и тут же добавила вдогонку. — Как и свитера, и куртки, которую ты мне одолжил. Свитерок был паршивый, а вот куртку жалко.

— Эй! — Он уставился на нее в немом потрясении. — Не потей из-за чепухи!

Пятнышко холодного света сжалось до размеров спичечного коробка, затем булавоочной головки, а потом исчезло, оставив на сетчатке глаз плавающий белый отпечаток. Она заглянула в шкаф. Картина находилась там, куда она положила ее после своего первого путешествия в нарисованный неизвестным художником мир, но она опять изменилась. Теперь на полотне были изображены лишь вершина холма и полуразрушенный храм у подножия, освещенные последними лучами висящей у самого горизонта луны. Пейзаж, от которого веет тишиной и покоем и где нет даже намек на близость человека, делали картину, по мнению Розы, еще более похожей на классическую.

— Господи, — покачал головой Билл, растирая ладонями распухшую шею. — Что произошло, Роза? Я не соображаю, что *произошло!*

С момента их прихода в мир картины прошло, по всей видимости, не очень много времени; дальше по коридору продолжал вопить подстреленный Норманом сосед.

— Я должен проверить, не нужна ли ему помощь, — заявил Билл, поднимаясь на ноги. — Не могла бы ты вызвать скорую помощь? И полицию?

— Конечно. Думаю, они и так уже в пути, но я все равно позвоню.

Он подошел к двери, затем оглянулся в нерешительности, все еще растирая шею. — Что ты скажешь полицейским? Она помедлила с ответом, затем улыбнулась. — Не знаю... но придумаю что-нибудь. В последние дни вынужденная импровизация стала моим коньком. Иди, иди, делай свое дело.

— Я люблю тебя, Роза, — единственное, в чем я уверен сейчас.

Он вышел прежде, чем она успела ответить. Она сделала пару шагов за ним, затем

остановилась. В дальнем конце коридора Роза увидела слабый дрожащий огонек свечи.

— Святая корова! — произнес незнакомый голос. — Его что, подстрелили?

Негромкий ответ Билла заглушил новый вопль соседа. Раненного, судя по всему, не очень серьезно, иначе вряд ли он производил бы столько шума.

«Нехорошо», — одернула она себя, поднимая трубку нового телефонного аппарата и набирая номер девятьсот одиннадцать, — телефон службы спасения. Пожалуй, мир теперь видится ей немного под иным углом зрения, и мысль о человеке, кричащем в дальнем конце коридора, стала результатом этого нового взгляда.

— Все это неважно, если я буду помнить о древе, — проговорила она, не понимая, собственно, ни почему сказала так, ни что означают эти слова.

Трубку на другом конце линии подняли после первого же звонка.

— Алло, девятьсот одиннадцать, ваш звонок записывается.

— Да, я знаю. Меня зовут Роза Макклendon, я проживаю по адресу восемьсот девяносто семь. Трентон-стрит, второй этаж. Соседу с верхнего этажа требуется помощь.

— Мэм, не могли бы вы сообщить подробности...

Почему же, могла бы, конечно, могла, но в этот момент ее пронзила иная мысль, нечто, не приходившее в голову раньше, но ставшее абсолютно ясным теперь, нечто, не терпящее отлагательства. Роза опустила трубку на рычаг и просунула два пальца правой руки в маленький кармашек джинсов. Она соглашалась с тем, что кармашек для часов очень удобен, но он вызывал у нее и глухое раздражение, ибо являлся еще одним доказательством невольного предубеждения мира против левшей, к которым принадлежала и она. Мир создан для людей, большей частью орудующих правой рукой, и потому подобные мелкие неудобства возникали буквально на каждом шагу. Ну да Бог с ними; будучи левшой, вы просто привыкаете к ним и со временем перестаете обращать внимание, вот и все. И сделать это не очень сложно. Как поется в старой песне Боба Дилана о шоссе шестьдесят один, — о да, сделать это легче легкого.

Она извлекла из кармана крохотную керамическую бутылочку, которую дала ей Доркас, несколько секунд подержала в руках, внимательно рассматривая, затем склонила голову набок и прислушалась к доносящимся из коридора звукам. К группе в конце коридора присоединился еще кто-то, и человек, которого ранила выпущенная Норманом пуля (Роза показало, что говорил он), рассказывал что-то собравшимся слабым плаксивым голосом. А вдали слышался нарастающий вой сирен.

Она прошла на кухню и открыла дверцу миниатюрного холодильника. Внутри оказался пакетик болонской колбасы, три-четыре ломтика, кварта молока, два картонных пакета обычного кефира, пинта сока и три бутылки пепси. Она достала бутылку пепси, откупорила ее, поставила на кухонный стол и бросила быстрый взгляд в сторону двери, в глубине души ожидая увидеть Билла («Что ты делаешь, дорогая? — спросит он. — Что ты туда подмешиваешь?»). Однако в дверном проеме никого не было, а из глубины коридора доносился его спокойный, участливый голос, к которому она успела проникнуться любовью.

Кончиками ногтей она вытщила крохотную пробку, затем несколько раз провела раскупоренной бутылочкой перед носом, как человек, проверяющий аромат новых духов. Запах, который она почувствовала, не имел ничего общего с духами, но она мгновенно узнала его — горьковатый, с металлическим оттенком и при том странно притягательный. Маленькая бутылочка содержала воду из ручья, протекавшего за Храмом Быка.

Доркас: «Одна капля. Для него. Потом». Да, всего одна; больше опасно, а одной может оказаться достаточно. Все вопросы и все воспоминания: ночная луна, кошмарные вопли Нормана, задыхающегося от ужаса и боли, женщина, на которую ему не позволили глядеть, — исчезнут, как и не бывало. А вместе с ними и ее опасения, что воспоминания, как едкая кислота,

прожгут дыру в его здравом рассудке и в их зарождающихся чувствах. Возможно, ее тревоги напрасны; человеческий разум — штука довольно крепкая и обладающая потрясающей способностью адаптироваться, о чем большинство людей даже не подозревает. Ей ли не знать об этом после четырнадцати лет жизни с Норманом? Чему-чему, а этому он научил ее основательно. Однако рисковать все же не стоит. Какой смысл в риске, если есть другой, гораздо более легкий и надежный путь? Что опаснее, воспоминания или жидкая амнезия?

«Только будь осторожна, девочка. Эта штука опасна!» Роза перевела взгляд на раковину мойки, затем опять остановила его на керамическом флакончике.

Мареновая Роза: «Хороший зверь. Береги его, и он будет беречь тебя».

Роза решила, что несмотря на презрительную терминологию, мысль, высказанная женщиной в мареновом хитоне, вполне разумна. Медленно и осторожно она наклонила флакончик над горлышком откупоренной бутылки пепси-колы, перелив туда одну-единственную черную каплю. Бульк.

«А теперь вылей остальное в раковину, быстрее». Так она и хотела поступить, но в памяти всплыли другие слова Доркас: «Я дала бы тебе поменьше, но боюсь, что позже ему понадобится еще капля».

«Да, а как же я? — спросила она себя, закупоривая флакончик крохотной пробкой из древесной коры и засовывая его в потайной кармашек джинсов. — Как же я? Не понадобится ли мне капля-другая потом, чтобы не свихнуться?» Вряд ли, подумала она. К тому же... — Те, кто забывают прошлые ошибки, склонны их повторять, — пробормотала она. Роза не помнила, кому принадлежит авторство высказывания, но мысль была достаточно правильной. Она поспешила к телефону, сжимая в руке бутылку целебного пепси, вторично набрала номер девятьсот одиннадцать и снова выслушала ту же фразу: осторожнее подбирай слова, девочка, твой звонок записывается.

— Это опять Роза Макклendon, — сказала она. — Нас прервали. — Она сделала намеренную паузу, затем продолжила. — Черт возьми, вру я, конечно. Просто разволновалась и случайно выдернула из розетки телефонный шнур. Тут сейчас творится что-то невообразимое.

— Да, мэм. По просьбе Розы Макклendon к дому восемьсот девяносто семь по Трентон-стрит направлена машина скорой помощи. К нам также поступили сообщения о стрельбе по тому же адресу, мэм; вы хотели сообщить об огнестрельном ранении?

— Думаю, да.

— Вы не хотите поговорить с полицией?

— Я хочу поговорить с лейтенантом Хейлом. Он детектив, поэтому соедините меня с отделом расследований — О-РАС или как вы там его называете.

Последовала пауза, а когда оператор службы девятьсот одиннадцать заговорила, ее голос меньше походил на голос робота.

— Да, мэм, мы называем отдел расследований О-РАС. Минуточку, я сейчас соединю вас.

— Спасибо. Вам нужен мой телефонный номер, или компьютер его уже засек? Откровенное удивление.

— Нам известен ваш номер, мэм.

— Я так и думала.

— Не кладите трубку, соединяю. Ожидая, она взяла бутылку пепси и помахала ею перед носом — точно так же, как тем маленьким флакончиком. Ей показалось, что она ощутила легчайший, почти неуловимый запах горечи... или ей всего лишь померещилось. Ну да не все ли равно? Либо он ее выпьет, либо нет. «Ка, — подумала она — и тут же вслед: — Что?»

Прежде, чем она успела найти объяснение странному слову, в трубке раздался щелчок.

— Отдел расследований, сержант Уильяме.

Она попросила соединить ее с лейтенантом Хейлом, сержант велел подождать минутку. За дверью комнаты, в коридоре, продолжался обмен негромкими вопросами и стонущими ответами. Сирены звучали гораздо ближе.

— Алло, Хейл слушает, — неожиданно рывкнул голос в телефонной трубке. Совсем не похоже на сдержанного, воспитанного человека, с которым она разговаривала недавно. — Это вы, мисс Макклendon?

— Да...

— С вами все в порядке? — Все еще лающим тоном, и она невольно припомнила всех тех копов, которые за четырнадцать лет перебивали в их гостиной, наполняя ее вонью своих носков. В его голосе явственно ощущалось нетерпение, нежелание ждать, пока она сама сообщит нужную ему информацию; нет, он расстроен и вынужден танцевать у ее ног, твякая, как терьер.

«Одно слово, мужчина», — подумала она, закатывая глаза.

— Да. — Она говорила медленно, как воспитатель детсадовской группы на площадке для игр, пытающийся успокоить зашедшего в плач ребенка. — Да, со мной все в порядке. Как и с Биллом — мистером Штайнером. С нами все в порядке.

— Это ваш муж? — Если бы голос повысился на тон или даже полтона, его можно было бы назвать паническим криком. Бык, мечущийся в чистом поле в поисках красной тряпки, вызвавшей его ярость. — Это Дэниэлс?

— Да. Но он исчез. — Она помолчала, потом добавила: — И я не знаю куда.

«Но, надеюсь, там, куда он попал, очень жарко, и система кондиционеров не работает».

— Мы найдем его, — заверил ее Хейл. — Обещаю, мисс Макклendon — мы найдем его.

— Удачи вам, лейтенант, — мягко произнесла она, поворачиваясь к открытой дверце шкафа. Она осторожно прикоснулась к левой руке чуть выше локтя, где еще чувствовалось ослабевающее тепло от браслета. — Простите, мне некогда разговаривать с вами. Норман ранил соседа, живущего этажом выше, и я хочу посмотреть, не нужна ли моя помощь. Вы приедете?

— Черт возьми, вы в этом сомневаетесь?

— Тогда увидимся здесь. До свидания. — Она положила трубку, не давая ему времени ответить.

Дверь распахнулась, в комнату вошел Билл, и в этот момент за его спиной в коридоре загорелся свет. Он удивленно огляделся.

— Должно быть, предохранитель... Значит, Норман успел побывать в подвале. Но если он собирался...

Не договорив, он поперхнулся, и его схватил приступ сильного кашля. Он согнулся, скривившись от боли, прижимая ладони к распухшей шее, покрытой пятнами синяков.

— Держи. — Она протянула ему бутылку пепси. — Выпей. Только что из холодильника, но, надеюсь, ты не простудишься.

Билл взял бутылку, сделал несколько глотков, затем отнял бутылку от губ и озадаченно посмотрел на нее. — Станный какой-то вкус, — заметил он.

— Наверное, из-за того, что твое горло распухло. Возможно, не обошлось без кровотечения, и поэтому вкус кажется тебе странным. Пей, пей до дна. От твоего кашля у меня сердце болит.

Он осушил бутылку, поставил ее на кофейный столик, а когда посмотрел на нее, Роза увидела в его глазах пустоту, которая испугала ее.

— Билл? Билл, что случилось? Тебе плохо?

Пустота не исчезала еще секунду-другую, затем он рассмеялся и покачал головой.

— Ты не поверишь. Сказывается напряженность дня, пожалуй. Я...

— Что? Не поверю во что?

— Пару секунд я не мог вспомнить, кто ты такая, — признался он. — Я не мог вспомнить

твое имя. *Но еще забавнее, что я не мог вспомнить, как зовут меня.*

Она засмеялась и шагнула к нему. На лестнице раздался торопливый топот нескольких человек — по всей видимости, прибыла бригада скорой помощи, — но она не обратила на них внимания. Она обняла его и прижалась как можно крепче.

— Меня зовут Розы. — сказала она. — Я Розы. Розы... настоящая.

— Точно, — кивнул он, целуя ее в висок. — Розы, Розы, Розы, Розы, Розы.

Она закрыла глаза, прижалась лицом к его плечу и в темноте под опущенными веками увидела ужасную пасть чудовищного паука и блестящие глаза лисицы, глаза, слишком неподвижные, чтобы по ним можно было определить, безумен ли смотрящий или пребывает в здравом рассудке. Она увидела все это и поняла, что образы будут преследовать ее долгое, очень долгое время. А в голове тяжелым колокольным эхом зазвенели два слова:

«Я плачу».

Лейтенант Хейл закурил, не удосужившись даже спросить позволения, закинул ногу за ногу и посмотрел на Розы Макклендон и Билла Штайнера — двух человек, страдающих от классического приступа любовной лихорадки; каждый раз, когда их взгляды встречались, Хейл буквально видел, как в их зрачках вспыхивало: «ПЕРЕГРУЗКА». Одного этого хватило бы, чтобы вызвать у него подозрение — не сами ли они расправились с поднявшим такую суматоху Норманом? Но он прекрасно осознавал всю беспочвенность собственных подозрений. Кто угодно, только не они. Не из тех они людей, говоря откровенно.

Он перетащил стул из кухни и теперь сидел на нем верхом, опираясь подбородком на руку, которую положил на спинку. Розы и Билл уместились на диванчике, воображавшем себя настоящей софой. С момента первого звонка Розы прошло чуть больше часа. Стонущего соседа с верхнего этажа отправили на машине скорой помощи в истсайдскую больницу с раной, которую один из прибывших санитаров описал следующим образом: «Неглубокая царапина со значительными претензиями».

Так что суматоха к этому времени поулеглась. И это Хейлу нравилось. Только одно могло улучшить его настроение еще больше — узнать, где в данный момент находится Норман Дэниэлс, из-за которого все заварилось.

— Один из присутствующих здесь инструментов плохо настроен, — изрек Хейл. — и портит звучание *целого* оркестра.

Розы и Билл переглянулись. Хейл заметил откровенное непонимание в глазах Билла: что касается Розы, ее взгляд вызывал некоторые сомнения. Что-то в нем мелькало, но что именно, он никак не мог определить. Что-то, о чем она предпочитает умалчивать.

Он медленно перелистал блокнот, просматривая сделанные записи — не спеша, желая заставить их волноваться. Но ни он, ни она не проявляли ни малейших признаков нервозности. Хейла удивила способность Розы сохранять такое спокойствие — если, конечно, его убежденность в том, что она что-то скрывает, верна, — но он, видимо, с самого начала забыл одну важную деталь или не придал ей значения. Несмотря на то, что Розы ни разу не присутствовала на настоящем допросе подозреваемого, ей довелось выслушать тысячу отчетов и стать свидетелем множества оживленных обсуждений, когда молча подносила гостям мужа напитки или меняла наполненные пепельницы. Так что его методы для нее не новы.

— Ну хорошо, — проговорил Хейл, убедившись, что никто из них не намеревается дать ему хотя бы маленькую зацепку. — Итак, в наших рассуждениях мы достигли следующей точки. Норман появляется здесь. Норману каким-то образом удается убить Элвина Демерса и Ли Бабкока. Труп Бабкока он устраивает на пассажирском сиденье, Демерс оказывается в багажнике, Норман разбивает лампочку в вестибюле, затем спускается в подвал и выводит из строя предохранители, судя по всему, наугад, хотя все они четко помечены на схеме на внутренней стороне дверцы распределительной коробки. Почему? Мы можем только догадываться. Мотивы поступков сумасшедшего нам неизвестны. Затем он возвращается к полицейской машине и исполняет роль одного из патрульных. Когда вы приходите домой, он бросается за вами вдогонку — пытается выпустить кишки из мистера Штайнера, мчится за вами вверх по лестнице, открывает пальбу по мистеру Брискоу, пожелавшему принять участие в потехе, потом взламывает дверь. Пока все правильно, так?

— Да, наверное, — пожал плечами Розы. — Все происходило так быстро... но, думаю, вы верно излагаете события.

— Затем следует часть, которая не вмещается у меня в голове. Вы вдвоем прячетесь в

шкафу...

— Да.

— ...Норман врывается в комнату, как Фредди Джейсон или как там зовут этого героя фильма ужасов...

— Ну, не совсем как...

— ... мечется по комнате, как разъяренный бык, задерживается в ванной достаточно долго, чтобы проделать пару дырок в душевой занавеске... а потом убегает. Вы хотите сказать, что все произошло именно так.

— Именно так, — подтвердила она. — Разумеется, мы не *видели*, как он метался по комнате, потому что находились в шкафу, зато слышали все.

— Бешеный больной полицейский проходит через все круги ада, чтобы разыскать вас; на него мочатся, ему сворачивают нос, он убивает двух полицейских, и что потом? Он продырявливает душевую занавеску и убегает? Вы *это* хотите мне сказать?

— Да. — Она видела, что нет смысла что-то добавлять.

Лейтенант не подозревал ее в чем-то незаконном — с самого начала относился к ней гораздо милосерднее, *чем* если бы она являлась подозреваемой, — но если Роза попытается усилить простое утверждение дополнительными доводами, тьякканье терьера может затянуться на всю ночь, а у нее и без того разболелась голова.

Хейл перевел взгляд на Билла.

— Вы тоже утверждаете, что все произошло именно так?

Билл отрицательно покачал головой.

— Я *ничего* не утверждаю, — возразил он. — Последнее, что я отчетливо помню, — это когда остановил мотоцикл у полицейской машины. Сильный туман. Дальнейшее — сплошной туман.

Хейл в бессилии раздраженно стукнул кулаком по спинке стула. Роза взяла руку Билла, положила себе на колено, накрыла своей ладонью и улыбнулась ему милой улыбкой.

— Все в порядке, — успокоила она Билла. — Уверена, в свое время ты все вспомнишь, вот увидишь.

Билл обещал остаться ночевать у нее. Он сдержал свое обещание — и уснул как только голова его прикоснулась к подушке, для этого случая позаимствованной на маленьком диванчике. Роза ничуть не удивилась. Она лежала рядом с ним на узкой кровати, глядя на ватный в свете уличного фонаря туман за окном, ожидая, когда потяжелеют веки. Но сон не приходил. Сообразив, что уснуть быстро ей не удастся, она встала, подошла к шкафу, включила свет и села перед картиной, скрестив под собой ноги.

Неподвижный лунный свет лишал изображенные на картине предметы четких очертаний. Храм виделся бледной призрачной полутенью. Над ним кружили едва различимые хищные птицы. «Попируют ли они плотью Нормана сегодня, когда встанет солнце?» — подумала она. Скорее всего, нет. Мареновая Роза отправила Нормана туда, куда птицы не заглядывают.

Она смотрела на картину еще какое-то время, затем провела по ней рукой, ощущая кончиками пальцев шероховатость затвердевшей краски на полотне. Прикосновение успокоило ее. Она выключила свет и улеглась на кровать. В этот раз сон пришел очень быстро.

В первый день жизни без Нормана она проснулась — и разбудила Билла — очень рано. Она проснулась от собственного крика.

— Я плачу! Я плачу! О Боже, ее глаза! Ее черные глаза!

— Розы! — воскликнул он, трясая ее за плечо. — *Розы!*

Она посмотрела на него, сначала не узнавая, чувствуя, что лицо ее влажно от пота, пропитавшего и ночную рубашку, ощущая прилипшую ко всем впадинам и выпуклостям тела хлопковую ткань.

— Билл?

Он кивнул.

— Да, это я. Я с тобой. С тобой все в порядке. Мы в полном порядке.

Невольно содрогнувшись, она прижалась к нему всем телом, наслаждаясь исходившим от него спокойствием, которое очень скоро превратилось в нечто совсем другое. Она лежала под ним, сжимая правой рукой запястье левой, прижимая его к себе, и когда он проник в нее (прежде, с Норманом, она никогда не знала ни такой нежности, ни такой уверенности), взгляд ее обратился к джинсам, валявшимся на полу рядом с кроватью. В кармашке для часов пряталась крохотная керамическая бутылочка, где оставалось, насколько она могла судить, по крайней мере три капли горьковатой черной воды — а то и больше.

«Я выпью, — подумала она за миг до того, как утратила способность связно мыслить. — Выпью, обязательно выпью, конечно, выпью. Я все забуду, и это к лучшему — кому нужны такие сны?»

Но существовала и глубинная часть ее сознания — гораздо более глубокая, нежели старая подруга Практичность-Благоразумие — и именно оттуда пришел ответ: *ей* нужны такие сны, вот кому. *Ей*. Да, разумеется, она сохранит бутылочку и ее содержимое, но не для себя. Потому что человек, забывающий о прошлом, склонен повторить прежние ошибки.

Она подняла глаза и посмотрела на Билла. Он взглянул на нее сверху вниз широко раскрытыми глазами, подернутыми дымкой удовольствия. Он растворился в ней, и она растворилась в нем, позволяя увести ее туда, куда он стремился ее увести, и они оставались там долгое, долгое время, отчаянно храбрые моряки, пустившиеся в плавание на маленьком кораблике ее кровати.

Ближе к середине утра Билл рискнул выйти из дома, чтобы купить воскресную газету и заодно прихватить свежих булочек к завтраку. Розы приняла душ, оделась и присела на край кровати, похлопывая босыми ногами по полу. Она ощущала парящие над простынями отдельные запахи каждого из них, а также тот, который они создали вместе. Она подумала, что никогда не знала более приятного запаха.

А что самое прекрасное? Ну, это легко. На пододеяльнике нет крови. Ни на пододеяльнике, ни в других местах.

Ее джинсы почему-то мигрировали под кровать. Она выудила их, подцепив штанину пальцами ноги, затем извлекла из потайного кармашка крохотную бутылочку. Она отнесла джинсы в ванную, где за дверью стояла пластмассовая корзина для белья. Бутылочка на время отправится в аптечку; она легко спрячется за пузырьком мотрина. Прежде, чем бросить джинсы к остальной грязной одежде, она порылась в других карманах, следуя скорее давней привычке, чем ожидая найти там что-то... но тут ее пальцы наткнулись на какой-то предмет на дне используемого гораздо чаще переднего левого кармана. Она вытащила предмет, положила его на ладонь и вздрогнула, услышав отчетливо зазвучавший в голове голос Мареновой Розы: «Сувенир... поступи с ним так, как считаешь нужным».

Нормановское кольцо выпускника Полицейской академии.

Она надела его на большой палец, поворачивая и так, и этак, подставляя под поток света, проникавший в ванную через небольшое окошко с матовым стеклом. Свет поблескивал на словах «Служба, верность, общество». По ней снова пробежала дрожь, и на мгновение почудилось, что Норман вот-вот материализуется рядом со своим бессменным талисманом.

Полминуты спустя, когда бутылочка Доркас была надежно запрятана в шкафчике аптечки, она вернулась к смятой постели, в этот раз не обращая внимания на все еще витавший запах мужчины и женщины. Сейчас ее внимание приковала прикроватная тумбочка; о ней она думала, на нее смотрела. В тумбочке есть ящик. Туда она и положит нормановское кольцо — на время. Позже Розы решит, что с ним делать, пока что ей хотелось побыстрее убрать его с глаз долой. Опасно оставлять кольцо на виду, особенно если учесть, что лейтенант Хейл непременно забежит на огонек с неистощимым запасом старых вопросов, пополнившихся несколькими новыми, и, пожалуй, не стоит дразнить гусей, выставляя напоказ нормановское кольцо выпускника Полицейской академии. Совсем не стоит.

Она выдвинула ящик, сунула руку поглубже, чтобы оставить кольцо в дальнем углу... да так и замерла с вытянутой рукой.

В ящике уже находилось кое-что. Клочок синей ткани, аккуратно сложенный конвертиком. По всей поверхности проступали пятна маренового цвета, похожие на капли полусохшей крови.

— О мой Бог! — прошептала она. — *Семена!*

Розы достала сверточек, некогда являвшийся частью дешевой хлопковой ночной рубашки, присела на кровать (ноги вдруг отказались держать ее) и положила его на колени. Мысленно она услышала голос Доркас, предупреждающий ни в коем случае не пробовать плоды на вкус, даже не подносить ко рту пальцы, которые касались семян. Помгранатовое дерево, вспомнила Розы, но что это за растение на самом деле?

Она отвернула края ткани и посмотрела на семена. Сердце в груди мчалось, как скаковая лошадь.

«Выбросить их, — подумала она испуганно. — Выбросить сейчас же».

Оставив кольцо покойного мужа под настольной лампой — им она займется позже, — она вернулась в ванную, неся лоскут с семенами на раскрытой ладони перед собой. Розы не знала, как долго отсутствовал Билл, ибо потеряла счет времени; понимала только, что он скоро должен вернуться.

«Пожалуйста, — взмолилась она, — пусть очередь в булочной окажется длинной».

Она подняла крышку унитаза, опустила на колени и взяла двумя пальцами первое семечко. До этого ей подумалось, что, возможно, перейдя в этот мир, зернышки лишились своей колдовской силы, но кончики пальцев моментально онемели, доказывая обратное. Пальцы потеряли чувствительность, но впечатление было не таким, словно она отморозила их; скорее ей казалось, будто странная амнезия передается от семян самой плоти. Тем не менее Розы не сразу рассталась с зернышком.

— Одно за лисицу, — произнесла она, немигающим взглядом взирая на семя, и затем уронила его в унитаз. Вода мгновенно окрасилась в зловещий мареновый цвет, словно распустившийся цветок, как будто кто-то сунул туда руку с рассеченными венами или в воду попали капли крови из перерезанного горла» Поднявшийся от воды запах, однако, не напоминал запах крови, это был тяжелый, горьковатый, с явным металлическим оттенком аромат ручья, протекавшего за Храмом Быка, — настолько едкий, что на глазах Розы тут же выступили слезы.

Она взяла из пакетика второе семечко и подняла его к глазам.

— Одно за Доркас, — произнесла она, бросая его в унитаз. Цвет стал более сочным и насыщенным — не вода с кровью, а сама кровь, — а запах ударил в ноздри с такой силой, что слезы заструились по щекам непрерывным потоком. Глаза Розы покраснели, словно она стояла среди гор нарезанного лука.

Она извлекла третье зернышко и занесла руку над унитазом.

— И одно за меня, — проговорила она. — Одно за Розы.

Но когда попыталась бросить зернышко в унитаз, ее пальцы не разжались. Она попробовала еще раз с тем же успехом. В тот же миг разум ее наполнился голосом безумной женщины, звучавшим с убедительной рассудительностью: «Помни о древе. Помни о древе, маленькая Розы. Помни о древе...»

— Помни о древе, — вполголоса пробормотала Розы. — Да, это я заучила на память, но о каком древе? И что, черт возьми, от меня требуется? Бога ради, скажите, что я должна сделать?

«Не знаю, — призналась Практичность-Благоразумие. — Но что бы там ни было, заканчивай свои дела поскорее. Билл может вернуться в любую минуту. В любую секунду».

Она нажала на рычаг сливного бачка, следя за тем, как вода в унитазе постепенно светлеет и становится, наконец, прозрачной. Затем вернулась к кровати, села и уставилась на единственное семечко, оставшееся в покрытом пятнами лоскуте голубой ткани. Перевела взгляд на кольцо Нормана. Снова посмотрела на зернышко.

«Почему я не в силах выбросить это проклятое семечко? Плевать на древо, скажите мне только, почему я не могу спустить в унитаз это проклятое семечко? Избавиться от него раз и навсегда?»

Ответ не появился. Зато в открытое окно влетел сумасшедший грохот и треск подъехавшего к дому мотоцикла, который она уже научилась выделять среди других. Быстро, не задаваясь новыми вопросами, Розы положила кольцо на клочок мягкой голубой ткани рядом с семечком, завернула края, подбежала к комоду и взяла лежавшую на нем сумочку. Не ахти какая — старенькая и потрескавшаяся, — однако Розы свыклась с ней и не хотела расставаться. В ту весну она привезла ее из поездки в Египет. Открыла сумочку и сунула внутрь маленький голубой сверток, затолкав поглубже, на самое дно, где он будет даже в большей безопасности, чем керамическая бутылочка в шкафчике аптечки. Покончив с этим, она подошла к окну и с

наслаждением вдохнула полной грудью свежий воздух.

Когда вернулся Билл, притащив с собой воскресную газету и просто невероятное количество булочек в бумажном пакете, Розы приветствовала его ослепительной улыбкой.

— Где ты так задержался? — спросила она, про себя добавив: «Ну ты и лиса, Розы, Ну ты и...»

Улыбка, вспыхнувшая на его лице в ответ на ее улыбку, вдруг исчезла.

— Розы? Что с тобой?

Ее улыбка стала еще шире.

— Ничего. Все отлично, Наверное, гусь только что прошел над моей могилой.

Только то был не гусь.

«Могу я дать один совет прежде, чем отправить вас назад?»— спросила ее Мареновая Роза, и позже в тот день, уже после того, как лейтенант Хейл принес им тяжкую весть об Анне Стивенсон (обнаруженную лишь наутро — ведь она так не любила, чтобы посторонние нарушали покой ее кабинета) и затем ушел, Роза последовала ее совету. Несмотря на воскресенье, салон-парикмахерская «Волосы 2000» на Скайвью-молле работал. Парикмахер, к которой обратилась Роза, прекрасно поняла, в чем заключается просьба клиентки, но попыталась отговорить ее.

— Вам так идет эта прическа! — воскликнула она.

— Я знаю, — согласилась Роза, — но все равно мне она не нравится.

Поэтому парикмахер сделала то, чего от нее требовали, а Билл, вопреки ожиданиям, не выразил возмущенного протеста, когда они встретились вечером.

— Твои волосы стали короче, но в целом прическа похожа на ту, с которой ты впервые появилась в ломбарде, — заявил он. — Мне нравится.

Она обняла его.

— Хорошо.

— Что скажешь насчет ужина в китайском ресторане? — Соглашусь при одном условии — если пообещаешь остаться у меня.

— Эх, если бы все обещания были такими приятными, — усмехнулся он.

Заголовок понедельника:

«ПОЛИЦЕЙСКИЙ-ПРЕСТУПНИК ЗАМЕЧЕН В ВИСКОНСИНЕ».

Заголовок вторника:

«ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ УБИЙЦУ-ПОЛИЦЕЙСКОГО ДЭНИЭЛСА».

Заголовок среды:

«АННА СТИВЕНСОН КРЕМИРОВАНА; 2000 ЧЕЛОВЕК

В МОЛЧАЛИВОМ МАРШЕ ПОМИНОВЕНИЯ».

Заголовок четверга:

«ПОЛИЦИЯ ПОЛАГАЕТ, ЧТО ДЭНИЭЛС ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ».

В пятницу Норман переместился на вторую страницу. К следующей пятнице он исчез бесследно.

Вскоре после четвертого июля Робби Леффертс предложил Розе начитать роман, резко отличавшийся от книг Ричарда Расина: «Тысячу акров» Джейн Смайли. В романе шла речь о фермерском семействе, живущем в штате Айова, но в *действительности* книга повествовала не о тяготах фермерской жизни; во время учебы в колледже Розе три года являлась художником-оформителем студенческого драматического театра, и хотя ей не довелось выйти на сцену под огнями рампы, все-таки приобретенного опыта хватало, чтобы узнать безумного шекспировского короля с первого же взгляда. Смайли одела короля Лира в штаны фермера, но безумие остается безумием, как бы оно ни маскировалось.

Кроме того, автор превратила своего героя в существо, пугающе похожее на Нормана. В день, когда чтения завершились («Ваша лучшая работа до сих пор, — заверила ее Рода, — и одно из лучших чтений, которое я слышала за всю жизнь»), Розе вернулась в свою комнату на Трентон-стрит, достала старое, написанное маслом полотно из шкафа, в котором оно хранилось с ночи... скажем так, исчезновения Нормана. Впервые после той ночи Розе посмотрела на картину.

То, что она увидела, ничуть ее не удивило. На картину снова вернулся день. Вершина холма, поросшая густой летней травой, была такой же, и храм у подножия холма оставался таким же (или *почти* таким же; у Розе возникло впечатление, что странные очертания храма, выводившие здание за рамки обычной перспективы, каким-то образом стали нормальными), женщины по-прежнему не было. Розе подумалось, что Доркас увела безумную женщину в последний раз взглянуть на младенца... после чего Мареновая Роза в одиночестве продолжит свой путь, направляясь туда, куда уходят чудовища вроде нее, когда пробивает час их смерти.

Она отнесла картину на первый этаж, к мусоросжигателю, держа ее за края — так, словно опасалась, что, если не будет очень осторожна, рука провалится сквозь холст в иной мир. Признаться честно, она действительно побаивалась, что подобное может произойти.

У шахты мусоросжигателя она задержалась на минутку, в последний раз остановив взгляд на картине, — картине, которая позвала ее с пыльной полки ломбарда безмолвным требовательным голосом; принадлежавшим, наверное, самой Мареновой Розе. «Так оно и есть», — подумала Розе. Она потянулась рукой к дверке мусоросжигателя и опять замерла: ее внимание привлекли две детали, не замеченные раньше, две точки в густой траве неподалеку от вершины холма. Нахмурившись, она провела пальцем по затвердевшим краскам, пытаясь сообразить, что означают эти точки. Ответ пришел почти сразу. Розовая точка цвета цветка клевера — это ее свитер. Черная точка рядом с ним — куртка Билла, которую он в тот день дал ей для поездки на озеро. Потеря свитера не вызывала сожаления — дешевая синтетическая тряпка, каких полно в каждом магазине, — но вот о куртке она искренне жалела. Не совсем новая, верно, но она служила бы верой и правдой еще много лет. Кроме того, ей нравилось возвращать вещи, которые она брала взаймы.

Даже нормановской кредитной карточкой она воспользовалась только один раз.

Она посмотрела на картину и вздохнула. Нет смысла беречь ее; очень скоро она съедет с комнаты, которую подыскала для нее Анна, и у нее не было желания забирать с собой больше напоминаний о прошлом, чем необходимо. Хватит и того, что застряло в ее сознании, как осколки гранаты, но...

«Помни о древе, Розе», — произнес голос, похожий в этот раз на голос Анны.

Анна, которая пришла к ней на помощь в тот момент, когда Розе нуждалась в помощи больше всего, когда ей не к кому было обратиться, Анна, гибель которой не опечалила ее, как бы

Рози того ни хотела... хотя, узнав о смерти Пэм, милой Пэм, чьи привлекательные голубые глаза всегда ошупывали толпу в поисках «кого-нибудь интересного», она пролила целые реки слез. Но теперь она ощутила щемящую боль жалости, от которой задрожали губы и сморщился нос.

— Прости, Анна, — прошептала она.

«Не надо. — Снова тот же голос, сухой и чуточку высокомерный. — Не ты создала меня, не ты создала Нормана, и не следует взваливать на свои плечи ответственность за кого-то из нас. Ты Рози Макклendon, а не Тифоидная Мэри, и лучшее, что можешь сделать, — это не забывать о том, кто ты, даже когда бушующие вокруг штормы жизненных мелодрам будут затапливать тебя. Однако ты должна помнить...»

— Ничего я не должна, — заявила Рози безапелляционным тоном и свернула картину вдвое, хлопнув края, словно книгу. Планки старой рамки, на которую было натянуто полотно, с треском сломались. Само полотно не столько порвалось, сколько взорвалось, рассыпавшись на пучок узких полосок, похожих на одежду оборванца. Тусклые краски потеряли всякую осмысленность, — Нет, ничего и никому я не должна. *Ничего*, если я не чувствую себя в долгу, а я не чувствую...

«Те, кто забывает о прошлом...»

— Плевать на прошлое! — воскликнула Рози.

«Я плачу», — ответил голос. Он шептал; он внушал. Он предупреждал.

— Я тебя не слышу, — разозлилась Рози. Она открыла дверцу мусоросжигателя, и на нее пахло жаром и сажей. — Не слышу, и все тут. И не хочу слышать. И не буду.

Она сунула изорванную картину в жерло мусоросжигателя, словно отправляя письмо в ад, а потом привстала на цыпочки и проводила взглядом картину, падающую вниз к языкам хищного пламени.

ЭПИЛОГ

ЖЕНЩИНА-ЛИСА

В октябре Билл снова везет ее в зону отдыха Шорленд. В этот раз они едут на машине Билла; красивый солнечный осенний день, но слишком холодный для поездки на мотоцикле. Они раскладывают еду на столике, вокруг которого полыхают осенними яркими красками деревья, и первым делом он задает тот вопрос, которого она ждет уже в течение некоторого времени.

— Да, — отвечает она. — Как только получу свидетельство о разводе.

Он обнимает ее, целует, а когда она крепче прижимается к нему и закрывает глаза, глубоко в голове звучит голос Мареновой Розы: «Теперь все счета оплачены... и если ты не забудешь о древе, все будет в порядке». Но *каком* древе? Древе Жизни? Древе Смерти? Древе Познания? Древе Добра и Зла?

Рози вздрагивает и еще плотнее прижимается к своему будущему мужу, а он кладет ладонь на ее левую грудь и восторженно слушает, как стучит под ней ее сердце.

Какое древо?

Гражданская церемония бракосочетания проходит примерно посередине между Днем Благодарения и Рождеством, через десять дней после того, как вступает в силу свидетельство о разводе между Розой и ее исчезнувшим мужем Норманом Дэниэлсом. В первую ночь в качестве Розы Штайнер она пробуждается от криков мужа.

— Я не могу смотреть на нее! — кричит он во сне. — Ей все равно, кого она убивает! Ей наплевать, кого она убивает! Пожалуйста, сделайте так, чтобы он перестал КРИЧАТЬ! — Потом его голос становится тише. — Что у вас во рту? Что это за нити?

Они в нью-йоркском отеле, где остановились по пути в Сент-Томас, намереваясь провести там две недели медового месяца, и хотя маленький голубой сверток остался дома, на дне сумочки, которую она когда-то привезла из Египта, крохотную керамическую бутылочку Роза захватила с собой. Какой-то инстинкт — возможно, женская интуиция, думает она, хотя подойдет и любое другое название — заставляет ее взять бутылочку. Она уже дважды пользовалась ее содержимым после подобных ночных кошмаров, и следующим утром, пока Билл бреется, переворачивает бутылочку и вытряхивает в чашку кофе последнюю каплю.

«Должно хватить, — думает она, выбрасывая бутылочку в унитаз и сливая воду. — И даже если не хватит, все равно ничего не поделаешь».

Медовый месяц просто великолепен — много солнца, много хорошего секса и никаких плохих снов ни у него, ни у нее.

В январе, когда ветер приносит с равнин и озера вьюги, и снег засыпает город, домашний набор средств для раннего определения беременности подтверждает то, что Розы Штайнер уже знает. У нее будет ребенок. Более того, она знает даже то, о чем не может сообщить диагностический набор: это будет девочка. Кэролайн.

«Все счета оплачены», — говорит она голосом, ей не принадлежащим, стоя у окна новой квартиры и глядя на сугробы. Вьюга напоминает ей туман, окутавший Брайант-парк той ночью, когда они вернулись домой и встретились с поджидавшим их Норманом.

«Да, да, да, — думает она раздраженно, уставшая от воспоминаний и мыслей; они возвращаются, как *засевшая* в голове назойливая мелодия, — Равновесие сохранится, если только я не забуду о древе, верно?»

«Нет, — отвечает безумная женщина с такой смертельной отчетливостью, что Розы резко отворачивается от окна, уверенная, что Мареновая Роза стоит за ее спиной; сердце совершает немислимый скачок из груди чуть ли не до самой макушки. Но хотя голос продолжает звучать с прежней ясностью, комната пуста. — Нет... если только ты сумеешь обуздать свой гнев. Пока ты держишь себя в руках, все в порядке. Но...»

— Убирайся вон, — приказывает она пустой комнате, и ее хриплый голос дрожит. — Убирайся ко всем чертям, сука, и оставь меня в покое. Убирайся прочь из моей жизни.

Новорожденная девочка весит восемь фунтов девять унций. И хотя втайне Розы зовет и будет звать ее Кэролайн, в свидетельство о рождении вносится имя Памела Гертруда. Сначала Розы возражает, утверждая, что, учитывая их фамилию, имя превращается в литературный каламбур. Она предлагает — не особенно, впрочем, настаивая — назвать дочь Памела Анна.

— Только не это, — стонет Билл. — Похоже на название фруктового десерта в захудалом калифорнийском ресторане.

— Но...

— И не переживай из-за Памелы Гертруды. Во-первых, даже самым близким друзьям она не признается, что ее второе имя Герт. В этом можешь не сомневаться. Во-вторых, писатель, которого ты имеешь в виду, сказал, что роза — это роза. Не могу найти более подходящей причины для выбора имени. И они останавливаются на Памеле Гертруде.

Незадолго то того, как Пэм исполняется два года, ее родители решают приобрести дом в пригороде. Их финансовое положение вполне устойчиво для такой покупки: оба достигли успеха в своей работе. Они просматривают пачку рекламных проспектов, после тщательного изучения их количество сокращается до дюжины, затем до шести, четырех, двух. Именно здесь начинаются неприятности. Розе нравится один дом, Биллу больше по душе второй. По мере того, как поляризуются их мнения, обсуждение переходит в спор, а спор перерастает в ссору — неприятное, но едва ли редкое явление; даже самые прекрасные и гармоничные браки не застрахованы от случайных скандалов.

Итак, супруги соревнуются в умении обидеть партнера. В конце состязания Роза удаляется на кухню и принимается за приготовление ужина — сует цыпленка в микроволновую печь и ставит на огонь кастрюлю с водой, намереваясь отварить кукурузу, несколько початков которой купила в овощной лавке по дороге домой. Спустя некоторое время, когда она скребет картошку за столом у печки, на кухню приходит Билл из гостиной, где пытался рассматривать фотографии домов, ставших причиной непривычной размолвки... по на самом деле только и думал о случившейся ссоре.

Она не поворачивается, как обычно, при звуке шагов мужа, не реагирует и тогда, когда он наклоняется и целует ее в шею.

— Извини, что кричал на тебя из-за этого дома, — говорит он тихо. — Я по-прежнему считаю, что дом в Виндзоре подходит нам гораздо лучше, но мне искренне жаль, что я повысил голос.

Он ждет ее ответа, но, не получив его, поворачивается и обиженно уходит, полагая, по-видимому, что она все еще сердится. Но он ошибается, ибо «сердится» — совсем не то слово, которым можно описать ее состояние. Она пребывает в черной ярости, почти убийственной ярости, и ее молчание означает совсем не детское «Я с тобой больше не дружу», а скорее отчаянные усилия (*помнить о древе*) удержаться от того, чтобы схватить с печки кастрюлю с кипящей водой, повернуться к нему и плеснуть кипятком в лицо. Возникшая в сознании яркая картина одновременно вызывает отвращение и доставляет садистское удовольствие: Билл с истошным воплем пятится от нее, и кожа его приобретает оттенок, который до сих пор она часто видит в снах. Билл сдирает ногтями вздувшуюся волдырями кожу на щеках, от которых идет густой пар.

Ее рука даже делает невольное движение к ручке кастрюли, и позже в тот день, вернее ночью после того дня, она лежит без сна в постели и прислушивается к двум словам, снова и снова повторяющимся у нее в уме:

«Я плачу».

В последующие дни она то и дело смотрит на свои руки или вглядывается в отражение собственного лица в зеркале... но большей частью смотрит на руки, потому что начинается все именно с них.

А собственно, что начинается? Она не может дать точный ответ... но понимает, что узнает (*древо*), когда увидит.

Попав однажды совершенно случайно в тренировочный зал под названием «Элмос Бэттинг Кейджес», Роза становится едва ли не самым постоянным его посетителем. Большую часть клиентуры составляют мужчины среднего возраста, старающиеся сохранить спортивную форму, или студенты, желающие за пять долларов почувствовать себя кем-то вроде великого Кена Гриффи-младшего или Большого Херта. Время от времени подружки студентов берутся за биты, но чаще они составляют лишь деталь общей декорации и держатся за проволочным ограждением тренировочных кабин или у более дорогих тренировочных туннелей «высшей лиги».

Здесь мало женщин, которым перевалило за тридцать, отработывающих удар по низко летящему мячу или пытающихся запустить свечу. Мало? Их, собственно, и вовсе нет, кроме этой брюнетки с короткой стрижкой и бледным сосредоточенным лицом. Поэтому молодые парни переглядываются, усмеваются, толкают друг друга локтями, разворачивают кепки козырьком назад, демонстрируя тем самым свое отношение, а она совершенно не обращает на них внимания, игнорирует и их смех, и взгляды, липнувшие к телу, которое после рождения дочери снова слегка располнело. Слегка? Для киски ее возраста (говорят они) у нее потрясная фигура!

А через некоторое время шуточки прекращаются. Прекращаются, потому что леди в футболке-безрукавке и свободных серых брюках после первоначальных неуклюжих ударов и промахов (несколько раз она даже не успевает увернуться от твердого резинового мяча, вылетающего из подающего автомата) начинает попадать, а чуть позже попадать великолепно.

— Высший класс, — комментирует один из них после того, как Роза (она тяжело дышит, ее щеки покраснелись, а волосы облепили голову влажным шлемом) посылает один за другим три мяча по линии на всю длину туннеля.

Каждый раз, ударяя по мячу, она издает высокий пронзительный крик, словно Моника Селеш при подаче навыйлет. Она замахивается битой с таким остервенением, будто мячи чем-то ее обидели.

— Интересно, кто первый выдохнется — она или машина, — язвительно замечает другой, когда автомат в центре туннеля выплевывает мяч, летящий со скоростью восьмидесяти миль в час.

Роза издает традиционный крик, склоняет голову набок едва не до самого плеча и напрягает ноги. Мяч улетает в противоположную сторону почти с такой же скоростью. Он ударяется о сетку в двухстах футах дальше по туннелю, все еще находясь на подъеме, и сетка гулко вздрагивает. Мяч, отскочив, присоединяется к тем, которые она уже отбила.

— Подумаешь, нашлась профессионалка, — кривится третий. — Не так уж и сильно. — Он достает сигарету, сует ее в рот и чиркает спичкой о коробку. — Ей еще по...

В этот раз Роза кричит *по-настоящему*, как завидевшая добычу голодная хищная птица, и мяч мчится по туннелю прямой белой линией. Он ударяется о сетку в тупике туннеля... и пробивает ее. После него остается отверстие, похожее на дыру от сделанного с близкого расстояния выстрела из дробовика.

Сигаретный мальчик стоит, словно окаменевший, и догоревшая спичка обжигает кончики его пальцев.

— Так что ты хотел сказать? — тихо спрашивает его товарищ.

Примерно через месяц, вскоре после того, как сезон тренировок в «Бэттинг Кейджес» завершился, Рода неожиданно прерывает Розу, читающую новую книгу Глории Нейлор, и предлагает ей отдохнуть до следующего утра. Роза протестует, утверждая, что еще рано. Рода соглашается, но говорит, что голос Розы потерял свою выразительность; лучше дать ему отдохнуть до завтра, говорит она.

— Да, но я собиралась закончить книгу сегодня, — не унимается Роза. — Осталось всего двадцать страниц. Ро, я хочу *дочитать* эту проклятую книжку.

Тоном, не терпящим пререкательств, Рода заявляет:

— Все, что ты читаешь сейчас, придется переделывать заново. Не знаю, до какого часа не давала тебе уснуть Памеласита прошлой ночью, но на сегодня работа закончена.

Рози поднимается из-за стола и выходит из кабинки, с такой силой рванув дверь, что та едва не слетает с петель. Затем приближается к пульту управления, хватая испуганную Роду Саймонс за воротник ее ненавистой блузы «Норма Камали» и ударяет режиссера лицом о контрольную панель. Тумблер пробивает ее аристократический нос, как острие шампура, пронизывающего кусочек мяса для шашлыка. Кровь заливает все вокруг; брызги крови попадают на стеклянную звуконепроницаемую стену, спускаясь по ней отвратительными мареновыми потеками.

— Розы, нет! — кричит Курт Гамильтон. — Господи, что ты делаешь?

Рози впивается острыми ногтями во вздрагивающую шею Роды Саймонс и вырывает ей горло; она подставляет лицо под струю горячей крови, желая искупаться в ней, желая совершить обряд крещения, знаменующий начало новой жизни, против которой она так долго и так глупо сражалась. И отвечать на вопрос Курта не обязательно; она прекрасно понимает, что делает, она *платит*, вот что она делает, она *расплачивается*, и пусть Бог поможет тем, кто занесен в графу долгов ее бухгалтерской книги. Да поможет Бог...

— Рози? — окликает ее через микрофон Рода, вырывая из омерзительного и вместе с тем невероятно притягательного видения, — Ты в порядке?

«Сдерживай свой гнев, маленькая Рози».

«Сдерживай свой гнев и помни о древе».

Она опускает взгляд и видит, что карандаш, который она держит в руках, разломан на две части. Рози несколько секунд непонимающе смотрит на обломки, глубоко дыша, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце. Почувствовав, что к ней вернулась способность говорить, она отвечает:

— Да, все нормально. Наверное, ты права, малышка не дала мне выспаться, и я здорово устала. Отложим все на завтра.

— Вот и умная девочка, — облегченно вздыхает Рода.

И женщина за стеклянной стеной — женщина, снимающая наушники руками, дрожь в которых почти незаметна, — думает: «Нет. Не умная девочка. Злая, злая девочка».

«Я плачу, — шепчет голос в ее сознании. — Рано или поздно, маленькая Рози, но я обязательно расплачиваюсь. Я плачу, хочешь ты того или нет».

Она опасается, что предстоящую ночь проведет без сна, но сон, короткий и тревожный, приходит вскоре после полуночи. Во сне она видит дерево, *древо*, а проснувшись, думает; «Неудивительно, что я до сих пор не могла понять. Неудивительно. Я все время думала не о том».

Она лежит на спине рядом с Биллом, глядя в темный потолок и размышляя о только что увиденном сне. В нем она слышала сварливо-раздраженные крики чаек над озером и голос Билла, «С ними ничего не случится, если они будут вести себя нормально, — сказал Билл. — Если они будут вести себя нормально и не забудут о древе».

Она знает, что должна сделать.

На следующий день она звонит Роде и сообщает, что не появится в студии. Она ссылается на простуду. Затем садится в машину и едет в Шорленд, в этот раз одна. Рядом с ней на сидение лежит старая сумочка, та, которую Роза привезла из Египта. В это время Шорленд пуст, и зона для пикников в ее полном распоряжении. Она снимает туфли, ставит их под стол и бредет по мелководью на север, как в тот день, когда Билл впервые привез ее сюда. Роза боится, что не сможет отыскать заросшую травой тропинку, уходящую вверх от берега, но опасения ее напрасны. Шагая по тропинке, подминая траву босыми ногами, она пытается сообразить, сколько раз в снах, которые не сохранились в памяти, бывала здесь с той поры, как ее начало охватывать приступы ярости. Разумеется, это ей неизвестно, да и неважно, если на то пошло.

Тропинка приводит ее на неровную поляну, в центре которой лежит свалившееся дерево — то, которое она, наконец, вспомнила. Оба путешествия в мир картины она помнит ясно и отчетливо, и теперь без малейшего удивления видит, что это дерево и то, которое перегородило ей путь к помгранатовому дереву, совершенно одинаковы.

Она видит лисью нору под переплетением его корней, но она пуста и производит впечатление заброшенной. Тем не менее Роза подходит к норе и опускается на колени — чувствуя, как они дрожат. Она открывает сумочку и высыпает остатки своей старой жизни на покрытую сухими листьями землю. Среди смятых счетов из прачечной и древних квитанций под листком со списком покупок и словами СВИНЫЕ ОТБИВНЫЕ! в верхней части — подчеркнутыми и написанными крупными буквами, с восклицательным знаком (свинные отбивные всегда были любимым блюдом Нормана) — она находит маленький свернутый лоскут голубой ткани в красновато-пурпурных пятнах.

Дрожа и плача — отчасти из-за того, что реликвии прошлой несчастной жизни пробудили в ней печаль, отчасти потому, что новая жизнь оказалась под угрозой, — она выкапывает небольшую ямку в земле у основания упавшего дерева. Углубившись примерно на восемь дюймов, кладет сверточек на землю и разворачивает его. Зернышко все еще там, внутри золотого ободка кольца ее первого мужа.

Она опускает зернышко в ямку (оно сохранило свою колдовскую силу: как только Роза дотрагивается до него, пальцы мгновенно немеют), а потом кладет кольцо так, чтобы зернышко находилось внутри.

— Пожалуйста, — говорит она, не осознавая, молится ли, а если молится, то к кому обращены ее мольбы. Как бы там ни было, Роза слышит своего рода ответ, короткий резкий лай. В нем не чувствуется ни жалости, ни сострадания, ни понимания. Лишь нетерпение. «Не надо играть со мной», — предупреждает лай.

Роза поднимает голову и видит на дальнем краю поляны лисицу. Та стоит не шевелясь и смотрит на нее. Кисточка ее хвоста поднята кверху и светится огненным факелом на фоне пасмурного серого неба.

— Пожалуйста, — повторяет она хриплым слабым голосом. — Пожалуйста, не дай мне превратиться в то, чего я так боюсь. Пожалуйста... прошу тебя, помоги мне сдержать гнев и помнить о древе. Пожалуйста.

Но в ответ не слышит ничего, что можно было бы истолковать как ответ. Даже нетерпеливого лая. Лисица продолжает Стоять неподвижно, высунув язык и тяжело дыша. Роза кажется, что лиса усмехается.

Она опускает голову, в последний раз смотрит на зернышко в кольце и засыпает его влажной пахучей землей.

«Одно за мою госпожу, — думает она, — одно за мою хозяйку, и одно за маленькую девочку, живущую дальше по улице. Одно за Розы».

Она пятится к краю поляны, к тропинке, которая приведет ее назад к берегу озера. Когда она достигает начала тропинки, лисица быстро подбегает к упавшему дереву, обнюхивает место, где Розы посадила зернышко, и вкладывается рядом с ним. Она все еще тяжело дышит и все еще усмехается (теперь Розы уверена, что животное улыбается), она смотрит на Розы своими черными глазами. «Лисят уже нет, — говорит ее взгляд, — и лиса, чье семя дало им жизнь, тоже нет. Но я, Розы... я прячусь. И если возникает необходимость, я плачу».

Розы ищет в глазах зверя безумие или здравомыслие... и находит и то, и другое.

Затем лисица обворачивается пушистым хвостом, кладет красивую морду на передние лапы и закрывает глаза. Кажется, что она спит.

— Пожалуйста, — шепчет Розы в последний раз и уходит. Когда машина едет по двадцать седьмому шоссе, неся ее, как она надеется, назад, к нормальной жизни, Розы выбрасывает последний кусок прежней жизни — сумочку, которую привезла из Египта, — через открытое окно автомобиля.

Приступы ярости прекратились.

Девочке Памеле еще далеко до взрослой, однако она достигла возраста, когда появляются первые друзья, у нее начинают намечаться груди, мать разъясняет ей, что месячные — это естественное для каждой женщины явление. Она выросла настолько, что начинает спорить с матерью из-за того, как одеваться, в какое время возвращаться домой, с кем и как долго встречаться. Ураганный сезон созревания Памелы еще не набрал силы, но Роза чувствует его приближение, однако воспринимает все спокойно, ибо приступы ярости прекратились.

Волосы Билла редеют, в них поблескивает седина. Волосы Розы сохраняют свой цвет. Она носит простую, непритязательную прическу, позволяя волосам свободно ниспадать на плечи. Иногда она завязывает их в хвост, но никогда не заплетает в косу.

Миновали годы с того дня, когда Билл вез ее по двадцать седьмому шоссе на пикник в Шорленд; похоже, он забыл о любимом месте на озере после того, как продал «харлей-дэвидсон» — по словам Билла, его «реакция уже не та, что раньше; когда удовольствие сопряжено с риском, приходит время расставаться со старыми привычками». Роза не возражает, но ей кажется, что вместе с мотоциклом Билл продал и целый ворох приятных воспоминаний, о них она искренне сожалеет. Словно часть ее молодости осталась упакованной в багажнике «харлея», а Билл забыл проверить багажник, и все досталось покупателю, милому молодому человеку из Эванстона.

Они больше не ездят в Шорленд, однако каждый год, обязательно весной, Роза отправляется туда сама. На ее глазах новое дерево превращалось из тоненького побега в молодое растение, а затем в крепкое деревце со стройным стволом и раскидистой кроной. Она наблюдает за тем, как оно растет на поляне, где больше не резвятся лисята. Роза молча сидит перед деревом, иногда по несколько часов кряду, сложив руки на коленях. Она приезжает сюда не для поклонения или молитв, однако эти посещения, ставшие уже ритуалом, преисполняют чувством выполненного долга, после них Роза ощущает некое обновление. Как будто они удерживают ее от того, чтобы причинять боль близким и друзьям — Биллу, Пэмми, Роде, Курту (о Робе Леффертсе можно уже не беспокоиться; в тот год, когда Пэмми исполнилось пять, он тихо умер от сердечного приступа). И если это так, значит, все правильно, она не тратит время попусту, приезжая сюда.

Но каким же совершенным в своей красоте растет дерево! Его молодые ветви покрыты густыми, здоровыми, глянцевыми листьями темно-зеленого цвета, а за последние два года она замечала неожиданные всплески красок в гуще листвы — это цветки, которые позже превратятся в плоды. Роза не сомневалась, что, если кто-то наткнется на поляну и рискнет отведать плодов этого дерева, результатом станет смерть, и смерть отвратительная. Временами это беспокоит ее, но пока нет никаких признаков того, что кому-то удалось обнаружить поляну, и потому тревоги Роза не слишком сильны. До сих пор она не видела следов пребывания здесь других людей — ни единой пустой банки из-под пива или обертки от жевательной резинки, ни одного окурка. Ей же достаточно того, что она приезжает сюда каждую весну, садится перед деревом, сложив на коленях гладкие, не покрытые пятнами смертельной болезни руки, и смотрит на древо своей ярости, на резкие мареновые всплески цветков, которые позже превратятся в несущие смерть плоды с одуряющим притягательным запахом.

Иногда, сидя перед молодым деревом, она напевает.

— На самом деле я — Роза, я — Роза Настоящая... советую поверить мне... со мною шутки плохи...

Разумеется, не такая она и значительная личность, говоря откровенно, разве что для близких к ней людей, но, поскольку по-настоящему ее волнуют только они, ничего в этом плохого нет. Все счета оплачены, как говорила женщина в мареновом *дзате*. Она достигла безопасной гавани, и этими весенними утрами, сидя, подогнув под себя ноги, перед деревом на тихой, поросшей травой поляне, изменившей ее жизнь (между прочим, открывающийся отсюда пейзаж очень напоминает нарисованную маслом картину — из разряда тех, что пылятся на дальних полках антикварных магазинов и ломбардов), она подчас ощущает такой прилив благодарности, что начинает болеть сердце. Рвущиеся наружу чувства заставляют Розу петь. Должна петь. У нее нет другого выбора.

И время от времени на краю поляны вырастает лисица — старая, оставившая далеко позади славные годы красоты и резвости, с ярко-рыжим хвостом, в котором теперь мелькает проседь, — и замирает, прислушиваясь к пению Розы. Взгляд ее черных немигающих глаз мало что выражает, однако Роза безошибочно угадывает в них отблеск ума — глубокого и мудрого.

10 июня 1993 — 17 ноября 1994

notes

Очертания штата Техас напоминают сковороду с ручкой

Да здравствует бык! (*исп.*)

Великий бык. (*исп.*)

Мизери — дама из тупейшего романтического сериала, написанного героем романа Стивена Кинга «Мизери». В этом слое реальности, очевидно, сериал существует на самом деле

Номер один (исп.)